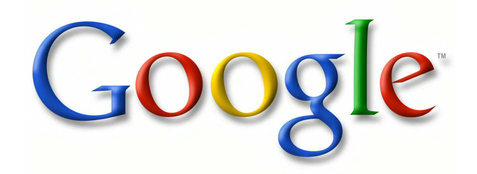
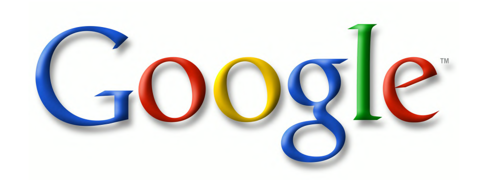

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

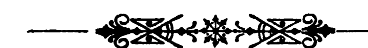
ІЮНЬ. 1902.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

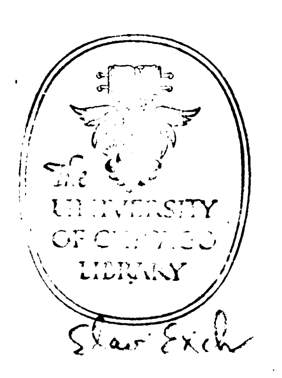
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

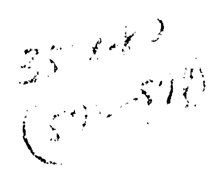
№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го іюня 1902 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотъ).

1

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

СИРЭНЪ.

(Посвящается *Антону Павловичу Чехову*).

Въ одиннадцать часовъ вечера въ квартирѣ судебнаго слѣдователя Робустова всѣ домашніе уже спали. Самъ онъ, съ папироской въ зубахъ, сидѣлъ въ кабинетѣ и, нагнувшись надъ письменнымъ столомъ, заканчивалъ длинное постановленіе. Потихоньку чикали часы и слышно было, какъ въ сосѣдней комнатѣ храпѣла нянька. Дописавъ одинъ полулистъ, Робустовъ оставилъ его сохнуть, а самъ всталъ и такъ потянулся, что въ спинѣ у него что-то хрустнуло.

— Накурилъ я сильно, а это вредно,—подумалъ онъ, подошелъ къ окну и отворилъ его. Повѣяло ночною осеннею свѣжестью и недавно шедшимъ дождемъ. На голубоватомъ, матовомъ, точно обтянутомъ мокрой кисеей, небѣ не мерцали звѣзды и бѣлѣло только одно свѣтлое мѣсто тамъ, гдѣ спряталась луна. Маленькій безуѣздный городокъ притихъ. Залаяли гдѣ-то собаки и лаяли долго ожесточенно, съ подвизгиваньемъ. Потомъ съ лѣвой стороны улицы послышались отчетливые солдатскіе шаги и у самыхъ воротъ вдругъ смолкли.

Робустовъ легъ бокомъ на подоконникъ, посмотрѣлъ на улицу и, увидавъ человѣческую фигуру, спросилъ:

— А кто тамъ?

— Телеграмма слѣдователю.

— Хорошо. Сейчасъ, зайдите съ параднаго.—Господи Боже мой,—мало того, что за одну недѣлю поступило восемнадцать дѣлъ, еще и ночью не даютъ жить. Вѣроятно, отъ исправника о задержаніи Сазонова...—думалъ онъ, спускаясь по темнымъ ступенькамъ къ двери. Взявъ телеграмму, онъ расписался въ полученіи ея, отдалъ расписку и снова вернулся въ кабинетъ. Телеграмма была не отъ исправника, а изъ Петербурга отъ дяди и въ ней было напечатано: „Вчера состоялся приказъ о назначеніи твоемъ, какъ хотѣлъ, товари

щемъ прокурора. Поздравляю, Лавровскій". Робустовъ прочелъ еще разъ, улыбнулся и откинулся на спинку кресла.

Потомъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, ступая на цыпочкахъ, притворилъ дверь въ спальную. Жена его Марія Николаевна спала, свернувшись калачикомъ на кровати, укрытая до самаго подбородка плюшевымъ одѣяломъ, и мѣрно дышала. Въ другой маленькой кроваткѣ сопѣлъ трехлѣтній ихъ сынъ Володя. На умывальникѣ мигалъ, въ зеленомъ стаканчикѣ, огонекъ лампадки. Было очень тепло. Робустовъ подошелъ къ женѣ, положилъ ей руку на плечо и тихо окликнулъ:

— Маруся, а Маруся...

— Что? Папиросы тамъ въ верхнемъ ящикѣ.

— Да, я не о папиросахъ. Мы назначены въ губернскій городъ на Кавказъ... Товарищемъ прокурора.—Марія Николаевна открыла глаза, поднялась и сѣла. Одѣяло спало у нея съ плеча.

— Ну что же поѣдемъ,—сказала она и сонно улыбнулась.

— Ты рада?

— Да, конечно. Только переѣздъ, хлопоты, потомъ наемъ квартиры...

— Ну, это пустяки.

— Тебѣ все пустяки. Ты знаешь, у меня все время нылъ зубъ и меня знобитъ.

Она снова укуталась въ одѣяло и легла.

— Что ты! Здѣсь чуть-ли не двадцать градусовъ. Это значитъ у тебя лихорадочное состояніе, нужно опять принять антифебрину.

— Да, а вотъ, говорятъ, на Кавказѣ такія лихорадки, что и умереть можно.

— Ну, спи.

Робустовъ поцѣловалъ жену сначала въ губы, потомъ въ лобъ и вышелъ. Постановленіе онъ уже дописать не могъ, а легъ на тахту и долго думалъ. Будущее представлялось интереснымъ и счастливымъ. Во-первыхъ, ему еще нѣтъ и тридцати лѣтъ, а онъ уже назначенъ товарищемъ прокурора, значитъ, служба идетъ и будетъ идти хорошо, а не такъ, какъ у большинства товарищей, которые еще сидятъ кандидатами. Во-вторыхъ, они выѣдутъ изъ этого ужаснаго мѣстечка, въ которомъ невозможно даже собрать четырехъ партнеровъ въ винтъ, и гдѣ мѣстное почтовое отдѣленіе безъ всякаго затрудненія доставляетъ иногородныя письма съ адресомъ: „Фотію Фотіевичу".

Въ городѣ же они абонируются въ библіотекѣ, станутъ посѣщать театръ, и ихъ жизнь хоть чѣмъ-нибудь будетъ от-

личаться отъ жизни семьи становаго пристава, выслужившагося изъ фельдфебелей.

Природа на Кавказѣ величественная и типы интересные. Наконецъ, жизнь въ губернскомъ городѣ заставитъ Марусю хоть немного больше слѣдить за туалетомъ, подыметъ ея интересы, которые теперь всѣ сосредоточиваются на дѣтской, на ѣдѣ и на разговорахъ о томъ, повѣнчанъ или не повѣнчанъ докторъ съ той женщиной, съ которой пріѣхалъ.

— Удивительно, какъ быстро наши барышни опускаются послѣ замужества,—думалъ Робустовъ.—Всего шесть лѣтъ назадъ Маруся была изящнѣйшимъ созданіемъ. Была вдумчивой, отзывчивой на всѣ бѣды окружающихъ людей, отлично пѣла и считалась среди своихъ соученицъ по выпуску самой развитой. А теперь... Красота, правда, еще сохранилась, хотя вся фигура и расплылась, но подвижности, интереса къ книгамъ, веселаго смѣха,—всего этого уже нѣтъ. Цѣлуется точно по обязанности. Со дня рожденія Ксенички, которой уже скоро пойдетъ одиннадцатый мѣсяцъ, Маруся, кажется, не надѣвала никакого другого платья, кромѣ блузы. Ничто ее не интересуетъ, и сегодняшней телеграммѣ даже не рада. Выписали для какого-то чорта журналъ и всѣ восемь книжекъ, полученныя до сихъ поръ, лежатъ не разрѣзанными. Самъ я тоже ничего не читаю. Но у меня же нѣтъ ни одной секунды свободнаго времени. То я допрашиваю, то я въ отъѣздѣ, то я такъ устаю, что могу только лежать и курить.

Такая жизнь началась сейчасъ же послѣ университета. Женщины, въ которыхъ онъ влюблялся, театръ, книги, споры,— все это уплыло страшно быстро и неизвѣстно куда.

— Уплыло и Богъ съ нимъ,—мысленно утѣшалъ онъ себя.—Мы съ Марусей честные люди, любимъ другъ друга и намъ нужно только вырваться изъ этой ямы, тогда снова явятся умственные интересы и счастье не будетъ мѣщанскимъ.

Мысли эти тревожили Робустова уже давно и съ каждымъ днемъ все чаще и чаще. Ѣхалъ онъ съ докторомъ въ бричкѣ на вскрытіе, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ или просыпался ночью въ постели,—сейчасъ же начиналъ придумывать способы, при помощи которыхъ можно осуществить мечты. Робустовъ завелъ переписку съ жившимъ въ Петербургѣ важнымъ дядей, который служилъ въ министерствѣ юстиціи, и въ каждомъ письмѣ жаловался, что онъ огрубѣлъ, опошлѣлъ въ этомъ захолустьѣ и ему хотѣлось бы нравственно ожить. Однажды дядя полуоффиціально запросилъ его, желалъ ли бы онъ служить въ губернскомъ городѣ на Кавказѣ. Робустовъ отвѣтилъ утвердительно и сейчасъ же

послалъ докладную записку. Черезъ два мѣсяца пришла, наконецъ, и телеграмма о новомъ назначеніи. А черезъ нѣсколько дней послѣ ея полученія уже пріѣхалъ старшій кандидатъ для принятія участка. Сутуловатый брюнетъ съ окладистой бородой, онъ казался гораздо старше Робустова, смотрѣлъ исподлобья по-обезьяньи и все время насвистывалъ одинъ и тотъ же мотивъ:

— Однако, вы, господинъ новый товарищъ прокурора, изволили сильно запустить участочекъ, кажется, до сорока штукъ придется принять отъ васъ.

— Да, знаете ли, это только за послѣднее время. Трудно, знаете ли, заставить себя работать, когда знаешь, что въ сущности всякіе счеты со всѣмъ этимъ уже покончены.

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ кандидатъ и снова начиналъ насвистывать свой мотивъ, и Робустову дѣлалось совѣстно, что онъ взваливаетъ такое количество работы на человѣка, который старше его годами и, можетъ быть, способнѣе, но у котораго нѣтъ въ Петербургѣ дяди, и поэтому онъ будетъ жить въ этой трущобѣ и работать, работать...

Послѣ сдачи участка рѣшили сначала ѣхать всей семьей въ Екатеринославъ къ роднымъ жены. Тамъ Маруся останется до конца сентября, а Робустовъ поѣдетъ черезъ недѣлю одинъ на мѣсто службы устраиваться, а потомъ уже выпишетъ жену. Екатеринославъ, въ которомъ они не были уже три года, всѣмъ очень понравился, и Робустовъ находилъ, что нѣкоторыя улицы даже напоминаютъ Петербургъ. Выходя отъ портного, у котораго онъ мѣрилъ новый сюртукъ и тужурку, онъ думалъ: „вотъ если бы служить въ этомъ городѣ“... И лица всѣхъ судейскихъ чиновниковъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, казались ему симпатичными и умными. Побывали въ театрѣ. Маруся ходила все время въ платьѣ, а не въ блузѣ, и какъ будто помолодѣла и посвѣжѣла. Робустовъ успѣлъ прочесть нѣсколько книгъ новыхъ авторовъ, которыхъ всѣ знали и считали извѣстными, а ему лишь приходилось встрѣчать ихъ фамиліи въ объявленіяхъ о подпискѣ на журналы.

Уѣзжалъ онъ ночью со скорымъ поѣздомъ, который шелъ прямымъ сообщеніемъ съ западной границы до Тифлиса. Съ женой разставались въ первый разъ въ жизни и крѣпко расцѣловались. Въ спальномъ вагонѣ, освѣщенномъ электричествомъ, было уютно и не тѣсно. Лежа на удобномъ диванѣ, раздѣтый и укрытый одѣяломъ, какъ у себя дома, Робустовъ долго не спалъ и волновался. Настроеніе было бодрое и радостное, и мысли о будущемъ бѣжали какъ въ тотъ вечеръ, когда получилась телеграмма. Думалъ онъ о женѣ, о томъ, что онъ въ сущности радъ, что ѣдетъ безъ нея, и это гадко.

Думалъ о своей предстоящей дѣятельности товарища прокурора.

— У публики составился ложный взглядъ на эту должность. Большинству кажется, что прокуроръ непремѣнно долженъ быть человѣкъ сухой и безсердечный, который вѣчно старается уличить, поймать, съ удовольствіемъ участвуетъ въ обыскахъ, а въ своихъ рѣчахъ всегда упрашиваетъ судей примѣнить высшую мѣру наказанія. Между тѣмъ, это совсѣмъ не такъ. Будучи товарищемъ прокурора, можно сдѣлать очень много добра. Во-первыхъ, если на скамью подсудимыхъ случайно попадетъ человѣкъ невинный,—можно отказаться отъ обвиненія. Можно слѣдить, чтобы въ тюрьмѣ съ арестантами не обращались жестоко. Можно наблюдать, чтобы состоящихъ подъ слѣдствіемъ не томили долго предварительнымъ заключеніемъ... Можно много сдѣлать полезнаго и хорошаго, и онъ непремѣнно такъ будетъ поступать...

Окна вагоновъ посвѣтлѣли и казались синеватыми. Потомъ заигралъ на занавѣскѣ розовый свѣтъ, электричество вдругъ потухло, только проволочки еще нѣкоторое время казались малиновыми, а затѣмъ стали рыжими. Въ половинѣ шестого, когда стало совсѣмъ свѣтло, пріѣхали на какую-то большую станцію. Шипя и тяжело охая, прошелъ мимо оконъ огромный товарный паровозъ; потомъ долго мелькали красные товарные вагоны, а подъ конецъ сѣрыя цистерны съ керосиномъ.

Возлѣ огромной зеленой кадки съ надписью, сдѣланной бѣлой краской, умывались мужики и бабы въ лаптяхъ и тулупахъ: должно быть, переселенцы. Ѣдущей со скорымъ поѣздомъ публики не было. Снова тронулись, и Робустовъ задремалъ. Ему приснилось, что онъ допрашиваетъ Сазонова, который убилъ жену и дѣтей, и тотъ на всѣ вопросы только отвѣчаетъ:

— Эхъ, ваше высокоблагородіе...

Потомъ принесли откуда-то четыре телеграммы и во всѣхъ говорилось о назначеніи товарищемъ прокурора кандидата съ черной бородой, который принималъ участокъ. Прибѣжала Марусина сѣрая кошка, Китька, сѣла и вдругъ замяукала громко и пронзительно, какъ свистокъ паровоза.

Около девяти часовъ Робустовъ снова проснулся и увидѣлъ, что противъ него сидятъ уже совсѣмъ одѣтые два господина и разговариваютъ по-нѣмецки. Одинъ пожилой говорилъ совершенно свободно, повидимому, это былъ его родной языкъ. Другой еще молодой, съ большимъ носомъ и черными усами, произносилъ слова съ восточнымъ акцентомъ.

Робустову стало неловко, что онъ лежитъ въ одномъ

бѣльѣ передъ двумя уже одѣтыми и, должно быть, очень корректными людьми. Онъ наскоро одѣлся, поднялъ воротникъ тужурки и, захвативъ мыло и полотенце, пошелъ умываться.

Уборная была заперта и пришлось ожидать въ корридорчикѣ, въ который выходили двери двухъ дамскихъ купэ. Онъ прочелъ на стѣнкѣ надпись о томъ, когда и какъ слѣдуетъ останавливать поѣздъ при помощи автоматическаго тормоза, потомъ опустилъ глаза и замѣтилъ, что дверь одного изъ купэ не совсѣмъ притворена. Невольно всматриваясь въ эту щель, онъ увидѣлъ сначала обнаженную до плеча руку, а потомъ рѣзко выдѣлявшееся на бѣлой подушкѣ, хорошенькое женское личико, окаймленное черными, сбившимися на одну сторону волосами. Оно поразило его прежде всего тѣмъ, что не было похоже ни на одно изъ женскихъ лицъ, видѣнныхъ имъ раньше. Робустову въ одну секунду стало понятно, что красота всей головки сильна сама по себѣ и не зависитъ ни отъ поворота ея, ни отъ прически, ни отъ освѣщенія. Если бы эта женщина или дѣвушка не лежала въ купэ перваго класса, а сидѣла бы укутанная платками на лавкѣ въ вагонѣ третьяго класса, прелесть ея личика производила бы такое же сильное впечатлѣніе. Такъ красивый голосъ чаруетъ и приковываетъ на мѣстѣ независимо отъ того, гдѣ звучитъ и кому принадлежитъ. И Робустовъ не отходилъ отъ двери, не смотря на то, что изъ уборной уже вышелъ съ полотенцемъ въ рукахъ старый генералъ. Въ купэ заговорили на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ. Одна женщина произнесла длинную фразу, другая коротко отвѣтила:

— Чэ.

Снова длинная, скороговоркой фраза, и опять прозвенѣло отрицательно:

— Чэ, чэ...

Послышался смѣхъ, какъ будто проиграли на неизвѣстномъ, нѣжномъ инструментѣ гамму, и началась эта гамма высокой нотой, а окончилась низкой контральтовой.

Смѣялась та, которая лежала. Ея темные глаза съ длинными рѣсницами смотрѣли лукаво. Другой голосъ что-то строго проговорилъ, и сейчасъ же двинулась и плотно притворилась дверь.

Робустовъ пошелъ умываться и чувствовалъ себя неловко. Неловкость эта была какая-то странная, раньше имъ никогда не испытанная,—точно онъ обратился въ мальчика, которому показали очень простой фокусъ, но разгадать его нѣтъ возможности. Обливъ голову холодной водой и причесываясь передъ зеркаломъ, онъ вспомнилъ, какъ, будучи гимна-

зистомъ пятаго класса, стоя въ церкви, отъ духоты упалъ въ обморокъ и какъ его потомъ обливали водой. И теперь ему казалось, что онъ приходитъ въ себя послѣ легкаго обморока. Будучи студентомъ, онъ часто увлекался женщинами, но со времени женитьбы ни одна изъ нихъ не заинтересовала его настолько, чтобы онъ чувствовалъ неопредолимое желаніе увидѣть ее еще разъ. А сейчасъ это желаніе было, и казалось, что имъ онъ грѣшитъ передъ женой.

Вслушавшись въ разговоръ сидѣвшихъ противъ него двухъ пассажировъ, Робустовъ спросилъ по-нѣмецки того, который казался солиднѣе и старше, сколько времени идетъ поѣздъ отъ Волочиска до Ростова.

— Zwei Tage und einige Stunde, — отвѣтилъ тотъ и привѣтливо наклонилъ голову.

— Почти тридцать часовъ, — поправилъ его по-русски другой.

— Aber ich reise schon vier Tage,—сказалъ нѣмецъ и улыбнулся.

Изъ дальнѣйшаго разговора Робустовъ узналъ, что фамилія нѣмца Пестлеръ, что онъ миссіонеръ и ѣдетъ съ просвѣтительными цѣлями въ глубь мало-азіатскаго полуострова на цѣлый годъ, а дома оставилъ жену и ребенка, безъ которыхъ очень скучаетъ.

Молодой оказался чиновникомъ министерства земледѣлія, по происхожденію дворянинъ, и окончилъ два высшихъ учебныхъ заведенія.

— Скажите, пожалуйста, что значитъ и на какомъ это языкѣ слово *чэ*,—спросилъ Робустовъ чиновника.

— *Чэ*—по-армянски—значитъ нѣтъ, это отрицаніе, а что?

— Такъ, я слышалъ на одной изъ станцій,—и Робустовъ не могъ себѣ объяснить, зачѣмъ онъ солгалъ.

Нѣмецъ вынулъ фотографическій аппаратъ, а потомъ цѣлый рядъ портретовъ, своей жены и принялся ихъ разсматривать. Узнавъ, что Робустовъ также въ первый разъ въ жизни разстался съ женой, онъ сдѣлалъ грустное лицо и выразилъ свое глубокое сочувствіе.

Около полудня подъѣзжали къ Ростову и рѣшили завтракать за однимъ столомъ. Выходя изъ вагона, Робустовъ догналъ въ дверяхъ ту самую дѣвушку, которую видѣлъ утромъ, и сильно покраснѣлъ. Одѣта она была элегантно и просто, безъ яркихъ цвѣтовъ въ костюмѣ. На видъ ей было лѣтъ восемнадцать и шла она подъ руку съ пожилой дамой, вѣроятно, съ матерью. Онъ посторонился и пошелъ вслѣдъ за ними, а въ залѣ забылъ, что обѣщалъ нѣмцу и чиновнику сѣсть вмѣстѣ, и сѣлъ такъ, что хорошенькая армяночка и ея мать очутились противъ. Армяночка ѣла рыбу, потомъ пила

кофе, щурилась, улыбалась и весело болтала съ матерью. Робустовъ спросилъ себѣ бифштексъ, но не успѣлъ его съѣсть, хотя поѣздъ стоялъ около получаса.

Какъ только поѣхали, мать и дочь снова ушли въ купэ. Робустовъ попробовалъ возобновить разговоръ съ нѣмцемъ и съ чиновникомъ, но съ ними ему скоро стало скучно. Онъ легъ на диванъ и незамѣтно заснулъ. Вагонъ мѣрно покачивался, гудѣлъ и убаюкивалъ. Когда Робустовъ открылъ глаза, уже горѣло электричество. Настоящая ночь еще не наступила. Только облака спустились и стали темно-лиловыми, а подъ ними протянулась черезъ весь горизонтъ ярко-оранжевая полоса.

Онъ причесался, застегнулъ на всѣ пуговицы тужурку и сталъ въ корридорчикѣ возлѣ открытаго окна.

Вѣяло степью и тепломъ.

Сбоку прошумѣла юбка, и къ слѣдующему окну подошла армяночка. Пришелъ чиновникъ и заговорилъ съ нею по-армянски, а потомъ съ Робустовымъ—по-русски, и разговоръ сталъ общимъ. Говорили о томъ, какъ менѣе утомительно проѣхать въ Кутаисъ по военно-грузинской или по желѣзной дорогѣ, черезъ станцію „Баладжары". Чиновникъ постоялъ еще нѣсколько минутъ и вернулся въ свое отдѣленіе, а Робустовъ прислонился къ стѣнѣ и продолжалъ разговаривать съ дѣвушкой. Онъ узналъ, что она армянка, выросла и окончила гимназію въ одномъ изъ большихъ городовъ Кавказа. Ея отецъ, нефтепромышленникъ, остался по дѣламъ въ Парижѣ, а онѣ съ матерью возвращаются оттуда домой, потому что устали и соскучились за границей.

— Развѣ на Кавказѣ лучше, чѣмъ во Франціи?—спросилъ Робустовъ.

Она едва замѣтно дернула нижней губкой и, на минуту высунувъ голову въ окно, отвѣтила оттуда:

— Для меня лучше.

— Вы одна дочь у матери?

— Одна. Почему вы такъ думаете?

— Потому что видѣлъ, съ какою заботливостью она относится къ вамъ, это по ея глазамъ видно.

— Да она меня любитъ, у меня славная мама.

— Какъ ваше имя?—спросилъ онъ опять.

— А вамъ зачѣмъ?

— Такъ, интересуюсь, потому что не знаю кавказскихъ... (онъ почему-то постѣснился сказать армянскихъ) именъ.

— Сирэнъ.

— Какъ?

— Си-рэнъ... Настоящее мое имя, впрочемъ, Сиранушъ, а Сирэнъ это уменьшительное, такъ меня зовутъ дома.

Вотъ какъ у русскихъ, напримѣръ, есть имя Екатерина, а зовутъ Катя...

— Теперь понялъ,—сказалъ Робустовъ, досталъ изъ бокового кармана маленькую книжку и записалъ въ ней: „Сирэнъ“.

— Зачѣмъ вы записываете?

— Такъ, на память, это имя очень красиво звучитъ. А какъ ваше отчество и фамилія?

— Да зачѣмъ вамъ! Ну, зовутъ меня Сиранушъ Давидовна Бежаніанцъ.

Сирэнъ опять дернула нижней губкой и, приподнявшись на носкахъ, высунулась въ окно. Теплый, но сильный вѣтеръ заигралъ завитушками ея волосъ на затылкѣ и отъ нихъ запахло какими-то тонкими духами.

„Что, если бы ее сейчасъ поцѣловать въ эти завитушки?“ подумалъ Робустовъ и самъ испугался своей мысли.

— Вы женаты?—вдругъ спросила Сирэнъ.

— Да, женатъ, у меня двое дѣтей.

— А любите вашу жену?

— Очень.

— Это хорошо, русскіе рѣдко любятъ своихъ женъ.

Сирэнъ оперлась руками на раму опущеннаго окна и, должно быть, что-то мысленно напѣвая, стала раскачиваться изъ стороны въ сторону.

„Вотъ талія“,—думалъ Робустовъ,—„и вѣдь безъ корсета. Есть въ ней что-то эластичное, змѣиное и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно - граціозное. Сколько этой Сирэнъ можетъ быть лѣтъ?“—и спросилъ:

— Вы давно окончили гимназію?

— Въ прошломъ году и уже ничего не помню изъ того, что учила.

— Значитъ, вы были плохой ученицей?

— Не знаю, окончила съ серебряной медалью.

— Какъ же такъ?

— Такъ. Если не читать ничего самостоятельно, то гимназія даетъ мало.

— А вы много читаете?

— Нѣтъ. Русскую литературу я знаю плохо. Французскую лучше, немножко итальянскую, хотя тоже слабо. Вообще же мнѣ кажется, что нужно больше думать, чѣмъ читать и учиться.

— А надъ чѣмъ же думать?

— Не знаю,—надъ всѣмъ. Мнѣ кажется, если бы я поступила на какіе-нибудь курсы, я бы отъ скуки съ ума сошла. Вотъ пѣвицей или писательницей мнѣ бы хотѣлось быть, но у меня нѣтъ никакихъ талантовъ.

— Сирэнъ!—позвала ее мать.

Она безшумно отдернулась отъ окна и вошла въ купэ. Тамъ о чемъ-то поговорила и снова вернулась.

— Мамаша говоритъ, что пора спать. Уже двѣнадцать часовъ. Спокойной ночи.

Не подавая руки, она кивнула Робустову головкой и скрылась за дверью. Онъ остался у окна и смотрѣлъ на темную степь, на такое же темное небо и на звѣзды, которыя казались ему необыкновенно крупными, такими, какими онъ ихъ никогда не видалъ въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ прежде.

На слѣдующій день, когда онъ вошелъ въ корридорчикъ, Сирэнъ уже стояла на прежнемъ мѣстѣ у окна. Она была въ другой, блѣдно-голубой кофточкѣ, подпоясанной ремнемъ съ золотою пряжкой, тщательно причесанная, свѣжая и красивая, какъ цвѣтокъ послѣ дождя. Робустовъ поздоровался и сталъ рядомъ. Потомъ пришли нѣмецъ и чиновникъ. Снова завязался общій разговоръ. Робустовъ чувствовалъ, что Сирэнъ говоритъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ съ нимъ, чѣмъ съ двумя другими спутниками, но нарочно отошелъ въ сторону и сдѣлалъ угрюмое лицо.

Начался уже Кавказъ. На станціяхъ вездѣ мелькали мохнатыя шапки, кинжалы, крашеныя бороды и слышался быстрый гортанный говоръ. Разговаривавшіе сильно жестикулировали и казалось, что они бранятся между собою. Пейзажъ тоже измѣнился. Степи уже не было. Поѣздъ шелъ по огромному луговому пространству, справа и слѣва окруженному холмами. Кое-гдѣ паслись стада и виднѣлся дымокъ, подымавшійся столбомъ къ чистому синему, синему небу.

Сирэнъ опять осталась одна, и Робустовъ сталъ рядомъ, совсѣмъ близко, возлѣ нея. Иногда вѣтеръ подхватывалъ тонкія пряди волосъ на ея вискахъ, и они своими концами касались на мгновенье его щеки, и тогда ему не хотѣлось ни о чемъ говорить и думать. Проѣхали такъ двѣ станціи. Робустовъ неожиданно для самого себя вдругъ сказалъ:

— Какъ мнѣ хорошо съ вами.

Сирэнъ сморщила носикъ и спокойно отвѣтила:

— Если вы будете говорить глупости, я уйду.

— Не буду.

— Впрочемъ, мы и безъ того скоро простимся. У насъ билеты только до станціи „Бесланъ“. Тамъ мы будемъ въ полдень. Оттуда поѣдемъ на Владикавказъ, а потомъ по военно-грузинской дорогѣ.

— Это ужасно досадно. Такія женщины, какъ вы, не на каждомъ шагу встрѣчаются.

— Я уйду.

Сирэнъ въ самомъ дѣлѣ повернулась и ушла въ купэ.

„Что она—кокетка или нѣтъ?—думалъ Робустовъ.—Если

кокетка, то очень тонкая и умная, а если нѣтъ, то дѣйствительно такое существо, что... еще два дня съ ней и... можно свихнуться. Это хорошо, что онѣ уходятъ."

Поѣздъ прогремѣлъ по желѣзному мосту черезъ Терекъ. Вода въ рѣкѣ была мутная, съ водоворотами, въ которыхъ крутились вѣточки и сѣно, и бѣжала удивительно быстро. „Точно моя жизнь",—подумалъ Робустовъ.

Миновали станцію „Прохладную" и показались настоящія горы, которыя Робустовъ принялъ сначала за облака: до такой степени были нѣжны тоны и переливы снѣга на вершинахъ. Всѣ онѣ—и Машукъ, и Эльборусъ, и Бештау и другія, названій которыхъ Робустовъ не зналъ, грандіозныя, неподвижныя, чистыя съ яркими голубыми и лиловыми переливами, точно во снѣ, мало-по-малу выступили изъ тумана и рѣзко обозначились на синемъ фонѣ неба. И тянулись онѣ Богъ знаетъ какъ далеко отъ желѣзнодорожнаго полотна, а Робустову казалось, что онъ чувствуетъ холодъ ихъ снѣга.

Онъ не могъ оторваться отъ окна и вдругъ понялъ, въ чемъ сила ихъ красоты. Видишь передъ собою зимній пейзажъ, чувствуешь, какъ провалился бы по колѣни, если бы пошелъ тамъ, по этому ослѣпительно сверкающему снѣгу, любуешься ярко лиловыми, падающими отъ этихъ великановъ, тѣнями... и въ то же время видишь, какъ освѣщаетъ солнце безчисленные стога сѣна, раскинувшіеся по зеленой долинѣ Терека, какъ пасутся стада, тянутся по дорогѣ арбы и скачутъ на коняхъ, стараясь обогнать поѣздъ, казачата, загорѣлые, безъ шапокъ, иной съ растегнутымъ воротомъ сорочки, и чувствуешь вокругъ себя теплый радостный лѣтній день. И глаза, не видавшіе никогда, какъ дружно могутъ жить по сосѣдству зима и лѣто, и нервы, никогда ничего подобнаго одновременно не ощущавшіе,—поражаются и точно затрудняются передать мозгамъ всю силу впечатлѣнія.

„Только среди такой природы и могутъ выростать и развиваться такія созданія, какъ Сирэнъ",—думалъ Робустовъ.

— А знаете,—мама передумала. Она боится ѣхать по военно-грузинской дорогѣ. Значитъ, еще цѣлыя сутки будемъ ѣхать вмѣстѣ,—раздался вдругъ ея голосъ.

— Кисмэтъ—судьба значитъ,—отвѣтилъ Робустовъ, обернулся и глаза его засвѣтились радостью.

— Откуда вы знаете это слово?—спросила Сирэнъ, улыбаясь.

— Такъ вспомнилось: должно быть, читалъ гдѣ-нибудь.

На станціи „Басланъ" поѣздъ стоялъ очень долго. Робустовъ познакомился съ матерью Сирэнъ и по ея просьбѣ взялъ имъ билеты дальше. Послѣ обѣда гуляли по платформѣ вмѣстѣ съ нѣмцемъ и чиновникомъ. Нѣмецъ предложилъ снять

группу, на что всѣ согласились. Потомъ Робустовъ сталъ рядомъ съ Сирэнъ, и нѣмецъ снялъ ихъ отдѣльно. Захотѣлъ сняться съ ней и чиновникъ. Сирэнъ согласилась, но какъ только открылся объективъ, засмѣялась и замотала головой. На станціи Робустовъ купилъ въ книжномъ шкафу два тома разсказовъ Чехова. Когда снова поѣхали, Сирэнъ взяла книги и стала одну изъ нихъ перелистывать.

— Вы никогда не читали Чехова?—спросилъ Робустовъ.

— Никогда.

— Передъ выѣздомъ я прочелъ одинъ его разсказъ, который было уже забылъ, но теперь, увидавъ васъ, вдругъ вспомнилъ. Разсказъ называется „Красавица" и произвелъ на меня сильное впечатлѣніе вѣрностью тѣхъ ощущеній, которыя испытываетъ человѣкъ при видѣ красоты. Главное же, что героиня первой части разсказа—армянка, и теперь я не могу ее себѣ иначе представить, какъ съ вашимъ лицомъ.

Сирэнъ съ любопытствомъ задвигала губами и носикомъ точно звѣрекъ, обнюхивающій воздухъ.

— Это интересно,—сказала она.—Прочтите мнѣ его вслухъ. Пойдемте сядемъ въ нашемъ купэ, а то у меня уже ноги устали.

— Съ удовольствіемъ, только, можетъ быть, ваша мама будетъ имѣть что-нибудь противъ этого.

— Ничего ровно. Знаете, сегодня съ утра она была недовольна тѣмъ, что я съ вами разговариваю, а когда узнала, что вы женаты, какъ будто, успокоилась; правда, это странно?

— Пожалуй.

Они пошли и сѣли рядомъ. Робустовъ читалъ громко и просто. Сирэнъ щурилась и часто улыбалась.

Проходившій мимо купэ нѣмецъ остановился у двери и нѣсколько времени внимательно слушалъ, потомъ, вѣроятно, ничего не понявъ, вздохнулъ и пошелъ дальше.

— Хорошо?—спросилъ Робустовъ, окончивъ разсказъ.

— Хорошо.

— А я думалъ, что вы обидитесь за то, что я васъ сравнилъ съ необразованной и простой дѣвушкой.

Сирэнъ снова улыбнулась, поправила машинально свою прическу и вмѣсто отвѣта спросила:

— Правда-ли, будто русскіе убѣждены въ томъ, что всякая армянка должна быть непремѣнно глупа.

— Не знаю. Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ не я. Хотите прочтемъ еще одинъ разсказъ, который называется очень странно: „Безъ заглавія", только я боюсь, одобритъ ли его ваша мама. Видите-ли, въ немъ говорится о такихъ вещахъ, о которыхъ съ молодыми дѣвушками говорить не принято.

— Ничего, читайте, во-первыхъ, потому что я не только

дѣвушка, но еще и человѣкъ, а во-вторыхъ, потому что мама вообще плохо понимаетъ по-русски, особенно если читать вслухъ.

Робустовъ взялъ другой томъ, разрѣзалъ въ немъ нѣсколько страницъ и сталъ читать. Въ разсказѣ говорилось о томъ, какъ настоятель одного древняго, глухого католическаго монастыря, глубокій старикъ пошелъ въ городъ съ цѣлью учить и спасать людей отъ пороковъ. Тамъ онъ попалъ въ домъ разврата и все видѣнное произвело на него страшное и грустное впечатлѣніе. Возвратившись въ монастырь, онъ со слезами на глазахъ, картинно разсказалъ монахамъ о падшей женщинѣ необыкновенной красоты, которая продавала себя всякому, кто хотѣлъ ее имѣть. Монахи слушали очень внимательно. „Когда онъ на другое утро вышелъ изъ келіи, въ монастырѣ не оставалось ни одного монаха. Всѣ они бѣжали въ городъ", такъ заканчивался разсказъ. Сирэнъ слушала съ широко раскрытыми глазами, личико ея было грустно, а губы сложились въ презрительную улыбку. Она притихла и долго молчала.

— Разсказъ произвелъ на васъ тяжелое впечатлѣніе?— спросилъ Робустовъ.

— Не только это... Первый разсказъ, который вы прочли, написанъ красивѣе, и всетаки второй гораздо лучше его. Одинъ такой разсказъ стоитъ десяти проповѣдей.

„Да, она въ самомъ дѣлѣ умна",—подумалъ Робустовъ.

Дремавшая на другомъ диванѣ мать Сирэнъ сказала ей что-то по армянски: должно быть, ей не нравилось присутствіе посторонняго мужчины.

— Мама жалуется, что ей нездоровится,—перевела Сирэнъ.

— Видите, я говорилъ, что мы стѣснимъ вашу маму.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Нѣтъ, ужъ я пойду къ себѣ.—Робустовъ вышелъ. Сирэнъ посмотрѣла ему вслѣдъ и осталась. Въ мужскомъ купэ нѣмецъ сидѣлъ и писалъ что-то въ тетради, переложенной листочками папиросной бумаги и похожей на копировальную книгу. Чиновникъ лежалъ съ сигарой въ зубахъ и, видимо, скучалъ. Старый генералъ ходилъ взадъ и впередъ и старался подбросить ногою подъ диванъ кусочекъ бумажки, видимо раздражавшій его.

— Что это вы дѣлаете, Herr Pestler, дневникъ пишете?— спросилъ Робустовъ по-нѣмецки.

— Да,—сухо и важно отвѣтилъ онъ и добавилъ,—это одновременно и дневникъ, и письмо женѣ. Подлинникъ остается у меня, а дубликатъ, на папиросной бумагѣ, я отсылаю ей. Папиросная бумага вѣситъ немного, такимъ обра-

зомъ, письмо можетъ быть очень длиннымъ, и не нужно добавлять на него второй марки.

— Prahtvoll, — отвѣтилъ Робустовъ. И вспомнился ему одинъ малороссъ помѣщикъ, замѣчательный своей лѣнью. Когда ему говорили: „ну хорошо, Степанъ Даниловичъ, при своихъ средствахъ вы, конечно, можете лежать цѣлый день, но вѣдь думать вамъ всетаки приходится", онъ обыкновенно отвѣчалъ: „А на чшо мини думать, я за себе нимця найму— шобъ думавъ."

— А вы очень скучаете безъ своей жены?—спросилъ Пестлеръ.

— Очень,—отвѣтилъ Робустовъ, глядя нѣмцу прямо въ глаза.

— А что вы сейчасъ читали вмѣстѣ съ этой Fräulein?

— Одинъ поучительный разсказъ.

— Какого автора?

— Чехова.

— Какъ?

— Чехова.

— Это очень остроумный писатель,—сказалъ чиновникъ.

— Можетъ быть, вы будете такъ добры, переведете этотъ разсказъ господину Пестлеру,—сказалъ Робустовъ, обращаясь къ нему.—Разсказъ невеликъ, а вы владѣете языкомъ лучше меня.

— Съ удовольствіемъ, да я и самъ его не читалъ.—Чиновникъ взялъ книгу и глаза его забѣгали взадъ и впередъ по строчкамъ. Окончивъ чатать, онъ сдѣлалъ недоумѣвающую физіономію и сказалъ:

— Нѣчто весьма туманное.

„Ну, братъ, тебѣ зажженную спичку поднести къ глазамъ, такъ и та покажется туманной", — подумалъ Робустовъ.

Чиновникъ пододвинулся къ нѣмцу и медленно сталъ переводить. Тотъ наморщилъ лобъ и внимательно слушалъ, а когда чтеніе кончилось, покраснѣлъ и сказалъ:

— Такіе разсказы писать и даже читать большой грѣхъ. Этотъ авторъ напоминаетъ мнѣ француза Мопассана.

Чиновникъ весело захихикалъ.

— Да, это ужасный разсказъ,— снова проговорилъ нѣмецъ.— И Freulein не обидѣлась, когда вы его 'прочли?

— Нѣтъ; напротивъ, онъ произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе.

— Schrecklich.

— Ну что же, значитъ мы съ вами въ литературныхъ вкусахъ не сходимся, а вотъ кстати у меня къ вамъ есть просьба. Я вамъ дамъ свой адресъ и оставлю денегъ, а

когда вы отпечатаете тотъ снимокъ, который сдѣлали съ меня и съ этой Freulein, то, будете любезны, вышлите мнѣ его.

— Хорошо, хорошо, очень хорошо,—скороговоркой отвѣтилъ Пестлеръ, потомъ всталъ и пошелъ въ сосѣднее пустое купэ, гдѣ лежали его фотографическія принадлежности. Минуты черезъ двѣ онъ вернулся. Видъ у него былъ торжествующій.

— Ахъ, какое несчастье, какое несчастье...—сказалъ онъ.

— Что такое?—спросилъ Робустовъ.

— Вообразите, когда я снималъ, я забылъ перемѣнить пластинку, и, такимъ образомъ, оба снимка вышли на одной пластинкѣ и окончательно испорчены.

Нѣмецъ и чиновникъ, точно сговорившись, вдругъ начали хохотать. Смѣялись они долго и весело, точно мальчики въ циркѣ.

„Неужели они завидуютъ тому, что Сирэнъ предпочитаетъ говорить со мною",—подумалъ Робустовъ, постарался улыбнуться и вышелъ въ корридорчикъ.

Сирэнъ стояла у окна на прежнемъ мѣстѣ. Онъ подошелъ къ ней и разсказалъ ей обо всемъ, что дѣлалось и говорилось въ мужскомъ купэ.

— Вотъ бѣдные,—сказала Сирэнъ и улыбнулась.

— Что бѣдные, это Господь съ ними, но меня вотъ что интересуетъ: Сирэнъ училась немного у папы и мамы, немного у людей въ синихъ сюртукахъ, которые ей давали тоже немногое, и понимаетъ... А тѣ—одинъ ѣдетъ просвѣщать темныхъ людей, другой окончилъ двѣ академіи, и оба дико хохочутъ послѣ прочтенія такого разсказа.

Рука Сирэнъ лежала на подоконникѣ, Робустовъ незамѣтно положилъ на нее свою и чувствовалъ, какъ ея ручка нѣжна и горяча. Сирэнъ минуты двѣ не отнимала ее, потомъ потихоньку освободила и едва слышно произнесла:

— Ну, зачѣмъ?..

Солнце подходило къ западу и снѣжныя вершины, уже значительно отдалившіяся отъ желѣзнодорожнаго пути, стали ярко-оранжевыми и еще болѣе красивыми. Незамѣтно скоро совсѣмъ стемнѣло и по небу засвѣтились крупныя зеленоватыя звѣзды. На одномъ изъ разъѣздовъ, недалеко отъ станціи „Дербентъ" ожидали встрѣчнаго пассажирскаго поѣзда и стояли очень долго. Сирэнъ надѣла верхнюю кофточку и попросила у матери позволенія погулять. Ступеньки вагона пришлись высоко надъ платформой и, помогая Сирэнъ сойти, Робустовъ почти снесъ ее на рукахъ. Охвативъ рукой ея гибкую талію, онъ невольно зажмурилъ глаза и ему захотѣлось, чтобы этотъ моментъ продолжался безконечно долго.

На второмъ пути стоялъ длинный товарный поѣздъ, часть его была внутри освѣщена и тамъ виднѣлись силуэты людей. Поѣздъ былъ воинскій съ возвращавшимися послѣ службы домой кубанскими казаками-пластунами.

Въ послѣднемъ вагонѣ они сидѣли цѣлымъ рядомъ, свѣсивъ ноги, и пѣли.

Одинъ голосъ, удивительно высокій и звенящій, какъ стальная струна, началъ:

По-вій ви-тре
На Вкра-и-и-ну...

А хоръ, небольшой и негромкій, тихо вступилъ:

Де по-о-кинувъ я ди-вчину,
Де-е поки-и-нувъ кар-р-ри очи?

И весь его снова покрылъ одинъ звенящій голосъ словами:

По-вій вит-ре и-из-зъ полуночи...

и сразу стихъ, точно уплылъ къ звѣздамъ.

Робустовъ слыхалъ этотъ мотивъ и раньше, но теперь не узналъ его. Нотнаго, искусственнаго, шлифованнаго въ немъ ничего не осталось. Пѣли, точно въ самомъ дѣлѣ обращаясь къ вѣтру, просили его слетать домой и вѣрили, что онъ ихъ слышитъ.

Начали другую,—веселую съ присвистомъ и позвякиваньемъ тулумбаса, но монотонную, безъ остановокъ между куплетами, и вдругъ смолкли.

— А шобъ воны подурилы, дви станціи зосталось, та не якъ не довезуть,— проговорилъ чей-то грубый голосъ, закашлялъ и затѣмъ послышался плевокъ.

— Живи будемъ—дойдемъ,—отвѣтилъ другой.

— Вотъ, если бы они еще разъ спѣли эту первую пѣсню,— сказалъ Робустовъ.

— Я не понимаю по-малороссійски, но мотивъ необыкновенно красивый и грустный,—отозвалась Сирэнъ.

Далеко на пути за краснымъ огнемъ семафора показались три ясныхъ дрожавшихъ точки поѣзда, котораго ждали. Ударили второй звонокъ. Робустовъ снова помогъ Сирэнъ войти въ вагонъ.

— Нужно пойти представиться мамѣ, чтобы она не подумала, что я осталась,—сказала она, ушла и черезъ минуту вернулась.

— Ну что?—спросилъ Робустовъ.

— Ничего, просила только долго не оставаться на площадкѣ.

Три фонаря приближавшагося поѣзда выросли въ огненный треугольникъ, а красный огонь на семафорѣ вдругъ сталъ бѣлымъ. Наконецъ, прохрипѣлъ мимо паровозъ и замелькали освѣщенныя окна. Сквозь гулъ подходившаго поѣзда едва можно было разслышать третій звонокъ и свистки. Вагонъ легонько дернуло, и онъ поплылъ все скорѣе и скорѣе,

— Вотъ,—сказалъ Робустовъ,—встрѣтились мы съ вами. а завтра распрощаемся и, пожалуй, никогда больше не увидимся. Да, такъ вотъ что: хотѣлось бы мнѣ, Сирэнъ, знать, кто изъ насъ считаетъ себя счастливѣе и кто на самомъ дѣлѣ счастливѣе, не въ данный моментъ, а вообще.

— Что это вамъ пришло въ голову. Вы мужчина, вы самостоятельнѣе, слѣдовательно, ваше счастье у васъ въ рукахъ. Я женщина, мнѣ приходится считаться съ массою условностей, отъ которыхъ меня не спасутъ ни мама, ни деньги, никто, и эти условности всегда будутъ мнѣ отравлять лучшія минуты жизни...

— Значитъ, вы думаете, что я счастливѣе?

— Конечно.

— Нѣтъ, Сирэнъ, нѣтъ,—отвѣтилъ Робустовъ и подумалъ: „это хорошо, что она не требуетъ, чтобы я называлъ ее по отчеству.“ Правда, мужчина самостоятельнѣе женщины, но условности давятъ его еще больше, чѣмъ женщину. Вотъ я, напримѣръ, считаюсь честнымъ человѣкомъ, а принужденъ всю жизнь лгать, вѣрнѣе, никогда не быть вполнѣ искреннимъ. Если я въ судебной рѣчи скажу, что защитникъ знаетъ еще лучше меня, какой мошенникъ его кліентъ, но защищаетъ его только изъ-за денегъ,—меня остановятъ, будь это сама святая истина. Если я приду въ гости къ члену суда и солгу ему, что давно не былъ, потому что болѣлъ, — это ничего; если же я скажу, что въ его семьѣ мнѣ невыносимо скучно и ходить туда противно, — меня сочтутъ за невѣжу и, пожалуй, за сумасшедшаго... У меня часто является непреоборимое желаніе, ну хоть въ теченіе одного часа говорить искренно обо всемъ, что думаешь и что чувствуешь... Кажется, если бы это было возможно, то получилось бы такое громадное удовлетвореніе, которое и описать трудно. И каждый разъ я себя сдерживаю и заставляю или молчать, или говорить о самыхъ обыденныхъ вещахъ. Потому что завтра же, когда у меня измѣнится настроеніе, я съ ужасомъ буду думать: вотъ я лучшія мои мысли повѣрялъ существу, которое изъ всей моей исповѣди вынесетъ впечатлѣніе, что я психопатъ и что мнѣ скучно жить. Съ женой я еще могъ бы быть откровеннымъ, съ товарищами же или съ родными—никогда. Но и женѣ многаго нельзя говорить. Вотъ, напримѣръ, я не могу ей

сказать, что, когда помогалъ вамъ сойти на платформу и на одну секунду взялъ васъ за талію,—я пережилъ чудную минуту. Она пойметъ, что этимъ я не измѣнилъ ей, но всетаки это ее встревожитъ. Самое ужасное въ моей жизни это вѣчное ощущеніе нравственнаго одиночества... Послѣ университета я сейчасъ же поступилъ на службу. Сначала пришлось путешествовать по всякимъ захолустьямъ, то въ качествѣ защитника, то въ качествѣ исполняющаго обязанности слѣдователя, когда настоящій слѣдователь уѣзжалъ въ отпускъ. Затѣмъ я женился и самъ сталъ слѣдователемъ. Послѣ рожденія перваго ребенка женѣ уже не было времени со мной разговаривать или у нея были разстроены нервы, и говорить съ ней, значило ее раздражать. Насъ поселили въ очень глухомъ мѣстечкѣ. Изъ интеллигенціи тамъ жилъ докторъ, который считалъ меня только чиновникомъ и человѣкомъ, который глупѣе его, и потому мы съ нимъ никогда не говорили по душѣ. Жилъ тамъ еще приставъ, который считалъ меня умнѣе себя, и поэтому мы съ нимъ тоже никогда и ни о чемъ не говорили, а только иногда играли въ винтъ... Будучи студентомъ, я былъ знакомъ съ однимъ выдающимся писателемъ, необыкновеннымъ, чуднымъ человѣкомъ. Зная, что я увижу его, я волновался, какъ передъ встрѣчей съ любимой женщиной, и мечталъ о томъ, какъ я раскрою передъ нимъ всю свою душу, но, встрѣчаясь съ нимъ, я всегда смущался и говорилъ не о томъ, что хотѣлъ сказать, а о пустякахъ, или былъ неискренъ. Эта боязнь, что въ слѣдующій разъ мнѣ будетъ передъ нимъ стыдно за все то, что я сказалъ, и тутъ портила дѣло.

...Въ дѣтствѣ я говорилъ съ отцомъ сначала только относительно моихъ гимназическихъ отмѣтокъ, а затѣмъ о томъ, сколько я могу истратить денегъ, и сколько не могу. Мать умерла рано и я ее не помню. И такъ прошла вся жизнь.

...Съ вами я сегодня говорю такъ, во-первыхъ, потому, что вы мнѣ кажетесь умной и понимающей все мое настроеніе, а во-вторыхъ, потому, что васъ больше не встрѣчу и говорить такъ не стану. Я радъ, что не увижу больше васъ. Я бы могъ вами увлечься, и изъ этого не вышло бы ничего хорошаго ни для васъ, ни для меня. Но за сегодняшній день—спасибо. Спасибо уже за то, что вы меня слушаете. Черезъ недѣлю я вступлю въ исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Буду дѣлать визиты, говорить только о дѣлахъ, о цѣнахъ на квартиры, буду произносить судебныя рѣчи. И если меня кто-нибудь спроситъ о васъ, я сдѣлаю равнодушную физіономію и скажу: „да, ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ хорошенькой армяночкой.“

— Знаете, я еще никогда не встрѣчала такого человѣка,— сказала Сирэнъ.

— Развѣ?—Робустовъ улыбнулся—Эхъ, Сирэнъ, Сирэнъ, еще бы съ вами хоть сутки проѣхать.

— У меня есть отчество.

— Ну, Сирэнъ Давидовна. Это звучитъ некрасиво. Думайте обо мнѣ, что хотите, мнѣ это все равно. Кстати скажите, вы скоро собираетесь выходить замужъ?

— Пока не собираюсь. А что?

— Такъ, хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на этого счастливаго человѣка.

— Можетъ быть, и увидите.

— Ну гдѣ же я увижу?

За ихъ спинами послышалось шарканье ногъ и потомъ голосъ чиновника.

— Mademosille, maman проситъ васъ къ себѣ.

— Хорошо.

Чиновникъ продолжалъ стоять.

— Я сказала—хорошо.

Тотъ повернулся и ушелъ. Сирэнъ посмотрѣла ему вслѣдъ и тоже ушла. „Мнѣ лучше остаться",—подумалъ Робустовъ, но уже черезъ минуту вздрогнулъ, точно услыхалъ, что его позвали, опустилъ голову и направился къ двери.

Сирэнъ возвратилась изъ купэ съ надутыми губками и стала у окна. Разговоръ больше не возобновлялся. Обмѣнивались только короткими фразами. Робустовъ снова положилъ свою руку на ея нѣжную ручку, и Сирэнъ не отнимала ея.

„Она не отнимаетъ своей руки, вѣроятно, на зло матери, которая сдѣлала ей выговоръ за то, что она все время со мной, а можетъ быть, я ей и нравлюсь",—мелькнуло въ головѣ Робустова. — „Теперь около одиннадцати часовъ. Маруся, вѣроятно, уложила дѣтей, стоитъ передъ зеркаломъ, усталая, съ кислой физіономіей и причесывается на ночь, а если думаетъ обо мнѣ, то жалѣетъ, что я трясусь въ вагонѣ... Можетъ быть, я поступаю подло, что сейчасъ стою возлѣ этой хорошенькой и оригинальной армяночки... Но жизнь такъ монотонна и будетъ и дальше такою же, а потому нелѣпо лишать себя того свѣтлаго молодого ощущенія, которое охватило меня. Кромѣ того, это вѣдь не измѣна, это такъ"...

— Сирэнъ, вы умненькая дѣвушка, вѣдь правда же,— нѣтъ ничего дурного въ томъ, что вы мнѣ такъ нравитесь.

— А завтра будетъ также нравиться другая, а послѣ завтра третья,—сказала она и вдругъ выдернула свою руку.

„Она не поняла меня",—подумалъ Робустовъ. „Вотъ совсѣмъ юная, а женщина до мозга костей. Молчишь,—можно выра-

жать ласку рукопожатіемъ. Заговорилъ, нарушилъ настроеніе, сейчасъ же нужно показать, будто ея рука только случайно была въ моей".—Онъ вспомнилъ, какъ, будучи гимназистомъ седьмого класса, ухаживалъ за шестиклассницей Лелей, которая въ темной комнатѣ всегда отвѣчала на его поцѣлуи, а въ свѣтлой, когда онъ только положилъ ей на плечо руку, разсердилась и закричала.—„Всѣ, всѣ, и русскія, и армянки, и польки, и нѣмки—всѣ одинаковы".

— Думайте, Сирэнъ, что хотите, но, право же, мнѣ будетъ ужасно тяжело завтра разставаться съ вами. За эти трое сутокъ я очень привязался къ вамъ. Глупо это, конечно...

— Да?

— Да,—отвѣтилъ онъ и подумалъ:—„вотъ сейчасъ ей показалось, будто она грубо мнѣ отвѣтила и, желая загладить это, она не сказала ничего по поводу того, что я опять назвалъ ее только по имени"...

— Ну-съ, нужно идти къ мамѣ,—сказала она.

— Погодите еще, Сирэнъ.

— Нѣтъ, такъ лучше будетъ, спокойной ночи. Завтра еще увидимся, если вы не проспите.

Она посмотрѣла на Робустова не то съ недовѣріемъ, не то съ грустью, крѣпко пожала его руку и ушла.

Онъ вдругъ почувствовалъ, какъ усталъ нервно и физически за цѣлый день. Ему захотѣлось пойти и лечь поудобнѣе и если нельзя быть больше возлѣ Сирэнъ, то хоть мысленно представлять ее себѣ.

Нѣмецъ и чиновникъ встрѣтили его молча съ угрюмыми и серьезными лицами. И ему почему-то вспомнилось выраженіе лица одного арестанта, отрицавшаго свою виновность, которому онъ долженъ былъ объявить, что все украденное нашлось у его соучастника.

Робустовъ раздѣлся и сладко потянулся на диванѣ, а потомъ, чтобы никого не видѣть, укрылся одѣяломъ съ головою, оставивъ отверстіе только возлѣ рта.

Вагонъ гудѣлъ и подъ подушкой мѣрно раздавался убаюкивающій звукъ—жам, жам, жам... „Какъ хорошо вообще ѣхать,—думалъ онъ,—ты вездѣ и нигдѣ. Никто тебя не знаетъ. Никто не имѣетъ права упрекнуть въ томъ, что поступаешь такъ или иначе".

Не смотря на усталость, ему долго не спалось, и проснулся онъ рано, въ шесть часовъ утра, сейчасъ же одѣлся, умылся и сталъ у окна.

Пейзажъ рѣзко измѣнился. Горъ уже не было видно. Съ одной стороны стлалась степь, поросшая какими-то сорными травами, сѣрая и не привѣтливая, не похожая на донскую. Съ другой стороны все время тянулось Каспійское море,

точно огромная, грязная лужа, оставшаяся послѣ дождя. Въ одномъ мѣстѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ полотна желѣзной дороги толпились, хлопая крыльями, пятнадцать или двадцать огромныхъ орловъ и поѣздъ не пугалъ ихъ. Иногда мимо проходили, покачиваясь, верблюды, которыхъ вели некрасивые съ рѣдкими бородами люди въ халатахъ и въ странныхъ шапкахъ, похожихъ на половину арбуза. Попадались на встрѣчу такіе же всадники верхомъ на ослахъ, нагруженныхъ уже непомѣрнымъ вьюкомъ, и, казалось, что огромному человѣку, сидѣвшему съ вытянутыми впередъ сверхъ вьюка ногами, не можетъ не быть совѣстно такъ эксплуатировать бѣдняка.

Сирэнъ тоже встала рано. Личико ея было утомлено и подъ глазами легли свѣтло-коричневые круги. Она не кокетничала, была привѣтлива и видимо грустна, и Робустовъ не зналъ, о чемъ съ нею говорить.

Послѣ долгаго молчанія она вдругъ сказала:

— Вотъ, вчера вы спросили: есть ли что-нибудь дурное въ томъ, что вы были все время возлѣ меня...

— Я не такъ сказалъ, я спросилъ: есть ли что-нибудь дурное въ томъ, что вы мнѣ такъ нравитесь.

— Ну все равно, не въ этомъ дѣло. Такъ или не такъ,— ничего хорошаго и ничего дурного нѣтъ. Если что-нибудь случается, значитъ, нужно, чтобы оно случилось. Значитъ, или для васъ, или для жены вашей, или для меня изъ этого будетъ какая-нибудь польза. Какая,—этого нельзя знать, потомъ видно будетъ, можетъ очень не скоро.

— Почему вы такъ думаете?

— Ни почему. Такъ думаю, такъ вѣрю и больше ничего.

Робустовъ силился вникнуть въ смыслъ сказаннаго ею и не могъ, но ему казалось, что она права и что существа, живущія больше инстинктомъ, чѣмъ разсудкомъ, угадываютъ иногда то, чего нельзя опредѣлить логически. И ему казалось также, что самъ онъ жилъ эти дни, не разсуждая, и въ этомъ была ихъ прелесть. Ей грустно, и ему грустно, имѣютъ ли они нравственное право грустить или нѣтъ, встрѣтятся ли еще разъ или нѣтъ, зачѣмъ объ этомъ думать. Придешь къ такому или другому выводу, а настроенія не измѣнишь.

Вышла мать Сирэнъ, наскоро поздоровалась и позвала ее укладываться.

Робустову стало очень грустно. Онъ пробовалъ смѣяться надъ этою грустью и чувствовалъ, что у него сдавливаетъ горло.

Когда пріѣхали на станцію „Баладжары“, гдѣ нужно было разстаться, Сирэнъ и Робустовъ точно онѣмѣли. Сидя рядомъ съ нею, онъ пилъ кофе и все думалъ, что бы такое ска-

зать на прощаніе, вполнѣ искренное и сердечное, и не сказалъ ничего. Первымъ ушелъ поѣздъ, въ которомъ уѣзжала Сирэнъ, она ласково кивнула головой. Промелькнулъ послѣдній вагонъ, Робустовъ сильно закусилъ нижнюю губу и пошелъ разыскивать багажъ. Пересматривая свои вещи, онъ дергалъ плечами и ему казалось, что его отлично сшитая тужурка стала давить подъ руками, а носильщикъ говоритъ съ нимъ не-хотя и не достаточно почтительно.

На слѣдующій день утромъ Робустовъ былъ уже въ томъ городѣ, гдѣ долженъ былъ вступить въ новую должность.

Онъ никуда не пошелъ, а до самаго вечера сидѣлъ въ номерѣ гостиницы, пилъ чай и думалъ. Охватившее его со вчерашняго вечера тяжелое настроеніе давило еще долго и послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ визиты и пріѣхала семья. И было похоже это настроеніе на тоску столичнаго жителя, который прожилъ нѣсколько дней на свободѣ въ дѣвственномъ, задумчиво шумящемъ лѣсу и въ сырой туманный петербургскій вечеръ вернулся на цѣлую зиму въ свою квартиру въ пятомъ этажѣ съ окнами, выходящими на узкій, какъ колодецъ, дворъ.

Прошло оно только тогда, когда, желая себя зарекомендовать какъ можно лучше, онъ началъ каждый день писать не меньше пяти заключеній и сталъ долго готовиться къ каждому засѣданію, перелистывая у себя въ кабинетѣ до двухъ часовъ ночи дѣла.

Съ Сирэнъ Робустовъ встрѣтился только черезъ три года въ другомъ городѣ. Она ѣхала въ коляскѣ съ молодымъ, но некрасивымъ мужемъ, очень похожимъ на ихъ бывшаго попутчика чиновника.

Она замѣтно пополнѣла, не узнала его и не отвѣтила на поклонъ, и Робустовъ, пройдя десять шаговъ, уже сталъ сомнѣваться, дѣйствительно ли это была Сирэнъ.

Борисъ Лазаревскій.

Нерѣшенныя проблемы біологіи.

Развитіе и Наслѣдственность.

(*Окончаніе*).

VI.

Ростъ біологическихъ знаній за послѣдніе двадцать пять лѣтъ значительно измѣнилъ какъ постановку, такъ и рѣшеніе занимающихъ насъ проблемъ. За этотъ сравнительно короткій срокъ наука обогатилась въ высшей степени интересною отраслью знанія. Новый міръ открылся передъ взорами ученыхъ—міръ дивной организаціи, загадочныхъ явленій, своеобразныхъ „чудесъ“, совершающихся въ микроскопическихъ границахъ *клѣтки.* Альтманъ, Бовери, Бючли, Ванъ-Бенеденъ, Вейсманъ, Ганштейнъ, братья Р. и О. Гертвиги, Де-废ризъ, Дришъ, Дюкло, Клебсъ, Лаваллетъ, Мечниковъ, Негели, Нусбаумъ, Платнеръ, Пфлюгеръ, В. Ру, Страсбургеръ, Ферворнъ, Флеммингъ, Фоль, Фроманъ, Френцель, Шабри, Эймеръ, Эмери, Энгельманъ — все это имена талантливыхъ изслѣдователей, работою которыхъ—тонкою, ажурною работой, направленной къ выясненію детальнаго строенія клѣтки и ея отправленій—создано то великолѣпное научное зданіе, имя которому *ученіе о клѣткѣ.* Въ тиши кабинетовъ, за микроскопами, въ лабораторіяхъ, заваленныхъ пробирками, красящими реактивами, микроскопическими препаратами, культурами низшихъ организмовъ, термостатами и микротомами, шла напряженная, дружная работа. Открытіе слѣдовало за открытіемъ, грубые, прямолинейные взгляды на строеніе живого вещества и на функціи его вытѣснялись болѣе глубокими и правильными представленіями о ходѣ жизненнаго процесса; старые алтари и жертвенники рушились во славу новымъ богамъ и новой вѣрѣ, а ученіе о клѣткѣ—морфологія и физіологія ея—тѣмъ временемъ росло и крѣпло, расширяло предѣлы своихъ владѣній, становилось строгою научною дисциплиной, завоевывало себѣ гегемонію среди другихъ научныхъ дисциплинъ естествознанія. И вотъ тутъ-то

сказалось благотворное вліяніе тѣхъ самыхъ „умозрѣній“, къ которымъ такъ неодобрительно относятся нѣкоторые черезчуръ ужъ ригористичные сторонники „положительнаго метода“· руководимые желаніемъ фактически обосновать свои апріорныя положенія и вдохновляемые вѣрою въ истинность своихъ „умозрѣній“, экспериментаторы-теоретики обогащали науку новыми наблюденіями и обобщеніями. Важнѣйшимъ изъ такихъ обобщеній сталъ тезисъ: *клѣтка служитъ очагомъ всѣхъ жизненныхъ процессовъ*. Понятно, что при такой постановкѣ дѣла она же должна была стать исходнымъ пунктомъ всѣхъ разсужденій о явленіяхъ развитія и наслѣдственности; и мы видимъ, что клѣтка дѣйствительно фигурируетъ на первомъ планѣ у всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей, поставившихъ себѣ цѣлью рѣшить такъ или иначе проблемы развитія и наслѣдственности. Въ этомъ отношеніи ихъ взгляды, повидимому, удовлетворяютъ современному состоянію біологіи больше, чѣмъ ученіе о „физіологическихъ единицахъ“ Спенсера и „Пангенезисъ“ Дарвина.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія Геккель высказалъ предположеніе, что *протоплазма* служитъ органомъ питанія клѣтки, а *ядро* является носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ. Мысль эта нашла себѣ горячихъ приверженцевъ среди многихъ ученыхъ, которые къ тому же довели ее почти до абсурда.

Наблюденія надъ жизнью клѣтки привели этихъ ученыхъ къ убѣжденію, что всѣ главнѣйшія функціи ея—питаніе, ростъ, движеніе и размноженіе—совершаются при помощи и подъ контролемъ ядра: оно, такъ сказать, царитъ въ клѣткѣ, завѣдуетъ и управляетъ жизнью ея, тогда какъ протоплазма играетъ второстепенную, подчиненную роль. Однако, уже тотъ фактъ, что протоплазма продолжаетъ жить и двигаться нѣсколько дней послѣ того, какъ изъ клѣтки искусственно удалили ядро, и что, съ другой стороны, ядро, лишенное протоплазмы, обязательно гибнетъ, вопреки приписываемому ему всемогуществу,—уже этотъ фактъ показываетъ, насколько преувеличена роль ядра въ дѣлѣ движенія протоплазмы и обмѣна веществъ въ клѣткѣ. А потому будетъ гораздо правильнѣе допустить, что въ клѣткѣ имѣетъ мѣсто не деспотическій, а конституціонный образъ правленія, т. е. что „ни ядро, ни протоплазма, какъ говоритъ Максъ Ферворнъ, сами по себѣ главной роли въ клѣткѣ не играютъ, но что оба они одинаково участвуютъ въ возникновеніи жизненныхъ явленій“, ибо „между ними происходитъ взаимный обмѣнъ веществъ, безъ котораго не можетъ существовать ни одна изъ этихъ частей клѣтки“ *).

Но если въ *обычныхъ*, *повседневныхъ* функціяхъ клѣтки ядро

---

*) *М. Ферворнъ*. «Общая физіологія».

и въ самомъ дѣлѣ не исполняетъ той важной роли, которую приписываютъ ему нѣкоторые ученые, то слѣдуетъ ли изъ этого, что оно не является и носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ? Нельзя ли предположить, что ядерное вещество одноклѣтныхъ организмовъ, сперматозоида, цвѣточной пылинки и яйцевой клѣтки служитъ какъ бы хранилищемъ всѣхъ тѣхъ признаковъ, которые передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе? Нельзя ли признать, что въ ядрѣ одноклѣтнаго зародыша—*и только въ немъ одномъ*—сосредоточены не только незримые для насъ зачатки морфологическихъ особенностей имѣющаго народиться живого существа, но и всѣ доблести и пороки грядущаго потомства? Вопросы эти заслуживаютъ серьезнаго вниманія въ виду того, что многіе теоретики наслѣдственности склонны отвести ядру такую именно роль въ жизненномъ процессѣ. На чемъ же основано это предположеніе, поддерживаемое Гертвигомъ, Бовери, Страсбургеромъ, Ру, Вейсманомъ и др.?

Мужскіе и женскіе половые элементы часто очень не одинаковы по объему: „въ крайнихъ случаяхъ, говоритъ О. Гертвигъ, животная сѣменная нить, т. е. сперматозоидъ, составляетъ едва стомилліонную часть яйца или еще того меньше“ *). А между тѣмъ, значеніе сперматозоида и яйцевой клѣтки въ дѣлѣ оплодотворенія и передачи наслѣдственныхъ свойствъ одинаково. Чѣмъ же объяснить, что столь различныя по объему клѣтки оказываются равноцѣнными въ той работѣ, которую имъ надлежитъ выполнить? Да только тѣмъ, отвѣчаетъ Гертвигъ, что „въ нихъ содержатся вещества, имѣющія различное значеніе для наслѣдственности“. Въ яйцѣ много запасныхъ веществъ (жировыя капли, желточныя пластинки) и протоплазмы, а въ сперматозоидѣ нѣтъ никакихъ „запасныхъ веществъ“ и чрезвычайно мало протоплазмы“; *за то и тамъ, и здѣсь имѣется эквивалентное количество ядернаго вещества.* Отсюда ужъ дѣлается выводъ, что носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ должно быть именно то вещество, которое встрѣчается и въ сперматозоидѣ, и въ яйцевой клѣткѣ въ эквивалентномъ количествѣ, т. е. ядро.

Это одинъ изъ аргументовъ въ пользу исключительной роли ядра въ дѣлѣ наслѣдственности. А вотъ и другой.

Важнѣйшимъ моментомъ въ процессѣ оплодотворенія слѣдуетъ считать сліяніе *мужского ядра* (головка сперматозоида) съ *женскимъ* ядромъ (ядро яйцевой клѣтки). Это сліяніе сопровождается довольно длинною процедурою, въ результатѣ которой оба соединившіяся ядра образуютъ ядро одноклѣтнаго зародыша, т. е. оплодотвореннаго яйца. Изъ этого одноклѣтнаго зародыша путемъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ дѣленій получается, какъ извѣстно, новый взрослый организмъ. И вотъ тутъ-то взору на-

*) *О. Гертвигъ.* «Клѣтка и ткани».

блюдателя открывается любопытная картина. Ядра одноклѣтнаго зародыша и образующихся изъ него дочернихъ клѣтокъ, распадаясь на двое, испытываютъ цѣлый рядъ превращеній, на первый взглядъ весьма загадочныхъ. Составныя части ядернаго вещества обособляются, образуя *веретено изъ тонкихъ нитей* и группу такъ называемыхъ *ядерныхъ сегментовъ*; ядерные сегменты, собранные на подобіе звѣзды, расщепляются вдоль пополамъ, половинки эти движутся по направленію къ блестящимъ тѣльцамъ, расположеннымъ у обоихъ концовъ веретена, и, добравшись до назначенныхъ пунктовъ, образуютъ двѣ новыя звѣздчатыя фигуры; эти фигуры изъ ядерныхъ сегментовъ вскорѣ теряютъ правильныя очертанія и преобразуются въ кругловатые клубочки; тѣмъ временемъ исчезаютъ куда-то оба блестящія тѣльца, расплываются и нити веретена. И т. д. *). Словомъ, какъ видите, процедура довольно сложная и дѣйствительно любопытная. Да, но вѣдь не біологическій же курьезъ все это? Есть же какой нибудь смыслъ во всѣхъ этихъ преобразованіяхъ, внезапныхъ появленіяхъ и таинственныхъ исчезновеніяхъ? Въ свѣтѣ того ученія, которое защищаетъ Гертвигъ и его единомышленники, весь этотъ фигурчатый механизмъ дѣленія ядра пріобрѣтаетъ особый смыслъ: „*онъ*, по словамъ Гертвига, *служитъ только для того, чтобы раздѣлить ядерное вещество на двѣ во всѣхъ отношеніяхъ равныя части и передать ихъ дочернимъ клѣткамъ*". Ну, а если ядро, выражаясь фигурально, пускается на такія мудреныя ухищренія съ цѣлью не обдѣлить дочернія клѣтки какою либо изъ своихъ составныхъ частей, то слѣдуетъ думать, что ядерное вещество дѣйствительно играетъ очень важную роль въ судьбахъ клѣтки. Какую же? Оно — хранилище наслѣдственныхъ свойствъ.

Такъ думаютъ апологеты ядра. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что правда на ихъ сторонѣ.

Нѣтъ надобности, разумѣется, ударяться въ противоположную крайность и утверждать, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Гааке, будто господствующая роль въ жизни клѣтки принадлежитъ протоплазмѣ; нѣтъ нужды соглашаться и съ Френцелемъ, думающимъ, что протоплазма сперматозоида и яйцевой клѣтки передаетъ потомству въ наслѣдство *видовые признаки*, а ядро *индивидуальныя* особенности обоихъ производителей: эти „думы" совершенно голословны, а потому и фантастичны. Однако, повторяю, врядъ ли справедливо и то мнѣніе, которое сводитъ значеніе протоплазмы на ничто, приписывая все въ дѣлѣ передачи наслѣдственныхъ признаковъ одному адру. Если въ сперматозоидѣ меньше протоплазмы, чѣмъ въ яйцевой клѣткѣ, то изъ этого еще

*) Безъ соотвѣтствующихъ рисунковъ все это, разумѣется, довольно трудно представить. Но насъ сейчасъ интересуетъ не самый процессъ дѣленія ядра, а то толкованіе, которое дается этому процессу.

не слѣдуетъ, что протоплазма—нуль въ явленіяхъ наслѣдственности; если равномѣрное дѣленіе ядра возможно лишь при сложныхъ операціяхъ, то это еще не доказываетъ, что дѣленіе протоплазмы, совершающееся значительно проще, не равномѣрно; если, наконецъ, нормальная и продолжительная жизнедѣятельность клѣтки—питаніе, ростъ и движеніе—возможна лишь при существованіи обоихъ элементовъ ея, то естественнѣе всего предположить, что и въ явленіяхъ наслѣдственности какъ ядро, такъ и протоплазма одинаково необходимы. Вотъ почему приходится въ этомъ вопросѣ держаться пока того же мнѣнія, которое высказываетъ Максъ Ферворнъ. „Вещество, передающее потомкамъ свойства клѣтки, говоритъ онъ, прежде всего должно быть жизнеспособно, т. е. должно обладать вещественнымъ обмѣномъ, а этотъ послѣдній невозможенъ безъ связи этого вещества съ другими веществами, необходимыми для обмѣна, т. е. безъ полноты всѣхъ существенныхъ составныхъ частей клѣтки. Но въ такомъ случаѣ мы не имѣемъ никакого права называть только *одну* изъ составныхъ частей клѣтки носителемъ наслѣдственности; въ такомъ случаѣ протоплазма клѣтки имѣетъ для наслѣдственности точно такое же значеніе, какъ и ядро; и мы всегда должны помнить, что въ дѣйствительности *во всей живой природѣ неизвѣстно ни одного случая, въ которомъ наслѣдственность не была бы обусловлена передачей всегда полной клѣтки, съ ядромъ и протоплазмой*“ *).

Всѣ эти соображенія не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ взглядовъ не только Вейсмана и Гертвига, но и Де-Фриза, изложеніемъ гипотезы котораго мы сейчасъ и займемся.

Много надеждъ возлагалъ Де-Фризъ на свою гипотезу; горячо отстаивалъ онъ права „Интрацеллюлярнаго Пангенезиса“, — такъ окрестилъ онъ свое дѣтище,—на всеобщее признаніе въ наукѣ; однако надежды эти оказались преувеличенными, и горячая защита вызвала не менѣе горячій отпоръ. Но страсти улеглись, настало время спокойнаго обсужденія всѣхъ доводовъ pro и contra, и наука произнесла свой безпристрастный приговоръ, воздавши должное достоинствамъ и недочетамъ новой гипотезы развитія и наслѣдственности. Присмотримся же, насколько это будетъ возможно, внимательнѣе къ тѣмъ идеямъ, которыя пустилъ въ оборотъ почтенный профессоръ амстердамскаго университета, а тамъ ужъ ясно будетъ, что „новаго“ на самомъ дѣлѣ привнесли въ науку эти идеи.

Итакъ, откроемъ книгу профессора Де-Фриза „Intracellulare Pangenesis“ и прочтемъ въ ней прежде всего слѣдующія строки, отмѣченныя курсивомъ: „*Вся живая протоплазма состоитъ изъ пангенъ; только онѣ образуютъ въ ней живые элементы*“.

---

*) *М. Ферворнъ.* «Общая физіологія».

Мысль, какъ видите, далеко не новая, по крайней мѣрѣ по формѣ. Что организмъ состоитъ изъ неизмѣримо-большого числа неизмѣримо-малыхъ, невидимыхъ живыхъ единицъ—это мы слышали уже раньше Де-Фриза отъ Спенсера, Дарвина и Геккеля. Зачѣмъ же повторяться? спросите вы. Неужели вся оригинальность Де-Фриза только въ томъ и состоитъ, что онъ называетъ свои структурныя единицы „пангенами", производя къ тому же это названіе отъ дарвинскаго „пангенезиса"? Ну, разумѣется, нѣтъ. Въ чемъ же дѣло?

Пангена—не *„физіологическая единица"* Спенсера уже по одному тому, что послѣдняя возникаетъ самопроизвольно изъ питательныхъ соковъ организма, тогда какъ всякая новая пангена, появляясь на свѣтъ божій, всего лишь осуществляетъ законъ „omne vivum ex vivo"—все живое изъ живого,—т. е. рождается вслѣдствіе дѣленія уже ранѣе существовавшей пангены. Еще менѣе походитъ пангена на *„пластидулу"* Геккеля, потому что она—не „химическая молекула высшаго порядка", а своего рода *элементарный организмъ, скомбинированный изъ большого числа химическихъ молекулъ и способный питаться, расти и размножаться дѣленіемъ.* Ее можно сравнивать съ геммулой Дарвина—самъ Де-Фризъ очень охотно дѣлаетъ такое сближеніе, — но опять-таки съ большими ограниченіями. Чтобы понять смыслъ этихъ ограниченій, необходимо познакомиться съ нѣкоторыми апріорными соображеніями Де-Фриза.

Всякое высоко-организованное существо надѣлено множествомъ весьма сложныхъ признаковъ и свойствъ: вспомните хотя бы, какъ разнородны тѣ клѣтки, изъ которыхъ построено человѣческое тѣло, и какъ разнобразны свойства и функціи ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что форма, свойства и функціи клѣтокъ находятся въ прямой связи съ характеромъ того матеріала, изъ котораго онѣ сложены. Однако, нужно ли думать, что различныя клѣтки человѣческаго организма состоятъ изъ совершенно различныхъ видовъ живого вещества? Нужно ли, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Дарвинъ, предполагать, что отдѣльныя живыя единицы несходныхъ мускульныхъ, костныхъ, хрящевыхъ, эпителіальныхъ, нервныхъ и т. д. клѣтокъ несходны межъ собой? Нѣтъ, отвѣчаетъ Де-Фризъ, это роскошь совершенно излишняя, и такое мотовство природѣ не къ лицу. Достаточно предположить, что существуетъ лишь *небольшое число видовъ пангенъ.* Подобно тому, какъ каждая буква азбуки служитъ для выраженія опредѣленнаго звука, такъ же и каждый видъ пангенъ является выразителемъ лишь одного какого-нибудь *элементарнаго* свойства организмовъ. Сочетая различнымъ образомъ буквы, мы получаемъ тысячи различныхъ словъ богатой человѣческой рѣчи. И совершенно такъ же, *комбинируя* такъ или иначе *разнородныя пангены,* а слѣдовательно, и тѣ элементарныя свойства, носителями которыхъ онѣ являются,

природа возсоздаетъ всѣ сложныя и безконечно разнообразныя особенности высоко-организованныхъ существъ.

Итакъ, *число* отдѣльныхъ *видовъ пангенъ* у каждаго живого существа, даже высоко-организованнаго, *очень ограниченно.* Но за то *въ каждой клѣткѣ организма*—и въ костной, и въ мускульной, и въ нервной и т. д.—*имѣются всѣ роды пангенъ, характерные для организма даннаго вида.* Это центральный пунктъ въ гипотезѣ Де-Фриза.

Въ клѣткѣ различаютъ двѣ существенныя части—протоплазму и ядро. Въ чемъ же разница между ними? „Всѣ роды пангенъ представительствуютъ въ ядрѣ", говоритъ Де-Фризъ, „въ остальной же протоплазмѣ каждой клѣтки имѣются только такія пангены, которыя въ ней должны проявить свою дѣятельность" *). Почему эпителіальная клѣтка такъ непохожа и по формѣ, и по функціямъ своимъ на клѣтку мускульную или нервную? Потому, говоритъ Де-Фризъ, что въ протоплазмѣ этихъ клѣтокъ орудуютъ различныя пангены. Каждый видъ пангенъ способенъ вести лишь опредѣленную работу. Какъ свойства различныхъ тканей обусловливаются свойствами составляющихъ ихъ клѣтокъ, такъ и типичныя особенности самихъ клѣтокъ опредѣляются характеромъ дѣйствующихъ въ ихъ *протоплазмѣ* пангенъ. Словомъ, ядра всѣхъ видовъ клѣтокъ даннаго организма—одинаковы; несходны у нихъ лишь протоплазмы. Отсюда—и несходство самихъ клѣтокъ.

Если спеціальная работа каждой клѣтки есть результатъ дѣятельности тѣхъ пангенъ, которыя находятся въ протоплазмѣ ея, то отсюда, пожалуй, слѣдуетъ, что ядро играетъ очень ничтожную роль въ жизни клѣтки. Однако, Де-Фризъ далекъ отъ такого пренебрежительнаго отношенія къ ядру: онъ, наоборотъ, убѣжденъ, что оно господствуетъ въ клѣткѣ и завѣдуетъ всѣми главнѣйшими функціями ея. Но какъ представить себѣ это „господство"? Можно предположить, что ядро или *динамически* вліяетъ на протоплазму и, такимъ образомъ, заставляетъ ее нести ту или иную функцію, или же оно выдѣляетъ особенные продукты, которые, переходя въ протоплазму, дѣйствуютъ на нее на подобіе *бродильнаго начала* и тѣмъ самымъ вызываютъ въ ней опредѣленную работу. Оба эти объясненія мало вѣроятны, а потому Де-Фризъ придумываетъ третье. Онъ разсуждаетъ примѣрно такъ.

Въ ядрѣ всѣ виды пангенъ недѣятельны, пассивны: здѣсь суждено имъ лишь размножаться, не проявляя своихъ специфическихъ свойствъ. Но пребываніе въ ядерной оболочкѣ не обязательно для пангенъ: онѣ могутъ выходить изъ ядра въ протоплазму. И вотъ когда пангены того или иного вида покидаютъ свое пристанище и попадаютъ въ протоплазму, ихъ роль мѣняется: онѣ словно пробуждаются къ жизни, становятся активными, быстро

*) *Hugo de-Vries.* «Intracellulare Pangenesis».

размножаются путемъ дѣленія и проявляютъ тѣ именно свойства, которыми ихъ надѣлила природа. Ядра различныхъ клѣтокъ высылаютъ въ протоплазму неодинаковые виды пангенъ; вотъ почему и клѣтки такъ несходны по своей формѣ и отправленіямъ. Значитъ, воздѣйствіе ядра на протоплазму, согласно ученію Де-Фриза, сказывается прямо, а не окольными путями: ядро не то что „вліяетъ" на протоплазму, а просто отпускаетъ въ нее на работу тѣ или иные виды пангенъ, которыя и ведутъ себя согласно своимъ индивидуальнымъ особенностямъ. Если это пангены, одаренныя способностью перерабатывать питательные соки въ желчь, то протоплазма тѣхъ клѣтокъ, въ которыхъ очутились онѣ, будетъ проявлять всѣ свойства печеночныхъ клѣтокъ; если же пангены, вышедшія на работу, отличаются чрезвычайной чувствительностью, способностью воспринимать и переправлять по назначенію идущія извнѣ раздраженія, то и протоплазма, состоящая изъ такихъ пангенъ, будетъ обнаруживать всѣ характерныя особенности нервныхъ клѣтокъ.

Переходъ пангенъ изъ ядра въ протоплазму не отражается нисколько на составѣ самого ядра, ибо въ ядрѣ скоро появляются новыя такія же пангены. Дѣло въ томъ, что ядру нѣтъ надобности отпускать въ протоплазму *всѣ* пангены того вида, въ которомъ сейчасъ оказалась надобность: достаточно, если въ протоплазму попадетъ лишь *нѣсколько штукъ ихъ;* тутъ онѣ мигомъ размножаются настолько, насколько это необходимо для исполненія лежащей на нихъ обязанности; а оставшіяся въ ядрѣ коллеги ихъ также начнутъ дѣлиться, и пангены, выбывшія изъ строя, будутъ, такимъ образомъ, замѣщены вновь народившимися пангенами.

Итакъ, общая картина строенія и дѣятельности всякаго живого вещества представляется Де-Фризу въ такомъ приблизительно видѣ.

Всякій сложный организмъ есть микрокосмъ, состоящій изъ громаднаго числа самостоятельныхъ мірковъ. Каждый такой мірокъ—это клѣтка, сложенная въ свою очередь изъ безчисленнаго множества разнородныхъ пангенъ, способныхъ питаться, расти и размножаться, активныхъ и пассивныхъ. Жизнь организма есть жизнь составляющихъ его клѣтокъ; а жизнь клѣтки находится цѣликомъ во власти образующихъ ее пангенъ. Пангены—это носители элементарныхъ свойствъ всякаго организма. Число ихъ видовъ у каждаго организма очень невелико, но каждый видъ пангенъ кладетъ свой специфическій отпечатокъ всюду, гдѣ только онѣ ни появляются. Въ ядрѣ всякой клѣтки имѣются всѣ виды пангенъ, характерные для даннаго организма; но тутъ онѣ бездѣйствуютъ и могутъ лишь размножаться. Настоящая работа пангенъ начинается вмѣстѣ съ выходомъ ихъ изъ ядра въ протоплазму. Все жизнеспособное и жизнедѣятельное въ протоплазмѣ

состоитъ изъ одного или нѣсколькихъ видовъ пангенъ, покинувшихъ въ различное время ядро, размножившихся въ громадномъ количествѣ и погрузившихся въ клѣточный сокъ: этотъ сокъ, составленный изъ растворенныхъ бѣлковъ, солей, кислотъ и т. п., является частью питательнымъ матеріаломъ для пангенъ, а частью продуктомъ ихъ собственной дѣятельности. Разнообразіе клѣточныхъ функцій есть плодъ дѣятельности различныхъ видовъ пангенъ, работающихъ какъ отдѣльно, такъ и вмѣстѣ съ другими видами...

При такомъ взглядѣ на сущность жизненнаго процесса явленія онтогенеза и наслѣдственности объясняются весьма просто и легко. И Де-Фризъ ставитъ въ исключительное достоинство своей гипотезы именно эту простоту и легкость.

Прослѣдимъ при свѣтѣ ученія Де-Фриза развитіе какого-нибудь сложнаго организма, положимъ, кролика.

Въ ядрахъ сперматозоида и яйцевой клѣтки кролика находятся всѣ роды пангенъ, характерныхъ для этого животнаго. При оплодотвореніи пангены сперматозоида смѣшиваются съ пангенами яйцевой клѣтки и образуютъ ядро одноклѣтнаго зародыша; изъ послѣдняго долженъ будетъ развиться новый кроликъ. Но какъ?

Одноклѣтный зародышъ дѣлится; при этомъ „ядро зародыша дѣлится такъ, что всѣ роды пангенъ распредѣляются равномѣрно на обѣ дочернія клѣтки“ *): это обезпечивается тѣмъ сложнымъ механизмомъ дѣленія клѣточнаго ядра, о которомъ говорилось выше. Совершенно также дѣлится и каждая изъ только что образовавшихся дочернихъ клѣтокъ. Съ теченіемъ времени число клѣтокъ, благодаря цѣлому ряду послѣдовательныхъ дѣленій, увеличивается: зародышъ становится изъ одноклѣтнаго многоклѣтнымъ, и въ немъ мы замѣчаемъ уже три различныхъ зародышевыхъ слоя. Откуда и какъ взялись они? Что вызвало клѣточную дифференціацію? Догадаться не мудрено.

Съ самаго начала дѣленія зародышевой клѣтки изъ ядра ея начинаютъ выходить въ протоплазму отдѣльныя пангены. Но этотъ выходъ пангенъ совершается съ опредѣленною послѣдовательностью, въ строгомъ, какъ бы напередъ предначертанномъ порядкѣ. Сперва изъ ядеръ выступаютъ пангены одного или двухъ видовъ, и протоплазма клѣтокъ, въ которыхъ онѣ очутились, отмѣчается печатью однѣхъ и тѣхъ же особенностей. Но размноженіе зародышевыхъ клѣтокъ подвигается и дальше; тутъ настаетъ черёдъ для пангенъ другого рода. По примѣру своихъ предшественниковъ, онѣ покидаютъ ядра нѣкоторыхъ клѣтокъ, пробираются въ протоплазму и принимаются здѣсь за свою специфическую работу, а клѣтки получаютъ новый особенный отпе-

*) *Hugo de-Vries*. «Intracellulare Pangenesis».

чатокъ: такъ, въ зародышѣ кролика на первыхъ же ступеняхъ его развитія, обособляется два различныхъ слоя клѣтокъ,—внѣшній и внутренній зародышевые пласты. Вскорѣ на служебномъ посту оказываются еще новыя пангены, доселѣ мирно покоившіяся въ ядрахъ, и вмѣстѣ съ выступленіемъ ихъ въ протоплазму въ зародышѣ обнаруживается новая перемѣна: образуется третій, средній, зародышевый пластъ. Такъ процессъ этотъ медленно подвигается впередъ: съ каждымъ днемъ, а гдѣ и съ каждымъ часомъ, въ протоплазмѣ тѣхъ или иныхъ клѣтокъ появляются все новые и новые виды пангенъ, которыя принимаются за дѣло или вмѣстѣ съ другими, раньше выступившими изъ ядра пангенами, или вполнѣ самостоятельно. А зародышъ вслѣдствіе этого дифференцируется все больше и больше, образуя различныя группы клѣтокъ, несущихъ опредѣленныя функціи—клѣтокъ мускульныхъ, хрящевыхъ, эпителіальныхъ, нервныхъ и т. д., пока развитіе не завершится вполнѣ...

Итакъ, по мнѣнію Де-Фриза, развитіе всякаго организма обусловливается послѣдовательнымъ выходомъ на арену дѣятельности различныхъ видовъ пангенъ, заложенныхъ въ ядрѣ оплодотворенной зародышевой клѣтки: заставьте всѣ эти виды пангенъ продефилировать въ строго опредѣленномъ порядкѣ изъ ядеръ различныхъ клѣтокъ въ протоплазму, и онтогенезъ дѣйствительно представится вамъ дѣломъ какъ будто бы простымъ и вполнѣ понятнымъ.

Не менѣе понятной кажется Де-Фризу и проблема наслѣдственности. Вотъ нѣсколько отдѣльныхъ выдержекъ изъ его книги, показывающихъ, какъ понимаетъ онъ эту проблему.

„Ядра,—говоритъ онъ,—имѣютъ значеніе хранилищъ наслѣдственныхъ свойствъ"... „Дитя наслѣдуетъ отъ отца только то, что содержалось въ ядрѣ сперматозоида или цвѣточной пылинки"; а отъ матери оно наслѣдуетъ, очевидно, также только то, что содержалось въ яйцевой клѣткѣ. „Отдѣльныя наслѣдственыя свойства въ живомъ веществѣ клѣтокъ связаны съ отдѣльными матеріальными носителями этихъ свойствъ. Ихъ называю я пангенами. Каждая наслѣдственная особенность имѣетъ свой особый родъ пангенъ"... „*Видимыя* проявленія наслѣдственности нужно, такимъ образомъ, считать выраженіемъ свойствъ *невидимыхъ* частичекъ, существующихъ во всякой живой матеріи"... („Intracellulare Pangenesis"). Словомъ: въ зародышевыхъ клѣткахъ любого организма *имѣется на лицо все, характерное* для этого организма. Можно ли послѣ этого удивляться, что возникающее изъ такихъ клѣтокъ потомство будетъ походить на своихъ родителей? Гораздо изумительнѣе было бы обратное...

И атавизмъ находитъ себѣ объясненіе въ свѣтѣ ученія объ интрацеллюлярномъ пангенезисѣ. Извѣстно, что не всѣ виды пангенъ въ зародышевыхъ клѣткахъ дѣятельны; есть между ними

даже и такіе, которые переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, не покидая ядеръ и не обнаруживая своихъ свойствъ; но иногда, при подходящихъ условіяхъ, такія пангены выходятъ изъ пассивнаго состоянія, становятся дѣятельными, и тогда у организма проявляется какой-нибудь изъ прародительскихъ признаковъ.

Регенерація, размноженіе почками, гетероморфозъ и тератогенезъ (ненормальное, уродливое развитіе) также теряютъ свой таинственный смыслъ для того, кто согласится признать существованіе дефризовскихъ пангенъ. Чтобы объяснить всѣ эти явленія, достаточно вспомнить, что въ ядрѣ *каждой клѣтки* сложнаго организма покоятся всѣ характерные для него виды пангенъ.

Что же касается наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ, то это явленіе, какъ полагаетъ Де-Фризъ, не требуетъ никакихъ объясненій, ибо оно—не дѣйствительный фактъ, а фикція: къ потомству переходятъ по наслѣдству лишь тѣ измѣненія, которыя связаны съ измѣненіями самихъ половыхъ элементовъ...

Любопытно отношеніе Де-Фриза къ гипотезѣ Дарвина. Въ „Пангенезисѣ“ онъ совершенно основательно различаетъ двѣ отдѣльныя гипотезы: во-первыхъ, гипотезу о существованіи невидимыхъ структурныхъ единицъ живого вещества, являющихся носителями вполнѣ опредѣленныхъ признаковъ, и, во-вторыхъ, гипотезу о странствованіи геммулъ и о способности ихъ стекаться со всѣхъ концовъ тѣла въ половые органы. Первую изъ этихъ гипотезъ Де-Фризъ принимаетъ; вторую отвергаетъ. „Дарвинъ,— говоритъ онъ,—допускаетъ переносъ своихъ зародышковъ черезъ все тѣло; мое же воззрѣніе требуетъ движенія пангенъ лишь въ тѣсной области каждой отдѣльной клѣтки“. Вотъ собственно почему Де-Фризъ окрестилъ свое ученіе „интрацеллюлярнымъ“, т. е. *внутриклѣточнымъ* пангенезисомъ.

Да и къ чему собственно ведетъ эта „транспортная“ гипотеза?— спрашиваетъ Де-Фризъ. Она совершенно излишня: Дарвинъ ввелъ ее главнымъ образомъ съ цѣлью объяснить явленія регенераціи, размноженія почкованіемъ и наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ. Но регенерація и почкованіе объяснимы и безъ путешествія пангенъ по всему тѣлу; а наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ,—одно сплошное недоразумѣніе. Конечно,—продолжаетъ де-Фризъ,—переходъ пангенъ изъ ядра въ протоплазму можетъ показаться явленіемъ настолько же невозможнымъ, какъ и странствованіе дарвиновскихъ геммулъ. Но если вспомнить, что въ протоплазмѣ клѣтокъ (онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ растительныя клѣтки) существуютъ токи, идущіе обыкновенно отъ поверхности ядра къ периферіи клѣтки, то очень легко представить себѣ, что эти именно протоплазматическіе токи увлекаютъ вмѣстѣ съ собою и пангены изъ ядра.

Сдѣлавши эту „поправку“ къ пангенезису Дарвина, Де-Фризъ дѣлаетъ и другую. Вы помните, конечно, какое множество без-

конечно-разнообразныхъ геммулъ должно входить въ составъ каждаго отдѣльнаго полового элемента. Де-Фризъ, какъ мы уже знаемъ, считаетъ это допущеніе Дарвина не только не правдоподобнымъ, но и совершенно излишнимъ. Число *видовъ* пангенъ у него весьма ограничено, и въ половыхъ элементахъ могутъ представительствовать лишь нѣсколько штукъ пангенъ отъ каждаго вида: способность ихъ быстро размножаться, какъ полагаетъ Де-Фризъ, вполнѣ обезпечиваетъ присутствіе необходимаго числа ихъ въ той или иной клѣткѣ.

Не соглашается Де-Фризъ, наконецъ, и съ тѣмъ предположеніемъ Дарвина, согласно которому отщепившіяся отъ клѣтокъ геммулы вновь возвращаются либо въ тѣ же самыя, либо въ другія клѣтки. „Пангены интрацеллюлярнаго пангенезиса,—говоритъ онъ,—вышедши однажды изъ ядра, не имѣютъ никакой необходимости возвращаться въ него обратно. Для зародышковъ же дарвиновской транспортной гипотезы это является существеннымъ условіемъ, такъ какъ иначе тѣ способности, носителями которыхъ являются геммулы, не могутъ развиться въ очевидныя свойства въ потомкахъ соотвѣтствующихъ зародышевыхъ клѣтокъ“ („Intracellulare Pangenesis).

Тутъ можно, пожалуй, и остановиться, чтобы поразмыслить надъ тѣмъ, съ чѣмъ предлагаетъ намъ согласиться Де-Фризъ.

Де-Фризъ не скрываетъ, что наука пока не въ силахъ сказать чего-либо опредѣленнаго о предѣльныхъ структурныхъ единицахъ живого вещества. „Какъ пангены построены и въ какой зависимости отъ ихъ строенія находятся видимые признаки организма, этого,—говоритъ онъ,—мы не знаемъ“ (ibid). То есть, живое вещество клѣтокъ есть, безъ сомнѣнія, *вещество организованное,* но каковы воображаемые строительные элементы его—дѣло темное. Самое большее, что можемъ сдѣлать мы, это—приписать *невидимымъ* структурнымъ единицамъ основныя свойства *видимыхъ,* доступныхъ непосредственому наблюденію живыхъ элементовъ, т. е. способность питаться, расти и размножаться дѣленіемъ. Такъ поступилъ Дарвинъ со своими „геммулами“, такъ поступаютъ Визнеръ, Вейсманъ, Ферворнъ и Гертвигъ со своими „плазомами“, „біофорами“, „біогенами“ и „идіобластами“, также поступаетъ и Де-Фризъ. Въ этомъ смыслѣ его „пангены“ не хуже и не лучше гипотетическихъ живыхъ единицъ другихъ авторовъ; и если бы Де-Фризъ ограничилъ полетъ своей фантазіи однимъ лишь предположеніемъ, что пангены питаются, растутъ и размножаются, то къ его гипотезѣ нельзя было бы отнестись строже, чѣмъ, напримѣръ, къ гипотезѣ Дарвина. Но онъ пошелъ дальше. Онъ захотѣлъ не только дополнить, но и исправить дарвиновскій „пангенезисъ“, онъ поставилъ себѣ цѣлью спасти хоть часть этого ученія отъ упрековъ въ неправдоподобности и... многое запуталъ.

Путаница началась собственно съ того момента, какъ Де-Фризу пришла въ голову несчастная мысль—кстати сказать, навѣянная Негели и Саксомъ *),—признать пангены *выразителями независимыхъ* (selbständige) *элементарныхъ свойствъ организма.*

„Независимыя элементарныя свойства"—какія все простыя и ясныя слова, но какъ туманенъ смыслъ ихъ въ данномъ случаѣ! Какъ уже извѣстно, согласно дарвиновскому „пангенезису", въ каждой яйцевой клѣткѣ, въ каждой цвѣточной пылинкѣ и въ каждомъ сперматозоидѣ должны вмѣщаться *милліоны разнообразнѣйшихъ геммулъ.* Предположеніе это оказалось болѣе чѣмъ преувеличеннымъ. Де-Фризу нужно было сократить до возможнаго минимума не только число геммулъ, входящихъ въ отдѣльную зародышевую клѣтку, но и число ихъ видовъ; нужно было непремѣнно сдѣлать эту уступку критикѣ, чтобъ оградить свое ученіе отъ справедливыхъ упрековъ ея. И вотъ онъ придумываетъ свои пангены, называя ихъ въ отличіе отъ геммулъ Дарвина „носителями *независимыхъ элементарныхъ свойствъ*". Выдумка, пожалуй, недурная, ибо она можетъ быть подкрѣплена цѣлымъ рядомъ соблазнительныхъ аналогій. И въ самомъ дѣлѣ. Вся вселенная—звѣзды и планетные міры, кометы и метеорная пыль, земля и населеніе ея,—все это въ конечномъ подсчетѣ образовано изъ нѣсколькихъ десятковъ „простыхъ тѣлъ", „химическихъ элементовъ", обладающихъ способностью вступать въ безчисленно-разнообразныя комбинаціи. Далѣе. Семь основныхъ цвѣтовъ радуги, комбинируясь на тысячу ладовъ, создаютъ тотъ волшебный міръ цвѣтовъ и красокъ, оттѣнковъ и переливовъ, для описанія котораго даже муза декадентовъ не находитъ соотвѣтствующихъ словъ и выраженій. И, наконецъ, такое же мистическое число звуковъ оказывается вполнѣ достаточнымъ для воспроизведенія всѣхъ дивныхъ мелодій, которыя подарилъ міру музыкальный геній творца „Героической симфоніи". Почему жъ и пангенамъ не играть такой универсальной роли въ *живой* природѣ? Пусть ограничено число ихъ видовъ, но за то онѣ способны давать самыя разнообразныя сочетанія. Почему же не думать, что эта-то способность ихъ служитъ причиною разнообразія организованнаго міра? Почему не согласиться съ той мыслью, что морфологическія и физіологическія особенности всѣхъ организмовъ представ-

---

*) «Признаки, органы, приспособленія, функціи, видимые намъ лишь въ весьма сложной формѣ, въ зародышевой плазмѣ разложены на свои истинные элементы» (Негели).

«Нужно признать столько же специфическихъ образовательныхъ веществъ, сколько мы различаемъ формъ органовъ у растеній... Весьма незначительныя количества этихъ веществъ заставляютъ тотъ матеріалъ, съ которымъ они смѣшиваются, застывать въ различныя органическія формы» (Саксъ).

ляютъ собою нѣчто производное, составленное изъ свойствъ разнородныхъ пангенъ? Почему?

Химическіе элементы — фактъ не подлежащій никакимъ сомнѣніямъ; семь основныхъ цвѣтовъ радуги—сама дѣйствительность; семь звуковъ музыкальной гаммы—опять-таки нѣчто конкретное. А пангены? Пангены — голая абстракція, звукъ пустой. Чтобъ убѣдиться, что это дѣйствительно такъ, достаточно сравнить пангены, ну, хотя бы, съ геммулами Дарвина.

Существуютъ ли геммулы, или не существуютъ—неизвѣстно. Но если онѣ дѣйствительно не миѳъ, то всякій можетъ себѣ представить ихъ болѣе или менѣе наглядно. Такъ, зная, что геммулы ничѣмъ въ сущности не разнятся отъ тѣхъ клѣтокъ, отъ которыхъ онѣ отщепляются, не трудно представить себѣ, какова должна быть, напримѣръ, *мускульная* геммула. Зная затѣмъ, что всѣ геммулы вообще размножаются и способны возсоздавать клѣтки соотвѣтствующаго имъ типа, можно довольно легко понять, ка́къ это изъ вновь народившихся *мускульныхъ геммулъ* образуются обязательно *мускульныя*, а не роговыя и не нервныя клѣтки. Зная, наконецъ, что всякое пустячное измѣненіе въ любой клѣткѣ сказывается или, вѣрнѣе, обусловливается соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ самихъ геммулахъ, мы опять-таки можемъ вполнѣ наглядно представить себѣ, какимъ образомъ *изъ слегка видоизмѣненныхъ мускульныхъ геммулъ возникаютъ соотвѣтственно видоизмѣненныя мускульныя клѣтки.* Говоря иначе, все, что извѣстно намъ о различныхъ клѣткахъ, мы переносимъ полностью на соотвѣтствующія имъ геммулы. Правильно ли это, или неправильно, цѣлесообразно или нецѣлесообразно, умно или нѣтъ—это ужъ совсѣмъ особое дѣло. Во всякомъ случаѣ со словомъ „геммула“ всегда связывается рядъ *реальныхъ, конкретныхъ* особенностей живой матеріи. А что такое пангена? И въ чемъ состоятъ тѣ „независимыя элементарныя свойства“, которыя приписываетъ имъ Де-Фризъ?

Онъ, надо полагать, имѣетъ въ виду слѣдующее: среди разнородныхъ пангенъ растительнаго царства однѣ надѣлены способностью создавать клѣтчатку, другія—хлорофилъ, третьи—краски цвѣтовъ и т. д.; а въ ряду разнородныхъ пангенъ животнаго царства однѣ являются образователями рогового вещества, другія — хрящевого, третьи — мускульнаго, четвертыя — нервнаго и т. д. Однако, врядъ ли можно назвать удачною эту попытку опредѣлить точнѣе значеніе словъ „независимыя элементарныя свойства организмовъ“, и вотъ почему. Легко сказать „и такъ далѣе“! Но нужно же придать какой-нибудь конкретный смыслъ этому широковѣщательному, но и предательскому выраженію. Представьте себѣ то безконечное разнообразіе морфологическихъ и функціональныхъ особенностей, которое буквально подавляетъ всякаго внимательнаго изслѣдователя природы; представьте себѣ хоть на мгновеніе тѣ тонкіе, едва уловимые штрихи, которыми

отмѣчено строеніе какого-нибудь высоко-организованнаго существа, и вы невольно должны будете согласиться, что число гипотетическихъ „образователей“, о которыхъ говоритъ Де-Фризъ, нужно значительно увеличить, и не только увеличить, но и снабдить ихъ какими-нибудь опредѣленными, *конкретными* свойствами. А это—затѣя опасная: придется, пожалуй, признать столько же отдѣльныхъ видовъ пангенъ, сколько существуетъ, по мнѣнію Дарвина, отдѣльныхъ видовъ геммулъ. Въ такомъ случаѣ сама собою отпадетъ разница между геммулами и пангенами, разница, которую такъ настойчиво подчеркиваетъ Де-Фризъ: вѣдь онъ потому только и придумалъ „новыя“ структурныя единицы живого вещества, потому только и назвалъ ихъ „носителями независимыхъ элементарныхъ свойствъ“, чтобы устранить изъ своей гипотезы тотъ элементъ, который въ „пангенезисѣ“ Дарвина казался особенно неправдоподобнымъ. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, ни одинъ изъ правовѣрнѣйшихъ прозелитовъ дефризовской гипотезы—я ужъ не говорю о самомъ Де-Фризѣ—не рѣшится объяснять, какимъ это образомъ изъ *различныхъ комбинацій* пангенъ (носителей независимыхъ свойствъ) происходятъ всевозможныя морфологическія приспособленія—приспособленія къ перекрестному опыленію у растеній, покровительственная окраска, мимикрія; ни одинъ изъ нихъ не рискнетъ пуститься въ толкованія того, какъ изъ сочетанія пангенъ мускульнаго, хрящевого, нервнаго и т. д. веществъ получаются „вторичные половые признаки“, особенности „сезоннаго диморфизма“, признаки отдаленныхъ предковъ, сложная архитектура глаза, въ особенности—сѣтчатой оболочки его и т. п. Самъ Де-Фризъ, по крайней мѣрѣ, такихъ разоблаченій не дѣлаетъ. Онъ говоритъ только, что все это—плоды различныхъ комбинацій разнородныхъ пангенъ. Комбинаціи, разумѣется, дѣло хорошее,—что и говорить. Но вѣдь нужно же узнать, что̀ комбинируется и каковы на самомъ дѣлѣ свойства вступающихъ въ комбинаціи элементовъ. А вотъ этого-то Де-Фризъ, къ сожалѣнію, и не даетъ: свойства его пангенъ неуловимы, подернуты дымкой таинственности и непознаваемости. Одно лишь несомнѣнно: онѣ—не геммулы, ибо число отдѣльныхъ видовъ геммулъ невѣроятно огромно, а Де-Фризъ съ этимъ соглашаться не хочетъ, потому что согласиться съ этимъ—все одно, что утопить пангены въ томъ же омутѣ, въ которомъ погибли геммулы. Одно спасеніе—надѣлить пангены какими-то болѣе общими, чѣмъ у геммулъ, но за то никому невѣдомыми свойствами. Только спасеніе ли это — вотъ въ чемъ вопросъ. Что лучше въ самомъ дѣлѣ: признать ли *невѣроятное* число носителей *конкретныхъ* свойствъ, или *ограниченное* число носителей свойствъ *абстрактныхъ*? Печальная диллема: хвостъ вытащишь,— носъ завязнетъ, носъ вытащишь,—хвостъ завязнетъ...

Нельзя сказать, чтобы особенное довѣріе внушало и другое

апріорное положеніе въ ученіи Де-Фриза. Я имѣю въ виду гипотезу о переходѣ пангенъ изъ ядра въ протоплазму. Де-Фризъ думаетъ, что, заставляя пангены странствовать лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ клѣтки, онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ свою гипотезу болѣе вѣроятною, чѣмъ гипотеза Дарвина, согласно которой геммулы могутъ пробѣгать относительно громадныя пространства. Однако, если бы это было и на самомъ дѣлѣ такъ, то все-же остается непонятнымъ, почему въ одномъ случаѣ изъ ядра выходятъ однѣ пангены, въ другомъ — другія и всегда именно тѣ, которыя въ данную минуту нужны. Вспомните, что весь онтогенетическій процессъ, по Де-Фризу, на томъ только и основывается, что пангены выступаютъ изъ ядра съ извѣстною для каждаго даннаго организма послѣдовательностью. Вы спросите: кто выпускаетъ ихъ въ такомъ строгомъ, разъ навсегда опредѣленномъ порядкѣ? Кто регулируетъ дѣятельность пангенъ, удерживая однѣхъ на мѣстѣ, внутри ядра, и выгоняя другихъ на работу? И вы, разумѣется, въ правѣ задать этотъ далеко не праздный вопросъ, не смотря на то, что самъ Де-Фризъ обходитъ его молчаніемъ. Вопросъ этотъ имѣетъ свое raison d'être еще и потому, что Де-Фризъ рѣшительно настаиваетъ на мысли, будто пангены, однажды вышедшія изъ ядра, ужъ больше въ него не возвращаются. Почему же нѣтъ? Кто поручится, что онѣ и въ самомъ дѣлѣ не способны возвращаться обратно въ ядро? Неужели выскакивать изъ ядра по щучьему велѣнію, по дефризовому хотѣнію легче, чѣмъ вскакивать въ ядро обратно? А вѣдь очень соблазнительно допустить такого рода „отступленіе“ пангенъ съ поля дѣятельности: оно дало бы возможность объяснить довольно просто ослабленіе того или иного свойства различныхъ клѣтокъ, пониженіе ихъ дѣятельности, старость и... даже самую смерть ихъ. Достаточно было бы представить себѣ слѣдующее: всѣ пангены спрятались обратно въ ядерную капсулю, устроили забастовку, отказались нести свои обязанности—и наступила смерть...

Еще болѣе загадочною оказывается роль пангенъ въ дѣлѣ регенераціи и сродныхъ ей явленій. Нужно обладать фантазіей Геккеля, нужно вдохнуть въ структурныя единицы живого вещества элементы сознанія и предусмотрительности, чтобы понять, какимъ это образомъ онѣ узнаютъ, гдѣ и когда имъ нужно проявить свою дѣятельность. Иначе нѣтъ рѣшительно никакой возможности объяснить, почему пангены такъ безошибочно покидаютъ свое убѣжище тогда именно, когда имъ необходимо это сдѣлать, и принимаются за возстановленіе утраченнаго органа какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нужно. Въ этомъ пунктѣ, равно какъ и въ вопросѣ о роли пангенъ въ дѣлѣ эмбріональнаго развитія, гипотеза Де-Фриза страдаетъ тѣми же недочетами, что и гипотеза Дарвина. А потому распространяться дальше на эту тему нѣтъ надобности: подробности аргументаціи приведены мною

въ предыдущей статьѣ. Прибавлю еще вотъ что. О. Гертвигъ, въ общемъ раздѣляющій взгляды Де-Фриза, не скрываетъ, однако, тѣхъ трудностей, съ которыми связана всякая теорія развитія въ духѣ „интрацеллюлярнаго пангенезиса“. „Если, говоритъ онъ, изъ суммы отдѣльныхъ зачатковъ (положимъ, пангенъ. В. Л.) долженъ возникнуть опредѣленный организмъ, то отдѣльные зачатки въ теченіе процесса развитія должны развиваться *въ правильной послѣдовательности*“. Но, прибавляетъ дальше Гертвигъ, „эта часть теоріи связана съ наибольшими трудностями для нашего представленія“.

Я слишкомъ далекъ отъ мысли считать работу Де-Фриза безплодною. Крупные недочеты ея съ избыткомъ возмѣщаются крупными же достоинствами. И вотъ въ числѣ обобщеній, выставленныхъ Де-Фризомъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія два.

На цѣломъ рядѣ примѣровъ онъ устанавливаетъ то положеніе, что въ дѣлѣ наслѣдственности принимаетъ участіе не только ядро, но и протоплазма. „Существуетъ, говоритъ онъ, своего рода наслѣдственность внѣ ядра“. Какъ примѣръ этого рода наслѣдственности приводится такой фактъ. Въ протоплазмѣ растительныхъ клѣтокъ имѣются особенныя образованія — хроматофоры, крахмалообразователи, хлорофилловыя зерна, вакуолы. Всѣ эти элементы растительной клѣтки при дѣленіи ея также дѣлятся и передаются по ровну обѣимъ дочернимъ клѣткамъ. Признавая наслѣдственность внѣ ядра, Де-Фризъ все же остается при томъ убѣжденіи, что *хранилищемъ* наслѣдственныхъ свойствъ организма является главнымъ образомъ и прежде всего ядро; или точнѣе: въ ядрѣ фиксируются всѣ типичныя особенности даннаго организма, а въ протоплазмѣ онѣ развиваются, ибо тутъ отдѣльныя пангены становятся активными. „Передача, говоритъ Де-Фризъ, есть функція ядра, а развитіе дѣло протоплазмы — Die Ueberlieferung ist die Funktion der Kerne, die Entwickelung ist Aufgabe des Cytoplasma“ (Intracellulare Pangenesis).

Другое обобщеніе Де-Фриза не менѣе цѣнно. Онъ, какъ уже упоминалось выше, утверждаетъ, что въ ядрѣ всякой клѣтки имѣются всѣ роды пангенъ, характерные для даннаго организма. Это утвержденіе не только облегчаетъ пониманіе такихъ явленій, какъ безполое размноженіе, регенерація, прививочная гибридація и гетероморфозъ, не только оправдывается тѣми фактами, о которыхъ подробно говорилось въ первой статьѣ, но и уничтожаетъ разницу между клѣтками соматическими и зародышевыми.

Однако, въ глазахъ нѣкоторыхъ ученыхъ это—ересь, противъ которой особенно возстаетъ Августъ Вейсманъ. Къ изложенію его взглядовъ мы дальше и перейдемъ.

VII.

Вмѣстѣ со Спенсеромъ, Дарвиномъ и Де-Фризомъ мы до сихъ поръ то уносились въ заоблачныя сферы фантазіи, то возвращались въ прозаичный міръ дѣйствительности: „идеологическія надстройки“ этихъ авторовъ покоятся если и не на очень прочномъ, то во всякомъ случаѣ на фактическомъ „базисѣ“. Очевидно, вѣря въ легенду о миѳическомъ Антеѣ, и Спенсеръ, и Дарвинъ, и Де-Фризъ спускались всякій разъ, какъ имъ нужно было набраться свѣжихъ силъ, на землю, въ кругъ „низкихъ истинъ“ положительнаго знанія, а тамъ... вновь уносились въ царство „насъ возвышающаго обмана“, въ тотъ самый міръ, гдѣ мысль не вѣдаетъ цѣпей.

Но вотъ въ переспективѣ показывается тѣнь Августа Вейсмана. Вокругъ него волнующійся эфиръ межзвѣзднаго пространства. Въ одной рукѣ его—объемистый томъ въ 616 страницъ съ надписью: „*Das Keimplasma.* Eine Theorie der Vererbung“; другая рука устремлена въ даль, гдѣ виднѣется волшебный замокъ, залитый свѣтомъ необузданной фантазіи, остроумія, творческихъ порывовъ: это его дѣтище—плодъ эфемернаго союза положительной науки съ „чистымъ“ разумомъ. Чудное сооруженіе! Какая тонкая филигранная работа! Какое множество куполовъ, башенекъ, бельведеровъ; и все съ виду такъ законченно, такъ стройно. Снаружи — изящные барельефы, внутри — живописные фрески и плафоны, наверху — солнце поэзіи, а внизу, вокругъ основанія,— все облака, облака... Какъ тутъ не потерять головы, при видѣ всего этого великолѣпія, не взирая даже на отрезвляющія рѣчи такихъ строгихъ критиковъ, какъ О. Гертвигъ и Д. Роменсъ. Но просвѣтлѣніе, въ концѣ концовъ, все же наступаетъ: холодные души, отпускаемые щедрой рукой Гертвига и Роменса, возвращаютъ насъ къ дѣйствительности, и миражъ расплывается, исчезаетъ въ тѣхъ самыхъ облакахъ, что такъ непрочно подпирали основаніе волшебнаго зданія, воздвигнутаго художественнымъ геніемъ Вейсмана...

„Существуетъ, помимо опыта, и другіе пути для достиженія принципіальныхъ воззрѣній, — говоритъ Вейсманъ—и не всегда опытъ приводитъ къ самому вѣрному рѣшенію, если даже онъ на первыхъ порахъ и выглядитъ вполнѣ доказательнымъ... Мнѣ кажется, — продолжаетъ онъ нѣсколькими строками ниже, — что осторожные выводы изъ общихъ данныхъ о наслѣдственности ведутъ насъ къ цѣли вѣрнѣе, чѣмъ выводы изъ такихъ опытовъ, которые, какъ бы цѣнны они ни были и какъ бы мы ни стара-

лись принимать ихъ въ соображеніе, никогда не бываютъ вполнѣ чисты и несомнѣнны" *).

Что и говорить! Умозрѣніе и творчество играютъ важную роль въ естествознаніи. На ряду съ поэтическимъ и философскимъ творчествомъ можно смѣло поставить творчество научное. Развѣ тотъ процессъ, при помощи котораго палеонтологъ воссоздаетъ картины далекаго прошлаго изъ исторіи земли, не есть своего рода творчество? Развѣ космогоническая гипотеза Канта-Лапласа, ученіе о происхожденіи видовъ и эволюціонная теорія не составляютъ до извѣстной степени плодъ умозрѣнія? Развѣ на ряду съ именами „божественнаго" Платона и великаго Гете не встаютъ передъ нами имена Ньютона, Кювье, Дарвина—людей. надѣленныхъ глубокою мыслью и исключительнымъ даромъ научнаго творчества? Это трюизмы, и о нихъ не спорятъ. Но нужно помнить одно: умозрѣніе имѣетъ мѣсто въ естествознаніи лишь постольку, поскольку оно не только не противорѣчитъ фактамъ, но и подтверждается ими прямо или косвенно. Вейсманъ правъ, разумѣется, требуя, чтобъ факты эти были „несомнѣнны", и чтобъ опыты, производимые для провѣрки выводовъ изъ этихъ фактовъ, отличались возможною „чистотою". Однако, объявляя, во имя умозрѣнія, войну „сомнительнымъ" фактамъ и не „вполнѣ чистымъ" опытамъ, онъ ударяется въ противоположную крайность и строитъ далеко не „несомнѣнныя" обобщенія исключительно на данныхъ „вполнѣ чистаго" разума. Вѣрно-ли это, или нѣтъ—пусть читатель судитъ самъ, ознакомившись съ основоположеніями теоріи Вейсмана. Перейдемъ прямо къ дѣлу и развернемъ полностью тотъ архитектурный планъ, согласно которому, какъ полагаетъ Вейсманъ, построено живое вещество.

Въ зародышевой клѣткѣ, какъ и во всякой другой клѣткѣ, нужно различать два существенно различныхъ живыхъ вещества, *клѣточную и ядерную плазму*. Въ ядерной плазмѣ—и только въ ней одной—покоятся всѣ тайны развитія и наслѣдственной передачи. Она-то и есть истинный матеріальный субстратъ наслѣдственности, а потому и представляетъ исключительный научный интересъ. Назовемъ ее,—говоритъ Вейсманъ,—*Keimplasm'ой*, т. е. *зародышевой плазмой*. Постигнуть строеніе зародышевой плазмы, опредѣлить характеръ составляющихъ ее видимыхъ и невидимыхъ структурныхъ единицъ, понять ихъ взаимоотношенія, выяснить ихъ роль въ процессѣ развитія организмовъ и въ дѣлѣ наслѣдственности—такова задача Вейсмана. Къ услугамъ его два орудія, которыми онъ владѣетъ одинаково искусно: отличный микроскопъ и богатое воображеніе. Сначала мы съ вами въ мірѣ дѣйствительности. Передъ нами рядъ артистически изготовленныхъ микроскопическихъ препаратовъ, имѣющихъ цѣлью ознакомить

*) *A. Weismann*. «Das Keimplasma. Eine Theorie der Vererbung».

насъ съ грубою архитектурой зародышевой плазмы. Что же мы видимъ?

Ядро одѣто въ тоненькую оболочку. Внутри оболочки рельефно выступаетъ существенная часть ядернаго вещества, такъ называемый *хроматинъ*—кличка, связанная со способностью этого вещества окрашиваться различными красками, употребляемыми въ микроскопической техникѣ. Всмотримся, однако, внимательнѣе: хроматинъ состоитъ изъ отдѣльныхъ болѣе или менѣе обособленныхъ участковъ, имѣющихъ форму то шариковъ, то слегка согнутыхъ палочекъ, то нитей. Это—*хромозомы* или, по просту, зерна ядернаго вещества. „Я, — говоритъ Вейсманъ, — называю ихъ *идантами*" и тутъ же объясняетъ, что названіе это онъ заимствуетъ у Негели, который окрестилъ зародышевую плазму именемъ *идіоплазмы*, что значитъ собственно *наслѣдственная плазма*.

Дальше микроскопъ открываетъ въ нѣкоторыхъ, изъ предлагаемыхъ вашему вниманію препаратовъ, новыя чудеса. Оказывается, что хромозома есть нѣчто сложное: она въ свою очередь состоитъ изъ кучки болѣе или менѣе мелкихъ зернышекъ, *микрозамъ*, которыя Вейсманъ обозначаетъ именемъ *идовъ*.

Идъ есть собственно то же самое, что Вейсманъ раньше, въ другихъ своихъ произведеніяхъ, называлъ „прародительской плазмой"—Annenplasma; и этими словами—„прародительская плазма"—опредѣляется вполнѣ та роль, которую идъ долженъ играть въ явленіяхъ развитія и наслѣдственности. Ничтожный по величинѣ, едва видимый даже при сильныхъ увеличеніяхъ микроскопа, идъ тѣмъ не менѣе вмѣщаетъ въ себѣ все, что необходимо для возникновенія новаго организма: въ немъ in potentia заложены всѣ свойства и особенности взрослаго высоко-развитого существа, въ немъ - весь секретъ онтогенеза и наслѣдственной передачи признаковъ. Одного единственнаго ида было бы вполнѣ достаточно, чтобы возсоздать полностью взрослый организмъ. Но въ зародышевой плазмѣ много идовъ, и это обстоятельство не должно смущать насъ. Вѣдь появляющееся на свѣтъ потомство воспроизводитъ нерѣдко характерныя особенности своихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ; для храненія этихъ-то прародительскихъ свойствъ и предназначены довольно многочисленные иды.

Однако, мыслимая-ли вещь, чтобъ такая, можно сказать, универсальная штука, какъ идъ, представляла нѣчто незатѣйливое по строенію и простое по свойствамъ? Конечно, нѣтъ—отвѣчаетъ Вейсманъ и предлагаетъ ознакомиться съ детальнымъ строеніемъ ида. Но тутъ полномочія микроскопа кончаются, а потому намъ предстоитъ распрощаться съ міромъ чувственныхъ воспріятій и переселиться въ царство призраковъ.

Здѣсь мы первымъ дѣломъ встрѣчаемся съ *детерминантами* или „опредѣляющими частицами" (Bestimmungstücke oder Determinanten). Детерминантъ—многозначительное слово: не то предо-

предѣленіе, не то роковая необходимость. Дѣло въ томъ, что каждый идъ построенъ изъ множества различныхъ детерминантовъ. Чѣмъ сложнѣе организовано живое существо, чѣмъ разнохарактернѣе составляющія его клѣтки, тѣмъ разнообразнѣе и детерминанты, входящіе въ составъ зародышевой плазмы и, стало быть, каждаго отдѣльнаго ида. Свойствами детерминантовъ опредѣляются свойства тѣхъ клѣтокъ и клѣточныхъ группъ, которыя должны будутъ, въ концѣ концовъ, развиться изъ зародышевой плазмы. Отсюда и названіе этихъ невидимыхъ строительныхъ единицъ живого вещества—детерминанты. *Онѣ, подобно идамъ, могутъ расти и размножаться путемъ дѣленія.*

Почему-жъ детерминанты различны? Потому,—отвѣчаетъ Вейсманъ,—что они сравнительно высоко-организованные элементы зародышевой плазмы. Каждый детерминантъ составленъ изъ элементовъ низшаго порядка, которые собственно и суть предѣльныя структурныя единицы живого вещества. „Я,—говоритъ Вейсманъ,— называю эти единицы *носителями жизни или біофорами* (*Lebensträger oder Biophoren*), потому что онѣ представляютъ собою мельчайшія частички, въ которыхъ сказываются основныя свойства жизни: *ассимиляція и обмѣнъ веществъ, ростъ и размноженіе дѣленіемъ...*" „Въ дѣлѣ наслѣдственности біофоры играютъ ту же роль, которую Де-Физъ приписалъ своимъ пангенамъ, т. е. онѣ суть *носители клѣточныхъ свойствъ...*" „Я полагаю, что ни въ какомъ случаѣ нельзя считать біофоры чисто гипотетическими единицами; *они должны существовать*, ибо проявленія жизни должны быть связаны съ какими-нибудь матеріальными элементами" *). (Вездѣ курсивъ Вейсмана).

Разнообразны біофоры, ибо разнообразны свойства живого вещества; разнообразны тѣ сочетанія, въ которыя могутъ вступать біофоры; разнообразны, значитъ, должны быть и *построенные* изъ біофоровъ детерминанты. Да, именно *построенные* — по строго опредѣленному плану, какъ и подобаетъ такимъ важнымъ элементамъ живого вещества, какъ детерминанты. „Детерминантъ,— поясняетъ Вейсманъ,—не есть простая куча различныхъ біофоровъ, нѣтъ: *онъ—живая единица, надѣленная особыми свойствами* и стоящая выше біофора" (Ibid).

Сами біофоры сложены изъ цѣлой группы химическихъ молекулъ, а эти послѣднія, какъ извѣстно, состоятъ изъ атомовъ.

Итакъ, кому вздумается перечислить всѣ строительные элементы зародышевой плазмы, придерживаясь табели о рангахъ, тотъ долженъ будетъ распредѣлить ихъ въ такомъ порядкѣ: атомъ, молекула, біофоръ, детерминантъ, идъ и идантъ. Предлагаю кстати перечитать и слѣдующее резюмэ самого Вейсмана:

„Зародышевая плазма многоклѣтныхъ организмовъ состоитъ

*) *A. Weismann.* «Das Keimplasma».

изъ прародительскихъ плазмъ или *идовъ*—живыхъ единицъ третьей ступени, которыя, сочетаясь понѣскольку, образуютъ ядерные сегменты (Kernstäbchen—ядерныя палочки) или *иданты*. Каждый идъ построенъ изъ тысячъ или сотенъ тысячъ *детерминантовъ*—живыхъ единицъ второй ступени, которыя въ свою очередь составляются изъ особенныхъ носителей жизни, изъ *біофоровъ*, уже мельчайшихъ живыхъ единицъ. Біофоры разнообразны, и каждый видъ ихъ соотвѣтствуетъ опредѣленнымъ частямъ клѣтки: они, слѣдовательно, носители свойствъ клѣтокъ. Въ различномъ, но строго опредѣленномъ числѣ и сочетаніи они составляютъ детерминанты, изъ которыхъ каждая является зачаткомъ извѣстной клѣтки или же болѣе или менѣе значительной группы клѣтокъ". (Ibid.)...

Замѣчательно, какъ часто мысль теоретиковъ естествознанія вертится въ какомъ-то заколдованномъ кругу, не будучи въ силахъ выбиться изъ-подъ власти нѣкоторыхъ, точно сросшихся съ психико-физической организаціей человѣка, общихъ представленій и символовъ! Когда были открыты клѣтки, то наука стала величать каждый сложный организмъ микрокосмомъ, состоящимъ изъ милліоновъ разнообразнѣйшихъ строительныхъ элементовъ. Когда затѣмъ микроскопъ далъ намъ возможность постигнуть детальную архитектуру клѣтки, тогда ужъ *ее* стали называть микрокосмомъ, который составленъ изъ крошечныхъ, но покуда еще *видимыхъ* частичекъ живого вещества. Но мысль теоретиковъ не успокоилась и на этомъ. Она перешагнула за порогъ чувственныхъ воспріятій и превратила въ *невидимый* микрокосмъ то, что раньше признавалось лишь простымъ элементомъ видимаго микрокосма: крошечная частичка живой матеріи, ничтожный по размѣрамъ *идъ* преобразился въ цѣлую вселенную, состоящую изъ милліоновъ невидимыхъ біофоровъ, а клѣтка—когда-то предѣльный структурный элементъ живого существа—стала вмѣстилищемъ огромнаго числа самостоятельныхъ микрокосмовъ. Милліоны *микро*-микрокосмовъ въ каждомъ *микро*-микрокосмѣ — можно-ли идти дальше этого! При желаніи остаться послѣдовательнымъ, не только можно, но и должно. Что мѣшаетъ намъ считать и біофоръ своего рода микрокосмомъ? Въ мірѣ призраковъ и неизмѣримо малыхъ величинъ для разума не существуетъ препонъ: тутъ все возможно, все допустимо. Когда атомистъ на основаніи дѣлимости матеріи трактуетъ объ атомахъ, подъ-атомахъ второго, десятаго, сотаго и т. д. порядка, когда онъ, идя по стопамъ Ампера, утверждаетъ, что всякое тѣло состоитъ не изъ матеріальныхъ атомовъ, а изъ непротяженныхъ центровъ приложенія силъ—тогда остается лишь благоговѣйно преклониться предъ послѣдовательностью такого атомиста, не убоявшагося загнать мысль свою въ логическій тупикъ. И совершенно такого же поощренія за неустрашимость заслуживаетъ біологъ, который въ страстномъ порывѣ постигнуть

смыслъ жизненнаго процесса, начнетъ дробить біофоры на суббіофоры перваго, сотаго и т. д. порядка, пока не придетъ къ счастливой мысли, что живая матерія состоитъ сплошь изъ непротяженныхъ математическихъ точекъ приложенія *жизненной* силы. Много-ли отъ этого словеснаго спорта выиграетъ наука— не берусь судить; напомню только характерную сценку въ кабинетѣ Фауста.

Мефистофель.

. . . И вообще, во всемъ держитесь слова.
Дорога торная тогда для васъ готова
Къ познанью твердому всего.

Ученикъ.

Но вѣдь понятія въ словахъ должны же быть?

Мефистофель.

Прекрасно; но надъ тѣмъ не надо такъ трудиться:
Коль скоро недочетъ въ понятіяхъ случится,
Ихъ можно словомъ замѣнить.
Словами диспуты ведутся,
Изъ словъ системы создаются;
Словамъ должны мы довѣрять,
Въ словахъ нельзя ни іоты измѣнять...

А впрочемъ, извиняюсь за лирическое отступленіе и возвращаюсь вновь къ Вейсману.

Какъ же дѣйствуетъ тотъ механизмъ, который зовется зародышевой плазмой? Вопросъ о томъ, ктò или чтò приводитъ его въ дѣйствіе — придется ужъ оставить въ сторонѣ: успокоимся на мысли, что тутъ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ механизмомъ *самодѣйствующимъ*.

Развитіе начинается съ того момента, какъ одноклѣтный зародышъ распадается на двѣ эмбріональныя клѣтки; при этомъ весь механизмъ „зародышевой плазмы“ приходитъ въ движеніе: иданты, иды, детерминанты и біофоры принимаются за предназначенную имъ работу. Каждый идантъ ядра зародышевой клѣтки дѣлится на двое; съ ними вмѣстѣ дѣлятся и иды, входящіе въ составъ иданта, такъ что обѣ дочернія клѣтки зародыша, или, какъ называютъ ихъ, шары дробленія, получаютъ по равному количеству ядернаго вещества. Однако, *равное количественно* оказывается *неравнымъ качественно*. Уже при первомъ дѣленіи, какъ полагаетъ Вейсманъ, ядра обоихъ шаровъ дробленія становятся настолько различными, что одно изъ нихъ содержитъ въ себѣ лишь данныя для образованія внѣшняго зародышеваго пласта (эктодермы), а другое—только наслѣдственныя свойства внутренняго зародышеваго пласта (энтодермы). Но откуда такая разница? Что собственно произошло? Иды при дѣленіи распались на несходныя, *качественно* несходныя, половинки; въ одной дочерней клѣткѣ очутились одни изъ детерминантовъ, въ другой — другіе:

это-то и вызвало разницу между первыми шарами дробленія. Дальше повторяется съ извѣстною послѣдовательностью и законностью та же исторія *). Зародышевая плазма систематически дифференцируется. Иды вновь образующихся клѣтокъ при всякомъ слѣдующемъ дѣленіи становятся все бѣднѣе и бѣднѣе *качественно различными* детерминантами, архитектура ихъ постепенно упрощается, и дѣло кончается тѣмъ, что образуется, наконецъ, столько же отдѣльныхъ видовъ идовъ — а стало быть и ядерныхъ веществъ,—сколько въ зародышевой клѣткѣ имѣлось самобытныхъ детерминантовъ. Говоря конкретно, зародышевая плазма, которая въ началѣ состояла, положимъ, изъ тысячи сортовъ детерминантовъ, за время онтогенеза распадается на тысячу разнородныхъ ядерныхъ плазмъ, въ каждой изъ которыхъ представительствуетъ одинъ какой-нибудь родъ детерминантовъ. „На этомъ сложномъ процессѣ распаденія ида зародышевой плазмы на детерминанты основывается все построеніе организма, образованіе его болѣе крупныхъ частей, расчлененіе его, возникновеніе отдѣльныхъ органовъ и даже обусловливаемая количествомъ клѣтокъ величина этихъ органовъ. Общій планъ строенія организма, а также проявленіе качествъ, обозначающихъ тотъ классъ, порядокъ, семейство и родъ, къ которому относится данный организмъ—все это основывается исключительно на процессѣ распаденія зародышевой плазмы на детерминанты“ **).

Прямая обязанность детарминанта въ онтогенезѣ сводится къ тому, чтобы донести до извѣстной клѣтки связную группу вполнѣ опредѣленныхъ біофоровъ. На этомъ роль его собственно и кончается. Дальше на сцену выступаютъ сами біофоры—предѣльныя структурныя единицы живого вещества. Детерминантъ распадается на составляющіе его біофоры, послѣдніе пробираются сквозь поры ядерной оболочки въ протоплазму, чтобы наложить на нее свой отпечатокъ и придать ей ту или иную физіономію: несходные по строенію и по профессіи, различные біофоры служатъ источникомъ разнообразія самихъ клѣтокъ. И это распаденіе детерминантовъ на составляющіе ихъ біофоры и выходъ по-

*) «Ядра обоихъ шаровъ дробленія уже при первомъ дѣленіи одноклѣтнаго зародыша могутъ сдѣлаться настолько несходными, что одно изъ нихъ будетъ содержать лишь наслѣдственныя свойства эктодермы, другое — энтодермы. При дальнѣйшемъ дробленіи эктодермальное вещество ядра распадется на вещество, содержащее наслѣдственные зачатки нервной системы и вещество, содержащее зачатки наружныхъ покрововъ. Въ первомъ, при дальнѣйшемъ дробленіи, ядерное вещество, заключающее наслѣдственныя особенности органовъ чувствъ, обособится отъ вещества, содержащаго характерные зачатки центральной нервной системы и т. д., и т. д., вплоть до того момента, какъ будутъ заложены всѣ отдѣльные органы и скажутся всѣ тончайшія особенности гистологической дифференцировки». *A. Weisman.* «Das Keimplasma».

**) *A. Weisman.* «Das Keimplasma».

слѣднихъ изъ ядра въ протоплазму совершается какъ на протяженіи всего онтогенеза, такъ и въ клѣткахъ зрѣлаго организма.

Итакъ, всякій, закончившій свое развитіе, вполнѣ сформировавшійся организмъ — всѣ члены, органы, ткани и клѣтки его, вмѣстѣ взятые — представляютъ собою какъ бы генеалогическое дерево детерминантовъ, постепенно обособлявшихся отъ зародышевой плазмы, выступавшихъ въ извѣстномъ предустановленномъ порядкѣ на арену дѣятельности и проявлявшихъ свою индивидуальность въ лицѣ приносимыхъ ими біофоровъ.

Какъ ни остроумна эта подробная картина строенія живого вещества и онтогенеза, однако, не трудно замѣтить, что главныя краски для нея взяты съ палитры другихъ мастеровъ. Біофоры Вейсмана — все одно, что пангены Де-Фриза: подобно послѣднимъ, они со строго опредѣленною послѣдовательностью покидаютъ ядра и проникаютъ въ протоплазму клѣтокъ, чтобы опредѣлить тамъ ихъ типичныя особенности. Детерминанты же очень напоминаютъ собою Дарвиновскія геммулы. Геммулы являются представителями или отдѣльныхъ клѣтокъ или же цѣлой группы клѣточныхъ элементовъ; та же роль отводится Вейсманомъ и детерминантамъ. Каждая геммула можетъ дать начало цѣлой арміи отвѣчающихъ ей по характеру клѣтокъ; и совершенно также одного единственнаго детерминанта вполнѣ достаточно для образованія цѣлой группы однозначущихъ клѣтокъ. Клѣтки всѣхъ ступеней эмбріональнаго развитія, какъ извѣстно, должны имѣть въ одноклѣтномъ зародышѣ своихъ геммулъ; и совершенно также въ „зародышевой плазмѣ“ Вейсмана скрываются детерминанты, опредѣляющіе свойства клѣтокъ различныхъ стадій онтогенеза. Оригинальнымъ въ архитектурномъ планѣ Вейсмана является то обстоятельство, что онъ заставляетъ свои біофоры сочетаться въ единицы высшаго порядка — детерминанты, которые, въ свою очередь, складываются въ строительные элементы еще болѣе высокаго порядка—въ иды и иданты; при чемъ Вейсманъ считаетъ возможнымъ предположить — хотя и не безъ оговорокъ, — что его иданты и иды соотвѣтствуютъ зернамъ (хромозомамъ) и зернышкамъ (микрозомамъ) ядернаго вещества. Но такъ-ли это, и отличаются-ли зерна и зернышки ядра такою сложною архитектурой, которая рисуется въ воображеніи Вейсмана, — дѣло спорное и во всякомъ случаѣ не доказанное.

Приписавши своимъ біофорамъ свойства пангенъ, Вейсманъ тѣмъ не менѣе рѣшительно разошелся съ Де-Фризомъ въ пониманіи онтогенеза. По Де-Фризу всѣ клѣтки онтогенетическаго процесса снабжаются *качественно-сходными ядрами*; по Вейсману, наоборотъ, уже первыя двѣ дочернія клѣтки зародыша получаютъ *качественно различныя ядерныя вещества*, которыя предна-

значены для образованія различныхъ частей взрослаго организма *). Впрочемъ, и тутъ Вейсманъ далеко не оригиналенъ. Много раньше него Гисъ утверждалъ, что „каждая точка въ зародышевомъ дискѣ соотвѣтствуетъ будущему органу или части органа, и что, съ другой стороны, каждый органъ, развивающійся изъ зародышеваго диска, долженъ имѣть *предобразованный зачатокъ* въ какомъ-нибудь, занимающемъ опредѣленное мѣсто, участкѣ этого диска"... „Матеріалъ для такого зачатка,—продолжаетъ Гисъ,—уже имѣется въ зародышевомъ дискѣ, но онъ *не отчлененъ морфологически и непосредственно не различимъ*... Однако, идя отъ позднѣйшихъ ступеней онтогенеза къ все болѣе и болѣе раннимъ, мы, наконецъ, дойдемъ до того, что и въ періодѣ несовершеннаго или вовсе отсутствующаго расчлененія сумѣемъ указать мѣсто каждаго зачатка; при желаніи остаться послѣдовательными, мы должны распространить этотъ принципъ и на только что оплодотворенное и даже на неоплодотворенное яйцо" **).

Это ученіе Гиса, извѣстное подъ именемъ *принципа органообразующихъ участковъ зародыша*—Princip der Organbildenden-keimbezirke—проводится, хотя и нѣсколько иначе, также въ работахъ Вильгельма Ру. Я имѣю въ виду такъ называемую *мозаичную теорію развитія* Ру. По этой теоріи процессъ развитія есть своего рода „*мозаичная работа*" — eine Mosaikarbeit — или своеобразный процессъ, при которомъ цѣлое возникаетъ изъ нѣсколькихъ или многихъ независимо развивающихся частей зародышеваго диска, такъ что оно, это цѣлое, является чѣмъ-то вродѣ мозаики, составленной изъ отдѣльныхъ самостоятельно образующихся участковъ. Чтобы судить, насколько въ этомъ отношеніи взгляды Вейсмана совпадаютъ со взглядами Ру, достаточно прочесть хотя бы только слѣдующую короткую выдержку изъ одной статьи В. Ру: „Каждый изъ обоихъ шаровъ дробленія, — говоритъ этотъ выдающійся ученый, — содержитъ въ себѣ какъ строительный матеріалъ для соотвѣтствующаго участка зародыша, такъ и дифференцирующія и формирующія силы" ***)...

Все это—и ученіе о распаденіи зародышевой плазмы на разнородные детерминанты, и принципъ органообразующихъ участковъ Гиса, и мозаичная теорія Ру — все это въ сущности различные варіанты теоріи *предобразованія*: въ одноклѣтномъ заро-

---

*) «У многихъ животныхъ, напр. у лягушки, дѣленіе яйца на двѣ первыя эмбріональныя клѣтки означаетъ раздѣленіе правой и лѣвой половины тѣла... Идъ зародышевой плазмы такого яйца обладаетъ двусторонне-симетричнымъ строеніемъ и при первомъ дѣленіи расщепляется на детерминанты правой и лѣвой половины тѣла». (Вейсманъ).

**) *His*. «Unsere Körperform und das phisiologische Problem ihrer Entstehung».

***) *W. Roux*. Ueber die künstliche Hervorbringung halber Embryonen durch Zerstörung einer der beiden ersten Furchungskugeln.

дышѣ все напередъ предопредѣлено, нѣтъ перехода отъ однообразія къ разнообразію, а есть лишь постепенное обнаруженіе скрытаго, невидимаго разнообразія — таковъ смыслъ преформаціонныхъ взглядовъ новѣйшаго пошиба. Насколько они согласуются съ данными современной біологіи—увидимъ ниже. А пока обратимся снова къ Вейсману.

Кто полагаетъ, что зародышевая плазма на пути онтогенетическаго процесса распадается на составляющіе ее элементы, тотъ естественно долженъ признавать коренную разницу между зародышевыми и соматическими клѣтками. И мы, дѣйствительно, видимъ, что Вейсманъ держится такого именно взгляда.

Существуетъ, какъ полагаетъ онъ, два *типа* ядерныхъ веществъ. Въ половыхъ элементахъ ядерное вещество образуетъ настоящую *зародышевую плазму, сложно-организованную и способную возсоздавать потомство.* Въ клѣткахъ же соматическихъ—мускульныхъ, эпителіальныхъ, нервныхъ и т. п.—имѣются лишь осколки зародышевой плазмы: ядра этихъ клѣтокъ организованы гораздо проще, чѣмъ ядро яйцевой клѣтки или сперматозоида, они *несходны межъ собой и неспособны дать начало новому организму.*

Однако, если дѣленіе зародышевой плазмы во время онтогенеза есть въ сущности „наслѣдственно неравное дѣленіе“, если эмбріональныя клѣтки получаютъ лишь обрывки зародышевой плазмы, то какимъ это образомъ половые элементы могутъ заключать въ себѣ *полную, способную къ воспроизведенію потомства* зародышевую плазму? Вѣдь и половые элементы представляютъ собою клѣтки, развивающіяся лишь въ опредѣленной стадіи онтогенеза; стало быть, и въ нихъ должны бы заключаться лишь жалкіе осколки зародышевой плазмы?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, ставящій въ критическое положеніе все ученіе Вейсмана о дифференціальномъ дѣленіи ядра зародышевой клѣтки, должна служить *теорія непрерывности зародышевой плазмы*—der Continuität des Keimplasma's. Это одинъ изъ центральныхъ пунктовъ въ міросозерцаніи Вейсмана, а потому на немъ не мѣшаетъ остановиться подробнѣе. Посмотримъ, что̀ это значитъ—„непрерывность зародышевой плазмы“.

Въ зародышевой плазмѣ оплодотвореннаго яйца имѣется много идовъ. Но не всѣ они во время онтогенеза распадаются на детерминанты. Нѣкоторые иды остаются при этомъ безъ измѣненія; *они удерживаютъ при себѣ всѣ роды детерминантовъ, передаются въ неразложенномъ видѣ цѣлому ряду эмбріональныхъ клѣтокъ одновременно съ обрывками дифференцирующихся идовъ и, наконецъ, становятся ядрами половыхъ элементовъ* въ ту самую пору, когда эти элементы возникаютъ у зрѣлаго организма. Говоря иначе, въ ядрѣ оплодотвореннаго яйца имѣется на самомъ дѣлѣ двоякаго рода зародышевая плазма: одна—активная, разложимая

(ею-то и обусловливается процессъ эмбріональнаго развитія), и другая *связная*, до поры до времени *неактивная*, предназначенная для цѣлей размноженія: въ каждомъ поколѣніи она сберегается для образованія потомства и въ этомъ смыслѣ „непрерывна".

Эта мысль о „непрерывности" зародышевой плазмы составляетъ основу вейсмановской теоріи наслѣдственности. Зародышевая плазма передается отъ родителей дѣтямъ, почти не измѣняясь: ея составъ, ея архитектура—не только въ грубыхъ чертахъ, но и въ тончайшихъ деталяхъ—сохраняютъ основное тождество въ ряду смѣняющихъ другъ друга поколѣній. Не будь этого, не существовало бы и наслѣдственности. „Наслѣдственная передача родительскихъ свойствъ ребенку,—говоритъ Вейсманъ,—можетъ основываться только на томъ, что зародышевая клѣтка, изъ которой возникаетъ ребенокъ, содержитъ въ себѣ какъ разъ такіе-же самые иды, какіе содержались въ тѣхъ зародышевыхъ клѣткахъ, изъ которыхъ развились сами родители". Чтобъ ярче оттѣнить свою мысль и подчеркнуть то значеніе, которое играетъ *архитектура* зародышевой плазмы въ явленіяхъ наслѣдственности, Вейсманъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующее: „Въ архитектурѣ ида зародышевой плазмы заключены потенціально всѣ структуры слѣдующихъ ступеней ида; въ ней заключается основа правильнаго распредѣленія детерминантовъ, т. е. основа всего построенія тѣла, начиная съ типичныхъ общихъ чертъ его; въ ней, въ архитектурѣ зародышевой плазмы, кроется причина, напримѣръ, того, почему детерминантъ, опредѣляющій появленіе пятнышка на крылѣ мотылька, занимаетъ какъ разъ то мѣсто, которое ему надлежитъ занять; почему детерминантъ, предназначенный для пятаго членика на щупальцѣ водяной блохи, достигаетъ какъ разъ пятаго, а не хотя бы четвертаго членика". *)

Не разъ уже упоминалось о томъ, что въ организаціи потомковъ переплетаются характерныя особенности не только родителей, но и болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. Вейсманъ находитъ подходящее объясненіе и для этого факта. Зародышевая плазма оплодотвореннаго яйца состоитъ, какъ уже говорилось выше, изъ различныхъ идовъ: тутъ находятся иды не только обоихъ родителей потомка, но и различныхъ предковъ его, такъ называемыя „прародительскія плазмы". Всѣ эти иды имѣютъ тенденцію развиться, но не всѣ, разумѣется, развиваются. Въ зависимости отъ различныхъ условій и отъ способности идовъ къ размноженію, одни изъ нихъ развиваются быстро, тогда какъ другіе отстаютъ въ развитіи или же остаются совершенно недѣятельными: между различными идами загорается борьба за право первенства въ онтогенетическомъ процессѣ, и „*строеніе ребенка будетъ лишь*

*) «Das Keimplasma». *Weismann.*

результатомъ борьбы всѣхъ заключающихся въ зародышевой плазмѣ идовъ" (Ibid.)

Да, Вейсманъ черпаетъ, можно сказать, полными пригоршнями аргументы изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ для обосновки своего міросозерцанія. Его „борьба идовъ" есть не только дальнѣйшее развитіе идей, пущенныхъ въ оборотъ Вильгельмомъ Ру въ сочиненіи „Der Kampf der Theile im Organismus", но и ничѣмъ не отличается отъ борьбы „геммулъ" Дарвина и борьбы „физіологическихъ единицъ" Спенсера. Да и самое ученіе о непрерывности и безсмертіи зародышевой плазмы сильно сбивается на теорію наслѣдственности англійскаго ученаго Гальтона, опубликованную имъ лѣтъ за 10 до первыхъ работъ Вейсмана, касающихся зародышевой плазмы. Такъ называемый „корень" Гальтона, наслѣдственное начало зародышевыхъ клѣтокъ, совершенно то же что и зародышевая плазма. Онъ, какъ и послѣдняя, получается изъ „корня" предшествующихъ поколѣній; часть его расходуется при онтогенезѣ (активная, разложимая зародышевая плазма Вейсмана), а неразложенный остатокъ (связная, неактивная зародышевая плазма) идетъ на образованіе „корня" потомка и служитъ передатчикомъ наслѣдственныхъ свойствъ слѣдующему поколѣнію потомковъ. Подобно зародышевой плазмѣ, „корень" Гальтона существенно отличается отъ плазмы соматическихъ клѣтокъ; подобно ей, онъ въ значительной степени стоекъ и непрерывенъ... Словомъ, сходство тутъ, по остроумному замѣчанію Роменса, такъ же велико, какъ между штемпелемъ и его отпечаткомъ.

Однако, сходство сходствомъ, а различіе между взглядами Гальтона и Вейсмана все-же есть. Оно касается вопроса наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ. Гальтонъ, въ качествѣ осторожнаго въ „умозрѣніяхъ" англичанина, не предрѣшаетъ окончательно этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ и допускаетъ, что наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ — дѣло возможное. Вейсманъ-же, исходя изъ теоретическихъ соображеній, рѣшительно отвергаетъ такого рода наслѣдственность. Строитъ онъ свое воззрѣніе на якобы коренномъ различіи между зародышевыми и соматическими клѣтками, а также на различіи между одноклѣтными и многоклѣтными организмами. Одноклѣтный организмъ и одноклѣтный зародышъ сложнаго организма, разсуждаетъ Вейсманъ, очень схожи. Оба они подвержены вліянію внѣшнихъ условій и передаютъ по наслѣдству тѣ перемѣны, которыя въ нихъ возникли. Наслѣдственность пріобрѣтенныхъ свойствъ у одноклѣтныхъ—вещь обыкновенная и даже необходимая: вѣдь если у корненожки или бактеріи произойдутъ какія-либо измѣненія, то они скажутся и на потомкахъ, ибо новыя корненожки и бактеріи, возникающія при дѣленіи старыхъ, получаютъ полностью всѣ составныя части зародышевой плазмы родителей, а, стало быть, и тѣ части, которыя измѣнились подъ вліяніемъ какихъ-нибудь

условій. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло у организмовъ многоклѣтныхъ. У нихъ всѣ перемѣны, возникающія въ соматическихъ клѣткахъ, умираютъ вмѣстѣ со смертью этихъ клѣтокъ и, слѣдовательно, не оказываютъ никакого вліянія на зародышевыя клѣтки, изъ которыхъ должно будетъ возникнуть потомство. Вотъ почему у такихъ организмовъ нѣтъ и не можетъ быть наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ. И то, что такъ часто толкуется подъ именемъ наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ, покоится совсѣмъ на иномъ основаніи. Когда, говоритъ Вейсманъ, подъ вліяніемъ какихъ-либо условій измѣняются детерминанты соматическихъ клѣтокъ, то могутъ одновременно и соотвѣтственно измѣниться тѣ-же самые детерминанты и въ зародышевыхъ клѣткахъ; а разъ произойдетъ перемѣна въ зародышевой плазмѣ, то понятно, что она должна будетъ обнаружиться въ потомствѣ, развившемся изъ такой измѣненной зародышевой плазмы. „Какой-нибудь крошечный участокъ кожи человѣка, читаемъ мы по этому поводу у Вейсмана, не могъ-бы измѣниться наслѣдственно и самостоятельно, если бы въ зародышевой плазмѣ не было маленькаго живого элемента, который какъ разъ соотвѣтствуетъ этому участку кожи *и варіація котораго влечетъ за собою измѣненіе этого участка*. Если бы было иначе, то не могло бы существовать родимыхъ пятнышекъ“.

Итакъ, у многоклѣтныхъ организмовъ по наслѣдству передаются только такія измѣненія, которыя возникаютъ въ зародышевыхъ клѣткахъ, т. е. въ самой зародышевой плазмѣ, ибо только она способна воспроизводить потомство.

Но въ такомъ случаѣ, какъ объяснить размноженіе гидръ, полиповъ и растеній почками? Какъ истолковать въ терминахъ ученія о детерминантахъ явленія полной регенераціи, клѣточнаго полиморфизма, прививочнаго гибридизма—способность крошечной частички гидры превращаться въ новую гидру, способность любой группы клѣтокъ на тѣлѣ растенія давать начало то корню, то листостебельному побѣгу, то цвѣточной почкѣ, способность Cytisus laburnum давать путемъ прививки совершенно новую разновидность Cytisus Adami? (См. первую статью). Вѣдь во всѣхъ такихъ явленіяхъ орудуютъ ужъ соматическія, а не зародышевыя клѣтки. Почему же онѣ такъ великолѣпно исполняютъ въ данномъ случаѣ прямыя обязанности зародышевыхъ клѣтокъ?

Отвѣтъ Вейсмана таковъ: *соматическія* клѣтки, которымъ надлежитъ служить дѣлу почкованія, полной регенераціи и т. д., заключаютъ въ себѣ, *подобно половымъ элементамъ*, не только специфическое, опредѣляющее ихъ характеръ, ядерное вещество, но и *неразложенную зародышевую плазму*. Эта-то *добавочная зародышевая плазма* позволяетъ всѣмъ такимъ соматическимъ клѣткамъ исполнять при случаѣ ту же самую роль, которая обыкновенно выпадаетъ на долю половыхъ элементовъ.

Ученіе о „добавочной“, резервной зародышевой плазмѣ и о дополнительныхъ детерминантахъ — Ersatzdeterminanten — вводитъ насъ въ сферу несчетнаго числа „добавочныхъ“, вспомогательныхъ гипотезъ, всевозможныхъ надстроекъ и пристроекъ, которыми Вейсманъ украсилъ свой воздушный замокъ.

Такой надстройкой нужно прежде всего считать гипотезу о „прародительскихъ плазмахъ“ и о борьбѣ идовъ за право участія въ онтогенезѣ: гипотеза эта, какъ говорилось уже выше, придумана для объясненія явленій наслѣдственности вообще и атавизма въ частности. Впрочемъ, эта надстройка все же меньше остальныхъ бросается въ глаза. Но вотъ другія.

Мы только что узнали, что въ зародышевой плазмѣ, кромѣ обыкновенныхъ детерминантовъ, есть еще *Ersatz-Determinant'ы*, служащіе цѣлямъ регенераціи. Дальше встаетъ вопросъ о причинахъ полового диморфизма, и зародышевая плазма, по волѣ Вейсмана, обогащается еще однимъ видомъ детерминантовъ. Само собою разумѣется, что какъ первичные, такъ и вторичные половые признаки самцовъ и самокъ должны быть представлены въ зародышевой плазмѣ особыми детерминантами; иначе, думаетъ Вейсманъ, не откуда было бы взяться этимъ признакамъ. „Я, говоритъ онъ, представляю себѣ эти половые детерминанты, какъ *двойные детерминанты* — Doppeldeterminanten,—которые всюду встрѣчаются вмѣстѣ и въ тѣсной связи другъ съ другомъ; однако, они таковы, что активными могутъ быть *только одни изъ нихъ*“. Лишь только настаетъ тотъ моментъ, когда должны сказаться характерныя особенности каждаго пола, одна составная часть двойныхъ детерминантовъ становится активной, а другая остается недѣятельной, смотря, конечно, по тому, къ какому полу будетъ принадлежать развивающійся зародышъ.

Воспользовавшись этимъ объясненіемъ полового диморфизма, вы навѣрное сами догадаетесь, чѣмъ обусловливается *полиморфизмъ*. Въ семейной общинѣ пчелъ и муравьевъ мы находимъ не только самцовъ и самокъ, но и дѣвственницъ-работницъ; *) въ термитникахъ опять-таки имѣются существа мужскаго, женскаго и... средняго пола: самки, развитые самцы и прирожденные скопцы-работники, недоразвитые самцы. Такіе факты можно объяснить себѣ, допустивши, что въ зародышевой плазмѣ этихъ насѣкомыхъ находятся тройные детерминанты. Приблизительно такъ и поступаетъ Вейсманъ. Онъ пишетъ: „Итакъ, ничего не остается больше, какъ предположить, что женская половинка двойного детерминанта можетъ въ свою очередь стать двойною, при чемъ она составляется изъ „царской“ и „рабочей“ полови-

*) Кстати сказать, теперь извѣстно, что нѣкоторыя изъ этихъ дѣвственницъ (народъ называетъ ихъ *трутовками*) откладываютъ неоплодотворенныя яйца, изъ которыхъ развиваются трутни.

нокъ... Дифференцировка детерминантовъ можетъ идти и дальше, такъ что и мужская половинка распадется на двѣ различныя половинки". Вотъ эти-то половинчатые детерминанты—Determinantenhälften—двойныхъ детерминантовъ и вызываютъ образованіе полиморфныхъ формъ.

Съ такимъ же успѣхомъ можно при помощи детерминантовъ объяснить всѣ случаи такъ называемаго „сезоннаго диморфизма". Если бѣлая куропатка мѣняетъ свой темный лѣтній костюмъ на бѣлый зимній, то это происходитъ только потому, что въ зародышевой плазмѣ ея скрываются детерминанты лѣтняго и зимняго оперенія, которые поочередно, въ зависимости отъ условій температуры, то становятся активными, то замираютъ на время. Эти лѣтніе и зимніе детерминанты—Sommer- und Winter-Determinanten *)—составляютъ половинки двойныхъ детерминантовъ оперенія...

Also sprach... August Weismann.

Здѣсь не мѣсто распространяться о всѣхъ вспомогательныхъ гипотезахъ Вейсмана: ихъ имѣется еще не малое количество; но и приведенныхъ достаточно, чтобы согласиться съ Дришемъ, что теоретическое зданіе Вейсмана очень напоминаетъ собою „поставленную верхушкой внизъ пирамиду: внизу — основная гипотеза, а дальше—вспомогательное предположеніе на вспомогательномъ предположеніи"...

Ужъ не впервые выступаетъ Вейсманъ съ своей теоріей „зародышевой плазмы". На протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ измѣнялъ, дополнялъ и варьировалъ ее

> Себѣ противорѣча тѣмъ сильнѣй,
> Чѣмъ рѣчь хотѣлъ онъ высказать умнѣй
> («Фаустъ», II ч.).

и, наконецъ, выступилъ съ книгой „Das Keimplasma", въ которой взгляды его, испытавши на себѣ нѣчто вродѣ геологическаго переворота, представлены въ обновленной и систематизированной (на долго-ли?) формѣ. Каковы эти взгляды, намъ уже извѣстно.

Клѣтки сложнаго организма различны потому, что несходны въ нихъ ядра, а ядра несходны потому, что наслѣдственная масса оплодотвореннаго яйца постепенно дифференцируется во время онтогенеза — таковъ центральный пунктъ въ міровоззрѣніи Вейсмана. На что онъ опирается? На факты? На наблюденія? На эксперименты? Посмотримъ.

У одноклѣтныхъ организмовъ—у амёбъ, инфузорій, корненожекъ, одноклѣтныхъ водорослей и грибковъ—имѣетъ мѣсто, очевидно, *наслѣдственно-равное дѣленіе ядра*, ибо потомство всѣхъ

*) Я привожу вездѣ термины и на нѣмецкомъ языкѣ, чтобы читатель видѣлъ, что они не мною измышлены, а составляютъ законную собственность самого Вейсмана.

этихъ организмовъ воспроизводитъ въ точности всѣ характерныя особенности своихъ родителей. Также наслѣдственно равно дѣлятся и соматическія клѣтки сложнаго организма: эпителіальная клѣтка даетъ путемъ дѣленія эпителіальную, мускульная—мускульную, нервная—нервную и т. д. Этого не отрицаетъ и Вейсманъ. Наконецъ, непосредственныя наблюденія—вспомните хотя бы такъ называемый „каріокинезъ", тотъ сложный процессъ дѣленія ядра, о которомъ упоминалось въ началѣ этой статьи—непосредственныя наблюденія показываютъ, что ядро оплодотвореннаго яйца при дѣленіи распадается также на равноцѣнныя половинки. Съ этимъ-то Вейсманъ и не желаетъ согласиться. Онъ утверждаетъ, что въ данномъ случаѣ количественно-равное дѣленіе ядернаго вещества еще не доказываетъ, что оно, т. е. дѣленіе, и *качественно* равно: уже первыя двѣ клѣтки дробящагося на двое оплодотвореннаго яйца получаютъ, говоритъ онъ равныя количества *качественно-несходной* зародышевой плазмы. Но если наслѣдственное вещество во время онтогенеза распадается на несходные по свойствамъ элементы, если оно дѣйствительно дифференцируется, то, спрашивается, какимъ это образомъ въ клѣтки, предназначенныя для регенераціи, безполаго и полового размноженія, попадаетъ *недифференцированная, связная* зародышевая плазма, способная возсоздать весь организмъ полностію? Для этого у Вейсмана припасена „добавочная" зародышевая плазма, обладающая способностью дѣлиться на наслѣдственно-равныя части.

Отсюда слѣдуетъ, что зародышевая плазма *въ одно и то же время* распадается и на *наслѣдственно-равныя* и на *наслѣдственно-неравныя части*, что вещество, которому, повидимому, само провидѣніе повелѣло быть *стойкимъ* и передавать свою архитектуру полностью въ ряды смѣняющихъ другъ друга поколѣній, въ то же время обнаруживаетъ удивительную *нестойкость* и разсыпается на составныя части въ теченіе онтогенеза. И все это разсказывается такимъ убѣжденнымъ тономъ, описывается такъ детально и картинно, что можно подумать, будто авторъ по меньшей мѣрѣ самъ все это видѣлъ не разъ.

Но дѣйствительно ли такъ ужъ необходимо для пониманія явленій развитія и наслѣдственности это дѣленіе идъ на армію дѣйствующую и резервную, являющуюся къ услугамъ Вейсмана въ критическія минуты, когда его ученіе о наслѣдственно-неравномъ дѣленіи зародышевой плазмы оказывается недостаточнымъ для пониманія сложныхъ явленій жизни? Или, быть можетъ, задача, которую Вейсманъ пытается рѣшить съ помощью своего ученія о двояко-размножающейся зародышевой плазмѣ, рѣшается проще, чѣмъ думаетъ нашъ авторъ?

Попрошу читателей припомнить все то, что говорилось въ первой статьѣ моей по поводу регенераціи, гетероморфоза, при-

вивочнаго гибридизма и безполаго размноженія. Мы видѣли тамъ, что даромъ воспроизводить новый организмъ надѣлены не только зародышевыя клѣтки, но очень часто и соматическія клѣтки (почкованіе, регенерація); что эти, столь третируемыя Вейсманомъ, соматическія клѣтки, часто уклоняются отъ якобы предначертанной имъ свыше роли и исполняютъ въ организмѣ такія обязанности, которыя свидѣтельствуютъ о многообразіи ихъ способностей, что онѣ—эти отщепенцы въ системѣ Вейсмана—часто только кажутся однобокими спеціалистами, на самомъ же дѣлѣ таятъ въ себѣ весьма разнообразные таланты, которые и проявляются при подходящихъ условіяхъ (клѣточный полиморфизмъ). Все это, вмѣстѣ взятое, служитъ, если не прямымъ, то, по крайней мѣрѣ, косвеннымъ доводомъ въ пользу того, что ядерное вещество различныхъ клѣтокъ организма вовсе ужъ не такъ рѣзко дифференцировано, какъ это думаетъ Вейсманъ, и что наслѣдственно-неравное дѣленіе зародышевой плазмы, на которомъ онъ такъ настаиваетъ, вещь весьма сомнительная.

Вейсманъ сдѣлалъ большую уступку своимъ противникамъ и собственными же руками пробилъ огромную брешь въ своей системѣ: онъ, какъ уже говорилось, снабдилъ клѣтки, предназначенныя для регенераціи, почкованія и т. д., добавочною зародышевой плазмой, онъ заставилъ свою зародышевую плазму дѣлиться одновременно и равно, и не равно (качественно). Не согласится ли онъ пойти на дальнѣйшія уступки и не признаетъ ли свою идею о наслѣдственно-неравномъ дѣленіи просто неудачною? Конечно, нѣтъ, ибо признать это—значитъ, отказаться отъ всего, что такъ лелѣетъ онъ.

Намъ, впрочемъ, нѣтъ нужды считаться съ желаніями Вейсмана. Существуютъ опыты, которые ужъ не косвенно, а прямо показываютъ, что наслѣдственно-неравнаго дѣленія нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Вейсману нужно, чтобы оно существовало. Это — опыты цѣлаго ряда ученыхъ: Пфлюгера, Дриша, Шабри, О. Гертвига, Уильсона, Герлицка (Herlitzka) и др. Намъ, къ сожалѣнію, придется лишь въ самыхъ общихъ чертахъ ознакомиться съ этими въ высшей степени любопытными опытами.

Работы Пфлюгера были направлены собственно противъ ученія Гиса объ „органообразующихъ участкахъ зародышеваго диска“ (см. выше). Но они имѣютъ прямое отношеніе и къ теоріи Вейсмана. Опыты производились надъ лягушечьими яйцами.

Въ лягушечьемъ яйцѣ можно различить двѣ полусферы—одну темную, пигментированную, другую свѣтлую. Въ водѣ эти яйца принимаютъ такое положеніе, что темная часть всегда бываетъ обращена вверхъ, а свѣтлая внизъ. При нормальномъ развитіи яйцо дѣлится обыкновенно въ вертикальномъ направленіи, такъ что каждому изъ первыхъ шаровъ дробленія (дочернимъ клѣткамъ) достается часть темной (верхней) и часть свѣтлой (ниж-

ней) полусферы. Однако, Пфлюгеру удавалось приводить искусственно яйцо въ такія положенія, при которыхъ дѣленіе его шло не обычнымъ путемъ. При этомъ часто случалось такъ, что плоскость дѣленія приходилась какъ разъ на границѣ между темной и свѣтлой частями яйца, и каждый изъ первыхъ шаровъ дробленія, слѣдовательно, получалъ цѣликомъ темную или свѣтлую часть материнской клѣтки. Но не смотря на то, что вещество яйца распредѣлялось между дочерними клѣтками совсѣмъ не такъ, какъ это бываетъ при нормальныхъ условіяхъ, изъ яйца получался не уродъ, а совершенно нормальный зародышъ. А развѣ это могло случиться, если бы каждый участокъ ядра былъ напередъ назначенъ для образованія той или иной части тѣла? Такого рода опыты привели Пфлюгера къ выводу, который онъ формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Содержимое яйца организовано вовсе не такъ, чтобы изъ опредѣленнаго участка его могъ возникать только опредѣленный органъ“ *).

Къ такому же результату пришелъ и Гертвигъ. Объектомъ для его экспериментовъ опять-таки служили яйца лягушки. Онъ сжималъ дробящіяся яйца между двумя стеклянными пластинками. Яйца при этомъ сплющивались и развивающіяся изъ нихъ клѣтки, а, слѣдовательно, и ядра ихъ размѣщались совсѣмъ иначе, чѣмъ это происходитъ при обыкновенныхъ, нормальныхъ условіяхъ развитія. Если бы различные участки яйца напередъ предназначались для образованія различныхъ частей зародыша, если бы ядра возникающихъ при дѣленіи яйца клѣтокъ обладали несходными качествами, то, очевидно, искусственная перестановка ядеръ, имѣвшая мѣсто въ опытахъ Гертвига, должна была бы привести къ образованію самыхъ странныхъ уродцевъ. Но ничего такого на самомъ дѣлѣ не произошло. Стало быть наслѣдственно-неравнаго дѣленія ядра, по крайней мѣрѣ, на первыхъ ступеняхъ развитія зародыша, de facto не наблюдается, а вмѣстѣ съ этимъ и апріорное допущеніе Вейсмана не выдерживаетъ критики, ибо не оправдывается данными непосредственнаго наблюденія.

Другіе опыты того же Гертвига и аналогичные имъ опыты французскаго ученаго Шабри особенно неблагопріятны для Вейсмана. Для этихъ опытовъ Гертвигъ и Шабри брали яйца асцидій и лягушекъ. Когда каждое изъ такихъ яицъ дробилось на двое, экспериментаторы искусственно удаляли или разрушали одинъ изъ шаровъ дробленія. И тѣмъ не менѣе оставшіяся неповрежденными дочернія клѣтки развивались въ нормальныхъ зародышей, какъ бы это были не половинки яицъ, а настоящія цѣльныя яйца. Прощай, провиденціальное назначеніе первыхъ шаровъ дробленія! Вмѣсто того, чтобы дать половинки зароды

*) *Pflüger*. «Ueber den Einfluss der Schwerkraft auf die Theilung der Zelle».

шей, эти „шары", вопреки навязываемой имъ насильно частичной функціи, выполнили съ честью функціи цѣлаго. Такъ же великолѣпно вели себя въ опытахъ Дриша и Уильсона отдѣльныя клѣтки не только перваго, но и второго и даже третьяго дробленія, т. е. тогда, когда яйцо распалось на четыре, а потомъ и на восемь клѣтокъ. Дришъ экспериментировалъ надъ яйцами морскихъ ежей, а Уильсонъ надъ яйцами ланцетника. Изолируя одну изъ четырехъ клѣтокъ второго дробленія и даже клѣтку третьяго дробленія, оба ученые получали совершенно правильно развитыхъ зародышей, *которые отличались отъ нормальныхъ только меньшею величиной*: зародышъ, развившійся изъ клѣтки второго дѣленія, былъ въ четыре раза меньше нормальнаго, а зародышъ, получившійся изъ клѣтки третьяго дѣленія былъ въ $^1/_8$ долю нормальнаго. Исчезло роковое предназначеніе шаровъ второго и третьяго дробленія! „Каждая изолированная клѣтка дробленія,— говоритъ по этому поводу Дришъ,—*если только она вообще остается живой*, образуетъ зародышъ, отличающійся отъ нормальнаго только своей величиной" *). При опытахъ Дриша иногда получалось нѣчто въ высшей степени любопытное. Онъ изолировалъ клѣтки дѣлящихся яицъ морскихъ ужей взбалтываніемъ или сильнымъ сотрясеніемъ. При этомъ случалось такъ, что связь между обѣими дочерними клѣтками нарушалась, но оболочка яйца оставалась неразорванной; тогда раздѣлившіяся половинки яйца развивались внутри общей оболочки самостоятельно и производили двухъ личинокъ. Имъ полагалось развить изъ себя лишь соотвѣтствующія ихъ назначенію половинки одной личинки, а они взяли да и развились, наперекоръ всѣмъ предначертаніямъ природы, въ двѣ совершенно полныя личинки. Такое же вольнодумное стремленіе къ автономіи обнаружили обѣ дочернія клѣтки яйца тритона въ опытахъ Герлицка. Какъ только какое-либо изъ взятыхъ имъ яицъ тритона дѣлилось на двое, Герлицка перетягивалъ его въ мѣстѣ дѣленія тоненькою шелковинкою и, такимъ образомъ, разъединялъ дочернія клѣтки; тогда каждая дочерняя клѣтка развивалась самостоятельно и превращалась въ зародышъ наполовину меньшаго размѣра, чѣмъ нормальный.

Можно было бы заполнить не одинъ десятокъ страницъ описаніемъ такихъ опытовъ, опытовъ остроумныхъ по замыслу и чрезвычайно цѣнныхъ по результатамъ; но къ чему? Новаго они прибавятъ мало, а выводъ можно сдѣлать и на основаніи того, что уже изложено здѣсь. Выводъ этотъ вотъ какой.

На первыхъ ступеняхъ развитія каждая отдѣльная клѣтка дѣлящагося яйца вмѣщаетъ въ себѣ одновременно и свойства цѣлаго, и свойства части. Если она развивается въ связи съ остальными клѣтками, то даетъ начало отдѣльной части цѣлаго,

---

*) *Driesch*. «Entwickelungsmechanische Studien».

но не непремѣнно той или иной части: это зависитъ отъ условій, въ которыя будетъ поставлено ея дальнѣйшее развитіе; если же ее изолировать, то въ такомъ случаѣ она можетъ и самостоятельно, независимо отъ остальныхъ клѣтокъ, развить изъ себя цѣлое, какъ если бы она и въ самомъ дѣлѣ была настоящимъ полнымъ яйцомъ, а не отдѣльнымъ участкомъ его. Это показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, на первыхъ ступеняхъ развитія не можетъ быть никакой рѣчи о наслѣдственно-неравномъ дѣленіи зародышевой плазмы.

Наслѣдственно-неравное дѣленіе зародышевой плазмы составляетъ центральный пунктъ въ аргументаціи Вейсмана: все объясненіе онтогенеза, все ученіе о детерминантахъ и о коренной разницѣ между соматическими и зародышевыми клѣтками покоится на этомъ аргументѣ. Но, какъ видите, противъ него имѣются и косвенныя и прямыя улики, такъ что, пожалуй, мы окажемся гораздо ближе къ истинѣ, если выставимъ рядъ слѣдующихъ положеній, обратныхъ положеніямъ Вейсмана:

1) Въ органическомъ мірѣ имѣетъ мѣсто лишь наслѣдственно-равное дѣленіе зародышевой плазмы.

2) Ядерное вещество всѣхъ клѣтокъ сложнаго организма—и соматическихъ и зародышевыхъ—одинаково.

3) Клѣтки одного и того же организма несходны не потому, что ядра ихъ несходны, а потому, что не во всѣхъ ядрахъ дѣйствуютъ одни и тѣ же элементы.

Послѣдній выводъ можно понимать—не буквально, конечно,—въ смыслѣ ученія Де-Фриза объ активныхъ и не активныхъ пангенахъ.

Теперь, въ заключеніе главы, спеціально посвященной Вейсману, мнѣ хотѣлось бы показать, какъ относятся къ нему такіе ученые, какъ Роменсъ и О. Гертвигъ.

„Въ ученіи о детерминантахъ, говоритъ Гертвигъ, всему дается формальное объясненіе. На самомъ же дѣлѣ подобное объясненіе есть скорѣе отреченіе отъ всякаго объясненія. Ибо все объясняется формулами и знаками, которые недоступны наблюденію и эксперименту и потому не могутъ быть предметомъ обыкновеннаго изслѣдованія. Эти знаки даютъ не болѣе, какъ описаніе другими словами того, что совершается передъ нашими глазами во время развитія... Тѣ загадки, съ которыхъ мы должны надѣяться хоть отчасти снять покрывало путемъ изслѣдованія свойствъ видимыхъ формъ, ученіе о детерминантахъ просто переноситъ въ область невидимую, совершенно недоступную для изслѣдованія. По самой своей сущности эта теорія безплодна для изслѣдованія, которому она не въ состояніи дать никакой руководящей нити; въ этомъ отношеніи она вполнѣ подобна своей предшественницѣ—теоріи предобразованія 18-го вѣка“ *).

---

*) *Оск. Гертвигъ.* «Преформація или эпигенезъ?»

Все это сказано съ суровою прямотой и даже немножко по-нѣмецки-грубо. Но посмотрите, какою тонкою, ядовитой ироніей проникнута джентельменская рѣчь Роменса. „Хотя по истинѣ замѣчательная сила умозрѣнія Вейсмана, говоритъ онъ, сочетается съ огромнымъ знаніемъ дѣла по всѣмъ отраслямъ біологіи, но я долженъ, однако, выразить серьезное сомнѣніе, не через-чуръ-ли много ей предоставлено свободы. Гипотезы, связанныя одна съ другой лишь нитью логическаго мышленія, громоздятся одна на другую въ такомъ изобиліи, какое встрѣчается только развѣ еще въ сочиненіяхъ метафизиковъ, но въ сочиненіяхъ естествоиспытателей не встрѣчаются и въ приблизительной степени. Весь механизмъ наслѣдственности обрисовывается до такихъ мелочей и съ такою убѣдительною точностью, что при чтеніи этого изложенія невольно вспоминаешь повѣствованіе Данта о расположеніи ада. Теперь „сфера“ зародышевой плазмы не только состоитъ изъ девяти круговъ, но нашъ путеводитель въ состояніи показать намъ въ большей части этихъ областей столь странныя и замѣчательныя явленія, что мы возвращаемся въ царство науки съ такимъ ощущеніемъ, какъ если бы мы, дѣйствительно, побывали въ иномъ мірѣ. Или, выражаясь иначе, если справедливо, что истинно научный способъ разсужденія состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, дать полную свободу умозрѣнію, а съ другой—строго придерживаться доказательствъ, то я думаю, слѣдуетъ согласиться, что Вейсману, поскольку онъ ошибается, недостаетъ второго... Какъ ни прекрасна можетъ показаться его теорія въ своемъ импонирующемъ величіи, однако, на это изображеніе архитектуры зародышевой плазмы слѣдуетъ смотрѣть скорѣе, какъ на образъ художественной силы воображенія, нежели какъ на научное обобщеніе... Нѣтъ сомнѣнія, что теорія Вейсмана представляетъ изящно обработанное и высокосовершенное художественное зданіе, но красота мысленнаго построенія не есть порука за научную истинность,—и это какъ разъ ярко подтверждается относительно вейсмановской теоріи развитія... Чѣмъ болѣе теорія зародышевой плазмы должна была приспособляться къ фактамъ, тѣмъ значительнѣе становилась ея сложность, и ея создателю пришлось сдѣлать столько дополнительныхъ предположеній, чтобы поддержать ее, что мы мало-по-малу начинаемъ удивляться, сколько времени она еще въ состояніи будетъ выносить тяжесть накопляющихся надобностей...“ *).

*) *Роменсъ*. «Наслѣдственность».

VIII.

Aadiatur et altera pars.

Одноклѣтный зародышъ, по Де-Фризу, заключаетъ въ себѣ всѣ роды пангенъ, характерные для даннаго организма: онтогенезъ обусловливается послѣдовательнымъ выходомъ на арену дѣятельности всѣхъ видовъ пангенъ, отвѣчающихъ различнымъ органамъ, тканямъ и клѣткамъ взрослаго организма. „Зародышевая плазма“ Вейсмана организована еще сложнѣе. Въ ней всякая, сколько-нибудь обособленная часть организма, вплоть до цвѣтной крапинки на крылѣ бабочки или родимаго пятнышка у человѣка, представлена группой біофоровъ, образующихъ особый детерминантъ. Всѣ детерминанты занимаютъ въ зародышевой плазмѣ соотвѣтствующее имъ мѣсто и надѣлены особыми силами, благодаря которымъ каждый изъ нихъ во время онтогенеза попадаетъ какъ разъ туда, гдѣ ему быть надлежитъ, и проявляетъ свою дѣятельность не раньше и не позже, чѣмъ это нужно въ интересахъ развивающагося организма. Итакъ, и Де-Фризъ, и Вейсманъ являются представителями современнаго преформаціоннаго ученія, по которому одноклѣтный зародышъ или зачатокъ организма есть *очень сложный, самодѣйствующій и самоопредѣляющій механизмъ*.

Въ такомъ пониманіи онтогенеза опущено одно въ высшей степени важное обстоятельство. Несомнѣнно, что всякій зародышъ на пути своего развитія принимаетъ пищу, находится среди различныхъ механическихъ, химическихъ, термическихъ и иныхъ вліяній, претерпѣваетъ иногда цѣлый рядъ случайныхъ воздѣйствій со стороны окружающей его среды. Должны же внѣшнія условія такъ или иначе вліять на зародышъ? Вѣдь иначе придется выключить его изъ списка живыхъ существъ, ибо все живое реагируетъ на внѣшнія условія и, волей не волей, приспособляется къ нимъ. Вотъ этотъ-то факторъ, играющій безспорно громадное значеніе въ процессѣ развитія, всегда игнорируется сторонниками теоріи *предобразованія*. А потому не мѣшаетъ прислушаться къ тому, что говорится въ другомъ лагерѣ, среди убѣжденыхъ противниковъ преформаціи.

Предоставимъ слово О. Гертвигу. Въ заключеніе одной рѣчи на тему о старыхъ и новыхъ теоріяхъ развитія Гертвигъ обратился къ своей аудиторіи со слѣдующими словами:

„Господа! Ошибка, въ которую уже не разъ впадали многіе изслѣдователи въ своихъ умозрѣніяхъ о сущности развитія, состоитъ въ томъ, что они просто переносятъ въ яйцевую клѣтку всѣ признаки взрослаго организма и, такимъ образомъ, населяютъ ее цѣлой системой мельчайшихъ частичекъ, которыя должны

соотвѣтствовать, какъ качественно, такъ и по положенію своему, болѣе крупнымъ частямъ организма. При этомъ упускается изъ виду, что яйцо есть организмъ, дѣлящійся на множество однородныхъ съ нимъ организмовъ, и что *только вслѣдствіе взаимодѣйствія всѣхъ этихъ многочисленныхъ элементарныхъ организмовъ на всѣхъ ступеняхъ развитія постепенно образуется цѣлый организмъ. Поэтому развитіе живого существа никогда не можетъ быть мозаичной работой; наоборотъ,—всѣ части его развиваются въ зависимости другъ отъ друга, и развитіе одной части находится въ прямой связи съ развитіемъ цѣлаго*" *).

Правда, идея, высказанная здѣсь Гертвигомъ, не нова: мы встрѣтили ее уже у Спенсера; однако, подробное развитіе этой идеи составляетъ въ значительной степени заслугу О. Гертвига а также и М. Ферворна.

Предлагаю читателю ознакомиться со взглядами этихъ ученыхъ по вопросу о развитіи.

Одноклѣтный зародышъ питается и растетъ до извѣстныхъ предѣловъ, а затѣмъ дѣлится на двѣ дочернія клѣтки. Съ этого собственно момента и начинается то, что принято называть развитіемъ. Число клѣтокъ постепенно увеличивается; онѣ въ свою очередь питаются, растутъ и дѣлятся; *при этомъ форма и качества вновь образующихся клѣтокъ измѣняются: клѣтки дифференцируются, организмъ осложняется, т. е. развивается. Развитіе идетъ все время параллельно съ увеличеніемъ объема зародыша, т. е. съ ростомъ его.* Вмѣстѣ съ ослабленіемъ роста зародыша и составляющія его клѣтки подвергаются все меньшимъ и меньшимъ измѣненіямъ формы; а вмѣстѣ съ прекращеніемъ роста останавливается и клѣточная дифференціація. Въ такомъ случаѣ клѣтки уподобляются простѣйшимъ одноклѣтнымъ организмамъ, которые, какъ извѣстно, не имѣютъ никакого видимаго развитія. Отсюда не трудно заключить, что *развитіе*, т. е. усложненіе организма, образованіе различныхъ по формѣ и качеству клѣтокъ *находится* въ причинной связи съ питаніемъ и ростомъ зародыша. И въ самомъ дѣлѣ.

Вначалѣ всѣ частицы оплодотвореннаго яйца группируются вокругъ одного центра, т. е. ядра. Въ такомъ видѣ всѣ части зародыша находятся въ опредѣленныхъ и одинаковыхъ отношеніяхъ къ окружающей средѣ и къ воспринимаемой ими пищѣ. Но вотъ одноклѣтный зародышъ становится многоклѣтнымъ. Теперь въ немъ образуется много отдѣльныхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ центровъ, вокругъ которыхъ и сосредоточивается протоплазматическая масса, значительно увеличившаяся въ объемѣ насчетъ принятой пищи. Отдѣльныя части зародыша теперь становятся уже въ иныя отношенія къ окружающей средѣ.

---

*) *O. Hertwig*. «Aeltere und neuere Entwickelungs-Theorieen».

Несомнѣнно, напримѣръ, что клѣтки, расположенныя на поверхности зародыша будутъ испытывать на себѣ вліяніе среды нѣсколько иначе, чѣмъ клѣтки болѣе глубокихъ слоевъ; такъ же неодинаково будетъ и отношеніе различныхъ частей зародыша къ воспринимаемой ими пищи. А это, само собою разумѣется, должно будетъ отразиться на формѣ и качествѣ клѣтокъ. По мѣрѣ того, какъ зародышъ будетъ расти, воздѣйствіе внѣшнихъ факторовъ на отдѣльные участки его также будетъ сказываться все болѣе и болѣе несходно. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ объема зародыша измѣнятся обязательно и условія его питанія, т. е. вещественный обмѣнъ; а это очень важный моментъ для опредѣленія той формы, которую приметъ зародышъ. Вѣдь живое вещество растетъ не такъ, какъ растетъ, напримѣръ, кристаллъ, отлагающій строительный матеріалъ на своихъ плоскостяхъ — нѣтъ: оно поглощаетъ этотъ матеріалъ внутрь. Стало быть живое вещество во время роста должно обязательно принимать такія формы, при которыхъ всѣ части его могли бы равномѣрно питаться и поддерживать возможно цѣлесообразнѣе связь съ внѣшнимъ міромъ. Говоря иначе, зародышу приходится все время на протяженіи онтогенеза приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ, принимать наиболѣе выгодныя въ интересахъ полноты жизненнаго процесса формы. Вотъ чѣмъ обусловливаются въ извѣстной мѣрѣ всевозможныя впячиванія, выпячиванія и образованія складокъ, наблюдаемыя при развитіи зародышей. Ростъ и питаніе зародыша въ связи съ приспособленіемъ его къ внѣшнимъ факторамъ составляютъ, такимъ образомъ, главнѣйшую причину развитія. „Развитіе и дифференціація клѣточнаго государства изъ яйцевой клѣтки,—говоритъ М. Ферворнъ,—основаны на взаимныхъ отношеніяхъ между живымъ веществомъ клѣтки и внѣшними факторами—на отношеніяхъ, постоянно измѣняющихся, по мѣрѣ продолженія роста, съ каждымъ новымъ клѣточнымъ дѣленіемъ. *Ростъ есть причина всякаго развитія, какъ отдѣльныхъ клѣтокъ, такъ и всего клѣточнаго государства*" *).

Итакъ, можно сказать, что *форма развивающагося зародыша является во многихъ отношеніяхъ функціей роста органическаго вещества* (Гертвигъ).

Ростъ создаетъ и иные стимулы къ развитію.

Человѣкъ, говорятъ, животное общественное. Представить его себѣ внѣ опредѣленной связи съ обществомъ и внѣ опредѣленныхъ отношеній къ послѣднему трудно. Жизнь въ кругу себѣ подобныхъ развила въ человѣкѣ извѣстныя особенности, которыя въ немъ при иныхъ условіяхъ навѣрное заглохли бы. Однако та же самая общественная жизнь не только посократила въ немъ такъ называемые антисоціальныя инстинкты, но и понизила въ

*) *М. Ферворнъ*. «Общая физіологія».

извѣстномъ смыслѣ его индивидуальность, направивши, въ интересахъ общественнаго раздѣленія труда, развитіе духовныхъ силъ человѣка въ различныя стороны, такъ сказать, въ разсыпную. Клѣточную дифференціацію въ развивающемся зародышѣ можно сравнить съ этой дифференціацией человѣческихъ личностей, съ этимъ своеобразнымъ „расхожденіемъ признаковъ" въ человѣческомъ обществѣ.

Дѣлящіяся клѣтки зародыша не обособляются, а остаются въ связи другъ съ другомъ. Правда, каждая изъ нихъ, въ силу наслѣдственно-равнаго дѣленія, таитъ въ себѣ задатки для всесторонняго развитія—вѣдь и спеціалистъ-ремесленникъ остается на всю жизнь при горькомъ сознаніи, что и онъ могъ бы быть не только „пальцемъ отъ ноги", но и человѣкомъ вообще,—правда, каждая клѣтка зародыша сохраняетъ въ себѣ въ возможности всѣ характерныя свойства яйца, но теперь ея положеніе все же иное: она потеряла самостоятельность, вошла въ качествѣ подчиненнаго элемента въ составъ единицы высшаго порядка (многоклѣтный зародышъ). Теперь, ставши въ извѣстныя отношенія ко всему зародышу и къ другимъ эмбріональнымъ клѣткамъ, она не только не въ силахъ проявить полностью свою индивидуальность, но и пріобрѣтаетъ, подобно человѣку, ставшему членомъ общества, такія особенности, которыя при иныхъ условіяхъ не сказались бы въ ней такъ ярко. Сдѣлавшись подчиненною частью цѣлаго, она и функціонируетъ какъ въ зависимости отъ цѣлаго, такъ и въ зависимости отъ жизненныхъ отправленій другихъ своихъ сочленовъ. „Въ то время, какъ клѣтка теряетъ свою самостоятельность и индивидуальность въ цѣломъ организмѣ, направленіе, въ которомъ она развивается и которое приводитъ ее къ извѣстной формѣ, опредѣляется не особыми причинами, лежащими въ самой клѣткѣ, не особыми детерминантами въ смыслѣ Вейсмана, но исключительно тѣми отношеніями, въ которыя она становится, съ одной стороны, къ цѣлому и къ остальнымъ частямъ его, съ другой стороны—къ внѣшнему міру. *Эти отношенія могутъ быть, конечно, весьма различны, смотря по мѣсту и положенію, занимаемому клѣтками въ цѣломъ, и вслѣдствіе этого создаются безчисленныя условія, заставляющія отдѣльныя клѣтки развиваться въ различномъ направленіи и вызывающія раздѣленіе труда и различную гистологическую дифференцировку*" *) (курсивъ Гертвига). Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и выраженіе Дриша, что *клѣточная дифференціація есть въ значительной степени функція мѣста.*

Есть еще одно обстоятельство, съ которымъ приходится считаться при выясненіи причинъ развитія. Зародышъ развивается подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, питанія и роста. То, что за-

*) *О. Гертвигъ.* «Преформація или эпигенезъ»?

родышъ принимаетъ въ данную минуту, какъ неорганизованный питательный матеріалъ, съ теченіемъ времени ассимилируется имъ и превращается въ вещество организованное, т. е. *въ составную часть самаго зародыша.* Ассимилируя пищу, онъ въ то же время поглощаетъ извнѣ и опредѣленный запасъ энергіи. И вновь образованное зародышемъ живое вещество и поглощенная имъ энергія измѣняютъ его извѣстнымъ образомъ. Понятно, что зародышъ въ первой стадіи развитія совсѣмъ не то, что онъ же во второй стадіи. Первая ступень онтогенеза была въ значительной степени причиной второй ступени, а эта, въ свою очередь, должна вліять на слѣдующую ступень и т. д. Каждый фазисъ развитія привноситъ въ зародышъ нѣчто новое, *полученное имъ извнѣ* въ видѣ пищи и запаса энергіи, и это новое составляетъ какъ бы *внутреннюю причину,* опредѣляющую дальнѣйшій ходъ развитія. Если все то, чѣмъ обладаетъ зародышъ въ каждой стадіи онтогенеза, назвать, въ отличіе отъ внѣшнихъ стимуловъ, внутренними причинами развитія, то нужно будетъ признать, что *развитіе совершается подъ гнетомъ и взаимодѣйствіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ*; но установить точную границу между причинами внѣшними и внутренними трудно, ибо, какъ говоритъ Гертвигъ, „то, что было условіемъ процесса развитія на болѣе ранней стадіи, на слѣдующей стадіи переходитъ въ зачатокъ и становится его составною частью; *внѣшнее постоянно превращается во внутреннее, такъ что итогъ внутреннихъ причинъ постоянно возрастаетъ на счетъ внѣшнихъ причинъ.*

Такимъ образомъ, каждая ступень онтогенеза находится въ зависимости отъ всѣхъ предшествующихъ стадій; чѣмъ дальше подвигается развитіе, тѣмъ прочнѣе становятся узы, связывающія форму зародыша съ предшествующими моментами онтогенеза, чѣмъ больше пережилъ онъ въ прошломъ, тѣмъ меньше самостоятельности остается на его долю въ будущемъ. Въ этомъ смыслѣ развитіе каждаго организма дѣйствительно втиснуто въ тѣсныя рамки и до извѣстной степени предопредѣлено. Но такое предопредѣленіе не имѣетъ ничего общаго съ детерминизмомъ Вейсмана, Ру или Гиса. Ошибка всѣхъ этихъ ученыхъ заключается въ томъ, что они видимое разнообразіе послѣдней ступени онтогенеза превращаютъ въ соотвѣтственное, но лишь невидимое разнообразіе его начальной стадіи. Они вкладываютъ въ яйцевую клѣтку тысячи разнообразныхъ свойствъ, забывая, что большая часть этихъ свойствъ составляетъ *результатъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ клѣтокъ,* получающихся при дробленіи яйца, забывая, что каждая клѣточная группа и даже отдѣльная клѣтка организма имѣетъ свою собственную длинную исторію, которою и опредѣляются конечныя свойства ея.

Только что изложенная теорія развитія извѣстна въ наукѣ

подъ именемъ *біогенетической теоріи.* Оскаръ Гертвигъ во второмъ томѣ своей прекрасной книги „Клѣтка и ткани“ такъ характеризуетъ эту теорію:

„Въ противоположность мозаической теоріи Ру и теоріи зародышевой плазмы Вейсмана, біогенетическое ученіе выставляетъ слѣдующее общее положеніе: клѣтки, возникающія путемъ дѣленія изъ яйца, находятся съ самаго начала развитія все время въ тѣсномъ взаимодѣйствіи, и этимъ опредѣляется въ значительной степени характеръ онтогенетическаго процесса. Клѣтки не сами опредѣляютъ свой позднѣйшій видъ, а опредѣляются законами, которые издаются *взаимодѣйствіемъ всѣхъ клѣтокъ цѣлаго организма на всѣхъ ступеняхъ его развитія*“ *).

Нельзя сказать, чтобы біогенетическая теорія развитія была вполнѣ неуязвима. Конечно, разнообразіе органовъ и организмовъ возможно объяснить разнообразіемъ *комбинацій и взаимоотношеній* самихъ клѣтокъ. Но тутъ біогенетическая теорія наталкивается на цѣлый рядъ предательскихъ вопросовъ, съ которыми ей необходимо считаться. Почему, напримѣръ, у различныхъ организмовъ клѣточные элементы обнаруживаютъ тенденцію группироваться различнымъ образомъ? Что заставляетъ животныхъ одного и того же вида, на протяженіи многихъ, многихъ поколѣній повторять во время онтогенеза неизмѣнно однѣ и тѣ же „комбинаціи“? Не слѣдуетъ ли предположить, что разнообразіе конечныхъ формъ опредѣляется существенной разницей между начальными формами и что, стало быть, разнообразіе „комбинацій“ зависитъ не только отъ *условій* развитія, но и отъ кое-чего другого?

Въ пользу того мнѣнія, что формы животныхъ и растеній до извѣстной степени обусловлены ростомъ органическаго вещества и различнымъ сочетаніемъ клѣтокъ, можно привести слѣдующій любопытный фактъ. Извѣстно, напримѣръ, что форма полипняковъ находится въ прямой зависимости отъ способа роста и размноженія полиповъ: тутъ различныя формы возникаютъ въ связи со способомъ распредѣленія на материнскомъ тѣлѣ вновь образующихся путемъ дѣленія и почкованія полиповъ. Аналогичный примѣръ можно привести и изъ области обычныхъ архитектурныхъ сооруженій; изъ одинаковаго техническаго матеріала— напримѣръ, одинаковыхъ по формѣ кирпичей — можно выстроить весьма несходныя зданія. Все это вѣрно. Но при постройкѣ зданія любой архитектуры работа совершается согласно напередъ составленному плану и напередъ поставленной цѣли архитектора. Что-жъ! Если стоять за аналогію, то придется предположить во всякомъ организмѣ существованіе какого-то невидимаго, таинственнаго архитектора, согласно волѣ и предначертаніямъ кото-

*) *O. Hertwig.* «Die Zelle und die Gewebe». Zweites Buch.

раго ведется вся работа. Но кто этотъ архитекторъ? И какъ осуществляетъ онъ конечный планъ свой?

Мы должны будемъ безусловно признать слѣдующія положенія біогенетической теоріи: 1) Внѣшнія условія способствуютъ развитію организма въ опредѣленномъ направленіи. 2) Форма и качества клѣтокъ сложнаго организма есть въ извѣстномъ смыслѣ „функціи мѣста и роста". 3) Каждая стадія развитія въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ слѣдующую за ней стадію и ведетъ процессъ развитія къ извѣстной конечной формѣ. 4) Разнообразіе конечныхъ формъ объясняется до нѣкоторой степени различіемъ тѣхъ комбинацій и взаимоотношеній, въ которыя вступаютъ эмбріональныя клѣтки различныхъ ступеней онтогенеза, въ зависимости отъ роста и питанія зародышей, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и т. д.

Но этого мало. Необходимо допустить, что конечная форма развитія зависитъ и *отъ общихъ свойствъ исходной формы его*, т. е. *отъ характера даннаго зародышеваго вещества*. Будь это иначе, нельзя было бы понять, отчего *различные зародыши, развивающіеся при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, даютъ различныя взрослыя формы*. Не мѣшаетъ, наконецъ, помнить, что *зародыши различныхъ организмовъ далеко не сходны на однѣхъ и тѣхъ же ступеняхъ развитія*, и что пресловутое „сходство" онтогенетическихъ фазъ у организмовъ различныхъ видовъ есть лишь сходство „вообще", а не полное тождество: при полномъ тождествѣ и результаты, т. е. конечныя формы также были бы тождественны. Чтобы конечныя формы развитія стали столь несходными, какъ несходны, напримѣръ, *взрослый* человѣкъ и *взрослая* собака, необходимо, чтобы и всѣ послѣдовательныя стадіи онтогенеза этихъ животныхъ хоть въ чемъ нибудь да разнились: только изъ несходныхъ стимуловъ могутъ возникнуть несходные результаты. А это прямо приводитъ къ мысли, что уже въ одноклѣтныхъ зародышахъ различныхъ организмовъ имѣется нѣчто такое, что какъ бы напередъ опредѣляетъ окончательный итогъ развитія. Становясь на такую точку зрѣнія, біогенетическая теорія должна, волей-неволей, протянуть руку примиренія ученію о преформаціи и позаимствовать изъ арсенала ея коечто для заплатки собственныхъ прорѣхъ. Такъ именно и поступаетъ наиболѣе видный сторонникъ біогенетической теоріи, Оскаръ Гертвигъ.

Онъ утверждаетъ, что при изученіи причинъ онтогенеза необходимо считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, *насколько само вещество зародыша дѣйствуетъ опредѣляющимъ образомъ на ходъ развитія цѣлаго;* онъ настаиваетъ на мысли, что всякій, кто желаетъ полностью объяснить процессъ развитія животныхъ и растеній *различныхъ видовъ*, долженъ допустить существованіе *различныхъ же видовъ зачатковаго вещества, отличающихся*

крайне сложнымъ строеніемъ и реагирующихъ неодинаково на внѣшнія и внутреннія раздраженія, которымъ подвергаются отдѣльные пункты зародыша. Понимая, такимъ образомъ, сущность развитія, О. Гертвигъ не считаетъ нужнымъ ломать голову надъ вопросомъ, что есть онтогенезъ по существу — преформація или эпигенезъ. Ни то, ни другое, отвѣчаетъ онъ, или, если хотите, и то, и другое одновременно. Поскольку процессъ развитія находится въ зависимости отъ наслѣдственности, постольку къ нимъ приложимъ принципъ „предобразованія"; поскольку же этотъ процессъ опредѣляется внѣшними условіями, питаніемъ, ростомъ и т. д., — его слѣдуетъ считать процессомъ чисто эпигенетическимъ. „Нашу теорію,—говоритъ Гертвигъ,—можно назвать и преформаціонной въ томъ смыслѣ, что она за основу процесса развитія признаетъ специфическое высоко-организованное вещество зачатка; и эпигенетической, ибо она предполагаетъ, что только при выполненіи безчисленныхъ условій зачатокъ растетъ, постепенно измѣняясь, чтобы, въ концѣ концовъ, превратиться въ истовый продуктъ развитія, *который настолько же отличается отъ своего перваго зачатка, какъ взрослое растеніе или животное отъ яйца, изъ котораго они произошли*". „Мы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—соглашаемся съ преформистами въ томъ, что за исходный пунктъ развитія принимаемъ специфическое и при томъ очень высоко-организованное вещество зачатка; *но у насъ совершенно иное представленіе объ этомъ веществѣ, чѣмъ у нихъ*, такъ какъ мы приписываемъ ему только такія качества, которыя соединимы съ понятіемъ и характеромъ клѣтки, *а не безчисленныя качества, появляющіяся лишь вслѣдствіе соединенія множества клѣтокъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій*"... *)

Если различіе конечныхъ продуктовъ развитія опредѣляется различіемъ исходныхъ формъ его, если изъ яйца лягушки образуется лягушка, а изъ яйца кролика—кроликъ, потому что эти яйца въ сущности настолько же несходны, насколько несходны и развивающіяся изъ нихъ взрослыя животныя, то, спрашивается, чѣмъ объяснить эту разницу, что вызвало ее?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ, между прочимъ, въ одной статьѣ проф. Тимирязева, помѣщенной въ книгѣ его — „Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія". Разсуждаетъ онъ примѣрно такъ.

Вотъ зародышевыя клѣтки трехъ растеній. Съ виду онѣ совершенно одинаковы. Дадимъ имъ развиться *при сходныхъ внѣшнихъ условіяхъ*. Что же получится? Передъ нами будутъ три весьма различныхъ организма: одинъ зародышъ превратится въ паразитическое растеніе, по имени кускута; изъ другого разовьется великолѣпная орхидея; третій станетъ насѣкомо-

*) О. *Гертвигъ*. «Преформація или эпигенезъ»?

яднымъ растеніемъ, росянкой. И внѣшній видъ и образъ жизни всѣхъ этихъ трехъ растеній настолько несходны, что невольно возникаетъ сомнѣніе въ подлинномъ сходствѣ тѣхъ зародышей, изъ которыхъ они возникли. Условія, при которыхъ они развивались, были одинаковы. Стало быть, не въ нихъ причина разницы конечныхъ формъ развитія. Въ чемъ же она? „Мы,— говоритъ г. Тимирязевъ,—должны допустить еще вліяніе причинъ *историческихъ*... Каждый организмъ слагается не только подъ вліяніемъ настоящаго, но и всего прошлаго, вплоть до скрывающагося во мракѣ временъ начала жизни". Организмъ не есть нѣчто независимое, оторванное отъ жизни предшествующей — нѣтъ: онъ — только звено въ цѣпи явленій. Его настоящее слагалось подъ вліяніемъ прошлаго, его нынѣшнее состояніе находится въ причинной связи съ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ состояній. Предшествовавшія состоянія должны были наложить опредѣленный отпечатокъ на зародыши, изъ которыхъ возникаютъ новые организмы. Вотъ почему каждый изъ нихъ развивается не только подъ вліяніемъ тѣхъ силъ, которыя дѣйствуютъ на него въ данную минуту, но еще и *по инерціи*, т. е. согласно съ толчкомъ, который какъ бы суммируетъ въ себѣ цѣлый рядъ предшествовавшихъ вліяній. Эта-то, какъ называетъ ее Тимирязевъ, *органическая инерція*, или по-просту наслѣдственность, и образуетъ тотъ рядъ *историческихъ* причинъ, которыя слѣдуетъ всегда имѣть въ виду при объясненіи явленій развитія. У всякаго зародыша имѣется за спиной своя исторія, а слѣдовательно, и тенденція развиваться въ опредѣленномъ направленіи (инерція). Отсюда—и разнообразіе конечныхъ формъ развитія, не взирая даже на однообразіе тѣхъ условій, при которыхъ оно можетъ совершаться. Чтобы не вводить читателей въ заблужденіе относительно истиннаго смысла словъ „историческія причины", проф. Тимирязевъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку, которая, впрочемъ, сама собою подразумѣвается уже на основаніи всего вышеизложеннаго. „Наши историческія причины,—говоритъ онъ,—тѣ же физическія, но дѣйствовавшія въ прошломъ: если онѣ дѣйствуютъ теперь, то дѣйствовали и прежде, и, *однажды отразившись на организмѣ, вліяніе ихъ не могло исчезнуть безслѣдно*" *) (курсивъ мой).

Нежеланіе затягивать и безъ того затянувшуюся статью вынуждаетъ меня отказаться отъ мысли изложить взгляды Кл. Бернара относительно того же самаго вопроса, о которомъ трактуетъ проф. Тимирязевъ. Не могу, однако, отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующую выдержку изъ классическаго труда Кл. Бернара „Жизненыя явленія, общія животнымъ и растеніямъ". Эта выдержка покажетъ, между прочимъ, какъ много общаго

*) *К. Тимирязевъ.* «Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія».

между взглядами Тимирязева и Кл. Бернара. „Если,—говоритъ знаменитый физіологъ,—имѣть передъ собою только исходную точку, если видѣть только первичное яичко, то еще ничего нельзя узнать о томъ, что произойдетъ; нельзя предсказать, что будетъ результатомъ образовательной работы,—появленіе зоофита или позвоночнаго, млекопитающаго или человѣка. Чтобы предсказать исходъ работы, надо знать происхожденіе этого первичнаго яичка. Если мы знаемъ откуда оно произошло, то знаемъ и то, что изъ него выйдетъ. Такимъ образомъ, вся морфологическая работа содержится въ предшествующемъ состояніи. Эта работа есть чистое *повтореніе*; она не имѣетъ основаній для себя въ каждое мгновеніе въ какой-нибудь силѣ, дѣйствующей въ данный моментъ; она имѣетъ свои основанія въ предшествующей силѣ. Нѣтъ морфологіи безъ предшественниковъ...“ „Вотъ почему, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—нѣкоторые философы и физіологи считали возможнымъ сказать, что жизнь есть *воспоминаніе*“...

Подвожу итоги.

Прежде всего. Гипотезы Спенсера и Дарвина дали сильный толчокъ къ развитію тѣхъ отраслей науки о жизни, въ которыхъ трактуется объ онтогенезѣ и наслѣдственности. Гипотезы Де-Фриза и въ особенности Вейсмана усугубили интересъ къ этимъ проблемамъ біологіи, взбудоражили ученый міръ и вызвали къ жизни цѣлую серію работъ въ защиту и въ опроверженіе еретиковъ, взявшихъ подъ свое покровительство дотолѣ пребывавшую въ летаргіи „преформацію“. Детальное изученіе видимой структуры живого вещества, выясненіе роли ядра и протоплазмы въ жизни клѣтки, знакомство съ процессомъ оплодотворенія и каріокинетическимъ дѣленіемъ клѣтокъ—все это составляетъ то новое и безспорно цѣнное, что внесено въ науку, главнымъ образомъ, въ силу попытокъ постигнуть сокровенный смыслъ онтогенеза и наслѣдственности, рѣшить эти спорныя задачи біологіи.

Затѣмъ. Обстоятельное знакомство съ явленіями частичной и полной регенераціи, гетероморфоза, прививочной гибридаціи и безполаго размноженія привело къ широкому и въ высшей степени интересному обобщенію, а именно: такъ называемыя *соматическія клѣтки*, помимо тѣхъ качествъ, которыя онѣ обнаруживаютъ согласно со своимъ положеніемъ въ организмѣ, обладаютъ еще многими другими скрытыми качествами, благодаря которымъ эти клѣтки при подходящихъ условіяхъ *исполняютъ роль зародышевыхъ клѣтокъ*. Такимъ образомъ, сама собою упраздняется якобы коренная разница между соматическими и зародышевыми клѣтками, и послѣднія теряютъ то исключительное положеніе въ ряду гистологическихъ элементовъ, которое имъ обыкновенно приписывается. Принципъ единства природы одерживаетъ новую блестящую побѣду надъ дуалистическимъ принци-

помъ, и старое изреченіе—„Natura non facit saltum“—остается какъ всегда справедливымъ.

Еще далѣе. Развитіе и наслѣдственность явленія нераздѣльныя. Современные взгляды на развитіе не могутъ быть ни строго эпигенетическими, ни строго преформаціонными. „Преформаціонное“ толкованіе онтогенеза несостоятельно и фактически, и логически. Фактически оно противорѣчитъ явленіямъ „наслѣдственно-равнаго дѣленія“; логически оно приводитъ къ абсурду, ибо населяетъ зародышъ такими качествами, которыя возникаютъ въ немъ лишь постепенно, на протяженіи онтогенеза. Эпигенетическое толкованіе процесса развитія, въ свою очередь, недостаточно, ибо оно не въ силахъ объяснить, почему видимо сходные одноклѣтные зародыши, становятся при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ столь несходными въ концѣ онтогенеза. Очевидно, самъ зародышъ привноситъ отъ себя въ процессъ развитія нѣчто весьма существенное, обозначаемое нами понятіемъ „наслѣдственности“. Поскольку развитіе зависитъ отъ внѣшнихъ условій, роста, взаимоотношеній между цѣлымъ и частями и т. д., постольку оно есть эпигенезъ, т. е. *новообразованіе*; поскольку же развитіе обусловливается наслѣдственностью или, точнѣе, тѣми условіями, которыя напередъ имѣются въ самихъ зародышахъ, постольку оно есть преформація, т. е. *предобразованіе*.

И, наконецъ. Ни „предшествующее состояніе“—état anterieur—Кл. Бернара, ни „органическая инерція“ Тимирязева, ни предположеніе Гертвига о „высокой специфической организаціи“ зародышеваго вещества не объясняютъ по существу той роли, которую самъ зародышъ играетъ въ процессѣ развитія. Несомнѣнно, что „историческія причины“ сильно отражаются на веществѣ зародышей и дѣлаютъ ихъ на самомъ дѣлѣ различными. Но въ чемъ сказалось дѣйствіе этихъ историческихъ причинъ, что собственно произвело оно въ зародышевомъ веществѣ—это все еще составляетъ тайну, не смотря на толкованія и Тимирязева, и Кл. Бернара, и Гертвига. Всѣ эти ученые покидаютъ поле изслѣдованія и отказываются отъ объясненій какъ разъ тамъ, гдѣ Спенсеръ, Дарвинъ, де-Фризъ и Вейсманъ начинаютъ объяснять. Правда, мистическій туманъ, заволакивавшій до послѣдняго времени ту область жизненныхъ явленій, которыя составляютъ въ общемъ проблему развитія и наслѣдственности, начинаетъ понемногу рѣдѣть; но, говоря по совѣсти, мы попрежнему стоимъ съ недоумѣніемъ и въ грустномъ раздумьи передъ „проклятымъ“ вопросомъ: что собственно привносятъ въ процессъ развитія зародышевые элементы—специфическую *организацію* или своеобразную *молекулярную структуру*? Что скрывается въ тайникахъ наслѣдственнаго вещества?..

Я сказалъ все, что хотѣлъ. Не думаю, чтобы читатель разсчитывалъ, что, ознакомившись съ новѣйшими взглядами на сущ-

ность развитія и наслѣдственности, онъ почувствуетъ себя въ положеніи того счастливца поэта, про котораго сказано:

Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Въ нашъ скептическій вѣкъ такія надежды звучатъ анахронизмомъ. Однако не слѣдуетъ и умалять значеніе работы „теоретиковъ“ развитія и наслѣдственности. Увлеченія и преувеличенія, повторяю, удѣлъ всѣхъ страстныхъ искателей истины. Одни лишь Вагнеры—самодовольные педанты съ пергаментной душой, ослѣпшіе въ архивной пыли,—не вѣдаютъ ошибокъ и увлеченій; но за то и не ими движется наука. Пусть многое въ воззрѣніяхъ тѣхъ ученыхъ, о которыхъ у насъ шла здѣсь рѣчь, будетъ признано проблематичнымъ, фантастичнымъ и даже просто ложнымъ. За то тутъ же рядомъ мы находимъ и парадоксальное на первый взглядъ, но глубокое по существу обобщеніе, и оригинальное освѣщеніе обычныхъ съ виду явленій, и цѣлую вереницу новыхъ наблюденій, экспериментовъ, выводовъ. А это все вѣдь освобождаетъ науку изъ мертвящихъ тисковъ рутины, окропляетъ ее живою водой возрожденія, окрыляетъ мысль, развертываетъ передъ разумомъ широкія перспективы...

В. В. Лункевичъ.

ЗАЧѢМЪ?

(Изъ міра художниковъ).

I.

Стремительно прорѣзывая ночной воздухъ, загадочно сверкая круглыми глазами, вытянувъ гибкое, длинное тѣло, поѣздъ несся къ городу шумно, гордо и бурно. Потомъ, замедливъ плавный и вѣрный ходъ, лязгая и громыхая буферами, онъ остановился у станціи. Темная масса людей волною хлынула на платформу, заполнила выходы и разсѣялась на улицахъ. На вокзалѣ опять на время стало пусто и тихо. Ослѣпительный электрическій свѣтъ заливалъ обширный Wartsaal, освѣщая художественную рѣзьбу колоссальныхъ стѣнъ и живопись высокаго, куполообразнаго потолка.

Этотъ высокій потолокъ, казалось, поднялся еще выше, а его стѣны отодвинулись еще дальше, когда въ нихъ вступила маленькая фигурка мальчика, а можетъ быть, и юноши въ странномъ длинномъ кафтанѣ, болтавшемся почти до пятъ, съ рукавами, покрывавшими кисти рукъ. На ходу онъ махалъ руками, и отъ этого казалось, будто это легкое существо носится съ помощью крыльевъ,—особенно, когда, растерянный и ослѣпленный свѣтомъ, мальчикъ болѣзненно щурился и метался отъ одной затворенной двери къ другой. Ища выхода, онъ положительно напоминалъ какую-то темную ночную бабочку, залетѣвшую въ яркій фонарь. Усталый, отчасти испуганный, онъ остановился и, случайно бросивъ взглядъ на потолокъ, весь точно замеръ въ созерцаніи. Такъ смотритъ на живопись только художникъ, а воспринимать такъ сильно и ярко даже художникъ можетъ лишь въ ранней юности...

И точно, Сендеръ—художникъ. Не отрывая глазъ отъ нарисованной на потолкѣ картины, выгнувъ свои длинныя, темныя крылья, это тихое, странное существо долго стояло-бы съ закинутой кверху головой, если-бы неожиданный грохотъ вновь

принесшагося поѣзда не заставилъ его вздрогнуть... Онъ опять заметался по залѣ... Дверь открылась и онѣ быстро шмыгнулъ въ нее. Въ другомъ залѣ его подхватила хлынувшая съ поѣзда толпа, онъ закружился, точно въ водоворотѣ и, какъ бы подхваченный свѣжей струей воздуха, очутился на улицѣ.

Толпа увлекала его за собою. Сендеръ радостно смѣшивался съ нею, но невольно остановился, пораженный стремительностью, съ какою толпа наполняла подъѣзжавшіе и отъѣзжавшіе трамваи, весело уносившіе ее по разбѣгающимся во всѣ стороны улицамъ. А по краямъ этихъ улицъ въ синеватомъ сумракѣ ночи такъ заманчиво тянулись безконечныя нити золотыхъ огоньковъ!

Одинъ вагонъ еще стоялъ, готовясь двинуться. Съ сильно бьющимся сердцемъ мальчикъ поднялся на ступеньки. Всѣ мѣста были заняты; кондукторъ, проведя его черезъ туго набитый и уже заколыхавшійся вагонъ на площадку трамвая, молча остановился передъ нимъ.

— Къ Галеви!—рѣшительно сказалъ Сендеръ, стараясь укрѣпить свое положеніе на раскачивавшейся площадкѣ.

— Десять пфенинговъ!.. Прошу,—лаконически отвѣтилъ кондукторъ.

Юноша сначала изумленно посмотрѣлъ на него, потомъ, сообразивъ, вынулъ кошелекъ и отдалъ кондуктору взятую наугадъ монету.

Какъ хорошо было на этой двигавшейся площадкѣ! Правда, было нѣсколько прохладно, вѣтеръ дулъ въ спину, но за то какъ плавно скользилъ мимо чудный городъ! Какъ восхитительны были освѣщенныя окна, какъ фантастично прекрасны казались женщины, внезапно попадавшія въ полосу свѣта и такъ же быстро утопавшія въ тѣни...

Между тѣмъ, трамвай, все удаляясь отъ освѣщенныхъ и нарядныхъ улицъ вступилъ въ темные, невзрачные кварталы. Сендеръ, закрывъ глаза, отдался очарованію плавнаго движенія трамвая. Ему казалось, что онъ плыветъ въ воздухѣ, окруженный розовымъ свѣтомъ, сотканнымъ изъ розовыхъ улыбокъ и мелькающихъ чудныхъ фигуръ...

— Чортъ возьми! Пора, однако, когда-нибудь и выдти изъ вагона, сударь!—раздался надъ нимъ грубый голосъ кондуктора.

Сендеръ встрепенулся. Что это? Темно, трамвай неподвиженъ и пустъ, какъ пуста и неподвижна улица съ теряющимися во мглѣ домиками и эта уснувшая площадь, пересѣкающая и ее, и рельсы.

— Боже мой, гдѣ-же я?—съ изумленіемъ спросилъ юноша.

— Что такое?—рѣзко переспросилъ кондукторъ.

— Но вѣдь мнѣ нужно къ Галеви!

— Здѣсь предмѣстье Швабингенъ.

— Но мнѣ нужно къ Галеви,—настойчиво повторилъ юноша, продолжая оглядываться съ изумленіемъ... Прямо изъ лавочки отца-букиниста въ маленькомъ захолустномъ городишкѣ онъ попалъ въ Мюнхенъ, о которомъ мечталъ, какъ о странѣ волшебной сказки. Въ каждой изящной женской фигурѣ на освѣщенныхъ улицахъ ему чудились жены и вдохновительницы художниковъ; среди подвижной толпы онъ искалъ жаднымъ взглядомъ типическія фигуры самихъ художниковъ, съ золотистыми кудрями... И вотъ передъ нимъ темная, глухая улица и кондукторъ, который на вопросъ о Галеви, величайшемъ изъ художниковъ этого художественнаго города, отвѣчаетъ съ полнымъ равнодушіемъ: — Такой улицы не существуетъ.

— Боже мой,—воскликнулъ юноша въ отчаяніи.—Но я говорю не объ улицѣ, а о великомъ художникѣ Галеви... Галеви, который написалъ Мендельсона и Спинозу.

— Не знаю...—И кондукторъ равнодушно пожалъ плечами.

Сендеръ съ изумленіемъ поглядѣлъ въ лицо человѣку, живущему въ Мюнхенѣ и не знающему Галеви. Это удивленіе, въ свою очередь, озадачило кондуктора, и нѣкоторое время они молча стояли другъ противъ друга.

— Прошу, однако, сойти!—вдругъ, нахмуривъ брови, крикнулъ кондукторъ.—Вагонъ не идетъ дальше.

Его голосъ былъ внушителенъ и рѣзокъ, лицо сурово и, при свѣтѣ фонаря, блеснули металлическія пуговицы. Это испугало юношу, и онъ поспѣшилъ сойти съ трамвая.

Онъ очутился одинъ среди пустынныхъ улицъ. И сѣрое, холодное утро застало его уже не мечтательнымъ, не возбужденнымъ и восхищеннымъ, а угрюмымъ и съежившимся отъ сырости и холода.

II.

Протяжный гудокъ раздался надъ городомъ, за нимъ другой. Въ ту-же минуту двери маленькихъ домиковъ стали раскрываться, изъ нихъ выбѣгали люди и, стуча деревянными башмаками, торопливо неслись всѣ по одному направленію въ ту часть города, которая возвышалась въ туманной дали своими громоздкими зданіями. Онъ провожалъ ихъ глазами, слѣдя, какъ силуэты мужчинъ, женщинъ и дѣтей лентой тянутся къ городу, который, точно раскрывъ свою пасть, поглощаетъ ихъ одного за другимъ.

— Куда они? Точно въ школу!—подумалъ Сендеръ, чув-

ствуя себя нѣсколько бодрѣе при видѣ людей.—Сколько народу! У каждаго своя забота... И никто тебя не трогаетъ... И никому...—Ай, какъ красиво!—громко воскликнулъ онъ, глядя въ восхищеніи на городъ, загорѣвшійся въ первыхъ лучахъ восходящаго солнца... Въ его памяти встала невзрачная картина родного мѣстечка съ его лачугами, пустырями и заборами. При этомъ воспоминаніи онъ вздохнулъ глубоко и съ облегченіемъ.

— Вырвался таки!—сказалъ онъ, слегка откачнувшись назадъ, точно въ самомъ дѣлѣ отрываясь отъ чего-то.

— Я въ Мюнхенѣ, въ Мюнхенѣ! Я художникъ и иду къ художникамъ!

Широко улыбнувшись, Сендеръ засунулъ озябшія руки въ рукава и бодро пошелъ туда, куда тянулись кучки людей...

Надъ просыпающимся городомъ, какъ разорванная завѣса, подымался туманъ, быстро таявшій подъ лучами солнца... Люди забѣгали по улицамъ, загремѣла труба трамвая, точно возвѣщая торжество свѣта надъ мглой, зашумѣли, застучали лошади, экипажи, тачки съ фруктами, мальчики выкрикивали газеты, на подоконникахъ раскрытыхъ оконъ бѣлѣли подушки и перины, свирѣпо выколачиваемыя чистоплотными нѣмками. Начиналось какъ-бы второе утро, не мертвое, сѣрое утро фабричнаго люда, а веселое солнечное утро прислуги и мелкихъ чиновниковъ, студентовъ, школьниковъ...

Чаще всѣхъ встрѣчалась молодежь съ папками или подрамками подъ мышкой, съ ящиками, а то и прямо съ палитрами въ рукахъ. Эта молодежь шла въ одиночку или группами и всегда съ оттѣнкомъ вольности, не спѣша, характеризуя свой родъ занятій частыми остановками для наблюденій и громкими замѣчаніями по поводу промелькнувшей формы или пятна.

Одна изъ такихъ группъ, состоявшая изъ четырехъ человѣкъ, остановилась на улицѣ, въ жару оживленнаго спора. Молодые люди жестикулировали, перебивали другъ друга, слова: „реализмъ, тенденціонное искусство, идеалы чистаго искусства“—скрещивались въ воздухѣ, когда съ ними поровнялся не высокій, широкоплечій брюнетъ съ энергичнымъ смуглымъ лицомъ.

— А, вотъ и Леви,—крикнулъ одинъ изъ споорившихъ.—Стой, Леви, на какую это сходку ты несешься, какъ африканскій самумъ?.. Разрѣши вотъ нашъ споръ... Ты за чистое искусство или противъ?

— А что такое чистое искусство?—остановившись и повернувшись рѣзкимъ движеніемъ къ нимъ, спросилъ молодой человѣкъ.

— Да кто-же этого не знаетъ? Не уклоняйся и отвѣчай прямо на вопросъ!

— И всетаки: что такое чистое искусство?—спросилъ брюнетъ спокойно и, не дожидаясь отвѣта, быстро зашагалъ впередъ, сопровождаемый доносившимися до него насмѣшками товарищей.

Онъ проходилъ улицу за улицей, прямо и твердо глядя предъ собой, какъ человѣкъ, не знающій ни колебаній, ни сомнѣній. Его голубые глаза казались черными въ тѣни выдающагося лба и темныхъ почти смыкающихся бровей; его взглядъ былъ прямо устремленъ въ лица прохожимъ, которые при встрѣчѣ съ этимъ взглядомъ почти всегда отводили свой въ сторону, а пройдя мимо, часто оглядывались.

— Но, господинъ Леви, чортъ возьми, вы изломаете тротуаръ!—снова окликнулъ его голосъ за спиной.

Оглянувшись, Вольфъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ маленькой горбатой фигуркой своего учителя, г. Эпша, и къ немалому своему удивленію почти у самыхъ воротъ школы.

— Здравствуйте, г. Эпшъ,—сказалъ онъ, снимая шляпу, и сдѣлалъ движеніе, чтобы продолжать прерванный путь.

— Те-те-те, г. Леви, куда? Вы уже дней десять не являетесь въ школу... Что такъ залѣнились... Э? Хе-хе! Ну, ничего, ничего! Что же дѣлать, молодость, красавица жена, не правда-ли? Хе! Да, да, замѣчательная красота, удивительная красота, рѣдкая красота! Это... это...

— Вотъ мы подошли къ школѣ. До свиданья, господинъ Эпшъ.

— Те-те-те! Какъ-бы не такъ! Я хочу вамъ кое-что показать! Если ужъ вы не работаете сами, то должны, по крайней мѣрѣ, видѣть и знать, что такое настоящая, истинно-европейская школа. Пойдемте, только пойдемте!

— Что же,—интересная группа или модель?—спросилъ Вольфъ, неохотно слѣдуя за нимъ.

— Терпѣніе! вотъ увидите.

Пройдя дворъ, они вступили на узенькую, длинную дорожку, извивавшуюся между двумя заборами и упиравшуюся въ небольшой дворикъ, вѣрнѣе—садикъ, прижавшійся къ небольшому одноэтажному дому, построенному въ древне-русскомъ стилѣ. Говорятъ, какой-то русскій князь обучался когда-то въ Мюнхенѣ живописи и построилъ это ателье, съ окномъ во всю стѣну. У него было намѣреніе писать историческую картину, но, внезапно принявъ рѣшеніе поучиться еще новѣйшей французской техникѣ, онъ продалъ домъ за безцѣнокъ и укатилъ въ Парижъ. Съ тѣхъ поръ, по капризу судьбы, водворилось въ этомъ зданіи изъ тесанныхъ бревенъ съ изящной русской рѣзьбой настоящее французское искус-

ство съ его утонченной техникой въ лицѣ маленькаго горбатаго нѣмца, г-на Эпша, шестнадцать лѣтъ проработавшаго въ Парижѣ подъ руководствомъ всѣхъ его свѣтилъ до Констана, Коллэна, Каролюсъ-Дюрана включительно. Чуждый художественнаго творчества, онъ, однако, превосходно развилъ въ себѣ технику, тонкую критику техники другихъ, и былъ недурной преподаватель.

Ученики всѣхъ націй быстро наполнили его ателье.

— Ну, что,—есть на что посмотрѣть?—торжественно воскликнулъ Эпшъ, снимая пальто и ища свободный гвоздь на стѣнѣ, густо увѣшанной верхнимъ платьемъ учениковъ. Онъ закурилъ сигару и, бросивъ взглядъ въ зеркало, вытащилъ изъ бокового кармана своего пиджака уголокъ краснаго шелковаго платочка. Этотъ обворожительный шелковый кончикъ неизмѣнно украшалъ его грудь и нѣкоторыхъ вводилъ въ заблужденіе, издали напоминая орденскую ленточку. Свѣтло-сѣрые штаны съ широкими черными полосами по швамъ довершали эффектъ изысканной фигуры.

При входѣ учителя, въ мастерской водворилось нѣкоторое подобіе тишины и прилежанія. Повернувшись къ своимъ холстамъ, ученики ревностно принялись пестрить ихъ штрихами, то стирая, то снова накладывая ихъ, или, вытянувъ впередъ руку, съ помощью отвѣса или линейки устанавливали и соизмѣряли положеніе и соотношеніе линій раскинувшагося на подставкѣ обнаженнаго тѣла натурщицы.

Видя, съ какимъ вниманіемъ Вольфъ остановилъ свой взглядъ на послѣдней, Эпшъ сказалъ торжествующимъ тономъ:

— То-то же! Вѣдь правду я вамъ сказалъ? Поищите-ка такую натуру въ академіи! Какъ бы не такъ! Тамъ банальность, итальянщина. Все скучно, академично, да. Тамъ никто не заботится, чтобы пріохотить ученика, чтобы, такъ сказать, вдохновить его. А такая натура, такая поза возбуждаетъ, оживляетъ, привлекаетъ къ работѣ. Посмотрите-ка на это розовое тѣло поросенка, — какъ оно переливается, ласкаетъ глазъ. Э? А эти рыжіе волосы во вкусъ Рубенса... Э? То-то-же!

Послѣ этой тирады профессоръ развернулъ свертокъ нѣжно сиреневаго шелковистаго газа.

— Вотъ, господа, я принесъ вамъ фонъ. Нарочно разыскалъ въ магазинѣ. Что, заботились бы такъ о васъ въ академіи... а? Тамъ о такихъ тонкостяхъ и не думаютъ! Выкрашена стѣна въ коричневую краску,—recht, пусть будетъ коричневая краска! Имъ все равно, что рисуется на этомъ фонѣ: старая карга, грубая мужская мускулатура или пикантный, тонкій прозрачный кусочекъ, какъ вотъ этотъ! Вымазалъ маляръ стѣнку коричневой краской... Отлично! Пусть будетъ

коричневый фонъ!.. Ну, а какъ вамъ, господа, нравится вотъ этотъ лиловый тонъ къ рыжимъ волосамъ... э? То-то-же! Ха... Ну, теперь помогите мнѣ устроить всю эту исторію...

Нѣсколько человѣкъ съ живостью бросили работу и побѣжали къ учителю. Ширма была передвинута и моментально задрапирована газомъ.

— Восхитительно!—послышались голоса учениковъ.

— Хе... хе... то-то-же—вотъ! Смотрите, — отодвигаясь подальше и заслоняясь ладонью отъ свѣта, щурился Эпшъ,— смотрите, это настоящій французскій шикъ! Желтоватые, сиреневые, розовые тоны нѣжно переливаются, играютъ, исчезаютъ другъ въ другѣ, ни начала, ни конца! Все это ласкаетъ взоръ, стушевывается, закругляется, играетъ... — Э, г-нъ Леви! Что скажете?

Повернувшись на каблукахъ, онъ остановилъ свой взглядъ на Вольфѣ и окинулъ торжествующимъ взоромъ весь классъ.

— Вотъ это я называю шикъ!

— Да, да, восхитительно, безподобно,—вторили ученики.

Эпшъ подошелъ къ одному изъ мольбертовъ.

— Ну, на что это у васъ похоже?—вознегодовалъ онъ.— Къ чему эти грубыя линіи? Рисовать надо такъ, чтобы воздушность и легкость чувствовались уже въ наброскѣ.

Смахнувъ замшей рисунокъ, онъ взялъ уголь. Ученики быстро сгруппировались вокругъ учителя, восхищаясь легкостью, съ какой изъ-подъ ловкой руки мастера возникали изящныя формы молодого тѣла.

— Вотъ какъ надо работать!—сказалъ онъ, оставляя уголь.— Прищурьте глаза и сравните! Только прищурьте глаза—это главный принципъ! Линію надо брать въ ея цѣломъ, схватить ея изгибъ, какъ это дѣлаютъ французы, поняли? Не копаться, не топтаться, не царапать на одномъ мѣстѣ. Одинъ, два удара и готово—отъ начала до конца! Вотъ это—французскій методъ. Что за дѣло до мелочей? Было бы вѣрно въ общемъ! Такъ-ли я говорю?

Ученики восторженно соглашались, толкаясь на перебой у мастерски набросаннаго рисунка.

— Главное, прищурить глаза и сравнить,—твердилъ Эпшъ, переходя отъ одного мольберта къ другому.—И не спать! Художникъ долженъ быть всегда въ возбужденномъ состояніи, это главный принципъ. Въ другихъ школахъ объ этомъ не заботятся, а я считаю это первымъ условіемъ... Ну, господа, кажется... съ своей стороны я дѣлаю все, что могу,—съ усмѣшкой прибавилъ онъ.—Не такъ-ли?

Дружный смѣхъ встрѣтилъ шутливый вопросъ учителя.

— Пауза,—сказалъ кто-то.

Эпшъ взглянулъ на часы.

— Да, пора. Модель позируетъ лишнихъ десять минутъ. Пауза,—повелительно сказалъ Эпшъ.

Натурщица потянулась, расправляя онѣмѣвшіе члены, и медленно поднялась.

— Стой, Бетти, не трогаться!—восхищенно скомандовалъ Эпшъ уже готовой соскочить съ подставки натурщицѣ.—Вотъ поза! Сколько ни устанавливай натуру, никогда не придашь ей той граціи, какую она иной разъ найдетъ сама. Смотрите-ка, смотрите! Вѣдь это сочно, какъ у Рубенса, и шикарно, какъ у французовъ. Кромѣ меня, только французы понимаютъ, что такое шикъ.

Натурщица стояла неподвижно. Классъ упивался ея красотой.

— Можно мнѣ сойти?—спросила она, взглянувъ черезъ плечо на профессора.

— Еще минуточку... Приподними немного руку... вотъ такъ. Браво! Ну, теперь сходи!

Натурщица, какъ кошка, спрыгнула съ высокой подставки между тѣсно сдвинутыми мольбертами, медленно раздвигаемыми передъ нею, прошла въ уголокъ, гдѣ въ безпорядкѣ разбросаны были ея вещи, и, накинувъ на себя темную шаль, спряталась за ширму. Тамъ быстро сгруппировалась большая часть молодыхъ жрецовъ чистаго искусства. Тихое хихиканье, прерываемое сдержанными взвизгиваніями или крѣпкимъ словцомъ, покрываемымъ громкимъ хохотомъ, во все время паузы доносились изъ-за ширмы.

— До свиданья!—повернувшись къ Эпшу, сказалъ Вольфъ.

— Постойте, постойте, пойдемте вмѣстѣ! Мнѣ нужно вамъ кое-что сказать, подождите! Я вотъ покажу только этому несчастному, какъ надо рисовать.

— Господинъ Эпшъ,—почтительно сказалъ недавно поступившій юноша съ тонкимъ польскимъ лицомъ,—пришли натурщики.

— А, это кстати: мнѣ нужно приготовить модель къ будущей недѣлѣ, пусть войдутъ.

Въ комнату вошли сгорбленная старушка, два подростка: бѣлокурая дѣвочка десяти и смуглый мальчуганъ двѣнадцати лѣтъ, и молоденькая, кудрявая дѣвушка, которая сразу завладѣла общимъ вниманіемъ.

— Ба! Нинетта, ты опять къ намъ?

— Нинетта, Нинетта пришла!

Молодую дѣвушку моментально окружили.

— Ахъ, ты, колибри! Ты опять у насъ? А мы о тебѣ соскучились, Нинетта!.. Какъ ты поживаешь, Нинетта?!. не притупился ли еще твой носикъ, Нинетта, твой язычекъ, Нинетта, и твои зубки?..—забрасывали ее со всѣхъ сторонъ.

— Что ни говори, а больше всѣхъ соскучился о тебѣ я, моя обожаемая Нинетта,—съ серьезнымъ видомъ сказалъ протискавшійся къ ней долговязый американецъ и, обнявъ, поцѣловалъ ее прямо въ губы. Сдѣлавъ это, онъ съ тѣмъ же серьезнымъ лицомъ вернулся на свое мѣсто.

Эпшъ разсмѣялся.

— О, эти американцы практичный народъ!

— Такъ что же, Нинетта, взять тебя, что ли? Ты плохо сидишь и вертишься...—нерѣшительно раздумывалъ вслухъ Эпшъ.

— Ахъ, г. Эпшъ, я буду стоять хорошо, вотъ увидите, г. Эпшъ,—вертясь на своихъ маленькихъ ножкахъ и поворачивая кудрявую головку, щебетала дѣвушка.—Я буду сидѣть хорошо,—твердила она.

— Какъ мышь въ западнѣ!—сказалъ кто-то.

— Или тигренокъ въ клѣткѣ,—прибавилъ другой.

— Или чертенокъ.

— Или колибри на вѣткѣ...

— Колибри, колибри! Вотъ это вѣрно!

— Такъ какъ же, господа,—прервалъ этотъ шумный потокъ Эпшъ,—взять ее, что ли?

— Взять, взять, конечно, взять!—раздалось отовсюду.

— Рѣшено: ты остаешься, Нинетта.

Нинетта поклонилась и, стрѣльнувъ глазами направо и налѣво, вышла, увлекая за собою цѣлый хвостъ молодежи.

Маленькая, сморщенная старушка съ тоскливой, почти безнадежной улыбкой выдвинулась впередъ.

— Нѣтъ, старая, ты не годишься, — улыбаясь, сказалъ Эпшъ.—У насъ, слава Богу, Деннеровъ нѣтъ, чтобы вырисовывать твои морщины.

— Для act'a бы ее!—пошутилъ кто-то.

— Бабушка, раздѣвайтесь!

— Не понадобится ли кому... на дому?—безнадежно заглядывая въ глаза окружающимъ, проговорила старушка. Но ей никто не отвѣтилъ.

Со вздохомъ она повязалась платкомъ и вышла изъ мастерской.

— Итакъ, мнѣ сейчасъ нужно еще поискать натуру для сегодняшняго вечерняго act'a. Г-мъ... Впрочемъ, не поставить ли кого-нибудь изъ этихъ?—указалъ онъ на скромно выдвинувшихся впередъ дѣтей.—Дѣвченка недурна, а вы мало штудировали дѣтское тѣло... Или лучше поставить ихъ въ группу, а? Контрастъ темнаго и нѣжно-розоваго тѣла можетъ дать недурное пятно. Какъ вы думаете, господа?

— Г-нъ Эпшъ,—еще натурщики!

— Прекрасно, пусть войдутъ. А... Г-мъ... Эти...

Въ мастерскую вошелъ высокій, крѣпкій мужчина въ крайне потертомъ пиджакѣ и брюкахъ съ такимъ обиліемъ заплатъ, что, казалось, эта важная часть его костюма только и составлена изъ аккуратно сшитыхъ кусковъ болѣе или менѣе одноцвѣтной матеріи. Не лучше выглядѣла сопровождавшая его женщина.

— Г-мъ... г-мъ... Это нѣсколько скучно,—отводя отъ нихъ глаза, проговорилъ, наконецъ, Эпшъ.—Женщина мало интересна, мужчина же не нуженъ: у насъ вторую недѣлю на вечернихъ классахъ стоитъ мужская модель. Впрочемъ, такъ какъ уже поздно и врядъ-ли кто-нибудь еще придетъ, то я, пожалуй, предложилъ бы слѣдующее: на сегодня взять кого-нибудь изъ нихъ, а на будущей недѣлѣ поставить группу дѣтей... Э?

— Это вѣрно.

— Ну, такъ кого же, господа: мужчину или женщину?

— Мужчину? Ни за что! Вы сами сказали: „двѣ недѣли!"

— Разнообразіе—„главный принципъ".

— Что касается меня, то я принципіально и всегда за женщину,—сказалъ протяжно чей-то голосъ.

— Чортъ возьми! Только не за эту,—пробормоталъ другой.

— Какъ знать?—шепнулъ третій.

— Хорошо,—рѣшилъ Эпшъ,—раздѣвайтесь, мы васъ посмотримъ.

Женщина поблѣднѣла, не менѣе ея поблѣднѣлъ и мужъ.

— Я думала,—запинаясь, сказала она,—я думала, не пригодится ли вамъ моя голова?

— Да вы не бойтесь! У насъ тепло, сквозняковъ нѣтъ, не такъ, какъ въ другихъ мастерскихъ, которыя...—началъ Эпшъ.

— Нѣтъ, видите ли,—смущенно перебила его женщина,—Я, видите ли, собственно, не натурщица по профессіи.

— Не бѣда! Вы думаете, надо этому учиться. Вонъ маленькія дѣти, и тѣ знаютъ эту науку.

— Г. Эпшъ! мнѣ кажется... она стыдится,—конфузливо вмѣшался молодой полякъ.

— Стыдится? Вотъ-те и на! Такъ зачѣмъ и идти въ натурщицы? Фу! Только время отнимаютъ. Дѣти, раздѣвайтесь для группы!

Дѣти проворно стали раздѣваться. Женщина, не двигаясь съ мѣста, переглянулась съ мужемъ, и Эпшъ случайно подмѣтилъ этотъ взглядъ.

— Вотъ если бы вы все время позированія могли сохранить такое выраженіе, какъ сейчасъ, то я оставилъ бы васъ для головы,—съ добродушной шутливостью замѣтилъ онъ.

Женщина, сохраняя то же выраженіе на лицѣ, смотрѣла на него.

— Зачѣмъ вы не ищете себѣ другой работы?—съ оттѣнкомъ участія спросилъ Эпшъ.

— Мы теперь безъ работы,—отвѣтилъ мужъ,—рабочіе нашей фабрики уже двѣ недѣли бастуютъ, хозяева не поддаются. У насъ дома четверо дѣтей, господинъ профессоръ.

— Что дѣлать, за то горькій опытъ научитъ васъ не повторять глупостей. Мнѣ васъ жаль, мнѣ нуженъ act.

— Спросите въ другихъ мастерскихъ, не понадобится ли тамъ?—снова вмѣшался чей-то робкій участливый голосъ.

— Уже спрашивали. Нигдѣ не принимаютъ.

— Фридрихъ!—сказала женщина, и вдругъ осѣклась.

Мужъ взглянулъ на нее.

— Фридрихъ, я буду стоять, какъ потребуетъ господинъ профессоръ.

Фридрихъ слегка отвернулся.

— Это невозможно...—съ усиліемъ вымолвилъ онъ.

— А дома... Вѣдь ждутъ же!.. Господинъ Эпшъ, я буду стоять!—громко и рѣшительно сказала она.

Фридрихъ молчалъ. Эпшъ посмотрѣлъ на часы.

— Черезъ пять минутъ кончается пауза. Я васъ поставлю въ позу, которой вы должны держаться вечеромъ. Господа, сегодня вечеромъ я не приду. Вы установите ее сами, прошу запомнить позу.

Женщина сняла платокъ.

— Фридрихъ, ты лучше уйди.

— Нѣтъ ужъ... я останусь... пока не кончится...

И онъ сталъ напряженно смотрѣть на свою медленно раздѣвавшуюся жену. Дѣти, совсѣмъ голенькія, съ огорченіемъ и упрекомъ уставились на забывшаго ихъ профессора.

— А мы?..—наконецъ, выговорилъ мальчикъ.

— Ахъ, вы, поросята!.. — смѣясь, обратился къ нимъ Эпшъ.—Одѣвайтесь снова! Я поставлю васъ на будущей недѣлѣ.

— Ну, да... „на будущей!“ Вы забудете...

Это замѣчаніе, сказанное жалобнымъ дѣтскимъ тономъ, вышедшимъ изъ наивно надувшихся губокъ, почему-то разсмѣшило всѣхъ.

— Ахъ, вы, поросята!—хохоталъ Эпшъ.—Это вы всегда норовите обмануть. Условишься съ вами, назначишь день, часъ, ждешь —анъ, глядь, вы уже гдѣ-нибудь и договорились въ другомъ мѣстѣ. Ха-ха-ха... Тоже протестанты нашлись! Однако, поторопись, поторопись,—добродушно обратился онъ снова къ женщинѣ. Скорѣй, пожалуйста! Что тамъ еще, право, за церемоніи! Ты вовсе не такъ красива, милая! При томъ, тутъ все люди свои: видали и не такіе виды.

Женщина перевела духъ. Она сняла юбку и теперь стояла

передъ толпой мужчинъ въ одной рубахѣ. Взглядъ ея съ выраженіемъ отчаянія остановился на мужѣ, но этотъ сильный, крѣпкій товарищъ, на котораго она привыкла опираться, не выдержалъ испытанія. Онъ задрожалъ и вдругъ, пошатнувшись, схватился за грудь и выбѣжалъ вонъ.

Вольфъ Леви бросился вслѣдъ за нимъ.

III.

Новый взрывъ смѣха и громкіе апплодисменты потрясли стѣны мастерской.

Въ мастерскую входилъ торжественномъ шагомъ молодой человѣкъ, невысокій и полный, за золотистыя, вьющіяся колечкомъ кудри и румяное лицо прозванный товарищами Aengelchen. Онъ сохранялъ искусственную серьезность За нимъ слѣдовало странное существо въ длиннополомъ кафтанѣ, болтавшемся почти до земли, и съ длинными рукавами, закрывавшими кисти рукъ. Цѣлый градъ вопросовъ, замѣчаній и шутокъ посыпался на обоихъ.

— Ура, Aengelchen, браво! Изъ какого звѣринца ты привелъ намъ такой экземпляръ?

— Господи Іисусе, вѣдь это—жидъ, вѣдь это же настоящій нашъ польскій жиденокъ,—искренно обрадовался соотечественнику полякъ.

— Хо-хо! Что за костюмъ, что за фигура, famos!

— Прелестная находка, чудесная модель,—воскликнулъ и Эпшъ.—Гдѣ вы откопали ее, господинъ Фелихратъ?

Aengelchen не выдержалъ роли и покатился со смѣху.

— Ну, вотъ, я такъ и зналъ!.. Ей Богу, честное слово, я не сомнѣвался, что всѣ примете его за модель. Я былъ увѣренъ. Я шелъ сюда и думалъ: вотъ отворю дверь, и всѣ закричатъ: „Aengelchen привелъ модель“!—Ну, да въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Я подумалъ бы то же самое. Представьте: иду сюда и вижу вотъ это... Вотъ такъ модель, думаю. Подхожу ближе, и онъ подходитъ ближе, я смотрю на него, и онъ смотритъ на меня. И вдругъ говоритъ: „извините, вы художникъ? Я, говоритъ, тоже художникъ.“

— Такъ и сказалъ? Ха-ха-ха!

— Такъ и сказалъ. „Вы, говоритъ, художникъ? Я, говоритъ, тоже художникъ.“ Ну, честь имѣю представить господа: С-сендеръ Блюменталь, господинъ т-тоже х-художникъ!

Апплодируя и хохоча, всѣ тѣснымъ кольцомъ окружили нашего юнаго знакомаго. Апплодисменты, шутки и смѣхъ нисколько не озадачили Сендера, напротивъ, онъ отвѣчалъ на этотъ пріемъ радостной, привѣтливой улыбкой. Онъ не

былъ оскорбленъ. Смѣются надъ его костюмомъ?.. Что же тутъ удивительнаго? Онъ и самъ смѣется надъ нимъ. Но вѣдь костюмъ легко перемѣнить, и тогда не надъ чѣмъ будетъ смѣяться. Вѣдь теперь все начнется сызнова,—вся жизнь съ самаго начала!

Къ тому же,—что за дивное зрѣлище открылось передъ нимъ въ этой комнатѣ: мольберты, этюды, статуи, картины, художники! Настоящіе живые художники, люди, которыхъ доселѣ онъ видѣлъ только въ мечтѣ. Вотъ они—шумной, веселой толпой окружаютъ его съ палитрами, кистями и рейсфедерами въ рукахъ! Они любуются имъ, восхищаются его глазами, оваломъ, улыбкой, даже зубами... Во снѣ это или на яву?

Любовно, довѣрчиво и радостно встрѣчая обращенные къ нему взгляды, онъ извлекъ изъ-за пазухи какой-то обернутый въ газетную бумагу свертокъ и сталъ развязывать узелъ красиво связывающей его старенькой шелковой ленты.

— Halt! Что это такое? Неужели же ка-артины?

— Это Aengelchen отдалъ ему на храненіе свои любовныя письма.

— Т-ссъ... Не пачка-ли это фальшивыхъ бумажекъ?

— Не средство-ли противъ мозолей?

— Онъ походитъ на миніатюрнаго алхимика.

— Счастье его, что я не Торквемада. Какъ охотно привязалъ бы я его къ столбу и развелъ бы подъ нимъ костеръ. Темная фигура, блѣдное лицо и пламя костра... Да, это такое пятно, такое... Прямо—Рибейра.

— А я нахожу, что онъ совсѣмъ во вкусѣ Галеви. Помнишь его „Христосъ отрокъ“?

— Галеви, вы знаете Галеви?—встрепенулся Сендеръ.— Гдѣ онъ живетъ?

Этотъ стремительный вопросъ, на грубомъ еврейскомъ жаргонѣ, отдѣльныя слова котораго онъ старался германизировать, произнося на а, хоть и былъ понятъ всѣми, но вызвалъ такой взрывъ смѣха, что Сендеръ впервые смутился и, слегка поблѣднѣвъ, изумленно расширилъ глаза.

— Ну, ну, покажи-ка, что ты тамъ сталъ развертывать?— добродушно сказалъ Эпшъ. Ему любопытно было взглянуть на работы самобытнаго художника. Переглянувшись кой съ кѣмъ изъ улыбающейся молодежи, онъ случайно бросилъ взглядъ на подставку для моделей.

— Ба!—воскликнулъ онъ съ живостью,—гдѣ же натурщица?

— Въ самомъ дѣлѣ... Ну-ка за ширмой? Да нѣтъ, и тамъ ея нѣтъ!

— Куда же она дѣвалась? Посмотрите-ка въ передней!

— Не ходите! Она ушла. Минуть пять тому назадъ вернулся ея мужъ, что-то ей сказалъ, она вскочила, одѣлась и побѣжала съ нимъ. Я самъ видѣлъ, хотѣлъ даже сказать, но...

— Вотъ те и на! Сбѣжала? Вы сами видѣли?.. Экіе прохвосты! Вотъ видите, господа!.. Чортъ возьми! Что же дѣлать?.. Да, у насъ есть еще эти дѣти. Ну, ребята, ваше счастье, раздѣвайтесь опять, да скорѣе, попроворнѣй! Заболтался я тутъ!

И покуда Эпшъ устанавливалъ группу, всѣ забыли о Сендерѣ, бросаясь къ своимъ мольбертамъ, поднимая ихъ на воздухъ или волоча за собой, чтобы поскорѣй захватить наивыгоднѣйшія мѣста.

Одинъ изъ учениковъ, имѣвшій привычку работать стоя, то отодвигаясь отъ мольберта, то приближаясь къ нему, зашелъ слишкомъ далеко и наступилъ на одинъ изъ рисунковъ Сендера, которые тотъ для удобства разложилъ на полу. Остановившись и разсѣянно взглянувъ на испуганное лицо автора, онъ поглядѣлъ на картонъ подъ своимъ сапогомъ, фыркнулъ, отодвинулъ его носкомъ и, наклонивъ голову на бокъ, снова сосредоточенно зашагалъ къ своему станку.

Сендеръ съ ужасомъ провожалъ глазами его удаляющуюся спину... Потомъ наклонился, осторожно стеръ полой кафтана пыльное пятно, оставшееся на бумагѣ отъ подошвы художника, постоялъ еще съ минуту въ неспокойномъ раздумьи и, вдругъ оглядѣвшись кругомъ, торопливо собралъ свои рисунки, свернулъ ихъ въ руло и, крадучись какъ кошка, выскользнулъ изъ мастерской.

— Надо разыскать Галеви,—шепталъ онъ помертвѣвшими губами. — Ничего... Прежде всего—ему! Я вѣдь знаю, гдѣ академія... Мы съ этимъ Энгельхеномъ проходили, кажется, сюда... ну да, это направо! Я пойду туда! Тамъ на площадкѣ такъ много людей... все натурщики... стоятъ на показъ, какъ лошади на базарѣ! Сами они порой одѣты очень смѣшно! Какъ въ циркѣ... Они не засмѣютъ меня... И они знаютъ... Конечно, не могутъ они не знать, гдѣ живетъ Галеви!

Радуясь своей мысли, Сендеръ припалъ губами къ крану, изъ котораго текла вода, съ тѣмъ самымъ восточнымъ движеніемъ, съ какимъ это дѣлали его прапрадѣды въ пустынѣ, досталъ изъ кармана сухарь и, грызя его на ходу, прошелъ черезъ калитку на улицу.

IV.

А не болѣе десяти минутъ назадъ изъ этой же калитки вышелъ Вольфъ Леви, который лучше натурщика могъ бы и понять и удовлетворить его. Бросившись изъ мастерской за убѣгающимъ рабочимъ, онъ, правда, скользнулъ взглядомъ по фигурѣ, которая въ другое время поглотила бы все его вниманіе, но потрясенный однимъ образомъ, онъ настолько слабо воспринялъ другой, что тотчасъ же и забылъ о немъ. Отозвавъ рабочаго въ уголъ двора, онъ что-то съ волненіемъ говорилъ ему, совѣтовалъ, далъ ему какой-то адресъ и, сунувъ ему въ карманъ нѣсколько монетъ, стремительно направился къ калиткѣ.

— А, Леви, ты пойманъ на мѣстѣ преступленія!—въ догонку закричалъ ему товарищъ.—Я видѣлъ, какъ ты давалъ этому человѣку деньги, и разскажу объ этомъ классу! Послушай, ты уже домой?

— Да.

— Принеси мнѣ вечеромъ твои замѣтки по анатоміи.

— Я не приду.

— Ну, завтра.

— До конца мѣсяца я буду работать у себя. Зайди ко мнѣ, если хочешь.

— Отлично. Я пойду съ тобою сейчасъ.

— Зайди лучше завтра: я хотѣлъ бы сегодня поработать.

— Ты великолѣпенъ... Но постой, я все же провожу тебя немного... Сейчасъ...

Онъ поплелся въ уборную, схватилъ шляпу, манжеты и трость и со всѣхъ ногъ бросился въ догонку за Леви.

— Постой, невѣжа!—крикнулъ онъ, смѣясь.—Нагрубилъ и даже подождать не хочешь. А я отъ тебя нынче не отстану. Ты мнѣ долженъ разъяснить загадку: что ты такое въ самомъ дѣлѣ?

— Обыкновенный человѣкъ. А ты?

— „Человѣкъ, человѣкъ“, ты слишкомъ человѣкъ, я тебя знаю; вотъ это-то и погубитъ тебя: художникъ не долженъ быть человѣкомъ или онъ рискуетъ остаться диллетантомъ. Запомни мои слова: ты потерянъ для искусства.

— Буду утѣшаться надеждой, что искусство потеряетъ кое-что и во мнѣ,—улыбнулся Леви.—Но объясни мнѣ, чѣмъ же, по твоему, долженъ быть художникъ?

— Только художникомъ, актеромъ, способнымъ переживать, не проникаясь... А у тебя, братъ, все „прочувствоватъ,

выстрадать“... Вздоръ! Ты помнишь Рембо? Создавая свою „добродѣтель“, онъ развращалъ натурщицу, позировавшую для нея, и вмѣстѣ со славой его ждетъ скандальный процессъ. Рафаэль, ха-ха-ха, божественный Рафаэль умеръ отъ разврата. А ты думаешь,—неожиданно прибавилъ онъ,—твой Галеви не актеръ?

— Галеви?!

— Да, да, Галеви, каждое произведенiе котораго, какъ ты думаешь, написано кровью сердца и сокомъ нервовъ, это хорошiй актеръ, подмостки котораго—холстъ, мимика—линiя, пафосъ—краски и ничего больше. Брошена кисть,—сыграна роль, пролиты слезы надъ Гекубой, и артистъ стоитъ, раскланиваясь, оглушенный апплодисментами. Огни потушены... и великiй человѣкъ плыветъ по мостовой на англiйскихъ рессорахъ такъ плавно, такъ ровно, что даже нечаянный толчокъ производитъ лишь звонъ, сладкiй золотой звонъ въ его выпуклыхъ карманахъ. Ну-съ, а затѣмъ его встрѣчаютъ швейцаръ, камердинеръ, жена, онъ улыбается имъ, они улыбаются ему, и для нихъ онъ—такой обыкновенный, маленькiй, крохотный человѣчекъ...

— Нѣтъ генiя для его лакея,—это извѣстно.

— Ни для его жены, да я еще прибавляю, ни для его товарищей. Кто успѣлъ побывать на кухнѣ искусства, среди этихъ поваровъ, кухонныхъ мальчишекъ и кухарокъ...

— Тотъ признаетъ только соусы?

— Не иронизируй! Ты свои первые уроки получилъ въ Россiи, вѣроятно, среди аркадскихъ пастушковъ, которые краснѣютъ, какъ дѣвушки, поступая къ намъ. А я съ двѣнадцати лѣтъ дышу воздухомъ мастерскихъ! Добродѣтель?.. Покажи мнѣ ее! Ты? Э, да ты еще молодъ... Галеви? Ха-ха! Этотъ мизантропъ, этотъ индѣйскiй пѣтухъ, этотъ прозванный уже Мефистофелемъ насмѣшникъ, издѣвающiйся и надъ художниками, и надъ самимъ искусствомъ! Ты самъ признаешь: онъ мало образованъ, ничѣмъ не интересуется, а я еще знаю, что онъ плохой семьянинъ, грубъ, золъ, завистливъ...

— Ты слишкомъ много знаешь... Кому же онъ завидуетъ, скажи, пожалуйста?

— Всѣмъ, всѣмъ! Во всякомъ молодомъ талантѣ онъ видитъ личнаго врага. Онъ не выноситъ, когда кого-либо хвалятъ, кѣмъ-нибудь восхищаются... Его дергаетъ всего, и, не умѣя владѣть собою, онъ нерѣдко уходитъ, чтобы не слушать. Ты этого не знаешь, такъ знай, что среди нашихъ художниковъ давно уже циркулируетъ поговорка: завистливъ, какъ Галеви...

Вольфъ молчалъ. Каждое слово товарища возмущало его,

но что-то мѣшало ему возражать. Странная личность крупнаго художника, въ котораго онъ вѣрилъ и котораго любилъ, давно уже занимала его и тревожила, но онъ медлилъ съ выводами. Теперь самодовольно увѣренная рѣчь юноши-товарища раздражала его. Передернувъ плечами какъ бы отъ холода, онъ сказалъ съ раздраженіемъ:

— Если ты остановилъ меня только для сплетенъ, то лучше оставь меня въ покоѣ.

— Счастье твое, что я не обидчивъ,—расхохотался молодой человѣкъ.—Ну, Богъ съ тобой, до свиданья... Ахъ, стой, чуть не забылъ! Вѣдь у меня къ тебѣ порученіе отъ класса. Нужна твоя подпись. Конечно, ты не откажешься?

Онъ вынулъ изъ бокового кармана сложенный листъ бумаги, и покуда Вольфъ развертывалъ его, покуда читалъ, Риндгофъ поднялъ брови такъ высоко, что молодой лобъ собрался въ мелкія морщинки. Въ его глазахъ заиграли огоньки и, крѣпко сжавъ улыбающіяся губы, онъ видимо предвкушалъ впечатлѣніе, которое этотъ листъ долженъ произвести на Вольфа.

Брови Леви дѣйствительно сдвинулись, щеки покрылись густымъ румянцемъ... Но бросивъ взглядъ на Риндгофа и понявъ выраженіе его лица, онъ сразу овладѣлъ собою и спокойно сказалъ:

— Васъ 30 человѣкъ требуютъ отъ профессора, подъ угрозой оставить училище, не допускать въ ателье двухъ женщинъ, подавшихъ просьбу, благосклонно принятую Эпшомъ. Ты подалъ мнѣ эту бумагу только затѣмъ, чтобы видѣть и повѣдать классу, какъ Леви выражаетъ свой гнѣвъ.

— О, Боже!—сказалъ, весело смѣясь, Риндгофъ.—Неужели же ты лишишь меня этого удовольствія? Это жестоко! Я такъ люблю, когда ты сердишься! Я ждалъ, что ты разразишься монологомъ: варвары! вамъ хочется погубить во мнѣ и вѣру, и любовь, и даже самую надежду! Ха-ха-ха! Да, ты уже пустилъ у насъ въ обращеніе нѣсколько такихъ тирадъ, и мы повторяемъ ихъ всякій разъ, какъ какой-нибудь слащавый, всего чаще славянскій херувимъ вступаетъ въ нашъ кругъ и начинаетъ изумленно таращить глаза на наши „пороки“... Однако, скажи ты мнѣ, ради Бога: чего вы отъ насъ ожидаете, стремясь сюда, какъ вѣрующіе пилигриммы? Ха-ха-ха! Не могу вспомнить безъ смѣха эту картину: стараго Галеви, какъ пророка, окружили твои соотечественники... Лица... хоть сейчасъ пиши Христа и апостоловъ. Хорошъ Христосъ этотъ старый Галеви, право!.. Невзрачный, тощій, губы тонкія и углами вверхъ, какъ у Мефистофеля. „Зачѣмъ вы занимаетесь искусствомъ“? „Что вы отъ него требуете? Чего ждете отъ него“? Ахъ, чортъ возьми. И это вопросъ худож-

ника художникамъ! Фразы, пустяки, ходули! Научи меня ловить тоны, свѣтъ и тѣни, формы и линіи, развѣй во мнѣ вкусъ къ красивымъ сочетаніямъ,—вотъ что мнѣ нужно. А душу мою оставь въ покоѣ... Нѣтъ, старый шутъ требуетъ, чтобы передъ нимъ вывертывали именно душу. И какіе скорбные взгляды... Я слышалъ, какъ однажды, надѣвая пальто, онъ бормоталъ про себя: „о, Боже, гдѣ же спасеніе"? Какъ ты думаешь, кого онъ хотѣлъ изъ себя разыграть,—генія или сумасшедшаго?

— Ты уже одинъ разъ простился со мною, Риндгофъ,— сказалъ Леви.

— Ха-ха! Ты сегодня тоже что-то такое разыгрываешь, ну, да кто женатъ на такой красавицѣ, можетъ-ли сохранять душевную ровность? Ага! Мнѣ таки удалось разсердить тебя,— очень радъ. Прощай!.. И знаешь, что я тебѣ скажу, ты сегодня ужасно неинтересенъ! Вернусь лучше къ своей обожаемой Бетти.

V.

Они разошлись. Вольфъ шелъ быстро, съ выраженіемъ недовольства, раздраженія и какъ будто обиды. Черезъ нѣкоторое время, однако, морщина между сдвинутыми бровями разгладилась. Онъ сталъ думать о томъ, что ему надо повидать Галеви, узнать, что творитъ онъ новаго, а также показать ему результаты и своихъ работъ. „Какъ-то онъ найдетъ мое Пробужденіе"?—сказалъ онъ себѣ, чувствуя, что отъ этого вопроса захватываетъ у него дыханіе.

Вспомнивъ, что ему нужны краски, онъ зашелъ въ магазинъ. Здѣсь, развязно бесѣдуя съ лавочницей, сидѣлъ толстый, румяный человѣчекъ съ бритымъ лицомъ, съ гаванской сигарой въ черныхъ зубахъ и въ золотомъ пенснэ на объемистомъ, мягкомъ носу. Онъ пристально окинулъ взглядомъ Леви, когда тотъ подошелъ къ прилавку.

— Дайте, пожалуйста, двойной флаконъ Krapplak'у и тройной Kobalt'a,—сказалъ Вольфъ лавочницѣ.

Та проворно завернула требуемое и съ любезной улыбкой протянула ему свертокъ.

— Четыре марки двадцать, сударь.

Вольфъ опустилъ руку въ карманъ и съ изумленіемъ убѣдился, что онъ пустъ.

— Я забылъ свой кошелекъ,—слегка смутился онъ.— Простите, зайду въ другой разъ.

— Возьмите, пожалуйста, г. Леви,—улыбнулась лавочница.—Я вамъ повѣрю и въ долгъ.

— Г. Леви?—Спохватился розовый господинъ и под-

нялся со стула.—Позвольте представиться: Арнольдъ Маузеръ, владѣлецъ фирмы картинъ на Theresienstrasse № 65.

— Ваше имя мнѣ тоже извѣстно — сказалъ Вольфъ.— Очень радъ.—Они обмѣнялись рукопожатіями и вмѣстѣ вышли на улицу.

— Я давно желалъ съ вами познакомиться,—картавымъ, вкрадчивымъ голосомъ продолжалъ господинъ Маузеръ,—и весьма радъ этому случаю. Я видѣлъ вашу картину: „Звѣздное небо“ въ мастерской на Turkenstrasse, гдѣ и я заказываю рамы, она глубоко заинтересовала меня. Вы будете любезны, покажете мнѣ свою мастерскую, не правда-ли?

— Охотно,—отвѣчалъ Вольфъ.—Я живу здѣсь недалеко. Пойдемте сейчасъ, если угодно.

— Если угодно! Да вѣдь это мое давнишнее желаніе! Какъ же не угодно! Давнишнее желаніе, мой талантливый молодой человѣкъ, и это вамъ говоритъ Маузеръ. Знайте,— съ этой встрѣчи взойдетъ и ваша звѣзда! Да, я намѣренъ подарить вамъ звѣзду, вотъ въ ту минуту, какъ я васъ увидѣлъ, я твердо рѣшился на это. А если уже Арнольдъ Маузеръ беретъ на себя трудъ подарить молодому человѣку звѣзду.. О, вѣрьте, этотъ счастливый молодой человѣкъ,— талантъ-ли онъ, или бездарность,—всю жизнь будетъ срывать ихъ съ земли и съ неба, сколько ему угодно. Нужно только вниманіе! Вы, я думаю, не изъ числа тѣхъ, которые мечтаютъ быть понятыми черезъ столѣтіе?

— Ни даже черезъ десятилѣтіе,—съ живостью отвѣтилъ Вольфъ.—Ни даже черезъ пятилѣтіе... А вотъ и моя квартира!.. Входъ, какъ видите, не такъ изященъ, какъ мраморное entrée вашего магазина.

— Ха-ха,—разсмѣялся Маузеръ,—этимъ меня не удивишь: мы и не съ такими лѣстницами знакомы. Вотъ я ступаю на эти ступени, и онѣ устойчивы, а случалось, что ступеньки такъ и танцуютъ подъ тобой, того гляди—сорвешься и полетишь съ седьмого этажа внизъ! Тутъ еще ничего. Темно только, какъ въ душѣ декадента! А сколько еще этажей намъ осталось?

— Мы прошли три? Стало быть, ровно половину.

— П-ф-ф!..—отдувался Маузеръ и уже держалъ свой цилиндръ въ рукѣ, поминутно вытирая потъ съ мясистаго, довольно хорошо сформированнаго лба.—Пф, пф! А я слышалъ, вы женаты? Не обезпокою-ли я вашу почтенную супругу?

— Нисколько, да ея, вѣроятно, и нѣтъ дома. Ну, вотъ мы и поднялись.

Доставъ ключъ изъ-подъ подстилки для ногъ, Вольфъ отперъ дверь и пропустилъ гостя впередъ.

Въ мастерской Маузеръ чувствовалъ себя совершенно, какъ

дома. Онъ перебѣгалъ отъ одной картины къ другой, рылся въ папкахъ, перебиралъ наставленные въ кучу подрамки и громко выражалъ свое искреннее восхищеніе.

— Такъ, такъ, это хорошо, браво, чудесно! Я радъ, что я въ васъ не ошибся. Ну, вотъ я и пересмотрѣлъ всѣ маленькія вещи. Въ противоположность профанамъ, я всегда начинаю съ маленькихъ. Вотъ эти, понравившіяся мнѣ болѣе другихъ, особенно эту восхитительную картинку „Жизнь зоветъ“ я отставляю въ сторону, а теперь позвольте посмотрѣть вотъ эту большую вещь, повернутую къ стѣнѣ.

— Вы ее видѣли, это „Звѣздное небо“.

— А, ну, такъ мы ее посмотримъ потомъ. А тутъ, на мольбертѣ это что, свѣжая вещь, а? Позвольте снять простыню! Не безпокойтесь, я ничего не замажу,—на эти дѣла я и самъ художникъ. Ха-ха! Вы вѣдь не знаете, какъ я люблю этотъ міръ художниковъ! У меня есть пріятели, у которыхъ я днюю и ночую. И знаете, я могъ бы и самъ стать художникомъ, если бы меня не погубила любвеобильная тетушка, слишкомъ рано одарившая меня наслѣдствомъ. Я развинтился, распустился, женился, и вотъ грѣюсь теперь у чужого огня, утѣшаясь сознаніемъ, что если я и веду гешефтъ, то это гешефтъ по призванію.

Простыня была сброшена. Маузеръ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ картины, сложилъ въ трубочку подвернувшійся ему клочекъ картона и долго, молча смотрѣлъ на нее.

Она была написана въ два свѣта. Въ сѣрой, грязной тюрьмѣ среди скученныхъ тѣлъ спящихъ арестантовъ на нарахъ полулежалъ человѣкъ. Въ изодранномъ халатѣ, въ грязной рубахѣ надъ волосатой грудью, съ неяснымъ пятномъ спускающейся съ ноги цѣпи онъ держалъ тоненькую непереплетенную книжку. Его лицо освѣщалось съ одной стороны свѣтомъ ранняго утра, пробивающагося сквозь высокое тюремное окно, съ другой—тусклымъ пламенемъ лампочки, прикрѣпленной къ стѣнѣ. Поражали громадныя, грубыя руки, огромное неуклюжее тѣло, лицо, чертами напоминяющее скорѣе животное, чѣмъ человѣка; оно выражало глубокое волненіе. Съ низкаго лба, казалось, струился потъ, а въ маленькихъ глазахъ отражался духъ, точно силящійся освободиться отъ какой-то темной силы, давившей на мозгъ. Что-то сбросить, что-то сообразить страстно силится этотъ человѣкъ съ придавленнымъ умомъ и потрясеннымъ сердцемъ... Онъ весь изображалъ собою какую-то родовую муку потугъ просачивающейся мысли, готовой стихійно разрушить сковывающій ее организмъ.

— Das ist was...—воскликнулъ Маузеръ,—das ist was! Я думаю, если бы обезьяна захотѣла стать человѣкомъ, въ ней

отразилось-бы это! Das ist was! Да знаете-ли, что это такое? Это ни болѣе, ни менѣе, какъ своеобразнѣйшій, небывалый доселѣ по силѣ выраженія апофеозъ человѣческаго духа. А! Das ist ja was. И какое исполненіе, какой колоритъ! Это трепещетъ, живетъ, это... это я ставлю на-ряду съ Спинозою Галеви!

— Благодарю васъ: я счастливъ, что ассоціація идей привела васъ именно къ этой вещи великаго художника. Да, это счастье—быть понятымъ.

— Не правда-ли? Я тонкій знатокъ! О, никто здѣсь не знаетъ, до какой степени Маузеръ тонкій знатокъ! Это произведетъ шумъ, объ этомъ закричатъ, на это будутъ выброшены пуды страшной, бѣшеной пѣны! И безъ моей поддержки васъ-бы ошеломили, васъ-бы оглушили, затопили. О мой дорогой молодой человѣкъ! Я предлагаю вамъ свое плечо. Обопритесь на него, и мы вмѣстѣ... сдѣлаемъ карьеру.

Вольфъ улыбнулся.

— Благодарю васъ, я не отказываюсь.

Въ эту минуту дверь распахнулась, и въ комнату вошла жена Вольфа.

Эпшъ былъ правъ: она была ослѣпительно хороша. Небольшая фигурка съ большими живыми глазами, темнѣвшими на бархатисто-тепломъ тонѣ лица, золотистомъ и свѣжемъ, на которомъ румянецъ пробивался наружу, какъ сквозь мягкій пушокъ абрикоса... Темные, коротко остриженные волосы, поддерживаемые узенькимъ гребнемъ, падали по обѣимъ сторонамъ этого лица, а въ ея поклонѣ, когда она привѣтствовала незнакомаго гостя, обнаружилась вся прелесть юной граціи.

Маузеръ, въ свою очередь, почтительно склонилъ станъ.

— Итакъ, г-нъ Леви,—съ достойной и пріятной вкрадчивостью, сказалъ онъ,—я вижу, что въ присутствіи столь красивой дамы было-бы верхомъ невоспитанности говорить о прозаическихъ дѣлахъ. Надѣюсь, что мы очень скоро увидимся. Ich habe die Ehre!—расшаркался онъ и вышелъ, сопровождаемый хозяиномъ въ переднюю.—Я уѣзжаю на нѣкоторое время въ Дрезденъ. Къ моему пріѣзду, надѣюсь, вы кончите картину, и мы поговоримъ. Вещи, отставленныя мною тамъ возлѣ стола, я тоже имѣю въ виду, а вашу „Жизнь зоветъ“ пришлите въ магазинъ: для начала я выставлю ее въ витринѣ съ надписью: „продано“... Ого, мы уже сдѣлаемъ гешефтъ! До свиданья!

— Что это за чучело?—спросила Мира вернувшагося мужа.

— Это мюнхенскій Харонъ, въ лодкѣ котораго можно благополучно переплыть черезъ самое мертвое равнодушіе общества, къ царству популярности и славы. Я получилъ приглашеніе сѣсть въ эту лодку.

— И ты согласился?—испуганно спросила Мира.
— Я вскочилъ въ нее,—спокойно отвѣтилъ онъ.

V.

Шаги на лѣстницѣ и раздавшійся вслѣдъ затѣмъ звонокъ заставили Вольфа поспѣшить въ переднюю. Онъ пропустилъ нѣсколько человѣкъ съ странными лицами, точно сорвавшимися съ картинъ историческаго или библейскаго жанра. Одинъ изъ нихъ, съ длинными локонами и всклокоченной бородой, въ качествѣ натурщика, лѣтъ сорокъ воссоздавалъ вдохновенныхъ пророковъ и отшельниковъ, Іоанновъ Крестителей и проч. личностей изъ временъ Моисея и Іисуса Христа. Другой представлялъ типъ аристократическій и поставлялъ художникамъ отличныхъ королей XV и XVI вѣка, третій походилъ на монаха, четвертый не представлялъ собою ясно выраженнаго типа, но былъ великолѣпенъ роскошью огненно-красныхъ волосъ, длинными прядями падавшихъ по обѣимъ сторонамъ блѣднаго, обсыпаннаго веснушками лица. На рукахъ у него спалъ малютка лѣтъ трехъ съ такими-же длинными и красными, какъ у отца, волосами, которые густой массой падали внизъ и какъ-то трагично отѣняли личико тонкое, и прозрачное, какъ воскъ. Этотъ ребенокъ позировалъ по 8—10 часовъ въ день въ разныхъ кварталахъ города, въ промежуткахъ отдыха засыпая на рукахъ у отца, и оба они не одному артисту доставили почетъ и извѣстность.

Вольфъ шумно и радостно привѣтствовалъ натурщиковъ и съ обычной своей живостью засуетился, приглашая ихъ сѣсть. Король и монахъ утомленно опустились на стулья. Пророкъ подошелъ къ Вольфу и фамильярно хлопнулъ его по плечу.

— А вѣдь ничего не выйдетъ, господинъ Леви,—сказалъ онъ, какъ-то смущенно улыбаясь.

— Какъ, почему?—вздрогнувъ, воскликнулъ Вольфъ.—Вы назначили сходку?

— Да. Мы собственно теперь за вами. Но съ женщинами бѣда! И знаете что? Роль увѣряетъ, что ничего не будетъ.

— Вы были у Роля?

— Мы сейчасъ отъ него.

— Ну?

— Онъ очень спѣшилъ: время, видите-ли, горячее, передъ самыми выборами. А всетаки онъ успѣлъ насъ высмѣять. Онъ говоритъ, что идея организовать натурщиковъ могла родиться только въ русской головѣ. Онъ говоритъ, что

это скандалъ—врываться въ храмъ творчества съ организаціями, законами, надзоромъ, правилами и тому подобными вещами...

— Храмъ, храмъ!—желчно запротестовалъ король.—Да, храмъ, гдѣ съ нашихъ дочерей сначала пишутъ мадоннъ, а потомъ Венеръ, гдѣ дѣти съ утра до вечера позируютъ для...

— Для нищенокъ, просящихъ копѣечку,—перебилъ пророкъ.

— Нѣ-ѣтъ, это уже вышло изъ моды!—флегматично протянулъ рыжій, лица котораго почти не видно было подъ упавшей на него красной массой волосъ.—Теперь въ ходу Фавны, большіе и маленькіе, толстые и упругіе, готовые лопнуть отъ вина... Или еще: туманъ и мертвенно-блѣдная голова съ сжатыми челюстями... до судорогъ... съ закрытыми глазами и кровавымъ ореоломъ—вотъ что теперь въ ходу...

Проснувшійся ребенокъ поднялъ голову, оглядѣлъ присутствующихъ безцвѣтными глазами и опять припалъ къ груди отца, засыпая.

— Ну, а какъ съ созывомъ сходки?—спросилъ Вольфъ.

— Сходка сходкой. Придутъ, пожалуй, многіе, но, чортъ возьми... Будетъ ли толкъ?

— Въ которомъ часу начало?

— Сейчасъ. Мы за вами... Я думаю, придутъ всетаки многіе.

— Да, да, придутъ даже художники,—подхватилъ король.—Всѣ противъ васъ, всѣ, кромѣ Миллера. То-то будетъ война,—гу! Бетти тоже будетъ говорить.

— Это подстроилъ Риндгофъ.

— Нинетта противъ васъ...

— Но вѣдь женщинъ не пускаютъ въ собранія!—вмѣшалась Мира.

— Нѣтъ, сударыня, вѣдь это-же профессіональное собраніе. Можно и женщинамъ.

— Значитъ, и мнѣ тоже можно придти?

— Разумѣется. Только поторопись, если идешь,—сказалъ Вольфъ, берясь за шляпу.

— Нѣтъ, я раздумала. Ты знаешь... мнѣ нездоровится. Иди одинъ!

— Такъ пойдемте, господа!

Замѣтно возбужденный, Вольфъ простился съ женой и вышелъ, сопровождаемый натурщиками. Только рыжій стоялъ еще у окна и, точно не слыша, что дѣлается вокругъ, слегка покачивалъ ребенка.

Одинъ изъ товарищей, остановившись на порогѣ, окликнулъ его.

Онъ вздрогнулъ, оглянулся, посмотрѣлъ на спящаго ре-

бенка, потомъ на Миру, потомъ куда-то въ неопредѣленную даль и, медленно двигая длинными ногами, вышелъ изъ мастерской.

Проводивъ его глазами, Мира опустилась въ кресло. Взглядъ ея блуждалъ по окружающимъ картинамъ. Суровая и сумрачная, она поднялась и подошла къ громадному холсту, прислоненному къ стѣнѣ. Она знала, что это „Звѣздное небо". Повернувъ картину лицомъ, она отошла шаговъ на десять и, насупившись, сквозь пенснэ смотрѣла на полотно.

Глубокое, прозрачное, точно бездонное небо... Свѣтясь блѣднымъ свѣтомъ, на немъ въ порядкѣ звѣздъ раскинуты дѣтскія тѣла,—души дѣтей. Трогательная безпомощность разлита въ ихъ хилыхъ, слабенькихъ тѣльцахъ, глазки наполнены слезами, вздувшіяся губки дрожатъ и точно лепечутъ и ручки протянуты съ мольбой. Лишь „Большая Медвѣдица" весело раскинулась среди нихъ семью дивными, ясными, какъ сама улыбка, дѣтскими головками, а за нею миріады... миріады...

Мира точно застыла въ созерцаніи. Въ глубинѣ ея темныхъ, синихъ глазъ что-то трепетало, линія нѣжныхъ губъ сложно изогнулась, и по щекамъ ея катились слезы.

VI.

Прошло двѣ недѣли, прежде чѣмъ Вольфъ собрался навѣстить Галеви. Онъ шелъ и думалъ о своей картинѣ, которую кончилъ, о судѣ, котораго ждалъ, о будущемъ, которое уже раскрывалось, и среди этихъ думъ мелькала мысль о Сендерѣ; съ нимъ онъ случайно познакомился и ради него спѣшилъ къ своему другу.

— Экое богатое пятно!—воскликнулъ онъ у калитки небольшого палисадника, при видѣ ярко освѣщенныхъ солнцемъ цвѣтовъ. Улыбаясь и вдыхая ихъ ароматъ, онъ толкнулъ калитку и вступилъ въ палисадникъ, пытливо вглядываясь въ окна небольшого въ старо-нѣмецкомъ стилѣ дома, окруженнаго стражей тополей.

— А что, если Галеви нѣтъ дома?—подумалъ онъ.—Глупо, если я прошлялся даромъ такую даль!

Поднявшись на лѣстницу, онъ позвонилъ.

— Здравствуйте, г-нъ Вернеръ, — привѣтствовалъ онъ слугу.—Что,—хозяинъ дома?

— Нѣтъ, но это ничего. Мнѣ приказано давно: „господина Вольфа Леви впускать всегда!" Пожалуйте.

Вольфъ вошелъ въ переднюю и постучался въ дверь налѣво. Никто не откликнулся.

— Совсѣмъ никого нѣтъ?—обратился онъ снова къ слугѣ.

— Madame съ дѣтьми уѣхали на дачу. Прошу, прошу войти!

Вольфъ нерѣшительно взялся за ручку двери и вошелъ. Дѣйствительно, никого. Только головы портретовъ и картины любовно обращались къ нему.

Атмосфера любви и тишины сразу охватила молодого художника.

— Какъ я люблю этотъ воздухъ!—сказалъ онъ вслухъ, и лицо его расширилось въ улыбку.—Какъ все здѣсь грѣетъ и ласкаетъ усталую душу! Все грязное, мелкое остается за порогомъ, какъ бы не смѣя проникнуть сюда. Здѣсь царство добра и красоты... Какое-то сладкое очарованіе овладѣваетъ душою, хочется вѣчно чувствовать вотъ такъ, какъ теперь чувствуется.

Онъ вздохнулъ полной грудью, какъ вздыхаетъ человѣкъ, изъ душнаго города попавшій на берегъ глубокаго, синяго моря. Порой Вольфу казалось, что всѣ эти творенія геніальной кисти одухотворены и сознательно передаютъ часть своего *я*. Иллюзія была непостижимо сильна! Можно было подумать, что Галеви работалъ не кистью, не красками, не руками: идеи художника сами собой во всей полнотѣ отпечатлѣлись на полотнахъ.

Вольфъ медленно переходилъ отъ холста къ холсту. Вотъ мудрецъ, окруженный книгами. Изъ узкаго готическаго окна своей кельи онъ глядитъ на костры инквизиціи. „Дальше, выше“,—шепчетъ онъ, содрогаясь и закрывая окно. „Дальше, выше“,—повторилъ про себя Леви,—такъ думалъ мудрецъ временъ инквизиціи... и закрывалъ окно!.. А вотъ еще тема: „Надъ толпой“. Вотъ „Христосъ передъ судомъ народа“, передъ судомъ, не достигающимъ его... „Dahin“, „На крестѣ“, „Кто вы?“—таковы темы, занимающія Галеви, и даже не темы... все это—одна тема, одно чувство, одинъ идеалъ! И онъ бьется, терзается, ища ему выраженія... Недосказанное въ одномъ твореніи пополняетъ въ другомъ и опять идетъ дальше, и опять ищетъ...,

„Спиноза“! Вотъ оно! Вотъ тутъ, въ этомъ образѣ человѣка съ всеобъемлющимъ умомъ и душой, надъ которыми не властны ни болѣзни плоти, ни несовершенства жизни, нашелъ, наконецъ, Галеви полное выраженіе захватывающей его идеи. Сколько экспрессіи! Въ высокой душѣ философа нѣтъ холода, нѣтъ сомнѣній, она мыслитъ, она постигаетъ тайну бытія. Она не оторванная, случайная частица міра, она сама весь міръ, она сливается съ нимъ...

Что за дивная фигура съ нѣжной, молодой головой и тонкой шеей, покоящейся на маленькомъ, исхудаломъ, почти

старческомъ еврейскомъ тѣлѣ! Кажется, лучи тепла и свѣта распространяются отъ всего этого существа, точно сотканнаго изъ тончайшихъ и благороднѣйшихъ элементовъ міра. Да, въ этомъ образѣ, улыбки котораго не затуманитъ дыханіе самой смерти, уже приближающейся къ нему, въ этомъ геніи, надъ которымъ безсильно зло жизни, нашелъ, наконецъ, Галеви воплощеніе славы человѣческаго духа. Вотъ оно! Онъ нашелъ, и больше и искать ему нечего! Что же будетъ Галеви творить теперь, послѣ этого замѣчательнѣйшаго изъ своихъ созданій?

Взглядъ Вольфа перенесся на портретъ Галеви, писанный самимъ художникомъ. Сходство, конечно, было несомнѣнное, но Вольфъ не любилъ этого портрета. Здѣсь, по его мнѣнію, не было ни глубины, ни правды, отличающей его работы. Но почему? Незнаніе-ли самого себя или своего характернѣйшаго выраженія? Да, правда и то, откуда человѣку знать то свое выраженіе, которое вдругъ отражаетъ самую сущность его духовной личности, совсѣмъ оригинальную, отличную отъ другихъ? Вѣдь тогда-то именно ему не до зеркала. А у Галеви есть оно, это оригинальное, это поразительно оригинальное выраженіе, всѣ тонкости котораго Вольфъ такъ хорошо изучилъ. Это выраженіе не одного какого-нибудь преобладающаго чувства, нѣтъ, оно состоитъ изъ нѣсколькихъ, оно очень сложное. Улыбается онъ, сострадаетъ-ли, иронизируетъ или страдаетъ,—кто разберетъ? Одно ощущеніе какъ бы переливается въ другое и вдругъ всѣ вмѣстѣ сливаются въ одно...

Что за человѣкъ Галеви?—чуть не въ сотый разъ спрашивалъ себя Вольфъ, но и въ сотый разъ не сумѣлъ дать себѣ рѣшительнаго отвѣта. Иногда онъ чаруетъ, иногда отталкиваетъ... Такая глубина, такая нѣжность, сила чувства и рядомъ такое равнодушіе къ окружающему, такое отталкивающее высокомѣріе! „Мизантропъ", вспомнилось ему замѣчаніе товарища. Авторъ „Спинозы"—мизантропъ? Да вѣдь утверждать это—безуміе! Все же его равнодушіе или презрѣніе къ людямъ, къ ихъ интересамъ и волненіямъ, личнымъ и общественнымъ, просто изумительно. Онъ не интересуется политикой, почти не читаетъ газетъ, обходитъ сутолоку жизни, утверждаетъ полушутя, полусерьезно, что отъ сотворенія міра начался хаосъ, и этотъ хаосъ все растетъ, растетъ... Не признавая въ мірѣ цѣлесообразности явленій, онъ не признаетъ и понятія обязанности.

— Обязанности, что это такое, зачѣмъ? — воскликнулъ при немъ однажды Галеви.—Жизнь есть сцѣпленіе трагикомичныхъ случайностей,—зачѣмъ ломать голову? Живи, какъ вздумается!

— Для чего же вы работаете?—спросилъ тогда Вольфъ.

— Чудакъ! Неужели вы думаете,—изъ сознанія „обязанности по отношенію къ міру“? Напротивъ,—я работаю именно для того, чтобы освободиться отъ всякихъ обязанностей, чтобы уйти отъ міра, подняться надъ нимъ, не быть въ немъ. Творчество уноситъ меня въ другой, дивный міръ, а деньги, приносимыя имъ, закрываютъ меня золотымъ щитомъ отъ всѣхъ этихъ акулъ съ разинутою пастью, которыми кишитъ наше житейское море. Поэтому-то я большой другъ денегъ. Больше, больше денегъ! Онѣ распространяютъ далеко вокругъ тебя атмосферу независимости и свободы. Независимость—вотъ единое условіе, при которомъ я могу жить. Мой трудъ независимый, и я работаю для независимости.

— Для своей?

— Ну, да еще бы! Конечно, для своей! Будетъ съ меня и этого! Работать для другихъ—наполнять рѣшето: никому, въ сущности, не помочь, а себя искалѣчить въ конецъ. Закрыть уши и глаза и уйдти дальше, дальше... выше...

Вольфъ снова подошелъ къ „Спинозѣ“.

— Да, сложный процессъ совершается въ душѣ человѣка, сотворившаго эту картину. Нѣтъ, я не вѣрю ему! Съ такой теоріей что ему Спиноза? А между тѣмъ, этотъ захватывающій образъ мудреца—не случайность, нѣтъ. Это вѣнецъ долгихъ думъ, мучительныхъ вопросовъ, мучительныхъ исканій. Это, можетъ быть, отвѣтъ на все! О, тутъ Галеви нашелъ истину! Тутъ онъ позналъ и другую независимость, и другую свободу. Онъ счастливъ!.. Счастливъ-ли?..

Вольфъ почти забылъ о заданномъ себѣ вопросѣ и весь ушелъ въ этотъ свѣтлый образъ всеобъемлющей мудрости и кротости.

VII.

— Какъ вы увлеклись, Леви! Точно въ первый разъ увидали...

Вольфъ вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Галеви и привѣтливо протягивалъ ему руку.

— Ваши творенія не изъ тѣхъ, которыя смотрятся съ интересомъ только въ первый разъ. Въ нихъ взглядываешься, какъ въ глубокую душу друга...

— Ничьей похвалы не цѣню я болѣе вашей, Вольфъ, потому что я убѣжденъ, что она идетъ отъ сердца.

Онъ проговорилъ это съ какой-то странной, не то апатичной, не то натянутой улыбкой, слегка удивившей Вольфа.

— Однако, сядемте,—я такъ усталъ!—вздохнулъ Галеви, тяжело опускаясь въ кресло и надавливая пуговку звонка.—

А вы все такъ же жизнерадостны и бодры? Вы не потрясены происшедшимъ расколомъ въ цвѣтѣ человѣчества?

— Въ цвѣтѣ человѣчества,—гдѣ это?

— Въ средѣ его жрецовъ—художниковъ, конечно!.. Чего нибудь выпить, хоть лимонаду!—крикнулъ онъ вошедшому слугѣ.

— Говоря о расколѣ, вы подразумѣваете secessionist'овъ?—спросилъ Вольфъ.

— Да. Я сейчасъ изъ café. Тамъ я наткнулся на цѣлое собраніе художниковъ, настоящее собраніе революціонеровъ! Расколъ, secession, ха-ха! Эпшъ самый горячій... Онъ жарче всѣхъ отстаиваетъ свои... убѣжденія! Шумъ, крикъ, споры... Молодое искусство торжествуетъ! Меня тоже приглашали примкнуть къ нимъ. Они, представьте, — и меня считаютъ своимъ.

— А вы не хотите-ли устроить secession въ secession'ѣ?—смѣясь, сказалъ Вольфъ.—Возьмите меня въ союзники! Къ намъ примкнули бы многіе... изъ нихъ же! То-то была бы война!

— Ха-ха! Въ васъ сразу проснулось боевое настроеніе! Тамъ и о васъ толковали. Правда-ли, что вы организуете натурщиковъ? Это оригинально. Какъ это пришло вамъ въ голову?

— Я не могу больше относиться равнодушно къ ихъ страданіямъ!—сказалъ Вольфъ.

— Вотъ что?.. Не разъ и у меня опускались руки! У васъ онѣ поднялись?

— Я не надѣюсь на успѣхъ,—задумчиво сказалъ Вольфъ.—Но мнѣ хочется хоть этимъ ударить по лицу, кого слѣдуетъ. А тамъ еще посмотримъ.

Галеви махнулъ рукой.

— Да, да... Вы еще молоды...

Слуга осторожно вошелъ, осторожно поставилъ на столъ подносъ съ двумя бутылками лимонаду и такъ же осторожно вышелъ. Галеви залпомъ выпилъ стаканъ и жестомъ пригласилъ Вольфа послѣдовать его примѣру.

— Ну, какъ ваша работа? „Звѣздное небо“ кончили?

— О, давно уже,—я вѣдь вамъ говорилъ... Я началъ и почти довелъ до конца другую вещь.

— Вы ею довольны?

— Что хотѣлось сказать, я сказалъ.

— Все, что хотѣлось?.. О, я никогда не могъ высказать того, что хотѣлъ, никогда, никогда!.. Какъ называется картина?

— „Пробужденіе“.

— Вы принесли мнѣ эскизъ?

— Да, я хотѣлъ, но разстроился и забылъ. Я надѣюсь, что вы не откажетесь заглянуть ко мнѣ и сами, не правда-ли?

Галеви помолчалъ.

— Что же, однако, васъ такъ разстроило?

— Дѣло вотъ въ чемъ,—началъ Вольфъ, быстрымъ движеніемъ руки откидывая волосы, спустившіеся ему на лобъ,— мѣсяца три тому назадъ изъ мѣстечка Узды сюда пріѣхалъ юноша, почти мальчикъ, съ однимъ лишь доведеннымъ до idée fix желаніемъ: изучать искусство.

По лицу Галеви пробѣжала брезгливая гримаса.

— Не спѣшите съ приговоромъ: онъ не принадлежитъ и никогда не будетъ принадлежать къ „союзу истребителей красокъ", какъ вы окрестили здѣшній союзъ художниковъ. Нѣтъ, это дѣйствительно художникъ, вы это сами признаете.

Онъ взялъ поставленную имъ въ уголъ папку и сталъ ее развязывать.

— Вы должны будете признать въ немъ крупный талантъ, не смотря на проявленія его въ дѣтской, уморительно дѣтской формѣ... Но вы увидите глубину чувства, умъ, фантазію... Вотъ, судите сами!

Онъ развернулъ передъ нимъ нарисованный углемъ эскизъ.

— Дѣйствительно, это любопытно!—съ удивленной улыбкой сказалъ Галеви, разглядывая странную композицію.— Какое громкое названіе: „Гдѣ человѣкъ"? Въ 16—18 лѣтъ и я увлекался подобными же сюжетами... Тогда я искалъ... Потомъ я сталъ создавать...

Онъ расхохотался и, рѣзко оборвавъ смѣхъ, продолжалъ:

— Теперь я, наконецъ, знаю, что человѣкъ есть... есть глупцы, есть злодѣи...

— Есть страдающіе и ищущіе,—тихо прибавилъ Вольфъ,— Вамъ нравится композиція?

— Напутано... Но не пестро, не грубо...

— Не правда ли?—подхватилъ Леви.—Это что-то самобытное, оригинальное, какъ, увѣряю васъ, и самая личность автора. Взгляните на центральную фигуру, а пейзажъ, а всѣ эти спутавшіеся человѣчки! Здѣсь нѣтъ техники, знанія, но есть нѣчто, чему дайте развернуться, и оно охватитъ міръ. Ахъ, я считалъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, будь у меня такой талантъ!

На лицѣ Галеви снова отразилось брезгливое чувство.

— Счастливѣйшимъ!

Онъ оттолкнулъ рисунокъ и, откинувшись на спинку стула, вдругъ погрузился въ самого себя.

— Какъ? Развѣ вы не находите, что это крупный талантъ?—не замѣчая этой перемѣны, воскликнулъ Вольфъ.

— Да... Да... талантъ...—разсѣянно повторилъ Галеви.

— Не правда ли? Вы меня радуете безконечно, увѣряю васъ! Я счастливъ! Такъ рѣдко услышишь отъ васъ признаніе въ комъ-нибудь таланта! И вотъ теперь вы,—вы, строжайшій, признали его. Слава Богу, я спокоенъ за его будущность!

Галеви очнулся и поднялъ глаза.

— Да, вы не дадите ему погибнуть,—все болѣе и болѣе одушевляясь, продолжалъ Вольфъ.—Если бы вы знали, чего ему стоило пріѣхать сюда! Просто подвигъ! Рѣшивъ во что-бы то ни стало добраться до Мюнхена, онъ сѣлъ въ вагонъ безъ билета и, конечно, былъ выброшенъ кондукторомъ на первой же станціи. Выждавъ слѣдующій поѣздъ, онъ, не долго думая, сѣлъ и въ него: выбирать ему было нечего. Онъ спрятался подъ скамью и такимъ путемъ добрался до границы. Тутъ ждало новое затрудненіе: перейти границу, но случайно встрѣченные, по его описанію, какъ будто интеллигентные люди, помогли ему въ этомъ. Они же, взявъ ему билетъ до Мюнхена, дали немного денегъ и провизіи. Такъ онъ очутился здѣсь въ нѣсколько дней противъ собственнаго ожиданія: выѣзжая изъ У., онъ разсчитывалъ странствовать не одинъ мѣсяцъ.

— Въ такомъ ребенкѣ и уже такая, я сказалъ бы, наша... жидовская настойчивость!—процѣдилъ Галеви и брезгливо стряхнулъ пепелъ съ душистой сигары.

Вольфъ остановилъ на немъ свой изумленный взглядъ. Что-то блеснуло, заиграло вдругъ въ этомъ многоговорящемъ взглядѣ и спряталось, и когда онъ опустилъ вѣки и снова поднялъ ихъ, въ его глазахъ, задумчиво устремленныхъ на лицо Галеви, свѣтилась уже мягкая грусть.

— Духъ человѣческій, ищущій, стремящійся, предъявляющій свои запросы,—тихо вымолвилъ онъ и откинулся на спинку кресла.—Развѣ вы забыли самого себя? Вы ли не рвались на просторъ, на свѣжій воздухъ? Развѣ душа этого мальчика не ваша собственная душа? Развѣ вы не узнаете себя въ немъ?

— Уфъ, *повтореніе*?!.—сказалъ Галеви.

Въ лицѣ его было теперь что-то непріятное, тяжелое... Вольфъ замѣтилъ это дурное настроеніе, но, уже не владѣя собой, продолжалъ:

— Онъ стремился къ вамъ, какъ загипнотизированный. Такъ вѣрить въ человѣка можетъ лишь дитя глухой провинціи, тайкомъ питающее умъ запретной книжкой, спрятанной въ листахъ талмуда. Намъ ли, евреямъ, незнакомъ этотъ типъ дѣтей, бѣгущихъ въ большіе центры изъ родительскаго дома... Тамъ ночь, здѣсь день, тамъ только прозябаютъ, здѣсь

живутъ, тамъ только ѣдятъ, спятъ, торгуютъ, грызутся... тамъ мелкія радости и мелкія печали, здѣсь—осмысленный, возвышающій трудъ, священнодѣйствіе жизни... „Я думалъ,—сказалъ онъ мнѣ съ наивнымъ недоумѣніемъ,—что художники, которые понимаютъ все самое лучшее, живутъ лишь въ немъ. Я думалъ, что школа—это храмъ, а художники въ немъ пророки, что они такіе святые, чистые, что даже не стыдятся рисовать голыхъ, и голыя ихъ не стыдятся, что они, какъ ангелы, чужды всему, что не красота, не правда и не истина, что для нихъ земля лишь убѣжище... И когда я попалъ въ училище Эпша, а потомъ въ переднюю Галеви, гдѣ его лакей всегда говорилъ мнѣ, что его нѣтъ дома, а это была неправда, и что“...

— А! Такъ это тотъ самый мальчикъ, о настойчивыхъ посѣщеніяхъ котораго мнѣ говорилъ Вернеръ.

— Вы знали?..—Лицо Леви потемнѣло.

— Когда я работаю, меня ни для кого не бываетъ дома,—сухо сказалъ Галеви.

— Особенно для молодыхъ художниковъ,—мысленно договорилъ Леви и, метнувъ на него взглядъ исподлобья, наморщился и опустилъ глаза.

— Итакъ, вы не принимали его,—продолжалъ онъ съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.—Художникъ Штенгель, хохоча надъ его костюмомъ, приказалъ своему лакею взять его за ухо и вывести на улицу. На улицѣ онъ и жилъ, скитался изо-дня въ день, ища людей, проводя ночи у пріютившаго его живописца вывѣсокъ, почти такого же нищаго, какъ и онъ самъ. Чтобы не быть въ тягость своему новому другу, Сендеръ ходитъ на рынокъ и подбираетъ разные отбросы... Я познакомился съ нимъ на рынкѣ, въ тотъ моментъ, когда торговки со смѣхомъ бросали ему всякую дрянь, издѣваясь надъ нимъ, а онъ, какъ голодная собака, нагибался къ землѣ и, весь багровый отъ стыда, подбиралъ и съѣдалъ все, что можно было съѣсть.

Наступило короткое молчаніе.

— Бѣдный мальчикъ!—вымолвилъ Галеви.—Какъ же онъ работаетъ?

— Да вотъ, какъ видите, компонируетъ! Въ школы, мастерскія безплатно не принимаютъ. Разочарованный, недоумѣвающій, онъ прячется отъ людей, избѣгаетъ ихъ. Это ли не положеніе, доведенное до крайности?

— Мнѣ отъ души жаль его,—сказалъ Галеви...—Это бѣдное ископаемое... Такъ они еще не перевелись въ нашей благословенной Литвѣ? Но, Боже мой, столько любви, столько энергіи, вѣры тратится на мыльный пузырь!

— Какъ! Не вы ли сейчасъ только признали въ немъ крупный талантъ?

Галеви всталъ, молча прошелся по комнатѣ и снова сѣлъ на свое мѣсто. Лицо его выражало крайнюю усталость.

— Послушайте, Вольфъ,—глухо заговорилъ онъ,—вы вѣдь знаете, что съ нѣкоторыхъ поръ молодые художники величаютъ меня зазнавшимся, ожирѣвшимъ или очерствѣвшимъ за то, что я отказываю имъ въ поддержкѣ, въ формѣ ли денегъ, протекціи, совѣта,—все равно... еще болѣе за то, что я отказываю имъ даже во вниманіи, чуждаюсь ихъ... что они... утомляютъ меня! Вы это знаете,—зачѣмъ же вы пришли ко мнѣ?

Вольфъ вспыхнулъ и всталъ со стула.

— Я этого не зналъ... Я не зналъ, что утомляю васъ...

— Вольфъ! Мое чувство лично къ вамъ хорошо вамъ извѣстно...

— Хорошо, пусть такъ... я вамъ вѣрю.—И съ неулегшимся волненіемъ Вольфъ снова сѣлъ на свое мѣсто.—Вы спрашиваете меня, почему я, зная о вашемъ страннномъ отношеніи къ художникамъ, всетаки заговорилъ о художникѣ. Но я не думаю, и теперь не хочу думать, что это принципіально. Я старался объяснить себѣ ваше отношеніе тѣмъ, что раньше многіе эксплуатировали васъ, безъ всякихъ основаній, не оправдавъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ... Мнѣ казалось, т. е. я убѣжденъ и теперь, что въ данномъ случаѣ вы не были бы обмануты.

Галеви желчно улыбнулся.

— Конечно, меня эксплуатировали, и еще ни одинъ изъ этихъ господъ не оправдалъ надеждъ. Всѣ они вышли хорошими фейерверкерами и только. Но шутъ съ ними!.. Я никого не виню, никого... Только... пусть они меня оставятъ въ покоѣ. Ахъ, ради Бога, пусть меня оставятъ, наконецъ, въ покоѣ!.. Я усталъ... Когда ко мнѣ обращается какой-нибудь... субъектъ съ просьбой опредѣлить или поддержать его талантъ... тала-антъ, ха!.. то мнѣ приходится дѣлать надъ собою усилія, чтобы не выругаться, не разсмѣяться ему въ лицо... У меня является даже желаніе взять съ палитры самую грязную смѣсь и размазать ему физіономію. Брр! Что за несчастныя жалкія твари!

— Несчастныя всетаки...

— Несчастны или нѣтъ,—Богъ съ ними, жалки они всѣ и всегда.

— Такъ сдѣлайте же счастливымъ и не жалкимъ хоть одного...

— Это мнѣ не по силамъ, Вольфъ.

— Значитъ, вы дадите человѣку съ талантомъ умереть съ голоду?

— „Челов-ѣку съ талантомъ умереть съ голоду"? Это другой вопросъ. На него я дамъ и другой отвѣтъ. Я готовъ, готовъ не дать человѣку съ талантомъ умереть съ голоду, отъ души готовъ.

Лицо Вольфа просіяло.

— Я готовъ оказать этому доброму малому посильную помощь, но не такую, какой вы требуете: такъ какъ онъ мнѣ кажется незауряднымъ, такъ какъ онъ страшно затерялся въ этомъ городѣ, куда злой и фальшивый духъ занесъ его, такъ какъ мнѣ, наконецъ, его жаль,—то я, беру на себя всѣ расходы на его обратный проѣздъ въ Литву... Сверхъ того...

— Господинъ Галеви!—прервалъ его Вольфъ, вставая.— Или оставимъ этотъ разговоръ, или позвольте мнѣ зайти къ вамъ въ другой разъ, когда вы будете лучше настроены.

Галеви улыбнулся своей сложной и странной улыбкой.

— Тогда... оставимъ...—сказалъ онъ.

— Откуда въ художникѣ такое презрѣніе къ художнику?— негодуя, воскликнулъ Вольфъ, вскакивая со стула и вглядываясь въ конвульсивно вздрагивающее лицо Галеви, которое, казалось, на его глазахъ желтѣло, старѣло, зеленѣло...

— Повторить себя?.. Нѣтъ, нѣтъ,—чуть слышно шептали его не то злобныя, не то страдающія, не то улыбающіяся губы,—нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ...

Онъ порывисто всталъ и направился къ боковой двери.

— Я не показалъ вамъ, Вольфъ, моей послѣдней, моей навсегда послѣдней картины,—сказалъ онъ, поворачивая ключъ.—Если хотите, войдемте!

Вольфъ медленно послѣдовалъ за нимъ.

Онъ переступилъ порогъ комнаты, доступъ въ которую всегда былъ закрытъ для всѣхъ, кромѣ Вернера. Даже жена Галеви видала ее лишь въ первые дни брака.

Вольфъ невольно окинулъ ее взглядомъ. Онъ зналъ, что здѣсь зарождалась, росла и развивалась каждая картина Галеви, которая не выпускалась отсюда и не показывалась никому до ея совершеннолѣтія, какъ самъ художникъ выражался, шутя.

Такъ вотъ этотъ таинственный храмъ! Что это, обдуманное ли кокетство капризной фантазіи или своеобразное проявленіе индивидуальности? Куполообразный потолокъ и верхняя часть стѣнъ состояли изъ стекла, въ которое смотрѣло лишь небо и, казалось, синимъ сводомъ упиралось въ края стѣнъ, обитыхъ чернымъ плюшемъ. Экзотическія растенія жадно тянулись къ этому своду, но, обманутыя, ударялись въ стекло и глядѣли безпомощно, прижавшись къ нему.

Вонъ группа пальмъ въ отдаленномъ углу, простирая, какъ руки, широкія листья надъ небольшимъ піанино, какъ бы благословляла его за дивныя пѣсни, въ которыхъ оно такъ часто то бурно, то нѣжно поетъ про ихъ скорбь. Мандолина повисла на одной изъ пальмъ и тихо колыхалась на ней. Все въ этой комнатѣ было полно тихой прелести и казалось одухотвореннымъ; все, какъ будто, носило печаль невысказанной тайны. Въ такой обстановкѣ тѣснѣе становится мятущейся душѣ художника. Ей хочется вырваться, высказаться и она высказывается.

Но Вольфъ не замѣчалъ ея болѣе: его взглядъ былъ прикованъ къ картинѣ, къ которой подвелъ его Галеви. Невольная улыбка скользнула по лицу послѣдняго, когда онъ увидѣлъ высоко поднятыя брови и широко раскрытые большіе и все увеличивавшіеся глаза Вольфа.

— Ну, что-же вы молчите? Я жду вашей критики.

Вольфъ не отвѣчалъ.

— Ну, что-же вы?

— Постойте... Дайте разобраться... Я ничего не понимаю! Ничего, ровно ничего не понимаю. Я только чувствую геніальность, да нѣтъ, это и не геніальность, это безуміе.

— Какъ понимаете вы это „безуміе?“

— Да никакъ я не понимаю! Что-же означаетъ этотъ странный скульпторъ, въ болѣзненномъ экстазѣ высѣкающій изъ мрамора фантастическую, прекрасную, идеальную группу, и эта за его спиной, будто сотканная изъ мглы, дико издѣвающаяся демоническая фигура... Что означаетъ этотъ ужасъ, который она держитъ въ рукахъ,—сердце съ перерѣзанными артеріями, изъ которыхъ сочится кровь и вылетаютъ какіе-то не то кровавые, не то мыльные пузыри?

— Прекрасно! Какъ я радъ, что все понятно.

— Но ничего, ничего не понятно! Я ровно ничего не понимаю.

Галеви молчалъ. Вольфъ съ возрастающимъ ужасомъ глядѣлъ на грандіозную, страшную картину.

— Какъ вы назовете ее?

— Не все-ли равно? Какъ-нибудь.

— Но все-же...

— Ну, какъ-нибудь... какъ-нибудь... Назову „Художественное творчество“ или въ этомъ родѣ... Назову...

Онъ вдругъ разсмѣялся, не договоривъ. Вольфъ оглядѣлъ его и лишь теперь вполнѣ ясно увидѣлъ, какъ сильно исхудало это лицо съ тѣхъ поръ, какъ онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ. Синіе круги охватили глубокіе глаза, щеки ввалились и то блѣднѣли, то вспыхивали румянцемъ.

— Какой вы!..—вырвалось у него.—Я васъ еще не видалъ такимъ..

И Вольфъ медленно перевелъ глаза на картину, какъ-бы ища въ ней разгадку душевнаго настроенія художника.

— Неужели вы пришли къ дикой идеѣ, что ваше творчество—мыльные пузыри? — воскликнулъ онъ, внезапно потрясенный догадкой.

— Къ дикой идеѣ?—Галеви иронически улыбнулся.—Да, я пришелъ къ этой дикой идеѣ, Вольфъ.

— Жизнь, добро, красота—это мыльные пузыри? Ваши творенія развѣ не воплощеніе всего этого? Боже мой! Они—мыльные пузыри? Они—чистыя, прекрасныя, свѣтлыя, какъ звѣзды!..

— И какъ звѣзды одинокія въ пустомъ пространствѣ, никому не свѣтящія, никого не грѣющія, предметъ восхищенія одинокаго любителя и только. Сіять для одинокаго любителя? Да если-бы эти глупыя звѣзды умѣли думать, если-бы онѣ сознали это, развѣ онѣ не содрогнулись-бы и не потухли-бы въ ту-же минуту? Мои творенія—чистыя, свѣтлыя звѣзды! Ахъ, если бъ, по крайней мѣрѣ, онѣ явились въ міръ, какъ звѣзды, сами собой, безъ сознанія! Но вѣдь на нихъ потрачено 30 лѣтъ жизни и труда, труда существа сознательнаго, создававшаго ихъ своими нервами и слезами. Слезами... ха! Тридцать лѣтъ бьется, стонетъ и плачетъ человѣческое существо. Warum ist der Lärm?.. Оно, видите-ли, мажетъ на загрунтованной тряпкѣ идеалы добра и красоты и такъ искусно, такъ идеально мажетъ, что скажешь, онѣ, эти тряпки, дышутъ добромъ и красотой!

Онъ снова разсмѣялся.

— И въ этомъ весь смыслъ нашего существованія, на это уходитъ вся наша жизнь,—на одухотвореніе тряпокъ!.. Боже мой! сознать это—значитъ сойти съ ума. Для чего? Дайте мнѣ отвѣтъ на этотъ полный отчаянія вопросъ!

Вольфъ былъ потрясенъ и озадаченъ. Съ опустѣвшей головой и съ переполненнымъ сердцемъ онъ молча глядѣлъ въ возбужденное лицо своего друга.

— Для людей, для міра?— продолжалъ Галеви.—Но поймите-же, наконецъ, жизнь сама по себѣ, а картинная галлерея сама по себѣ. Она не руководитъ жизнью, она лишь одна изъ отраженій жизни и,—торопился онъ предупредить возраженіе,—изъ самыхъ безплодныхъ! Спросите любого прохожаго, онъ или никогда не видалъ ея, или видѣлъ разъ, другой, такъ между дѣломъ, за полчаса, за часъ до обѣда, а потому торопился ужасно... „Ахъ, я въ восторгѣ! Макартъ—это геній! А какъ восхитительно написана колбаса въ шестомъ залѣ направо... А вино? О, да оно такъ и искрится!

Поразительно!"—Таково типичное восклицаніе о полученномъ впечатлѣніи.

— Это неправда!—крикнулъ Вольфъ.—Я видѣлъ дѣтей и юношей съ лицами, пылавшими отъ восторга...

— Передъ вакханкой Рубенса?

— Нѣтъ, не передъ вакханкой.

— Ну, пусть! Что-же изъ этого? Что изъ того, что иной юноша и восхитится прекрасной картиной, что его нервы на минуту взволнуются этимъ... этимъ духовнымъ ароматомъ искусства, что изъ этого? Развѣ картина въ силахъ удержать его на этой высотѣ? Да? А если даже и да—для чего? Да, я спрашиваю: для чего? для чего вообще существуемъ всѣ мы, — честные люди на землѣ? Для другихъ, для человѣчества? Фразы! Что мы значимъ для всего человѣчества? Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, существовали честные люди и существовало человѣчество, первые, какъ картинная галлерея, сами по себѣ, второе само по себѣ. Сліянія нѣтъ и не будетъ!

— Неправда. Я буду спорить. Какъ можете вы, творецъ, художникъ, не вѣрить въ облагораживающую силу искусства... И кто-же среди удушливаго мрака поддерживаетъ обаяніе искусства, если не...

Галеви вскочилъ.

— Зачѣмъ намъ поддерживать вѣру въ фантомъ, въ который мы сами не вѣримъ? Какъ смѣемъ мы обманывать людей? Развѣ наши картины плодъ вѣры? Развѣ онѣ не плодъ больной тоски по идеалу, который мы сами себѣ выдумали, и имъ сами себя обманываемъ? Такъ какъ жизнь не хочетъ укладываться въ рамки нашей фантазіи, мы опьяняемъ себя творчествомъ, какъ водкой и опіумомъ. Мы грезимъ и наши сны выдаемъ за истину. Мы обманываемъ, ослѣпляемъ людей, а не просвѣщаемъ ихъ! Въ мірѣ торжествуетъ, міромъ управляетъ зло, а не добро, которое служитъ лишь красивой маской во всемірномъ маскарадѣ, гдѣ Богъ знаетъ зачѣмъ устраиваются всѣ эти музеи съ красивымъ обманомъ...

— Постойте. Но вѣдь идеалы вы воплощали въ образахъ людей, дѣйствительно существовавшихъ, имѣвшихъ міровое значеніе... Спиноза...

— Ну, да! Это люди картинной галлереи! Они были. Я спрашиваю только: для чего они жили? Для человѣчества? Но вѣдь если въ кучу навоза попадетъ жемчужное зерно, отъ этого куча не сдѣлается жемчужной. Чѣмъ они жили?— Любовью къ идеалу? Гдѣ онъ? Они создавали его, боролись, умирали за него,—гдѣ-же онъ? „Міровое значеніе!“ Черный муравейникъ закопошился чуть-чуть и... затихъ.

Онъ быстро зашагалъ по комнатѣ, отбрасывая ногами все,

попадавшееся ему на пути: какой-то свертокъ, тряпку, зацѣпившуюся за его каблукъ, палитру, оставившую на пушистомъ коврѣ густыя пятна красокъ, которыя съ каждымъ его шагомъ жирно размазывались по направленію изъ одного угла въ другой.

— Но, по крайней мѣрѣ,—продолжалъ онъ, замедляя шаги,—они думали, что несутъ новое слово человѣчеству, они искали это новое слово, жили этимъ исканіемъ. Мы же, художники... Наши идеалы даже не нами и выдуманы, не нами выношены. Мы беремъ ихъ готовыми и, безсильные одухотворить ими человѣчество, одухотворяемъ камни и холстъ. Безсильные создать хоть что-нибудь въ самой жизни, тѣшимся глиной, краской, углемъ... И радуемся этому! Ахъ, вотъ въ этомъ-то, вдумайтесь, въ этомъ-то и есть трагикомедія! Если мы что-либо и даемъ людямъ, то въ чемъ-же смыслъ нашего личнаго существованія, чѣмъ, я спрашиваю, чѣмъ мы сами-то живы? Понимаете-ли вы это—*са-ами*?! Мы, какъ дѣти, всю жизнь проводимъ въ царствѣ куколъ. Избѣгая гнетущей, подавляющей жизни, мы большую, лучшую часть нашей жизни проводимъ лишь въ искусственно созданной нами же средѣ статуй и картинъ, любовно улыбаемся имъ, нѣжны только съ ними... И такъ доживаемъ до могилы, не замѣчая всего жалкаго комизма такого положенія. Но какъ ничтожны, какъ колоссально смѣшны мы въ глазахъ человѣка, который захочетъ критически взглянуть на насъ со стороны! „Чѣмъ они живы сами?"—спрашиваетъ онъ. „Что такъ гордо поднимаетъ ихъ надменныя головы, что такое дѣлаютъ они, что считаютъ себя существами избранными? Что ихъ такъ волнуетъ, что бросаетъ въ горячечный бредъ, что отрываетъ отъ дѣйствительности?" Онъ вглядывается ближе и видитъ мыльный пузырь. „О, г-нъ художникъ, вы просто смѣшны Вы думаете, что вы избранникъ міра, учитель людей... Пустяки... Вы только рабъ своей страстишки. Вы стонете и радуетесь, плачете и корчитесь въ своемъ творчествѣ, какъ женщина въ судорогахъ родовъ... Къ чему все это? Вы носитель добра? Да знаете-ли вы сами, что есть добро"? И что за несчастное существо художникъ съ той минуты, когда онъ проснется и захочетъ жить сознательной жизнью: для него ея нѣтъ! Вскормленный фантомами, онъ не выноситъ дѣйствительности. Она для него слишкомъ рѣзка, груба... Она ему претитъ. Люди, не понимающіе искусства, в такихъ огромное большинство,—ему противны и чужды, вселенная страшна своей таинственностью... Поскорѣй, поскорѣй уйти отъ нея въ свою нору, забыться среди новыхъ грезъ. Вотъ его жизнь. Это жизнь внѣ дѣйствительности, но если нелѣпа дѣйствительность, то, Боже мой, какъ нелѣпо

отраженіе дѣйствительности, искусственно создаваемое человѣкомъ!

Онъ судорожно сжалъ голову руками, потомъ безсильно опустилъ ихъ на колѣни и болѣзненно сосредоточился.

— Уйти отъ всего этого... Куда?..—Глаза его упали на портретъ Спинозы и на нѣкоторое время приковались къ лицу философа...

— Жить—значитъ мыслить, — произнесъ онъ задумчиво, какъ бы отвѣчая на взглядъ мудреца.—Хорошо! На этомъ я готовъ помириться, на этомъ, пожалуй... Да,—мыслить! Подняться высоко, высоко надъ жизнью, надъ міромъ, оттуда съ своей недосягаемой высоты наблюдать его причудливый ходъ, оттуда, да, *оттуда* любить высокой, безстрастной любовью и мыслить... Любить... Что же? Миражъ?.. Мыслить... Но если всетаки не порвать жизни... если не порвать,— задумчиво повторилъ онъ,—то какъ наименѣе постыдно провести ее? Однако, чтобы наблюдать, чтобы мыслить... для этого нуженъ умъ Спинозы. Полумыслить—полужить. Жизнь ученаго, жизнь какого-нибудь классного профессора... Какая жалкая жизнь!

— Вы эгоистъ,—прервалъ его Леви.

— Пусть эгоистъ... Да, я эгоистъ. Я хочу прежде всего знать, ощущать, по крайней мѣрѣ, что стоитъ жить для себя. Когда я это узнаю, тогда, быть можетъ, сумѣю жить и для другихъ. Сознавать свое ничтожество и дѣлиться этимъ ничтожествомъ съ другими ничтожествами для процвѣтанія всемірнаго ничтожества... ха-ха! Прекрасная задача! При томъ — сознавать еще себя маріонеткой, танцующей на невидимыхъ пружинахъ... Нѣтъ, я не могу! Мнѣ, среднему человѣку, нужно вѣрить во что-нибудь. Жить для добра,—я не вѣрю въ его силу, жить для науки,—я не вѣрю своему мозгу. Жить красотой? — пусть ею тѣшатся глупцы, отдѣляющіе ее отъ добра. Ощущеніями самой жизни? Это бываетъ только въ молодости, а она прошла, давно прошла! Она тоже обманывала меня, она вселяла смыслъ во все: въ неподвижный прудъ, покрытый мертвой плѣсенью, въ монотонное кваканье лягушекъ, въ гнилой дубъ съ пустымъ дупломъ! А теперь, когда глаза мои открылись, весь міръ представляется однимъ гнилымъ пустымъ дупломъ! Въ этой грозно охватившей меня пустотѣ, черной, давящей, угнетающей, я задыхаюсь, я теряю почву подъ ногами, голова кружится, и я чувствую, что падаю куда-то низко... низко... И я не вижу, не знаю, за что мнѣ ухватиться. Все, за что я ни цѣпляюсь въ моемъ отчаянномъ паденіи, таетъ, расползается, какъ видѣніе сна; я безумно ищу и не нахожу ничего, ничего конкретнаго! А жить среди миражей, нѣтъ, я

не могу, Вольфъ!.. Укажите мнѣ вы, если можете, укажите мнѣ въ этомъ мірѣ что-нибудь... хоть что-нибудь несомнѣнно конкретное!

VIII.

Въ комнату тихо вошелъ слуга.

— Баронъ и баронесса фонъ-Розенгеймы,—какъ-то робко, почти виновато доложилъ онъ.

Галеви гнѣвно повернулся къ нему.

— Вамъ было сказано: нѣтъ дома!

— Не сердитесь, господинъ, не моя вина. Съ ними пріѣхала госпожа и, увидавъ вашу шляпу, радостно объявила гостямъ, что вы дома, и послала меня за вами.

Галеви вскочилъ со стула и, раздраженно пройдясь раза два по комнатѣ, почти крикнулъ оторопѣвшему слугѣ:

— Но вѣдь вы могли сказать, что я ушелъ въ другой шляпѣ!

— Я—старый дуракъ, господинъ, вижу это очень хорошо. Я—старый дуракъ,—сокрушенно отвѣчалъ Вернеръ.

Униженно поклонившись, онъ вышелъ изъ комнаты.

— Вольфъ, я надѣюсь скоро покончить съ ними. Вы посидите, не правда-ли?

— Хорошо. Или нѣтъ, лучше я выйду на воздухъ: мнѣ что-то душно. Я скоро вернусь.

— Такъ я буду васъ ждать,—помните! Пока до свиданья!

— До свиданья!—машинально отвѣтилъ Вольфъ и медленно направился къ двери. Проходя черезъ вторую мастерскую, онъ невольно замедлилъ шаги, минуя рядъ картинъ: „Кто вы"? „Dahin", „Дальше, выше".

Вольфъ остановился, точно прикованный, передъ этой послѣдней, странно потрясенный блѣднымъ мудрецомъ у узкаго готическаго окна, зловѣще озареннаго отблескомъ пламени... „Царство діавола,—точно шепчутъ впалыя губы, — слѣпцы и глухіе, глупцы и злодѣи, суета суетъ, соблазнъ, грѣхъ и проклятіе... Дальше, выше... Я прахъ, я богъ"!

Казалось, густая тѣнь упала отъ этой картины и охватила Вольфа. Какая-то мысль пробиралась въ туманѣ его возбужденнаго мозга и не могла пробиться... Онъ вздрогнулъ. Изъ передней донеслись къ нему голоса и смѣхъ, и въ ту же минуту дверь распахнулась и Вернеръ ввелъ двухъ субъектовъ...

— Натурщики,—отрекомендовалъ онъ ихъ Вольфу,—ужъ я знаю вкусъ своего господина!—съ достоинствомъ прибавилъ Вернеръ. — Эту, — ткнулъ онъ пальцемъ на дѣвочку лѣтъ пяти, — онъ не отпуститъ, главнымъ образомъ, за

худобу. Страшно любить худыхъ... Вотъ этакихъ, что будто и по землѣ не ходятъ. При томъ есть въ ней что-то такое этакое... Ну, да вы вѣдь художникъ,—сами видите!

Натурщикъ небольшого роста, сутуловатый, но широкоплечій, съ темно-коричневой бородой лопатой, окинулъ лицо Вольфа быстрымъ взглядомъ своихъ маленькихъ глазъ и, выйдя въ переднюю, тотчасъ же вернулся, таща за собой гимнастическія приспособленія, которыя обыкновенно носятъ акробаты. Онъ съ живостью установилъ ихъ.

— Агне-есъ!—сказалъ онъ.

Дѣвочка вздрогнула отъ этого призыва, подняла голову и, расправивъ руки, всѣмъ своимъ встрепенувшимся маленькимъ существомъ выразила готовность служить и дѣйствовать.

— Будь готова!

— Готова, дядя Громъ.

Громъ взглянулъ на Вольфа и разсмѣялся.

— Сейчасъ вы увидите нѣчто, господинъ художникъ! И если вы не пожалѣете, что при васъ нѣтъ фотографическаго аппарата, клянусь моимъ годичнымъ заработкомъ, вы не художникъ! Вы увидите нѣчто, превосходящее всякое воображеніе... Это идеальная натура, геній своей профессіи, никакихъ приготовленій!.. Небольшой аппаратъ, больше ничего не надо. Агнесъ!

— Дядя Громъ?

— Ты готова?

— Я готова.

Сбросивъ съ себя платье, Агнеса уже стояла голенькая, прозрачная и удивительно тоненькая, и, однако, дѣтскія формы этого воздушнаго тѣла были мягки и эластичны. Она казалась бы существомъ идеально прекраснымъ, если-бы не тупое выраженіе прозрачнаго, янтарнаго лица, — лица обитательницы подвала. Можетъ быть, ей было и больше пяти лѣтъ, но она была мала, очень мала. Она напряженно и пугливо смотрѣла въ глаза своего господина, какъ смотритъ на хозяина провинившаяся собаченка въ ожиданіи хлыста.

— Ну, мы начинаемъ!

Тонкое тѣльце взвилось и повисло въ воздухѣ. Вольфъ вскрикнулъ отъ изумленія. Казалось, тонкія ручки не опирались, а лишь слегка касались деревянной перекладины, и безкрылое, нѣжное человѣческое существо точно застыло въ своемъ неподвижномъ полетѣ.

— Полетъ вверхъ, полетъ внизъ! Головой внизъ! Торсъ направо, бедра налѣво! Руки дугой! Руки мольбой! Плавать въ воздухѣ! Руками и ногами еще, еще и еще! Ангелъ Ботичелли! Довольно!

Громкій хохотъ раздался за спиной Вольфа. Онъ съ испугомъ оглянулся. Въ дверяхъ стоялъ Галеви.

— Ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха! Нина, баронъ, баронесса, сюда! Скорѣе! Ха-ха-ха-ха!.. Баронесса, садитесь вотъ здѣсь, баронъ, прошу васъ сюда, слушай ты,—какъ тебя?—еще: „ангелаБотичелли!"

Горсть серебряныхъ монетъ со звономъ упала къ ногамъ Грома, и спустя минуту хрупкое дѣтское тѣло снова повисло въ воздухѣ.

Сидя въ широкомъ креслѣ въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, тяжелыми складками падавшемъ на коверъ, баронесса дѣтски восхищалась изумительной ловкостью и граціей ребенка; баронъ покручивалъ усы, а m-me Галеви, щуря прекрасные глаза, посматривала на всѣхъ. Легкая гримаса скользнула по ея красивымъ губамъ. Она подошла къ трюмо, оглядѣла свою великолѣпную фигуру въ черномъ и, оправивъ волосы, коснулась мизинцемъ кончика языка и разгладила слегка растрепавшуюся бровь. Вдругъ она поблѣднѣла и повернулась къ мужу. Она увидѣла его перекошенное лицо и въ то-же мгновенье его спину, быстро исчезнувшую за портьерой.

Она обмахнулась вѣеромъ и подошла къ барону.

— Я думаю, довольно, не правда-ли? Бѣдная дѣвочка! Это ужасно, на что готовы люди изъ-за куска хлѣба! Я не могу выносить этого спокойно.

Она позвонила.

— Вернеръ, спросите господина, какъ съ ними быть и вообще... сдѣлайте, что нужно. Господа, мы перейдемъ въ гостиную. Въ обществѣ этихъ этюдовъ и картинъ я всегда чувствую себя... А вы, monsieur... monsieur Леви... вы развѣ не хотите пойти съ нами?

— Благодарю, я очень спѣшу по дѣлу.

Низко поклонившись, Вольфъ вышелъ въ переднюю, разсѣянно одѣлся, незамѣтно для себя очутился на улицѣ и почему-то приподнялъ воротникъ пальто. Вихрь мыслей толпился въ его возбужденномъ мозгу; звуки, образы преслѣдовали его. „Повторенія?.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!"—стучали въ его ушахъ слова Галеви. Сендеръ... Ему казалось, онъ видитъ темную фигуру мальчика, тоскливо озирающагося вокругъ. Яркій и холодный свѣтъ заливаетъ его, и хрупкая, безпомощная фигурка становится все тоньше, все меньше и вотъ растаяла.

Вольфъ остановился, переводя духъ. Кто-то наскочилъ на него, извинился и прошелъ мимо. Вольфъ зашагалъ снова.

Онъ шелъ долго, очень долго, не замѣчая окружающаго, покуда усилившійся шумъ и звонкій дѣтскій смѣхъ не за-

ставилъ его очнуться, опустить воротникъ пальто и откинуть шляпу съ вспотѣвшаго лба.

Дѣти, только что выпущенныя изъ школы, безпорядочной, шумной и все растущей толпой выходили изъ сосѣдняго подъѣзда и, какъ весело бьющаяся волна, въ которой искрятся лучи солнца, перебѣгали съ тротуара на тротуаръ. Волна эта все росла и росла, и, разливаясь, разбилась на множество мелкихъ игриво-говорливыхъ волнъ, со всѣхъ сторонъ охватившихъ Вольфа. Онъ шелъ медленно, шагъ за шагомъ пробивая свой путь сквозь эти волны, то набѣгавшія на него, то отливавшія, подталкивавшія его съ боковъ и сзади, и наполнявшія атмосферу ароматомъ свѣжей, полнымъ пульсомъ бьющейся жизненной силы.

Вдругъ двое дѣтей, разбѣжавшись, наткнулись на него, и одинъ изъ нихъ, упавъ, охватилъ его колѣни. Быстро наклонившись, Вольфъ схватилъ шалуна подмышки и поднялъ высоко надъ своей головой. Держа его такъ, онъ глядѣлъ на дрыгавшія въ воздухѣ толстыя ноги и на возбужденное, залитое смѣхомъ ярко румяное лицо. Не выпуская изъ своихъ сильныхъ рукъ этой ноши, окруженный плотнымъ, живымъ кольцомъ, онъ подвигался впередъ, оглушаемый звонкимъ дѣтскимъ хохотомъ, къ которому онъ прислушивался съ странной серьезностью.

Длинный возъ съ бочкой для поливки улицъ перерѣзалъ ему дорогу и разбилъ компактную массу дѣтей. Они съ хохотомъ и визгомъ разбѣжались во всѣ стороны отъ вѣерообразнаго фонтана брызгъ. Но черезъ минуту сами бросились вслѣдъ за бочкой, то подставляя лица подъ сверкавшій на солнцѣ водяной вѣеръ, то отскакивая отъ него и снова набѣгая...

Мальчикъ на рукахъ Вольфа выразилъ самое явное нетерпѣніе примкнуть къ шалунамъ, и Вольфъ, опустивъ его на землю, свернулъ въ другую улицу.

Тихая, добрая грусть разливалась въ душѣ Вольфа. Утомленный пережитыми впечатлѣніями дня и внезапнымъ вихремъ новыхъ мыслей и чувствъ, назойливо преслѣдовавшихъ его, онъ послѣ встрѣчи съ дѣтьми уже умышленно отгонялъ ихъ прочь, ища въ окружающей уличной жизни разсѣянія и отвлеченія. То хмурясь, то улыбаясь онъ шелъ все впередъ.

— Какая мягкость тоновъ въ окраскѣ неба!—вдругъ сказалъ онъ, остановившись и глубоко вдыхая воздухъ.—Оно все потемнѣло, опустилось, какъ будто утомленное... Будетъ дождь.

Снявъ пальто и перекинувъ его на руку, онъ вступилъ въ тѣнистый паркъ, съ наслажденіемъ вдыхая ароматъ его свѣжей зелени. Какъ хороши эти тѣнистые зеленые уголки!

Какъ нѣжитъ глазъ эта бархатная трава! Онъ остановился, погрузивъ носокъ сапога въ эту сочную, благоухающую траву, и потомъ пошелъ дальше, шагая все тише, все медленнѣе.

Ему вспомнился душный, знойный полдень, и его Мира объ руку съ нимъ, тихо шагавшая по этой самой дорожкѣ. Мира устала, скамейки, какъ сейчасъ, не было подлѣ, и ароматный коверъ мягко и любовно разстилался передъ ними.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось отдохнуть, утонуть въ этой травѣ!—воскликнула Мира и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упала на колѣни. Вся изогнувшись, она такъ и прижалась къ ней своимъ свѣжимъ улыбающимся лицомъ. А онъ стоялъ тутъ же и прислушивался къ тому, что поднималось и росло въ его груди.

Насѣкомыя жужжали, птички чирикали, вѣтерокъ шуршалъ въ вѣтвяхъ, а небо какъ бы спускалось надъ ними своею прозрачною синевой.

Составивъ себѣ букеты изъ едва распустившихся цвѣтовъ, они бродили весь день въ живописныхъ окрестностяхъ города, восхищаясь солнцемъ, небомъ и землею. Смѣялись, не зная чему, болтали, не зная что, и были безконечно счастливы, не зная почему. Не было живописнаго мѣстечка, куда бы они не заглянули, тихаго уголка, гдѣ бы они не посидѣли. Къ вечеру они, наконецъ, устали и снова тихо побрели къ парку. Потолкавшись среди людей, которые имъ улыбались, и послушавъ музыку, которая ихъ восхищала, они уединились на скамьѣ въ самомъ живописномъ уголкѣ парка, и тишина, уже разлившаяся въ природѣ, разлилась и въ ихъ сердцахъ.

Не произнося ни слова, они сидѣли, чувствуя весь міръ и себя другъ въ другѣ.

Какой-то фланеръ проходилъ мимо. Послѣдніе звуки оркестра только что замерли. Луна, обливая ихъ серебромъ, отражалась въ прудѣ, который въ лѣнивой истомѣ дремалъ у ихъ ногъ. Какъ будто не замѣчая ихъ, но сильно замедливъ шагъ, прохожій взялъ какую-то долгую, дрожащую, какъ полный страсти вздохъ, ноту и вдругъ, оборвавъ ее, запѣлъ:

Мѣсяцъ надъ тучкой лѣниво скользитъ,
Тучка стыдливо любовью горитъ,
Милая, ближе ко мнѣ, не робѣй!
Я озарю твою душу огнемъ,
Мѣсяца выше съ тобой поплывемъ
Въ трепетной тѣни нависшихъ вѣтвей!

Когда сочные звуки пѣсни смолкли, Вольфъ взялъ въ свои руки дрожащую руку Миры и, указывая на колыхавшееся у ихъ ногъ отраженіе мѣсяца, тихо сказалъ: „смотри...

смотри... Мы какъ будто надъ нимъ...“ Листья мягко зашуршали, и въ этомъ сладкомъ шумѣ ему послышалось „да“.

Счастливый нахлынувшими на него воспоминаніями, Вольфъ остановился и оглядѣлся вокругъ. Какъ здѣсь торжественно тихо! Какъ хорошо! Ему вдругъ страстно захотѣлось увидѣть Миру и прижать ее къ своей груди.

— Боже мой, я не видалъ ея съ утра! Мира, дѣвочка моя!..

Онъ выбѣжалъ изъ сада, направляясь домой, но вдругъ остановился и повернулъ, вѣрный обѣщанію, данному имъ Галеви,—зайти еще разъ.

Онъ шелъ, почти освободившись отъ тяжелыхъ впечатлѣній дня, радостно вдыхая влажный вечерній воздухъ и радостно глядя на небо, заволакивавшееся хмурыми рыхлыми тучами. Веселая, любопытная кучка людей стояла передъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ магазиновъ Мюнхена, и онъ примкнулъ къ ней, узнавъ витрину Маузера и въ ней свою картину: „Жизнь зоветъ“. Поѣздъ мчится во весь духъ. Стремительно прорѣзываемый имъ воздухъ вытянулъ, точно отлилъ въ неподвижныя складки платье мужчины и женщины, стоящихъ на площадкѣ вагона. Они любятъ, они, очевидно, вступаютъ въ жизнь. Молодой человѣкъ, крѣпко обхвативъ рукой станъ подруги, задорно и смѣло смотритъ впередъ; она же, слегка наклонивъ голову съ развѣвающимися косами, блестящими глазами и румяными щеками, точно наслаждается ощущеніемъ вѣтра, скользящаго по этимъ щекамъ, и такъ довѣрчиво, такъ радостно смотритъ на любующагося ею зрителя, точно готова соскользнуть внизъ и въ избыткѣ счастья броситься ему на шею. Жизнь, настоящая жгучая жизнь кипитъ въ этой молодости, пробивается въ природѣ, въ каждомъ клочкѣ зелени, въ каждой травкѣ, въ каждомъ цвѣткѣ, тянущемся вверхъ, въ знойномъ небѣ и солнцѣ, золотымъ снопомъ свѣта разсыпавшемся на картинѣ.

— Prächtig, glänzend, es lebt und lebt!—раздавались голоса публики, и Вольфъ, забывшись передъ своимъ твореніемъ и восхищенный, какъ увлекшійся зритель, вдругъ воскликнулъ:

— Жить, жить, жить!

Публика расхохоталась. Смущенный, онъ отошелъ прочь.

— Жить, жить, жить!—повторялъ онъ себѣ, чувствуя особую силу и какую-то здоровую напряженность въ ногахъ, легко касавшихся асфальтоваго тротуара. И онъ радостно шелъ, размахивая руками, съ тѣмъ выраженіемъ въ лицѣ, которое заставляло прохожихъ оглядываться и улыбаться ему вслѣдъ.

Топотъ лошадиныхъ копытъ раздался за нимъ, и три всадника опередили его. Верхомъ на вороныхъ возсѣдали баронъ и баронесса фонъ Розенгеймы и на пѣгой — жена Галеви. Съ цѣлымъ лѣсомъ рыжихъ, быть можетъ, крашеныхъ волосъ, подобранныхъ въ высокую прическу, красавица, какъ и ея пѣгій конь, поводила головкой и, изящно отвѣтивъ на почтительный поклонъ Вольфа, ударила хлыстомъ горячую лошадь. „Вотъ женщина, достойная кисти... Каролюсъ-Дюрана“, - выговорилъ Вольфъ, провожая глазами стройный силуэтъ.

Какое-то облако точно налетѣло на его лицо, и другія мысли овладѣли имъ.

IX.

Вольфъ поднялся въ квартиру Галеви и позвонилъ.

— Дома?

— Т-ссъ!—сказалъ впустившій его Вернеръ.

— А что?

— Да, собственно говоря, теперь уже ничего, только, кажется, уснулъ.

— Кто?.. Что нибудь случилось... съ Галеви?

— Да, да... Послѣдній годъ это случается съ нимъ второй разъ. Что-то не хорошо...

И таинственно покачавъ головою, какъ бы замкнувшись, Вернеръ пошелъ въ сторону.

Въ эту минуту изъ мастерской художника раздался звонокъ.

— Онъ не спитъ, я доложу о васъ,—сказалъ Вернеръ, направляясь къ двери.

— Нѣтъ, лучше передайте только, что я былъ...

— Онъ о васъ спрашивалъ съ часъ тому назадъ.

— Тогда доложите.

— Пожалуйте,—сказалъ слуга, возвращаясь.

Сбросивъ пальто и шляпу на первый попавшійся стулъ, Вольфъ прошелъ въ комнату Галеви.

Художникъ полулежалъ на кушеткѣ, платокъ обхватывалъ его красивую голову.

— Такъ вы не забыли даннаго слова,—сказалъ онъ, слабо улыбаясь,—спасибо. На дворѣ, кажется, дождь?

— Онъ захватилъ меня у вашего порога. Тѣмъ лучше: воздухъ освѣжится. Я не помѣшалъ вамъ?

— Да, помѣшали галлюцинаціямъ преслѣдовать меня. Онѣ меня преслѣдуютъ, меня просто душитъ весь этотъ ужасъ страданія!

Вольфъ зашагалъ по комнатѣ, и шаги его безшумно тонули въ коврѣ.

— Минутами я вижу передъ собой отчетливо, какъ реальное,—снова какъ бы самъ съ собой заговорилъ Галеви,—тотъ моментъ, когда ребенокъ повисъ въ своемъ неподвижномъ полетѣ. Мнѣ показалось, что это виситъ моя собственная душа... И вдругъ я увидѣлъ... но я убѣжалъ, со мной сдѣлался припадокъ...

Вольфъ внезапно остановился, желая что-то сказать, и пораженный страшнымъ выраженіемъ отвращенія, почти негодованія въ лицѣ Галеви, невольно воскликнулъ:

— Что это, что съ вами?

Галеви вздрогнулъ, глубоко вздохнулъ, потомъ приподнялся и сѣлъ.

— Ничего...—Онъ провелъ рукою по лбу.—Я все вспоминаю одну маленькую пошлость... въ гостиной... Моя жена... Впрочемъ, въ сущности это совершенные пустяки и ничуть не интересно!—Онъ осѣкся и умолкъ.

Вольфъ снова зашагалъ по комнатѣ. Въ полусвѣтѣ сумерекъ еще одухотвореннѣе казались темныя вѣтви растеній, тоскливо прильнувшихъ къ стеклу или поникшихъ въ унылой покорности. Еще фантастичнѣе рисовался высокій, черный и прямой, какъ висѣлица, мольбертъ, лишь тонкимъ шнуркомъ сдерживающій наклонившуюся впередъ картину. Галеви сжалъ руками голову, и Вольфу казалось, что плечи его слегка вздрагиваютъ отъ скрытаго рыданія. Молчаніе длилось долго.

— Знаете, Вольфъ,—не мѣняя положенія сказалъ, наконецъ, Галеви,—когда душевная боль вопьется въ сердце, то кажется, что одно только и есть въ мірѣ конкретное, — эта боль: ея не оторвешь, отъ нея не укроешься! И отчего сегодня такъ болитъ и ноетъ мое сердце! Ужъ не отъ самолюбія-ли? Какимъ я чувствую себя нынче близорукимъ, жалкимъ, картоннымъ солдатикомъ въ жизни!

— И васъ не поддерживаетъ ваша точка зрѣнія нереальности существующаго?

— Нереальности?.. А если оно всетаки есть, это реальное... А если оно —въ страданіи? Ахъ, страданіе человѣческое, да, оно одно, кажется, конкретно!

— Вотъ какъ! Тогда воспряньте духомъ и будемте жить... а?—радостно воскликнулъ Вольфъ.

— Воспрянуть? вы шутите? Но вѣдь безсмыслица нашего существовованія тогда выступитъ еще ярче, еще неотразимѣе!

— Какъ! на почвѣ несомнѣнно конкретной?..

— Черпайте море ложками, черпайте... ха!

— Но конкретное море... реальными ложками...

Галеви слабо, безнадежно махнулъ рукой затѣмъ погрузилъ

платокъ въ холодную воду и, почти не выжавъ его, сталъ имъ повязывать голову. Потомъ перемѣстилъ подушки и, опустивъ ноги на полъ, откинулся назадъ.

— Слѣпцы и глухіе, глупцы и злодѣи... Проклятіе! Ахъ, дальше, выше, Вольфъ!—Онъ закрылъ глаза.—Еще выше... еще выше... Куда?

Съ минуту длилось молчаніе.

— Холодно, Вольфъ, холодно! — продолжалъ онъ безстрастно и ровно. Это главное. Застываю я...—Онъ усмѣхнулся.— Съ улыбкой Мефистофеля всетаки... какъ видите...

Галеви провелъ рукой по глазамъ и слегка пожалъ плечами. Тонкая и сложная улыбка, на минуту слетѣвшая, снова легла на его губы, и съ этой странно змѣившейся и вздрагивающей улыбкой онъ съ минуту смотрѣлъ въ лицо Вольфа. И вдругъ онъ разразился тихимъ хохотомъ:

— А вѣдь онъ опять приходилъ сегодня, Вольфъ!—неожиданно прорвались сквозь этотъ тихій, дрожащій хохотъ чуть слышныя слова.

— Кто?

— Онъ... Сендеръ...

— Сендеръ! Ну!

Галеви продолжалъ хохотать.

— А Вернеръ, — прибавилъ онъ, не прерывая своего страннаго смѣха,—не принялъ его...

Вольфъ молчалъ.

— Но я сказалъ Вернеру,—все въ томъ же тонѣ продолжалъ Галеви,—чтобы въ слѣдующій разъ онъ мнѣ о немъ доложилъ: я хочу ему объяснить, что человѣка нѣтъ... въ жизни... для жизни... и жизни тоже нѣтъ... что есть искусство,—понимаете?—кровавые мыльные пузыри. Они поднимаются вверхъ, высоко вверхъ надъ дымомъ... и ихъ нѣтъ... и Эпша тоже нѣтъ... т. е. онъ есть, этотъ мерзавецъ, но чортъ съ нимъ, его всетаки нѣтъ! Есть страданіе, Вольфъ... которое, кажется, конкретно. Но оно гадко! Оно душитъ! Такъ пусть же Сендеръ осмѣлится...

Галеви гнѣвно, почти угрожающе вперилъ взглядъ въ лицо Вольфа и вдругъ вскочилъ на ноги.

— Чортъ возьми, душно!—воскликнулъ онъ, срывая съ головы уже нагрѣвшійся платокъ.—Эти натурщики... я ихъ ненавижу... Они какъ отрава... какъ ядъ! И эти друзья и гости, и слуги, и эта... эта... и всѣ эти глупости всегда выбиваютъ меня изъ колеи! Ничто такъ не разстраиваетъ меня, какъ все это!.. Эти осколки жизни, не правда-ли? всегда, вездѣ настигаютъ... находятъ меня! Всегда, вездѣ!.. Сендеръ! Что ему надо?

Порывистымъ движеніемъ онъ потянулъ одинъ изъ шнур-

ковъ, съ помощью которыхъ раздвигались широкія форточки стекляннаго потолка. Свѣжая струя воздуха ворвалась въ комнату. Галеви глубоко вздохнулъ, сдѣлалъ нѣсколько безцѣльныхъ шаговъ, вдругъ круто повернулъ, подошелъ къ фортепіано и ударилъ по клавишамъ.

Бурные аккорды перемежались тоскливыми переливами и отражали его настроеніе.

— Вольфъ, пойдемъ куда-нибудь!—крикнулъ онъ, захлопывая крышку.

— Охотно, но—куда?

— Такъ, куда-нибудь, погулять, что-ли.

— Пойдемте. А дождь?

— Пустяки. Вѣдь онъ только прошумѣлъ. Взгляните, теперь хорошо.

Они вышли изъ дому и, молча пройдя одну, двѣ улицы, очутились въ кварталѣ, наиболѣе людномъ.

— Мы заберемся подальше, не правда-ли?—сказалъ Галеви.—Здѣсь слишкомъ оживленно: людишки такъ и кишатъ. Ишь, обрадовались, точно черви послѣ дождя! Подумаешь, ихъ гладкія души такъ же чисто обмыты имъ, какъ эти гладкіе тротуары. Боже мой! Подлость людская,—вотъ она! Вездѣ!.. вездѣсуща! Посмотрите—она глядитъ изъ всѣхъ дыръ, изъ всѣхъ поръ домовъ, катитъ свои грязныя волны, накатывается на васъ, проходитъ мимо и снова накатывается... Она захватываетъ мнѣ дыханіе, какъ вонь клоаки!

Онъ остановился, весь сосредоточившись на захватившей его мысли, и невнятно, медленно произнесъ:

— Опуститься въ эту клоаку... на мигъ, чтобы спасти міръ... Да, это—куда ни шло... Но дышать этимъ долго, цѣлые годы... бррь!.. Скажите, — внезапно обратился онъ къ Вольфу,—что въ васъ сильнѣе, чувство: обонянія или... состраданія?

Вольфъ колебался, медля отвѣтомъ изъ опасенія дать ему поводъ къ новымъ волненіямъ.

— Цвѣты я люблю...—началъ онъ осторожно.—Людей я тоже люблю.

— Цвѣты люблю и я!—съ досадой сказалъ Галеви и двинулся впередъ, сильно ускоряя шагъ.

— А Сендеровъ я даже очень люблю,—съ какимъ-то скрытымъ задоромъ и бросая на Галеви взглядъ исподлобья, продолжалъ Вольфъ.

— Сендеры, Сендеры!.. Что, собственно говоря, дѣлать съ Сендерами, что съ ними дѣлать?

— Да, что съ ними дѣлать?—повторилъ и Вольфъ.

Оба остановились.

Положивъ руки въ карманы и разставивъ ноги, Галеви глядѣлъ внизъ. Вольфъ стоялъ противъ него.

— Ну, пойдемте вотъ сюда, здѣсь, кажется, безлюдно.

— Пойдемте,—тихо сказалъ Галеви.

Характеръ улицъ сразу измѣнился. Темные дома, темное дерево да одинокій свѣтъ фонаря, ударяющій красной вертикальной полосой въ мокрую мостовую. Ни шума, ни движенія; развѣ пересѣчетъ дорогу темная фигура и безшумно скроется въ щель дома. Они молча подвигались впередъ, проходя улицу за улицей, переулокъ за переулкомъ.

— Какъ тихо! А вѣдь днемъ тутъ довольно оживленно. Вы узнаете?—вѣдь мы выходимъ на Akademiestrasse. Вотъ и академія художествъ.

— А, разсадница гладкаго искусства, здравствуй!—крикнулъ Галеви гордому зданію, которое надменно возвышалось надъ другими, широко и почтительно раступившимися передъ нимъ. Въ одномъ изъ оконъ стояла гипсовая статуя Венеры Милосской. Освѣщенная извнутри, она казалась существомъ почти живымъ, и художники невольно остановились.

— Какова!—воскликнулъ Вольфъ въ восхищеніи.—Нигдѣ, даже въ Луврѣ не находилъ я ее столь прекрасной, какою она кажется мнѣ сейчасъ. Взгляните на это гордое достоинство стана, на этотъ прекрасный изгибъ. Какъ я люблю ее! Какъ люблю! Что за гордая, чистая, величавая красота, не правда-ли?

Онъ повернулся къ Галеви, но тотъ уже медленно и задумчиво отходилъ отъ окна.

Они миновали арку Siegesthor'а съ бронзовой статуей Баваріи на вершинѣ, погоняющей четырехъ львовъ, болѣе величавыхъ и прекрасныхъ, чѣмъ сама возница, и вступили въ широкую улицу, вѣрнѣе, аллею изъ тополей и палисадниковъ, раскинутыхъ у пороговъ барскихъ домовъ.

— Здѣсь славно,—сказалъ Галеви и, отвернувъ голову отъ неосторожно-пытливаго взгляда Вольфа, ускорилъ шагъ Они быстро подвигались впередъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше мельчала красивая архитектура домовъ. Ароматъ зелени начиналъ смѣняться запахомъ прачешной и еще чѣмъ-то неуловимо душнымъ и грязнымъ.

— Здѣсь нехорошо,—сказалъ Галеви.

— Мы на Schwabingenstrasse,—отвѣтилъ Вольфъ.

— Повернемъ назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, позвольте, что это за толпа?

— Какой-нибудь кабакъ.

— Пойдемте туда.

— Ну, что за охота?

Вольфъ, однако, пошелъ впередъ. Галеви неохотно послѣдовалъ за нимъ.

— Чѣмъ еще зачитались?—ворчалъ онъ.

Вольфъ читалъ афишу, наклеенную на стѣнѣ. Большими буквами она провозглашала: „Wählerversammlung“ (собраніе избирателей), ораторъ и кандидатъ въ рейхстагъ Людвигъ Роль.“

— Роль хорошій ораторъ,—сказалъ Вольфъ,—хорошій ваятель людей,—прибавилъ онъ съ улыбкой.—Собранія по случаю выборовъ депутатовъ въ рейхстагъ всегда въ высшей степени интересны, войдемте.—И прежде, чѣмъ Галеви отвѣтилъ, онъ вошелъ въ переднюю. Галеви послѣдовалъ за нимъ въ залъ.

— Мы, кажется, попали къ концу,—замѣтилъ Вольфъ, съ трудомъ проходя черезъ густую толпу, сосредоточенно слушавшую оратора. Мѣстъ не было, имъ пришлось стоять. Кельнерша неслышно пробралась сквозь тѣсные ряды стульевъ и молча предложила имъ пива; они разсѣянно кивнули головой, расплатились и, сдѣлавъ по глотку, поставили на столъ, чтобы больше не прикасаться къ нему.

Вольфъ жадно вытянулъ шею и весь превратился въ слухъ. Галеви устало оперся о выступъ стѣны и сталъ изучать лицо оратора. „Хорошая голова,—подумалъ онъ,—много энергіи, ума и силы, хотя нѣтъ въ ней того, что нравится намъ, русскимъ. Нѣтъ мягкаго, почти дѣтскаго выраженія въ лицѣ. Молодая, хорошая, оригинальная нѣмецкая голова и только.“

Подписавъ такой приговоръ, онъ вспомнилъ, что человѣкъ говоритъ, и принялся слушать. Говорилъ ораторъ безъ запинки, плавно, не горячась. Онъ мало бьетъ на чувство, онъ читаетъ лекцію. Неужели его понимаютъ? Галеви оглядѣлъ толпу, и его глаза художника невольно разгорѣлись. Какое богатство лицъ, и какое въ нихъ разнообразіе сильныхъ и сложныхъ ощущеній! Вотъ сѣдой старикъ, прямо сидящій на своемъ стулѣ, какъ въ церкви, скрестилъ пальцы рукъ, сложенныхъ на столѣ. Привычка слушать церковнаго оратора въ такой позѣ сказалась и здѣсь, но въ глазахъ его нѣтъ ни елейности, ни горькаго сознанія грѣховъ. Въ нихъ горитъ мысль, сверкающая то убѣжденіемъ, то вопросомъ. А вотъ здоровенный парень лѣтъ 25—28, широко раскинувшій свои могучіе локти на столѣ, съ спокойнымъ, энергичнымъ взглядомъ и ртомъ, время отъ времени бросающимъ: „sehr richtig“. Цѣлыя группы лицъ то мягко стушевываются, то вдругъ ярко и рѣзко выступаютъ подъ краснымъ свѣтомъ близкой лампы. Средній возрастъ, солидный и вдумчивый, является преобладающимъ, но какъ много юношей и даже

дѣтей! Ихъ лица возбуждены, взволнованы; онѝ не всегда понимаютъ рѣчь оратора, но кой-когда фраза, обращенная къ ихъ человѣческому достоинству, понятна и имъ и бросаетъ кровь въ лицо. Даже женщинъ довольно много: лишенныя права посѣщать какія бы то ни было политическія собранія въ Баваріи, онѣ, однако, имѣютъ свободный доступъ туда во время избирательныхъ собраній. И вотъ, любопытныя и возбужденныя, онѣ вглядываются въ человѣка, сдѣлавшаго ихъ братьевъ и мужей философами.

— О чемъ же онъ говоритъ?

Галеви снова отвлекся отъ своихъ наблюденій и рѣшительно принялся слушать. Въ ту же минуту громъ рукоплесканій и крики „hoch“ оглушили его. Народъ поднялся со своихъ мѣстъ, и заколыхавшіяся спины и головы людей скрыли отъ него фигуру оратора, быстро сходившаго съ эстрады.

Все задвигалось. Сидѣвшіе далеко старались протискаться къ нему, чтобы лучше разглядѣть его черты, или предложить вопросъ, улыбнуться ему благодарной улыбкой. Ему пожимаютъ руки, подаютъ пиво и чокаются съ нимъ. Радость, гордость и сознаніе силы выпрямляетъ члены и возвышаетъ груди людей, подъ звуки народнаго гимна выходящихъ изъ залы собранія. Вольфъ, здороваясь съ одними, обмѣниваясь фразой или чокаясь на ходу съ другими, приблизился къ оратору и сразу вступилъ съ нимъ въ оживленный споръ. Галеви молча съ странно темнѣющимъ лицомъ наблюдалъ толпу.

— Чортъ возьми, сегодня я доволенъ!—слегка переваливая свое громадное тѣло, воскликнулъ парень, уже раньше обратившій на себя вниманіе художника. Широкимъ движеніемъ онъ вытянулъ руку, въ которой держалъ зажженную трубку; два-три человѣка наклонились къ ней, беря огонь для своихъ папиросъ.

— А по моему, онъ былъ непослѣдователенъ: толковалъ объ извѣстной идеѣ, о законѣ исторіи, словомъ, все, какъ слѣдуетъ, а кончилъ такими злобными тирадами противъ отдѣльныхъ лицъ.

— Ха-ха-ха! Тебѣ это не нравится? Но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ живыми людьми, а не съ аллегорическими фигурами,—понялъ ты это? Побольше гнѣва, энергіи, силы, стойкости! Такъ-ли я говорю?—неожиданно обратился онъ къ Галеви, но, встрѣтившись съ отчужденнымъ взглядомъ художника, снова повернулся къ своимъ товарищамъ.—Вѣдь въ этомъ же и состоитъ законъ исторіи, что, когда сознаніе пробуждается въ классѣ...

— Сударь, позвольте...

Галеви вздрогнулъ и посторонился, пропуская нѣсколько

женщинъ, оживленно дѣлившихся своими впечатлѣніями. Какой-то юноша, съ густой гривой надъ низкимъ лбомъ, со слѣдами красокъ на платьѣ и пальцахъ, подскочилъ къ одной изъ нихъ и увлекъ ее за собою.

— Вотъ видишь, Грета, вотъ видишь, я тебѣ говорилъ: „будущее принадлежитъ намъ".

— Ахъ, это было-бы только справедливо!..

— Мы, масса человѣческая, будемъ только людьми, Грета, и міровая задача...

Конецъ фразы потерялся въ общемъ гулѣ голосовъ.

— Мнѣ сегодня такъ весело!..—донесся еще до уха Галеви нѣжный дѣвичій голосъ.

— Истинная радость жить теперь на свѣтѣ!—добродушно оглядываясь вокругъ, твердилъ, шепелявя, маленькій человѣчекъ съ искривленной спиной и вывернутыми ногами ткача,—неправда-ли?—обратился онъ къ другому сосѣду и шепнулъ ему на ухо, лукаво кивнувъ на художника: „этотъ золь, должно быть, не изъ нашихъ." Сосѣдъ мигнулъ глазомъ и тонко улыбнулся.

— Да, истинная радость жить теперь на свѣтѣ,—громко повторилъ онъ, задорно взглянувъ на Галеви.—Эй, малый?— Онъ ударилъ по плечу мальчугана лѣтъ двѣнадцати.—Ты какъ,—не норовишь въ депутаты, нѣтъ? Роль бравый ораторъ, но онъ-же и хорошій сапожникъ, и ты, мой парень, тоже сапожникъ. Поиграй только языкомъ, какъ Роль, и, ей Богу, я подамъ за тебя голосъ.

Проходящій рабочій посмѣялся шуткѣ.—А что-жъ,—вмѣшался онъ,—и я подамъ, ха-ха! Ого! теперь я не дуракъ.— Онъ громко расхохотался.—Господа, три года тому назадъ я подавалъ за Бисмарка. Понимаете? Онъ и не баллотировался! Вхожу это я въ собраніе, стоитъ человѣкъ, что-то говоритъ, потомъ другой человѣкъ стоитъ и говоритъ, и опять первый. А я, какъ болванъ, хлопаю ушами и ни чорта не понимаю. Слышу баллотируются. „Господа, кто за кого, пишите!" А я на бумажкѣ и строчу: „Бисмаркъ".

Смѣхъ самый живой и добродушный раскатился въ отвѣтъ. Маленькая группа, съ жизнерадостнымъ ткачемъ съ вывернутыми ногами, прошла мимо и смѣшалась съ толпой.

Галеви не сводилъ глазъ съ небольшой группы, въ центрѣ которой стоялъ Роль, о чемъ-то оживленно бесѣдовавшій съ Вольфомъ. „Роль—сапожникъ?"—чуть не въ сотый разъ повторялъ онъ, не сводя глазъ съ оратора. Какая голова! Сколько энергіи, силы! Какая свобода и достоинство движеній, какая честная, умная улыбка! Что-то оригинальное въ осанкѣ, подмѣченное имъ и раньше, теперь въ простой бесѣдѣ ярче выступало наружу. Что-же это, печать ре-

месла, какого? За кого принялъ-бы онъ его, встрѣтивъ въ частномъ домѣ, онъ не знаетъ, но въ эту минуту, здѣсь, въ этомъ залѣ, онъ ясно видитъ, что передъ нимъ новый типъ человѣка, неизслѣдованный имъ, невѣдомый ему и въ то же время чувствующій себя тутъ, какъ дома, въ своей стихіи, въ своей сферѣ!.. Что-же создало этотъ новый типъ? Откуда онъ, съ какой невѣдомой ему планеты?

Отъ духоты-ли пропитаннаго пылью и пòтомъ воздуха отъ недавней-ли болѣзни, у Галеви закружилась голова, и онъ вдругъ почувствовалъ, что земля точно отдѣлилась отъ его подошвъ, и медленно опустилась внизъ, утопая въ бездонномъ пространствѣ.

— Ist der Herr unwohl?—глухо раздался надъ самымъ его ухомъ участливый голосъ.

Галеви очнулся и его еще мутный взглядъ упалъ на безцвѣтное, золотушное лицо, низко наклонившееся надъ нимъ. Непріятное дыханіе обдавало его.

— Danke... bitte, lassen sie... ich danke... Aber lassen sie doch!—вдругъ вскрикнулъ онъ, брезгливо и энергично освобождая свой локоть...—Извините...—прибавилъ онъ, спохватившись.

Онъ провелъ рукой по глазамъ, въ которыхъ все начинало мелькать, и невѣрными шагами направился къ выходу.

Залъ почти опустѣлъ, когда Вольфъ вспомнилъ, что пора домой. Онъ оглядѣлся вокругъ, ища своего друга, но его уже не было. Онъ не нашелъ его и на улицѣ, не смотря на неоднократный зовъ. Потоптавшись еще съ минуту, Вольфъ снова пожалъ плечами и, заложивъ руки въ карманы, быстро пошелъ домой.

Поднимаясь безъ свѣчи и спичекъ по узкой, темной лѣстницѣ своей квартиры, онъ не замѣчалъ ни тьмы, ни кривизны, ни ветхости ея. „Занятно жить на свѣтѣ!"—Такимъ восклицаніемъ заключилъ онъ свой подъемъ на седьмой этажъ, но вспомнивъ, что живетъ на шестомъ, добродушно помянулъ чорта и спустился ниже. Нащупавъ свою дверь, онъ старался всунуть ключъ въ замочную скважину, но что-то мѣшало ему: то были спички, вложенныя въ отверстіе заботливой рукой. Онъ зажегъ одну и нашелъ свѣчу, поставленную въ уголъ. Съ лицомъ, освѣщеннымъ улыбкой и зажженной свѣчей, онъ вступилъ въ переднюю, миновалъ мастерскую и проникъ въ маленькую комнату. Онъ тихо подошелъ къ постели, гдѣ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, спала его жена. Она не проснулась отъ его близости, не проснулась и тогда, когда онъ подсѣлъ къ ней, стараясь пристально устремленнымъ взглядомъ разбудить ее. Лишь когда онъ положилъ свой подбородокъ къ

ней на плечо и шепнулъ ласково: „Мира“, — она повернулась къ нему и сквозь сонъ обвила руками его шею.

— Куда ты сегодня пропалъ... на цѣлый день!—нѣжно сказала она.—А я уже безпокоилась. Ты не голоденъ? Тамъ въ шкафу твой обѣдъ, а чай... Погоди, я сейчасъ подогрѣю.

— Ты жаденъ, какъ волкъ,—сказала она, когда онъ принялся за обѣдъ.—Неужели ты съ ухода ничего не ѣлъ?

— Ничего. Я только теперь вспомнилъ объ этомъ.

— Представь, Воля, приходилъ Риндгофъ и еще два художника. Они возмущены твоею агитаціей. Они говорятъ, что это глупость и нахальство иностранца... варвара... и что ты все равно ничего не добьешься.

— Тогда о чемъ-же они хлопочутъ?

— Они пристали съ вопросомъ, кто тебѣ позируетъ? Я сказала,—натурщики. Они хохотали...

— Идіоты!

— Они грозятъ, Воля...

— Чѣмъ это? Все пустяки! Оставимъ это! Слушай, Мира, я хочу съ тобой поговорить. Мой визитъ къ Галеви кончился вѣдь ничѣмъ.

— Что ты!.. Я этого боялась...

— Правда, онъ приказалъ слугѣ принять Сендера, если мальчикъ еще придетъ, но изъ этого ничего не выйдетъ.

— Если, однако, онъ уже согласенъ его принять...

— Гмъ!.. Я-бы не прочь подсмотрѣть свиданіе... Душа, стихійно рвущаяся кверху, и ея идеалъ, замерзающій на вершинѣ!..

— Я не понимаю...

— Изъ этого ничего не выйдетъ, Мира. Слушай, я рѣшилъ взять Сендера къ намъ.

Лицо Миры сразу затуманилось.

— Ты недовольна? Ты думаешь, трудно будетъ втроемъ?

— Не этого я боюсь... Вотъ видишь, Воля, мы полгода женаты... да и сколько-бы мы ни жили вмѣстѣ, всегда намъ захочется быть наединѣ, совсѣмъ однимъ, такъ чтобы ни чужое ухо, ни чужой глазъ не заставляли насъ откладывать то, что хочется высказать сейчасъ. Въ большой квартирѣ, гдѣ много комнатъ,—конечно... А тутъ, въ этихъ двухъ клѣткахъ да еще проходныхъ... Да и онъ самъ, я увѣрена, будетъ чувствовать себя тяжело.

— Такъ-то все это такъ, но все-же надо это сдѣлать.

— Почему-же только для него? Тогда и для другого, и третьяго!

Въ голосѣ Миры зазвучала досада.

— Мира, ты еще не видѣла Сендера, потому и говоришь.

— А ты? Ты встрѣтилъ его всего разъ!

— Ты думаешь, этого мало?

Вольфъ задумчиво поднялся со стула и, вѣрный своей привычкѣ, зашагалъ по комнатѣ. Остановившись раза два передъ одной изъ своихъ картинъ, онъ машинально взялъ кисть, разсѣянно сдѣлалъ обратнымъ ея концомъ двѣ, три линіи по полотну и выпустилъ ее изъ рукъ. Потомъ, подойдя къ Мирѣ сзади, положилъ обѣ руки на ея плечи.

— Почему погибаютъ „другіе и третьи", почему погибаетъ Галеви?—неожиданно произнесъ онъ.

— Галеви? Какъ!

Она вся повернулась къ нему.

— Какіе у тебя глаза, Вольфъ... О чемъ ты думаешь?

Вольфъ снялъ руки съ ея плечъ. Онъ выпрямился и, сжавъ брови, съ минуту смотрѣлъ прямо передъ собой. Казалось, предъ нимъ проносились какія-то картины. Потомъ онъ наклонился и облокотился о спинку ея стула.

— Мира,—сказалъ онъ съ странной рѣшимостью,—надо, чтобъ они не погибали!

— „Надо, надо",—какъ будто это отъ насъ съ тобой зависитъ!

Она взяла полотенце и стала перетирать чашки, поглядывая исподлобья на взволнованно шагавшаго мужа.

— Вольфъ...—начала она.

Онъ остановился.

— Такъ если это рѣшено...

— Конечно, рѣшено!

— Что-жъ ты сердишься?.. Я не противлюсь...

Онъ приблизился къ ней съ слегка вспыхнувшимъ лицомъ.

— Другъ мой, но ты все еще грустна...

— Я тебѣ сказала...

— Ну, вотъ! А Маузеръ!.. Ты о немъ забыла? Вѣдь онъ скоро пріѣдетъ! И у насъ еще будутъ комнаты, отдѣльныя комнаты, и обширная мастерская, и библіотека, открытая для всѣхъ, и ванная... У насъ будетъ домъ, собственный домъ, слышишь?

— Ужъ не на Ludwig-ли Strasse?—съ веселой ироніей спросила Мира.

— На ея продолженіи: въ предмѣстьи Швабингенъ,— серьезно отвѣтилъ Вольфъ.

— А нашему маленькому или маленькой... вотъ онъ, кажется, стучитъ и спрашиваетъ.

Оба разсмѣялись.

— Пусть спитъ спокойно: мы создадимъ ему здоровыя условія, ручаюсь.

Лицо Миры вдругъ сдѣлалось чрезвычайно сосредоточеннымъ и серьезнымъ.

— Знаешь, Вольфъ—сказала она,—мнѣ сдается, ты увлекаешься.

— Увлекаюсь? Я?

— Не храбрись, ты еще не знаешь, что такое „маузеровщина.“

— Ея-то я не боюсь.

— А я боюсь... и вообще этой твоей... жизни!

— Но почему-же? Развѣ я не слѣжу за ней, какъ за врагомъ, и не люблю ее, какъ друга? Развѣ я вступаю въ нее неподготовленнымъ? Развѣ я болѣе слабый звѣрь, чѣмъ всѣ прочіе вокругъ меня? Или я хуже вооруженъ?.. Смотри! У меня есть кулаки и локти, и зубы... у меня есть глаза, понимаешь? О, мы помѣряемся! Обопрись, если ты слаба, поддержи, если ты сильна. Ну, Мира, руку!

Супруги Леви долго еще строили широкіе планы на отдаленное будущее, прежде чѣмъ вспомнили, что пора спать. Они уснули крѣпко, и ихъ не разбудило даже высоко поднявшееся солнце, черезъ открытую дверь спальной оно, такое улыбающееся, теплое и ласковое, ворвалось цѣлымъ снопомъ лучей и сіяло, и сверкало на уже вполнѣ законченной картинѣ „Пробужденіе“.

Громкій стукъ въ дверь заставилъ ихъ очнуться, а Вольфа быстро вскочить на ноги, наскоро накинуть на себя платье и отперетъ дверь.

Блѣдный, запыхавшійся передъ нимъ стоялъ Галеви.

— Вы?!—воскликнулъ Вольфъ, отступая.—Что случилось?

— Леви, скорѣе! Онъ покушался на самоубійство...

— Кто?

— Сендеръ.

— Какъ, откуда вы знаете?

— Ко мнѣ сейчасъ вбѣжалъ какой-то человѣкъ, по виду красильщикъ, сообщилъ мнѣ это, плюнулъ и выбѣжалъ вонъ.

— Чего же онъ хотѣлъ?

— Очевидно, ничего болѣе... Я хотѣлъ догнать его, но покуда я приходилъ въ себя, онъ хлопнулъ дверью и исчезъ. Я выбѣжалъ за нимъ на улицу, звалъ его, но онъ былъ далеко впереди и скрылся за угломъ. Извозчика, какъ на зло, не было, но я уже не могъ остановиться, и вотъ я прибѣжалъ къ вамъ, за вами.

— О, Боже мой!.. Постойте... войдите... Какъ вы взволнованы, дрожите! Присядьте на минуту вотъ тутъ... Выпейте воды... успокойтесь... мы сейчасъ ѣдемъ!

— Вѣдь вы знаете, гдѣ онъ? Такъ ѣдемте! Я хочу его взять, пріютить, усыновить, если нужно, все, все, что угодно! Одѣвайтесь, берите шапку, не медлите!

Легкіе шаги послышались на лѣстницѣ и въ ту же ми-

нуту, не постучавшись, вошелъ Сендеръ. Озираясь вокругъ, съ разлившимся по лицу румянцемъ и съ какой-то сконфуженной улыбкой онъ подошелъ къ Вольфу и остановился передъ нимъ.

Вольфъ схватилъ его руку.

— Какъ хорошо, что вы пришли!—сказалъ онъ,—но почему же вчера вы не сдержали слова? Меня хоть и не было дома, но моя жена весь вечеръ ждала васъ.

Мальчикъ съ тоскою поглядѣлъ передъ собой и, слегка отвернувшись въ сторону, сказалъ:

— У меня болѣла голова...

— А сегодня не болитъ? — ласково вмѣшалась Мира. Сендеръ взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

— Подите сюда,—продолжала Мира,—садитесь! Ну, что вы на меня такъ смотрите?

— Кто это?—едва внятнымъ шопотомъ обратившись къ Вольфу, спросилъ Сендеръ.

Мира разсмѣялась.

— Да я жена его, хозяйка, садитесь! А вотъ это нашъ другъ Галеви, тотъ самый великій художникъ, котораго вы такъ искали...

— Мира!—остановилъ ее Вольфъ. Но было уже поздно. Сендеръ задрожалъ съ головы до ногъ и, отступивъ, остановилъ свой взглядъ на человѣкѣ, который столько лѣтъ былъ для него святыней... Такъ вотъ оно, это солнце, это божество! блѣдное, растрепанное, безпокойно, виновато подавшееся къ нему, заглядывающее въ глаза... Изъ-за этого-то жалкаго, маленькаго человѣка... такого же, какъ всѣ... столько душевныхъ терзаній и мукъ? Это Галеви, это?.. Самое глубокое, наивное изумленіе и разочарованіе, граничащее съ брезгливостью, цѣликомъ отразились во всей его нервной и тоненькой фигуркѣ.

Вдругъ какая-то дрожь, дрожь негодованія и отвращенія явственно пробѣжала по всему его тѣлу, и онъ повернулся къ Галеви спиной... И въ ту же минуту, прислонясь къ стѣнѣ, какъ обиженный ребенокъ, онъ зарыдалъ неудержимыми слезами, и все его хрупкое тѣло, облеченное въ комичный, длинный еврейскій лапсердакъ, было такъ смѣшно и трогательно забавно, что Галеви, полный захватывающей жалости, съ громкимъ нервическимъ смѣхомъ схватилъ его руку. Сендеръ быстро выдернулъ руку и, блестя своими черными глазами, гнѣвно выпрямился и повернулся къ нему.

— Не трогайте! — закричалъ онъ.—Вамъ смѣшно? Ступайте, рисуйте свои картины и скажите своему лакею, чтобы онъ вралъ получше!

Галеви сразу оборвалъ свой смѣхъ и отступилъ отъ него,

а Сендеръ метнулся въ спальную, забился на неоправленную еще кровать Миры и, не шевелясь, почти не дыша, сидѣлъ въ этой комнатѣ. Онъ не двинулся съ мѣста и тогда, когда до него донесся шумъ. Мира вбѣжала въ спальную, схватила графинъ и снова выбѣжала вонъ. Незнакомое слово „припадокъ“ коснулось его уха, которое все слышало и ничего не воспринимало. Лишь когда все стихло и смолкло, и Мира, войдя къ нему, клятвенно увѣрила, что Галеви уже нѣтъ въ домѣ, онъ разжалъ пальцы, вцѣпившіеся въ рѣшетку кровати и, медленно вставъ на ноги, послѣдовалъ за нею.

Три мѣсяца спустя художественный міръ Мюнхена былъ сильно взволнованъ газетнымъ сообщеніемъ, что извѣстный художникъ Самсонъ Галеви, недавно уѣхавшій въ южную Францію, былъ привезенъ изъ Monte-Carlo въ состояніи остраго умопомѣшательства и прямо помѣщенъ испуганной супругой въ домъ умалишенныхъ. Странная форма его умопомѣшательства: желаніе умереть и представленіе, что смерть уже идетъ, странныя слова и особенно брошенная имъ фраза: *„постигаю любовь, умираю отъ неумѣнія любить“*, дали поводъ ко всевозможнымъ предположеніямъ и догадкамъ: одни утверждали, что онъ жестоко проигрался; другіе ткали красивые узоры пикантнаго романа; третьи предполагали семейный разладъ, и всѣмъ это дало богатую, занятную и неизсякаемую пищу для разговоровъ въ café, въ салонахъ и за обѣдомъ въ кругу своей семьи.

За обѣдомъ же застало это извѣстіе и Вольфа. Вскочивъ со стула, не отвѣчая на вопросы Миры, онъ выбѣжалъ вонъ и, сѣвъ на извозчика, помчался къ страшному дому, заключавшему въ своихъ стѣнахъ его друга. Дрожащей рукой онъ позвонилъ, дрожащимъ голосомъ попросилъ служителя провести его къ Галеви.

— Я не знаю никакого Галеви,—отвѣтилъ ему слуга съ страннымъ выраженіемъ глазъ человѣка, слишкомъ долго прожившаго среди умалишенныхъ. — Скажите, какой вамъ нуженъ номеръ?

— Почемъ я знаю номеръ! Мнѣ нужно видѣть художника Галеви, сообщите объ этомъ смотрителю.

Вошедшій въ эту минуту докторъ слышалъ слова Вольфа.

— Пойдемте, — любезно сказалъ онъ, — я васъ провожу, онъ въ общей среди тихихъ.

— А я полагалъ, что у него буйное помѣшательство?

— Да, этимъ началось у него тамъ, за рулеткой. Онъ вскочилъ, швырнулъ стуломъ въ играющихъ и заявилъ, что онъ дьяволъ. Его схватили, связали, а онъ молилъ объ одной

минутѣ свободы, чтобы посѣять страданіе. „Вѣдь это же одно, что у меня осталось,—рыдалъ онъ,—вѣдь это же одно“!.. Привезенный сюда, онъ сразу присмирѣлъ. Онъ ведетъ себя тихо, тише и смирнѣе всѣхъ, и только все что-то пишетъ и бормочетъ, бормочетъ и пишетъ или уставится въ одну точку и думаетъ о чемъ-то.

— Онъ узнаетъ своихъ?

— Не знаю, его никто не навѣщалъ.

— Какъ? А жена?

— Она пріѣзжала сюда, но при видѣ перваго безумца, встрѣтившагося ей въ корридорѣ, упала въ обморокъ, и ее увезли домой. Съ тѣхъ поръ она не рѣшается повторить попытку. Вотъ пожалуйте въ этотъ залъ, только не пугайтесь, помните, что все это тихіе, и что я все время буду при васъ.

Онъ распахнулъ дверь, и Леви невольно вскрикнулъ отъ потрясенія. Въ высокомъ обширномъ залѣ, залитомъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, бродили страннаго вида люди въ больничныхъ халатахъ, въ бѣлыхъ колпакахъ, съ дико блуждающими глазами, въ какомъ-то протяжномъ, но не человѣческомъ гулѣ голосовъ. Молодой человѣкъ, взобравшись на круглую, какъ колонна, печь, въ театральной позѣ съ томно закрытыми глазами декламировалъ какіе-то стихи..

Сѣдой старикъ, припавъ къ этой колоннѣ и обвивъ ее руками, тихо стоналъ и покачивался всѣмъ туловищемъ, какъ бы въ тактъ ритму. Смѣхъ и слезы, жалобы, стоны, проклятія носились въ воздухѣ, переплетаясь и сливаясь въ одинъ безумный крикъ сокрушенной человѣческой души.

Съ закружившейся головой, съ сжатымъ сердцемъ Вольфъ протискался сквозь толпу и, въ сопровожденіи доктора, подошелъ къ Галеви, но тотъ не узналъ его.

Въ глубокой задумчивости, исхудалый, но спокойный, сидѣлъ онъ передъ листомъ бумаги, на которой виднѣлись какіе-то спутанные эскизы и крупная надпись:

„Одно страданіе—конкретно“.

Ира Янъ.

Діалектика и математика.

(*Fr. Engels*, Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft).

I.

По строгости своихъ методовъ, по ясности своихъ доказательствъ и по точности своихъ выводовъ, математика всегда занимала особо привилегированное мѣсто въ системѣ точнаго знанія, представляя собою недосягаемый идеалъ для другихъ научныхъ дисциплинъ. Въ глазахъ философа-математика вопросъ о пониманіи природы и всего міра явленій сводится къ сложной математической задачѣ, ибо, по словамъ Канта, „всякое естественно-научное знаніе дѣйствительно научно лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно заключаетъ въ себѣ математику". И можно смѣло сказать, что въ настоящее время никакое серьезное образованіе, въ особенности философское, немыслимо безъ знанія математики.

Будучи обильнымъ источникомъ положительнаго знанія и въ то же время могущественнымъ орудіемъ научнаго изслѣдованія, математика часто являлась ареною, на которой скрещивалось оружіе всевозможныхъ философскихъ системъ и умозрѣній. Позитивная доктрина и мистицизмъ, сомнѣніе и вѣра, критицизмъ и догматизмъ съ одинаковымъ рвеніемъ искали и — что удивительнѣе всего—всѣ, повидимому, находили въ математикѣ аргументы для защиты своей точки зрѣнія. Вполнѣ, конечно, понятно, что математика, этотъ синонимъ трезвой мысли, представлялась всегда естественной союзницей для раціоналистическаго міровоззрѣнія. Но какъ объяснить то, что математика также часто служила опорою для ирраціонализма, для философскаго скептицизма и для мистики?

Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ особыхъ методологическихъ свойствахъ математической науки и въ общемъ характерѣ изслѣдуемыхъ ею объектовъ.

Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что математика оперируетъ надъ *безконечными* терминами, надъ величинами безконечно большими и безконечно малыми. Вся высшая математика

и значительная часть низшей занимается изслѣдованіемъ количественныхъ *измѣненій*. Но измѣненія объектовъ, составляющихъ предметъ математическаго анализа,—будь это абстрактныя величины, называемыя функціями, или геометрическія протяженія, или физико-механическіе процессы, — подчинены всѣ *закону непрерывности*, молчаливо признававшемуся еще древними математиками, но впервые выраженному Лейбницемъ *). Освобожденный отъ метафизическихъ придатковъ, законъ непрерывности можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: всякое измѣненіе объекта, обнаруживающееся въ переходѣ его изъ одного состоянія въ другое, осуществляется путемъ постепеннаго и непрерывнаго перехода черезъ всѣ фазисы, промежуточные между обоими состояніями—начальнымъ и конечнымъ. Такъ, движущееся тѣло можетъ перейти изъ одного положенія въ другое, только послѣдовательно занимая всѣ промежуточныя положенія между крайними пунктами; и если движеніе происходило безъ остановокъ, то оно распространялось на всѣ моменты между началомъ движенія и концомъ его. Но съ идеею *непрерывности* тѣсно связана идея *безконечности*, ибо безконечная дѣлимость процесса обусловливаетъ безконечную дѣлимость измѣненія, и всякій непрерывный переходъ изъ одного состоянія въ другое, предполагаетъ число промежуточныхъ положеній, способное возрастать свыше всякаго предѣла **). Явленіе расчленяется на безконечно большое число безконечно малыхъ измѣненій. „Идея безконечно малыхъ величинъ,—говоритъ знаменитый математикъ Пуассонъ, — неизбѣжно является при разсмотрѣніи послѣдовательныхъ измѣненій величины, подчиненной закону непрерывности. Такъ, время возрастаетъ частями, меньшими, чѣмъ какой угодно напередъ данный малый промежутокъ. Пространство, проходимое различными точками тѣла, возрастаетъ также элементами безконечно малыми; ибо всякая точка можетъ перейти изъ одного положенія въ другое не иначе, какъ пройдя черезъ всѣ промежуточныя положенія, и задать разстояніе между двумя послѣдовательными положеніями, какъ бы мало оно ни было, нѣтъ возможности“ ***). Дѣло математика разложить явленіе на его элементы и вычислить результатъ безконечно большого числа элементарныхъ измѣненій

Положимъ, я бросаю какое-нибудь тяжелое тѣло, напримѣръ,

---

*) *Chasles*, Aperçu historique sur l'origine et le développement des méthodes en géométrie, Paris 1875, Note XXIV, p. 357—359.

**) *Hoëne Wronski*. Philosophie de l'infini, Paris 1814, стр. 40—45, 58, 60. *Его же*, Réfutation de la théorie des fonctions analytiques de Lagrange, стр. 39 etc.—*Cournot*. Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire, Tome I, Paris 1861, стр. 35, 37—38. *Его же*, Essai sur le fondement de nos connaissances, Paris 1850, стр. 391, 422—423. *Его же*. Traité de la théorie des fonctions, t. I, стр. 82—83 (Paris 1857).

***) *Poisson*. Traité de Mécanique, Bruxelles 1838, стр. 6—7.

камень, наклонно къ горизонту. Если бы на камень не дѣйствовали никакія внѣшнія силы, сверхъ сообщеннаго мною ему при бросаніи импульса, то онъ, повинуясь закону инерціи, двигался бы равномѣрно и прямолинейно по первоначальному направленію. Въ дѣйствительности же, онъ въ самомъ началѣ свободнаго полета своего въ пространствѣ получаетъ новый импульсъ отъ силы тяготѣнія; этотъ импульсъ, направленный вертикально внизъ, складываясь съ первоначальнымъ въ силу принципа сложенія силъ, направляетъ движеніе камня по діагонали параллелограмма, которая и стала бы траекторіей камня, если бы не новый импульсъ отъ силы тяготѣнія, вновь складывающійся съ прежними импульсами, чтобы направить движеніе камня по новой діагонали, и т. д. Если бы эти импульсы или толчки, слѣдовали другъ за другомъ прерывисто, черезъ опредѣленные промежутки времени, то траекторія была бы ломаною линіею. Но такъ какъ сила тяжести, дѣйствуя непрерывно, сообщаетъ въ любой промежутокъ времени камню въ сущности безконечное число толчковъ, то движеніе его будетъ криволинейное. Математическій анализъ, производящій суммированіе этого безконечнаго числа импульсовъ, доказываетъ, что траекторія, по которой движется камень, есть кривая, называемая *параболою*.

Современная математика до такой степени освоилась съ принципомъ непрерывности, идеею безконечности и соотвѣтственными аналитическими операціями, что она даже часто примѣняетъ тотъ же принципъ въ вопросахъ, возникающихъ при изученіи комплексовъ, чуждыхъ непрерывности. Такъ, напримѣръ, частичныя силы, дѣйствующія между молекулами матеріи, могли бы быть непрерывными только въ томъ случаѣ, если бы вещество было непрерывно, а не состояло, согласно атомистической теоріи, изъ атомовъ, раздѣленныхъ промежутками. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ разсчетахъ математической физики эти силы предполагаются непрерывными, изъ соображеній методологическихъ *).

Здѣсь требуется поясненіе для тѣхъ изъ читателей, незнакомыхъ съ высшею математикою, которымъ можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ изъ разсчета надъ безконечными величинами можетъ вытекать въ результатѣ величина конечная. Въ настоящее время различаютъ понятіе *относительной* безконечности (infinit, infini) отъ понятія *абсолютной* безконечности (transfinit, transfini). **). Идея относительной безконечности, которую Гегель называлъ schlechte Unendlichkeit, т. е. дурною безконечностью, является при безпредѣльномъ *возрастаніи* какой-нибудь величины свыше любого конкретнаго числа; относительная

*) *Бобылевъ*. Гидростатика и теорія упругости. Спб. 1886, стр. 8 и 11.
**) *Wundt*. Logik, B. II, Erste Abtheilung, Stuttgardt 1894, стр. 152—153. Ср. *Fontenelle*, Eléments de la Géométrie de l'Infini, Paris 1727, Préface.

безконечность представляется не только понятіемъ отрицательнымъ, получающимся въ силу противоположенія конечной величинѣ, въ силу невозможности ограничить его какимъ угодно даннымъ количествомъ, но и существенно величиною *перемѣнною*, которую мы постигаемъ *въ процессѣ ея образованія.* Такъ, напримѣръ, при безпредѣльномъ уменьшеніи какой-нибудь линіи путемъ дѣленія ея на все большее и большее число частей, мы наталкиваемся на процессъ образованія безконечно-большаго числа безконечно-малыхъ частей. Въ противоположность относительной безконечности, съ которою только математика, вообще говоря, и имѣетъ дѣло, абсолютная безконечность, постоянно игравшая роль въ метафизическихъ системахъ, представляется понятіемъ *даннымъ* и *законченнымъ* *). Далѣе, безконечныя величины носятъ въ математикѣ характеръ величинъ *вспомогательныхъ*, трактуемыхъ помощью соединенія двухъ противоположныхъ процессовъ — безпредѣльнаго увеличенія и безпредѣльнаго уменьшенія. Иначе оперированіе надъ безконечностью не могло бы давать никакихъ конечныхъ и вообще никакихъ полезныхъ результатовъ. И потому все содержаніе высшаго анализа существенно сводится къ рѣшенію двухъ вопросовъ — къ отысканію *предѣла* суммы безпредѣльно *возрастающаго* числа безпредѣльно *убывающихъ* величинъ и къ опредѣленію *предѣла отношенія* двухъ безконечныхъ—безконечно возрастающихъ или безконечно убывающихъ— величинъ **). Въ такой постановкѣ вопроса нѣтъ ничего ни противорѣчиваго, ни непостижимаго, что станетъ вполнѣ ясно изъ нижеслѣдующаго простого примѣра.

Я беру отрѣзокъ прямой линіи и дѣлю его на все большее и большее число мелкихъ частей. Здѣсь безпредѣльному *увеличенію числа частей* соотвѣтствуетъ безпредѣльное *уменьшеніе каждой части.* Но, какъ бы я ни повелъ далеко дробленіе, сумма этихъ элементовъ будетъ всегда равна длинѣ отрѣзка, которая, такимъ образомъ, представляетъ собою сумму безконечно большаго числа безконечно малыхъ величинъ. Или: я беру два отрѣзка, изъ которыхъ одинъ, напримѣръ, въ два раза больше другого; я дѣлю каждый отрѣзокъ на одно и то же число частей, которое я увеличиваю безпредѣльно. Какъ бы ни были раздроблены отрѣзки, элементъ перваго постоянно будетъ въ два раза больше второго, и число 2 будетъ, такимъ образомъ, отношеніемъ двухъ безконечно малыхъ величинъ. Тотъ же результатъ получится, если вмѣсто того, чтобы дробить отрѣзки, мы станемъ ихъ увеличивать без-

---

*) *Houël.* Cours de calcul infinitésimal t. I, Paris 1878, стр. 106—107.— Мы не говоримъ о попыткѣ Георга Кантора, математическое значеніе которой не можетъ еще нынѣ быть оцѣнено. См. *P. Tannery.* La droite transfinic (Revue philosophique, vol. 50, c. 390).

**) *Bolzano.* Paradoxien des Unendlichen, Berlin 1889, стр. 44.—*Ampère*. Essai sur la philosophie des sciences, Paris 1834, 1 partie, стр. 39.

предѣльно въ одно и то же число разъ; число два будетъ тогда отношеніемъ двухъ безконечно большихъ величинъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ предѣлъ суммы или отношенія постоянно совпадаетъ съ суммою или отношеніемъ самихъ перемѣнныхъ величинъ. Но, вообще, этого не бываетъ, и задача опредѣленія предѣла представляется несравненно болѣе сложною и трудною.

Мы намѣренно остановились съ нѣкоторою подробностью на значеніи идеи безконечности въ математическомъ анализѣ, такъ какъ именно ложное пониманіе и ошибочное примѣненіе этой идеи ведетъ къ заблужденіямъ, благодаря которымъ математикѣ чаще всего придается противо-раціоналистическое толкованіе. Ниже мы увидимъ, что попытка создать изъ математики опору для діалектики въ значительной степени основана на подобныхъ заблужденіяхъ. „Если и не всѣ парадоксы, какъ это говоритъ Кестнеръ, то ужъ навѣрное большая часть парадоксальныхъ утвержденій, на которыя мы наталкиваемся въ области математики, представляетъ положенія, которыя или непосредственно заключаютъ въ себѣ понятіе безконечности, или какимъ-либо способомъ опираются на это понятіе въ своей аргументаціи“—такъ начинаетъ Больцано свою интересную книгу о парадоксахъ безконечности *). Къ этому можно прибавить, что въ многочисленныхъ софизмахъ и заблужденіяхъ, пестрый кодексъ которыхъ представляетъ исторія метафизики и философіи, идея безконечности играла, быть можетъ, не меньшую роль, чѣмъ въ математикѣ. Организація нашего интеллекта не допускаетъ, напримѣръ, ограниченія идей пространства, времени и причинности: мы не можемъ представить себѣ міръ, ограниченнымъ въ пространствѣ и времени, либо мыслить себѣ цѣпь причинъ, какъ пресѣкшуюся на одномъ изъ ея звеньевъ. Сама по себѣ идея безконечности, органически связанная съ человѣческимъ духомъ, не представляетъ изъ себя ничего мистическаго или противорѣчиваго, если только не стремиться мыслить относительную безконечность,—характеризуемую самымъ процессомъ образованія,—какъ нѣчто положительное и законченное. Вундтъ, напримѣръ, доказываетъ, что математическія антиноміи Канта основаны на смѣшеніи двухъ опредѣленій безконечности, которая въ тезахъ берется какъ абсолютная (transfinit), а въ антитезахъ какъ относительная (infinit) безконечность **). Но бѣда въ томъ, что идея относительной безконечности, именно въ виду присущаго ей отрицательнаго характера и незаконченности, неизбѣжно оставляетъ въ насъ чувство неудовлетворенности, съ которымъ слѣдовало бы

*) *Bolzano.* Paradoxien des Unendlichen, Berlin 1889, c. 1.

**) *Wundt.* Kant's kosmologische Antinomien und das Problem der Unendlichkeit (Philosophische Studien, B. II, Leipzig 1885, c. 519—520).

мириться такъ же, какъ мы миримся съ несовершенствомъ организаціи, которою насъ надѣлила природа. И, къ сожалѣнію, слишкомъ часто является стремленіе превратить идею безконечности въ опредѣленное, законченное понятіе съ готовымъ содержаніемъ, т. е. мыслить немыслимое, и тогда эта идея почти фатально облекается въ теологическіе аттрибуты; или же, изъ невозможности закончить безконечный рядъ, умозаключаютъ къ „бренности" нашего знанія вообще, или къ выводамъ „по ту сторону науки". Въ первомъ случаѣ приходятъ къ мистицизму, во второмъ—къ скептицизму, который нерѣдко граничитъ съ мистицизмомъ.

Нужно-ли доказывать сродство ложно понятой идеи безконечности съ духомъ мистицизма? Трудно найти такой трактатъ о *математической безконечности*, гдѣ не проявилось бы сплетеніе матеріаловъ философскихъ съ матеріалами теологическими. Что касается философскаго скептицизма, то та же идея играла существенную роль еще въ аргументаціи греческихъ скептиковъ. Такъ, Секстъ Эмпирикъ доказывалъ непостижимость идеи причинности на томъ основаніи, что каждая причина имѣетъ свою причину, и т. д. до безконечности; „но дать безконечную цѣпь причинъ невозможно,—слѣдовательно, невозможно съ увѣренностью утверждать, что что-либо можетъ быть причиною чего-нибудь другого" *). Изъ подобнаго же злоупотребленія идеею безконечности вытекаетъ признаніе въ ученіяхъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ философовъ цѣлой области „непознаваемаго" съ соотвѣтственными мистическими аксессуарами.

Въ философіи математики существуетъ школа (финитизмъ), относящаяся совершенно отрицательно къ рецепціи безконечности въ математикѣ, въ виду того мистическаго тумана, въ который эта идея, по мнѣнію финитистовъ, облекаетъ методы и выводы анализа. Еще Лагранжъ пытался перестроить дифференціальное исчисленіе на новыхъ основахъ, безъ помощи предѣловъ и безконечныхъ величинъ. Огюстъ Контъ считалъ концепцію безконечно малыхъ, предложенную Лейбницемъ, совершенно ложной въ смыслѣ логическомъ **). Но особенно энергичную кампанію не столько противъ методовъ, сколько противъ истолкованія ихъ „при свѣтѣ безконечности", открылъ Ренувье, глава французскаго нео-критицизма; онъ съ особенною силою настаиваетъ на мистическомъ характерѣ безконечности, требуетъ изгнанія безконечныхъ терминовъ изъ математики и доказываетъ, что выводы, основанные на исчисленіи безконечно малыхъ, представляютъ въ сущности лишь неопредѣленное приближеніе къ точнымъ результа-

*) *Sexti Empirici* Institut. Pyrron., Lib. 3, Cap. III et VIII.

**) *Aug. Comte.* Cours de la philosophie positive, t. I. стр. 194—195. (IV. édit., Paris 1877).

тамъ *). Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ спора между финититстами и инфинитистами. Достаточно будетъ замѣтить, что споръ не чуждъ существенныхъ недоразумѣній и отчасти сопровождается тѣмъ, что Кантъ называлъ „выплескиваніемъ изъ ванны ребенка вмѣстѣ съ грязною водою". Въ смыслѣ же раціонализированія науки слѣдуетъ признать, что финитизмъ, въ сущности не менѣе непонятный, чѣмъ трансфинитизмъ, даетъ не меньше поводовъ къ супра-натуралистическимъ истолкованіямъ науки, чѣмъ этотъ послѣдній. Въ самомъ дѣлѣ, что такое изъ себя представляетъ знаменитое космологическое доказательство, какъ не искусственное и произвольное обрубаніе безконечной лѣстницы причинъ, въ интересахъ законченности идеи? Именно по поводу этого доказательства Шопенгауэръ остроумно выразился, что законъ причинности не есть извозчикъ, котораго можно отпустить, доѣхавъ куда слѣдуетъ. Любопытно, что Коши, знаменитый математикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усердный католикъ, „математически" доказывалъ сотвореніе міра на основаніи невозможности допущенія безконечно-большого числа; а его ученикъ, аббатъ Муаньо, въ свою очередь довольно извѣстный математикъ, развивалъ ту же мысль Коши, подкрѣпляя математическія доказательства цитатами изъ псалмовъ **). Если же, во избѣжаніе подобныхъ „доказательствъ", финитизмъ вводитъ, взамѣнъ безконечныхъ величинъ, величины конечныя, но неопредѣленно возрастающія или убывающія, то, въ концѣ концовъ, окажется труднымъ провести разницу между подобными величинами и относительною безконечностью. Возможность логическихъ злоупотребленій лежитъ не въ терминахъ, а въ крайне деликатной природѣ концепціи безконечности и, конечно, въ субъективной природѣ самихъ изслѣдователей.

Другая основная черта математики, имѣющая отношеніе къ интересующему насъ вопросу, заключается въ томъ, что она оперируетъ надъ *идеальными* величинами, по отношенію къ которымъ конкретные объекты, по выраженію Даламбера, могутъ представлять лишь ассимптотическое приближеніе. Въ природѣ нѣтъ тѣхъ совершенныхъ точекъ, линій, поверхностей и тѣлъ, съ которыми имѣетъ дѣло геометрія. Гауссъ, напримѣръ, опредѣлялъ поверхность, какъ тѣло, безконечно тонкое въ одномъ изъ своихъ измѣреній ***). Подобно тому, какъ другія области точнаго знанія, напримѣръ, физика, для облегченія изслѣдованія упрощаютъ изучаемыя ими конкретныя комбинаціи пренебреженіемъ множества второстепенныхъ факторовъ, мало вліяющихъ

*) *Renouvier.* Les labyrinthes de la Métaphysique (Critique philosophique, 6-ième année, въ особенности, № 46, стр. 313).

**) *Moigno.* Impossibilité du nombre infini et ses conséquens. Demonstration mathématique du dogme de la création etc., Paris. 1863. стр. 3—7.

***) *Gauss.* Disquisitiones circa superficies curbas, XIII.

на результатъ, или прибѣгаютъ къ искусственно-лабораторнымъ комбинаціямъ, гдѣ дѣйствуетъ только ограниченное число факторовъ,—такъ и геометрія, идя еще далѣе, идеализируетъ самые простые, самые основные элементы протяженія, *строя* ихъ въ чистой и совершенной формѣ, неосуществимой въ дѣйствительномъ мірѣ явленій. И въ несоотвѣтствіи между идеальными геометрическими формами и конкретною дѣйствительностью часто усматривается противорѣчіе, которое кладется въ основу противораціоналистическихъ воззрѣній.

Наконецъ, въ числѣ обстоятельствъ, благопріятствующихъ использованію математики въ смыслѣ, противномъ духу раціонализма, слѣдуетъ указать на своеобразный языкъ письменныхъ и словесныхъ знаковъ, языкъ символовъ и терминовъ, спеціально выработанный математикою и игравшій огромную роль въ прогрессивномъ развитіи этой науки. „Языкъ анализа,—говоритъ Лапласъ,—наиболѣе совершенный изъ всѣхъ языковъ, является самъ по себѣ могущественнымъ орудіемъ открытій, и его знаки, когда они необходимы и счастливо придуманы, суть зародыши новыхъ вычисленій“ *). Математическіе символы до такой степени упрощаютъ многосложныя операціи, что, по выраженію одного писателя, въ математикѣ „символы мыслятъ“ **). Внутренняя логика символовъ побуждаетъ ихъ становиться все отвлеченнѣе и общѣе. Беркли, извѣстный философъ-идеалистъ и ярый противникъ метода безконечно-малыхъ, отзывался о символахъ, введенныхъ Ньютономъ и Лейбницемъ, какъ о „привидѣніяхъ скончавшихся количествъ“. Одинъ символъ становится общимъ для различныхъ операцій, ничего общаго между собою первоначально не имѣвшихъ, какъ, напримѣръ, употребленіе въ алгебрѣ отрицательныхъ и дробныхъ показателей. Кромѣ самостоятельныхъ ошибокъ, вполнѣ естественныхъ въ процессѣ прогрессирующаго отвлеченія, является опасность ложной философской интерпретаціи математическихъ методовъ или выводовъ, основанная на *смѣшеніи словъ*. Исторія заблужденій, какъ извѣстно, весьма часто бываетъ исторіей словъ. Математическій символизмъ и математическая терминологія создаютъ благопріятную почву для незаконныхъ экскурсій въ область ирраціонализма и мистицизма.

---

*) *Laplace.* Mémoire sur les intégrales définies et leur application aux probabilités (Oeuvres complètes, 1898, Vol. XII, стр. 360).

**) Монтюкла разсказываетъ въ своей «Histoire des Mathématiques», что въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Парижѣ давался водевиль подъ названіемъ «Безконечно малыя», гдѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ фигурировалъ математикъ Лопиталь, много работавшій надъ... безконечно малыми. Изъ этого видно, до какой степени, въ первое время послѣ открытія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, новые методы и ихъ результаты волновали умы и дѣйствовали на воображеніе.

Мы увидимъ, что въ попыткѣ опереть діалектику на математику всѣ указанныя причины играли немаловажную роль.

II.

Энгельсъ, какъ извѣстно, находитъ уже основныя начала діалектики, „высшей формы мышленія“, въ ученіяхъ греческихъ философовъ. Окидывая умственнымъ взоромъ природу, либо человѣческую исторію, либо свою собственную духовную дѣятельность, мы видимъ безконечный узелъ зависимостей и взаимодѣйствій, мы видимъ, какъ все движется, измѣняется, возникаетъ и исчезаетъ. „Это первобытное, наивное, но въ сущности вѣрное міровоззрѣніе принадлежитъ древне-греческой философіи и въ первый разъ ясно было высказано Гераклитомъ: все существуетъ и не существуетъ одновременно, ибо все *течетъ*, все находится въ состояніи вѣчнаго измѣненія, вѣчнаго возникновенія и исчезновенія“ *).

Если оставить въ сторонѣ *философскій анализъ* самого измѣненія, или движенія, принимая его какъ элементарный фактъ, и *законъ* этого измѣненія,—то подобное пониманіе природы и міра явленій, какъ *процесса развитія*, является въ сущности *эволюціоннымъ* міровоззрѣніемъ,—въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова—ничего спеціально діалектическаго въ себѣ не заключающимъ. Когда эволюціонная доктрина чужда мистическихъ и телеологическихъ ингредіентовъ, то она представляетъ большую философско-научную цѣнность. Съ другой стороны, безъ пониманія природы, какъ грандіозной системы движеній, были бы невозможны ни механическая теорія міра, ни „міровая формула“ Лапласа, ни научная утопія Дюбуа-Реймона. Конечно, въ этомъ отношеніи неизбѣжны оговорки, касающіяся либо возникающихъ трудностей психологическихъ, либо постоянства физико-механическихъ нормъ, управляющихъ движеніемъ, либо возникновенія комбинацій, обладающихъ устойчивымъ движеніемъ, — вродѣ той устойчивости, которую, въ теоріи В. Томсона, проявляетъ атомъ матеріи, какъ эфирное вихревое кольцо въ эфирѣ,—и т. д. Но всѣ эти и тому подобныя соображенія могутъ являться по поводу недостатковъ—дѣйствительныхъ или мнимыхъ — доктрины, какъ научной теоріи, а не по поводу противо-раціоналистическихъ элементовъ, присущихъ діалектикѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Какъ мы только-что видѣли, заслуга ясной формулировки основного принципа діалектики приписывается Энгельсомъ Гераклиту. Но Гегель, вслѣдъ за Аристотелемъ, называетъ родона-

*) *Engels*. Anti-Dühring, Leipzig 1877, стр. 4.

чальникомъ діалектики элеата Зенона *). Съ другой стороны, какъ справедливо замѣчаетъ Брошаръ, аргументація, выдвинутая греческими скептиками въ вопросѣ о движеніи, большею частью заимствована ими у того же Зенона **). Казалось бы, что можетъ быть общаго между основною точкою зрѣнія Гераклита, признававшаго движеніе существеннымъ принципомъ природы, точкою зрѣнія элеатовъ, отвергавшихъ видимое движеніе вслѣдствіе присущей ему противорѣчивости, и, наконецъ, скептицизмомъ школы Пиррона, считавшей движеніе непостижимымъ и высказывавшейся за абсолютное сомнѣніе въ области изслѣдованія міра явленій? И какъ можно было примирить въ одной системѣ столь разнородныя тенденціи? Этого достигла новѣйшая діалектика тѣмъ, что она не только признала измѣненіе, или движеніе, основнымъ принципомъ міра, подобно Гераклиту, что она не только признала движеніе противорѣчивымъ, подобно элеатамъ и скептикамъ, но и смѣло выставила *начало противорѣчія* основнымъ закономъ бытія и мышленія. Въ этомъ конфликтѣ съ логическимъ закономъ противорѣчія и заключается главная противо-раціоналистическая черта діалектики.

Энгельсъ различаетъ два типа мышленія — метафизическое и діалектическое. „Для метафизика вещи и ихъ отраженія въ мысли, понятія, представляются разъединенными, мыслимыми одинъ вслѣдъ за другимъ и одинъ безъ другого, твердыми, застывшими, разъ навсегда данными предметами изслѣдованія.. Для него вещь существуетъ или не существуетъ: вещь не можетъ быть одновременно самою собою и другою вещью. Положительное и отрицательное взаимно исключаютъ другъ друга; точно также причина и дѣйствіе рѣзко противополагаются другъ другу“ ***). Но метафизическое міровоззрѣніе, присущее такъ называемому здравому смыслу человѣка, законное и даже необходимое въ приличествующей ему области, „въ концѣ концовъ, однако, наталкивается на границу, по ту сторону которой оно становится одностороннимъ, ограниченнымъ, абстрактнымъ и запутывается въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, такъ какъ оно изъ-за отдѣльныхъ вещей не видитъ ихъ взаимной зависимости, за ихъ существованіемъ—ихъ возникновенія и исчезновенія, за ихъ покоемъ—ихъ движенія, такъ какъ оно изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса“ ****). Но для діалектики, существенно разсматривающей вещи и понятія въ ихъ взаимной связи, въ ихъ сплетеніи, въ ихъ движеніи, въ ихъ возникновеніи и исчезновеніи, подобныя противорѣчія

*) *Hegel.* Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, B. I, Berlin 1833, стр. 302.

**) *Brochard.* Les sceptiques grecs, Paris 1887, стр. 354.

***) *Engels.* Anti-Dühring, стр. 5.

****) Ibid., стр. 6.

составляютъ подтвержденіе ея собственнаго міросозерцанія. „Природа является пробою для діалектики, и мы должны отдать справедливость новѣйшему естествовѣдѣнію, что оно для этой пробы доставило крайне богатый, съ каждымъ днемъ умножающійся матеріалъ и тѣмъ доказало, что въ природѣ, въ послѣдней инстанціи, все происходитъ діалектически, а не метафизически“ *).

Итакъ, анализируя явленія, діалектика всюду находитъ, въ послѣднемъ счетѣ, начало противорѣчія. Противорѣчіе характеризуетъ внутреннюю — мы готовы были сказать метафизическую — природу всякаго процесса, всякаго измѣненія, всякаго движенія, разсматриваемаго діалектически. Но каковъ динамическій законъ процессовъ, входящихъ въ составъ міра, какъ развивающагося комплекса? Діалектика усматриваетъ его въ законѣ *отрицанія отрицанія*, крайне важномъ и общемъ „законѣ развитія природы, исторіи и мысли, законѣ, который... находитъ себѣ примѣненіе въ мірѣ животномъ и растительномъ, въ геологіи, въ математикѣ, въ исторіи, въ философіи“ **). Энгельсъ въ своей книгѣ противъ Дюринга не даетъ общаго опредѣленія закона „отрицанія отрицанія“, ограничиваясь отдѣльными примѣрами. Сущность этого закона такова. Каждое явленіе развивается изъ низшаго состоянія въ высшее путемъ перехода черезъ правильный въ извѣстномъ отношеніи рядъ промежуточныхъ фазисовъ. Первоначальное состояніе, характеризуемое опредѣленнымъ содержаніемъ, смѣняется послѣдующимъ, типическое содержаніе котораго противоположно предыдущему; въ этомъ смыслѣ второй фазисъ является отрицаніемъ перваго. Наступаетъ новый фазисъ, противоположный предыдущему, и, слѣдовательно, происходитъ отрицаніе отрицанія. Но заключительный фазисъ является не простымъ возвратомъ къ первоначальному состоянію, а сопровождается поднятіемъ объекта на высшую ступень развитія. Въ этомъ и заключается діалектическій процессъ развитія.

Если начало противорѣчія, принимаемое діалектикою, заключаетъ въ себѣ нѣчто прямо таки мистическое, то того же нельзя сказать о законѣ отрицанія, въ смыслѣ его логическаго содержанія. Но, въ смыслѣ его фактической реальности, онъ, этотъ законъ, уже a priori представляется просто *мало вѣроятнымъ*, въ виду той чрезмѣрной правильности, которая вносится имъ въ міръ явленій. Конечно, безпорядочная игра силъ природы можетъ породить даже въ царствѣ хаоса правильность, какъ продуктъ большей степени устойчивости разъ созданной комбинаціи. Но въ данномъ случаѣ *правильность* соединяется съ *цѣлесообразностью*, ибо діалектика принимаетъ *субъективныя* категоріи *высшихъ* и *низшихъ* формъ развитія. Распространеніе подобной цѣлесообраз

*) Ibid., стр. 6—7.
**) Ibid., стр. 116.

ной правильности одновременно на всю внѣшнюю природу, на міръ одушевленный и безжизненный, на человѣческую исторію и на область мысли заставляетъ a priori подозрѣвать присутствіе въ подобномъ міровоззрѣніи элементовъ *антропоморфической телеологіи*. Вотъ почему требуется самый строгій и тщательный анализъ приводимыхъ въ его пользу реальныхъ доводовъ.

Посмотримъ теперь, какой отвѣтъ даетъ математика на сдѣланное ей предложеніе—*оправдать діалектику*.

III.

„Покамѣсть мы разсматриваемъ вещи, какъ неподвижныя и безжизненныя, каждую саму по себѣ, одну возлѣ и вслѣдъ за другою, мы, безъ сомнѣнія, не наталкиваемся въ нихъ ни на какія противорѣчія... Но совершенно другое дѣло, когда мы начинаемъ разсматривать вещи въ ихъ движеніи, ихъ измѣненіи, ихъ жизни, въ ихъ взаимодѣйствіи. Тутъ мы попадаемъ въ противорѣчія. Само движеніе есть противорѣчіе; уже даже простая механическая перемѣна мѣста можетъ осуществиться лишь такимъ образомъ, что тѣло въ одинъ и тотъ же моментъ находится въ одномъ мѣстѣ и въ то же время въ другомъ мѣстѣ, что оно находится и не находится въ одномъ и томъ же мѣстѣ. И постоянное осуществленіе и одновременное разрѣшеніе этого противорѣчія и есть движеніе“ *).

Г. Бельтовъ, копирующій, какъ вѣрный „ученикъ“, Энгельса, комментируетъ приведенное утвержденіе слѣдующимъ образомъ: „Въ данную минуту движущееся тѣло находится въ данной точкѣ, но въ то же время находится и внѣ ея, такъ какъ, если бы оно находилось *только* въ ней, оно, по крайней мѣрѣ на это мгновеніе, стало бы *неподвижнымъ*. Всякое движеніе есть діалектическій процессъ, живое противорѣчіе, а такъ какъ нѣтъ ни одного явленія природы, при объясненіи котораго намъ не пришлось бы въ послѣднемъ счетѣ апеллировать къ движенію, то надо согласиться съ Гегелемъ, который говорилъ, что *діалектика есть душа всякаго научнаго познанія*“ **).

Въ данный моментъ движущееся тѣло находится въ данной точкѣ—таковъ исходный пунктъ аргументаціи діалектика. Но передъ тѣмъ какъ приступить къ разбору этой аргументаціи, необходимо поставить діалектику слѣдующій вопросъ: *что разумѣете вы подъ моментомъ*—нѣкоторый, хотя бы весьма малый *промежутокъ* времени или *точку во времени*, границу между двумя промежутками?

*) Ibid., стр. 97.

**) *Бельтовъ*. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію Спб. 1895, стр. 72.

Въ самомъ дѣлѣ, время можетъ быть нагляднымъ образомъ представлено въ видѣ безконечной линіи, каждая точка которой представляетъ мгновеніе. Пространство и время измѣняются непрерывно; движеніе, какъ процессъ измѣненія пространства во времени, также непрерывно и наглядно изображается траекторіею, т. е. линіею движенія, каждая точка которой соотвѣтствуетъ опредѣленной точкѣ первой линіи, которую мы назовемъ линіею времени. Любой части траекторіи соотвѣтствуетъ строго опредѣленная часть линіи времени; любой геометрической точкѣ первой линіи соотвѣтствуетъ опредѣленная точка второй. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что точка коррелативна точкѣ, элементъ—элементу; но никоимъ образомъ точка не можетъ соотвѣтствовать элементу, и наоборотъ. Въ противномъ случаѣ противорѣчіе неизбѣжно.

Итакъ, что понимаетъ діалектикъ подъ моментомъ? Если это—элементъ, или часть времени, то этому элементу соотвѣтствуетъ элементъ, или часть траекторіи; это значитъ, что въ теченіе даннаго, хотя бы весьма малаго промежутка времени, тѣло передвинулось по нѣкоторой, хотя бы весьма малой, но строго опредѣленной части траекторіи. Но дѣленіе любого, сколь угодно малаго элемента—времени или пространства—можетъ быть проведено до безконечности. Мы приходимъ къ тому, что въ теченіе безконечнаго числа мгновеній тѣло находилось въ безконечномъ числѣ точекъ, но что въ каждое мгновеніе оно было *въ одной*, и *только одной* соотвѣтственной, строго опредѣленной точкѣ.

Допустимъ теперь, что діалектикъ понимаетъ моментъ какъ *мгновеніе безъ продолжительности*, какъ пунктъ во времени, соотвѣтстствующій геометрической точкѣ безъ измѣреній, какъ простую границу между двумя промежутками времени. Согласно только что сказанному, движущееся тѣло въ данное мгновеніе находится въ одной, и только въ одной соотвѣтственной точкѣ.— Но въ такомъ случаѣ, скажетъ діалектикъ, тѣло „на это мгновеніе" становится неподвижнымъ.—Позвольте, возразитъ ему раціоналистъ (котораго Энгельсъ величаетъ „метафизикомъ"), на какомъ основаніи вы умозаключаете къ неподвижности? Вѣдь если вамъ поставить вопросъ, *сколько времени продолжалась неподвижность*, то вы немедленно должны будете признать, что она продолжалась *нуль времени*, мгновеніе безъ продолжительности, что эта неподвижность существовала *безъ времени*. У васъ является нѣчто вродѣ Кантовской „вещи въ себѣ", по отношенію къ которой вы примѣняете категорію пространства безъ категоріи времени. Какъ вы пришли къ этой нелѣпости? Очень просто. Вы смѣшали терминъ „находиться" съ терминомъ „покоиться" и рѣшили, что, разъ тѣло *находилось* въ данное мгновеніе въ данной точкѣ, то оно *находилось въ состояніи неподвижности*. Но какъ въ дѣйствительности различается состояніе

движенія отъ состоянія покоя? Что такое въ дѣйствительности движеніе? Это—состояніе тѣла, сопряженное съ перемѣною мѣста въ теченіе времени, это—процессъ, происходящій, какъ и всякій процессъ, во времени. Мыслить движеніе внѣ времени значитъ впасть уже въ противорѣчіе. Поэтому состояніе тѣла, какъ состояніе движенія, можетъ быть опредѣлено только въ томъ случаѣ, когда для него данъ нѣкоторый, хотя весьма малый промежутокъ времени. Когда, вмѣсто промежутка, данъ пунктъ времени, не имѣющій никакой продолжительности, то вопросъ о томъ, каково состояніе тѣла, не можетъ быть рѣшенъ: необходимо сравненіе состоянія въ данное мгновеніе съ состояніемъ въ другое мгновеніе безконечно близкое; если за этотъ промежутокъ времени произошло безконечно малое измѣненіе мѣста, то состояніе тѣла есть движеніе, въ противномъ случаѣ—оно покой. Движеніе—явленіе первообразное, которое не можетъ быть разложено на покой. Разъ движеніе дано, какъ фактъ, и разъ, слѣдовательно, извѣстно, что между двумя моментами, сколь угодно близкими, происходитъ *перемѣщеніе* тѣла, то изъ того, что тѣло въ данный моментъ *было* въ данной точкѣ, приходить къ заключенію о неподвижности въ данный моментъ — значитъ впасть въ грубый софизмъ. Чтобы избѣгнуть этого софизма, вытекающаго изъ недостаточно тонкаго анализа и изъ смѣшенія словъ, діалектику слѣдовало бы выражаться другими терминами: вмѣсто того, чтобы говорить, что движущееся тѣло въ данный моментъ *находилось* въ данной точкѣ, ему слѣдовало бы говорить, что движущееся тѣло въ данный моментъ *прошло* черезъ данную точку. Иначе діалектика легко попадаетъ въ тѣ самыя сѣти, которыя она плететъ.

Раціоналистъ могъ бы, идя дальше, притянуть къ отвѣту тотъ „моментъ“, понимаемый какъ мгновеніе безъ всякой величины, отъ котораго онъ вправѣ потребовать доказательства его права на реальное существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, мгновеніе, какъ пунктъ времени, совершенно аналогично геометрической точкѣ безъ протяженія. Какъ бы мы ни дробили промежутокъ времени или линейную длину, всегда въ результатѣ будетъ получаться весьма малый промежутокъ времени и весьма малая линейная длина, но никогда не мгновеніе безъ продолжительности и не точка безъ протяженія. Выражаясь математически, мы имѣемъ дѣло съ безконечно малымъ временемъ и съ безконечно малою длиною; предѣлъ этихъ величинъ есть нуль въ томъ смыслѣ, что уменьшеніе ихъ можетъ быть поведено такъ далеко, чтобы онѣ отличались какъ угодно мало отъ нуля. Но довести ихъ до значенія нуля мы не можемъ, ибо свойство математическаго предѣла и самое опредѣленіе его заключается въ томъ, что это— *постоянная величина, къ которой перемѣнная, въ своемъ измѣ-*

неніи, неопредѣленно приближается, никогда ея не достигая *). Въ противномъ случаѣ произошло бы осуществленіе законченной безконечности. Поэтому время не можетъ быть разложено на мгновенія безъ продолжительности, какъ линія не можетъ быть разложена на точки безъ протяженія. „Реально существуютъ только тѣла,—говоритъ Ліаръ,—поверхность, линія и точка суть предѣлы, къ которымъ стремятся тѣла, поверхности и линіи, которыхъ толщина, ширина и длина безпредѣльно убываютъ“ **). Мгновеніе безъ продолжительности—такой же идеальный и предѣльный объектъ, какъ и точка безъ протяженія. Съ этой точки зрѣнія ложность аргументаціи діалектика является въ новомъ освѣщеніи. Движеніе, безконечно дѣлимое, какъ всякій процессъ—покуда онъ имѣетъ мѣсто—и потому не могущее быть разложеннымъ на нулевые элементы, втискивается въ мгновеніе съ нулевою продолжительностью; и такъ какъ математически всѣ нули равны, какъ въ темнотѣ всѣ кошки сѣры, то немедленно дѣлается глубокомысленный выводъ, что нуль движенія равенъ нулю покоя, и, слѣдовательно, движеніе сведено на покой!

Аргументація діалектики въ защиту противорѣчиваго характера движенія ничѣмъ существенно не отличается отъ одного изъ принадлежащихъ элеату Зенону доказательствъ невозможности движенія въ силу именно заключающагося въ немъ противорѣчія. Доказательство это, извѣстное подъ названіемъ „стрѣлы“, сводится къ слѣдующему. „Покамѣсть тѣло находится въ одномъ и томъ же пространствѣ, оно остается въ покоѣ. Но летящая стрѣла въ каждое мгновеніе находится въ одномъ и томъ же пространствѣ. Она, слѣдовательно, остается неподвижною въ каждое мгновеніе своего движенія, а слѣдовательно въ теченіе всего движенія,—движеніе ея только кажущееся“ ***). Діалектика заимствовала аргументацію у Зенона и сдѣлала изъ нея только другой выводъ.

Здѣсь умѣстно будетъ разобрать Зеноново доказательство другого типа, пользовавшееся еще въ древности громкою извѣстностью подъ названіемъ „Ахиллеса“. Быстроногій Ахиллесъ не сможетъ никогда догнать черепахи, не смотря на то, что онъ бѣжитъ быстрѣе ея во много разъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы ее догнать, Ахиллесъ долженъ былъ сначала достигнуть того пункта, гдѣ она находилась, когда онъ сталъ за нею гнаться, потомъ того пункта, куда она передвинулась за истекшій межъ тѣмъ промежутокъ времени, затѣмъ того пункта, котораго она

---

*) *Duhamel*. Eléments de Calcul Infinitésimal, стр. 9.—*Ch. de Freycinet*. De l'analyse infinitésimale, Paris 1860, стр. 19—20.

**) *Liard*. Des définitions géométriques et des définitions empiriques, Paris, 1888, стр. 46.

***) *Zeller*. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwickelung, 4-e Auflage, 1-er Theil, Leipzig 1876, стр. 547.

достигла въ теченіе этого второго промежутка времени, и такъ до безконечности *). Положеніе — дѣйствительно трагическое, какъ говорилъ еще Аристотель.

Парадоксъ этотъ разрѣщается очень просто. Для того, чтобы Ахиллесъ могъ догнать черепаху, ему слѣдуетъ дать нѣкоторый опредѣленный промежутокъ времени; если же предоставленное ему время меньше необходимаго промежутка, то, какъ бы быстро онъ ни бѣжалъ, онъ ея не догонитъ, или, если угодно, *Ахиллесъ никогда не догонитъ черепахи въ теченіе недостаточнаго промежутка времени, ему предоставленнаго.* Но въ данномъ случаѣ доказательство ведется такъ, что оно предполагаетъ условія, ограничивающія время, которымъ располагаетъ Ахиллесъ, въ только что указанномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ для большей ясности, что Ахиллесъ бѣжитъ вдвое быстрѣе черепахи, что онъ дѣлаетъ два аршина въ секунду, и что ихъ вначалѣ отдѣляло разстояніе именно въ 2 аршина. Что бы пробѣжать это разстояніе въ 2 аршина, Ахиллесъ употребитъ одну секунду. Въ теченіе этой секунды черепаха удалилась впередъ на 1 аршинъ, и, чтобы пробѣжать этотъ аршинъ, Ахиллесъ употребитъ еще $1/2$ — секунды. Въ теченіе этой полусекунды черепаха сдѣлаетъ еще $1/2$ — аршина, и, чтобы пробѣжать эту половину аршина, Ахиллесъ употребитъ еще $1/4$ — секунды, и т. д. Очевидно, что время, предоставленное Ахиллесу въ подобной комбинаціи, выражается суммою геометрической прогрессіи $1 + 1/2 + 1/4 + 1/8 + \ldots$; вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что сколько бы членовъ ни взять въ этой прогрессіи, сумма ихъ всегда будетъ меньше 2-хъ, хотя она можетъ приблизиться какъ угодно къ этому предѣлу, никогда, однако, его не достигая. Иначе говоря, въ вышеприведенной постановкѣ проблемы Ахиллесу предоставлено для поимки черепахи время, возрастающее весьма малыми, прогрессивно уменьшающимися промежутками, *но остающееся менѣе 2-хъ секундъ.* Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что Ахиллесъ за это время не сможетъ догнать черепахи, ибо, при данномъ отношеніи ихъ скоростей, Ахиллесъ можетъ догнать черепаху только черезъ 2 секунды, въ теченіе которыхъ онъ сдѣлаетъ не только 2 аршина, отдѣлявшіе его первоначально отъ черепахи, но еще 2 аршина, которые черепаха успѣетъ пройти за эти 2 секунды. И когда 2 секунды, дѣйствительно, протекутъ, Ахиллесъ, дѣйствительно, догонитъ черепаху.

Единственное возраженіе, которое можетъ еще быть тутъ сдѣлано и которое относится уже къ пониманію не движенія, а времени, заключается въ слѣдующемъ: какимъ образомъ возможно истеченіе конечнаго промежутка времени, если каждому мгновенію должно предшествовать безконечное множество элементар-

*) Ibid., стр. 546.

ныхъ частей протекшаго уже частнаго промежутка? Вопросъ этотъ можетъ быть обобщенъ въ слѣдующей формѣ: какимъ образомъ возможно осуществленіе конечнаго объекта, когда въ силу его безконечной дѣлимости, онъ состоитъ изъ безконечнаго множества мелкихъ частей? Рѣшеніе вопроса заключается въ самой его формулировкѣ: безконечная дѣлимость объекта—будь это время, пространство или какой-нибудь процессъ—мыслима только при *конечной* величинѣ объекта, служащей исходнымъ пунктомъ дробленія; существованіе, напримѣръ, одной милліонной доли секунды, предполагаетъ уже необходимую реальность той секунды, частицей которой эта милліонная доля явилась. Не останавливаясь на этомъ подробнѣе, замѣтимъ только, что кажущееся затрудненіе происходитъ отъ смѣшенія безконечной дѣлимости конечнаго по величинѣ предмета съ безконечною величиною предмета *).

Аргументація Зенона подверглась въ послѣднее время новой и оживленной дискуссіи въ философской литературѣ. При этомъ для избѣжанія вывода, направленнаго противъ реальности движенія, дѣлались попытки отрицать непрерывность и безконечную дѣлимость времени и пространства, или же придумывались особыя, болѣе или менѣе глубокомысленныя теоріи движенія **). Любопытно, что знаменитый математикъ Гамильтонъ и выдающійся знатокъ греческой философіи Брошаръ считаютъ оба аргумента Зенона неопровержимыми, при чемъ оба они приводятъ въ связь неразрѣшимое, по ихъ мнѣнію, затрудненіе съ неизбѣжно здѣсь являющеюся идеею безконечности ***). Въ дѣйствительности же искусственно создаются трудности, основанныя на злоупотребленіи безконечностью.

IV.

Если вопросъ о движеніи имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ математикѣ, будучи связанъ съ нею общностью идеи непрерывности и безконечной дѣлимости, то другіе доводы въ защиту начала противорѣчія заимствованы Энгельсомъ уже изъ области математики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Эту категорію доводовъ

---

*) Ср. *L. Couturat.* De l'infini mathématique, Paris 1896, стр. 484—485.

**) *Renouvier.* Principes de la nature и Labyrinthes de la Metaphysique.—*Evellin.* Infini et quantité, Paris 1880.—*Его-же.* La divisibilité dans la grandeur, Revue de Métaphisique et de Morale, 1894).—*Lechalas.* Etude sur l'espace et le temps, Paris 1896.—*Его-же* статья въ Revue de M. et de M., 1893.—*Dunan.* Les arguments de Zénon d'Elée contre le mouvement, P. 1884.—*Delboeuf.* Essai de logique scientifique, Liége 1865, и пр.—Ср. *L. Couturat.* De l'infini mathématique, Livre IV, chap. III, и статья въ Revue de Métaph. et de Morale, Septembre 1896.

***) *John St. Mill.* An examination of Sir William Hamiltons Philosophy, London. 1865. стр. 473.—*Brochard.* Les arguments de Zénon d'Elée contre le mouvement, P. 1888, стр. 10.

составляютъ: отожествленіе кривой линіи съ прямою, противорѣчіе въ нахожденіи призводной функціи и противорѣчіе въ такихъ алгебраическихъ операціяхъ, какъ дѣйствія надъ мнимыми величинами, надъ дробными и отрицательными показателями.

„Дифференціальное исчисленіе, не смотря на всѣ протесты здраваго человѣческаго разсудка, допускаетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ тождественность прямой и кривой линіи и этимъ путемъ достигаетъ результатовъ, которыхъ никогда не произведетъ человѣческій здравый разсудокъ, упорно стоящій за безсмысленность отождествленія прямой и кривой“ *). „Это противорѣчіе, что прямая и кривая при извѣстныхъ обстоятельствахъ— одно и то же, является однимъ изъ основныхъ положеній высшей математики“ **). Таково утвержденіе Энгельса. Если бы оно было вѣрно, то этого одного было бы достаточно, чтобы дать твердую опору діалектическому принципу противорѣчія.

На чемъ основано утвержденіе Энгельса? Когда требуется опредѣлить, напримѣръ, длину кривой или площадь, ограниченную криволинейною фигурою, то въ кривую вписывается ломаная линія, состоящая изъ нѣсколькихъ хордъ, и затѣмъ число этихъ хордъ начинаютъ увеличивать безпредѣльно. Ясно, что съ увеличеніемъ числа хордъ и уменьшеніемъ самихъ хордъ, составленная изъ нихъ ломаная линія все болѣе и болѣе *приближается* къ кривой, *никогда, однако, съ нею не совпадая.* Одинъ изъ основныхъ принциповъ геометріи безконечно малыхъ и заключается въ томъ, что *кривая есть предѣлъ вписанной въ нее ломаной линіи, когда число хордъ увеличивается до безконечности.* Что кривая линія можетъ быть предѣломъ перемѣнной ломаной, состоящей изъ прямолинейныхъ хордъ, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго либо непонятнаго, ибо, какъ нѣкогда выразился П. Л. Лавровъ, и кривая, и прямая суть обѣ одинаково *линіи.* Но отсюда никоимъ образомъ не долженъ быть сдѣланъ выводъ, что ломаная линія, въ концѣ концовъ, совпадаетъ съ кривою, своимъ предѣломъ, такъ какъ основное свойство предѣла заключается, какъ выше уже было сказано, въ томъ, что это есть постоянная величина, къ которой перемѣнная неопредѣленно приближается, никогда, однако, не будучи въ состояніи ея достигнуть. Для опредѣленія, напримѣръ, длины кривой надо, слѣдовательно, вычислить *предѣлъ* суммы безконечно большого числа вписанныхъ въ эту кривую безконечно малыхъ хордъ, и этотъ *предѣлъ*, называемый интеграломъ, и выражаетъ длину кривой, какъ *предѣла* же перемѣнной ломаной; но ни одна частная сумма хордъ какой угодно вписанной ломаной не совпадаетъ съ своимъ предѣломъ-интеграломъ, какъ сама ломаная никогда не можетъ

*) *Engels.* Anti-Dühring, стр. 96—97.
**) Ibid., стр. 98.

совпасть съ своимъ предѣломъ-кривою. Говорить, слѣдовательно, что высшая математика принимаетъ тождественность кривой и прямой, какъ это дѣлаетъ Энгельсъ, значитъ совершенно игнорировать природу математическаго предѣла.

Мы уже говорили выше, что различіе въ пониманіи роли безконечности создало въ философіи математики два направленія: финитисты, исходя изъ положенія, что безконечность не можетъ быть мыслима и заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, требуютъ полной очистки математики отъ безконечныхъ терминовъ, между тѣмъ, какъ инфинитисты горячо отстаиваютъ реальность надлежаще понятой безконечности и неразрывную связь этой идеи съ операціями высшаго анализа. А такъ какъ точность вычисленія предѣловъ, составляющаго главное содержаніе высшей математики, основана именно на признаніи безконечныхъ терминовъ, то указанныя направленія естественно расходятся въ оцѣнкѣ научной строгости математическихъ выводовъ: обыкновенно инфинитисты стоятъ за абсолютную точность вычисленій, дѣлаемыхъ въ высшей математикѣ; финитисты же считаютъ ихъ приближеніемъ, хотя и приближеніемъ неопредѣленнымъ, т. е. представляющимъ ошибку, которая менѣе любой конечной, хотя бы самой малой величины *). Самъ Лейбницъ не занялъ вполнѣ опредѣленнаго положенія въ интересующемъ насъ вопросѣ. Но убѣжденными апостолами безконечности выступили въ 18-мъ вѣкѣ Бернули и Фонтенелль, а въ болѣе новое время Гоэне-Вронскій, бывшій польскій офицеръ, впослѣдствіи игравшій роль въ „мессіанизмѣ“, и Курно, извѣстный математикъ, историкъ и философъ **). Въ особенности Вронскій страстно защищалъ идею безконечности и безусловную точность связанныхъ съ нею выводовъ; онъ доказывалъ, что даже въ геніальной попыткѣ Лагранжа создать высшій анализъ, совершенно эмансипированный отъ безконечныхъ величинъ, идея безконечности заключается въ скрытомъ состояніи. Напротивъ того, Бюффонъ, въ 18-мъ вѣкѣ, и Ренувье и Койтэ, въ 50-хъ годахъ 19-го столѣтія, ревностно отстаивали точку зрѣнія финитизма и приближенный характеръ математическихъ вычисленій ***). Какова же, спрашивается, позиція обоихъ направленій по отношенію къ претензіи діалектики навязать математикѣ отождествленіе прямой линіи съ кривою?

---

*) *Evellin.* Infini et quantité, Paris 1880, стр. 184.

**) См. библіографическія указанія на стр. 137-й, выноска 1-я.

***) Къ фининистскому направленію примыкаетъ и Дюрингъ, противъ котораго направлена книга Энгельса. *E. Dühring.* Natürliche Dialectik, Berlin 1865, стр. 128—134, 209—211; Kritische Geschichte der allgemeinen Principen der Mechanik, стр. 341—344, Berlin 1873; Logik und Wissenschaftstheorie, стр. 268—269,—Leipzig 1878; Sache, Leben und Feinde, Leipzig 1882, стр. 268—271; *E. Dühring* und *Ulr. Dühring.* Neue Grundmittel und Erfindungen zur Analisis, стр. 69—77, 92—94.—Съ отличающимъ его болѣзненнымъ самомнѣ-

Для финитиста не только кривая и прямая, но и двѣ нетождественныхъ кривыхъ представляются субстанціями до такой степени разнородными, что о сведеніи одной на другую не можетъ быть и рѣчи. Длина кривой, поэтому, вовсе не можетъ быть точно выражена въ прямолинейныхъ единицахъ; единственное, что практически достижимо, это вписать въ кривую многоугольникъ съ возможно большимъ числомъ сторонъ, и принять его периметръ за приближенную длину кривой. Что же касается математическаго предѣла вписаннаго многоугольника съ безпрестанно возрастающимъ числомъ сторонъ, то, такъ какъ природа предѣла не можетъ отличаться отъ природы самой перемѣнной величины, величина его тоже не можетъ представлять *точной* длины кривой; этотъ предѣлъ есть тоже величина приближенная, но съ той разницею, что степень ошибки менѣе любой данной величины. Ибо прямая и кривая не могутъ быть тождественны *).

Для инфинитиста совпаденіе прямой линіи съ кривою является такимъ же абсурдомъ, какъ и для его противника финитиста; но воззрѣніе его на природу предѣла совершенно иное. Для инфинитиста перемѣнная величина отдѣлена отъ своего предѣла безконечнымъ множествомъ промежуточныхъ положеній, и достиженіе предѣла для нея такъ же невозможно, какъ невозможно осуществить законченную безконечность; и такъ какъ кривая есть предѣлъ вписанной ломаной линіи, то о совпаденіи ломаной линіи съ кривою, ея предѣломъ, не можетъ быть и рѣчи. Но и периметръ вписанной ломаной линіи, при безпредѣльномъ увеличеніи числа хордъ, никогда не совпадаетъ съ тѣмъ предѣломъ, къ которому онъ стремится и который выражаетъ длину кривой: это—предѣлъ безконечнаго множества безконечно малыхъ длинъ, называемый интеграломъ. Алгебраическій или численный *предѣлъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ геометрическому *предѣлу*; и потому именно первый можетъ выражать и дѣйствительно выражаетъ вполнѣ *точную* величину второго, вполнѣ *точную* длину кривой.

Какъ выше ужъ было замѣчено, въ нашу задачу вовсе не входитъ разборъ спора между финитистами и инфинитистами. Мы

ніемъ, Дюрингъ говоритъ, что въ изложеніи «точной» теоріи безконечно малыхъ, онъ, Дюрингъ, насколько ему извѣстно, не имѣлъ предшественниковъ (Kritische Geschichte der allgemeinen Principien der Mechanik, стр. 342). Между тѣмъ, споры объ этомъ предметѣ происходили еще въ 18-мъ вѣкѣ, и если упоминаемая Дюрингомъ диссертація вышла въ 1861 году, то книги Ренувье (Essais de critique générale) и Койтэ (Exposé des vrais principes des Mathématiques), появившіяся на нѣсколько лѣтъ раньше, трактовали тотъ же вопросъ съ бо́льшею ясностью и съ бо́льшею—въ особенности первая—талантливостью.

*) *Renouvier.* Essais de critique générale, Vol. I, Paris 1854, стр. 152, 482—483, 488, 493 и др.—*Coyteux.* Exposé des vrais principes des Mathématiques, Paris 1858, стр. 67—68, 74 cts. — *Bordas-Demoulin.* Le cartésianisme, T. II, Théorie de l'infini, стр. 461, Paris 1843.

имѣли цѣлью показать, что *съ точки зрѣнія обѣихъ доктринъ діалектическое отождествленіе прямой линіи съ кривою незаконно и абсурдно.* Обѣ точки зрѣнія сходятся на формулировкѣ, которую мы находимъ въ „Логикѣ“ Бэна: „Кривая линія никогда не можетъ быть прямою линіею; но, при уменьшеніи дуги, близость двухъ линій возростаетъ до того, что она переходитъ за предѣлы ошибки не только осязательной, но и всякой ошибки, которая могла бы быть опредѣлена“ *).

Но какимъ образомъ возможно вычисленіе математическаго предѣла? Не требуется ли для этого выполненіе безконечнаго множества операцій, въ дѣйствительности неосуществимое? Въ высшей математикѣ это вычисленіе производится при помощи нѣсколькихъ въ высшей степени остроумныхъ пріемовъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительный сводится къ тому, чтобы представить перемѣнную величину въ видѣ суммы двухъ членовъ— одного постояннаго, а другого перемѣннаго и въ то же время безконечно малаго, т. е. стремящагося къ нулю, при приближеніи перемѣнной къ искомому предѣлу **). Такъ какъ подъ предѣломъ разумѣется именно такая постоянная величина, къ которой неопредѣленно приближается перемѣнная, такъ что разница между ними можетъ стать менѣе любой малой величины, то стоитъ только привести перемѣнную величину къ только что указанной формѣ, чтобы найти предѣлъ, какъ первый, постоянный членъ разложенія. Ниже, по поводу аргумента Энгельса, касающагося отношенія между двумя исчезающими величинами, будетъ приведенъ примѣръ, который пояснитъ сказанное.

Въ чемъ заключается этотъ второй аргументъ Энгельса? Въ математикѣ играетъ большую роль отысканіе предѣла отношенія двухъ величинъ, одновременно стремящихся къ нулю. Энгельсъ находитъ, что „это отношеніе между двумя исчезающими величинами, фиксированный моментъ ихъ исчезновенія, представляетъ собою противорѣчіе“ ***). Любопытно, что этотъ доводъ въ пользу діалектическаго противорѣчія является вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ тѣхъ доводовъ, которые приводились противъ Ньютона и Лейбница вскорѣ послѣ изобрѣтенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія ****). Но гдѣ голландецъ Ниветитъ, противникъ дифференціальнаго исчисленія, видѣлъ безсмыслицу, тамъ Лагранжъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ математиковъ всѣхъ временъ и народовъ, пытавшійся освободить математику отъ всего того, что, по его мнѣнію, вредило ея строгости и ясности,

---

*) *Bain.* Logik, Part second, London 1873, стр. 220.

**) *Bonnel.* Essai sur les définitions géométriques, partie II, Paris 1874, стр. 88.

***) *Engels.* Anti-Dühring, стр. 113.

****) *Gerhardt.* Geschichte der Mathematik in Deutschland, München, 1877, стр. 172—173.

находилъ лишь неясность и неопредѣленность. „Этотъ методъ,—писалъ онъ,—представляетъ большое неудобство въ томъ отношеніи, что онъ подвергаетъ разсмотрѣнію количества въ томъ состояніи, когда они, такъ сказать, перестаютъ быть количествами: ибо, хотя мы хорошо понимаемъ отношеніе двухъ количествъ, покамѣсть они остаются конечными, это отношеніе не даетъ ужъ нашему уму ясной и вполнѣ опредѣленной идеи, какъ только оба члена отношенія одновременно обращаются въ нуль“ *). Между безсмыслицею и неясностью—„дистанція огромнаго размѣра“. Но присмотримся къ нашему отношенію поближе.

Что символъ $\frac{0}{0}$ не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія и обозначаетъ неопредѣленную, т. е. какую угодно величину,—это извѣстно всякому школьнику. Если, въ самомъ дѣлѣ, принять элементарное опредѣленіе дѣленія, какъ дѣйствія, служащаго къ отысканію такого количества, называемаго частнымъ, которое, будучи помножено на дѣлителя, даетъ дѣлимое, то ясно, что за искомое частное можетъ быть принято всякое количество, ибо произведеніе всякаго количества на нуль есть нуль. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ устраненію неопредѣленности и къ нахожденію конкретной величины отношенія, соотвѣтствующей данному реальному случаю. Здѣсь находятъ себѣ вновь примѣненіе принципъ непрерывности и извѣстное уже намъ опредѣленіе математическаго предѣла.

Положимъ, напримѣръ, что требуется опредѣлить скорость въ какой-нибудь моментъ свободно падающаго тяжелаго тѣла. Если бы движеніе тѣла было *равномѣрное*, то вопросъ рѣшался бы очень легко посредствомъ дѣленія пройденнаго въ какой-либо промежутокъ времени разстоянія на величину этого промежутка времени: скорость тогда постоянно совпадаетъ съ *среднею* скоростью. Но движеніе падающаго тѣла есть, какъ извѣстно, движеніе *равномѣрно-ускоренное*, и пройденныя разстоянія, пропорціональныя квадратамъ временъ, выражаются формулою $^1/_2\, gt^2$ (g — величина ускоренія силы тяжести, равная 9,81 метра, а t число секундъ, истекшихъ съ начала паденія); здѣсь скорость непрерывно измѣняется въ каждый моментъ. Въ то же время ясно, что средняя скорость за какой-либо промежутокъ времени, опредѣленная вышеуказаннымъ способомъ, тѣмъ ближе къ искомой скорости, чѣмъ промежутокъ времени меньше; если взять промежутокъ времени h между двумя моментами t и $t+h$ и соотвѣтственное этому промежутку пройденное разстояніе, то отношеніе второго къ первому будетъ стремиться къ нѣкоторому опредѣленному *предѣлу*, называемому *производною функціею*, вмѣстѣ съ безпредѣльнымъ уменьшеніемъ промежутка времени h и соотвѣтственнаго пройденнаго разстоянія. Этотъ предѣлъ, отъ котораго сред-

*) *Lagrange*. Théorie des fonctions analytiques, Paris, an V, стр. 182.

няя скорость можетъ отличаться какъ угодно мало, но съ которымъ она никогда не совпадаетъ вполнѣ, какъ бы промежутокъ h ни былъ малъ, и выражаетъ величину скорости въ данный моментъ. Въ разсматриваемомъ случаѣ разстояніе, пройденное тѣломъ въ промежутокъ времени h, выражается разностью $^1/_2 g\,(t+h)^2 - {}^1/_2 gt^2 = gth + {}^1/_2 gh^2 = gh\,(t + {}^1/_2 h)$. Средняя скорость въ промежутокъ h выражается отношеніемъ $\frac{gh\,(t + {}^1/_2 h)}{h}$, или, сокращая на h, величиною $gt + {}^1/_2\, gh$. Такимъ образомъ, величина средней скорости представлена въ видѣ суммы двухъ членовъ, изъ которыхъ первый, gt, вовсе не зависитъ отъ величины промежутка времени h, а второй, $^1/_2\, gh$, зависящій отъ h, можетъ, съ безпредѣльнымъ уменьшеніемъ h, быть сдѣланъ какъ угодно малъ, какъ угодно мало отличаться отъ нуля, или — какъ выражаются въ математикѣ—въ предѣлѣ исчезаетъ. Отсюда ясно, что предѣлъ средней скорости, къ которому послѣдняя стремится, непрерывно измѣняясь съ безпредѣльнымъ убываніемъ промежутка времени, выражается вполнѣ опредѣленно членомъ gt; т. е. скорость падающаго тяжелаго тѣла возрастаетъ пропорціонально времени. Если бы мы съ самаго начала вычисленія подставили въ отношеніе, выражающее среднюю скорость, нуль вмѣсто h, то мы получили бы неопредѣленное выраженіе, для насъ совершенно безполезное; но, исходя изъ закона непрерывности и принимая h за величину безконечно малую, т. е. непрерывно убывающую по направленію къ нулю, хотя никогда этого предѣла не достигающую, мы вычислили производную функцію, т. е. предѣлъ, выражающій величину скорости въ любой моментъ *).

Обращаясь къ низшей математикѣ, Энгельсъ и здѣсь находитъ кучу противорѣчій. „Противорѣчіе, напримѣръ, то, что корень изъ A долженъ быть степенью той же величины A, и, однако, мы имѣемъ $A^{\frac{1}{2}} = \sqrt{A}$. Что отрицательная величина можетъ быть квадратомъ чего-либо, это—противорѣчіе, ибо всякая отрицательная величина, помноженная сама на себя, даетъ положительный квадратъ. Поэтому квадратный корень изъ минусъ единица есть не только противорѣчіе, но и даже абсурдное противорѣчіе, настоящая безсмыслица. И тѣмъ не менѣе $\sqrt{-1}$ представляетъ во многихъ случаяхъ необходимый результатъ вѣрныхъ математическихъ операцій; мало того, гдѣ бы была еще теперь математика какъ низшая, такъ и высшая, если бы ей было воспрещено оперировать съ $\sqrt{-1}$!“ **).

Количества съ дробными показателями заключали бы въ себѣ несомнѣнное противорѣчіе, если бы этимъ дробнымъ показате-

*) *Carnot.* Réflexions sur la métaphysique du Calcul infinitésimal, P. 1813, стр. 183.

**) *Engels.* Anti-Dühring, стр. 98.

лямъ придавалось то же опредѣленіе, то же логическое значеніе, что и показателямъ цѣлымъ. Но этого не приходилось еще до сихъ поръ утверждать ни одному здравомыслящему математику. Въ дѣйствительности количества съ дробными показателями представляютъ изъ себя *символы*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Коши опредѣляетъ математическій символъ слѣдующимъ образомъ: „Въ анализѣ называютъ *символическимъ выраженіемъ*, или *символомъ*, всякое сочетаніе алгебраическихъ знаковъ, которое само по себѣ не обозначаетъ ничего, или которому приписывается значеніе, отличное отъ того, которое оно должно естественно имѣть“ *). Дробные показатели аналогичны цѣлымъ въ томъ отношеніи, что къ дѣйствіямъ надъ тѣми и другими примѣняются общіе способы, общія правила; введеніе дробныхъ показателей въ анализъ очень полезно, способствуя упрощенію дѣйствій и обобщенію формулъ, въ которыхъ дробные показатели, въ смыслѣ операцій, разсматриваются въ одной категоріи съ показателями цѣлыми. Но именно потому, что смыслъ дробнаго показателя, какъ корня изъ нѣкоторой величины, совершенно отличенъ отъ цѣлаго показателя, какъ знака умноженія нѣсколькихъ одинаковыхъ множителей, первый разсматривается, какъ *символъ*, элементарное изученіе котораго ведется независимо отъ второго. Какъ говоритъ Дюгамель,—„не слѣдуетъ забывать, что предложенія, которыя были установлены только для случая показателей дробныхъ и безъ знака, здѣсь могутъ быть допущены только послѣ примѣненія доказательства къ новому опредѣленію; и только этимъ путемъ можно было получить столь полезное обобщеніе теоремъ и формулъ, относящихся къ показателямъ“ **). Но какъ ведется новое доказательство? Символическое обозначеніе, подъ которымъ скрыта явная форма разсматриваемой величины, замѣняется этою послѣднею, дробный показатель замѣняется знакомъ извлеченія корня, къ корню примѣняются указанныя дѣйствія, результатъ возстановляется въ своей символической оболочкѣ, и тогда оказывается, что къ тому же результату можно было бы придти прямымъ путемъ, производя надъ дробнымъ показателемъ операціи такъ же, какъ если бы это былъ показатель цѣлый. Если только тутъ есть противорѣчіе, то оно заключается въ допущенномъ Энгельсомъ смѣшеніи символической формы съ дѣйствительнымъ смысломъ величины съ дробнымъ показателемъ.

Что касается мнимыхъ величинъ, то, представляя, безъ сомнѣнія, во многихъ случаяхъ, „необходимый результатъ вѣрныхъ математическихъ операцій“, онѣ или служатъ вспомогательными

---

*) *Cauchy*. Cours d'Analyse de l'Ecole Polytechnique, I partie, Analyse algébrique, Paris 1821, стр. 173.

**) *Duhamel*. Méthodes dans les sciences de raisonnement, Vol. II, P. 1855, стр. 431.

величинами при рѣшеніи математическихъ вопросовъ, или же являются аналитическою формою самаго отвѣта на вопросъ. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ указываютъ на невозможность какого-либо рѣшенія. Діалектическій принципъ противорѣчія не только не подтверждается, но и самымъ рѣзкимъ образомъ опровергается тою ролью, которую въ данномъ случаѣ играетъ мнимая величина, ибо здѣсь абсурдность отвѣта соотвѣтствуетъ абсурдности самого вопроса. Правда, получаемыя въ математикѣ мнимыя рѣшенія не отбрасываются, безъ дальнѣйшихъ околичностей, какъ совершенно негодныя, а считаются рѣшеніями sui generis; но это дѣлается лишь въ интересахъ общности и стройности теоріи, а не изъ какихъ-либо мистическихъ видовъ *). Благодаря подобному условію, можно, напримѣръ, относительно всякаго кубическаго уравненія всегда утверждать, что оно имѣетъ три рѣшенія, хотя два изъ этихъ рѣшеній могутъ быть и мнимыми. Если же мнимая величина играетъ роль элемента побочнаго и вспомогательнаго, то она — полезный символъ, операціи надъ которымъ требуютъ доказательства и провѣрки, какъ, напримѣръ, въ случаѣ геометрической интерпретаціи мнимой величины, какъ комплекса координатъ, опредѣляющихъ точку на плоскости. Послѣднее здѣсь тѣмъ болѣе необходимо, что, при отсутствіи того непосредственно-интуитивнаго контроля, который имѣетъ столь важное значеніе въ геометріи и въ вычисленіяхъ, относящихся къ міру физическому, опасность ошибокъ и ложныхъ толкованій становится весьма серьезною **). Это—мнѣніе не только выдающагося физико-математика Буссинеска, но и самого Коши, больше чѣмъ кто-либо сдѣлавшаго для развитія и примѣненія теоріи мнимыхъ величинъ. „Подобнаго рода соображенія, говоритъ Коши, хотя и обычно допускаемыя, въ особенности при переходѣ отъ сходящихся рядовъ къ рядамъ расходящимся и отъ дѣйствительныхъ величинъ къ мнимымъ выраженіямъ, могутъ, кажется мнѣ, быть разсматриваемы только какъ индукціи, которыя иногда даютъ возможность предчувствовать истину, но которыя мало согласуются съ хваленою точностью математическихъ наукъ. Слѣдуетъ даже замѣтить, что они имѣютъ тенденцію приписывать алгебраическимъ формуламъ неопредѣленно большую область примѣненія, тогда какъ, въ дѣйствительности, большинство этихъ формулъ сохраняетъ свою силу только при извѣстныхъ условіяхъ и для извѣстныхъ значеній количествъ, въ нихъ заключающихся“ ***). И въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ провѣрка оказывается невозможною, примѣненіе мнимыхъ величинъ становится весьма проблематич-

*) *Aug. Comte.* Cours de philosophie positive, IV ed., Paris 1877, T. I, стр. 160.

**) *Boussinesq.* Cours d'Analyse infinitésimale, Tome I, Paris 1887, стр. 36*—38*.

***) *Cauchy.* Cours d'Analyse de l'École Polytechnique, I, Introduction.

нымъ, и здѣсь возникаютъ сомнѣнія и споры по поводу самыхъ, казалось бы, элементарныхъ вопросовъ *). Не удивительно, что давно уже стали раздаваться голоса, протестующіе противъ злоупотребленія мнимыми величинами въ математикѣ.

„Разумъ обладаетъ способностью создавать символы... Компетенція его ограничена только необходимостью избѣгнуть всякаго противорѣчія“. Таково мнѣніе замѣчательнаго математика Пуанкаре **). Оно съ полнымъ правомъ совершенно отрицаетъ діалектическую точку зрѣнія.

V.

Діалектическій законъ отрицанія отрицанія заключаетъ въ себѣ, какъ выше было указано, признаніе начала цѣлесообразности. Это начало, въ глазахъ діалектика, можетъ осуществиться либо какъ объективный законъ природы, не зависящій отъ нашихъ цѣлей и отъ нашего отношенія къ изслѣдуемой комбинаціи, либо въ формѣ методологическаго правила, пользуясь которымъ мы приходимъ къ полезному для насъ результату. Энгельсъ извлекаетъ изъ математики два примѣра въ подтвержденіе обѣихъ формъ примѣненія закона отрицанія отрицанія — во-первыхъ, квадратъ отрицательной величины и, во-вторыхъ, интегрированіе дифференціальныхъ выраженій.

„Возьмемъ какую-нибудь алгебраическую величину, скажемъ a. Отрицая ее, мы получаемъ $-a$ (минусъ a). Отрицая же это отрицаніе, посредствомъ умноженія $-a$ на $-a$, мы получаемъ $+a^2$, т. е. первоначальную положительную величину, но на высшей ступени, именно во второй степени“ ***).

Итакъ, умноженіе отрицательной величины самой на себя, какъ „отрицаніе отрицанія“, возводитъ, по Энгельсу, величину на „высшую ступень“. Но что слѣдуетъ разумѣть подъ „высшею ступенью“ величины? Когда, напримѣръ, Энгельсъ, въ подтвержденіе діалектическаго закона отрицанія отрицанія, приводитъ въ примѣръ произрастаніе сѣмени, ведущее къ улучшенію и размноженію растенія, или геологическія трансформаціи, благопріятствующія развитію царства растительнаго, въ смыслѣ количества и разнообразія, или развитіе философіи отъ первоначальнаго наивнаго матеріализма къ современному научному матеріализму, тогда—вѣрны или невѣрны схемы, начертанныя Энгельсомъ, доказываютъ или не доказываютъ онѣ его утвержденія —

*) См. напр., *Vallès*. Sur la théorie des imaginaires (Lettre à M. Arago), Paris 1847, и *Его-же*. Des formes imaginaires en Algèbre, volume I, Paris 1869, стр. 20.

**) *H. Poincaré*. Le continu mathématique (Revue de Métaphysique et de Morale, 1893, стр. 32).

***) *Engels*. Anti-Dühring, стр. 113.

но во всякомъ случаѣ во всѣхъ этихъ и тому подобныхъ примѣрахъ вполнѣ ясно и понятно, что̀ онъ понимаетъ здѣсь подъ высшимъ фазисомъ или высшею ступенью развитія: это—состояніе, характеризуемое бо̀льшею полнотою жизни, красоты, счастья, бо̀льшею близостью къ тому, что мы считаемъ истиною и справедливостью. Но почему a^2 должно считаться высшею ступенью величины, чѣмъ a, это совершенно непостижимо. Или квадратъ отъ величины a получаетъ особо-мистическія, утилитарныя свойства?

Энгельсъ, повидимому, былъ просто-на-просто введенъ въ искушеніе *словомъ*. Въ алгебрѣ, конечно, говорятъ, что вторая степень *выше* первой, въ томъ смыслѣ, что показатель степени 2 *больше или выше* 1-го; такимъ же образомъ вообще *выражаются* про всякое число, что оно *выше* низшаго числа. Но между величиною показателя степени и между тою цѣлесообразностью, которая опредѣляетъ высоту фазиса въ развитіи, нѣтъ ничего общаго, сверхъ одинаковаго словеснаго выраженія. Мало того, степень, какъ произведеніе нѣсколькихъ одинаковыхъ множителей, представляетъ собою не новый выводъ, не новый результатъ, а тождественное опредѣленіе: такъ, напримѣръ, вторая степень величины и произведеніе величины на самое себя—два тождественныхъ выраженія. Знакъ величины тутъ совершенно не при чемъ. Какъ глубокомысленна идея видѣть въ томъ фактѣ, что умноженіе величины на самое себя даетъ вторую, высшую степень величины, діалектическое чудо,—станетъ ясно, если замѣнить выраженіе „вторая степень“ словами, которыя оно на самомъ дѣлѣ замѣняетъ; тогда окажется, что произведеніе двухъ одинаковыхъ множителей даетъ произведеніе двухъ одинаковыхъ множителей... Вотъ до какого пустословія доводитъ предвзятость доктрины, обладающей мистическими свойствами, такого талантливаго и всесторонне-образованнаго человѣка, какимъ несомнѣнно является Энгельсъ!

„Первое отрицаніе слѣдуетъ произвести такимъ образомъ, чтобы второе оставалось или сдѣлалось возможнымъ. Какимъ образомъ? Это зависитъ отъ особенной природы каждаго отдѣльнаго случая... Но ясно, что изъ такого отрицанія отрицанія, которое заключается въ ребяческомъ занятіи попеременно ставить a и его снова зачеркивать, или о розѣ попеременно утверждать, что она роза и что она вовсе не роза, ничего не выйдетъ, сверхъ безразсудства того, кто предается подобной скучной процедурѣ“ *).

Къ сожалѣнію, то „отрицаніе отрицанія“, съ которымъ имѣетъ дѣло алгебра, основано на весьма простомъ и элементарномъ фактѣ, входящемъ въ область „вульгарной“ логики, которая и

*) Ibid., стр. 117—118.

слышать не хочетъ о діалектическихъ тонкостяхъ: два послѣдовательныхъ отрицанія взаимно уничтожаютъ другъ друга и составляютъ утвержденіе. На этомъ простомъ фактѣ — компенсаціи противоположностей — основано, какъ извѣстно всякому гимназисту, „правило знаковъ", примѣняемое къ возвышенію отрицательной величины въ квадратъ. Но что можетъ быть общаго между *условнымъ* правиломъ, формулирующимъ эквивалентность отрицанія отрицанія и утвержденія („*если* отрицать отрицаніе, то является утвержденіе"), и діалектическимъ закономъ, констатирующимъ имманентно присущее объективному ходу вещей развитіе путемъ *исторической* смѣны противоположностей, — это опять-таки остается непостижимымъ.

Какъ мы выше видѣли, Энгельсъ выводитъ на сцену математическія мнимыя величины въ подтвержденіе діалектическаго начала противорѣчія. Но мнимыя величины—оружіе весьма обоюдоострое, которое можетъ быть повернуто противъ другого діалектическаго начала—отрицанія отрицанія. Что, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ бы Энгельсъ, если бы ему замѣтили, что квадратъ отрицательной мнимой величины даетъ величину отрицательную, ибо $(-\sqrt{-1}) \times (-\sqrt{-1}) = -1$, что, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ *отрицаніе отрицанія даетъ новое отрицаніе*? Этотъ конфликтъ между обоими началами діалектики, это „противорѣчіе" второго порядка показываетъ, въ какія схоластическія дебри заводитъ желаніе доказать туманно-телеологическій принципъ, во что бы то ни стало и не брезгая никакими логическими ресурсами.

„Всякому роду вещей присуща своя собственная манера быть отрицаемымъ такимъ образомъ, чтобы въ результатѣ получилось развитіе, и точно также всякому роду представленій и понятій. Въ дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи отрицаніе производится способомъ инымъ, чѣмъ при возстановленіи положительныхъ степеней изъ отрицательныхъ корней" *).

Итакъ, въ разныхъ областяхъ примѣненія діалектики отрицаніе производится различными способами. Но отрицаніе должно всегда оставаться отрицаніемъ: смыслъ отрицанія въ одномъ случаѣ не долженъ быть противоположностью смыслу отрицанія въ другомъ случаѣ. Иначе мы придемъ уже къ тому, что Марксъ въ одномъ мѣстѣ „Капитала" назвалъ „плоскими, а не гегелевскими противорѣчіями". Какъ же понимается отрицаніе въ каждомъ изъ тѣхъ двухъ математическихъ примѣровъ, которые приводятся Энгельсомъ?

Отрицательнымъ количествомъ называется въ алгебрѣ такая величина, которая, будучи прибавлена къ однородному положительному количеству, уничтожаетъ въ немъ число единицъ, рав-

*) Ibid., стр. 117.

ное абсолютной величинѣ этого отрицательнаго количества. Величина положительная и величина отрицательная коррелативны, но взаимно противоположны. Если разсматриваемая величина способна имѣть два направленія, то отрицательное и положительное количества представляются одновременно наглядным образомъ, какъ, напр., движеніе впередъ и назадъ; въ противномъ случаѣ отрицательная величина можетъ быть уяснена помощью обратнаго или же дополнительнаго компенсативнаго дѣйствія. Дать алгебраической величинѣ отрицательное значеніе значитъ сообщить ей свойство уничтожить соотвѣтственное число единицъ въ совокупляемой съ нею положительной величинѣ. И хотя условнымъ образомъ говорятъ, что отрицательное количество менѣе нуля, но, если отвлечься отъ указаннаго свойства, имѣющаго относительный характеръ, природа величины отрицательной та же, что и положительной *). Въ этомъ смыслѣ дать величинѣ отрицательное значеніе, или, выражаясь словами Энгельса, „отрицать ее“ значитъ дать лишь ей нѣкоторое свойство, противоположное первоначальному, но это отнюдь не значитъ отрицать ея существованіе, какъ величины, свести ее на нѣтъ, или на нуль **). Такого рода два отрицанія взаимно исключаютъ другъ друга.

И что же оказывается? Между тѣмъ, какъ Энгельсъ въ примѣрѣ возвышенія въ квадратъ отрицательной величины оперируетъ надъ отрицаніемъ, понимаемымъ въ смыслѣ противоположенія, онъ во второмъ примѣрѣ разумѣетъ уже подъ отрицаніемъ дифференцированіе, т. е. безпредѣльное уменьшеніе величины, приближеніе ея къ нулю. „Я имѣю, напримѣръ,—говоритъ Энгельсъ,—въ какой-либо задачѣ двѣ перемѣнныя величины x и y, изъ которыхъ одна не можетъ измѣняться безъ того, чтобы и другая не подверглась соотвѣтственному измѣненію, опредѣляемому ихъ взаимною связью. Я дифференцирую x и y, т. е. я дѣлаю x и y безконечно малыми, такимъ образомъ, что эти двѣ величины исчезаютъ въ сравненіи со всякимъ дѣйствительнымъ какъ угодно малымъ количествомъ, что отъ x и y ничего не остается, кромѣ ихъ отношенія, но безъ всякаго, такъ сказать, матеріальнаго основанія, количественнаго отношенія безъ количества. $\frac{dx}{dy}$, отношеніе обоихъ дифференціаловъ отъ x и y, равно, слѣдовательно, $\frac{0}{0}$, но $\frac{0}{0}$, предполагаемому, какъ выраженіе $\frac{x}{y}$...

---

*) *Carnot*, Réflexions sur la métaphysique du Calcul infinitésimal, P. 1813, стр. 230.—*Mourey*, La vraie théorie des quantités négatives, 2-me éd., Paris, 1861 («всякое отрицательное количество имѣетъ ту же величину, что и обратное положительное», стр. 7).—Ср. *Duhamel*. Des méthodes dans les sciences de raisonnement, P. 1855, Vol. I, стр. 164 и слѣд.

**) Ср. *Lagrange*. Leçons sur le calcul des fonctions. Leçon première (Oeuvres de Lagrange, Vol. X, Paris, 1884), стр. 7—8.

Итакъ, вмѣсто x и y, я имѣю въ представляющихся мнѣ формулахъ или уравненіяхъ ихъ отрицаніе dx и dy" *).

Рѣчь, стало быть, идетъ о нахожденіи производной функціи, о которой мы уже говорили выше. Что такое производная функція? Это—предѣлъ отношенія двухъ безконечно малыхъ величинъ, называемыхъ въ данномъ случаѣ дифференціалами, именно предѣлъ отношенія безконечно малаго измѣненія перемѣнной величины къ безконечно малому измѣненію той перемѣнной, отъ которой она зависитъ. Отсюда, во-первыхъ, ясно, что въ данномъ случаѣ Энгельсъ подъ отрицаніемъ понимаетъ именно приведеніе къ нулю; это—первое противорѣчіе предыдущему. Во-вторыхъ, производная функція есть результатъ двухъ такихъ отрицаній, результатъ отношенія dy къ dx. Мы уже прежде выяснили, что операціи, практикуемыя въ высшемъ анализѣ надъ безконечными величинами, осуществляются, вообще говоря, помощью двухъ противоположныхъ процессовъ—безконечнаго увеличенія и безконечнаго уменьшенія. Здѣсь dy является результатомъ безконечнаго уменьшенія величины y; но *дѣленіе dy на безконечно малое dx представляетъ уже процессъ обратный, процессъ безпредѣльнаго увеличенія.* Оставаясь вѣрнымъ терминологіи Энгельса, приходится, слѣдовательно, согласиться съ тѣмъ, что вычисленіе производной функціи есть уже не простое отрицаніе, а сочетаніе двухъ взаимно-противоположныхъ отрицаній. Въ-третьихъ,—посмотримъ, какъ у Энгельса въ данномъ примѣрѣ „зданіе увѣнчивается" отрицаніемъ отрицанія.

„Я произвожу дальнѣйшее вычисленіе при помощи этихъ формулъ,—продолжаетъ Энгельсъ,—трактую dx и dy какъ дѣйствительныя, хотя и подчиненныя извѣстнымъ исключительнымъ законамъ, величины, и въ извѣстномъ пунктѣ — *я отрицаю отрицаніе,* т. е. я интегрирую дифференціальную формулу, получаю снова, вмѣсто dx и dy, дѣйствительныя величины x и y, но при этомъ я не вернулся къ первоначальному положенію вопроса, а, напротивъ того, рѣшилъ задачу, надъ которою, пожалуй, напрасно обломали бы себѣ зубы обыкновенная алгебра и геометрія" **).

Что интегрированіе есть дѣйствіе, обратное дифференцированію,—это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Но для того, чтобы аргументъ Энгельса имѣлъ силу въ примѣненіи къ діалектикѣ, необходимо доказать, что интегрированіе составляетъ противоположность дифференцированію въ томъ же смыслѣ, въ какомъ послѣднее, по своей природѣ, является *отрицаніемъ* величины. Согласно вышеприведенному разсужденію Энгельса, это отрицаніе заключается въ безконечномъ уменьшеніи величины. Противоположное дѣйствіе, какъ отрицаніе отрицанія, должно поэтому

---

*) *Engels.* Anti-Dühring, стр. 113.

**) Ibid., стр. 113—114.

свестись къ безконечному возрастанію, къ безконечному суммированію безконечно малой величины, или дифференціала.

Но въ дѣйствительности методъ суммированія составляетъ сущность пріемовъ, *примѣнявшихся до изобрѣтенія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія*, подъ названіемъ methodus exhaustionis, т. е. метода исчерпыванія. На этомъ методѣ, напримѣръ, основано вычисленіе площади круга, поверхности и объема цилиндра, конуса и шара, какъ оно изложено еще Эвклидомъ и Архимедомъ. Такъ, для опредѣленія площади круга, его разсматриваютъ, какъ правильный многоугольникъ съ безконечнымъ числомъ сторонъ, или, что одно и то же, какъ сумму безконечно большого числа безконечно малыхъ правильныхъ треугольниковъ, имѣющихъ общую вершину въ центрѣ; площадь круга есть интегралъ, получаемый путемъ непосредственнаго суммированія дифференціальныхъ треугольниковъ, и такъ какъ площадь каждаго такого треугольника равна произведенію полуоснованія на высоту, то площадь круга опредѣляется какъ произведеніе полуокружности πr на радіусъ r, или πr^2. Помощью этого же метода Архимедъ впервые рѣшилъ болѣе сложную задачу квадратуры параболы, т. е. вычисленія площади, ограниченной параболой и прямыми линіями. Если понимать интегрированіе, какъ методъ прямого суммированія, то правъ М. Канторъ, авторъ обширнаго трактата по исторіи математики, согласно которому рѣшеніе вопросовъ интегральнаго исчисленія предшествовало дифференціальному исчисленію *). Но если бы, послѣ геніальныхъ работъ Ньютона и Лейбница, интегрированіе продолжало производиться въ видѣ непосредственнаго суммированія, то мы въ этой области ушли бы впередъ лишь немногимъ далѣе древнихъ математиковъ.

Въ дѣйствительности же методъ суммированія, для вычисленія интеграловъ, примѣняется нынѣ крайне рѣдко и лишь въ самомъ незначительномъ числѣ случаевъ, какъ, напримѣръ, въ теоріи такъ называемыхъ „опредѣленныхъ интеграловъ“. Вообще же интегрированіе дифференціальнаго выраженія заключается въ приведеніи этого выраженія къ такой формѣ, при которой непосредственно обнаруживается, что оно есть результатъ дифференцированія нѣкоторой величины, которая и есть искомый интегралъ. Вычисленіе какой-либо величины сводится въ сущности *къ двумъ дифференцированіямъ*: одинъ дифференціалъ выводится *синтетически*, помощью геометрическихъ или физико-механическихъ соображеній; другой дифференціалъ, полученный *аналитически* изъ извѣстныхъ функцій, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ категорій дифференціаловъ, которыя заранѣе уже разсмо-

*) *M. Cantor*. Vorlesungen über Geschichte der Mathematik, Leipzig, 1880, Band II, Kap. LXXXI, стр. 843.

трѣны и классифицированы въ высшемъ анализѣ; изъ равенства перваго дифференціала и одного изъ дифференціаловъ, полученныхъ аналитически, заключаютъ объ одинаковости первообразныхъ функцій, отъ дифференцированія которыхъ они произошли, и математическая форма закона явленія, такимъ образомъ, найдена. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопросовъ, относящихся къ геометріи или къ физико-механической области, помощью дифференцированія и интегрированія получается въ сущности не путемъ отрицанія отрицанія, а — примѣняя терминологію и интерпретацію Энгельса, соотвѣтствующую данному случаю,—*помощью двухъ параллельныхъ отрицаній.*

Въ этюдѣ своемъ о Фейербахѣ Энгельсъ говоритъ: „Въ природѣ (поскольку мы оставляемъ въ сторонѣ обратное вліяніе на нее человѣка) дѣйствуютъ одна на другую лишь слѣпыя безсознательныя силы, и общіе законы проявляются лишь путемъ взаимодѣйствія такихъ силъ. Здѣсь нигдѣ нѣтъ сознанной, желанной цѣли: ни въ безчисленныхъ кажущихся случайностяхъ, видимыхъ на поверхности, ни въ окончательныхъ результатахъ, показывающихъ, что среди всѣхъ этихъ случайностей явленія совершаются сообразно общимъ законамъ“ *). Съ другой стороны, въ томъ же этюдѣ діалектическое развитіе характеризуется какъ „причинная связь того поступательнаго движенія, которое, сквозь всѣ отклоненія въ сторону и сквозь всѣ попятные шаги, пробивается отъ низшаго къ высшему“ *). Наконецъ, діалектическій процессъ осуществляется, согласно Энгельсу, въ переходѣ отъ низшаго къ высшему черезъ посредство отрицанія отрицанія. Когда схематическая правильность и универсальная прогрессивность движенія, присущаго всему міру явленій, не представляется въ объясненіи доказаннымъ результатомъ сплетенія неправильныхъ, безформенныхъ и безцѣльныхъ комбинацій—чего даже не пытается дѣлать діалектика,—то, при отсутствіи „сознанной, желанной цѣли“, неизбѣжно является предположеніе цѣли безсознательной, чего-нибудь вродѣ Шопенгауэровской „воли“. Если же фактическое содержаніе доказательствъ и примѣровъ, приводимыхъ для обоснованія подобной теоріи, оказывается призрачнымъ, то, какъ бы она ни противополагала себя метафизикѣ, она, благодаря своимъ мистическимъ аллюрамъ, является одной изъ худшихъ ея разновидностей. Сколько словесной эквилибристики, сколько противорѣчій, сколько словосмѣшенія въ попыткѣ дать математическій базисъ теоріи діалектическаго процесса! Математика отказывается быть соучастницею въ насажденіи телеологическихъ фантазмовъ, для разсѣянія которыхъ она такъ много сдѣлала.

---

*) *Engels.* L. Feuerbach, IV.

VI.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о примѣненіи діалектики уже не къ самымъ *фактамъ* или *явленіямъ*, а къ *нормамъ*, регулирующимъ процессы, происходящіе въ природѣ, исторіи и мысли (а также и субъективную оцѣнку нашихъ дѣйствій). Оставаясь вѣрною себѣ, діалектика отрицаетъ вѣчные законы, вѣчныя истины. „Діалектическая философія,—говоритъ Энгельсъ,—разлагаетъ всѣ представленія объ окончательной, безусловной истинѣ и о соотвѣтствующихъ ей абсолютныхъ отношеніяхъ людей... Для діалектической философіи нѣтъ ничего разъ навсегда установленнаго, безусловнаго, святого. На всемъ и во всемъ видитъ она печать неизбѣжнаго паденія, и ничто не можетъ устоять передъ нею, кромѣ непрерывнаго процесса возникновенія и уничтоженія, безконечнаго восхожденія отъ низшаго къ высшему. Она сама является лишь простымъ отраженіемъ этого процесса въ мыслящемъ мозгу“ **).

Впрочемъ, діалектикъ испытываетъ необходимость—хотя и не безъ нѣкотораго сожалѣнія — сдѣлать кое-какія уступки. Иначе формулируемые имъ діалектическіе законы и высказываемые имъ логическіе аргументы потеряли бы всякій прочный базисъ и подверглись бы шатанію; съ нимъ произошло бы нѣчто аналогичное трагической роли критянина въ знаменитомъ въ древности парадоксѣ. Но и въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ діалектика вынуждена сама урѣзывать свою компетенцію, она это дѣлаетъ съ многочисленными оговорками и ограниченіями.

Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ Энгельсъ. „Мы можемъ извѣстнымъ образомъ раздѣлить всю область знанія на три большихъ отдѣла. Первый отдѣлъ обнимаетъ всѣ науки, имѣющія своимъ предметомъ неодушевленную природу и болѣе или менѣе доступныя математической обработкѣ: математику, астрономію, механику, физику, химію. Если кому-нибудь доставляетъ удовольствіе давать громкія названія простымъ вещамъ, то можно сказать, что *извѣстные* результаты этихъ наукъ суть вѣчныя истины, окончательныя истины послѣдней инстанціи; потому эти науки и называются *точными*. Но далеко еще не всѣ результаты. Съ введеніемъ перемѣнныхъ величинъ и съ распространеніемъ ихъ измѣняемости на величины безконечно малыя и безконечно большія, безукоризненная до сихъ поръ математика подверглась грѣхопаденію; она отвѣдала яблоко познанія, которое открыло ей путь гигантскихъ успѣховъ, но также и ошибокъ. Дѣвственное состояніе абсолютной примѣнимости, безусловной

*) Ibid., I.

доказанности всего математическаго исчезло навѣки" *). Въ другомъ мѣстѣ своей книги Энгельсъ говоритъ: „Элементарная математика, математика постоянныхъ величинъ, оперируетъ въ предѣлахъ формальной логики, по крайней мѣрѣ, въ значительнѣйшей части своего содержанія; математика перемѣнныхъ величинъ, важнѣйшую часть которой составляетъ исчисленіе безконечно малыхъ, есть по существу не что иное, какъ примѣненіе діалектики къ математическимъ отношеніямъ" **).

Если бы дѣло обстояло вполнѣ такъ, какъ излагаетъ Энгельсъ, то рекомендація для діалектики вышла бы очень плохая: пока математика не знала діалектики, она была безгрѣшна; а какъ только проникласъ діалектическимъ духомъ, она совершила грѣхопаденіе. Къ сожалѣнію, противопоставленіе Энгельса страдаетъ преувеличеннымъ схематизмомъ. Если видѣть основную черту математической діалектики въ принципѣ измѣненія, то не только этотъ принципъ, но и принципъ непрерывности былъ уже извѣстенъ древнимъ, и опредѣленіе, помощью „метода исчерпыванія" (methodus exhaustionis), площади круга въ геометріи Эвклида представляетъ превосходный примѣръ нахожденія предѣла непрерывно измѣняющейся перемѣнной величины. Лейбницъ, въ письмѣ къ Валлису отъ 29 декабря 1698 года, перечисляя своихъ предшественниковъ, работавшихъ надъ созданіемъ новаго исчисленія, восходитъ къ самому Архимеду. Если же имѣть въ виду область загадочнаго и трудности интерпретаціи, которыя такъ охотно эксплуатируетъ діалектика, то низшая математика ими, быть можетъ, не менѣе богата, чѣмъ высшій анализъ: примѣръ—величины мнимыя и отрицательныя. По словамъ Лазаря Карно, знаменитаго „организатора побѣдъ" и автора весьма извѣстной книги по философіи математики, „принципы обыкновенной алгебры гораздо менѣе ясны и хуже установлены, чѣмъ принципы исчисленія безконечно малыхъ, насколько послѣднее отличается отъ первой... Повидимому, гораздо труднѣе объяснить какъ слѣдуетъ, что такое отдѣльно взятая отрицательная величина, чѣмъ понять, что такое величина безконечно малая" ***). И самъ Лейбницъ, который, повидимому, не былъ въ состояніи справиться со всѣми возраженіями, возникавшими по поводу загадочности нѣкоторыхъ сторонъ новаго анализа, иногда вмѣсто отвѣта ссылался на необъяснимые элементы низшей математики.

Этимъ, конечно, не отрицается масса новыхъ трудностей, введенныхъ новымъ исчисленіемъ. П. Дюбуа-Реймонъ вкладываетъ въ уста „эмпирика" слѣдующія во многихъ отношеніяхъ справед-

*) *Engels*. Anti-Dühring, стр. 66.

**) Ibid., стр. 111.

***) *Carnot*. Réflexions sur la métaphysique du Calcul infinitésimal. Paris 1813, стр. 201 и 217.

ливыя слова: „Вычисленіе помощью дифференціаловъ до сихъ поръ все еще не обосновано такъ прочно и неопровержимо, какъ этого можно было требовать отъ метода, пользующагося столь широкимъ примѣненіемъ... Еще и нынѣ въ „безукоризненнѣйшей изъ всѣхъ наукъ“ врядъ ли могутъ появиться двѣ учебныхъ книги, которыя не противорѣчили бы себѣ самымъ рѣзкимъ образомъ, разъ только затрогивается глубже вопросъ объ основныхъ понятіяхъ“ *). И если высказываемое затѣмъ „эмпирикомъ“ мнѣніе, что „въ смыслѣ обоснованія, ученіе о дифференціалахъ со времени Лейбница... врядъ ли сдѣлало шагъ впередъ“, преувеличено, то не подлежитъ сомнѣнію, что философія высшаго анализа поставила на очередь много темныхъ вопросовъ, которые еще ждутъ своего окончательнаго рѣшенія. Но что отличаетъ исчисленіе безконечно малыхъ, въ смыслѣ методологическихъ трудностей, отъ элементарной математики, это—не особые какіе-либо діалектическіе аттрибуты, а крайняя общность и абстрактность методовъ и вычисленій, о чемъ говорилось уже въ началѣ нашей статьи. И ошибки, вызванныя усиленіемъ трудности математики въ этомъ смыслѣ, были также естественны и неизбѣжны, какъ и до того были естественны и неизбѣжны ошибки другого рода, напр., ошибки, проистекавшія отъ трудностей отрицательныхъ или мнимыхъ величинъ.

Но развѣ ошибки доказываютъ эфемерность истины? Развѣ ошибка не есть невольное отступленіе отъ истины, объясняемое несовершенствомъ нашей природы? Развѣ изъ того, что люди сплошь и рядомъ грѣшатъ противъ требованій логики, слѣдуетъ, что и сама логика—миѳъ? Развѣ изъ того, что дѣти, а иногда и взрослые ошибаются въ счетѣ, слѣдуетъ призрачность или ненадежность ариѳметическихъ истинъ? Изъ того, что Валлисъ принялъ выраженіе $X^{-\frac{1}{2}}$ за величину, большую безконечности, вслѣдствіе ошибочнаго истолкованія природы отрицательной величины, никому еще не приходило въ голову заключать о „бренности“ теоріи отрицательныхъ величинъ вообще. Такой великій математическій геній, какъ Ньютонъ, впалъ въ ошибку при рѣшеніи задачи о движеніи тяжелаго тѣла въ сопротивляющейся средѣ; но развѣ вина этой ошибки была въ новомъ исчисленіи? Когда Клеро, одинъ изъ основателей небесной механики, при вычисленіи возмущенія одной планеты, пришелъ къ теоретическому результату, не согласовавшемуся съ наблюденіями, онъ не вздумалъ усомниться въ математикѣ или механикѣ, но пришелъ къ заключенію о невѣрности закона всемірнаго тяготѣнія; натуралистъ Бюффонъ выступилъ въ защиту открытія Ньютона, и

*) *Paul Dubois-Reymond.* Die allgemeine Functionentheorie, Theil, Tübingen 1882, стр. 133—134.

Клеро, пересмотрѣвъ свои вычисленія, нашелъ ошибку въ суммированіи одного ряда. А когда въ 40-хъ годахъ XIX вѣка стало обнаруживаться странное несоотвѣтствіе между наблюденіями и астрономическими таблицами, то Араго и Леверрье не только не усомнились въ вѣрности какъ математическихъ пріемовъ вычисленія, такъ и законовъ тяготѣнія, но и сразу выдвинули гипотезу о неизвѣстной планетѣ, долженствовавшую подтвердить всѣ данныя механики и астрономіи; блестящее открытіе Нептуна было торжествомъ подобнаго научнаго прогноза. Наконецъ, когда математикъ Буссинескъ возымѣлъ идею примирить свободу воли съ детерминизмомъ помощью „особыхъ интеграловъ дифференціальныхъ уравненій", или, иначе говоря, указаніемъ на то обстоятельство, что, уравненія, выражающія динамическіе процессы мозговыхъ молекулъ, способны одновременно удовлетворяться нѣсколькими рѣшеніями, то этимъ обнаружилось лишь то, что замѣчательный математическій талантъ можетъ соединяться съ философскою посредственностью, а не то, что математика претендуетъ на чудодѣйственное рѣшеніе вопросовъ, лежащихъ притомъ внѣ ея компетенціи *). Однимъ словомъ, если исключенія подтверждаютъ правило, то ошибки еще въ большей степени подтверждаютъ теоретическія истины, и сама наука есть не что иное, какъ ассимптотическое приближеніе къ истинѣ-идеалу, путемъ прогрессивнаго отрѣшенія отъ ошибочныхъ и одностороннихъ представленій.

Далѣе Энгельсъ ссылается на тѣ ограниченія, которымъ постепенно подвергаются законы, относящіеся къ области физическихъ наукъ, какъ, напр., законъ Бойля-Маріотта. Указавъ на то, что физика и химія изобилуютъ гипотезами, которыя никогда не могутъ быть провѣрены непосредственнымъ наблюденіемъ, Энгельсъ заключаетъ: „Окончательныя истины послѣдней инстанціи со временемъ становятся удивительно рѣдки" **).

Когда діалектикъ соглашается допустить въ наукѣ существованіе „вѣчныхъ истинъ", хотя и въ ограниченномъ числѣ, то онъ этимъ признаетъ уже свою позицію сбитою: въ самомъ дѣлѣ, если немного таковыхъ истинъ уже есть, то непонятно, почему ихъ число не можетъ увеличиться. Здѣсь не поможетъ и третированіе подобныхъ истинъ, какъ истинъ плоскихъ; для математики, напримѣръ, та истина, что дважды два—четыре, не болѣе плоска, чѣмъ формула Тэйлора или теорема Абеля. Но когда діалектикъ настаиваетъ на постепенномъ вымираніи „вѣчныхъ

*) *Boussinesq.* Conciliation du véritable déterminisme mécanique avec l'existence de la vie et de la liberté morale, Paris 1878, *Его же.* La liberté et le determinisme scientifique (Revue scientifique, № 42, 1877).—См. рецензію *Бертрана* (Journal des savants, sept. 1878) и статьи *Дельбефа* и *Фуллье* въ Revue philosophique, 1882—1883.

**) *Engels.* Anti-Dühring, стр. 66.

истинъ“ въ наукѣ, то его утвержденіе требуетъ тщательнаго разбора. Такія науки, какъ физика и химія, изобилуютъ гипотезами; но развѣ эти гипотезы конкуррируютъ съ „вѣчными истинами“, а не подготовляютъ для нихъ почвы? Развитіе науки представляетъ процессъ выработки научной истины изъ гипотезъ путемъ естественнаго ихъ подбора. Такъ, ученіе Коперника было въ теченіе долгаго времени гипотезою, носившею еще при томъ слѣды вліянія теоріи эпицикловъ; къ новому ученію относились отрицательно такіе люди, какъ Баконъ и Тихо-де-Браге. Таковою же гипотезою была первоначально и теорія всемірнаго тяготѣнія, которую, какъ извѣстно, Гюйгенсъ считалъ безсмыслицею. Если иногда гипотеза держится очень долго, чтобы затѣмъ, потерявъ кредитъ, уступить мѣсто чему-нибудь другому, то это значитъ, что гипотеза обладала достоинствами, споспѣшествовавшими развитію соотвѣтственной научной области. Эпикуръ говорилъ, что важно не столько объяснить явленіе, сколько показать, что объясненіе возможно. Современная наука идетъ гораздо дальше: она допускаетъ только такія объясненія, которыя находятся въ соотвѣтствіи со всѣми извѣстными фактами и даютъ основанія для научнаго прогноза. Нужды нѣтъ, что эти объясненія могутъ въ извѣстный моментъ оказаться недостаточными: они составляютъ *приближеніе къ истинѣ* и уступаютъ мѣсто лишь такому объясненію, которое *еще ближе къ истинѣ*. Объясненіе свѣтовыхъ явленій помощью волнообразныхъ колебаній частицъ эфира дало гигантскій размахъ прогрессу физической оптики и, вѣроятно, еще таитъ въ себѣ зародыши будущихъ великихъ открытій; но оно все еще остается плодотворною гипотезою. Мало того, такой знатокъ математической физики, какъ Пуанкаре, говоритъ: „Насъ мало интересуетъ, имѣетъ ли эѳиръ реальное существованіе; это—дѣло метафизиковъ; для насъ существенно то, что все происходитъ такъ, какъ если бы онъ существовалъ, и что эта гипотеза удобна для объясненія явленій... Когда-нибудь, безъ сомнѣнія, эѳиръ будетъ отвергнутъ какъ безполезный. Но и тогда даже законы оптики и уравненія, составляющія ихъ аналитическую форму, останутся истинными, по крайней мѣрѣ, какъ первое приближеніе“ *). И развитіе науки, повторяемъ, представляетъ ассимптотическое, хотя иногда и зигзагообразное приближеніе къ идеальной истинѣ, которая и не думаетъ становиться „удивительно рѣдкою“.

Прогрессивное приближеніе къ истинѣ имѣетъ мѣсто и въ другомъ отношеніи, а именно въ смыслѣ болѣе детальнаго, а слѣдовательно и болѣе точнаго изслѣдованія разнообразія процессовъ, входящихъ въ составъ каждаго отдѣльнаго явленія. При ограниченности какъ методовъ вычисленія, такъ и способовъ на-

*) *Poincaré.* Theorié mathématique de la lumiére, P. 1889. Préface.

блюденія и измѣренія, даже посредственное приближеніе можетъ представляться не только удовлетворительнымъ, но даже идеальнымъ рѣшеніемъ научныхъ проблемъ. Но совершенно другое дѣло, когда прогрессъ техники вычисленія и эксперимента вводитъ насъ въ области, прежде недоступныя изслѣдованію, когда, напримѣръ, ученый, оставаясь въ своемъ кабинетѣ, опредѣляетъ вычисленіемъ мѣсто, которое должна занимать на небѣ неизвѣстная до сихъ поръ планета, или когда наблюденіемъ параллакса въ сотыя доли секунды опредѣляется разстояніе отъ насъ звѣзды, свѣтъ отъ которой доходитъ до земли въ десятки или сотни лѣтъ, или когда, помощью дифракціонныхъ коймъ, измѣряются десяти-тысячныя доли миллиметра, въ которыхъ выражается длина свѣтовой волны. Тогда изучаются и принимаются во вниманіе новые факторы, дѣйствіе которыхъ до того было совершенно незамѣтно. Значитъ ли это, что истина ограничивается, что область ея примѣненія становится уже и уже? Нѣтъ, это значитъ, что прежняя формулировка истины недостаточна, что изслѣдованіе доставило матеріалы для приближенія къ *болѣе полной истинѣ*. Законы Кеплера опредѣляютъ, какъ первое приближеніе, идеальное движеніе планетъ нашей солнечной системы, которое имѣло-бы мѣсто въ случаѣ отсутствія возмущающихъ причинъ; дѣйствительное ихъ движеніе опредѣляется формулами небесной механики, принимающей во вниманіе всѣ силы и факторы. Точно также законъ Бойля-Маріотта, какъ доказывается въ кинетической теоріи газовъ, служитъ характеристикою газовъ идеальныхъ или совершенныхъ, къ которымъ дѣйствительные газы только болѣе или менѣе приближаются; дѣйствительная зависимость между объемомъ и давленіемъ, присущая реальнымъ газамъ, усложняется специфическими факторами и опредѣляется какъ данными опыта, такъ и при помощи теоретическихъ соображеній, формулируемыхъ кинетическою теоріею газовъ и механическою теоріею теплоты. *Истина не отмѣняется, а усложняется.* И чѣмъ сложнѣе изслѣдуемая область, чѣмъ большее число факторовъ вліяетъ на результатъ, тѣмъ меньше мѣста для проявленія закона въ простой и схематической формѣ. И такъ какъ явленія все болѣе и болѣе усложняются, по мѣрѣ перехода отъ астрономіи, черезъ физику и химію, къ наукамъ біологическимъ и соціальнымъ, то становится понятнымъ, почему Энгельсъ отводитъ „вѣчнымъ истинамъ“, параллельно этому ряду, все болѣе и болѣе печальную роль.

Но усложненіе научнаго матеріала компенсируется тѣмъ процессомъ обобщенія, тою объединительною тенденціею, которая составляетъ характеристическую черту современнаго знанія. Сколько, напримѣръ, въ этомъ отношеніи сдѣлано принципомъ сохраненія энергіи и гипотезою единства физическихъ силъ! Въ результатѣ—бóльшая полнота, бóльшая общность, бóльшая все-

сторонность той самой истины, которою наука прогрессивно обогащается, а отнюдь не оскудѣваетъ.

Теперь, когда мы пришли къ концу нашего изслѣдованія, мы можемъ вполнѣ рѣшительно утверждать, что математика не только не компрометируетъ себя оправданіемъ діалектики, но по своему духу и содержанію является полнымъ отрицаніемъ и опроверженіемъ послѣдней. Діалектика—одинъ изъ тѣхъ элементовъ, которые такъ сильно вредятъ всему тому, что есть цѣннаго въ ученіи Маркса и Энгельса.

Ю. Делевскій.

НЕУРОЧНАЯ ПѢСНЯ.

Еще блуждали всюду сны,
И ночь таинственно чернѣла...
Вдругъ пѣсня птицы прозвенѣла
Среди унылой тишины.

Дохнулъ игривый вѣтерокъ,
Деревья чутко встрепенулись...
Но вмѣстѣ съ птицей обманулись—
Вдали былъ сумраченъ востокъ.

Замолкъ веселый шумъ вѣтвей,
И пѣсня утра не допѣта...
И, въ страхѣ близкаго разсвѣта,
Сомкнулась ночь еще чернѣй!..

Н. Шрейтеръ

ДЖЕКЪ РЭЙМОНДЪ.

Романъ **Е. Л. Войничъ.**

Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной.

IV.

Въ четвергъ утромъ м-ръ Хюиттъ былъ крайне молчаливъ и серьезенъ въ классѣ. Онъ пропускалъ ошибки и невѣрно списалъ задачу на доску, подъ глазами его были темные круги, точно онъ плохо спалъ, или у него болѣли зубы. Посреди урока исторіи въ классъ быстро вошелъ помощникъ священника съ разстроеннымъ лицомъ и сказалъ:

— Выйдите на минутку, Хюиттъ, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Они вышли изъ комнаты, а школьники стали возиться и зѣвать, развалясь на скамейкахъ.

— Алло!—сказалъ Чарли Томсонъ, глядя въ окошко. — Вѣдь это дочка Роско!

Джимъ Гривсъ вскочилъ съ мѣста съ подавленнымъ восклицаніемъ и снова сѣлъ. Джекъ беззаботно взглянулъ въ окно.

Мэгги Роско шла по дорогѣ, опершись на руку молодого священника, и горько рыдала.

— Что съ ней такое?—подумалъ Джекъ.—Да что случилось со всѣми? Всѣ въ школѣ сегодня носы повѣсили.

М-ръ Хюиттъ вернулся и продолжалъ урокъ, но рука его дрожала, когда онъ взялъ книгу. Потомъ онъ встряхнулся и сталъ съ раздраженіемъ спрашивать мальчиковъ и придираться къ ошибкамъ. Обыкновенно это былъ терпѣливый, хотя и скучный учитель, но сегодня все, казалось, раздражало его. Когда утренніе уроки кончились, онъ вызвалъ Джека и сдѣлалъ ему строгій выговоръ передъ всей школой. Одно изъ оконъ оказалось разбитымъ.

— Видѣли, какъ вчера ты собиралъ камни на дорогѣ. Уже третье стекло за этотъ семестръ!

Джекъ пожалъ плечами. Онъ не бросалъ камней, онъ только подобралъ нѣсколько пестрыхъ камешковъ, которые бросились ему въ глаза, но м-ръ Хюиттъ увѣренъ, что онъ виноватъ, такъ стоитъ ли разубѣждать его?

— Окно разбила кошка, сэръ,—вступился одинъ изъ мальчиковъ.—Я самъ видѣлъ. За ней гналась собака, она прыгнула на окно и свалила горшокъ съ цвѣткомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—разсѣянно сказалъ учитель.

Джекъ вышелъ съ нахмуреннымъ лицомъ, какого у него не видали съ субботы. Какіе они всѣ подлые! Не взлюбятъ кого-нибудь и рады все валить на него, не потрудятся даже спросить, кто виноватъ. И онъ долженъ повиноваться такому ослу!..

Да, но когда-нибудь онъ будетъ человѣкомъ, и тогда не будетъ никому подчиняться. Пусть дядя и прочіе негодяи дѣлаютъ, что хотятъ, какое ему до этого дѣло, если ихъ время такъ коротко? Ему все равно, когда-нибудь онъ будетъ свободенъ. Онъ никогда не думалъ объ этомъ; теперь эта мысль блеснула яркимъ лучемъ надежды. Джекъ пошелъ черезъ лугъ, и глаза его ярко сіяли: еще нѣсколько лѣтъ, и онъ будетъ человѣкомъ!

Во время послѣобѣденныхъ уроковъ самообладаніе вернулось къ м-ру Хюитту; но онъ сталъ еще мрачнѣе и давалъ короткіе, нетерпѣливые отвѣты на предлагавшіеся ему вопросы.

Нѣкоторые изъ старшихъ мальчиковъ, казалось, были разстроены не меньше учителя; по окончаніи уроковъ классъ разошелся въ молчаніи, безъ обычныхъ шутокъ и смѣха.

Джекъ захватилъ свои книги и бѣгомъ побѣжалъ домой. Если онъ поторопится приготовить уроки, онъ успѣетъ кончить ихъ до захода солнца.

Онъ перескочилъ черезъ живую изгородь однимъ легкимъ прыжкомъ, которому завидовали всѣ мальчики Порткэррика, и оглянулся, чтобы измѣрить глазами его длину. Она была очень солидна для четырнадцатилѣтняго мальчика, и это сознаніе наполнило Джека восторгомъ. Развѣ не счастье быть такимъ ловкимъ, сильнымъ и хорошо сложеннымъ? Джекъ взглянулъ на свои сильныя загорѣлыя руки, раздумывая, какой толщины вѣтку онъ можетъ отломить отъ живой изгороди изъ фуксій однимъ поворотомъ кисти? Но когда онъ уже протянулъ руку, чтобы попробовать свою силу, красота изящныхъ, пунсовыхъ бутоновъ остановила его; онъ никогда раньше не замѣчалъ, какъ живописно они висѣли, какъ нѣжно закрывали ихъ молодые листочки, точно протянутыя крылья морской чайки. Джекъ осторожно поднялъ вѣтку, встряхнулъ прелестные цвѣты и провелъ ими по щекѣ. Вдругъ

раздался ужасный крикъ, и Джекъ выпустилъ изъ рукъ вѣтку фуксіи. Крикъ повторился, онъ шелъ съ задняго двора: это былъ голосъ Спотти. Вѣрно, чужая собака напала на нее, вѣдь Спотти—слѣпая. Джекъ повернулся и со всѣхъ ногъ бросился во дворъ. Крики старой собаки звучали въ ушахъ все жалобное и пронзительнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался. Теперь онъ услышалъ новые звуки: острый, размѣренный свистъ хлыста. Джекъ на мгновеніе остановился у забора, у него перехватило дыханіе, потомъ онъ толкнулъ калитку и вошелъ во дворъ. Спотти лежала на землѣ, въ намордникѣ, привязанная цѣпью къ конурѣ. Она уже не могла двигаться и только стонала и вздрагивала, когда хлыстъ опускался съ ровнымъ, пронзительнымъ свистомъ. Викарій, казалось, вкладывалъ въ каждый ударъ всю свою силу.

Джекъ бросился впередъ съ бѣшенымъ крикомъ. При видѣ принятыхъ предосторожностей, намордника и укороченной цѣпи, кровь его вскипѣла отъ негодованія. Слѣпая собака и такъ была совершенно безпомощна. Еще одна минута, и онъ выхватилъ бы хлыстъ и ударилъ бы имъ дядю въ лицо; но онъ взглянулъ на это лицо, попятился и остановился неподвижно. Викарій, казалось, помолодѣлъ на двадцать лѣтъ. Безжизненные глаза его сверкали, ноздри расширились, дрожь наслажденія играла въ углахъ его рта. Онъ походилъ на человѣка, только что выпившаго жизненный элексиръ. Вдругъ викарій взглянулъ кверху, поднявъ хлыстъ, и увидѣлъ блѣдное лицо Джека. Онъ вздрогнулъ, остановился на мгновеніе и сильно, со свистомъ, въ послѣдній разъ опустилъ хлыстъ. Спотти не стонала больше, она лежала неподвижно.

Викарій нагнулся надъ собакой, тяжело дыша. Рука, державшая хлыстъ, слегка дрожала. Когда онъ поднялся, его лицо приняло обычное безжизненное выраженіе.

— Такъ!—сказалъ онъ, свертывая хлыстъ.—Я думаю, она не забудетъ этого урока.

Джекъ не двигался и ничего не говорилъ. Спотти зашевелилась и слабо застонала, высунувъ языкъ сквозь проволоки намордника.

Викарій сталъ передъ ней на колѣни, снялъ намордникъ и цѣпь, принесъ воды и держалъ чашку, пока собака пила.

— Поправится, — сказалъ онъ, продолжая смотрѣть въ сторону.—Мнѣ это было очень непріятно, но гораздо милосерднѣе одинъ разъ какъ слѣдуетъ прибить собаку и не имѣть надобности повторять наказаніе. Она будетъ слушаться въ другой разъ!

Тутъ онъ спохватился, что точно извиняется передъ Джекомъ, и рѣзко повернулся къ нему.

— Что ты дѣлаешь во дворѣ, когда ты не приготовилъ уроковъ? Я не хочу, чтобы ты пренебрегалъ своими занятіями, Джекъ; я сколько разъ говорилъ тебя это. Изволь все приготовить къ моему приходу.

Викарій ушелъ, а Джекъ продолжалъ стоять, блѣдный и неподвижный, съ дрожащей собакой у его ногъ.

Наконецъ, Спотти подняла голову, робко понюхала воздухъ и узнала своего единственнаго друга. Она ближе подползла къ нему, точно ища утѣшенія, лизнула его ногу и тихонько завизжала.

Тогда Джекъ бросился на землю рядомъ съ ней и зарыдалъ, положивъ голову на ея спину. Онъ не плакалъ такъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ маленькимъ.

Онъ кое-какъ приготовилъ свои уроки, когда дядя вернулся къ чаю.

Викарій всегда спрашивалъ ихъ и, обыкновенно, не безъ основанія оставался недоволенъ; но сегодня онъ ничего не сказалъ, хотя уроки были приготовлены еще хуже, чѣмъ всегда. Вечеръ длился безъ конца; Джеку казалось, что часы никогда не пробьютъ девять. Когда, наконецъ, пришло время ложиться спать, Джекъ поднялся въ свою комнату и сѣлъ въ темнотѣ на кровать. Весь вечеръ онъ вглядывался въ лицо дяди, стараясь найти тѣ черты, что поразили его во дворѣ. Теперь, сидя неподвижно, закрывъ глаза рукой, онъ снова видѣлъ ихъ. Онѣ выступали передъ нимъ въ темнотѣ, этотъ жесткій дрожащій ротъ, раздутыя ноздри, полные жизни, сверкающіе глаза... Значитъ, была на свѣтѣ одна вещь, доставляющая удовольствіе дядѣ? Потому что на лицѣ его было удовольствіе, а не гнѣвъ. Онъ совсѣмъ не такъ выглядѣлъ, когда сердился. Онъ разсердится, напримѣръ, когда узнаетъ, что ножъ пропалъ... Холодный потъ облилъ все тѣло Джека. Онъ вытянулъ впередъ обѣ руки точно для защиты.

Наконецъ, онъ всталъ, зажегъ свѣчку и раздѣлся. Онъ легъ въ постель, забытая свѣчка догорѣла до конца и потухла, а онъ все лежалъ неподвижно и смотрѣлъ въ темноту, такъ тихо, что можно было подумать, что онъ спитъ. Онъ лежалъ, а ужасная мысль стучала въ мозгу и жгла его. Когда кража ножа откроется, его тоже будутъ бить. Съ нимъ поступятъ такъ, какъ со Спотти, и эти жадныя губы растянутся насмѣшкой; никто не прикасался до него съ того дня, когда дроздъ улетѣлъ. Все, что было раньше, не считалось: онъ равнодушно, какъ на чужого, оглядывался на то, чѣмъ онъ былъ недѣлю тому назадъ; онъ сознательно жилъ ровно пять дней.

Спасенія не было; никто не пойметъ его. Никто никогда

не пойметъ, что онъ не тотъ, что былъ недѣлю тому назадъ; что мальчикъ, котораго такъ часто били, и который смѣялся надъ этимъ, умеръ, и что новаго Джека, который возродился вмѣсто того, никто никогда не трогалъ и не позорилъ. Его чистому, незапятнанному новому *я* не было спасенія; оно начало жить только въ прошлую субботу, а теперь дядя наложитъ на него руки, и оно умретъ...

Проснувшись на другое утро, Джекъ сѣлъ на постели и старался припомнить, что случилось съ нимъ наканунѣ.

Ему казалось непонятнымъ, что онъ, Джекъ Рэймондъ, пролежалъ безъ сна въ темнотѣ весь вечеръ и часть ночи, повторяя себѣ еще и еще разъ, что его побьютъ, точно это было что-то новое и ужасное. Онъ пожалъ плечами и вскочилъ съ постели.

— Я, должно быть, съ ума сошелъ,—подумалъ онъ и постарался прогнать изъ головы подобныя мысли, позволительныя только бабамъ и дѣвченкамъ.

Какъ только онъ былъ готовъ, Джекъ спустился во дворъ, чтобы взглянуть на Спотти. Онъ еще вчера вечеромъ заботливо смазалъ ея раны мазью, приготовилъ ей мягкую подстилку, и теперь она привѣтствовала его, слабо помахивая хвостомъ, когда онъ ласкалъ ее.

— Ничего, старушка,—говорилъ онъ, утѣшая ее,—онъ—скотина; но мнѣ тоже придется имѣть съ нимъ дѣло, и мнѣ это рѣшительно все равно.

Утѣшивъ Спотти, какъ только могъ, Джекъ побѣжалъ въ садъ посмотрѣть, какъ поживаютъ щенки. Утро было прелестное, свѣжее и росистое, и чистый морской воздухъ разсѣялъ послѣднія мрачныя мысли Джека.

Сарайчикъ для садовыхъ инструментовъ, гдѣ жили щенки, былъ кругомъ закрытъ густыми зарослями тамариска и фуксій. Въ ту минуту, какъ Джекъ нагнулся, чтобы схватить веселаго толстенькаго щенка, гравій захрустѣлъ подъ чьими-то шагами по ту сторону кустовъ, и голосъ дяди раздался надъ самымъ его ухомъ:

— Вы не видали моего племянника сегодня утромъ, Мильнеръ?

Гдѣ-то застучалъ тяжелый молотъ, застучалъ такъ сильно, что земля заколебалась и весь воздухъ наполнился грохотомъ. Но это длилось только мгновеніе; прежде, чѣмъ шумъ шаговъ замеръ на дорожкѣ, Джекъ понялъ, что молотомъ стучало въ его собственныхъ вискахъ. Онъ безсильно прислонился къ живой изгороди. Значитъ, ужасный бредъ прошлой ночи былъ не бредъ, а истина. Это было смѣшно, невозможно, въ этомъ не было смысла, но эта была истина. Онъ измѣнился, но міръ не измѣнился вмѣстѣ съ нимъ. Самыя

обыденныя въ глазахъ другихъ вещи для него звучали позоромъ и смертью.

Но день прошелъ, и ничего не случилось; очевидно, викарій еще не хватился ножа. Три дня провелъ Джекъ въ ожиданіи, что вотъ сейчасъ, сію минуту гроза разразится. При каждомъ звукѣ, при каждомъ движеніи въ домѣ, сердце его замирало; при каждомъ взглядѣ дяди холодный потъ выступалъ у него на лбу. Разъ ночью онъ даже всталъ, поспѣшно одѣлся, хотѣлъ бѣжать къ викарію, сказать: „Проснитесь! Посмотрите въ столѣ. Я укралъ вашъ ножикъ“!—Все равно, что будетъ потомъ, по крайней мѣрѣ, это мучительное ожиданіе кончится. Джекъ отворилъ уже дверь, но безмолвіе темнаго дома наполнило его суевѣрнымъ страхомъ, и онъ вернулся. Въ понедѣльникъ, на четвертый день, онъ вышелъ къ завтраку такой блѣдный, съ такими воспаленными глазами, что миссисъ Рэймондъ испугалась.

— Мальчикъ боленъ, Джозайа; онъ похожъ на привидѣніе.

Джекъ сталъ устало увѣрять ее, что онъ совсѣмъ здоровъ, да онъ и не сумѣлъ бы опредѣлить, что съ нимъ, если бы даже и рѣшился попробовать.

— Лучше не ходи сегодня въ школу, — снисходительно сказалъ викарій; онъ всегда старался быть снисходительнымъ, когда кто-нибудь былъ боленъ, и Джекъ еще больше ненавидѣлъ его за это.—Ты можешь заняться немного латынью дома, если чувствуешь себя въ силахъ; если же у тебя голова болитъ, то лучше не надо. Ты, вѣрно, вчера бѣгалъ слишкомъ много по солнцу.

Джекъ молча пошелъ въ свою комнату. Прошло нѣсколько времени, пока ему удалось избавиться отъ тетки: она доброжелательно суетилась вокругъ него, пока звонокъ у входной двери и звуки голосовъ не вызвали ее внизъ посмотрѣть, кто могъ придти въ такой необычайный часъ. „Къ барину, по важному дѣлу“, услышалъ Джекъ отвѣтъ прислуги. Онъ заперъ дверь и сѣлъ къ столу, радуясь, что, наконецъ, онъ одинъ. Его латинская хрестоматія лежала на столѣ, онъ безсознательно взялъ ее; лучше заняться уроками, какъ бы скучны и нелѣпы они ни были, чѣмъ мучить себя разными ужасами. Онъ просмотрѣлъ оглавленіе: отрывки изъ Цицерона, отрывки изъ Горація, отрывки изъ Тацита, одинъ скучнѣе другого. Онъ открылъ книгу на удачу и попалъ на исторію Лукреціи. Джекъ прочиталъ ее, уже не въ первый разъ, небрежно, какъ обыкновенно школьники читаютъ классиковъ, точно весь смыслъ ихъ въ словахъ и фразахъ, а не въ описаніи живыхъ людей. Что была ему Лукреція, и что былъ онъ Лукреціи? Да если бы ея исторія происходила въ его время, среди его народа, онъ и тогда не понялъ бы ее.

Деревенскій мальчикъ, воспитанный среди собакъ, кошекъ и лошадей, Джекъ силою обстоятельствъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми элементарными физіологическими фактами, но ему никогда не приходило въ голову сопоставлять эти факты съ людскими радостями и горестями. Вполнѣ здоровое и чистое тѣло, правильная жизнь на чистомъ воздухѣ, гимнастика, плаванье, крикетъ, футъ-болль, разгромъ садовъ и огородовъ, отвѣтственность капитана шайки разбойниковъ, сдѣлали то, что Джекъ остался настоящимъ ребенкомъ въ томъ возрастѣ, когда большинство мальчиковъ перестаетъ быть дѣтьми. Единственная человѣческая страсть, знакомая ему, была ненависть; относительно другихъ страстей онъ проявлялъ въ четырнадцать лѣтъ полное невѣдѣніе, безмятежное равнодушіе шестилѣтняго ребенка.

Джекъ весь углубился въ переводъ трудной фразы, когда дверь отворилась, и вошла миссисъ Рэймондъ.

Она остановилась и молча смотрѣла на него, и онъ вдругъ замѣтилъ, что ея лицо было блѣдно и разстроено, какъ четыре года назадъ, когда пришла телеграмма, что его отецъ утонулъ. Джекъ вскочилъ съ мѣста.

— Тетя Сара!..

Она, наконецъ, заговорила быстро, испуганнымъ голосомъ:

— Иди внизъ. Дядя тебя зоветъ; онъ въ кабинетѣ.

Въ ушахъ Джека шумѣло, когда онъ шелъ по лѣстницѣ: какой-то клубокъ подымался у него въ горлѣ и душилъ его.

Онъ открылъ дверь въ кабинетъ. У окна, повернувшись къ нему спиной, стояли помощникъ священника и м-ръ Хюиттъ и говорили серьезно въ полголоса. Викарій сидѣлъ у письменнаго стола, опустивъ свою сѣдую голову и закрывъ лицо руками.

Джекъ смотрѣлъ то на одного, то на другого. Стихійный ужасъ послѣднихъ дней вылетѣлъ изъ его головы; должно быть, пришло какое-нибудь страшное извѣстіе; первая мысль его, какъ всякаго мальчика, выросшаго на берегу моря, была о кораблекрушеніи. Но все время стояла такая чудная погода, что этого не могло быть; вѣрно, умеръ кто-нибудь?

Онъ подошелъ къ викарію, забывъ въ эту минуту о ихъ старой враждѣ.

— Дядя, что случилось?

М-ръ Рэймондъ поднялъ голову; подобнаго выраженія Джекъ еще никогда не видѣлъ на его лицѣ. Викарій всталъ, нетерпѣливымъ движеніемъ смахнулъ слезы съ глазъ и медленно повернулся къ священнику и учителю:

— Господа,—сказалъ онъ,—прошу прощенія за мою слабость; я любилъ мое стадо въ продолженіе столькихъ лѣтъ, и

если я не исполнилъ своихъ обязанностей, Господь свидѣтель, что я тяжело наказанъ.

— Никто не можетъ обвинять васъ, сэръ,—сказалъ молодой священникъ,—какъ могли вы, да и кто-бы то ни было, подозрѣвать это?

— Если кто-нибудь виноватъ, такъ это я,—вставилъ м-ръ Хюиттъ:—вѣдь я всегда съ мальчиками.

— Мы всѣ виноваты,—грустно сказалъ викарій,—и я больше всѣхъ. Я не уберегъ Христово стадо, оно разбрелось, и многія овцы упали въ яму.

Она досталъ Библію изъ ящика стола.

— Теперь, господа, я исполню свой долгъ, очищу пшеницу отъ плевелъ, какъ повелѣваетъ слово Божіе. Будьте увѣрены, я разслѣдую дѣло до дна и не пощажу мою собственную плоть и кровь.

Когда посѣтители молча вышли изъ комнаты, викарій заперъ за ними дверь и повернулся къ племяннику съ ужаснымъ выраженіемъ лица.

— Джекъ,—сказалъ онъ,—я все знаю.

Джекъ въ изумленіи смотрѣлъ на него; онъ ничего не понималъ.

— М-ръ Хюиттъ скрывалъ отъ меня свои подозрѣнія, пока не имѣлъ ясныхъ доказательствъ,—продолжалъ викарій тѣмъ же рѣзкимъ, монотоннымъ голосомъ.—Сегодня утромъ онъ произвелъ допросъ въ школѣ, и многіе изъ твоихъ сообщниковъ сознались. Какъ только мы узнаемъ всѣ подробности, виновные будутъ исключены. Что касается человѣка, съ которымъ ты имѣлъ сношенія, онъ уже въ тюрьмѣ. Давно ли ты распространялъ эту отраву между твоими товарищами?

Джекъ схватился руками за голову.

— Я... я не понимаю,—сказалъ онъ, наконецъ.

— Ты не понимаешь?—викарій открылъ ящикъ стола.

— Если это помѣшаетъ тебѣ усугубить твою вину безполезной ложью, такъ вотъ ножикъ, который ты укралъ и продалъ, и вотъ то, что ты купилъ на эти деньги.

Онъ бросилъ на столъ ножъ епископа и большой конвертъ.

— Видишь,—сказалъ онъ съ холоднымъ негодованіемъ,—лучше сразу сознайся.

Пока Джекъ еще ничего не понималъ; но теперь являлось нѣчто опредѣленное, осязаемое. Онъ взялъ конвертъ; его содержимое, что бы въ немъ ни было, объяснитъ ему, по крайней мѣрѣ, въ чемъ его обвиняютъ. Онъ вынулъ сначала маленькую книженку, грязно напечатанную на скверной бумагѣ, и прочелъ заглавіе. Оно было по-англійски, но онъ также мало понялъ его, какъ если-бы оно было по-китайски. Тряхнувъ головой съ безнадежнымъ чувствомъ, что все это

какой-то кошмаръ, Джекъ вынулъ изъ конверта нѣсколько раскрашенныхъ фотографій. Онъ просмотрѣлъ ихъ одну за другой, сначала въ какомъ-то недоумѣніи, но потомъ, когда онъ понялъ, что онѣ изображаютъ, недоумѣніе его обратилось въ безмолвный, паническій ужасъ, и онъ съ внезапнымъ отвращеніемъ бросилъ ихъ на полъ.

— Что это? Дядя, я не понимаю... Зачѣмъ, зачѣмъ это все?.. Сдержанная ярость викарія вырвалась наружу.

Онъ быстро обернулся и такъ ударилъ мальчика по лицу, что тотъ отлетѣлъ на другой конецъ комнаты.

— Здѣсь не театръ!—закричалъ викарій.—Тебѣ мало разврата, я долженъ еще переносить лицемѣріе и ложь!

Рука его медленно опустилась, онъ отвернулся, сѣлъ и разсмѣялся горькимъ смѣхомъ.

— Поздравляю тебя, мой мальчикъ, ты умѣешь играть также, какъ и твоя мать.

Джекъ стоялъ, опершись обѣими руками о стѣну; онъ инстинктивно вытянулъ ихъ, чтобы не упасть. Лицо его было блѣдно, какъ полотно.

— Я не могу понять,—безпомощно повторялъ онъ,—я не могу понять...

— Ты сейчасъ поймешь,—спокойнымъ голосомъ сказалъ викарій.—Иди сюда и сядь.

Джекъ молча повиновался; полъ началъ уходить у него изъ-подъ ногъ, и онъ былъ радъ, что можетъ присѣсть на минуту, что бы тамъ ни было. Онъ не чувствовалъ удара, не понялъ словъ, сопровождавшихъ его; все это казалось ему частью кошмара. Викарій облокотился на столъ и закрылъ глаза рукой. Когда онъ заговорилъ, въ голосѣ его звучала полная безнадежность, и каждое его слово отдавалось смертнымъ приговоромъ въ ушахъ мальчика.

— Я долженъ сразу сказать тебѣ, что всѣ твои тайны открылись. Мы все знаемъ про карточную игру, про распространеніе этой заразы, про то, что происходило въ пещерѣ у Треванна-Хэда, и про паденіе дочери Мэтью Роско. Она сама созналась, что виновникъ—одинъ изъ учениковъ м-ра Хюитта, но не сказала имени. Я предполагаю, что не ты совершилъ эту послѣднюю подлость; часъ тому назадъ я былъ увѣренъ, что это даже не допустимо въ твой возрастъ, но, кажется, мнѣ надо еще многому научиться.—Онъ остановился. Джекъ смотрѣлъ прямо передъ собой, губы его были полуоткрыты, взглядъ большихъ глазъ лишенъ всякаго выраженія. Въ его умѣ больше не было мѣста даже для изумленія; ему казалось, что онъ попалъ въ міръ призраковъ, темный, страшный міръ, гдѣ онъ, и дядя, и всѣ двигались, подобно неяс-

нымъ тѣнямъ, мелькающимъ по стѣнамъ освѣщенной каминомъ комнаты, не имѣющимъ ни формы, ни значенія.

— Вѣроятно, кто-нибудь изъ твоихъ старшихъ товарищей погубилъ дѣвушку, — продолжалъ викарій,—но не можетъ быть сомнѣнія, что нравственная гибель маленькихъ школьниковъ лежитъ на твоей душѣ. Томсонъ сознался, Гривсъ и Польуилль тоже; ихъ показанія прямо обвиняютъ тебя, не говоря уже о свидѣтельствѣ ножа...

— Ножа...—повторилъ Джекъ, ухватившись за первое слово, вызвавшее опредѣленное представленіе въ его наполненной чудовищными видѣніями головѣ.

— Его нашли въ рукахъ того человѣка, который снабжалъ тебя книжками и... другими предметами. Онъ заявилъ полиціи, что получилъ его въ уплату денегъ за его товаръ отъ школьника изъ Портксррика, съ которымъ онъ довольно долго имѣлъ дѣло. Никто, кромѣ тебя, не зналъ, гдѣ хранится ножъ.

Черезъ минуту викарій поднялся и пошелъ къ двери; онъ остановился и взглянулъ на Джека, положивъ руку на ручку двери!

— Джекъ,—сказалъ онъ,—когда твой отецъ умеръ, я, въ память его, взялъ тебя и твою сестру; но я сдѣлалъ это съ тяжелымъ сердцемъ, потому что въ жилахъ вашихъ течетъ кровь блудницы. Я кормилъ васъ, одѣвалъ, заботился о васъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ; теперь я вознагражденъ за это. Ты внесъ позоръ и отчаяніе въ мой домъ и обратилъ его въ преддверіе ада, осрамилъ меня передъ моими сосѣдями и наложилъ на меня несмываемое пятно передъ лицомъ моихъ прихожанъ. Я благодарю Бога, что твой отецъ умеръ.

Онъ повернулся и вышелъ.

Джекъ медленно поднялъ голову и оглянулся кругомъ.

Нѣкоторыя представленія начали яснѣе выдѣляться изъ хаоса въ его умѣ. Одно было ясно: его сдѣлали козломъ отпущенія за кого-то другого, можетъ быть, за всю шайку, но скорѣе всего за Билли Греггса, Томсона, Гривса и Польуилля.—Конечно,—устало разсуждалъ онъ,—они знали, что дядя повѣритъ всему, что ему наговорятъ про меня. Все это было такъ просто: онъ предводительствовалъ мальчиками во всѣхъ проказахъ и часто бралъ всю вину на себя, выгораживая ихъ, принимая на свою долю, какъ капитанъ, наименьшую часть добычи и наибольшее наказаніе, а въ это время товарищи обдѣлывали свои грязныя дѣлишки и смѣялись надъ нимъ за его спиной. А теперь они его предали и продали его врагу, чтобы спасти собственную шкуру.

Джекъ поднялъ съ полу фотографіи и началъ ихъ разсматривать, устало стараясь понять, какую пользу или удо-

вольствіе можно было извлечь изъ такихъ безобразныхъ и пошлыхъ вещей.

Вдругъ ему пришелъ на память разсказъ, который онъ читалъ у себя въ комнатѣ, и онъ понялъ, почему Лукреція убила себя. Теперь Джекъ все понялъ, понялъ таинственный ужасъ послѣднихъ дней; все это было такъ просто, такъ ужасно просто и легко! Ты идешь своей обычной дорогой, живешь своей обычной жизнью, пока дядя, или Тарквиній, или кто-нибудь другой — не все ли равно кто и какъ?—кто-нибудь, кто сильнѣе тебя, нападетъ на тебя и ужасно осквернитъ твое тѣло, а потомъ пойдетъ своимъ путемъ, а ты, чистый прежде, никогда больше не будешь чистъ. Если ты можешь перенести это, ты будешь жить, не можешь— кончишь, какъ Лукреція...

Когда вошла миссисъ Рэймондъ, съ лицомъ, облитымъ слезами, и обняла его, онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее—чего она такъ огорчается?

— Милый мой мальчикъ,—рыдала она,—отчего ты не хочешь сознаться?

Джекъ оттолкнулъ ее и всталъ. Онъ посмотрѣлъ на фотографіи, лежавшія на столѣ, потомъ на плачущую тетку.

— Тетя Сара, вы вѣрите, что это все сдѣлалъ я?

— О, Джекъ!—вырвалось у нея,—если бы ты былъ всегда хорошимъ мальчикомъ, я бы повѣрила тебѣ, если бы даже вся очевидность была противъ тебя; но ты самъ знаешь...

Она остановилась и стала вытирать глаза платкомъ.

— Да, я знаю,—медленно отвѣтилъ Джекъ. — Я всегда былъ такой скверный, да? Я думаю, что я уже родился такимъ. Тетя Сара, если бы я умеръ теперь, вы думаете, моя душа пойдетъ прямо въ адъ?

Она подошла къ нему и ласково взяла его за руку.

— Послушай, голубчикъ; я не такая умная и ученая, какъ твой дядя, но я желаю тебѣ добра. Право, вѣрь мнѣ, и я думаю... можетъ быть... это отчасти наша вина, что ты попалъ въ сѣти дьявола. Я думаю... мы были немножко строги... иногда... ты побоялся сознаться въ первой винѣ, а потомъ пошло хуже и хуже; теперь ты видишь, ты не можешь не видѣть, что этотъ путь ведетъ въ адъ. Ахъ, голубчикъ мой, я знаю, какъ тебѣ тяжело сознаться... и дядя такъ страшно сердитъ... впрочемъ, онъ правъ, вѣдь это смертельный грѣхъ! Но онъ со временемъ проститъ тебя, я увѣрена въ этомъ. А я, Джекъ, сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, я стану между нимъ и тобой, только сознайся.

Джекъ серьезно слушалъ ее, пока она не кончила своей жалобной, нескладной рѣчи; тогда онъ вырвалъ свою руку и молча выпрямился. Джекъ былъ высокаго роста для сво-

ихъ лѣтъ, и глаза его были на одномъ уровнѣ съ ея глазами.

— Тетя Сара, лучше будетъ, если вы меня оставите въ покоѣ. Конечно, это смертельный грѣхъ. Правда, что моя мать была блудница?

Она отшатнулась отъ него, слегка вскрикнувъ отъ ужаса.

— Джекъ!

— Дядя это сказалъ. Это слово изъ Библіи. А если она была блудница, что же мнѣ дѣлать? Во всякомъ случаѣ плакать не стоитъ, мнѣ это не поможетъ. Ахъ, лучше уйдите!

— Уйди,—раздался сзади нихъ рѣзкій голосъ.—Христіанская женщина не должна ничего знать объ этихъ мерзостяхъ!— Викарій взялъ фотографіи и спряталъ ихъ въ столъ.—Уйди,— строго повторилъ онъ.—Здѣсь не мѣсто тебѣ; Джекъ сумѣетъ разсказать тебѣ о вещахъ, которыхъ моя жена не должна знать.

— Джозайа!—вскрикнула она, схвативъ его за руку,— Джозайа, ради самого Бога, вспомни, что онъ ребенокъ!

— Хорошъ ребенокъ! Ребенокъ, который можетъ научить меня, сѣдого старика, такимъ вещамъ, что я... Уходи, уходи! Съ такими дѣтьми мужчины должны расправляться.

Она вышла изъ комнаты, горько плача. Джекъ поднялъ голову и понялъ. Онъ спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ подошелъ къ викарію.

— Дядя, я хочу сказать вамъ. Все это— ошибка, я ничего не знаю объ этихъ вещахъ; я въ жизни никогда не видѣлъ ихъ раньше; я не слышалъ ни слова о нихъ.

Викарій взялъ въ руки ножикъ:

— А это?

— Да, я взялъ ножикъ, это правда, и продалъ его, но не за эти вещи, и не тому человѣку, про котораго вы говорите.

— Зачѣмъ ты его продалъ?

— Я продалъ его одному мальчику, чтобы...

Джекъ вдругъ остановился. Сердце его сильно забилось и замерло. Онъ вновь увидѣлъ широко раскрытую дверцу клѣтки, счастливую птичку съ распущенными крыльями, улетающую, какъ стрѣла, навстрѣчу золотому солнцу, точно библейская голубка, которая не вернулась назадъ...

— Зачѣмъ ты его продалъ?

Джекъ съ минуту молчалъ, выискивая, какое бы выдумать объясненіе, потомъ онъ покорился. Онъ не могъ выдумать никакой лжи, да никакая ложь не могла спасти его, а правда была болѣе, чѣмъ безполезна. Если бы даже онъ могъ заставить себя высказать словами такую священную для него тайну, не было никого на свѣтѣ, кто бы повѣрилъ ему.

— О! —воскликнулъ онъ,—это невозможно! Я не могу сказать вамъ, а если бы и сказалъ, вы не поймете меня!

— Я довольно понялъ,—возразилъ викарій.—Да защититъ меня Христосъ, если я пойму больше!

Онъ сѣлъ къ столу, знакомъ приказалъ мальчику сѣсть напротивъ, вынулъ часы и положилъ ихъ между ними на столѣ.

— Я потерялъ надежду заставить тебя сознаться другими средствами, кромѣ силы. Теперь я долженъ подумать, какъ очистить школу отъ заразы и защитить тѣхъ, чья невинность еще не омрачена, и прежде всѣхъ твою собственную сестру.

Его голосъ на мгновеніе измѣнилъ ему, но затѣмъ онъ твердо продолжалъ.—Я долженъ знать всю правду и добыть ее отъ тебя, чего бы мнѣ это ни стоило. Ты понялъ меня? Даю тебѣ теперь десять минутъ, чтобы рѣшить, сознаешься ли ты добровольно, или я долженъ заставить тебя.

Онъ откинулся въ креслѣ. Въ комнатѣ была мертвая тишина, только часы тикали.

Джекъ зналъ, что положеніе его безвыходное; самый фактъ невинности его былъ въ глазахъ дяди не только невѣроятенъ, но даже недопустимъ.

Викарій понималъ и цѣнилъ цѣломудренное поведеніе; его собственное было строго цѣломудрено, потому что его строгія религіозныя убѣжденія поддерживали его во время долгой, терпѣливой борьбы съ порочными страстями, которыя обурѣвали его во время его холодной, тоскливой юности. Подобно многимъ средневѣковымъ святымъ, онъ выучился молитвою и умерщвленіемъ плоти бороться съ искушеніями, которыхъ не знаютъ вполнѣ здоровые люди; если бы онъ онъ не устоялъ передъ искушеніями, это было бы несравненно лучше для тѣхъ беззащитныхъ существъ которыя были въ его власти. Больное воображеніе, которому нѣтъ исхода, питаетъ само себя, и жажда жестокости выросла, какъ ядовитый грибъ, на гнилыхъ остаткахъ другихъ пороковъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ личной жизни его была одна страница, отъ которой онъ сгорѣлъ бы со стыда, если бы чьи-нибудь глаза прочли ее; викарій былъ увѣренъ, что каждый человѣкъ, если только хочетъ, можетъ побороть въ себѣ нечистыя желанія плоти; но онъ не могъ представить себѣ, что можетъ быть отъ природы чистое и дѣвственное воображеніе.

Мысли его обратились къ его собственной юности, къ тому времени, когда онъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ, тоже стоялъ на краю пропасти. Но даже въ самые грѣшные свои

дни онъ никогда не былъ повиненъ въ тѣхъ ужасахъ, что открылись сегодня утромъ; однако, его всетаки чуть не исключили изъ школы за нравственное развращеніе младшихъ школьниковъ. Непоправимаго зла онъ не сдѣлалъ, однако, при этомъ воспоминаніи кровь бросилась ему въ голову, не смотря на то, что уже прошло болѣе тридцати лѣтъ. Онъ вспомнилъ свое злобное упрямство, когда былъ обличенъ; свое запирательство лицомъ къ лицу съ неопровержимыми доказательствами, увѣренія, что онъ ничего не знаетъ; свой паническій ужасъ, когда онъ узналъ, что послали за его отцомъ. Онъ припомнилъ, какъ пришелъ отецъ, старый пуританинъ съ желѣзнымъ лицомъ, гнѣвный и безмолвный, и физическимъ насиліемъ вырвалъ у него сознаніе.

— Это излѣчило меня разъ навсегда,—думалъ онъ,—и это вылѣчитъ Джека, не смотря на всѣ его пороки.

Что касается Джека, то онъ ни о чемъ не думалъ, по крайней мѣрѣ, не думалъ сознательно. Его искалѣченный умъ безпомощно хватался то за одну, то за другую знакомую мысль. Розовый бутонъ колотился въ окно, и онъ думалъ: „Вѣтеръ перемѣнился, дуетъ съ юга“.—Потомъ онъ вспомнилъ о бурѣ, которая была въ прошломъ январѣ, когда проливной дождь побилъ живую изгородь; потомъ ему пришла на умъ Молли, какъ она сидѣла въ сарайчикѣ и оплакивала смерть Тиддльса... Часовая стрѣлка была уже между девятью и десятью минутами. Онъ вспомнилъ, какъ разъ влѣзъ на Утесъ Мертвеца и нашелъ тамъ кролика, котораго кто-то подстрѣлилъ, но не убилъ, который упалъ въ недоступное мѣсто и лежалъ, истекая кровью. Онъ ясно увидѣлъ, какъ судорожно вздрагивали его лапки и бѣлый куцый хвостикъ, какъ алая кровь медленно, тонкимъ ручейкомъ текла по сѣрой скалѣ. Теперь тоже что-то истекало кровью, а часы тикали. Когда стрѣлка дойдетъ до десяти минутъ, это что-то умретъ; а послѣ этого все въ мірѣ потеряетъ смыслъ.

Десять минутъ прошли. М-ръ Рэймондъ всталъ и взялъ мальчика за руку.

— Пойдемъ наверхъ,—сказалъ онъ.

Они въ молчаніи вошли въ комнату Джека, и ключъ былъ повернутъ въ замкѣ.

V.

Въ пятницу вечеромъ, послѣ семейной молитвы, м-ръ Рэймондъ, какъ всегда, поднялся наверхъ, въ запертую на замокъ комнату на чердакѣ. Солнце уже сѣло, но было еще довольно свѣта. Джекъ, полуодѣтый, лежалъ на полу, въ

самомъ дальнемъ углу комнаты. Онъ иногда часами лежалъ такъ безъ движенія. На столѣ стояла тарелка съ хлѣбомъ и кувшинъ съ водой.

Тутъ же лежала Библія, такъ какъ на допросѣ пытка всегда должна смѣняться молитвой и торжественными увѣщаніями, иначе она обращается въ обыкновенную бойню. Хлѣбъ былъ сегодня не тронутъ, но вода изъ кувшина вся выпита. Джекъ все это время держалъ себя совершенно безучастно. Онъ даже не пробовалъ спастись черезъ окно; это было бы довольно опасно, но вполнѣ возможно и выполнимо, если бы подобная мысль пришла ему въ голову. Во вторникъ вечеромъ, однако, онъ внезапно бросился на дядю и началъ душить его. На одну минуту, почувствовавъ на своей шеѣ пальцы мальчика, сжимавшіе его, какъ желѣзные тиски, викарій чуть не обезумѣлъ отъ страха, но въ слѣдующее мгновеніе онъ одолѣлъ Джека и бросилъ его на полъ. А затѣмъ послѣдовала отвратительная сцена, которая будетъ долгіе годы тревожить покой обоихъ.

Послѣ этого покушенія руки Джека были связаны; но это была ненужная предосторожность: у него больше не было и мысли сопротивленія. Было нѣсколько маленькихъ безпомощныхъ усилій и больше ничего. Когда его развязали, онъ лежалъ въ своемъ углу молча, ничего не понимая. Теперь, когда дядя подошелъ къ нему и заговорилъ, онъ бросился лицомъ въ полъ и забился въ истерическихъ судорогахъ.

Если бы викарію съ самаго начала могло придти въ голову, что мальчикъ выдержитъ такъ долго, онъ, навѣрное, оставилъ бы его въ покоѣ; но теперь, сдѣлавъ одну ошибку, онъ рисковалъ потерять свой авторитетъ, если бы прекратилъ дѣло, не доведя его до конца. Однако ему приходилось уступить; его положеніе становилось совершенно невыносимымъ. Въ деревнѣ уже начинали перешептываться и переглядываться, когда онъ проходилъ, а теперь еще это... Викарій принесъ воды изъ сосѣдней комнаты и попробовалъ напоить мальчика. Но губы Джека были крѣпко сжаты. Когда, наконецъ, судороги прекратились, Джекъ началъ неудержимо рыдать.

— Слава Богу!—прошепталъ викарій. Безъ сомнѣнія, это былъ послѣдній взрывъ упрямой воли, которую онъ поклялся сломить; никогда еще побѣда не доставалась ему съ такимъ трудомъ. Викарій поднялся со вздохомъ облегченія. Онъ исполнилъ, не отступивъ ни на шагъ, крайне тяжелый долгъ.

Онъ презрѣлъ не только собственное, вполнѣ естественное отвращеніе, но слезы и жалобы всего дома и даже серьезную опасность скандала, но онъ спасъ живую душу мальчика.

Онъ вспомнилъ о морякѣ, погибшемъ на скалахъ Лонгшикъ-Лайфа.—Этого не случилось бы, если бы капитанъ Джонъ былъ живъ,—не дальше, какъ сегодня утромъ, онъ слышалъ, какъ сказала эти самыя слова жена одного рыбака другой женщинѣ. Она была права. У бѣднаго Джона никогда бы не хватило твердости изгнать бѣса упорства, овладѣвшаго мальчикомъ; но онъ будетъ благодаренъ ему, викарію, когда, въ день страшнаго суда, увидитъ своего сына среди спасенныхъ.

Рыданья прекратились, наконецъ; Джекъ неподвижно лежалъ на своей подстилкѣ, спрятавъ лицо въ подушку. Викарій сѣлъ рядомъ съ нимъ и тихонько дотронулся до его руки.

— Довольно, Джекъ; перестань плакать. Сядь и выслушай меня.

Джекъ покорно сѣлъ, но отодвинулся какъ можно дальше. Глядя на его глаза, нельзя было сказать, что онъ плакалъ. Въ нихъ былъ какой-то странный зловѣщій блескъ.

— Мой милый мальчикъ,—началъ викарій съ кроткой торжественностью—все это было для меня не менѣе ужасно, чѣмъ для тебя; мнѣ никогда не случалось выполнять такой тяжелой, мучительной обязанности. Но какъ христіанинъ, какъ служитель Божій, я не смѣю потворствовать нечистотѣ. Самой тяжелой минутой въ моей жизни была та минута, когда я узналъ, что мой домъ сдѣлался очагомъ проказы и разврата, откуда отрава распространилась среди моего стада; что сынъ моего покойнаго брата виновенъ въ гибели невинныхъ членовъ христіанской церкви.

Онъ остановился на минуту. Джекъ не шевелился.

Чувство страха закралось въ душу викарія, когда онъ замѣтилъ, какъ широко раскрыты глаза Джека, какъ напряженъ его взглядъ. Голосъ викарія слегка дрогнулъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ,—ты считаешь меня жестокимъ и немилосерднымъ, но когда-нибудь ты будешь благодаренъ мнѣ за это. Дитя мое, ты подвергался опасности геены огненной!

Мальчикъ попрежнему сидѣлъ неподвижно, казалось, онъ едва дышалъ. Викарій взялъ его за руку.

— Но я вижу, что твоя дурная гордость сломлена, и что ты раскаиваешься въ твоемъ грѣхѣ. Положи руку твою на святую книгу Божію и обѣщай мнѣ, что ты исправишься. Тогда мы вмѣстѣ преклонимъ колѣна и помолимся, чтобы Господь соблаговолилъ простить тебѣ твой смертный грѣхъ и направилъ твои стопы на путь правый.—Онъ всталъ, продолжая держать руку мальчика, но рука была молча, украдкой отдернута.

— Джекъ!—воскликнулъ викарій,—ты все еще не раскаялся?

Джекъ всталъ и нѣсколько разъ оглянулся кругомъ, какъ звѣрь, пойманный въ западню. Онъ тяжело, прерывисто дышалъ.

— Вы скоро... кончите?—спросилъ онъ. Это были первыя слова, сказанныя имъ съ вечера вторника.

— Джекъ!—снова воскликнулъ викарій. Лобъ его медленно покрылся густой краской, губы сжались въ одну тонкую, прямую линію. Что-то атавистическое, что-то чувственное и жестокое появилось на его лицѣ. Ноздри раздулись и задрожали.

— Джекъ,—повторилъ онъ еще разъ и остановился.—Ты, кажется... вызываешь меня?

Они молча смотрѣли другъ на друга. Вдругъ глаза викарія медленно опустились и остановились на обнаженномъ плечѣ Джека, перерѣзанномъ кровавымъ рубцомъ. Старинная жажда крови, которую онъ такъ хорошо зналъ, снова внезапно овладѣла имъ: безумное физическое наслажденіе видѣть, какъ бьется въ рукахъ живое существо. Онъ протянулъ жадную дрожащую руку и дотронулся до раны. При этомъ прикосновеніи огонь пробѣжалъ по его жиламъ. Но прежде, чѣмъ предаться во власть роковой страсти, онъ успѣлъ замѣтить, что его жертва отшатнулась отъ него, какъ отъ прокаженнаго, и подумалъ: „мальчикъ понялъ!“

Джекъ медленно подошелъ къ спинкѣ кровати и протянулъ дядѣ руки, чтобы онъ привязалъ ихъ.

Поздно ночью, когда въ домѣ всѣ уже спали, Джекъ съ трудомъ приподнялся съ полу. Онъ лежалъ тутъ, вздрагивая и закрывъ голову руками, съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ дядя.

Джекъ оглянулся. Ему не давали свѣчи, но ночь была ясная, и мѣсяцъ свѣтилъ въ окно. Въ полночь, за окномъ, сонно чирикала какая-то птичка. Джекъ съ трудомъ дотащился до стола и выпилъ воды. Теперь онъ могъ пройти по комнатѣ, не спотыкаясь; онъ умудрился открыть дверь шкафа и достать спички и огарокъ, которые спряталъ тамъ недѣли двѣ тому назадъ. Онъ сдѣлалъ это тогда съ какой-то опредѣленной цѣлью, но забылъ—съ какой; вѣдь намѣренія и желанія того Джека, который жилъ двѣ недѣли тому назадъ, вовсе не касались его.

Зажегши свѣчку, онъ открылъ Библію и старался отыскать текстъ, который вертѣлся у него въ головѣ.

Хотя Джекъ хорошо зналъ священное писаніе, онъ долго возился: руки его онѣмѣли, распухли и сильно дрожали, когда

онъ переворачивалъ листы. Кромѣ того, его тошнило, и голова кружилась, ему пришлось закрыть глаза и подождать, пока буквы перестанутъ прыгать. Наконецъ, онъ нашелъ; это была 27-ая глава Второзаконія, глава о горѣ проклятія. Онъ съ трудомъ очнулся и поднялъ хлыстъ. Викарій швырнулъ его на землю, когда его жажда крови была утолена. Джекъ положилъ хлыстъ поперекъ и прижалъ окровавленный ремень подъ девятнадцатымъ стихомъ: „проклятъ тотъ, кто превратно судитъ пришельца, сироту, вдову. И весь народъ скажетъ: аминь“.

Потомъ Джекъ вылѣзъ изъ окна и сталъ спускаться по плющу. Онъ часто продѣлывалъ это, не думая объ опасности, но сегодня, когда онъ добрался до карниза, голова его снова закружилась, стѣна закачалась и двинулась впередъ, клумба съ цвѣтами внизу вдругъ стала подниматься; Джекъ рознялъ руки и упалъ. Въ продолженіе остатка ночи смутныя ощущенія смѣнялись странными представленіями безъ всякаго порядка и послѣдовательности; ощущеніе сильнаго жара смѣнилось ледянымъ холодомъ; громадная толпа народа шумно всплыла откуда-то и внезапно растаяла; что-то раскаленное жгло его правую руку; въ ушахъ его шумѣло, молніи сверкали, гдѣ-то съ громомъ лилась вода; а между всѣми этими представленіями—черные промежутки безмолвія.

На разсвѣтѣ онъ очнулся и заползъ въ дровяной сарай.

Въ этомъ поступкѣ было мало сознательнаго намѣренія; оно, казалось, было слѣдствіемъ слѣпого инстинкта животнаго заползти въ темный уголъ и тамъ умереть.

Джекъ сознавалъ, что правая его рука сломана; остальное все было неясно, кромѣ того, что ему было холодно, голова кружилась, и хотѣлось скорѣе умереть.

А если онъ умретъ нераскаяннымъ послѣ того, какъ былъ такимъ сквернымъ мальчикомъ, то, конечно, попадетъ прямо въ адъ; но до страшнаго суда далеко, а когда чувствуешь себя такимъ больнымъ и несчастнымъ, то и въ аду будетъ не хуже, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Около восьми часовъ утра викарій вышелъ въ садъ. Взглядъ его былъ жестокъ и сверкалъ гнѣвнымъ стальнымъ блескомъ; онъ только что былъ на чердакѣ, видѣлъ Библію съ отмѣченнымъ текстомъ и обломанный плющъ на стѣнкѣ.

Что, если мальчикъ убѣжалъ на деревню или къ диссидентскому священнику? Вѣроятнѣе всего, онъ постарается пробраться въ Фальмутъ и поступитъ юнгой на корабль. А, можетъ быть...

Викарій заломилъ руки.—Если бы я только не касался до него...—думалъ онъ и сердито покраснѣлъ, вспомнивъ объ обнаженномъ плечѣ и о кровавой ранѣ, возбудившей

въ немъ безумное желаніе. Онъ не смѣлъ, даже мысленно, назвать по имени того, что случилось съ нимъ вчера, но онъ хорошо зналъ, что̀ это было. Всю ночь онъ видѣлъ сны, которые, онъ думалъ, никогда не вернутся къ нему; и это снилось ему, чья жизнь была такъ строга, чье воображеніе въ продолженіе столь долгихъ лѣтъ было подъ такимъ строгимъ контролемъ.

Когда онъ былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, только что посвященнымъ въ санъ, разъ вечеромъ, еще въ Лондонѣ, онъ поймалъ въ своей комнатѣ крысу, которая доставила ему много хлопотъ. Долгая охота разсердила его, и несчастное животное, попавъ въ его руки, погибло мучительной смертью. Послѣ этого онъ убѣжалъ изъ дому, и, возвращаясь уже на разсвѣтѣ, разбитый, измученный раскаяніемъ, онъ говорилъ самъ съ собой,—виновата крыса!—Теперь онъ былъ полонъ гнѣва противъ Джека, который послужилъ причиной паденія и оскверненія его непорочной старости и вызвалъ воспоминанія и желанія, которыхъ онъ стыдился.

Открытая дверь дровяного сарайчика привлекла его вниманіе, и онъ заглянулъ въ него. Существо, притаившееся между вязанками дровъ, проползло еще дальше, въ самый темный уголъ.

Викарій подошелъ и нагнулся.

— Джекъ, что ты здѣсь дѣлаешь?—Мальчикъ забился еще дальше.

— Что случилось? Ты упалъ и разбился?

— Нѣтъ.

— Ты вылѣзъ изъ окна? Ты хотѣлъ убѣжать? Вставай!

Онъ остановился и ждалъ исполненія своего приказанія, но ничто не шевелилось. Викарій чувствовалъ, что самообладаніе готово его покинуть снова; это малодушное безсиліе, этотъ безотчетный ужасъ—опять ужасно искушали его.

— Вставай!—повторилъ онъ.

Джекъ чуть-чуть приподнялся и взглянулъ на дядю. Глаза его блеснули кровавымъ блескомъ, какъ угли, вспыхивающіе внезапно подъ золой умирающаго огня.

— Что же!—спросилъ онъ,—вы хотите убить меня, или я долженъ убить васъ?

Кровавый туманъ застлалъ глаза викарія; онъ, не глядя, со всей силы ударилъ кулакомъ.

Когда Джекъ свалился неподвижно, какъ мертвый, къ его ногамъ, викарій понялъ, что̀ онъ сдѣлалъ.

Въ первую минуту, отъ страха, ему показалось, что онъ сломалъ себѣ руку, такъ силенъ былъ ударъ. На его крики о помощи миссисъ Рэймондъ выбѣжала изъ дому.

— Джозайа, что случилось?

— Помоги мнѣ внести его въ домъ и поскорѣй пошли за докторомъ. Торопись!

Она нагнулась, чтобы войти въ сарайчикъ, но внезапно остановилась при видѣ распростертаго на полу мальчика.

Она молча стояла нѣсколько мгновеній, глядя на Джека, потомъ повернулась къ мужу:

— Что ты сдѣлалъ?

Викарій опустилъ глаза подъ ея взглядомъ.

— Я не знаю.

Миссисъ Рэймондъ наклонилась, не прибавивъ больше ни слова, помогая ему поднять мальчика, а онъ, какъ король Филиппъ Испанскій, понялъ, что его подданные осудили его. Въ продолженіе нѣкотораго времени Джекъ изъ одного обморока впадалъ въ другой. Спѣшно призванный д-ръ Дженкинсъ сдѣлался крайне серьезенъ послѣ того, какъ пощупалъ пульсъ мальчика.

— Дайте водки и горячихъ салфетокъ, скорѣе! И пошлите за д-ромъ Вилльямсомъ, мнѣ необходимъ его совѣтъ.

Викарій былъ такъ же блѣденъ, какъ Джекъ.

— Развѣ есть... опасность?—едва могъ онъ выговорить.

— Пульсъ страшно слабъ. Почему меня раньше не позвали?

Викарій облизалъ свои сухія губы.

— Не знаю,—сказалъ онъ, наконецъ.

Д-ръ Дженкинсъ внимательно смотрѣлъ на него, не отнимая руки отъ пульса Джека.

— Вы не знаете, когда и какъ это случилось?

— Не знаю.

Докторъ занялся своимъ паціентомъ.

Когда пришелъ д-ръ Вильямсъ, опасность смерти отъ упадка силъ миновала, и старикъ былъ немного удивленъ, что коллега счелъ необходимымъ послать за нимъ. Операція вправленія сломанной кости вызвала новый обморокъ; но на этотъ разъ мальчикъ скоро пришелъ въ себя и лежалъ съ полуоткрытыми глазами, по временамъ равнодушно взглядывая на суетившихся вокругъ его дивана людей. Ему хотѣлось, чтобы его оставили въ покоѣ, но онъ слишкомъ усталъ, чтобы протестовать, да на его протестъ никто, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія: оставалось только покориться.

Когда дядя подходилъ къ нему, онъ вздрагивалъ и отворачивалъ голову; остальное время онъ былъ совершенно безучастенъ и кротокъ, но не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ.

— Помнитъ ли онъ, какъ онъ упалъ? Откуда? Когда? Какъ это случилось?

Джекъ только молча трясъ головою.

Ему дали чего-то выпить, и онъ послушно выпилъ, уди-

вляясь, почему его не могутъ оставить въ покоѣ, и почему стаканъ такъ стучитъ объ его зубы? Послѣ этого онъ почувствовалъ себя сильнѣе и живѣе, но ему было все равно.

Положеніе, въ которомъ онъ лежалъ, было очень неудобно и заставляло его страдать,—и онъ дѣлалъ терпѣливыя усилія, чтобы перемѣнить его, поневолѣ останавливаясь, когда искры слишкомъ плясали передъ его глазами, и упрямо пробуя вновь, какъ только ему удавалось перевести дыханіе. Но онъ отказался, наконецъ, отъ своихъ усилій и лежалъ смирно, прикусивъ губу и отъ души желая смерти. Ему не пришло въ голову попросить кого-нибудь помочь ему.

— Можетъ быть, тебѣ поправить подушку? — спросилъ викарій.

Джекъ молча посмотрѣлъ на него, и д-ръ Дженкинсъ, стоявшій рядомъ съ нимъ, прочелъ въ черныхъ глазахъ мальчика такую смертельную ненависть, что поскорѣе нагнулся надъ нимъ.

— Что, рука очень болитъ теперь?

— Нѣтъ, не такъ сильно, когда не трогаютъ.

— А еще что-нибудь, кромѣ руки, болитъ?

Джекъ медленно оглянулся кругомъ съ серьезнымъ неудовольствіемъ на лицѣ.

— Почему вы это думаете? Развѣ я ною?

— Еще бы, вѣдь ты маленькій спартанецъ,—сказалъ д-ръ Виллльямсъ, съ улыбкой обращаясь къ нему. Онъ слышалъ только послѣднія слова.—Хотѣлъ бы я, чтобы всѣ взрослые паціенты такъ ныли, какъ ты; не такъ ли, коллега?

Д-ръ Дженкинсъ ничего не отвѣтилъ. Его глаза были болѣе зорки, чѣмъ глаза старика, и ему было просто страшно смотрѣть на строгій, испытанный стоицизмъ ребенка. Знаки веревки на рукахъ Джека сразу возбудили его подозрѣніе, и онъ все время наблюдалъ. Онъ замѣтилъ, что мальчикъ украдкой подносилъ къ губамъ лѣвую руку и кусалъ ее, когда думалъ, что никто не смотритъ на него. Это объяснило ему, почему смуглая кожа на рукахъ Джека́ была испещрена маленькими ранками; очевидно, просто стискивать зубы не всегда помогало.—Ты не могъ выучиться этой штукѣ въ одну ночь,—подумалъ онъ,—и ты больше знаешь, чѣмъ хочешь сказать. Мы еще не добрались до дна всей этой исторіи.

Джекъ продолжалъ молчать, но губы его судорожно вздрагивали. Ему довольно было разыгрывать спартанца, и онъ радъ былъ бы кричать и рыдать, какъ всѣ дѣти. Но теперь ужъ поздно было начинать, и, кромѣ того, онъ такъ усталъ! Онъ крѣпко прикусилъ губу, повернулся и сталъ смотрѣть въ окно.

— Лучше тебѣ теперь?—спросилъ д-ръ Виллльямсъ, видя,

что мальчикъ пересталъ дрожать.—Такъ мы тебя раздѣнемъ, чтобы убѣдиться, что у тебя все цѣло.

— Мнѣ кажется, я видѣлъ порѣзъ на правомъ плечѣ,— вмѣшался д-ръ Дженкинсъ.

Въ его голосѣ было что-то особенное, такъ что Джекъ кинулъ на него быстрый взглядъ и снова опустилъ глаза.

— О, мы, конечно, найдемъ нѣсколько царапинъ и синяковъ послѣ такого паденія,—сказалъ старый докторъ.

— Нечего дрожать, мальчуганъ, я больше не сдѣлаю тебѣ больно; вотъ и все. Алло!?

Онъ снялъ куртку и обнаружилъ залитую кровью рубашку.

— Чортъ возьми, мальчикъ, что ты съ собой натворилъ? Въ продолженіе мѣсяца, каждый день леталъ изъ окошекъ, что ли? Не можетъ быть, чтобы... Дженкинсъ, подите сюда, посмотрите на плечо этого ребенка! Господи, да это...

Наступило мертвое молчаніе; оба доктора и священникъ смотрѣли другъ другу въ лицо. Наконецъ, Джекъ внезапно взглянулъ на дядю, и глаза ихъ встрѣтились.

— Джекъ,—хрипло прошепталъ священникъ, такими же безкровными губами, какъ губы мальчика.—Ради самого Бога, почему ты не сказалъ мнѣ, что рука сломана?

Джекъ только посмотрѣлъ на него и засмѣялся.

VI.

Какъ ни былъ возмущенъ докторъ Дженкинсъ, онъ, однако, держалъ языкъ за зубами. Первое побужденіе его было предать все дѣло гласности, и онъ согласился молчать только послѣ горячаго спора со своимъ коллегой.

— Профессіональная тайна!—перебилъ онъ разглагольствованія старика, когда они оба вмѣстѣ шли черезъ лугъ.— А если бы меня позвали къ больному, и я бы увидалъ, что совершено убійство, вы тоже потребовали бы отъ меня сохраненія профессіональной тайны? Да и теперь мы не далеко ушли отъ убійства. Всѣ эти разговоры о викаріи и его порядочности... слава Богу, что не всѣ порядочные люди похожи на него! Мнѣ никогда не приходилось наталкиваться на такой ужасный случай даже въ самыхъ трущобахъ Ливерпуля, когда я практиковалъ тамъ. Можно подумать, что этотъ несчастный ребенокъ истерзанъ дикимъ звѣремъ.

— Это ужасное дѣло, я не отрицаю, — кротко отвѣтилъ д-ръ Виллььямсъ,—но какую пользу вы принесете, предавъ его гласности? Вы разрушите карьеру викарія—разразится ужасающій газетный скандалъ и положеніе мальчика станетъ

еще невыносимѣе. Вы только подумайте о несчастной женѣ викарія!

Однако сдержанность обоихъ врачей принесла мало толку. Вѣроятнѣе всего, что всю исторію первоначально разгласила прислуга, но какъ бы тамъ ни было, а въ понедѣльникъ вечеромъ въ Порткэррикѣ и во всѣхъ окружныхъ деревняхъ только и разговору было, что о скандалѣ въ церковномъ домѣ. Даже нетерпимый, больной подагрой, старый сквайръ, отличавшійся необычайно скверным характеромъ и принадлежавшій къ партіи тори, выползъ изъ своего совинаго гнѣзда на вершинѣ утеса, чтобы торжественно обсудить случившееся вмѣстѣ съ помощникомъ священника и школьнымъ учителемъ.

Видя, что теперь уже скрывать нечего, и что молчаніе только способствуетъ распространенію преувеличенныхъ слуховъ, оба врача согласились сообщить то, что было извѣстно имъ. М-ръ Хюиттъ подробно объяснилъ имъ чудовищную вину Джека, а священникъ серьезно выразилъ, что поступокъ викарія, „какъ сильно мы ни оплакиваемъ его", былъ, собственно говоря, слѣдствіемъ слишкомъ ревностныхъ заботъ объ общественной нравственности.

— А мнѣ то что за дѣло до всего этого?—рычалъ сквайръ.— Не предполагаете ли вы, что я самъ не знаю, что Джекъ Рэймондъ—отпѣтый негодяй? Да каждая корова въ Порткэррикѣ знаетъ это, и мнѣ до этого дѣла нѣтъ! Если мальчишка слишкомъ плохъ, чтобы жить среди приличныхъ людей, отошлите его въ исправительное заведеніе; вѣдь содержимъ же мы ихъ для чего нибудь? Но пока я—владѣлецъ помѣстья, я не допущу на своей землѣ вивисекціи и испанской инквизиціи, а не то я всѣмъ покажу!

Конечно, дѣло удалось замять, хотя не безъ бурной сцены въ церковномъ домѣ. Во всякомъ другомъ случаѣ м-ръ Рэймондъ былъ бы жестоко оскорбленъ вмѣшательствомъ постороннихъ въ свою домашнюю жизнь; но ударъ, полученный имъ въ ту субботу, когда онъ понялъ, какъ близко онъ былъ отъ убійства, нарушилъ его душевное равновѣсіе.

Сидя у стола, опустивъ голову на руку и нервно постукивая ногою по полу, онъ выслушалъ все, что говорили его обвинители, и, наконецъ, со вздохомъ поднялъ голову.

— Я не сомнѣваюсь, что вы правы, господа. Я заслужилъ порицаніе; но я хотѣлъ сдѣлать все къ лучшему. Поврежденіе смертнаго тѣла кажется мнѣ ничтожнымъ въ сравненіи съ погибелью столькихъ безсмертныхъ душъ. Можетъ быть, зная скверный характеръ моего племянника, которымъ Провидѣніе такъ жестоко наказало меня, я не долженъ былъ посылать его въ школу, гдѣ онъ имѣлъ случай развращать

другихъ. Я слышалъ,—прибавилъ онъ, повернувшись къ д-ру Дженкинсу,—что нѣкоторые врачи признаютъ, будто подобныя порочныя наклонности поддаются спеціальному гигіеническому лѣченію, но идея эта, по моему мнѣнію, основывается на глубоко безнравственномъ положеніи. Какъ можетъ гигіена излѣчивать грѣхъ?

— Я не богословъ,—рѣзко замѣтилъ докторъ,—я старался спасти жизнь мальчика и, надѣюсь, его разсудокъ; о нравственности его я не думалъ.

Блѣдное лицо викарія сдѣлалось сѣрымъ.

— Вы опасаетесь за его разсудокъ?—спросилъ онъ.

Д-ръ Дженкинсъ спохватился, чувствуя, что говорилъ слишкомъ рѣзко.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—дѣло не такъ ужъ плохо, но я опасаюсь истеріи. Мальчикъ слишкомъ нервенъ.

Войдя въ кабинетъ черезъ нѣсколько времени послѣ этого разговора, миссисъ Рэймондъ нашла своего мужа за столомъ, со смертельно блѣднымъ лицомъ. При ея появленіи онъ быстро всталъ; сознаніе, что онъ потерялъ уваженіе своихъ прихожанъ, было уже достаточно тяжело, а тутъ еще распухшіе отъ слезъ глаза жены...

— Джозайа, — сказала она съ усиліемъ въ ту минуту, какъ онъ выходилъ изъ комнаты. Онъ повернулся и гордо взглянулъ ей въ лицо.

— Что тебѣ, Сара?

— Когда ты пойдешь наверхъ... пожалуйста... не говори въ корридорѣ... Это... это такъ волнуетъ Джека...

— Мой голосъ волнуетъ его, хочешь ты сказать?

— Я... помнишь, вчера вечеромъ ты позвалъ Мэри-Анну? Джекъ услышалъ, и съ нимъ сдѣлался припадокъ... Онъ... онъ очень боленъ, Джозайа...

Голосъ ея оборвался. Послѣ столькихъ лѣтъ подчиненія и покорности ей теперь было стыдно за своего мужа. Она скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ сказала бы ему это; да и не надо было говорить: онъ самъ прочелъ въ ея глазахъ.

Единственнымъ лицомъ въ Порткэррикѣ, ничего не слышавшемъ о всей этой исторіи, былъ самъ Джекъ. Само собою разумѣется, что о ней не упоминали въ его присутствіи; да онъ не былъ бы въ состояніи слушать, если бы при немъ и говорили объ этомъ. Въ продолженіе двухъ недѣль онъ бредилъ каждый вечеръ и каждую ночь. Днемъ онъ обыкновенно лежалъ совершенно безучастно, иногда начиналъ потихоньку стонать, но чаще находился въ какомъ-то забытьи. Когда съ нимъ заговаривали, онъ съ трудомъ открывалъ

глаза, бросалъ равнодушный, утомленный взглядъ, выражавшій холодное неудовольствіе, и снова молча опускалъ глаза.

Присутствіе дяди въ комнатѣ Джека вызывало такіе припадки ужаса, что д-ръ Дженкинсъ принужденъ былъ запретить викарію входить къ больному; ничто другое не волновало его. Даже ежедневная пытка перевязки ранъ не выводила его изъ равнодушія. Первый разъ миссисъ Рэймондъ, помогавшая доктору, разрыдалась отъ ужаса и стыда, когда сняли повязки; мальчикъ только быстро взглянулъ на нее и прошепталъ слабымъ, прерывающимся голосомъ: „оставьте меня въ покоѣ"!

Болѣзнь Джека затянулась дольше, чѣмъ ожидали вначалѣ. Осложненій никакихъ не было, но въ продолженіе нѣкотораго времени онъ просто не могъ поправиться. Сломанная рука сросталась правильно, раны заживали хорошо, а онъ все лежалъ въ состояніи полной прострации, съ постоянной изнурительной лихорадкой. Но время и тщательный уходъ сдѣлали свое: Джекъ началъ медленно поправляться и, наконецъ, уже въ августѣ, безучастный, блѣдный призракъ прежняго Джека, самъ добрался внизъ и былъ уложенъ на диванѣ въ гостиной. Хотя Джеку и было все равно, но онъ чувствовалъ маленькое утѣшеніе, что поправился. Во-первыхъ, домашніе перестали суетиться вокругъ него, сидѣть въ его комнатѣ, приставать съ вопросами: „Не болитъ-ли у тебя голова? Удобно-ли тебѣ лежать"? Дѣйствительно, когда д-ръ Дженкинсъ сказалъ:—Теперь онъ здоровъ, ему нужно только силъ набраться,—тетя Сара, да и всѣ остальные, почувствовали съ облегченіемъ, что могутъ избѣгать его. Они все еще обращались съ нимъ, какъ съ больнымъ, заботливо оправляли подушки на диванѣ и въ опредѣленные сроки давали ему лѣкарство и бульонъ, но въ остальное время оставляли его въ покоѣ. Молли онъ видѣлъ изрѣдка и только на минуту, и она робко смотрѣла на него изъ-подъ своихъ спутанныхъ локоновъ. Чувство ужаса и какой-то тайны въ домѣ сообщилось и ей, и она безсознательно связала ихъ съ болѣзнью брата. Джекъ, съ своей стороны, мелькомъ взглядывалъ на нее и отворачивался; она перестала интересовать его. Хуже всего было то, что, вернувшись въ семейную жизнь, онъ принужденъ былъ снова встрѣчаться съ дядей. Но, не смотря на всю свою прежнюю агонію ужаса, когда пришло время встрѣтиться, Джекъ былъ совершенно равнодушенъ. Они поговорили о пустякахъ, избѣгая смотрѣть другъ на друга.

Отъ апатіи и равнодушія Джекъ перешелъ къ какому-то мрачному любопытству. Его умъ, остановившійся, какъ часы во время землетрясенія, снова неохотно заработалъ, но только

въ узкомъ кругу, какъ рабъ, принужденный повторять одну и ту же безсмысленную работу. Ему представлялась одна и та же вѣчная загадка: какая можетъ быть внутренняя связь между гадкими вещами, столь различными по внѣшности? У него не было сомнѣнія, что такая связь существуетъ; въ чемъ она заключалась—ему было все равно, но онъ день за за днемъ возвращался къ той же задачѣ, напрягая умъ и вырабатывая мало-по-малу одну изъ тѣхъ безформенныхъ, чудовищныхъ теорій, такъ хорошо знакомыхъ психіатрамъ.

Подслушанные давно-давно, еще прежде, чѣмъ улетѣлъ дроздъ, отрывки разговоровъ въ полголоса между другими школьниками, которые казались такими же мальчиками, какъ и онъ самъ; изреченія изъ Библіи, которыя онъ такъ часто читалъ, что созвучіе ихъ словъ стало ему близкимъ и знакомымъ, хотя смысла ихъ онъ не понималъ; случайно видѣнная сцена на сосѣднихъ крестьянскихъ дворахъ; отрывки старыхъ исторій изъ латинской хрестоматіи; фотографіи, которыя показали ему, чтó были всѣ эти вещи,—все это приходило ему на память и заставляло работать его воображеніе. Онъ вспоминалъ также выраженіе лица дяди въ ту страшную ночь на чердакѣ и смутное предчувствіе того же выраженія, когда глаза ихъ встрѣтились надъ безпомощной собакой на заднемъ дворѣ. Навѣрное, такое выраженіе было на лицѣ Тарквинія, когда онъ стоялъ у постели Лукреціи...

Въ послѣднее августовское воскресенье докторъ Дженкинсъ зашелъ въ церковный домъ. Церковная служба уже кончилась, но семья викарія еще не вернулась изъ церкви.

Джекъ былъ одинъ; онъ лежалъ на кушеткѣ у окна и безнадежными большими глазами смотрѣлъ на залитое дождемъ болото.

Какъ и всѣ остальные, докторъ повѣрилъ истинѣ обвиненія и до сихъ поръ чувствовалъ по отношенію къ мальчику холодное сожалѣніе; но въ эту минуту онъ забылъ все, кромѣ желанія утѣшить его.

— Не думаешь ли ты,—сказалъ онъ,—что ты скорѣе поправишься, если уѣдешь отсюда?

Что-то замерло на трагическомъ лицѣ Джека.

— Да, конечно. Но именно поэтому дядя не отпуститъ меня.—Это было сказано безъ всякой истерической горечи, просто, какъ подтвержденіе факта.

— Ты говорилъ съ нимъ объ этомъ?

— Я спросилъ его, нельзя ли мнѣ будетъ поступить въ школу въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ.

— Онъ противъ этого?

— Понятно!

— Джекъ,—началъ докторъ послѣ краткаго молчанія,—ты

понимаешь, почему дядя не хочетъ отдавать тебя въ школу?

— Я никогда не думалъ, что онъ меня отпуститъ, разъ онъ можетъ позабавится мною здѣсь. Вы никогда не наблюдали за нимъ, когда онъ дрессируетъ щенка? Дядя любитъ смотрѣть, какъ что-нибудь живое бьется въ его рукахъ.

Тонъ мальчика заставилъ доктора содрогнуться: онъ былъ такъ споконенъ и такъ жестокъ!

Наступило недолгое молчаніе; докторъ задумчиво нахмурился, а мальчикъ вернулся къ своему безнадежному разглядыванью мокрыхъ полей.

— Я думаю, — сказалъ, наконецъ, д-ръ Дженкинсъ,—что я могъ бы убѣдить его.

— Конечно, могли бы; вы слишкомъ много знаете.

— Послушай, мальчикъ, я не люблю циниковъ, даже взрослыхъ. Предположимъ, что я поговорю о тебѣ?

Губы Джека сжались, и лицо приняло еще болѣе жестокое выраженіе.

— Зачѣмъ? Какое вамъ дѣло?

— Никакого; развѣ только то, что я вижу, что ты несчастливъ, и мнѣ жаль тебя.

Джекъ внезапно повернулся и сѣлъ; что-то глубоко затаенное блеснуло въ его глазахъ.

— Значитъ, вы хотите помочь мнѣ?

— Если могу, — сказалъ докторъ очень серьезно, хотя былъ въ недоумѣніи.

Джекъ крѣпко сжималъ руки; голосъ его звучалъ хрипло и отрывисто.

— Возьмите меня отсюда! Отправьте меня, куда хотите, только бы мнѣ не видать дядю! Я... не могу жить здѣсь... вы не понимаете, конечно... я буду терпѣть, пока могу, но у меня не на долго силъ хватитъ...—голосъ его вдругъ оборвался. Докторъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Будемъ говорить откровенно, мальчикъ,—сказалъ онъ, наконецъ.—Я знаю, тебѣ все это было тяжело, очень тяжело; я тебя жалѣю больше, чѣмъ сумѣю сказать. Я думаю, что если бы дядя довѣрялъ тебѣ сначала, вмѣсто того... ну, не будемъ говорить объ этомъ. Предположимъ, мы теперь попробуемъ повѣрить тебѣ. Вѣроятнѣе всего, истинная причина, почему онъ не хочетъ отдать тебя въ школу, та, что онъ боится... что ты не будешь хорошимъ товарищемъ тѣхъ мальчиковъ, которыхъ ты тамъ встрѣтишь... Развѣ это не...

Говоря это, онъ взглянулъ на мальчика и остановился, не кончивъ вопроса; Джекъ молча наблюдалъ за нимъ, и при его взглядѣ, холодномъ, хитромъ, пристальномъ взглядѣ

изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, у доктора захватило дыханіе.

— Вы думаете—поэтому?—При звукѣ голоса Джека докторъ пришелъ въ себя и серьезно спросилъ:

— А ты какъ думаешь?

Мальчикъ медленно опустилъ глаза; онъ убѣдился, что д-ръ Дженкинсъ ничего не понимаетъ.

— Онъ сказалъ тебѣ свои причины?—настаивалъ докторъ.

Опять наступило тягостное молчаніе.

— Онъ сказалъ, что долженъ оставить проклятіе себѣ, а не навязывать его другимъ,—отвѣтилъ Джекъ своимъ равнодушнымъ, апатичнымъ голосомъ, точно говорилъ о совершенно постороннемъ предметѣ.

— Я такъ и думалъ. Вотъ что: одинъ изъ моихъ друзей директоръ прекрасной школы въ Іоркширѣ. Я думаю, если я переговорю съ дядей, онъ разрѣшитъ мнѣ рекомендовать тебя на мою собственную отвѣтственность. Это будетъ тяжелая отвѣтственность, Джекъ, послѣ всего того, что случилось; но я попробую повѣрить тебѣ. Вѣдь ты не заставишь меня жалѣть объ этомъ, не правда ли?

Мрачный огонь загорѣлся въ глазахъ Джека. Подождавъ съ минуту и не получивъ отвѣта, докторъ мягко прибавилъ:

— Видишь, мой мальчикъ, я долженъ и о другихъ подумать. Если кто-нибудь изъ мальчиковъ погибнетъ черезъ тебя, и я буду виноватъ въ этомъ, я никогда не прощу себѣ.

— Такъ зачѣмъ мнѣ поступать въ хорошую школу, если я такой скверный?—прервалъ его Джекъ.—Довольно съ меня хорошихъ людей! Неужели нѣтъ на свѣтѣ такого скверного человѣка, котораго бы я уже не могъ испортить? Да зачѣмъ мнѣ вообще поступать въ школу? Я лучше начну зарабатывать себѣ хлѣбъ. Я довольно силенъ, и я...—Онъ прервалъ свою рѣчь и съ горькимъ смѣхомъ прибавилъ:—Я готовъ поступить юнгой на невольничій корабль, если хотите, только бы тамъ дяди не было.

— Послушай, мальчуганъ, не говори пустяковъ,—кротко остановилъ его докторъ.—Обдумай все это и обѣщай мнѣ, что перевернешь страницу, оставишь эти привычки, и я...

Джекъ дико вырвалъ руку, которую взялъ докторъ.

— Я ничего не обѣщаю. Я самъ сумѣю выбиться.

— Мнѣ очень жаль, Джекъ,—серьезно замѣтилъ д-ръ Дженкинсъ.—Лучше бы ты позволилъ мнѣ помочь тебѣ... Онъ больше ничего не успѣлъ сказать, потому что вся семья вернулась изъ церкви, и Молли завладѣла его вниманіемъ.

Она была лучшимъ другомъ д-ра Дженкинса въ Порткэррикѣ, и онъ привязался къ ней и полюбилъ ее серьез-

ной, братской любовью, которую одинокіе холостяки нерѣдко чувствуютъ къ очень невиннымъ маленькимъ дѣвочкамъ.

Джекъ погрузился въ обычное ему унылое молчаніе. Пока чай не былъ конченъ, онъ не сказалъ ни слова.

— Дядя!—вдругъ началъ онъ.

Джекъ такъ рѣдко говорилъ теперь съ викаріемъ, что всѣ насторожились.

— Совсѣмъ рѣшено, что я не поступлю въ школу?

Лицо м-ра Рэймонда приняло жесткое выраженіе.

— Совсѣмъ, и ты знаешь почему. Я уже сказалъ тебѣ, а теперь довольно объ этомъ предметѣ.

— Хорошо. Я только хотѣлъ быть увѣренъ.

— Лягъ теперь, Джекъ,—робко сказала миссисъ Рэймондъ.—Когда Молли ляжетъ спать, я приду и почитаю тебѣ.

Джекъ легъ; онъ сталъ очень послушенъ во время болѣзни.

— Д-ръ Дженкинсъ обѣщалъ почитать мнѣ теперь,—небрежно сказалъ онъ.

Докторъ оглянулся съ удивленіемъ: онъ ничего подобнаго не обѣщалъ. Джекъ пристально смотрѣлъ на него, и онъ снова подумалъ, какъ неестественно было это скрытое напряженіе на дѣтскомъ лицѣ.

— Не надоѣдай д-ру Дженкинсу,—сказала тетя Сара.—Я почитаю тебѣ.

— Д-ръ Дженкинсъ обѣщалъ,—повторилъ Джекъ.

Лицо его было неподвижно и походило на маску; въ черныхъ глазахъ выражалась неприступная воля.

Д-ръ Дженкинсъ подошелъ къ дивану. Эта великолѣпная выдержка противъ воли притягивала его.

— Я почитаю тебѣ, если хочешь, мой мальчикъ. Но что же—разсказъ?

— Главу изъ Библіи, пожалуйста; по воскресеньямъ мы читаемъ только Библію.

— Вы увѣрены, что это не затруднитъ васъ, д-ръ Дженкинсъ?—спросила миссисъ Рэймондъ.

Когда докторъ повернулся, чтобы отвѣтить ей, онъ почувствовалъ, какъ пальцы Джека впились въ его руку.

— Нисколько,—началъ онъ.—Я буду очень доволенъ, если вы и м-ръ Рэймондъ снисходительно отнесетесь къ моему чтенію: я плохой чтецъ. Позвольте,—подвигая ей стулъ, онъ тихонько прибавилъ:—Не раздражайте его; его еще лихорадитъ къ вечеру.

Миссисъ Рэймондъ сѣла и взяла Молли на колѣни.

— Я отыскалъ мѣсто, сэръ,—сказалъ Джекъ, протягивая Библію.—Не можете ли вы немножко повернуть диванъ. Мнѣ больно глазамъ отъ свѣта. Да, такъ хорошо, благодарю васъ.

Теперь онъ смотрѣлъ прямо въ лицо дяди. Докторъ Дженкинсъ сѣлъ рядомъ съ нимъ и взялъ Библію. Она была открыта на главѣ съ отмѣченнымъ стихомъ.

— Неужели ты хочешь эту главу?—съ изумленіемъ спросилъ докторъ.—Вѣдь это глава проклятій.

Викарій забезпокоился.—Лучше прочтите дневное Евангеліе,—сказалъ онъ.

— Я читалъ его сегодня утромъ,—отвѣтилъ Джекъ своимъ равнодушнымъ голосомъ.—Пожалуйста, сэръ, эту главу, если вамъ все равно. Мнѣ надо выучить ее наизусть, и я не увѣренъ, что твердо знаю ее.

Контрастъ между выраженіемъ лица Джека и его словами возбудилъ любопытство доктора.

— Однако, Джекъ не безъ характера, — подумалъ онъ.— Хорошо, что не я его воспитываю.—Онъ началъ читать, не возражая. Его удивляло и не мало забавляло, что имъ такъ командуетъ провинившійся школьникъ.

Губы Джека беззвучно шевелились, когда онъ лежа наблюдалъ за дядей; казалось, онъ повторялъ про себя то, что читали.

Докторъ продолжалъ читать, перескочивъ черезъ отмѣченный кровавой полосой 19-й стихъ и пропуская слишкомъ рискованныя выраженія, хотя его слушатели и знали ихъ наизусть. Онъ чувствовалъ себя очень неловко.

— Мнѣ кажется, мы могли бы выбрать что-нибудь болѣе подходящее,—сказалъ онъ, когда глава была кончена.—Хочешь, я прочту тебѣ исторію...

— Пожалуйста, слѣдующую главу.—Джекъ произнесъ это очень кротко, не шевелясь и не отводя глазъ отъ фигуры въ креслѣ.

— Не приставай, Джекъ,—рѣзко замѣтилъ викарій. — Пусть д-ръ Дженкинсъ самъ выберетъ.

Пальцы Джека впились въ руку доктора.—Пожалуйста, продолжайте,—прошепталъ онъ, не шевелясь.—Слѣдующую главу!

Лицо Джека было совершенно безкровно и точно окаменѣло.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, что на умѣ у мальчишки?— думалъ д-ръ Дженкинсъ,—навѣрное, опять какая-нибудь чертовская выдумка! Онъ не былъ знакомъ съ Библіей такъ, какъ ее знали Рэймонды. Просмотрѣвъ первые стихи 28-ой главы, онъ сталъ читать, очень обрадованный тѣмъ, что проклятія кончились, и онъ дошелъ до благословеній. Прочтя первую страницу, онъ понялъ, что было въ этой главѣ.

„Проклятъ ты будешь въ городѣ, и проклятъ въ полѣ; прокляты будутъ житницы твои и кладовыя твои. Проклятъ

будетъ плодъ чрева твоего и плодъ земли твоей, плодъ воловъ твоихъ и плодъ овецъ твоихъ. Проклятъ ты будешь при входѣ твоемъ, и проклятъ при выходѣ твоемъ"... Докторъ опустилъ Библію на колѣни; онъ не въ состояніи былъ продолжать.

Миссисъ Рэймондъ поблѣднѣла, какъ полотно, и губы ея дрожали. Дѣвочка у нея на колѣняхъ тоже поблѣднѣла, испугавшись, сама не зная чего.

Джекъ не спускалъ съ лица дяди напряженнаго взгляда своихъ большихъ, широко открытыхъ глазъ.

Жуткая тишина воцарилась въ комнатѣ. Докторъ снова взялъ книгу и продолжалъ читать съ ужаснымъ сознаніемъ, что онъ принимаетъ участіе въ казни. Наконецъ, онъ добрался черезъ все усиливающіеся проклятіе до грознаго заключенія: „Отъ трепета сердца твоего, которымъ ты будешь объятъ, и отъ того, что ты будешь видѣть глазами твоими, утромъ ты скажешь: „о, если бы пришелъ вечеръ! а вечеромъ: о если бы наступило утро!..."

Викарій поднялся съ кресла съ подавленнымъ стономъ. Открытая Библія упала на полъ. Джекъ стоялъ на колѣняхъ на диванѣ, стиснувъ одной рукой его спинку, пристально смотря прямо въ глаза дядѣ. Вдругъ Молли громко заплакала.

— Благодарю васъ,—сказалъ Джекъ, снова ложась на диванъ.—Теперь дядя позволитъ мнѣ поступить въ школу.

VII.

Дѣйствительно, когда каникулы окончились, Джекъ поступилъ въ школу. Разъ добившись своего, онъ очень покорно отнесся ко всѣмъ второстепеннымъ вопросамъ. Выборъ м-ра Рэймонда палъ на хорошую среднюю школу невдалекѣ отъ Лондона; и когда Джеку сказали объ этомъ рѣшеніи, онъ согласился съ покорностью полнаго равнодушія. Въ послѣднее утро, когда пора была уже отправиться на поѣздъ, викарій позвалъ его въ кабинетъ.

— Я считаю необходимымъ предупредить тебя,—сказалъ онъ,—что, сообщивъ д-ру Кроссу разныя подробности о твоемъ характерѣ, я умолчалъ о моемъ послѣднемъ открытіи. Если бы я не сдѣлалъ этого, онъ, конечно, отказался бы принять тебя; но теперь я сомнѣваюсь, хорошо ли я дѣлаю, оставляя его въ невѣдѣніи... Главная причина, почему я остановился на его школѣ, та, что, какъ я слышалъ, онъ крайне строго слѣдитъ за поведеніемъ своихъ воспитанниковъ; и я надѣюсь, что у тебя не будетъ случая развращать твоихъ това-

рищей... Такимъ образомъ, твоя репутація чиста, и отъ тебя зависитъ заставить забыть прошлое. Но ты долженъ твердо помнить, что это твой послѣдній шансъ: если д-ръ Кроссъ пришлетъ тебя обратно, я отдамъ тебя въ исправительное заведеніе.

Джекъ стоялъ неподвижно и слушалъ, опустивъ глаза въ полъ. Такъ какъ онъ ничего не отвѣчалъ, викарій продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Я думаю излишне взывать къ твоему чувству естественной привязанности, въ противномъ случаѣ я бы просилъ тебя не огорчать тетку и не опозорить имени, которое носитъ твоя сестра. Но для твоей собственной пользы я совѣтую тебѣ одуматься, пока еще не поздно. Отъ исправительнаго заведенія до тюрьмы одинъ шагъ.

Отвѣта не послѣдовало; викарій вздохнулъ и всталъ.

— Я надѣялся, что ты, наконецъ, раскаешься и сознаешься. Джекъ, ты стоишь на поворотѣ твоей жизни, неужели тебѣ нечего сказать мнѣ на прощанье?

Джекъ медленно поднялъ на него глаза.

— Да, одну вещь.

Онъ былъ серьезенъ, но спокоенъ и вѣжливъ.

— Пошлете ли вы меня въ исправительное заведеніе, или нѣтъ, я думаю, я какъ-нибудь проживу и выросту. Молли у васъ въ рукахъ, и я не могу взять ее отъ васъ, потому что вы сильнѣе меня. Но когда я стану человѣкомъ, я буду сильнѣе васъ; и если вы будете дурно обращаться съ нею, я вернусь и убью васъ. Что касается до Спотти, то она больше не въ вашей власти: я утопилъ ее сегодня утромъ. Прощайте.

Джекъ быстро свыкся со школьной рутиной и прожилъ первую четверть, не наживъ ни друзей, ни враговъ. Никто не обращался съ нимъ дурно; ничего особеннаго не случилось; онъ даже не чувствовалъ себя несчастнымъ.

— Я привыкаю,—думалъ онъ съ мрачнымъ удовлетвореніемъ.—Существо, способное жить послѣ такого поруганія души и тѣла, не заслуживало, въ его глазахъ, даже ненависти. Вѣроятно, нервы его притупились.

Отъ прежняго буйнаго нрава не осталось и слѣдовъ. Изъ самаго шаловливаго мальчишки на двадцать миль въ окружности онъ обратился въ образецъ покорности; но ни учителя, ни школьники не любили его. Его товарищи, въ общемъ добродушные, заурядные мальчики, сначала дѣлали попытки подружиться съ нимъ, но онъ оттолкнулъ ихъ, не сердито, а съ какимъ-то мрачнымъ равнодушіемъ. Ни игры, ни спортъ больше не занимали Джека, но прилежанія къ

ученію въ немъ было также мало; онъ приготовлялъ заданные уроки, но нисколько не интересовался ими. Единственно, что доставляло ему, повидимому, наслажденіе и къ чему онъ стремился, былъ сонъ. Если бы ему только позволили, онъ способенъ былъ спать по пятнадцати часовъ въ сутки.

И учителя, и школьники начали на него мало-по-малу смотрѣть, какъ на скучнаго, апатичнаго увальня, у котораго не было ни достаточно ума для ученья, ни достаточно энергіи для шалостей. Они даже считали его трусомъ.

Передъ Рождествомъ осматривали зубы у всѣхъ мальчиковъ, и Джекъ, всегда такъ храбро переносившій физическую боль, задрожалъ и поблѣднѣлъ, когда дантистъ сказалъ, что надо ему запломбировать зубъ.

Викарій просилъ директора, чтобы Джекъ проводилъ рождественскія и пасхальныя каникулы въ школѣ и вернулся бы домой только на лѣто. „Путешествіе, писалъ онъ,—слишкомъ продолжительно, чтобы стоило его предпринимать ради нѣсколькихъ дней“.

Д-ръ Кроссъ, хотя и былъ нѣсколько удивленъ подобными объясненіями въ нашъ вѣкъ дешеваго и скораго желѣзнодорожнаго сообщенія, но согласился, и на Рождество, когда всѣ товарищи Джека веселились дома, Джекъ одиноко бродилъ по опустѣлому двору и спалъ одинъ въ большомъ пустомъ дортуарѣ.

Именно въ это время онъ началъ думать. Процессъ мышленія былъ для него труднымъ, тяжелымъ процессомъ. Умъ его раньше никогда не упражнялся въ этомъ направленіи, и у него не было привычки думать, которая является незамѣтно отъ общенія съ людьми интеллигентными. Врядъ-ли кто-либо изъ обитателей церковнаго дома когда нибудь занимался размышленіями: семейныя мнѣнія и традиціи передавались тамъ отъ отца къ сыну, какъ фамильное серебро, черты лица и добродѣтели. Рэймонды жили, какъ жили до нихъ другіе Рэймонды, и никогда не спрашивали Провидѣніе: почему?

Но Джекъ, покинутый, одинокій на развалинахъ своего разбитаго дѣтства, погрузился въ рѣшеніе страшныхъ вопросовъ. Міръ казался ему обширнымъ прудомъ, въ которомъ крупная рыба пожираетъ маленькихъ, потомъ ей самой вонзается подъ жабры крючокъ, и ее въ свою очередь пожираетъ ужасное двуногое существо, имя которому—Смерть.

Видя, что отъ этого ужаснаго финала нѣтъ спасенія, онъ считалъ признакомъ высшей мудрости отворачивать отъ него взоры и устремлять ихъ на тѣ опасности, которыхъ можно избѣжать.

Дядя оказался больше и сильнѣе его, совсѣмъ такъ, какъ Тарквиній, который былъ больше и сильнѣе Лукреціи; и это одно уже служило удовлетворительнымъ объясненіемъ всего того, что случилось съ нимъ прошлымъ лѣтомъ. Не было поводовъ къ упрекамъ, жалобамъ или гнѣву; все было вполнѣ естественно. Какъ Сетебосъ, богъ Калибана, сильнѣйшее существо поступало такъ, какъ ему нравилось.

Для слабѣйшаго оставался одинъ исходъ: закалить свои мускулы, развить грудь, чтобы, когда другое хищное существо встрѣтится на его пути, перевѣсъ силы былъ бы на его сторонѣ. Поэтому, когда школьники вернулись съ каникулъ, они нашли въ Джекѣ перемѣну: онъ былъ несообщителенъ, мраченъ и равнодушенъ, покоренъ начальству попрежнему, но, казалось, пробудился отъ своей сонной апатіи и интересовался хотя однимъ предметомъ: физическимъ развитіемъ.

— Дѣти,—сказалъ д-ръ Кроссъ въ первый же вечеръ,— я бы желалъ, чтобы старшіе мальчики присматривали за новичкомъ, который пріѣдетъ завтра, и не позволяли бы дразнить его. Это маленькій иностранецъ, единственный сынъ вдовы, и говорятъ, что онъ маленькій музыкальный геній. Ему только одиннадцать лѣтъ, и я думаю, что онъ порядочно избалованъ, особенно потому, что довольно слабаго здоровья. Конечно, его надо закалять понемножку, и я прошу васъ быть ему хорошими товарищами.

Джекъ пожалъ плечами, когда директоръ вышелъ. Значитъ школа обратится въ дѣтскую для грудныхъ младенцевъ и комнатныхъ собакъ?

Первый взглядъ на новичка возбудилъ въ немъ холодную и скрытую непріязнь. Ломаный англійскій языкъ и скрипка были уже достаточной причиной для этого, но съ этимъ Джекъ еще могъ бы примириться. Чего онъ не могъ выносить—это наружности ребенка. Англійское личико, окруженное ореоломъ золотистыхъ кудрей, большіе, серьезные, испуганные голубые глаза заставили Джека злобно стиснуть зубы.

У мальчика, навѣрное, всегда была мать, готовая каждую минуту стать между нимъ и Сетебосомъ.

Школьники любили д-ра Кросса, и его желанія обыкновенно уважались, поэтому „малыша", какъ прозвали мальчика, меньше преслѣдовали, чѣмъ можно было ожидать. Но не смотря на это, когда „старшины" были подальше, его жестоко дразнили, и первыя недѣли, проведенныя имъ въ школѣ, врядъ-ли могли назваться счастливыми. Мальчикъ замѣтно боялся этихъ большихъ, шумливыхъ созданій, которые то обижали, то защищали его, и онъ терялся въ

новой, чужой ему обстановкѣ, такъ не похожей на мирную, тихую жизнь, которую онъ велъ съ дѣтства подъ крылышкомъ матери, съ ея вѣчною скорбью, окруженный отголосками прошедшихъ трагедій. Цѣлый мѣсяцъ онъ провелъ въ водоворотѣ продѣлокъ и насмѣшекъ, одинокій маленькій человѣкъ, несчастный, но не смѣвшій жаловаться, повѣрявшій свои горести только скрипкѣ и съ нетерпѣніемъ ожидавшій того блаженнаго дня, когда мать пріѣдетъ навѣстить его.

Она обѣщала пріѣзжать разъ въ мѣсяцъ, чаще ей невозможно было. Она была слишкомъ бѣдна, чтобы позволить себѣ частыя путешествія, и слишкомъ слабаго здоровья, чтобы поселиться по близости школы. У нея былъ маленькій домикъ въ Шенклинѣ и ровно столько средствъ, чтобы прожить и дать сыну хорошее воспитаніе. Все, что она могла съэкономить изъ своихъ личныхъ расходовъ и заработать, разрисовывая вѣера и экраны, она откладывала для сына, когда онъ выростетъ. Во время ея перваго посѣщенія Джекъ случайно проходилъ черезъ переднюю, когда она вошла, и равнодушно окинулъ взглядомъ ея стройную фигуру въ траурѣ.

„Тео!“ услышалъ онъ ея возгласъ, когда мальчикъ съ бурной радостью промчался мимо него, а онъ повернулся и выбѣжалъ вонъ, чтобы не видѣть, какъ она его цѣловала. Сердце Джека было ожесточено противъ этого любимца несправедливыхъ боговъ, такъ богато одарившихъ его красотою, талантомъ и любовью матери. „Молли двумя годами моложе этой восковой куклы“,—думалъ онъ,—„а между тѣмъ, она должна рости въ дядиномъ домѣ, и некому защищать ее, кромѣ тети Сары“.

Два дня спустя, Джекъ сидѣлъ одинъ на лугу и читалъ.

Нѣсколько школьниковъ играли по ту сторону изгороди, и ихъ крики и смѣхъ раздавались въ его ушахъ, но не возбуждали его. Игра, выбранная ими, была не изъ тѣхъ, что развиваютъ мускулы, поэтому не представляла для него интереса; онъ принималъ участіе только для своего физическаго развитія, а не для удовольствія.

— Я не знаю, чего вы хотите!—закричалъ вдругъ жалобный голосъ.—Мнѣ надо идти упражняться!

Джекъ поднялъ голову. Недалеко отъ него, у калитки, соединявшей оба луга, стоялъ большой школьникъ, по фамиліи Стеббсъ, и держалъ Тео за руку. Испуганное личико мальчика вывело Джека изъ его размышленій. Онъ положилъ книгу и сталъ наблюдать. Никто изъ мальчиковъ не замѣтилъ его присутствія.

— Не будь такимъ дуракомъ,—услышалъ Джекъ слова Стеббса.—Я не сдѣлаю тебѣ больно...—Конецъ былъ сказанъ

такъ тихо, что разслышать его нельзя было, но Джекъ понялъ по выраженію лица большого мальчика. Онъ вспомнилъ Гривса, Томсона и Польуилля, и на лицѣ его выразилось холодное недоброжелательство.

Вотъ когда нужна защита матери! Должно быть боги всетаки справедливы и одинаково ведутъ къ погибели и любимыхъ, и нелюбимыхъ; къ подобному концу всегда приходитъ невинность, слишкомъ слабая, чтобы защищаться.

— Ты не знаешь, что все это значитъ,—думалъ онъ,—ты чистъ, къ тебѣ пріѣзжаетъ мать и цѣлуетъ тебя. Но когда она пріѣдетъ въ слѣдующій разъ, ты уже не будешь такъ чистъ.

— Я не понимаю, чего вамъ нужно!—снова закричалъ Тео и, вырвавъ руку, стрѣлой пустился къ калиткѣ.

— Ты изумительно невиненъ для каторжника!—закричалъ ему въ догонку Стеббсъ.

Тео сразу остановился, съ минуту, молча, большими глазами смотрѣлъ на него и вдругъ залился горькими слезами.

Джекъ поднялся и стоялъ у изгороди. Что то выплыло изъ темноты передъ его глазами: онъ увидѣлъ долину Треванны, заходъ солнца и дрозда... Затѣмъ все смѣшалось, все заволоклось туманомъ, въ ушахъ зашумѣло, въ глазахъ засверкали молніи; онъ стоялъ на колѣняхъ на груди кого-то, кто отчаянно брыкался и задыхался, и судорожно сжималъ руками чье-то горло. Припадокъ бѣшенства прошелъ черезъ минуту. Джекъ увидѣлъ себя среди цѣлой толпы школьниковъ, очевидно, привлеченныхъ съ сосѣдняго луга воплями Стеббса. Три мальчика лежали на землѣ, а четвертый, одинъ изъ „старшинъ", говорилъ задыхающимся, обиженнымъ голосомъ:—Однако, Рэймондъ, ты ловко работаешь кулаками!

Джекъ безпомощно оглянулся кругомъ, на Стеббса, который рыдалъ и задыхался въ углу; на другого мальчика, у котораго изъ носу шла кровь; на блѣднаго, испуганнаго Тео. Онъ стиснулъ обѣими руками голову; голова его кружилась и ему казалось, что онъ снова очутился въ Порткэррикѣ.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ, наконецъ,—я вышелъ изъ себя...

Джекъ медленно пошелъ прочь, повѣсивъ голову и едва передвигая ногами по травѣ. Изумленные школьники смотрѣли другъ на друга.

— Довольно, перестань ревѣть!—рѣзко сказалъ „старшина" Стеббсу.

— А ты, мальчуганъ—обратился онъ къ Тео,—бѣги за Рэймондомъ и отдай ему книгу; онъ забылъ ее.

Когда Тео убѣжалъ съ книгой, „старшина" снова обратился къ Стеббсу.

— Слушай! Рэймондъ не сталъ бы душить тебя даромъ. Въ слѣдующій разъ, если я поймаю тебя, что ты слоняешься и пристаешь къ малышамъ, я самъ тебя отдую. А теперь проваливай, намъ не нужно негодяевъ!

Стеббсъ покорно пошелъ прочь.—Этакая скотина!—проворчалъ старшина.

Послѣ этого инцидента Джекъ не могъ не замѣтить, что положеніе его въ школѣ измѣнилось. Онъ прежде относился такъ равнодушно ко всему окружающему, что не замѣчалъ, какъ мальчики ненавидѣли Стеббса и какъ не довѣряли ему. Если учителя и услышали кое-что о случившемся, они хранили молчаніе, но Джекъ медленно началъ понимать, что его неожиданная защита Тео привлекла къ нему симпатіи товарищей и вызвала страстное обожаніе со стороны малыша. Тео вездѣ бѣгалъ за нимъ, какъ собаченка, часто приводя свой кумиръ въ жестокое смущеніе особыми проявленіями своей нѣжности; ночная рубашка Джека была тщательно сложена и разглажена; въ башмакахъ вдернуты новые шнурки; книги открыты на заданныхъ страницахъ и первые весенніе цвѣточки лежали на его тарелкѣ за завтракомъ. Это послѣднее вниманіе переполнило, однако, чашу терпѣнія, и Джекъ такъ безжалостно выбранилъ мальчика, что „старшины“, вообще неохотно допускавшіе дружбу между старшими и младшими учениками, только пожимали плечами, но удержались отъ вмѣшательства.—Малышъ просто идіотъ,—рѣшили они,—и Рэймондъ способенъ поставить его на мѣсто.—Но преданность Тео выдерживала даже самыя жестокія насмѣшки и брань.

— Маленькій негодяй,—сердито ворчалъ Джекъ, когда при немъ упоминали о Тео; однако, съ теченіемъ времени онъ покорился, хотя крайне неохотно, и постепенно всѣ стали на него смотрѣть, какъ на присяжнаго защитника Тео.—Лучше не тронь малыша,—говорилъ одинъ школьникъ другому,—а то Рэймондъ задастъ тебѣ.

Что касается Тео, то, освободившись отъ преслѣдованія и заручившись двумя необходимыми ему вещами: кумиромъ для обожанія и свободой спокойно играть на скрипкѣ, онъ расцвѣлъ и распустился превыше всѣхъ ожиданій и даже научился браниться и обзавелся громаднымъ складнымъ ножомъ, къ счастью, слишкомъ тугимъ для его слабыхъ пальчиковъ, такъ что онъ не могъ самъ открывать его.

Письма Тео къ матери были наполнены похвалами Джеку. Она не могла составить себѣ опредѣленнаго понятія о причинахъ драки со Стеббсомъ, потому что Тео, къ счастью, самъ слишкомъ мало понялъ, чтобы сумѣть объяснить. Однако, въ слѣдующій свой пріѣздъ она добилась того, что онъ передалъ ей слова Стеббса, въ своей невинности совершенно не

понимая ихъ смысла. Въ этотъ день, послѣ обѣда, д-ръ Кроссъ вошелъ въ классъ и сказалъ Джеку:—Рэймондъ, иди внизъ. Мать Мирскаго хотѣла бы поговорить съ тобой, прежде чѣмъ уѣдетъ.

Джекъ послушался, но лицо его нахмурилось. Точно ему еще недостаточно скверно было, надо еще, чтобы къ нему приставали чужія маменьки!

Джекъ нашелъ ее одну; она сидѣла, сложивъ на колѣняхъ свои тонкія руки. Когда онъ вошелъ, она посмотрѣла на него, а онъ остановился и опустилъ глаза, чувствуя приливъ ревнивой ненависти къ ея сыну. По какому праву Тео имѣлъ мать, когда у другихъ никого не было?—Никого, никого,—мысленно повторялъ онъ съ болѣзненной настойчивостью. Джекъ никогда не понималъ, до чего онъ одинокъ, пока не увидѣлъ лица этой „чужой матери". Ея глаза походили на спокойную глубокую воду тѣнистаго озера въ долинѣ Треванны.

— Вы Джекъ?—спросила она.—Я столько слышала о васъ отъ Тео; онъ теперь ни о чемъ, кромѣ васъ, и говорить не можетъ.

— Онъ дуракъ,—сердито вспыхнулъ Джекъ. Онъ отдалъ бы всѣ карманные деньги за цѣлый годъ, чтобы только уйти изъ комнаты. Ея присутствіе дѣйствовало на него очень странно, онъ даже не сумѣлъ бы объяснить какъ; тихій голосъ съ иностраннымъ акцентомъ противъ воли проникалъ въ его душу и заставлялъ его думать о Молли, о пѣнѣ на сѣрыхъ прибрежныхъ скалахъ, о кружащихся въ воздухѣ чайкахъ. Какое право имѣла она являться сюда и заставлять его чувствовать себя снова несчастнымъ, когда онъ только что началъ забывать? Ей-то было все равно: у нея былъ ея Тео!

— Онъ еще совсѣмъ дитя,—сказала она,—и не имѣетъ понятія объ опасности, отъ которой вы его спасли. Я не могла уѣхать домой, не поблагодаривъ васъ.

Джекъ сжалъ зубы. Долго ему еще терпѣть? Теперь она смотрѣла на него серьезнымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Сначала я хотѣла взять его изъ школы; но я переговорила съ д-ромъ Кроссомъ, и онъ предложилъ мнѣ попросить васъ помочь мнѣ, потому что вы были всегда такъ добры къ моему мальчику. Вы позволите мнѣ отдать его подъ ваше покровительство? Д-ръ Кроссъ обѣщалъ объяснить „старшинамъ", такъ что вамъ не будетъ никакихъ затрудненій; а я увѣрена, что такъ будетъ лучше всего для Тео. Старшій товарищъ, особенно такъ сильно любимый имъ, можетъ защищать его несравненно лучше, чѣмъ учитель, и я увѣрена, что онъ будетъ слушаться васъ. Если вы согласны присмотрѣть за нимъ и не допустите его видѣть или слышать то,

что не долженъ знать мальчикъ его возраста, вы снимите большую тяжесть съ моей души.

Когда она остановилась, ожидая отвѣта, Джекъ поднялъ на нее глаза. Онъ готовъ былъ расхохотаться надъ жестокой шуткой, которую сыграла надъ нимъ судьба. Онъ подумалъ о ножѣ епископа, о фотографіяхъ, объ угрозѣ исправительнаго заведенія... Вдругъ клубокъ поднялся у него въ горлѣ, когда его глаза встрѣтились съ ея глазами, и онъ снова опустилъ взглядъ въ землю.

— Ладно,—сказалъ онъ отрывисто.—Я присмотрю за нимъ. Съ нимъ ничего не случится, пока я здѣсь.

Она протянула ему руку:—Благодарю васъ,—сказала она и встала, но остановилась и взглянула на него.

— Тео сказалъ, что мальчикъ, котораго вы побили, назвалъ его каторжникомъ. Это правда?

— Да.

— Знаете вы, почему?

Джекъ колебался. Онъ слышалъ смутные слухи объ отцѣ Тео.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я... мало... разговариваю съ другими, и, во всякомъ случаѣ, это не мое дѣло.

— Читали ли вы когда-нибудь исторію Польши?

— Я... нѣтъ, не думаю.

— Тео вѣрно сказалъ что-нибудь, и его не такъ поняли. Онъ плохо понимаетъ все случившееся, онъ былъ слишкомъ малъ тогда. Мой мужъ былъ политическій ссыльный... знаете ли вы, что это значитъ?.. онъ былъ сосланъ въ Сибирь. Когда онъ умеръ тамъ, я увезла моего ребенка во Францію. Я всегда старалась скрывать эти грустныя воспоминанія отъ Тео; онъ узнаетъ ихъ, когда выростетъ.

Джекъ вернулся на гимнастику, молчаливый и подавленный. Елена Мирская и все, что она ему сказала, принадлежала къ свѣту, о которомъ онъ ничего не зналъ. Онъ понималъ только, что она говорила съ нимъ, уѣхала и оставила его еще болѣе несчастнымъ. Она, между тѣмъ, ждала на станціи поѣзда и снова спрашивала себя: что таитъ въ своей душѣ этотъ мальчикъ, почему онъ такъ несчастенъ? Она видѣла его лишь въ теченіе десяти минутъ и говорила съ нимъ только о своемъ собственномъ дѣлѣ, а между тѣмъ она читала въ его душѣ такъ, какъ не въ состояніи были прочесть тѣ, съ которыми онъ прожилъ всю свою жизнь.

Въ гимнастическомъ залѣ Джекъ съ обычной добросовѣстностью продѣлывалъ свои упражненія съ гирями, но на этотъ разъ они не интересовали его.

Тео, стоя въ сторонѣ, широко открытыми, восторженными глазами смотрѣлъ на фокусы, которые продѣлывалъ его ку-

миръ. Когда Джекъ закинулъ руки назадъ, сводя гири за спиной, пуговица на воротникѣ его гимнастической рубашки оторвалась отъ сдѣланнаго имъ усилія, а когда онъ остановился, чтобы отдохнуть, и опустилъ руки, рубаха соскользнула съ его лѣваго плеча.

— Какой странный рубецъ у тебя на плечѣ, Рэймондъ,— сказалъ мальчикъ, стоявшій рядомъ съ нимъ.—Это обжогъ?

Онъ протянулъ руку, чтобы стащить рубаху пошире, но съ крикомъ отскочилъ. Джекъ повернулся къ нему съ побѣлѣвшими отъ гнѣва губами и замахнулся тяжелыми гирями надъ его головой.

— Я убью тебя, если ты дотронешься до меня!

Всѣ мальчики остановились и смотрѣли на него съ безмолвнымъ недоумѣніемъ. Строгій голосъ учителя прервалъ молчаніе:

— Что ты, Рэймондъ, Рэймондъ!

Кто-то взялъ гири изъ рукъ Джека. Онъ покорно отдалъ ихъ, шатаясь, добрался до ближайшей скамейки и сѣлъ. Снова появилось это ужасное головокруженіе, круги передъ глазами и звонъ въ ушахъ...

— Я не нарочно...—сказалъ онъ.

Когда урокъ кончился, учитель гимнастики пошелъ къ д-ру Кроссу и разсказалъ ему, что случилось. Джекъ, призванный въ кабинетъ директора, пошелъ мрачный, хмурый, приготовившись къ самому худшему.

— Рэймондъ, мой мальчикъ, мать Мирскаго сообщила мнѣ, что ты взялся присматривать за ея сыномъ и оберегать его,—сказалъ д-ръ Кроссъ.—Я сказалъ ей, что мальчикъ не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ. Ты уже сдѣлалъ ему много добра; я только что говорилъ объ этомъ со „старшинами“. Ты славный мальчикъ, если только будешь немножко сдерживаться. Кстати, если у тебя произойдутъ какія-нибудь недоразумѣнія съ товарищами, никто не будетъ имѣть противъ того, чтобы вы разрѣшили ихъ кулаками, по старинѣ, если вы не будете заходить слишкомъ далеко; но лучше не угрожать товарищамъ гирями; это не по-англійски.

— Слушаю, сэръ,—покорно отвѣтилъ Джекъ.

Въ корридорѣ маленькая ручка обхватила его руку.

— Джекъ,—прошепталъ Тео, глядя на него нѣжными глазами, такъ похожими на глаза матери,—что съ тобой? Ты весь дрожишь?

Джекъ остановился, почувствовавъ въ своей рукѣ нѣжные дѣтскіе пальчики. Онъ грубо вырвалъ руку.

— Что можетъ быть со мной? Все было бы хорошо, если бы меня оставили въ покоѣ!

Онъ оттолкнулъ Тео и весь день ходилъ съ жесткимъ,

сердитымъ, вызывающимъ лицомъ. Но поздно ночью, когда и воспитатели, и школьники крѣпко спали, онъ лежалъ съ открытыми глазами, погруженный въ свои грустныя, безнадежныя думы въ продолженіе долгихъ часовъ. Онъ думалъ, что привыкаетъ и начинаетъ забывать, но онъ ошибался; онъ былъ такъ же несчастенъ, какъ и раньше. Можетъ быть, такъ будетъ всю жизнь и онъ никогда не привыкнетъ? Да и зачѣмъ? Вѣдь шрамы не исчезнутъ, какъ же онъ можетъ забыть?

Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ смуглое лицо Джека поблѣднѣло отъ безсонныхъ ночей. Онъ всегда пользовался такимъ прекраснымъ здоровьемъ, что если бы ему случилось заболѣть, то онъ не такъ скоро показалъ бы это, какъ другіе мальчики. Но онъ не былъ боленъ; онъ былъ просто глубоко несчастенъ. Недѣли шли, и онъ становился все блѣднѣе и угрюмѣе, въ глазахъ его вернулось снова то выраженіе, которое было въ нихъ въ прошломъ августѣ.

Наконецъ, директоръ обезпокоился и повелъ его къ доктору, который внимательно и серьезно осмотрѣлъ его и спросилъ:

— Вы чѣмъ-нибудь разстроены?

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣтилъ Джекъ съ неподвижнымъ лицомъ. Докторъ нашелъ его состояніе слегка угнетеннымъ и прописалъ ему возбуждающее средство, которое, однако, пользы не принесло.

— Хотѣлъ бы я знать, что съ этимъ мальчикомъ Рэймондъ,—говорилъ д-ръ Кроссъ учителю математики.—Не думаете ли вы, что онъ тоскуетъ?

— Врядъ ли, онъ кажется слишкомъ тупымъ, чтобы тосковать. А впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, онъ скучаетъ по дому.

А между тѣмъ каждую ночь Джекъ переживалъ ужасныя мученія. Днемъ еще не было такъ тяжело: онъ былъ занятъ уроками и играми, окруженъ товарищами.

Хотя Джекъ не обнаруживалъ большого интереса къ занятіямъ, но они наполняли его время и отстраняли то, другое. Но случалось, что даже среди игры въ мячъ или крокетъ, сердце его сжималось при одной мысли о томъ, что наступитъ ночь. Вечеромъ, когда мальчики собирались въ спальняхъ, Джекъ бросался на постель съ деревяннымъ лицомъ и угрюмымъ „спокойной ночи“ и лежалъ, закрывъ голову одѣяломъ и стараясь ровно дышать, пока другіе раздѣвались. Ему казалось, что онъ сойдетъ съ ума при взглядѣ на гладкія, бѣлыя, неизраненныя плечи этихъ счастливыхъ созданій. Они прозвали его „суркомъ“ и шутили, что онъ

всегда первый засыпаетъ и послѣдній просыпается. Когда же свѣтъ былъ потушенъ, когда смолкалъ шопотъ мальчиковъ, Джекъ садился на постели и одинъ въ темнотѣ боролся съ демонами, безсильный справиться съ цѣлой оргіей ужасныхъ призраковъ, закрывалъ ротъ простыней и учился беззвучно рыдать, чтобы другіе не слыхали.

Иногда его самого поражало, что можно быть такъ разнообразно несчастнымъ, и всетаки не умереть.

Бывали ночи страха, когда фуріи, казалось, сидѣли у его изголовья. Онъ съ вечера засыпалъ спокойно, какъ и всѣ, чтобы проснуться отъ ужаснаго кошмара, что онъ снова въ Порткэррикѣ; зубы его стучали отъ страха, холодный потъ выступалъ на лбу, и волосы становились дыбомъ.

Бывали ночи злобы и бѣшенства, когда онъ сжималъ кулаки и скрежеталъ зубами, и ненависть противъ Божества, кто бы оно ни было, за то, что оно создало міръ такимъ несправедливымъ, а людей такими несчастными.

Были ночи отчаянія, когда онъ могъ только рыдать и рыдать, пока не разбаливалась голова, глаза горѣли, а горло такъ сжималось, что онъ едва могъ дышать.

Были ночи проклятія и ужаса, когда безобразныя фантазіи преслѣдовали его, а изъ темноты, куда бы онъ ни повернулся, смотрѣли на него знакомыя ему фотографіи. Но хуже всего были ночи стыда.

Самой ужасной пыткой для Джека былъ видъ спящихъ товарищей. Днемъ онъ то завидовалъ имъ, то презиралъ ихъ, но ночью онъ стыдился ихъ. Онъ сидѣлъ на краю своей постели, всматриваясь въ длинный рядъ спокойныхъ лицъ, прислушиваясь къ ихъ ровному дыханію. Иногда одинъ изъ нихъ со вздохомъ поворачивался, другой закидывалъ за голову обнаженную руку, и видъ этой руки былъ ударомъ ножа для молчаливаго наблюдателя. Всѣ они казались ему такими презрѣнными, такъ невыносимо бѣлыми и чистыми; какое право имѣлъ онъ быть среди нихъ? У нихъ не было дурныхъ сновъ, тайныхъ ужасовъ; имъ не надо было скрывать позорныхъ рубцовъ; ихъ никто не осквернилъ познаніемъ проклятія человѣчества... Тогда онъ бросался на постель, зарывался лицомъ въ подушку и твердилъ себѣ, что пора привыкнуть, что прошлаго не воротишь; что тѣло его осквернено навѣки, что оно никогда опять не будетъ чистымъ...

Пасхальныя каникулы были у дверей, и все въ школѣ пришло въ радостное волненіе. Для Джека перспектива тишины и одиночества казалась то облегченіемъ, то новымъ ужасомъ. Вдругъ ему пришло въ голову, что осталось только четыре мѣсяца до длинныхъ лѣтнихъ каникулъ, и тогда ему придется вернуться домой. Прежде онъ какъ то не думалъ

объ этомъ. Теперь этотъ новый страхъ такъ овладѣлъ имъ, что заглушилъ всѣ остальные. Страхъ преслѣдовалъ его цѣлый день, душилъ его каждую ночь.—Четыре мѣсяца! — повторялъ онъ мысленно.—Четыре мѣсяца!—Только четыре мѣсяца, чтобы рѣшить, собраться съ духомъ, выработать какой-нибудь планъ дѣйствій. Онъ долженъ убѣжать, утопиться, какъ нибудь спастись, все равно—какъ. Если онъ вернется въ Порткэррикъ, онъ съ ума сойдетъ!

— Рэймондъ,—сказалъ д-ръ Кроссъ въ послѣдній понедѣльникъ передъ каникулами,—ты помнишь, было рѣшено, что ты проведешь здѣсь пасхальныя каникулы? Но теперь я вижу, что это невозможно, по случаю весенняго ремонта; я писалъ твоему дядѣ, чтобы онъ взялъ тебя домой, и онъ телеграфировалъ, что ждетъ тебя въ субботу. Я этому очень радъ; я думаю, что тебѣ принесетъ большую пользу побѣгать по полямъ.

Весенній ремонтъ былъ только добродушной выдумкой, потому что д-ръ Кроссъ рѣшилъ, что мальчикъ тоскуетъ по дому.

Джекъ вышелъ на лужайку для игръ съ совершенно каменнымъ лицомъ. Четыре лѣтніе мѣсяца исчезли, нужно было сейчасъ же рѣшить, что дѣлать. Онъ шелъ прямо впередъ, задумавшись, опустивъ глаза въ землю.

Убѣжать? Но его могутъ поймать и насильно отправить домой. Кромѣ того, убѣжать, когда нѣтъ друзей, у которыхъ можно скрыться, было слишкомъ трудно; надо думать, разсчитывать, устраивать, а онъ такъ усталъ! А между тѣмъ, былъ еще одинъ способъ спастись, такой вѣрный и простой, который никому не доставитъ хлопотъ.

Онъ дошелъ до пруда, лежащаго въ углубленіи, въ самомъ концѣ поля. Глубокая вода казалась такой спокойной и черной, окруженная кустами еще безлистнаго терновника и сухимъ прошлогоднимъ камышомъ. Джекъ бросилъ камень въ середину пруда и смотрѣлъ, пока не разошлись по водѣ круги; потомъ влѣзъ на дерево, совсѣмъ повисшее надъ прудомъ, и посмотрѣлъ внизъ, на воду. Да, это будетъ совсѣмъ легко. Но въ ту же минуту его охватилъ страхъ смерти. Джекъ закрылъ глаза, чтобы не видѣть воду, и обѣими руками обхватилъ стволъ дерева.—Не могу!—умолялъ онъ то неизвѣстное, что, казалось, стояло сзади него и толкало его въ прудъ.—Ахъ, не могу! Не могу! Не могу!

Кое-какъ онъ добрался до твердой земли и открылъ глаза. Если бы у него хватило храбрости только на одну минуту, все было бы кончено теперь; но онъ трусъ! Всѣ развращенныя существа—трусы; онъ вспомнилъ, что гдѣ-то читалъ объ этомъ. У него не хватило храбрости, чтобы утопиться и

убѣжать, значитъ онъ долженъ покориться; трусы всегда покоряются. Онъ долженъ вернуться въ Порткэррикъ, снова увидѣть дровяной сарай, лицо дяди и лѣстницу, по которой они вмѣстѣ поднялись. Его, вѣрно, положатъ спать въ той же комнатѣ, и онъ долженъ будетъ проводить въ ней одинъ безконечныя ночи, видѣть разсвѣтъ и восходъ солнца, которое напомнитъ ему его позоръ, будетъ освѣщать то мѣсто, гдѣ его связывали, какъ собаку...

— Раймондъ, что съ тобой, мой мальчикъ?

Джекъ протянулъ обѣ руки по направленію голоса.

— Я... мнѣ нездоровится.

Д-ръ Кроссъ взялъ его за руку.—Пойдемъ домой,—сказалъ онъ,—тебѣ лучше лечь.

Въ дортуарѣ было такъ тихо и прохладно. Джекъ легъ на постель, а директоръ принесъ ему стаканъ воды.

— Покажи-ка мнѣ языкъ. Нѣтъ, все въ порядкѣ; лихорадки у тебя, кажется, нѣтъ...

— Право, у меня ничего нѣтъ, только голова немножко закружилась.—Д-ръ Кроссъ съ минуту внимательно смотрѣлъ на него.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, можетъ быть, ты чувствовалъ себя очень одинокимъ, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ дому? Я помню, когда самъ былъ новичкомъ, не очень-то мнѣ нравилась школа.

Джекъ стиснулъ зубы. О, если бы только его оставили въ покоѣ! Какое имъ всѣмъ до него дѣло? Вѣдь онъ не пристаетъ къ нимъ. Онъ готовъ вынести все, что угодно, лишь бы его оставили въ покоѣ.

— Въ слѣдующій семестръ тебѣ будетъ легче,—продолжалъ м-ръ Кроссъ.—Теперь ты себя еще чувствуешь чужимъ, но, вѣрно, скоро привыкнешь.

Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ Джекъ отвѣтилъ:

— О, да,—сказалъ онъ,—я, конечно, привыкну.

Позвонилъ классный звонокъ, и Джекъ поднялъ голову съ подушки. Д-ръ Кроссъ ласково уложилъ его опять.

— Нѣтъ, лучше полежи еще немножко и постарайся заснуть.

Наконецъ, дверь закрылась за нимъ. Джекъ поднялъ свою лѣвую руку и такъ укусилъ ее, что слезы показались изъ-подъ его опущенныхъ вѣкъ. Потомъ онъ прижалъ рукой глаза, пока передъ ними не заходили огненные круги, которые скрыли другія изображенія. Слѣды зубовъ бѣлыми полукругами отпечатались на смуглой кожѣ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Переводъ съ польскаго Н. Татарова.

I.

Сумерки.

С. Жеромскаго.

Между толстыми стволами елей, одиноко торчавшихъ на краю порубки, пятнавшей множествомъ черныхъ пней гнилозеленую покатость холма, сползало солнце, купаясь въ мѣдномъ сіяніи, подобномъ прозрачной пыли, неподвижной пеленою нависшей надъ далекимъ горизонтомъ. Его лучи сверкали еще на краяхъ тучъ, золотя ихъ и окрашивая багрецомъ, врѣзывались между складками сѣрыхъ клубовъ и отражались блескомъ въ водахъ.

Въ бороздахъ жнивъ и осеннихъ запашекъ, на топкихъ поляхъ и свѣжихъ новинахъ, гдѣ лежали полосы воды послѣ недавняго ливня, мелькали рыжія пятна, какъ куски пережженныхъ стеколъ. На сѣрую, прибитую почву полей падала утомительная для глазъ, обманчивая фіолетовая тѣнь, песчаные наносы желтѣли: растенія въ оврагахъ, кусты на межахъ пріобрѣли какія-то чужія, не свои, минутныя краски.

Въ глубокой котловинѣ, окруженной съ востока, сѣвера и юга подковой безлѣсныхъ холмовъ, протекалъ образовавшійся изъ подземныхъ ключей потокъ, разливавшійся въ озера, болота и ручейки. Вокругъ воды, на торфяномъ пласту росли густые камыши, стройныя осоки, иръ и купы низкой вербы. Неподвижная красная вода блестѣла теперь изъ-подъ большихъ листьевъ кувшинокъ и грубыхъ водорослей въ видѣ безформенныхъ блѣдно-зеленыхъ пятенъ.

Налетѣла стая дикихъ утокъ. Онѣ покружились въ воздухѣ съ вытянутыми шеями, нарушая тишину мелодичнымъ, звенящимъ свистомъ крыльевъ, стали чертить вверху все меньшіе

эллипсисы и, наконецъ, упали въ камыши, съ шумомъ ударяясь объ воду грудями. Утихъ гудящій полетъ бекасовъ, затихъ глухой призывъ водяной курочки, прекратилось задорное пересвистываніе куликовъ, исчезли даже стрекозы и лазоревые мотыльки, вѣчно трепещущіе своими сѣтчатыми крылышками вокругъ стебелей тростника. Блуждали еще только на блестящей поверхности водъ неутомимые водяные комары на своихъ ногахъ-ходуляхъ, тонкихъ, какъ волосы, и снабженныхъ колоссальными, насыщенными жиромъ ступнями, и работали два человѣка.

Болота принадлежали помѣщику. Прежній молодой баринъ шатался по нимъ съ лягавой собакой за утками и бекасами до тѣхъ поръ, пока не вырубилъ всѣхъ лѣсовъ, не истощилъ всѣхъ полей, и внезапно, потерявъ имѣніе, основался въ Варшавѣ, гдѣ продаетъ теперь содовую воду въ кіоскѣ.

Появился новый, умный помѣщикъ, который бѣгалъ по полямъ съ палочкой и часто останавливался надъ болотами, ковыряя въ носу.

Онъ барахтался въ болотѣ руками, копалъ ямы, измѣрялъ, разнюхивалъ и, наконецъ, выдумалъ удивительную штуку. Велѣлъ эконому ежедневно нанимать мужиковъ, чтобы копать торфъ, вывозить илъ на поля тачками и складывать въ кучи, и вездѣ копать ямы, пока не будетъ выбрано мѣсто для пруда; потомъ строить плотины, копать ниже яму для другого пруда, и такъ устроить ихъ нѣсколько, а потомъ прорѣзать каналы, напустить воду, поставить шлюзы и сажать рыбу...

Вывозить торфъ сейчасъ же нанялся Валекъ Гибала, безземельный батракъ, жившій въ нахлѣбникахъ въ сосѣдней деревушкѣ. Гибала у прежняго помѣщика служилъ кучеромъ, но съ новымъ не ужился. Новый помѣщикъ и новый управляющій сейчасъ уменьшили содержаніе натурой и жалованіе, а кромѣ того, во всемъ усматривали воровство. У прежняго помѣщика каждый кучеръ сберегалъ отъ своей пары лошадей полъ-гарнца овса и вечеркомъ относилъ къ шинкарю Берлину за табакъ, за папиросную бумагу, за глотокъ водки. Какъ только явился новый управляющій, онъ сразу пронюхалъ эту штуку, а такъ какъ именно на Валека падали всѣ улики, то избилъ его по лицу и прогналъ со службы.

Съ тѣхъ поръ Валекъ съ бабой жилъ въ нахлѣбникахъ въ деревнѣ, потому что постояннаго мѣста найти не могъ. Управляющій далъ ему такое свидѣтельство, что немыслимо было даже обращаться куда-нибудь за работой. Въ жатву, то у одного, то у другого изъ крестьянъ, они зарабатывали оба; но зимой и во время пахоты страдали отъ страшнаго, неописаннаго голода. Огромный, костлявый, съ желѣзными

мускулами мужикъ высохъ, какъ щепка, почернѣлъ, сгорбился, ослабѣлъ, но въ другое время испытывали не мало лишеній. Баба—какъ баба,—то у кумушки поѣстъ, то грибовъ, малины или земляники соберетъ для помѣщика или для еврея-корчмаря, и заработаетъ хоть на кусокъ хлѣба, а мужику за молотьбой безъ ѣды совсѣмъ плохо. Когда экономъ объявилъ, что нужно будетъ копать на лугахъ, у обоихъ даже глаза заблестѣли. Самъ управляющій обѣщалъ по тридцати копѣекъ за кубическую сажень.

Валекъ изо дня въ день пользовался бабой для копки. Она накладывала въ тачки, а онъ по доскамъ, наброcаннымъ на топкихъ мѣстахъ, вывозилъ илъ въ поле. Работа горѣла у нихъ въ рукахъ. У нихъ были двѣ большія и глубокія тачки, и, пока Валекъ возвращался съ пустою тачкой, другая была уже наполнена,—онъ набрасывалъ себѣ шлею на плечи и толкалъ тачку въ гору. Желѣзное колесо пронзительно скрипѣло; жидкое, черное, поросшее кореньями болото брызгало и падало комками на обнаженныя до колѣнъ ноги мужика, когда тачка перескакивала съ доски на доску; шлея врѣзывалась въ шею и плечи, выдавливая на рубахѣ черную полосу вонючаго пота; руки нѣмѣли въ локтяхъ; ноги деревенѣли и коченѣли, постоянно погруженныя въ илъ... Но за двумя кубиками, выкопанными въ теченіе большого дня—слѣдовала порядочная сумма денегъ...

Они надѣялись, что къ концу осени отложатъ тридцать рублей, заплатятъ за хату, купятъ бочку капусты, корцовъ пять картофеля, кафтанъ, сапоги, штуки двѣ юбокъ и передникъ для бабы, полотна на рубахи, и перебьются до весны, дорабатывая между людьми то молотьбой, то ткачествомъ...

И вдругъ управляющему показалось слишкомъ дорого платить тридцать копѣекъ за кубъ. Онъ сообразилъ, что не каждый полакомится съ разсвѣта до ночи копаться въ болотѣ, что людямъ, видно, очень ужъ круто пришлось, если, не задумываясь, бросаются на такую работу; хотите — говоритъ—по двадцать копѣекъ, то хорошо; а нѣтъ,—такъ и не надо.

У крестьянъ въ такое время ничего не заработаешь; помѣщичья усадьба обходится своими людьми при мотилкахъ и машинахъ; выбирать не изъ чего. Валекъ послѣ такаго объявленія пошелъ въ корчму и напился, какъ животное, отъ злости. На другой день утромъ избилъ бабу и взялъ ее съ собой на работу.

Съ того времени—за малую поденную—они выкапываютъ все тѣ же два куба, не переставая работать съ ранняго разсвѣта до поздней ночи.

Вотъ издали идетъ ночь. Далекіе, свѣтло-синіе лѣса почернѣли и расплываются въ сѣромъ полумракѣ; на водахъ

потухаетъ блескъ; отъ стоящихъ передъ зарей елей падаютъ громадныя тѣни; только на вершинахъ холмовъ, на порубкѣ кое-гдѣ еще краснѣютъ то пни, то камни. Отъ этихъ освѣщенныхъ точекъ отражаются маленькіе и слабые лучи и, попадая въ глубокую пустоту, какую образуетъ между предметами неполная темнота, трепещутъ въ ней, ломаются, вздрагиваютъ на мигъ и тухнутъ, тухнутъ по очереди. Деревья и кусты теряютъ свои выпуклости, массивность и естественные цвѣта и стоятъ въ сѣромъ пространствѣ, только какъ плоскія фигуры, съ удивительными очертаніями, совершенно черныя.

Въ котловинѣ уже осѣдаетъ густой мракъ и тянетъ за собою холодъ, насквозь проникающій человѣка. Сумракъ идетъ невидимыми волнами, ползетъ по скатамъ горъ, впитывая въ себя вялые цвѣта жнивъ, бурелома, обваловъ и камней.

На встрѣчу волнамъ темноты отъ болотъ поднимаются другія,—бѣловатыя, прозрачныя, едва, едва видимыя; ползутъ полосами, обвиваются клубами вокругъ растеній, подергиваются и комкаются надъ поверхностью водъ. Холодное дыханіе сырости мѣситъ ихъ, мнетъ на днѣ ложбины, растягиваетъ въ длину, какъ штуку грубаго холста.

— Туманъ идетъ...—шепчетъ жена Валека. Это моментъ сумерекъ, когда всѣ видимыя очертанія, кажется, разсыпаются въ прахъ, когда надъ поверхностью земли разливается сѣрая пустота, заглядываетъ въ глаза и сжимаетъ сердце какою-то непонятной тоской. Бабой овладѣвалъ страхъ. Волосы ежились на головѣ и мурашки пробѣгали по тѣлу. Туманъ, какъ живое тѣло, подползалъ къ ней украдкой, забѣгалъ сзади, отступалъ и скрывался, и снова лавиной надвигался все настойчивѣе. Вотъ онъ положилъ на нее свои влажныя руки, проникъ въ ея тѣло до самой кости, запершилъ въ глоткѣ, защекоталъ въ груди. Она вспомнила о своемъ ребенкѣ. Съ полудня она не видѣла его: ребенокъ спитъ одинъ въ запертой избѣ, въ липовой колыбелькѣ, привѣшенной къ потолочной балкѣ березовыми лыками. Онъ тамъ плачетъ навѣрно, захлебывается, рыдаетъ... Мать слышитъ этотъ странный плачъ,—жалобный, какъ пискъ коршуна въ пустынномъ мѣстѣ. Этотъ плачъ раздается у нея въ ушахъ, терзаетъ какое-то одно мѣсто въ мозгу и сжимаетъ сердце. Цѣлый день она не думала о ребенкѣ, потому что суровая работа разсѣиваетъ всѣ мысли, почти уничтожаетъ и мутитъ ихъ, но теперь страхъ ночи заставилъ ее сосредоточиться, цѣпляться мыслями за эту крошку...

— Валекъ,—говоритъ она тревожно, когда мужъ вернулся съ тачкой,—побѣгу-ка я въ избу, начищу картофеля?..

Гибала не отвѣчаетъ, какъ будто не разслышалъ, беретъ

тачку и двигается, тяжело присѣдая. Когда онъ вернулся, женщина снова стала умолять:

— Валя, сбѣгаю я?

Э...—проговорилъ онъ небрежно.

Она знаетъ его гнѣвъ, знаетъ, какъ онъ умѣетъ схватить подъ ребро, собрать въ горсть кожу, встряхнуть разъ, еще разъ и потомъ швырнуть человѣка, какъ камень, въ камыши. Она знаетъ, какъ онъ умѣетъ сорвать у нея платокъ съ головы, обмотать себѣ кулакъ ея волосами и тащить по землѣ обезпамятѣвшую женщину, или въ бѣшенствѣ выхватить изъ болота заступъ и ударить съ размаху, не соображая, — убьетъ, или не убьетъ.

Но надъ страхомъ наказанія беретъ верхъ нетерпѣливая забота, возбуждающая ее почти до боли. Иногда бабѣ хочется убѣжать: только бы на четвереренькахъ сползти въ оврагъ, перепрыгнуть черезъ ручей, а потомъ по полямъ, по грядамъ напрямикъ. Склоняясь и наполняя тачку, она улетаетъ мыслями, бѣжитъ, какъ куница, уже почти чувствуетъ боль, когда будетъ бѣжать босикомъ по сжатому полю, поросшему мелкими кустами терна и ежевики... Эти острыя колючки колютъ не только ея ноги, но и сердце пронизываютъ. Она добѣгаетъ до хаты, открываетъ засовъ деревяннымъ ключомъ, ей въ лицо ударяетъ тепло и духота избы... она пробирается къ колыбелькѣ... Изобьетъ ее Валекъ, когда вернется домой, истерзаетъ,—ну и что-жъ: это ужъ потомъ...

Но стоитъ Валеку появиться среди тумана, и ее охватываетъ страхъ передъ его кулакомъ. И опять она покорно молитъ его, хотя знаетъ, что этотъ разбойникъ не пуститъ ее.

— Да тамъ дѣвчонка, можетъ, померла...

Онъ ничего не отвѣтилъ, сбросилъ съ плеча шлею отъ тачки, подошелъ къ женѣ и показалъ ей движеніемъ головы колышекъ, до котораго они должны сегодня докопать. Потомъ схватилъ заступъ и началъ быстро набрасывать илъ въ свою тачку. Онъ дѣлалъ это безумно быстро, изо всѣхъ силъ. Набросавъ полную тачку, онъ толкнулъ ее и, бѣгомъ удаляясь съ нею, сказалъ женѣ:

— Толкай и ты свою, лѣнтяйка...

Она поняла эту ласковую уступку ея любви, эту грубую доброту, эту дикую и какъ бы суровую нѣжность, потому что когда они накладываютъ землю вмѣстѣ, то работу можно кончить гораздо скорѣе. Она подражала теперь, какъ обезьяна, его быстрымъ и энергичнымъ движеніямъ, накладывала грязь въ четыре раза быстрѣе,—уже не мускулами, не съ мужицкою, осторожною экономіей силъ, а напряженіемъ нервовъ... Въ груди у нея хрипѣло, въ глазахъ мелькали яркія пятна, подъ ложечкой болѣло, и лились слезы, горькія, крупныя

слезы безсмысленной муки,—лились на эту холодную, зловонную, гнилую землю. Вобьетъ она заступъ въ землю и взглянетъ, далеко-ли ещё до колышка; а когда тачка наполнена, она хватаетъ ее и бѣжитъ во всю прыть, подражая мужу.

Туманъ поднялся высоко, затянулъ иры и надъ верхушками ольхъ сталъ неподвижной стѣной. Деревья видны въ немъ, какъ пятна неопредѣленнаго цвѣта, удивительно огромныхъ размѣровъ, а пара несчастныхъ людей, бѣгающихъ поперекъ оврага, кажется какими-то чудовищно - громадными призраками.

Ихъ головы опускаются на груди, руки продѣлываютъ однообразныя движенія, туловища сгибаются до земли...

Колеса тачекъ грохочутъ и скрипятъ, волны, подобныя разведенному водой молоку, колышутся между черными хребтами горъ.

Въ глубинѣ небесъ разгорѣлась вечерняя звѣзда, пылаетъ, дрожа, и бросаетъ въ темноту свой убогій огонекъ...

II.

Въ подземельяхъ.

В. С. Реймонта.

Ѳеодатъ, сиріецъ, невольникъ-лютнистъ богатаго дома Клавдіевъ, шелъ, согнувшись, а за нимъ тянулся рядъ подвижныхъ тѣней, которыя почти безъ шороха передвигались осторожно вдоль садовъ цезаря, по холмамъ, усѣяннымъ бѣлыми виллами римскихъ богачей.

Ночь была благодатная: весенняя, лунная, тихая.

Изъ садовъ доносился запахъ цвѣтущаго миндаля, иногда крикъ павлиновъ рѣзко проносился въ тишинѣ, или рычаніе дикихъ звѣрей, запертыхъ въ клѣткахъ, гремѣло глухо, грозно и долго.

— Тише!—шепнулъ Ѳеодатъ, выдвигаясь на середину скалистой тропинки; рядъ тѣней, тянувшихся за нимъ, разсѣялся во мракѣ стѣны, окружавшей сады, въ кустахъ плюща и розъ и за цоколями бѣлыхъ статуй.

Издалека, со стороны Тибра, въ глубинѣ сѣрой дали, замигали огни и исчезли, а вслѣдъ затѣмъ какія-то почти неуловимыя сотрясенія воздуха обнаружили приближеніе людей.

Ѳеодатъ прильнулъ ухомъ къ землѣ.

— Идутъ... это братья... христіане... — поднялся онъ бы-

стро, обращаясь шопотомъ къ предводителю вооруженнаго отряда, который стоялъ въ тѣни.

— Нападать?—спросилъ тотъ.

— Нѣтъ. Вы пойдете за мной, захватимъ всѣхъ въ катакомбахъ. Тише! Заклинаю васъ Изидой и Сераписомъ, тише! Они сейчасъ будутъ здѣсь. Что бы вы ни услышали, молчите... не выдавайте себя...—шепталъ онъ лихорадочно.

— А если ты готовишь намъ ловушку... то...—предводитель пріоткрылъ плащъ и сверкнулъ обнаженнымъ короткимъ мечомъ.

Ѳеодатъ ничего не возразилъ, сѣлъ на корточки подъ бѣлой статуей и спокойно ожидалъ людей, шедшихъ снизу, со стороны Тибра, шаги которыхъ онъ только что слышалъ.

Они скоро появились, въ лунномъ освѣщеніи, и медленно шли въ гору; ихъ было трое: три старика, въ плащахъ изъ козлиной шкуры, босыхъ и нищихъ, напоминавшихъ своими растрепанными бородами, истощенными лицами и лысыми головами греческихъ циниковъ, излагавшихъ свою философію въ кабакахъ гладіаторовъ по ту сторону Тибра.

— Агнецъ Божій!—шепнулъ Ѳеодатъ, склоняясь передъ ними; эти слова были привѣтствіемъ и паролемъ, по которому вѣрующіе узнавали другъ друга.

Старикъ, шедшій по серединѣ, самый высокій изъ всѣхъ, протянулъ руку надъ головой его и тихо сказалъ:

— Благословенны бдительные, такъ какъ съ ними царство небесное.

— Всѣ ли прошли?—спросилъ колѣнопреклоненнаго одинъ изъ старцевъ.

— Всѣ. Я стерегу здѣсь, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ братіи. Идите съ миромъ.

Старцы прошли и исчезли въ тѣни черныхъ кипарисовъ, росшихъ по краямъ дороги, а Ѳеодатъ вскочилъ на ноги и долго смотрѣлъ вслѣдъ за ними, встревоженный и проникнутый темнымъ, необъяснимымъ страхомъ.

Онъ ударилъ мѣдной рукояткой короткаго меча въ камень и тотчасъ изъ тѣни, изъ-подъ стѣнъ, изъ придорожныхъ кустовъ выползло множество фигуръ, которыя приближались такъ тихо, что ни одинъ мечъ не звякнулъ.

— Есть уже всѣ. Сейчасъ прошелъ ихъ главный первосвященникъ. Черезъ часъ мы должны быть тамъ!—говорилъ Ѳеодатъ, указывая на отдаленные холмы, синеватыя макушки которыхъ выдвигались, при свѣтѣ луны, изъ-за водопроводовъ. Двинулись безмолвно, съ величайшей осторожностью, такъ какъ важно было, чтобы никто не замѣтилъ отряда и не предупредилъ бы тѣхъ, за которыми они охотились.

Нѣкоторое время они шли въ тѣни водопровода, который,

подобно чудовищной тысяченожкѣ, съ тысячами могучихъ ногъ, тянулся по равнинѣ. Было такъ тихо, что можно было слышать клокотаніе воды внутри водопровода и шорохъ кактусовъ, которые росли здѣсь въ изобиліи. Они осторожно обошли какой-то храмъ, между колоннами котораго сверкали огни, и медленно свернули на холмъ, по серединѣ котораго пробѣгала вѣчная Regina Viarum, „царица дорогъ", via Apia.

Въ воздухѣ была такая тишина, что слышны были шаги караульныхъ, ходившихъ на городскихъ стѣнахъ; нѣжный плескъ фонтановъ доносился отъ бѣлыхъ колоннадъ дворцовъ, часто раскиданныхъ по склонамъ холма. Иногда, заглушаемые отдаленіемъ, вздрагивали въ воздухѣ звуки флейтъ и свирѣлей и разсыпались въ тишинѣ, а затѣмъ, съ полей ячменя и бобовъ, осыпанныхъ снѣгомъ цвѣтовъ, трещали кузнечики и перекликались перепелки.

Они шли въ гору, среди виноградниковъ, подъ зелеными сводами винограда, свисавшаго вѣтвями, сквозь которыя луна бросала на землю дивныя серебряныя арабески. Они скользили тихо, какъ тѣни, никто не говорилъ ни слова, никто не звякнулъ оружіемъ, никто не вздохнулъ громче; а когда взобрались они на голый хребетъ холма, покрытаго камнями, рвами и оврагами, то удвоили осторожность и, согнувшись, двигались впередъ, какъ рядъ призраковъ: у всѣхъ были капюшоны на головахъ, а оружіе было скрыто плащами; они скользили по краямъ пропастей, бывшихъ каменоломенъ, заброшенныхъ теперь, прятались за глыбами камней, ползли на рукахъ въ опасныхъ, т. е. слишкомъ освѣщенныхъ мѣстахъ; иногда, согбенные, на цыпочкахъ, двигались подъ стѣнами виллъ, переполненныхъ шумными толпами людей; или, предостереженные протяжнымъ крикомъ павлина, который издавалъ Өеодатъ, вдругъ останавливались, припадали къ землѣ, разсѣивались среди ночи безъ слѣда. Өеодатъ вблизи старыхъ каменоломенъ, гдѣ собирались христіане, все чаще останавливалъ свой отрядъ, потому что встрѣчалъ въ извѣстныхъ только ему мѣстахъ сторожевые посты вѣрующихъ, которые, въ виду возраставшихъ преслѣдованій и казней, были чрезвычайно осторожны. Онъ всѣхъ ихъ усылалъ прочь, будто бы по порученію первосвященника, такъ какъ былъ извѣстенъ среди вѣрующихъ, какъ одинъ изъ самыхъ горячихъ послѣдователей Христа, побывавшій уже въ мамертинской тюрьмѣ и испытавшій пытки.

Өеодатъ сейчасъ-то, именно, и вспомнилъ о нихъ; на бокахъ у него были еще незажившія отъ факеловъ раны, которыя такъ жгли его, что темное лицо сирійца дѣлалось сѣрымъ отъ боли и волненія, которое охватывало его.

Онъ медленно велъ отрядъ, все медленнѣе, иногда оста-

навливался и воспламененнымъ взглядомъ осматривался вокругъ, какъ бы ища мѣсто для бѣгства, но тотчасъ встрѣчалъ страшное лицо предводителя и угрюмые взгляды солдатъ, которые слѣдили за нимъ.

Наконецъ, они вышли на via Apia, и тамъ, у сада, рядомъ съ домомъ, глядѣвшимъ освѣщенными окнами на расположенный внизу Римъ, Ѳеодатъ присѣлъ, а предводитель отряда свиснулъ и пошелъ впередъ, не скрываясь, серединой дороги, а за ними, изъ садовъ, изъ виноградниковъ, изъ низкихъ домовъ, изъ-подъ портиковъ небольшихъ храмовъ, выдвигалась все бóльшая толпа солдатъ, уже въ военномъ строю. Они шли тихо, но шаги нѣсколькихъ сотъ человѣкъ по твердымъ глыбамъ гранита, которыми была выложена via Apia, раздавались громкимъ эхомъ и будили людей. Съ портиковъ домовъ стали высовываться черныя лица рабовъ, иногда ставни оконъ раскрывались и оттуда выглядывало изумленное лицо квирита, но тогда десятники, шедшіе по сторонамъ широкихъ рядовъ, сверкали мечами, и двери и ставни запирались безъ шума, а лица блѣднѣли въ тревогѣ.

Въ тѣни большихъ деревьевъ, гдѣ стояла статуя и журчалъ фонтанъ, сдѣлали маленькую остановку; шопотомъ были отданы приказанія, и весь отрядъ, растянутый въ длинныя ленты, разошелся и окружилъ верхушку холма, на которой, среди растрепанныхъ сосенъ, стоялъ низкій, полуразрушенный домикъ; здѣсь былъ входъ въ подземелья, извѣстный только предателю, который велъ римлянъ.

Ѳеодатъ быстро шагнулъ по направленію къ домику, но на полпути остановился и взглянулъ на Римъ, который съ этой вышины казался огромной массой плоскихъ каменныхъ четыреугольниковъ. Луна поднялась высоко; далекія горы тонули въ бѣломъ туманѣ, изъ котораго сверкали золоченыя крыши дворцовъ; влѣво далеко, надъ Тибромъ, за садами цезаря, растянулось море тумана, а ближе виднѣлся хаосъ домовъ и храмовъ, слитыхъ въ одну бѣловатую массу и подернутыхъ синеватой дымкой луннаго свѣта.

Онъ смотрѣлъ на городъ широко раскрытыми глазами, и сердце его сжималось почти дикою радостью, потому что вспомнилъ онъ обѣщаніе цезаря, который за указаніе входа въ катакомбы и выдачу христіанъ, обѣщалъ ему свободу, богатство и римское гражданство.

Быстро приблизился онъ къ домику и постучался условнымъ способомъ.

— Агнецъ!—сказалъ онъ громко въ щель, которая была въ дверяхъ.

— Войди съ миромъ!—отвѣтилъ ему голосъ извнутри.

— Началось уже богослуженіе?

— Навѣрно, потому что сейчасъ только вошелъ Аницій, который будетъ сегодня читать братіи посланіе брата Павла,— отвѣтилъ человѣкъ спокойно, вручая ему зажженый пукъ веревокъ, облѣпленныхъ смолой.

Ѳеодатъ протянулъ руку за факеломъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пронзилъ широкимъ мечомъ горло старца, который распластавъ только руки, упалъ навзничь, захрипѣлъ и умеръ. Все это продолжалось нѣсколько минутъ, послѣ чего сиріецъ вышелъ на порогъ дома, гдѣ ожидалъ предводителя.

— Я пройду внизъ, посмотрю, всѣ ли уже собрались, и сейчасъ дамъ вамъ знать.

— Я пойду съ тобой,—отвѣтилъ римлянинъ.

— Какъ хочешь, господинъ.

Они прошли на маленькую площадку, скрытую за домомъ, между глыбами камня, поросшую дикимъ лавромъ и плющемъ, который цѣплялся за камни. Подъ одной изъ такихъ глыбъ былъ входъ въ катакомбы, но настолько скрытый, такъ затянутый плющемъ и листьями и загроможденный обломками камня, что, не зная о немъ, немыслимо было найти его.

Ѳеодатъ отвалилъ камни и началъ первый спускаться по протоптаннымъ ступенямъ, высѣченнымъ въ твердой почвѣ; римлянинъ шелъ за нимъ, держа наготовѣ обнаженный мечъ.

Ихъ охватила глубокая ночь и тишина могилы. Затхлый, но сухой воздухъ хлынулъ изъ черной пасти, изъ безконечныхъ черныхъ гортаней корридоровъ; изъ невѣдомыхъ глубинъ, въ которыя они спускались, страхъ повѣялъ на нихъ крыльями безмолвія, но Ѳеодатъ шелъ смѣло впередъ по хорошо извѣстнымъ ему корридорамъ, по которымъ столько разъ ходилъ слушать бесѣды о милосердномъ Богѣ, о Христѣ, о безсмертіи.

На фонѣ этой страшной ночи мерцали кое-гдѣ, въ глубокихъ нишахъ, лампадки и, какъ будто мотыльки, трепетали золотыми крыльями, указывая путь вѣрующимъ.

— Далеко еще? — спросилъ римлянинъ тихо и тревожно, потому что въ его неустрашимое сердце началъ проникать тайный страхъ.

— Далеко!—отвѣтилъ Ѳеодатъ, вслушиваясь въ глухое эхо собственнаго голоса, которое долго звучало, и потомъ, на каждомъ поворотѣ корридоровъ, какъ бы подкрѣпляя собственную свою душу, повторялъ про себя:

— Свобода! свобода!

Тяжелыя сирійскія брови его низко опускались, а изъ-подъ нихъ зрачки сверкали радостью, такой сильной, внезап-

ной и ослѣпительной, что онъ на мгновеніе останавливался, чтобы собраться съ силами, но тотчасъ принужденъ былъ двигаться дальше, потому что римлянинъ слегка ударялъ его мечомъ по плечу и угрюмо шепталъ:

— Веди!

И онъ шелъ. Когда они достигли какой-то площадки, отъ которой расходился цѣлый лабиринтъ черныхъ ходовъ, онъ осмотрѣлся кругомъ. Римлянинъ посинѣлъ отъ страха и испуганными взорами водилъ по стѣнамъ, въ которыхъ, какъ будто въ ящикахъ, украшенныхъ надписями и эмблемами, лежали сотни умершихъ и замученныхъ христіанъ. Они остановились, какъ вкопанные, потому что изъ невѣдомой дали, изъ этихъ глубинъ, открывающихъ сотни черныхъ пастей, въ гробовой тишинѣ раздался слабый отзвукъ пѣнія и звучалъ такъ страшно и могильно, что они поблѣднѣли, какъ трупы; пѣніе долго тянулось и звучало, какъ угрюмая и сонная жалоба мертвыхъ, какъ гимнъ могилъ.

Пѣніе смолкло, а они все еще слушали, охваченные испугомъ отъ невыразимой тишины, которая вдругъ наступила и прерывалась только трескомъ и шипѣніемъ пылающихъ смолистыхъ факеловъ и сильнымъ біеніемъ сердецъ и крови, стучавшей въ вискахъ.

— Веди!—шепнулъ римлянинъ, бросаясь впередъ; онъ предпочиталъ смерть чувству страха, которое овладѣвало имъ все сильнѣе.

Они торопились. Ѳеодатъ увѣрялъ, что уже недалеко, и въ самомъ дѣлѣ они были недалеко отъ цѣли, но и съ нимъ происходило что-то ужасное: онъ останавливался ежеминутно, протиралъ глаза, смотрѣлъ, есть ли у него на боку мечъ, касался стѣнъ корридоровъ, повторялъ про себя каждую минуту: свобода! свобода!—но, не смотря на все это, душа его все болѣе наполнялась сильнымъ страхомъ, а въ одной изъ часовенекъ, какихъ было много въ катакомбахъ, онъ долго всматривался въ неумѣлое изображеніе на картинѣ Христа съ ягненкомъ на плечахъ, и затѣмъ почти бѣгомъ пустился впередъ, къ огонькамъ, которые показались въ глубинѣ, и къ человѣческимъ голосамъ, которые уже ясно были слышны.

Римлянинъ остался въ тѣни, а онъ подошелъ къ отверстію, изъ котораго лился свѣтъ, и заглянулъ во внутрь часовни.

Старецъ, который благословилъ его по пути, сидѣлъ по серединѣ, въ бѣлой египетской одеждѣ жрецовъ, и ровнымъ, сильнымъ голосомъ читалъ:

„Благословляйте преслѣдующихъ васъ; благословляйте, а не проклинайте“.

„Не мстите, потому что Мнѣ принадлежитъ отмщеніе, и и Я воздамъ,—говоритъ Господь“.

„Не противьтесь злу“.

Но Ѳеодатъ ничего не слышалъ и не видѣлъ; его глаза приковалъ къ себѣ Христосъ, стоявшій на алтарѣ, неуклюжая варварская статуя, которая простерла руки вглубь часовни, надъ головами вѣрующихъ; желтый свѣтъ факеловъ и лампадъ, висѣвшихъ по стѣнамъ, освѣщалъ его истощенное, дивно нѣжное лицо и эти руки, длинныя, благословляющія и привлекающія къ себѣ съ любовью всю эту толпу, заслушавшуюся словами старца.

Черный дымъ факеловъ полосами поднимался вверхъ, къ отверстію, черезъ которое проникалъ воздухъ, свѣтъ и тѣни ползали по голымъ, землянымъ стѣнамъ, по нишамъ, по головамъ сѣдыхъ старцевъ, женщинъ и дѣтей; святое слово расходилось, какъ шопотъ, впитываемый всѣми этими душами; иногда вздохъ вырывался изъ чьей-нибудь груди; то чья-нибудь грудь вздрагивала отъ сильнаго плача; то раздавался вдругъ краткій, потрясающій крикъ, когда старецъ поминалъ павшихъ за вѣру, и снова воцарялась тишина; только взгляды братіи направлялись къ лицу кроткаго Христа, только головы, полныя предчувствія грядущихъ мученій, покорно склонялись предъ нимъ, какъ колосья передъ жнецомъ божьимъ.

Ѳеодатъ вернулся, потому что почувствовалъ на своемъ плечѣ мечъ римлянина. Безмолвно прошли они нѣсколько шаговъ.

— Скорѣе, господинъ, скорѣй. Всѣ въ сборѣ, всѣ; всѣхъ бросаю я къ ногамъ цезаря, всѣхъ отдаю тебѣ, господинъ: и священниковъ, и братьевъ, и неофитовъ, всѣхъ! Ты видѣлъ, господинъ, тамъ былъ благородный Руфъ, трибунъ!—бормоталъ онъ быстро, лихорадочно, почти безсознательно; но римлянинъ ничего не отвѣтилъ, поднялъ только свой горящій факелъ, освѣтилъ имъ лицо сирійца и плюнулъ въ него съ презрѣніемъ.

Ѳеодатъ сталъ торопливо уходить, но, когда они дошли до первой круглой площадки, отъ которой ползли во всѣ стороны своды корридоровъ, — онъ вздрогнулъ и бросился назадъ.

Христосъ стоялъ съ простертыми руками и смотрѣлъ на него.

Сиріецъ кинулся въ другой корридоръ, потому что онъ зналъ всѣ выходы, и сталъ протирать глаза.

Христосъ стоялъ, протянувъ руки, и смотрѣлъ на него кроткимъ, яснымъ взглядомъ.

Сиріецъ остановился; волна ужаса залила его сердце и встряхнула его такъ сильно, что онъ облокотился о стѣну и

стоялъ такъ долго, съ закрытыми глазами, не смѣя двинуться, не смѣя вздохнуть... потомъ, успокоившись, оглянулся тревожно и, какъ будто гонимый фуріями, бросился въ первый попавшійся корридоръ, но и тамъ...

Стоялъ Христосъ, протянувъ руки, сіяющій, огромный, и смотрѣлъ на него...

Ѳеодатъ зарычалъ воемъ безумія, бросилъ факелъ, свернулся въ клубокъ отъ страха и, ослѣпленный, безъ сознанія, вернулся на площадку, бросался въ проходы и опять возвращался, ползалъ, падалъ на землю, разбивался о стѣны, вылъ отъ безсилія и ужаса, потому что вездѣ Христосъ преграждалъ ему путь, вездѣ встрѣчалъ онъ эту сіящую, озаренную, окруженную ореоломъ фигуру, вездѣ видѣлъ простертыя къ нему руки, вездѣ видѣлъ Его свѣтлое лицо; вездѣ смотрѣли на него ясные, проницательные, страшные глаза; вездѣ... вездѣ...

Обезумѣвшій, закрылъ онъ свою голову плащомъ, забылъ о римлянинѣ, оставшемся въ этихъ страшныхъ подземельяхъ, и кричалъ нечеловѣческимъ голосомъ, моля о милосердіи; бѣжалъ по глухимъ подземнымъ пустынямъ, потерявъ сознаніе того, куда онъ бѣжитъ, что̀ съ нимъ происходитъ, гонимый только безуміемъ, отчаяніемъ и эхомъ голосовъ, преслѣдовавшихъ его, какъ вопли смерти, летѣвшей за нимъ. Онъ хотѣлъ вернуться въ часовню, хотѣлъ умолять о прощеніи, готовъ былъ идти даже на му̀ки, но, хотя слышалъ пѣніе братьевъ, видѣлъ уже огни и чувствовалъ, что они должны быть недалеко, но выбраться не могъ, не могъ выдти, не могъ и остаться...

И вотъ, въ послѣдней мукѣ, въ величайшемъ напряженіи страха и отчаянія, онъ вынулъ мечъ и бросился съ нимъ на этотъ сіяющій призракъ съ простертыми руками, который вездѣ преграждалъ ему путь; мечъ пронзилъ пустое пространство, а сиріецъ послѣдними нитями чувства и сознанія увидѣлъ, что его обхватываютъ двѣ протянутыя руки, и могильный голосъ вѣчности раздается въ немъ:

— За свободу ты хочешь продать свободу всѣхъ, Ѳеодатъ?..

Сиріецъ упалъ замертво.

Цезарь напрасно ожидалъ и въ ту, и въ слѣдующія ночи возвращенія предводителя, толпы христіанскихъ узниковъ и Ѳеодата.

III.

Какъ это случилось?

Георгія Глясса.

Бѣдные обвиняемые пользуются правомъ безплатной защиты. Такую защиту по назначенію, или „казенку“ и „стойку“ по адвокатскому жаргону, судъ даетъ всѣмъ адвокатамъ по очереди, въ алфавитномъ порядкѣ.

Въ тотъ день, когда мой знакомый, Антонъ Юзвякъ, сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, „стойки“ по шести дѣламъ розданы были тремъ адвокатамъ, по два дѣла на каждаго, но болѣе важныя, т. е. платныя дѣла не позволили имъ явиться на защиту, и они должны были нанять за нѣсколько рублей замѣстителя, который взялся защищать всѣхъ подсудимыхъ гуртомъ.

Это былъ „адвокатъ для бѣдныхъ“, т. е. безъ портфеля, безъ бумагъ и безъ карандаша. Ежеминутно онъ вставалъ и заявлялъ, что отказывается отъ допроса свидѣтелей. Свидѣтели входили и выходили, показывали подъ присягой правду и неправду; читались протоколы и приговоры, а онъ стойко продолжалъ хранить обѣтъ молчанія.

Послѣ рѣчи прокурора онъ встаетъ и однимъ духомъ выговариваетъ формулу: „прошу о снисхожденіи, вслѣдствіе смягчающихъ вину обстоятельствъ“, и затѣмъ прячетъ листокъ съ фамиліей подсудимаго, дѣлая это совершенно такъ же, какъ если бы онъ срывалъ съ календаря день, отходящій въ вѣчность забвенія. Судьи уходятъ совѣщаться, въ подсудимомъ еще трепещутъ нервы въ ожиданіи приговора, а защитникъ кладетъ уже на пюпитръ слѣдующій листокъ: онъ защитилъ Ивана, теперь очередь Петра,—„прошу о снисхожденіи“, потомъ слѣдующее дѣло — „прошу о снисхожденіи“, и такъ дальше.

Дѣло по обвиненію Юзвяка въ убійствѣ, „въ запальчивости и раздраженіи“, послѣднее по порядку, было любопытнѣе остальныхъ — тѣмъ, что жизнь запутала женщину въ исторію его дѣлъ.

Его ввели въ залу. Вошелъ маленькій, хилый блондинъ, съ лицомъ подростка, блѣднымъ и перепуганнымъ. Во время чтенія обвинительнаго акта онъ нѣсколько разъ подымался со скамьи, желая, повидимому, опровергнуть взводимыя на него обвиненія, но чрезмѣрное количество впечатлѣній не позволяло ему извлечь наружу ни одной мысли, и только свѣтлые, безпокойные глаза мѣнялись отъ выраженія смут-

ныхъ порывовъ, скованныхъ въ глубинѣ души, какъ будто заколдованныхъ.

— Антонъ Юзвякъ, 23-хъ лѣтъ, по ремеслу слесарь, католикъ?

— Да-да.

— Вы обвиняетесь въ убійствѣ Валентина Яворскаго. Вы признаете себя виновнымъ?

— Д-да, у-у-б-билъ.

— Какъ это случилось?

Какъ это случилось, — какъ могло случиться! Въ головѣ у него гудятъ дикія мысли, все однѣ и тѣ же: это онъ все... Валекъ... жена... Валекъ... онъ велѣлъ, они... Онъ заикается; никто его не понимаетъ.

— Садитесь; разскажете послѣ.

Входятъ свидѣтели.

Всякій, слушающій это дѣло, чувствуетъ въ сѣти перекрестныхъ фактовъ только одну истину,—что передъ судомъ отвѣчаетъ не Каинъ, а Авель, обвиняемый въ грѣхѣ Каина, что онъ долго подчинялся хищной власти Валека, путаясь по шахматной доскѣ измѣнчивыхъ настроеній, бросаясь во всѣ стороны, безъ толку и безъ цѣли...

Юзвякъ женился на уличной женщинѣ. Послѣ свадьбы прежній ея любовникъ, Валентинъ, бралъ ее и бросалъ по произволу, таскалъ по кабакамъ, продавалъ ея тѣло и оборванную, истерзанную отсылалъ къ мужу.

Она возвращалась къ нему изъ своихъ ночныхъ похожденій пьяная, полуживая, и на другой день снова бросала его, съ презрѣніемъ на губахъ. А на порогѣ стоялъ Валентинъ, рослый и здоровый мужчина, мѣрилъ насмѣшливымъ взглядомъ жалкаго мужа, вызывалъ на бой, ждалъ.

Происходилъ безмолвный турниръ мужества. Женщину, несомнѣнно, увлекалъ тріумфъ мускуловъ, которые каждую минуту могли пасть ударомъ на ея спину или сжать ее всю въ могучемъ объятіи.

Они уходили, оглядываясь еще на мужа. А онъ страдалъ отъ дикой жажды мести и сжималъ кулаки, — маленькіе, слабые кулаки.

По временамъ онъ рѣшался на борьбу труса: онъ убѣгалъ, но снова возвращался. Потому что его терзала чувственность, привычка къ одной, хотя бы и гулящей, женщинѣ, и соблазняли тѣ рѣдкія минуты, когда ее охватывала какая-то безсильная жалость къ мужу-ребенку, глаза заволакивались, а на полныхъ губахъ ея блуждали нѣжныя, безсознательныя слова, проблески любви, вырывавшіеся невольно среди хаоса вздоховъ, всхлипываній и смѣха.

По цѣлымъ ночамъ, продрогшій, въ лихорадкѣ, онъ вы-

жидалъ передъ ея квартирой разсвѣта, чтобы вымолить у нея или купить ея ласку за бутылку водки и мелкія краденыя деньги.

Его часто прогоняли; била его жена, билъ ея случайный любовникъ, и чаще всего Валентинъ, сильный... всегда торжествующій...

Раньше, когда онъ еще обѣими руками хватался за тѣнь жалкой формы, которая, во славу избитыхъ понятій, сохраняла за собой громкое названіе „брака“, съ нимъ еще иногда считались, какъ съ предметомъ, на который невольно наталкиваешься: всетаки онъ былъ... мужъ, правда, смѣшной и невыразимо жалкій „мужъ“, который не умѣлъ отстоять жену ни передъ кѣмъ, „мужъ“ женщины, потерявшей собственника, мужъ, схваченный ковычками неумолимой ироніи жизни, какъ раскаленными щипцами,—и всетаки мужъ, съ которымъ раздѣляли его квартиру!

Но когда однажды онъ бросилъ ее, то его лишили и этой привилегіи. Чѣмъ чаще потомъ онъ появлялся, тѣмъ сильнѣе упрочивалась въ ней увѣренность, что имъ можно совсѣмъ пренебрегать, бить его по лицу, оскорблять: все равно черезъ нѣсколько дней онъ притащится и самъ еще попроситъ прощенія.

Онъ не зналъ людей. Чувствительный, какъ голубь, съ натурой ребенка, умѣющаго только жаждать удовольствій, ласковаго слова и улыбки, за какую бы то ни было цѣну, хотя бы подлости и униженія, онъ не могъ завладѣть слабой женщиной, влюбленной въ Валека, который билъ и истязалъ ее, но обладалъ силой подчинять людей, силой спокойной, увѣренной и безпощадной. Человѣкъ, который сумѣлъ бы сохранить передъ ней хоть небольшую долю достоинства и не навязывался бы къ ней со своими любовными чувствами, давно бы уже вытащилъ ее изъ грязи, потому что жестокость Валека мучила ее все больше. Но кто самъ тонетъ, тотъ не можетъ спасать другихъ; слабость чувствуетъ презрѣніе къ слабости; а изъ этихъ двухъ людей болѣе безпомощнымъ ребенкомъ, съ которымъ жизнь дѣлала все, что хотѣла, былъ „мужъ“—Юзвякъ...

И этотъ ягненокъ убилъ. Онъ не могъ бороться, не могъ уйти, и потому убилъ.

Какъ это случилось? какъ могло случиться?

Каждое движеніе, каждое слово, нахмуренныя брови, малѣйшій пустякъ въ окружающей средѣ,—все могло взволновать его чувствительное самосознаніе и съ половины пути отстранить руку, готовую нанести ударъ. Онъ могъ создавать въ воображеніи цѣлый рядъ преступныхъ плановъ, но ни одного изъ нихъ не сумѣлъ бы выполнить.

Это былъ типичный трусъ,—трусъ не изъ привязанности къ спокойствію и благосостоянію, но изъ свойственнаго ему способа воспріятія поверхностныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ каждое дѣйствовало независимо, создавая въ головѣ сумятицу, вродѣ настройки инструментовъ въ оркестрѣ.

Онъ напоминалъ женскія натуры, мелкія — потому, что не умѣютъ удерживать впечатлѣній, и „глубокія“ и „бездонныя“—потому, что, пуская въ оборотъ съ быстротою молніи обрывки мыслей, создаютъ иллюзію золотого дождя.

Однако, и непостоянство подчинено извѣстному закону: этотъ законъ есть минута, а минуту можно вызвать мгновенно.

Чтобы у Юзвяка явилась минута отчаянія, достаточно было легчайшаго дыханія, но чтобы оно перешло въ дѣйствіе, нужна была очень сильно возбуждающая атмосфера. Роковое стеченіе обстоятельствъ, предшествовавшихъ сценѣ убійства, должно было дѣйствовать вмѣсто Юзвяка: оно мѣшало ему теряться въ противорѣчивыхъ рефлексіяхъ, усыпляло въ немъ чуткость зайца, настораживавшаго уши при всякомъ шорохѣ и шелестѣ, должно было воспламенить въ мозгу безумнобыструю молнію и въ мгновеніе ока исторгнуть ее наружу.

За два дня до убійства Юзвякъ шатался по городу, безъ работы, больной, въ лихорадкѣ. Деньги, добытыя мелкой кражей, потрачены были на пирушку съ женой. Ночевалъ онъ въ городскомъ саду, подъ голымъ небомъ, подъ дождемъ. Его терзалъ голодъ, — эта творческая сила даже у труса и тряпки. Въ желудкѣ пусто, тошно. Сердце бьется неровно. Мысли, сначала неясныя, разбросанныя, собираются понемногу изъ отдаленнѣйшихъ закоулковъ въ одинъ клубокъ: ѣсть! ѣсть! Онъ спитъ, а сонъ не укрѣпляетъ. Вскакиваетъ со сна,—ѣсть. Что-то поднимаетъ его, толкаетъ, увлекаетъ... Куда? Дальше! дальше! все равно:. вытяни изъ мозга такую мысль, такую кровь, которая бы обратилась въ хлѣбъ, скрежещи зубами, падай,—ты встанешь и долженъ, долженъ бѣжать туда, гдѣ есть пища.

Страшная сила инстинкта! Есть другія стремленія, но ни одно изъ нихъ не представляетъ необходимости; они могутъ быть или не быть, со временемъ я переживу ихъ и останусь жить. Есть люди, съ которыми я могу сходиться или расходиться; есть любовь женщины, которой я могу противопоставить цѣлый міръ насмѣшливой мысли и цѣлый міръ красоты. Могутъ обмануть чувства, разумъ, люди, а голодъ не обманетъ, голодъ всегда впереди!

Впередъ же, впередъ за хлѣбомъ; пройдешь весь свѣтъ, минуешь степи и моря, звѣзды потухнутъ и перестанутъ показывать тебѣ путь, время лишитъ тебя всѣхъ иллюзій,— о, какъ легко, легко тебѣ будетъ! А вокругъ—безумство,

вокругъ безпокойная, голодная, сухая ночь,—ночь страшныхъ предвѣстій, нахмуренныхъ тучъ, надорванныхъ струнъ... Ты обезсилѣлъ? Тебѣ на голову сядетъ большая, голодная птица, сдавитъ виски костлявыми крыльями и прозвонитъ на черепѣ твоемъ гимнъ къ небесамъ: ѣсть-ѣсть-ѣсть! О, тогда полетишь, голубчикъ, полетишь!

Онъ побѣжалъ къ женѣ: кормила вѣдь она любовника, пусть накормитъ и мужа. Онъ зналъ, что его прогонятъ, если онъ явится безъ гроша, но голодъ это такой адвокатъ для бѣдныхъ, который знаетъ только одно слово: ѣсть! А вдругъ она дастъ ѣсть? А не дастъ,—тогда нужно будетъ искать въ другомъ мѣстѣ.

Онъ не засталъ ея дома. Онъ ждалъ за угломъ. Подъ вечеръ она явилась съ мужчиной. Какъ долго онъ ждалъ, какъ страшно долго! Такъ собака, стоя предъ мясной лавкой, смотритъ, глотаетъ слюну, высовываетъ длинный, острый языкъ, поджавъ хвостъ между ногъ, со съёжившейся шерстью на выступившихъ ребрахъ. Запахъ жира, видъ мяса, которое рубятъ топоромъ, рвутъ ея желудокъ на части: она конвульсивно готова почти выскочить изъ шкуры... И минутами собака забываетъ, что тамъ, гдѣ есть мясо, есть и люди, она подходитъ все ближе... но получаетъ ударъ между реберъ, воетъ и снова становится въ отдаленіи.

Мужчина вышелъ. Въ одно мгновеніе онъ очутился у своей жены. Ѣсть! У него совсѣмъ другой видъ, чѣмъ обыкновенно, онъ не проситъ, а требуетъ. Онъ смотритъ прямо въ глаза, хватаетъ ее за руку: „вотъ какъ! другимъ ты отдаешь весь заработокъ, а мнѣ жалѣешь грошей? Я ли не помогалъ тебѣ? Я ли не кралъ для тебя?“

Онъ говоритъ кратко, горячо, голодъ заставляетъ его забывать обо всемъ. Онъ не угрожаетъ, но угроза видна въ его упорномъ взглядѣ. Ее не разъ истязали: она видала уже такіе голодные глаза. Животный страхъ появляется на ея лицѣ; выраженіе этого страха возбуждаетъ его и онъ продолжаетъ мучить ее. Она все еще думаетъ, что это минутная вспышка, пробуетъ отдѣлаться отъ него, говоритъ: „приди завтра!“ Напрасно! Онъ рѣзко, сурово прерываетъ ее. „Завтра,— говоришь ты,—завтра? Что будетъ завтра, еще неизвѣстно, а я сейчасъ хочу наплевать тебѣ въ глаза за все, за все... Помнишь, какъ ты... всегда... съ нимъ... какъ онъ... меня... какъ вы меня... помнишь, помнишь?

Женщина слушала. Онъ говорилъ правду: все было такъ, совершенно такъ. Она чувствуетъ себя пришибленной, но не этимъ обвиненіемъ. Она страшно измучена всею жизнью, издѣвательствомъ мужчинъ надъ ея больнымъ тѣломъ, надъ ея оплеванной душой.

О, провалитесь вы всѣ, собаки, мужчины! Заигрывать вы умѣете... О, хоть бы кто-нибудь размозжилъ ваши головы о камни!

— Денегъ!

— Возьми... тамъ... принеси водки...

Въ ближайшемъ кабакѣ сидитъ Валекъ съ пріятелями, пьяный. Встрѣча—въ такую минуту! Дурной знакъ. Бѣсъ уже оцѣнилъ его голову и путается по угламъ кабака, перебѣгая отъ врага къ врагу.

Они взглянули другъ на друга. У голоднаго—не ссора на умѣ, онъ спѣшитъ за водкой и ѣдой. Одинъ, другой шкаликъ водки,—о, какъ тепло, хорошо! Желудокъ пляшетъ, обвивается вокругъ брошеннаго ему куска хлѣба, втягиваетъ его и погружаетъ все глубже внутрь. Еще шкаликъ! Сердце бьется, грудь вздымается, въ головѣ звенятъ вольныя, молодыя мысли, заставляющія забыть о заботахъ. Онъ какъ будто нашелъ самого себя, къ нему вернулась давно потерянная свобода, та увѣренность движеній, какая бываетъ вначалѣ у всѣхъ пьяныхъ, пока они не дойдутъ до предѣла. Хочу—хожу, хочу—сяду, наплевать мнѣ на всѣхъ,—я самъ по себѣ; такъ думалъ онъ, подчеркивая малѣйшія проявленія своей независимости, гордый собой.

Юзвякъ отошелъ отъ стойки и сталъ на порогѣ комнаты. „Вотъ тамъ сидитъ Валекъ... Ну, что жъ, что сидитъ? Валекъ—такъ Валекъ, Юзекъ—такъ Юзекъ.“ Онъ стоялъ и смотрѣлъ.

— А пойди-ка сюда, Юзвякъ!—крикнулъ Валекъ.—Трусишь? ге?

— Чего трусить!—отвѣтилъ онъ презрительно,—дуракъ ты,—вотъ и все.

Компанія разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Эй, вижу, что трусишь, потому что не идешь сюда.

Всѣ смотрятъ на Юзвяка: подойдетъ онъ или нѣтъ.

— Подумаешь,—какой франтъ,—говоритъ Юзвякъ.

— Ну, такъ садись и угощай пивомъ.

Юзвякъ садится, потому что онъ самолюбивъ: Валекъ ему ни по чемъ. Валекъ очень пьянъ и начинаетъ удивляться Юзвяку.

— Стащилъ что нибудь сегодня?

— А тебѣ что за дѣло?

— Ого, какой важный сегодня! А у Маринки былъ?

— Можетъ быть былъ, а можетъ быть и нѣтъ...

Молчаніе.

— А это что за баба?—спрашиваетъ кто-то Валека, умышленно желая продлить шутку, потому что всѣ ее знаютъ и знаютъ, какая связь соединяетъ ее съ Валекомъ.

— А это, видите-ли, жена Юзвяка и моя, а, можетъ быть, и твоя... а какая она... того... какая...

Онъ шепчетъ что-то на ухо пріятелямъ. Всѣ смотрятъ на Юзвяка. Онъ молчитъ и блѣдно улыбается, барабаня пальцами по пивной кружкѣ.

Но такой слабый эффектъ не удовлетворяетъ Валека; лишенный остроумія, онъ продолжаетъ грубо:

— Эй, опять ты, щенокъ, шляешься къ женѣ; доберусь я до твоей морды!

Общій смѣхъ.

— Или я до твоей,—говоритъ страшно тихо Юзвякъ, съ тою же улыбкой на искаженномъ лицѣ.

— Что?!—зарычалъ Валекъ, ударяя кулакомъ въ столъ,—а повтори-ка еще разъ!

— Вотъ... что...

Финскій кривой ножъ до самой рукоятки вонзился въ горло. Кровь брызнула на сидящихъ.

Чудеса, чудеса! Никто не думалъ, не предполагалъ этого. Разговоръ продолжался едва нѣсколько минутъ. Когда ктонибудь умираетъ цѣлые годы, то это легко понять, но когда сгоритъ въ одну минуту, то это страшное чудо.

Такъ сверло вертитъ дупло зуба, проникая все глубже вверхъ, точно желая вонзиться въ мозгъ, и вдругъ „неожиданно“ ударяетъ въ обнаженный нервъ, и тогда боль, рвущая боль, пронизываетъ васъ длинной, жгучей иглой, и вы невольно протягиваете руки, чтобы оттолкнуть причинившаго вамъ боль. Это грозное „что̀“? убило Валека. На несчастный вопросъ—ужасный отвѣтъ. Ножъ лежалъ въ карманѣ, въ футлярѣ. Юзвякъ нащупывалъ его на всякій случай: если Валекъ бросится на него, онъ станетъ защищаться. Присутствующіе тоже предвидѣли возможность такого оборота бесѣды, но для этой шайки „котовъ“ *), которой предводительствовалъ Валекъ, издѣвательство надъ слабымъ врагомъ было культомъ, привычкой.

Ради нихъ-то и устроилъ Валекъ эту охоту на человѣка, безсиліе котораго раздражало его нервы, такъ же, какъ пассивность Маринки будила въ немъ звѣря. Съ этой цѣлью онъ и пригласилъ его къ столу и сталъ говорить ему такія истины, которыхъ не говорятъ никому. Нельзя издѣваться надъ раболѣпіемъ собственныхъ рабовъ, надъ уступчивостью соблазненной женщины, надо и жертвамъ давать роздыхъ. Не все можетъ перенести душа, даже вѣчно скованная страхомъ. Валекъ не понималъ этого, и былъ убитъ.

---

*) «Альфонсовъ».

На судебномъ слѣдствіи отсутствовалъ одинъ свидѣтель,— жена Юзвяка, Маринка: она умерла въ больницѣ.

„Убилъ въ раздраженіи, защищая честь женщины",—такъ кончилъ защитникъ свою шестую и послѣднюю „казенку".

IV.

„Яктонъ".

М. Конопницкой.

Онъ не всегда такъ назывался. И большіе, и малые жители мѣстечка помнятъ, что раньше его звали Лейба Рабиновичъ. Однако, своей прежней фамиліи онъ не носилъ съ такою гордостью, какъ теперь носитъ свое прозвище.

Легче-ли сталъ ящикъ со стекломъ, который онъ по цѣлымъ днямъ носитъ на своей согбенной спинѣ? или прибавилось у него силъ? Неизвѣстно; но онъ какъ-то выпрямился, какъ будто выросъ, халатъ подпоясалъ туже, даже шапку сдвигалъ больше назадъ, открывая узкій, высокій лобъ и тонкіе, черные, кое-гдѣ серебрившіеся уже волосы. Даже его высокіе сапоги изъ-подъ затыканнаго за поясъ халата выглядятъ какъ будто иначе. Въ мѣстечкѣ иногда бываетъ такая грязь, что оборони Богъ, а Лейба, аккуратный, чистый, какъ будто и не касался ея, ходитъ себѣ, выбирая сухіе камешки, Прямо всѣмъ на удивленіе.

Раньше, его темная, рѣдкая, остроконечная борода только въ шабашъ поднималась такъ высоко и вздрагивала, какъ будто отъ словъ, произносимыхъ тихимъ шопотомъ; только въ шабашъ его прищуренные, желтоватые глаза куда-то далеко упорно смотрѣли впередъ... Теперь онъ каждый день бываетъ такой; каждый день онъ такъ ходитъ по мѣстечку, какъ будто на душѣ у него вѣчный праздникъ, хотя хлѣбъ ему достается очень тяжело, да и тотъ бываетъ со всячиной, черный и горькій.

Иногда онъ сгорбится, опуститъ бороду и глазами уставится въ грязную улицу, — но лишь только откуда-нибудь изъ-за угла или изъ темной сѣни какой-нибудь подростокъ крикнетъ ему: „Яктонъ"! — Лейба тотчасъ выпрямляется подъ тяжестью своего ящика, лицо обливается какъ будто свѣтомъ, а взглядъ его зажмуренныхъ желтоватыхъ глазъ устремляется куда-то далеко, надъ крышами домовъ, надъ крышей синагоги, и еще выше... А между тѣмъ, его прозвище совсѣмъ не лестное. Всякій знаетъ, что „Яктонъ"— значитъ просто шутъ. Вѣрнѣе, придурковатый какой-то или

даже совсѣмъ сумасшедшій. Нерѣдко случается и такъ, что вслѣдъ за такимъ словцомъ летитъ за Лейбой горсть песку, грязи или острый камень и попадаетъ въ него. Вся „Хевра-Кедиша“, которая обмываетъ и хоронитъ покойниковъ, плюетъ на него,—не говоря уже о членахъ кагала. А у него только вздрагиваетъ остроконечная борода, только по лицу промелкнутъ будто искры, и онъ идетъ дальше, постукивая своей суковатой палкой, какъ будто не къ нему это относится. Говорятъ, что онъ самъ раньше принадлежалъ къ „Хеврѣ-Кедишѣ“ и хоронилъ покойниковъ. Но его исключило изъ своей среды это общество. То же самое сдѣлала и „Хевра-шомри-шабашъ“, которая высылаетъ въ пятницы вечеромъ своихъ вѣстниковъ, чтобы они стучали въ двери и напоминали, что пора зажигать шабашовый свѣтъ; и „Хевра-талмудъ-тора“, которая посылаетъ бѣдныхъ дѣтей въ хедеръ *); и „Хевра-нертуметъ“, которая днемъ и ночью поддерживаетъ огонь въ лампѣ въ синагогѣ.

И все это сдѣлалъ Фроимъ Портеръ своею глупой смертью. Глупой и совсѣмъ безбожной, даже достойной проклятія.

Фроимъ Портеръ давно жилъ въ мѣстечкѣ, занимался портняжествомъ и заработанные гроши отдавалъ на сохраненіе Шлейфману. Сначала этихъ денегъ было нѣсколько пятиалтынныхъ, потомъ нѣсколько десятковъ пятиалтынныхъ, наконецъ, послѣ цѣлыхъ годовъ нищеты и работы, тысяча и нѣсколько сотенъ. Шлейфманъ пускалъ въ оборотъ эти деньги, скупалъ и продавалъ скотъ, ѣздилъ по большимъ ярмаркамъ, пользовался довѣріемъ въ мѣстечкѣ.

Фроимъ Портеръ былъ вдовецъ, также давно умерли его дѣти, сыновья и дочери. Онъ былъ одинъ и сиротливость свою тѣшилъ этими заработанными грошами, точно дѣтьми и внуками. Даже больше того, потому что въ своей жизни онъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ дѣти и внуки растутъ затѣмъ, чтобы бросить родителей и дѣдовъ и жить для себя; а эти кровные гроши онъ копилъ за тѣмъ, чтобы со временемъ обратиться къ нимъ, усладить ими свою жизнь и имѣть опору въ старости.

У Фроима была сестра Хая, выданная замужъ за талмудиста. Мужъ ея по цѣлымъ днямъ сидѣлъ, качаясь, за книгами, совсѣмъ не заботясь о томъ, откуда берется хлѣбъ для него, для дѣтей и для жены. А дѣтей была куча, и количество ихъ все увеличивалось.

Но обо всемъ этомъ заботилась Хая. Объ этомъ знали ея распухшія, израненныя ноги, ея дрожащія и изможденныя

*) Еврейская талмудическая школа. *Прим. перев.*

руки, ея горящіе жадностью и бѣгающіе, какъ ласточки, глаза, горло, охрипшее отъ постояннаго галдѣнія, лобъ, не высыхавшій отъ пота, мысль, не отдыхавшая отъ своихъ заботъ ни днемъ, ни ночью.

Обо всемъ этомъ заботилась Хая,—типъ еврейки изъ маленькаго мѣстечка, еще молодой, но уже увядшей, живущей только грошемъ, способной, питаясь холоднымъ картофелемъ съ лукомъ или бубликомъ, жить, работать, рожать дѣтей, бѣгать за заработкомъ въ окрестныя деревни, хотя бы въ полночь, кормить одной селедкой и фунтомъ хлѣба всю семью цѣлый день, и еще кормить грудного ребенка своею высохшею грудью.

Несмотря на всѣ эти усилія, съ горемъ просыпалась Хая и съ горемъ ложилась спать; тутъ была хроническая нищета, возраставшая каждый мѣсяцъ перваго числа, когда нужно было платить два рубля за жалкое помѣщеніе.

Эти два рубля были трагическимъ моментомъ въ жизни Хаи.

Наканунѣ этого дня она бѣгала растерянная, почти обезумѣвшая, ошибаясь въ счетѣ яицъ, которыя цѣлую недѣлю собирала по деревнямъ; голодная; томимая жаждой; едва одѣтая; надѣляя толчками старшихъ дѣтей, забывая дать грудь грудному ребенку и супъ изъ хлѣба мужу-талмудисту. Ни одна лягавая собака не чуетъ такъ звѣря и не выслѣживаетъ его такъ, какъ она весь день разнюхивала копѣйку и гналась за ней...

Отъ отчаянія, съ которымъ она почти силой вырывала за заставой изъ бабьихъ котомокъ то пару яицъ, то кружокъ творогу, то кусокъ масла, чтобы перепродать ихъ въ мѣстечкѣ, она переходила къ просьбамъ, мольбамъ, трогательному плачу. Если мужикъ отталкивалъ ее отъ воза, она возвращалась къ нему десять, двадцать разъ, карабкалась на возъ, забираясь на него сзади, цѣплялась за лошадей. Бывало, мужикъ сорветъ у нея чепецъ съ головы, дастъ тумака въ спину, порветъ на ней кофту, а она, какъ вцѣпится своими изсохшими пальцами въ возъ, такъ и бѣжитъ вслѣдъ за прибавившей шагу лошадью, торгуясь и причитая, пока не захватитъ у нея дыханіе и не появится на губахъ пѣна.

Такъ она бѣжитъ за возомъ черезъ шлагбаумъ, черезъ мостъ, мимо почты, мимо аптеки, до самаго базара, отталкивая другихъ евреекъ, ссорясь съ ними, льстя ругающему ее мужику, поводя вокругъ безпокойными, налитыми кровью глазами.

Сколько ударовъ кулакомъ падало на ея спину, сколько разъ ударялась она о пожарные насосы, сколько синяковъ выносила она изъ такой кампаніи,—этого она никогда не

считала. Если только удавалось ей заработать хоть пятакъ, она возвращалась домой, торжествующая и радостная послѣ всѣхъ истязаній, и начинала считать собранныя за весь мѣсяцъ такимъ образомъ мѣдныя деньги. Но никогда еще не могла она насчитать больше рубля. За другимъ рублемъ она ходила къ брату. Она становилась у порога его жилища, покорная, молчаливая, не дѣлая ни шага внутрь комнаты, съ меньшимъ ребенкомъ у высохшей груди, и братъ уже безъ разговоровъ зналъ, что значитъ ея приходъ.

Сидя за работой, онъ поднималъ свою рыжую, тяжелую голову, смотрѣлъ стеклянными, выпуклыми глазами на сестру, снималъ съ пальца блестящій стальной наперстокъ и, доставъ грязный мѣшочекъ, который носилъ на груди, подъ стеганнымъ кафтаномъ, вынималъ изъ него рубль и давалъ сестрѣ. Рубль былъ всегда бумажный и всегда единственный въ мѣшкѣ. Жадные, бѣгающіе глаза Хаи никогда ничего не могли высмотрѣть, кромѣ этого рубля. Все это происходило въ полномъ молчаніи.

Хая брала рубль, цѣловала засаленный рукавъ братнинаго кафтана и тихо всхлипывала. Фроимъ не мѣшалъ ея слезамъ и благодарностямъ, но мѣшочекъ пряталъ какъ можно скорѣе подъ кафтанъ, застегивался на всѣ пуговицы, бралъ наперстокъ, и Хая исчезала въ темныхъ, низкихъ сѣняхъ, со слезами и вздохами.

Такъ продолжалось не одинъ и не два года, пока въ одинъ прекрасный день Фроимъ, ничего не говоря по обыкновенію, съ двухъ словъ купилъ участокъ земли у бочара Колкевича и, подобравши полы халата, отправился въ Трояновскій лѣсъ осматривать балки и доски. Онъ осмотрѣлъ, прицѣнился, далъ въ задатокъ деньги, какія оказались при немъ, и, условившись по дорогѣ относительно привоза камня для фундамента, вернулся къ вечеру домой. Въ тотъ же вечеръ въ городѣ говорили, что Фроимъ Портеръ строитъ домъ.

И въ самомъ дѣлѣ началась постройка.

Выпололи высокую, недоѣденную козами Колкевича сорную траву, площадь измѣрили веревкой, воткнули четыре колышка по угламъ и принялись копать ровъ подъ фундаментъ. Изъ Троянова, между тѣмъ, мужики возили камень, плотникъ ходилъ по площади, съ трубкой въ зубахъ, присматривалъ, намѣчалъ привезенныя балки мѣломъ, а наемный батракъ, весело посвистывая, мѣшалъ въ ямѣ дымящуюся известь. Прохожіе останавливались въ переулкѣ посмотрѣть на „фабрику". Одни качали головой, другіе желали счастья, дѣти окружали землекоповъ,—словомъ, какъ обыкновенно, когда что-нибудь строится на землѣ.

Въ первый же день, даже въ первый же часъ, какъ на-

чала работать эта „фабрика“, прибѣжала на площадку Хая, запыхавшаяся, измученная, оставивъ лавочку на рукахъ своей старшей дочки. Прибѣжала, окинула взглядомъ все его царство и даже руками всплеснула отъ удивленія. Но къ брату не пошла... Только перваго числа она, покорная и молчаливая, вошла въ комнатку портного и, по обыкновенію, стала у порога.

И Фроимъ, какъ обыкновенно, досталъ мѣшочекъ и далъ сестрѣ бумажный рубль. Но когда она хотѣла поцѣловать его въ локоть, онъ взялъ ее за руку, молча проводилъ черезъ улицу, молча обвелъ вокругъ половины площади постройки и, остановившись, сказалъ:

— Послушай, Хая. Мы дѣти однихъ родителей, и больше насъ нѣтъ. Мнѣ Богъ далъ заработокъ, но не далъ дѣтей, а тебѣ Богъ далъ дѣтей и не далъ заработка. Это нехорошо...

Онъ замолчалъ и поморщился, какъ будто выражая судьбѣ строгое порицаніе.

Хая всхлипывала потихоньку.

— Ш...ш...ша...—остановилъ ее Фроимъ.—Ты не должна теперь плакать, а должна слушать меня.

Хая тотчасъ вытерла рукавомъ глаза, и сердце ея задрожало.

— Это нехорошо,—продолжалъ Фроимъ, морща свой высокій лобъ.—Твои дѣти голодны, твой мужъ голоденъ и ты голодна.

Хая жалобно заплакала. Она въ самомъ дѣлѣ всегда голодала; она не помнитъ даже, была ли когда-нибудь сыта...

— Ш...ш...—снова серьезно успокаивалъ ее Фроимъ.—Тебѣ ненужно теперь плакать; тебѣ нужно теперь меня слушать! Твои дѣти оборваны, твой мужъ оборванъ и ты сама оборвана.

Хая громко заревѣла. Охъ, охъ! какъ давно не было уже цѣлыхъ башмаковъ на ея бѣдныхъ, распухшихъ отъ утомленія ногахъ... Какъ давно у Абрамки не было на плечахъ рубахи, Гудесъ всю прошлую зиму мерзла безъ кофты...

— Ш...ш...ша!..—третій разъ зашипѣлъ Фроимъ.—У твоихъ дѣтей нѣтъ собственной хаты, и у твоего мужа нѣтъ своей хаты, и у тебя нѣтъ ея.

Хая сильно зарыдала, сжимая въ рукѣ рублевую бумажку, краснорѣчивѣйшее доказательство истины словъ брата.

— Ш... ш... ш!..—успокоивалъ ее Фроимъ протяжнымъ шипѣніемъ, и когда она замолчала, продолжалъ:

— Ты видѣла, что я проводилъ тебя кругомъ половины площадки и половины фундамента, отъ тѣхъ двухъ колышковъ до этихъ двухъ колышковъ. Та половина дома, которая станетъ на этой половинѣ фундамента и половинѣ площади,

будетъ твоимъ домомъ и домомъ твоихъ дѣтей. Я такъ хочу!..

Онъ поднялъ большую, рыжую голову и слегка надулъ губы и щеки.

Хая упала на землю, почти потерявъ сознаніе, цѣлуя ноги и колѣни брата. Слезы градомъ текли изъ ея глазъ по высохшему, потемнѣвшему лицу, стонъ и смѣхъ вырывался изъ ея груди, истощенныя руки конвульсивно сжимали повисшаго у пустой груди ребенка. Она была близка къ безумію. Ея домъ! Ея домъ! собственный домъ, и мужа ея, и дѣтей...

Она вскочила и, какъ сумасшедшая, побѣжала въ свое жилище, не замѣчая никого по дорогѣ.

Ея домъ! Ея домъ! Ея собственный, собственный домъ!

Фроимъ, пыхтя, ходилъ по мѣсту постройки до поздняго вечера.

Съ тѣхъ поръ „фабрика“ дѣйствовала вдвое скорѣе. Рыжій портной то и дѣло бросалъ работу и, серьезный и молчаливый, шелъ къ площадкѣ, останавливался тамъ, поглаживалъ бороду и смотрѣлъ на свой домъ, выроставшій смолистымъ, желтымъ, деревяннымъ остовомъ на фундаментѣ. Изъ ремесленника онъ превращался здѣсь въ обывателя города.

Но когда у вернувшагося со степными волами Шлейфмана онъ потребовалъ свои заработанные гроши, тотъ торжественно, въ присутствіи раввина, заявилъ, что никакихъ денегъ отъ него на сохраненіе не бралъ, а торговлю велъ на свои собственныя деньги.

Въ ту же ночь разлетѣлась по городу вѣсть: рыжій портной повѣсился въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, на трояновской балкѣ, которую только что подняли.

Было свѣтлое, тихое, прозрачное утро. Тонкій, бѣлый серпъ луны потухалъ высоко на небѣ, растаивая въ сіяніи дня и солнца. Надъ домами трепыхались голуби, отъ ближайшихъ луговъ доносился запахъ свѣжести и сѣнокосовъ.

Лейба Рабиновичъ возвращался съ молитвы домой. Погребальный саванъ висѣлъ у него на плечахъ, въ рукѣ онъ несъ Тору въ бархатномъ мѣшкѣ Онъ шелъ и продолжалъ еще молиться. Его тонкія губы шевелились отъ нервнаго шопота, переходившаго отъ времени до времени какъ бы въ пчелиное жужжаніе, которымъ онъ прославлялъ Бога. Вдругъ онъ остановился. Съ базара доносился крикъ и небывалое галдѣніе. Какъ пламя подъ вліяніемъ вѣтра то вспыхиваетъ, то почти потухаетъ, такъ этотъ крикъ то возрасталъ, то падалъ, подъ дуновеніемъ невидимой бури.

Лейба еще стоялъ и слушалъ, какъ вдругъ со свистомъ вбѣжалъ въ улицу одинъ подростокъ, потомъ другой, потомъ

сразу нѣсколько и, наконецъ, въ тихую до сихъ поръ улицу ворвалась цѣлая толпа обезумѣвшихъ евреевъ, съ крикомъ, свистомъ, воемъ, съ выраженіемъ ненависти въ воспаленныхъ глазахъ, съ пѣной на губахъ, съ грязью и камнями въ рукахъ.

По серединѣ носилокъ лежалъ обнаженный трупъ Фроима Портера. Видъ у висѣльника былъ ужасный. Его тяжелая, рыжая голова отскакивала съ глухимъ стукомъ отъ сбитыхъ наскоро жердей; его широкія, не распрямившіяся отъ смертельной судороги колѣни торчали высоко; на посинѣвшемъ лицѣ и въ широко раскрытыхъ, выкатившихся глазахъ отражалось отчаяніе и смертельный ужасъ. Это лицо, какъ и все тѣло самоубійцы, было закидано грязью, оплевано, избито камнями, представляло отвратительное зрѣлище.

Въ первое мгновеніе Лейба Рабиновичъ отступилъ передъ нимъ. Но вдругъ опомнился, растолкалъ толпу, сорвалъ съ плеча погребальный саванъ, набросилъ его на оскорбленный трупъ и, придавивъ мѣшкомъ съ Торою, положилъ на него руку.

Пронзительный, страшный крикъ пронесся въ толпѣ. Послѣ этого крика наступило мгновеніе тишины, какъ бы безпредѣльнаго изумленія. Среди этой тишины слышалось тревожное чириканье перепуганныхъ и спрятавшихся подъ крышами воробьевъ.

Тогда-то въ первый разъ кто-то крикнулъ это позорное слово: „Яктонъ"!

— Яктонъ!—взвизгнула за нимъ вся толпа, и тысячи грудей поднялись противъ защитника несчастнаго трупа. Было мгновеніе, когда казалось, что эта толпа растерзаетъ его. Кто-то сорвалъ у него шапку съ головы, кто-то другой сбросилъ ермолку, рвали на немъ одежду и стянули халатъ. Брань, визгъ, проклятія,—все это обратилось противъ него. Ближе стоявшіе плевали ему въ лицо, толкали, а тѣ, кто стоялъ далеко, бросали въ него грязью. Подростки свистѣли въ пальцы и кричали: Яктонъ! Яктонъ!

Лейба Рабиновичъ не отступилъ ни на шагъ. Прямой, высокій, худой, онъ шелъ большими шагами рядомъ съ носилками, въ одной шапкѣ, изъ-подъ которой свѣшивались спереди и сзади шнурки; обнаженную голову поднялъ высоко; одну руку, обернутую молитвеннымъ ремешкомъ, прижималъ къ груди; другою придерживалъ на самоубійцѣ бархатный мѣшокъ съ Торой. Эта святыня охраняла несчастный трупъ отъ оскорбленій.

Такъ дошли за предѣлы „киркута" (кладбища), гдѣ Фроима Портера закопали въ ямѣ, среди проклятій и брани толпы. Лейба взялъ изъ рукъ носильщиковъ свой савана и

Тору и вернулся въ городъ. Толпа тотчасъ раздѣлилась. Одни остались за киркутомъ, бросая на могилу самоубійцы сухой хворостъ и камни; другіе съ визгомъ и свистомъ бѣжали за Лейбой и кричали: Яктонъ! Яктонъ!

Это прозвище приростало къ нему, какъ новая кожа къ змѣиному тѣлу.

Среди гама Лейба Рабиновичъ шелъ смѣлымъ, увѣреннымъ шагомъ, держа подъ мышкой свернутый погребальный саванъ и Тору,—высокій и прямой, какъ будто за этотъ часъ поруганія сталъ выше цѣлой головой.

Только высохшій потъ приклеилъ къ вискамъ его черные, рѣдкіе волосы, только блѣдное лицо его казалось еще блѣднѣе, да золотистые, зажмуренные глаза смотрѣли куда-то далеко, далеко.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

На родинѣ.

Привѣтъ тебѣ, знакомая рѣка!
Какъ прежде, золотыя облака
Бѣгутъ по небу и въ водѣ зеркальной
Улыбкой отражаются печальной.
Заката лучъ изъ-за холмовъ пологихъ
Благословляетъ рядъ лачугъ убогихъ
Прибрежной деревеньки. Мѣдный звонъ
Доносится чуть слышно издалёка;
Все тишиной охвачено глубокой,
И крадется волшебникъ—мирный сонъ.
Усталымъ онъ несетъ успокоенье,
Страдающимъ—сердечныхъ ранъ забвенье,
И, сорванные въ царствѣ красоты,
Роняетъ грёзъ чудесные цвѣты...

Какъ ты печальна, сторона родная,
Несчастная, голодная, больная!
Ты молишься, чтобъ Богъ тебѣ помогъ,
Но глухъ къ мольбамъ, или прогнѣванъ Богъ...

II.

Смерть природы.

Природа-мать ни въ чемъ не видитъ зла!
Она всегда торжественно-спокойна,
Надъ нею время пролетаетъ стройно,
Не омрачая блескъ ея чела.

Взгляни—и смерть природы весела!
Сухіе листья въ воздухѣ рѣзвятся,
Какъ-будто съ жизнью имъ не жаль разстаться,
Какъ-будто смерть, какъ этотъ день, свѣтла.

Весна въ свой часъ безпечно отцвѣла,
Чаруя землю дѣвственнымъ дыханьемъ;
Мелькнуло лѣто съ знойнымъ ликованьемъ,
И осень чередой своей пришла.

Съ полей коверъ зеленый убрала,
Покрыла листья блескомъ золотистымъ
И, опьянивъ ихъ воздухомъ душистымъ,
Отъ гнѣздъ родныхъ легко оторвала!

Н. Шрейтеръ.

СЕМЕЙНОЕ СОБЫТІЕ.

(Разсказъ изъ грузинской жизни).

I.

Въ холодное зимнее утро, когда на дворѣ бушевала снѣжная буря, въ сонной усадьбѣ князя Реваза Коблашвили неожиданно поднялась суматоха.

Княгиня Нина, находившаяся въ послѣднемъ періодѣ беременности, внезапно почувствовала приближеніе родовъ.

Моментально вся челядь князя высыпала изъ кухни: Максимэ, низкорослый мужикъ съ рыжей бородой, одѣтый въ какую-то рвань и дырявые лапти, вывелъ изъ буйволятника единственную лошадь помѣщика и поскакалъ за сельской повитухой Сабедой.

Хромой Симона, лѣто и зиму носившій дырявую солдатскую шинель, опоясанный тряпками, принялся колоть дрова, а слабоумный Павлэ, всю жизнь скорбѣвшій объ уничтоженіи крѣпостного права, съ огромнымъ глинянымъ кувшиномъ на спинѣ, побѣжалъ къ рѣкѣ за водой.

Крестьянскія женщины, сосѣдки помѣщика, призванныя экстренно, хлопотали въ большой комнатѣ, въ которой главнымъ образомъ и жила вся семья Коблашвили: онѣ выметали соръ, прибирали постели, тахты, устанавливали порядокъ; другая смежная комната зимою стояла безъ употребленія, ибо ни деревяннаго пола, ни потолка, ни штукатурки въ ней не было, хотя домъ былъ построенъ назадъ тому лѣтъ пятнадцать.

Старая княгиня Сидонія, мать Реваза, смуглая женщина лѣтъ 60, съ большими черными глазами, средняго роста, одѣтая въ черное платье и повязанная бѣлой коленкоровой косынкой, сидя на корточкахъ въ темномъ углу, рылась въ сундукѣ, обитомъ зеленой разрисованной жестью, и тихо ворчала.

— Сколько разъ я говорила, что дѣтское бѣлье должно

быть на своемъ мѣстѣ! Ну, гдѣ же оно? Это... сорочки Ревааза, это... кофта Нины, а это... старые мѣшочки для огородныхъ сѣмянъ. Скажешь что-нибудь—сейчасъ надуется, какъ бурдюкъ, а не скажешь—никакого порядка нѣтъ въ домѣ.

Эти слова Сидонія адресовала къ невѣсткѣ, которая, охая отъ болей, медленно двигалась по комнатѣ, на этотъ разъ не обращая вниманія на обычную воркотню свекрови.

— Барыня, нѣтъ-ли тамъ, въ сундукѣ, чистой простыни? Эта, видите, какая!—досадливо сказала старая служанка Маріама, косоглазая старуха, стоя надъ Сидоніей съ простыней не первой свѣжести въ рукахъ.

— Желтая какая!—робко вставила Нина, на мигъ остановившись передъ обѣими женщинами и устремляя взоръ на простыню.

— Да вѣдь коленкоровое бѣлье всегда желтѣетъ, особенно, когда плохо выстираютъ его, но что же дѣлать? Полотняныхъ простынь нѣтъ въ нашемъ домѣ, принесла бы съ собою въ приданое! — уязвила Нину Сидонія, не поднимая головы.

Нина была изъ старой дворянской, очень бѣдной семьи и вышла замужъ безъ приданаго.

Сидонія, когда-то мечтавшая путемъ выгоднаго брака Ревааза поправить ихъ разстроенныя дѣла, все еще не могла примириться съ тѣмъ, что невѣстка—безприданница, и постоянно корила ее, даже въ эти минуты мучительныхъ физическихъ страданій.

Нина не сказала ни слова свекрови; она только подняла свои прелестные голубые глаза, полные ожиданія и тревоги, грустно обвела комнату, оклеенную дешевыми сѣрыми обоями, и, сдвинувъ отъ обиды и боли темныя, тонкія, словно кистью художника выведенныя брови, отвернулась отъ свекрови.

Но, сдѣлавъ два шага впередъ, она опустилась въ глубокое протертое кресло, кусая губы.

Маріама съ жалкой гримасой на лицѣ, сочувственно поглядывая на Нину, сбросила выцвѣтшій коверъ съ небольшой тахты, стоявшей въ углу, и приготовила ей постель.

— Поди на кухню, Маріама, узнай, сколько куръ закололи?—обратилась Сидонія къ служанкѣ, все еще продолжая рыться въ сундукѣ.

— Двухъ закололи, третью ищутъ, она, кажется, въ садъ перелетѣла, мальчика туда послали,—тихо отвѣтила Маріама, обминая огромныя пуховыя подушки.

— Не знаю, хватитъ-ли хворосту? Надо протопить печь, а, поди, ни одного чурека нѣтъ въ ящикѣ,—заботливо говорила другая служанка, ни къ кому изъ присутствующихъ не обращаясь.—Народу много будетъ, слѣдовало бы всѣмъ запастись.

— Не представляю себѣ, кому охота ѣхать къ намъ въ такую погоду?! Погляди въ окно, что дѣлается на дворѣ! — томно возразила ей Нина, указывая на занесенныя снѣгомъ окна и едва вставая съ кресла.

— Не безпокойся! всѣ пріѣдутъ! — сказала Сидонія невѣсткѣ.

— Охъ! Какое мученье рожать при людяхъ!—съ негодованіемъ воскликнула Нина, разстегивая платье.

— Этотъ обычай не нами заведенъ и не мы его искоренимъ!—обидчиво возразила свекровь.

Въ это время вошелъ съ докладомъ маленькій оборвышъ-слуга:

— Пастухъ прислалъ сказать, что безъ денегъ не можетъ отпустить сыру.

Сидонія повернула къ слугѣ свое недовольное лицо и съ презрѣніемъ сказала ему:

— Ишь, какъ нынче испортился народъ! Не могутъ въ кредитъ отпустить сыру! Поди, поищи барина, доложи ему, онъ расправится съ пастухомъ!.. А ты вотъ что: свари крахмалъ, достань изъ шкафа сахарной бумаги, оконныя рамы надо заклеить... Круглыя подушки, которыми заткнуты окна, положи на длинную тахту, гостямъ понадобятся... Да вотъ еще что,—добавила Сидонія—скажи тамъ людямъ, чтобы они снѣгъ смели съ балкона; ну, отправляйся, живо!

Между тѣмъ, у Нины боли усилились; невыносимыя страданія исказили ея лицо: молодую женщину раздѣли и уложили въ постель.

А по сельской дорогѣ, ведшей въ деревушку Зеленый Оврагъ, принадлежавшую князю Ревазу Коблашвили, на одной лошади ѣхали двое: спереди на сѣдлѣ Максимэ, а позади него сельская повитуха Сабедо, закутанная такъ старательно, что только глаза были видны; оба ѣхали молча, мокрые холодные, обсыпанные пышными хлопьями снѣга.

II.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревяннаго домика Реваза съ покривившимся балкономъ и полуразрушенными перилами подъ старымъ вязомъ, покрытымъ снѣгомъ, стояли три пустыя арбы съ опущенными къ землѣ ярмами.

Снѣгъ, мягко падая на землю, усердно бѣлилъ колеса ихъ, дно и перекладины.

Чужіе и хозяйскіе слуги толпились въ дымномъ и тепломъ буйволятникѣ, грѣясь передъ жарко натопленнымъ каминомъ.

Душно и тѣсно было въ комнатѣ, гдѣ лежала роженица. Это была большая комната съ низкимъ и грязнымъ потолкомъ, некрашенымъ поломъ, въ три небольшія окна, обращенныя къ лѣсу, обставленная, какъ обставляютъ свои дома небогатые обитатели медвѣжьихъ угловъ Грузіи: тахты, сундуки, потемнѣвшіе отъ времени и грязи, стулья съ протертыми, мѣстами изорванными сидѣньями и спинками, съ которыхъ давно слѣзла краска, такъ какъ спинки эти служатъ вѣшалками для мокрыхъ полотенецъ.

На широкой и длинной тахтѣ, покрытой персидскимъ выцвѣтшимъ паласомъ и сверху длиннымъ узкимъ и бѣлымъ узорчатымъ войлокомъ, кучками сидѣли только что пріѣхавшія къ родинамъ гостьи, родственницы хозяевъ дома или сосѣдки по имѣнію, и весело болтали, не взирая на Нину, которая съ искаженнымъ отъ страданія лицомъ металась въ постели, на тахтѣ, поставленной въ углу. Повитуха, сидя на краю постели, полотенцемъ вытирала ей влажное лицо.

— Кажется, княгинѣ Евфиміи не дали знать, что Нина рожаетъ... Обидится она на Сидонію,—перебирая янтарныя чётки, вполголоса сказала княгиня Като княгинѣ Софьѣ.

— Представляю себѣ, какъ она будетъ бранить ихъ,—шепнула Софья Като:—напрасно ее обошли, она имъ вѣкъ этого не проститъ,—добавила она, глазами указывая на Сидонію, хлопотавшую около постели роженицы.

— Мужъ ей привезъ изъ Тифлиса чудныя платья,—говорила на другомъ концѣ тахты молодая женщина съ родинкой на лѣвой щекѣ, обернувшись къ своей сосѣдкѣ, пожилой дамѣ съ бѣлокурыми локонами.

— Еще бы! Онъ, говорятъ, десять лѣтъ грабилъ уѣздъ; есть на что баловать молодую жену.

Въ это время мальчикъ лѣтъ пяти бросился на свою младшую сестренку и вырвалъ у нея изъ руки куриную ножку; дѣвочка взвизгнула, завязалась драка, но вдругъ они поблѣднѣли и смолкли: ихъ испугалъ за душу хватавшій, протяжный крикъ роженицы. Другія дѣти, такъ еще недавно шумѣвшія около Нины, теперь притихли и растерянными глазенками смотрѣли на нее.

Но взрослые продолжали свою болтовню, изрѣдка кидая на Нину насмѣшливые взгляды или обращаясь къ ней съ такими словами:

— Нина—джанъ! не кричи, голова у тебя разболится.

— По дѣломъ тебѣ, плутовка, зачѣмъ выходила замужъ!

Гостьи сыпали циничными поговорками, остротами и шутками... Бѣдная роженица , хотя и старалась сдерживаться, но порой теряла самообладаніе, вскрикивала, ломала руки и плакала.

Нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ близко подошли къ ея постели и съ любопытствомъ глядѣли на Нину, метавшуюся подъ краснымъ шелковымъ стеганымъ одѣяломъ.

Въ наступившій моментъ затишья болей, одна изъ гостей пошутила съ Ниной:

— Смотри, если родишь намъ дѣвчонку,—на мусоръ тебя выкинемъ.

Въ отвѣтъ ей Нина слабо улыбнулась и вдругъ вскрикнула отъ новой схватки.

Между тѣмъ, служанки втащили въ комнату длиный некрашеный столъ, приставили къ тахтѣ, гдѣ сидѣли гостьи, покрыли цвѣтной красной скатертью и стали гремѣть посудой, устанавливая приборы и тарелки съ яствами; но проголодавшіяся дѣти не могли дождаться и хватали со стола хлѣбъ, сыръ, маринады и рыбу.

Нина съ тоской глядѣла изъ своего угла на группу взрослыхъ и маленькихъ, и ей страстно хотѣлось убѣжать отъ всего далеко, далеко.

Сидонія суетилась около стола, усердно угощая присутствующихъ:

— Кушайте, пожалуйста! Не взыщите! Обѣдъ неважный. Нина такъ встревожила насъ, что мы головы потеряли: не догадались послать человѣка въ городъ за провизіей.

Тѣмъ временемъ дѣти поминутно срывались со своихъ мѣстъ и, держа въ рукахъ куски хлѣба и курятины, подходили къ роженицѣ, подолгу толпились около нея и тутъ же устраивали игру въ прятки. Они визжали, кричали и шумѣли.

Но, согласно этикету грузинскаго Домостроя, по которому гостямъ, ихъ дѣтямъ, даже прислугѣ долженъ быть оказанъ безгранично-любезный пріемъ, ни Сидонія, ни повитуха, ни служанки, ни даже сама роженица, не рѣшались удалить или усмирить дѣтей.

А между тѣмъ положеніе больной ухудшалось, роды дѣлались труднѣе.

И мучительныя страданія, и говоръ гостей, и шумъ дѣтворы—все это терзало Нину.

Въ силу контрастовъ вспоминался ей отчій домъ, стоявшій среди зеленой поляны, между горъ, вспомнились родимые луга, залитые яркимъ весеннимъ солнцемъ, вспомнилось то недалекое прошлое, когда она, 23-хъ-лѣтняя, здоровая дѣвушка съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, со звонкимъ смѣхомъ, вмѣстѣ съ подругами безпечно гуляла по тѣнистой орѣховой рощѣ.

— О, если бъ я могла сейчасъ убѣжать отъ этихъ страданій, отъ этихъ безсовѣстныхъ гостей, которые, уснащая свою бесѣду скабрезными анекдотами, могутъ такъ аппетитно

ѣсть въ комнатѣ, гдѣ на ихъ глазахъ мучается человѣкъ,—думала Нина, но тутъ опять начались схватки, однѣ изъ тѣхъ ужасныхъ схватокъ, которыя, кажется, толкають роженицу въ могилу.

Съ крикомъ и воплемъ бѣдная опять заметалась въ постели.

И крики эти, и вопли смѣшались съ раскатистымъ смѣхомъ княгини Софьи...

Повитуха растерянными глазами взглянула на Сидонію и вполголоса робко обратилась къ ней:

— Что намъ дѣлать?!—а потомъ, спохватившись, сказала:—давайте катать ее въ одѣялѣ, это испытанное средство.

— Да, это прекрасное средство!—согласилась съ ней Сидонія, съ унылымъ видомъ стоя передъ невѣсткой.

Кто-то изъ гостей подхватилъ этотъ разговоръ и весело обратился къ Сидоніи:

— Давайте одѣяло, мы поможемъ!

— Нѣтъ, какъ можно! Вамъ не по силамъ, надо мужчинъ позвать!—возразила имъ хозяйка дома.

Служанки разостлали на полу большое стеганое зеленое одѣяло, положили туда завернутую въ простыню Нину и позвали слугъ.

Мужики перекрестились на икону, подхватили края одѣяла, подняли роженицу и стали катать ее справа налѣво и обратно, такъ что получилась боковая качка, немного успокоившая молодую женщину.

Когда ее снова уложили въ постель, боли опять усилились.

— И хоть бы этотъ подлецъ помнилъ, Нина, какъ ты мучилась, тогда онъ былъ бы почтительнымъ сыномъ, — улыбаясь и обсасывая поджаренное куриное крылышко, сказала роженицѣ княгиня Софья.

Слово „подлецъ" было эпитетомъ того таинственнаго существа, которое должно было появиться на свѣтъ Божій, но молодой женщинѣ, обезсиленной страданіями, было не до шутокъ и праздной болтовни.

Тѣмъ временемъ Ревазъ, скрываясь отъ гостей, то сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, завернутый въ бурку, то выходилъ на балконъ или бродилъ по усадьбѣ, не взирая на мятель и глубокій снѣгъ, покрывшій всю деревню и ея окрестности.

Молодой человѣкъ былъ въ большой тревогѣ: ему казалось, что Нина не вынесетъ мученій и умретъ. При каждомъ воплѣ или вскрикиваніи роженицы—и то и другое доходило до его ушей, когда онъ маршировалъ по балкону—Ревазъ въ отчаяніи хватался за голову и плакалъ, какъ ребенокъ.

— Дайте ей напиться воды изъ полы черкески мужа! — посовѣтовали Сидоніи.

Служанки и нѣкоторые изъ гостей, вспомнивъ и этотъ обычай, завѣщанный предками, выскочили на балконъ позвать Реваза:

— Баринъ!

— Ре-вазъ!

— Бари-и-инъ!

Но мятель обрывала слова и безсвязные отдѣльные звуки разбрасывала по усадьбѣ.

Ревазъ не откликался. Послали Максимэ искать его.

— Ба-а-а-ринъ!—изо всѣхъ силъ закричалъ онъ, вытянувъ голову и краями ладоней прикрывъ угла рта.—Ба-а-а-ринъ!— снова крикнулъ слуга, не замѣчая, что Ревазъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ него.

— Что? Что такое?—повернувъ къ слугѣ взволнованное лицо, растерянно спросилъ его Ревазъ, и, когда слуга объяснилъ, зачѣмъ его зовутъ, онъ вдругъ раздражился и закатилъ бѣднягѣ такую затрещину, что тотъ свалился на снѣгъ,

— Онъ кричалъ, точно Богъ знаетъ, что случилось!— оправдывался Ревазъ, поднимаясь по расшатаннымъ ступенямъ лѣстницы на балконъ, гдѣ стояли двѣ дамы и мать.

Мокрый, холодный и обсыпанный снѣгомъ Ревазъ вошелъ къ женѣ и, низко поклонившись всѣмъ сидѣвшимъ на тахтѣ, направился въ уголъ, гдѣ лежала Нина.

Смущенный взглядъ его упалъ на ея измученное лицо, и онъ виновато опустилъ свою кудрявую голову, не вымолвивъ ей слова.

Высокая и стройная его фигура качнулась, когда онъ наклонился, чтобы исполнить то, что ему говорили: захвативъ обѣими руками полу своей сѣрой черкески, онъ собралъ края такъ, что получилось углубленіе; туда налили воды, и Ревазъ, подойдя къ постели жены, подалъ ей.

Она глотнула изъ этой импровизированной посудины и въ безсиліи упала на подушки; оставшуюся воду Ревазъ, по привычкѣ, выплеснулъ тутъ же на полъ и молча заторопился выдти изъ комнаты, подавленный видомъ жены.

— Ревазъ, не хочешь ли златокудраго мальчика?

— Виномъ запасись, сегодня мы кутимъ,—шутили гости, любуясь его смущеніемъ.

Но онъ не слушалъ ихъ: слезы душили его, онъ не могъ вымолвить ни слова. Молча вышелъ онъ на балконъ и, заложивъ руки за спину, возбужденно маршировалъ, хотя мятель не унималась, продолжала засыпать его усадьбу и жалобно пѣла во всѣхъ щеляхъ плохо сколоченнаго домишки.

Временами, когда мятель заглушала отчаянные вопли

жены, Ревазъ предавался мечтамъ о близкомъ и возможномъ счастіи:

— Вдругъ мальчикъ родится!—думалъ онъ, и при этой мысли его добродушное лицо медленно расплывалось въ широкую улыбку.—Я его назову Шалвой въ память покойнаго отца. Князь Шалва Ревазовичъ Коблашвили. Пусть мои друзья ликуютъ, а враги лопнутъ съ досады, что родился продолжатель славнаго древняго рода Коблашвили! Какъ только Шалва начнетъ ходить, на ночь я буду укладывать его возлѣ себя, подростетъ—на охоту вмѣстѣ будемъ ходить, а когда станетъ взрослымъ, на всѣ пиры, на свадьбы, на крестины вмѣстѣ будемъ появляться и всѣ съ умиленіемъ будутъ говорить: „Отецъ съ сыномъ. Отецъ съ сыномъ"! Сынъ! Сынъ!—въ увлеченіи громко произнесъ Ревазъ.

На мигъ буря стихла, и онъ явственно услыхалъ пронзительный крикъ жены.

— А что тогда, если родится дочь?—непріятная мысль промелькнула въ головѣ Реваза, и маленькое его лицо обрамленное черной бородкой, только что сіявшее въ лучахъ возможнаго счастья, вдругъ омрачилось.

— Тогда и на глаза никому не показывайся. Засмѣютъ. Дочь!.. Непріятно имѣть дочерей... Хлопотъ много, безъ приданаго никто ея не возьметъ, а дать приданое — самъ безъ земли останешься. Нѣтъ, нѣтъ, храни Богъ!

Въ это время открылась дверь, и на балконѣ показалось встревоженное лицо Сидоніи.

— Ревазъ, дитя мое, пошли человѣка за пастухомъ!— Нинѣ хуже,—грустно сказала она сыну.

При этихъ словахъ у него болѣзненно сжалось сердце. Со всѣхъ ногъ онъ кинулся на кухню сдѣлать нужныя распоряженія.

Черезъ нѣсколько минутъ Максимэ скакалъ на лошади, направляясь къ хутору, гдѣ жилъ пастухъ Симона.

III.

Положеніе роженицы ухудшалось, и теперь гостьи стали говорить пониженнымъ тономъ, хотя слова ихъ отчетливо доходили до слуха Нины.

— Если бы она заболѣла въ городѣ, всѣхъ докторовъ созвали бы къ ней,—сказала княгиня Като.

— Да, это такъ, но, увѣряю тебя, что Симона помогаетъ не хуже докторовъ. Въ прошломъ году дьяконица мучилась пятеро сутокъ, позвали его, и онъ спасъ: хотя ребенка пришлось извлечь по частямъ, за то мать осталась жива.

При этихъ словахъ ужасъ охватилъ Нину, страстно желавшую имѣть ребенка. Она метнулась въ постели и дико вскрикнула, страшно расширивъ глаза.

Этотъ крикъ разбудилъ дѣтей, и въ комнатѣ поднялся невообразимый шумъ: однѣ утѣшали и успокаивали малышей, другіе возились около роженицы: положеніе ея ухудшалось. Съ побѣлѣвшими отъ страха губами повитуха растерянно взглядывала на присутствующихъ.

— Пошлите къ священнику, пусть Царскія врата отворятъ!—шептали Сидоніи.

— Царскія врата! Царскія врата!—подхватила одна, другая, и скоро слуга Сосико съ трудомъ двигался по дорогѣ, занесенной снѣгомъ, направляясь въ церковь.

Какъ только дошло извѣстіе, что Царскія врата открыты, суевѣрныя грузинки разстегнули одежды, расшнуровались и старались не вставать съ тахты, чтобы не упали юбки; малыши, изъ подражанія взрослымъ, не только разстегнулись, но и пошли дальше: поскидали съ себя все и въ однѣхъ рубашонкахъ стали взапуски бѣгать по комнатѣ, опрокидывая то стулья, то столикъ, то кувшинъ съ водой и при этомъ такъ визжали и кричали, что Нинѣ казалось, что она находится въ аду.

Ревазъ, стараясь не слышать криковъ жены, какъ ножъ, рѣзавшихъ его сердце, нахлобучилъ черную папаху, на плечи накинулъ бурку и все еще съ раскрытой грудью отправился на сосѣднюю мельницу, надѣясь забыться въ бесѣдѣ съ крестьянами.

Тѣмъ временемъ, пріѣхалъ пастухъ Симона. Это былъ огромный мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ голубыми глазами, окладистой бѣлокурой бородой, бронзовымъ загорѣлымъ лицомъ, въ высокой барашковой шапкѣ, короткомъ архалукѣ, широкихъ шароварахъ, коричневой чохѣ сверху, опоясанный ремнемъ, на которомъ наискось болтался длинный кинжалъ въ черныхъ ножнахъ. Шагнувъ черезъ порогъ, Симона снялъ съ себя шапку, низко поклонился гостьямъ и, перекрестившись на икону Божьей матери, озаренную свѣтомъ трехъ кривыхъ и желтыхъ восковыхъ свѣчей, робко подошелъ къ больной.

— Вымой руки!—скомандовала ему Сидонія, глазами указывая на мѣдный тазъ, кусокъ яичнаго мыла, который валялся на обломкѣ бѣлой тарелки, и кувшинъ съ водой.

Но Симона, сидѣвшій на корточкахъ передъ умывальной посудой, не успѣлъ намылить себѣ рукъ, какъ Нина снова заметалась въ постели, нѣсколько разъ порывисто вскрикнула и вдругъ замолкла.

— Сынъ! Сынъ!—внѣ себя отъ радости взвизгнула повитуха.

Въ мигъ всѣ переполошились въ комнатѣ: гостьи, наскоро застегиваясь и зашнуровываясь, повскакали съ тахты, дѣти прекратили игры, болтовню и всѣ окружили Нину, а она, откинувъ голову на подушки, лежала въ забытьи.

— Дайте ей понюхать уксусу! Ей, кажется, дурно!—крикнула княгиня Софья.

— Значитъ, моя помощь не нужна? — весело спросилъ пастухъ и, не дожидаясь отвѣта, вышелъ изъ комнаты, на ходу поправляя рукава.

Обыкновенно тому, кто первый приноситъ отцу радостную вѣсть о рожденіи сына, согласно обычаю въ Грузіи, онъ даритъ деньги.

Боясь, чтобы другіе не извѣстили Реваза, повитуха, не успѣвши застегнуть кофту, со всѣхъ ногъ бросилась вонъ изъ комнаты, совершенно забывъ о своихъ обязанностяхъ.

Въ это время Ревазъ съ унылымъ видомъ возвращался съ мельницы.

— Съ сыномъ, баринъ, съ сыномъ! — захлебываясь отъ радости, сказала она ему, стоя по колѣно въ снѣгу.

— Ну?! Неужели? Господи! Ты не забылъ меня!—молитвенно поднявъ руки къ мглистому небу, воскликнулъ Ревазъ и заплакалъ отъ восторга.

— Идемъ, идемъ вмѣстѣ, Сабедо!—схвативъ повитуху за руку, возбужденно обратился онъ къ ней, и оба побѣжали, какъ дѣти. Но вдругъ онъ остановился передъ балкономъ, вытащилъ изъ-за пазухи дырявый кошелекъ, досталъ оттуда 3-хъ рублевую старую засаленную бумажку и, вручивъ повитухѣ, весело сказалъ ей:

— Вотъ тебѣ за дорогую вѣсть!

Это были послѣднія деньги, какія только имѣлись въ домѣ князя Реваза.

IV.

Синія сумерки робко заглянули въ маленькія окна.

Снаружи слуги запирали ставни, а внутри на косякѣ камина горѣлъ огарокъ. Во всемъ домѣ не было ни свѣчъ, ни керосина. Опять разбѣжались слуги въ разные концы деревни: кто продавать муку, чтобы купить керосину, а кто прямо къ сосѣдямъ за стеариновыми свѣчами.

Желая усилить свѣтъ, Ревазъ усердно подкладывалъ дрова въ каминъ и съ нѣжностью поглядывалъ въ уголъ, гдѣ спокойно лежали его жена и сынъ.

Служанка внесла въ комнату жаркое изъ птицъ, хлѣбъ и маисовую кашу на сливочномъ маслѣ, приготовленную исключительно для роженицы.

Максимэ внесъ мокрые кувшины, полные вина, и поставилъ поодаль отъ камина, чтобы они немного согрѣлись.

Огарокъ истаялъ и съ трескомъ потухъ.

Между тѣмъ, гостьи, все еще сидя на тахтѣ съ поджатыми подъ себя ногами, въ полумракѣ приводили въ порядокъ свой туалетъ и стройно, хоромъ пѣли пѣсню въ честь новорожденнаго, а ихъ дѣти продолжали пищать и капризничать, потому что однимъ хотѣлось ѣсть, у другихъ переломился сонъ.

Сидонія спохватилась, что чай весь вышелъ, и, вызвавъ сына изъ общей комнаты къ себѣ, въ смежную, тихо, чтобы никто не слыхалъ, сказала ему озабоченно:

— Что мнѣ дѣлать? Чаю нѣтъ!

— Да?—задумался онъ.

— Посылать на станцію—далеко да и жалко людей, умаялись они.

— Ну, положимъ, что ихъ жалѣть? Только сегодня мы ихъ потревожили... Бѣда только въ томъ, что у меня копѣйки нѣтъ,—грустно возразилъ ей сынъ.—Пошлемъ къ сосѣдямъ,—нашелся онъ.

— Къ сосѣдямъ?! Неловко. Сколько разъ мы занимали...

— А какъ быть?

— Какъ быть? — машинально повторила Сидонія, и нѣсколько мгновеній мать и сынъ молча стояли другъ противъ друга.

Глядя на ихъ озабоченныя лица, озаренныя колеблющимся свѣтомъ лучины, казалось, они на мигъ забыли о той великой радости, которая такъ недавно наполняла ихъ сердца.

Съ мучительнымъ вопросомъ о чаѣ подошла къ нимъ и Маріама, и хотя совѣщаніе ни къ чему опредѣленному не привело, но служанка на всякій случай поставила самоваръ, въ общей комнатѣ, и въ полумракѣ гремѣла посудой.

Кто-то изъ слугъ вспомнилъ, что коробейникъ, еврей Абрамъ, по случаю непогоды ночуетъ на кухнѣ, и Маріаму подослали къ старой барынѣ.

— Барыня, что я вамъ доложу, — оживленно начала служанка, придя изъ кухни въ маленькую комнату, гдѣ все еще въ раздумьи стояла Сидонія,—Абрамка боялся ѣхать дальше въ такую погоду и остался ночевать у насъ въ кухнѣ, а у него есть кардамонъ, корица,—возьмемъ и заваримъ, вотъ вамъ и чай!

— Да, да, это хорошо ты придумала,—очнувшись, похвалила ее Сидонія,—а въ кредитъ онъ дастъ? Мы ему должны что-то около 2-хъ рублей, еще съ прошлаго года...

— Ну, барыня, что выдумали! Бывшій вашъ крѣпостной и чтобы онъ отказалъ вамъ!—съ негодованіемъ сказала Ма-

ріама,—да я его и будить-то не стану, развяжу его узелъ при людяхъ, вотъ и все, возьму, сколько надо, а счетъ... послѣ,—самоувѣренно отвѣтила служанка.

Такимъ образомъ, вопросъ о чаѣ разрѣшился, но Реваза ожидала другая непріятность: ему доложили, что пастухъ отказывается отпустить въ долгъ барашка. Послали за пастухомъ, тотъ явился на кухню, куда пожаловалъ и Ревазъ.

— Ты что это—бариномъ сталъ, — закричалъ помѣщикъ въ то время, какъ пастухъ въ покорной позѣ остановился у порога.—Неужели я не могу взять у тебя въ кредитъ одного барана?

— Какъ не можете? Все можете, баринъ, но мнѣ сейчасъ деньги очень нужны...—робко отвѣтилъ пастухъ.

— Скажи, пожалуйста, въ чьей рощѣ пасется твое стадо?

— Гдѣ случится, баринъ, пасется и въ вашей рощѣ, — едва поднимая глаза на помѣщика, отвѣтилъ пастухъ.

— Такъ какъ же ты смѣешь отказывать мнѣ въ одномъ барашкѣ?—загремѣлъ помѣщикъ: — Сынъ у меня родился, другіе даже подношеніе принесли бы въ такой счастливый день, а ты что?—грозно спросилъ его Ревазъ, все ближе и ближе подвигаясь къ нему.

Боясь обычной расправы князя, пастухъ молча попятился назадъ.—Такъ смотри ты, чтобы черезъ полчаса у меня въ каминѣ жарились шашлыки изъ твоего барашка! — не то строго, не то шутя, сказалъ ему Ревазъ и, довольный робостью пастуха, вышелъ изъ кухни.

— Пришлю, баринъ, непремѣнно пришлю! — глухо отвѣтилъ пастухъ въ слѣдъ ему и тоже вышелъ вонъ.

— Ты что, Ревазъ, не хочешь видѣть своего сына?— ласково спросила его мать, когда онъ вошелъ въ комнату.

— Какъ не хочу?!—широко улыбнувшись, отвѣтилъ онъ.

— Погоди малость, свѣчи принесутъ, тогда и посмотришь.

— Ну, нѣтъ, это долго ждать!—возразилъ Ревазъ и съ этими словами вынулъ изъ пылавшаго камина длинное горящее полѣно и, держа его высоко, какъ факелъ, подошелъ къ тахтѣ, гдѣ лежали Нина съ малюткой.

Искры летѣли внизъ, на некрашеный неровный полъ, а пламя озаряло высокую фигуру Реваза, блѣдное, утомленное лицо Нины на бѣлой подушкѣ и красное шелковое одѣяло, въ которое она тщательно куталась. Ревазъ нагнулся и, глядя на нее благодарными глазами, нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ; потомъ, одной рукой все еще держа горящее полѣно, другой отвернулъ розовое байковое одѣяло: крошечное красное личико зашевелилось, наморщилось, и мальчикъ за-

плакалъ. Отецъ близко, близко нагнулся надъ нимъ и съ сильно бьющимся отъ радости сердцемъ поцѣловалъ его въ открытый ротикъ.

А Нина, наблюдая за этой трогательной сценой, ощущала въ своемъ сердцѣ великую радость, которая озарила все ея существо и наполнила ея жизнь...

Тѣмъ временемъ слуги привезли керосинъ, привели барана и, чтобы шашлыки не остывали, пока пронесутъ по холодному воздуху изъ кухни, стали ихъ жарить въ комнатѣ.

Отъ ихъ остраго запаху и чаду, отъ шума дѣтей, которые, увидя шашлыки, рѣшили пока не спать, и говора взрослыхъ у роженицы разболѣлась голова; она тихо стонала и охала.

На столѣ, передъ тахтой разложены были различныя яства. Приборовъ не хватало, и многіе ѣли руками. Кромѣ гостей, тутъ былъ и отецъ дьяконъ, мимоѣздомъ заѣхавшій къ Ревазу и оставленный по случаю родинъ. Послали кстати и за попомъ—дать молитву, но его не ждали, ибо всѣмъ хотѣлось ѣсть. Дьяконъ, аппетитно истребляя все, что ему предлагали, провозглашалъ тосты и пилъ изъ большихъ чайныхъ стакановъ.

Пріѣхалъ попъ, отецъ Иванэ, сѣдой старикъ съ краснымъ загорѣлымъ лицомъ, прочиталъ молитву (младенца нарекли Шалвой) и, благословивъ трапезу, торопливо усѣлся за столъ и тоже началъ съ тостовъ:

— Прошу святого Георгія, чтобы онъ каждый годъ давалъ тебѣ сына!—обратился онъ къ Нинѣ, подходя къ ней съ полнымъ стаканомъ въ рукѣ.

— Мно-о-о - га-а-я лѣ-ѣ-та! — тянули низкіе женскіе голоса.

— Мно-о-о...—басомъ подпѣвалъ Ревазъ, у котораго уже покраснѣли глаза.

— Вы что не танцуете?—весело обратилась ко всѣмъ княгиня Като, живо соскакивая съ тахты.—Веселитесь ,сынъ родился въ домѣ, надо, чтобы и стѣны смѣялись. Давайте мнѣ бубенъ!—крикнула она въ сосѣднюю комнату, въ дверяхъ которой толпилась домашняя челядь.

Скоро загремѣли погремушки, принесли бубенъ, подержали надъ огнемъ и поднесли Като; кокетливо держа его, граціозно откинувъ голову назадъ, она ударила по натянутой кожѣ длинными тонкими бѣлыми пальцами и съ увлеченіемъ начала играть.

Началась лезгинка и кто-то изъ танцующихъ сталъ дурачиться; дамы покатывались со смѣху, прислуга фыркала въ дверяхъ, Ревазъ грохоталъ на всю комнату, дѣти радостно визжали, а въ углу, въ постели лежала Нина съ закрытыми глазами отъ

мучительной головной боли, поминутно сдвигая брови.—Господи, когда они угомонятся? Нѣтъ больше силъ терпѣть!—съ отчаяніемъ думала она.

Малютка зашевелился въ тряпкахъ и заплакалъ. Этотъ плачъ снова напомнилъ присутствующимъ о виновникѣ торжества; отецъ Иванэ съ распущенной сѣдой косичкой поднялъ стаканъ вина за благоденствіе маленькаго князя и, подобострастно заглядывая въ глаза хозяина дома, успѣвшаго порядкомъ выпить, произнесъ:

— Дай Богъ, чтобы до ста лѣтъ дожилъ тотъ, кто сегодня родился въ твоемъ домѣ... Да здравствуетъ князь Шалва!

А въ это время князь Шалва морщился, плакалъ и кривилъ ротикъ. Маріама подбѣжала къ нему, бережно взяла на руки, поднесла къ матери и ласково обратилась къ ней:

— Покорми, пожалуйста, вишь, онъ голоденъ!

Между тѣмъ, Ревазъ, чтобы усилить комическое положеніе толкнулъ па середину комнаты повитуху, весело воскликнувъ:

— Я говорю тебѣ: танцуй!

— Не могу, господинъ!—вырываясь изъ рукъ Ревааа и дѣлая просительную гримасу, стояла на своемъ повитуха.

— Нечего, нечего! танцуй!—прикрикнулъ на нее Ревазъ,— а то смотри ты у меня: раздѣну и на снѣгъ посажу!..

„Съ него станется, онъ такой сумасбродный“!—съ ужасомъ подумала повитуха и, искусственно улыбаясь, слегка подняла руки, склонила голову на бокъ, и неуклюже, смѣшно затопала.

Гости смѣялись до слезъ и, мѣрно хлопая въ ладоши, восклицали, подбодряя ее:

— Ташъ-ташъ!

Въ это время со двора донесся злой и порывистый лай собакъ.

— Ревазъ, выйди, узнай, на кого такъ лаютъ собаки,— обратилась Сидонія къ сыну.

Слуга-мальчикъ, предупредивъ барина, юркнулъ въ дверь, вернулся очень скоро и, подойдя къ отцу Иванэ, робко доложилъ ему:

— Батюшка, горцы за вами пріѣхали, просятъ пріобщить умирающаго.

— Въ такую позднюю ночь!—воскликнула повитуха.

— Теперь?! мя-тель, хо-лод-но—пролепеталъ о. Иванэ, не вставая изъ-за стола.

Но, наконецъ, всталъ, застегнулся, простился со всѣми, нахлобучилъ свою черную широкополую войлочную шляпу, дрожащими руками повязался башлыкомъ и вышелъ изъ комнаты на балконъ, гдѣ его ждали люди.

Батюшкѣ подвели лошадь.

Мятель улеглась. Небо было мглистое, но снѣгъ свѣтлѣлъ и чуть-чуть обозначились перила, столбы балкона фигуры горцевъ и лошадей.

— Ну, куда вы его тащите?—съ упрекомъ сказала Сидонія, обращаясь къ дьякону въ то время, какъ батюшка карабкался на свою лошадку.

— Не извольте безпокоиться!—сказалъ ей дьяконъ, поудобнѣе садясь на сѣдло,—да я же съ ними.

— Батюшка плохо видитъ, давайте-ка сюда лучину и веревку тащите! — крикнулъ людямъ Ревазъ, усаживая отца Иванэ на лошадь.

Зажженная лучина озарила группу отъѣзжающихъ и хозяевъ дома. При ея колеблющемся свѣтѣ Ревазъ старательно привязывалъ батюшку къ лошади, тотъ не сопротивлялся и сладко зѣвалъ, но вдругъ онъ вспомнилъ про свой недопитый стаканъ:

— Тамъ... я не... допилъ...

Принесли стаканъ, кѣмъ-то долитый.

— За здоровье Шалико!—отецъ Иванэ только что поднесъ ко рту стаканъ, какъ вдругъ отъ старательнаго завязыванья послѣдняго узла Ревазомъ, качнулся впередъ и облилъ виномъ морду лошади: она фыркнула и тронулась.

— Что, не понравилось вино?—пошутилъ батюшка, подбирая поводья.

— Ну, съ Богомъ, поѣзжайте!—сказалъ ему Ревазъ, дѣлая шагъ назадъ и тяжело вздохнувъ.

Конные двинулись: впереди батюшка, рядомъ съ нимъ дьяконъ, а позади нихъ горцы, всѣ закутанные въ буркахъ.

— Крѣпко-ли сидитъ отецъ Иванэ?—заботливо спрашивала сына Сидонія, лѣвой рукой держа подолъ, а правой заслоняя свѣтъ лучины.

— Крѣ-п-к-о!—сладко зѣвнувъ и разминаясь, отвѣтилъ Ревазъ и взялся за ручку двери.

Д. Ведребисели.

МОЛИТВА НОЧИ.

Ночь полна тревоги непонятной,
Тихій садъ испуганно дрожитъ
И о чемъ-то шепчетъ мнѣ невнятно,
Съ грустью тихой что-то говоритъ.
И я слышу, какъ звучатъ рыданья,
Чьи-то стоны смутно слышу я—
О тоскѣ печальнаго изгнанья
И о мукахъ вѣчныхъ бытія.
И встаютъ, дрожатъ видѣнья ночи,
По листвѣ и по землѣ скользятъ!
И съ небесъ на землю Божьи очи
Съ безпредѣльной жалостью глядятъ.
Мнится мнѣ, что, полная мученья,
Проситъ ночь простить грѣхи земли,
Тѣхъ простить, чьи скорбныя моленья
До небесъ далекихъ не дошли!

В. Башкинъ.

О задачахъ искусства у первобытнаго человѣка.

Гете какъ-то сказалъ, что поэзія цивилизованныхъ народовъ только отрывокъ отрывка. Эта мысль заслуживаетъ быть примѣненной къ искусству вообще. Мы склонны упускать изъ виду, что наше искусство, которое доставляетъ намъ столько удовольствія и которымъ мы столько занимаемся, есть только небольшая часть очень обширной области художественнаго творчества, незамѣтно соприкасающейся съ очень многими отраслями дѣятельности человѣка. Вѣроятно, отъ этого зависитъ, что мы такъ часто возвращаемся къ тому, чтобы еще и еще разъ остановиться предъ, казалось бы, немудренымъ вопросомъ,—служитъ ли искусство жизни или чему-то другому, или, какъ почему-то принято въ такихъ случаяхъ выражаться,—самому себѣ. Въ томъ тѣсномъ кругѣ, которымъ насъ окружаютъ наши специфическія условія жизни, очевидно, это дѣйствительно оказывается еще вопросомъ, служитъ ли оно вообще чему-нибудь, или нѣтъ. Между тѣмъ, стоитъ поставить этотъ же вопросъ нѣсколько шире, и онъ самъ собой преобразовывается въ другой, а именно: чѣмъ служитъ искусство жизни, что оно ей даетъ, какія цѣли преслѣдуетъ въ жизни? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ представлять большую цѣну, потому что имъ опредѣляется возможность для насъ пользоваться сокровищами искусства, этими удивительными проявленіями человѣческаго генія, по поводу которыхъ скептикомъ Чеховымъ сказано: „природа должна придти и въ ножки поклониться“. Чѣмъ больше мы уяснимъ себѣ, чему служитъ и чему можетъ служить искусство, тѣмъ больше мы получимъ шансовъ воспользоваться этими сокровищами наблюдательности, вдохновенія, остроумія и находчивости, которыя вложены въ произведенія художественнаго творчества. И если не удовлетворяться такими до очевидности уклончивыми рѣшеніями, какъ-то, что искусство служитъ самому себѣ, то большую цѣну можетъ представить всякое расширеніе круга фактовъ, свидѣтельствующихъ вообще о

возможныхъ цѣляхъ искусства. Если чтеніе великой „книги природы“ требуетъ отъ человѣка ширины кругозора, то и для того, чтобы пользоваться произведеніями геніевъ, это тоже очень важное условіе. И поэтому рьянымъ сторонникамъ взгляда, что искусство служитъ одной красотѣ, или только самому себѣ, или даже никакимъ цѣлямъ, мы всегда должны противопоставить спокойный, но настойчивый вопросъ: а еще чему оно служитъ?

Конечно, съ этимъ вопросомъ надо обратиться не къ нимъ, а къ жизни, къ фактамъ, къ безконечно обширной области явленій художественнаго творчества, граничащей съ органической жизнью,—къ исторіи жизни и дѣятельности крупныхъ и мелкихъ художниковъ, съ одной стороны, къ безымянному творчеству народа—съ другой. Чѣмъ шире кругъ относящихся сюда фактовъ и наблюденій, тѣмъ больше для насъ шансовъ не замкнуться въ произвольной оцѣнкѣ и пониманіи искусства, тѣмъ больше возможности сдѣлать обобщенія, способныя выдержать продолжительныя и обширныя испытанія—во времени и въ пространствѣ. Въ этомъ смыслѣ данныя объ искусствѣ первобытнаго человѣка могли бы нѣсколько освѣжить наши обычныя представленія объ искусствѣ, а можетъ быть, и наши требованія отъ него, и съ этой стороны намъ представляется заслуживающей вниманія книга Эрнеста Гроссе „Происхожденіе искусства“ (Ernst Grosse. Anfänge der Kunst). Конечно, культурный человѣкъ въ гордости своей можетъ сказать, что намъ нечему учиться у первобытнаго человѣка. Кто говоритъ! мы и не утверждаемъ, что намъ слѣдуетъ подражать убогому первобытному дикарю. Но мы можемъ всетаки узнать у него, чему и какъ можетъ служить искусство въ его отношеніяхъ къ человѣку вообще. И, можетъ быть, въ результатѣ нашихъ разслѣдованій въ этомъ направленіи мы придемъ къ общимъ заключеніямъ, не столь ужъ далекимъ отъ тѣхъ, къ какимъ насъ приводитъ изученіе искусства культурнаго человѣчества.

Постараемся же воспользоваться въ этомъ отношеніи названной книгой Гроссе.

Гроссе задался цѣлью собрать и привести въ систему имѣющіяся у насъ свѣдѣнія объ искусствѣ первобытнаго человѣка. Онъ при этомъ руководился убѣжденіемъ, что „полное пренебреженіе къ изученію первобытныхъ формъ составляетъ самое тяжкое упущеніе, какое только можно поставить въ вину нашей эстетикѣ. Господа эстетики,—говоритъ онъ,—имѣютъ привычку считать абсолютную обязательность своихъ положеній за нѣчто само собой подразумѣваемое; но вѣдь много было на свѣтѣ вещей, которыя считались не требующими доказательствъ до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный день не оказывалось, что дѣйствительность далеко не такова, какою себѣ ее представляетъ школьная премудрость. Общеобязательность эстетическихъ принциповъ, во всякомъ случаѣ, должна быть сперва доказана; а доказана она

можетъ быть лишь путемъ сравнительно этнологическаго изслѣдованія, которое должно отправляться отъ низшихъ народовъ“.

Поставивъ себѣ задачей выяснить основныя свойства художественнаго творчества и охарактеризовать художественныя стремленія первобытнаго человѣка, нашъ авторъ естественно долженъ былъ столкнуться съ однимъ весьма существеннымъ затрудненіемъ. Если первобытный человѣкъ мажетъ себѣ лицо или тѣло красной глиной, то какъ разобрать, дѣлаетъ ли онъ это изъ желанія придать себѣ красивый видъ, или же для того, чтобы защитить себя отъ укусовъ насѣкомыхъ; если онъ одѣваетъ на голову перья и увѣшиваетъ себя черепами убитыхъ противниковъ, то какъ опредѣлить, стремится ли онъ при этомъ придать себѣ устрашающій видъ, или же имъ руководятъ побужденія эстетическія.

Задавшись, такимъ образомъ, цѣлью возможно широко охватить сферу художественныхъ проявленій первобытнаго человѣка, нашъ авторъ при самомъ приступѣ къ своей работѣ долженъ былъ остановиться предъ вопросомъ: какъ отличать эстетическія побужденія отъ соприкасающихся съ ними тенденцій религіозныхъ, общественныхъ и всевозможныхъ житейскихъ.

Если не установить своей точки зрѣнія на этотъ вопросъ, то является опасность очень сузить сферу изслѣдованія, а именно, ограничивъ ее тѣми проявленіями, которыя можно наблюдать у культурнаго человѣка, и устранивши все остальное, какъ нѣчто постороннее искусству.

Гроссе въ началѣ своего изслѣдованія попытался дать свое опредѣленіе искусства для разграниченія области художественныхъ мотивовъ отъ другихъ областей жизни. При этомъ онъ, къ счастью, поступилъ очень осторожно, заранѣе оговорившись, что считаетъ это опредѣленіе не окончательнымъ и безповоротнымъ, а чѣмъ-то вродѣ лѣсовъ, которые потомъ можно будетъ убрать, когда зданіе будетъ готово. Это предварительное опредѣленіе состоитъ въ томъ, что эстетическая или художественная дѣятельность направлена къ возбужденію непосредственныхъ чувствъ— по преимуществу пріятныхъ, и при томъ, въ противоположность всякимъ практическимъ дѣятельностямъ, которыя характеризуются тѣмъ, что онѣ только средства для достиженія цѣлей, находящихся внѣ ихъ,—художественное творчество есть дѣятельность, цѣль которой заключается въ ней самой.

Въ заключительной главѣ, подводя итогъ своему изслѣдованію, Гроссе вынужденъ признать, что приведенное опредѣленіе „не совсѣмъ соотвѣтствуетъ фактическимъ обстоятельствамъ“. Оказывается, что большинство художественныхъ произведеній первобытнаго человѣка никоимъ образомъ не является выраженіемъ однихъ эстетическихъ побужденій, а служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какимъ-нибудь практическимъ цѣлямъ. Даже нерѣдко эти послѣд-

нія представляются, безъ всякаго сомнѣнія, основнымъ мотивомъ, между тѣмъ, какъ удовлетвореніе эстетической потребности оказывается на второмъ мѣстѣ. Гроссе въ своемъ заключеніи характеризуетъ цѣлый рядъ житейскихъ цѣлей, которымъ служитъ искусство у первобытнаго человѣка. Орнаментика является поддержкой для техники. Искусство самоукрашенія и танцы играютъ важную роль въ сношеніяхъ между полами—въ такъ называемомъ половомъ подборѣ,—и, такимъ образомъ, оказываютъ вліяніе на совершенствованіе расы. Съ другой стороны, украшенія являются средствомъ внушить страхъ врагамъ, а поэзія, пляска и музыка, возбуждая и одушевляя сражающихся, увеличиваютъ способность общественной группы къ борьбѣ съ вражескими нападеніями. Важнѣйшее же и наиболѣе благодѣтельное воздѣйствіе, какое оказываетъ искусство на жизнь народовъ, согласно Гроссе, заключается въ укрѣпленіи и развитіи общественныхъ связей, въ обогащеніи и возвышеніи духа, въ особенности — эмоціональной его стороны. Вмѣстѣ съ наукой оно есть орудіе воспитанія человѣчества. Съ этой точки зрѣнія, заключаетъ Гроссе, искусство оказывается далеко не праздной игрой, а напротивъ того—необходимой функціей общественной жизни, однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ орудій въ борьбѣ за существованіе. И эта послѣдняя его роль есть вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшее орудіе обогащенія и усиленія искусства, такъ какъ въ той степени, въ какой искусство оставалось бы на уровнѣ праздной забавы, внѣ участія въ серьезныхъ и существенныхъ задачахъ жизни, естественный подборъ оказался бы не въ пользу тѣхъ народностей, которыя стали бы затрачивать на совершенно безполезныя вещи ту массу усилій, которыя затрачиваются на осуществленіе художественныхъ побужденій.

Такимъ образомъ, въ результатѣ изслѣдованіе фактовъ привело Гроссе къ заключенію въ неудовлетворительности его первоначальнаго опредѣленія художественнаго творчества—какъ дѣятельности, характеризуемой тѣмъ, что цѣль ея находится въ ней самой. Факты убѣдили его въ томъ, что художественное творчество не въ меньшей степени направлено на отстаиваніе очень существенныхъ интересовъ жизни.

Отсюда, казалось бы, естественно долженъ получиться вопросъ, что же связываетъ между собой искусство и жизнь съ ея многосложными интересами, случайная ли это, поверхностная связь, и при томъ даже, какъ это многіе думаютъ, прямо вредная для „чистоты" и возвышенности художественныхъ цѣлей, или же она коренится въ нѣкоторой, можетъ быть, даже значительной, общности пріемовъ и цѣлей искусства, съ одной стороны, и жизни—съ другой. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ особенно важно было бы выяснить, въ чемъ же эта связь состоитъ.

То опредѣленіе искусства, съ котораго начинаетъ Гроссе,

ничего въ этомъ отношеніи не даетъ намъ. Сказать про искусство, что оно служитъ только себѣ, что оно служитъ однѣмъ только эстетическимъ цѣлямъ — значитъ, въ сущности, указать на то, чему оно не служитъ, и мы такимъ образомъ попрежнему оказываемся предъ вопросомъ: въ чемъ же состоятъ собственныя, чисто эстетическія цѣли искусства и нѣтъ ли въ нихъ какихъ-нибудь достойныхъ нашего вниманія общихъ свойствъ съ другими интересами жизни? Поэтому исходное опредѣленіе искусства у Гроссе есть, собственно, уклоненіе отъ настоящаго опредѣленія. Тѣ соображенія о задачахъ искусства, къ которымъ Гроссе приходитъ въ заключеніи къ своему изслѣдованію, хватаютъ черезъ край въ противоположномъ направленіи. Въ нихъ указывается на очень обширный кругъ жизненныхъ цѣлей, по отношенію къ которымъ искусство играетъ служебную роль, но въ этомъ чрезмѣрно обширномъ кругѣ не намѣчается никакихъ разграниченій, въ нихъ не выдѣляются тѣ особыя спеціальныя условія, которыя связываютъ пріемы и тенденціи художественнаго творчества съ родственными имъ стремленіями жизни и создаютъ имъ своеобразное почетное положеніе среди прочихъ средствъ и орудій борьбы за существованіе, соціальнаго общенія и всевозможныхъ другихъ житейскихъ интересовъ.

Намъ кажется, что у Гроссе собранъ интересный матеріалъ, который могъ бы освѣтить эту сторону дѣла, и въ нижеслѣдующемъ мы постараемся воспользоваться имъ для этой цѣли. Въ виду этого мы остановимся поочередно на отдѣльныхъ отрасляхъ искусства у первобытнаго человѣка—въ той степени, въ какой это дастъ намъ возможность уяснить себѣ общія ихъ свойства и, главное — поскольку это позволитъ намъ обнаружить въ нихъ выраженіе какихъ-нибудь общихъ стремленій и потребностей человѣческой природы.

I.

Чему служитъ орнаментика у первобытнаго человѣка? Что побуждаетъ его украшать свои сосуды и оружіе и придавать тому и другому извѣстныя формы.

Любопытно, что свойственная многимъ произведеніямъ дикаря гладкая поверхность и пропорціональность размѣровъ не столько имѣютъ цѣлью удовлетворять эстетическому вкусу, сколько вызываются чисто практическими мотивами. Несимметричное оружіе не въ состояніи такъ хорошо попадать въ цѣль, какъ симметричное; хорошо отточенная стрѣла или оконечность копья легче и глубже вонзаются, чѣмъ зазубренный клинокъ. Однако, рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ у любого первобытнаго племени вещи, относительно формы и орнаментировки которыхъ

никакъ нельзя предположить, чтобы онѣ служили какой-нибудь практической цѣли. У самыхъ бѣдныхъ изъ первобытныхъ людей—у дикарей Огненной Земли—мы находимъ сосуды, отличающіеся гладкостью и пропорціональностью, достойными удивленія. Что же, спрашивается, привлекаетъ ихъ при этомъ?

Разбираясь среди пріемовъ и мотивовъ орнаментики дикаря, Гроссе указываетъ на то, что орнаменты бываютъ трехъ родовъ. Одни представляютъ собой подражаніе предметамъ изъ органической природы, другіе—подражаніе пріемамъ и фигурамъ, выработаннымъ техникой, и третьи являются знаками, указывающими принадлежность даннаго предмета лицу, роду, племени.

Крайняя простота рисунка, замѣчаемая въ орнаментѣ первобытнаго человѣка, легко вызываетъ предположеніе, что мы имѣемъ тутъ предъ собой—просто выраженіе склонности къ несложнымъ геометрическимъ фигурамъ. Гроссе утверждаетъ, что это предположеніе совершенно ошибочное. Въ рисункахъ, которые мы видимъ около себя, напр., на обояхъ, на коврахъ, на сосудахъ, и которые тоже можно принять за выраженіе подобнаго же стремленія, на самомъ дѣлѣ нѣтъ почти ни одного случая, гдѣ бы не было подражанія листьямъ, цвѣтамъ и т. п. У первобытнаго человѣка, разумѣется, очень трудно бываетъ прослѣдить, каково происхожденіе того или другого рисунка. Но замѣчательно, что во всѣхъ случаяхъ, когда удавалось выяснить это происхожденіе, неизмѣнно получался тотъ неоспоримый результатъ, что они представляютъ подражаніе животнымъ, растеніямъ, очертаніямъ рѣки и т. п. Ни у кого нѣтъ фигуръ такого явно геометрическаго характера, какъ у бразильскихъ племенъ. Между тѣмъ, Эренрейхъ, занимавшійся изслѣдованіемъ этихъ орнаментовъ на мѣстѣ, неопровержимо доказалъ, что они не что иное, какъ изображеніе животныхъ или частей животныхъ, что всѣ якобы геометрическія фигуры въ ихъ рисункахъ — въ дѣйствительности только сокращенныя, проникнутыя извѣстнымъ стилемъ изображенія опредѣленныхъ конкретныхъ предметовъ. Волнистая линія съ чередующимися точками изображаетъ водящуюся у нихъ змѣю, ромбъ съ зачерненными уголками—рыбу изъ лагунъ. Точно также, встрѣчающійся у нѣкоторыхъ американскихъ племенъ крестъ есть изображеніе черепахи. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ у нихъ въ фигурахъ изображеніе осиныхъ гнѣздъ, летучей мыши и т. д. Подтвержденіе вѣрности этого рода объясненій данныхъ фигуръ представляютъ и другіе изслѣдователи, отчасти пришедшіе къ нимъ помощью собственныхъ догадокъ, отчасти получившіе отъ дикарей прямыя заявленія объ ихъ значеніи. Наконецъ, то же самое подтверждается тѣми рисунками животныхъ, растеній, а также человѣческихъ фигуръ, которыми они любятъ украшать свои вещи и относительно которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что именно они означаютъ.

Необходимо отмѣтить слѣдующее очень существенное обстоятельство. Хотя можетъ показаться, оно само собой очевидно, — однако, оно легко ускользаетъ отъ вниманія, если его не подчеркнуть. Никакое изображеніе никогда не бываетъ точнымъ, полнымъ, исчерпывающимъ подражаніемъ дѣйствительности: оно всегда—болѣе или менѣе условное, т. е. сокращенное обозначеніе предмета при помощи очень немногихъ признаковъ. Эти избранные признаки, какимъ-то очень часто неуловимымъ образомъ, сосредоточиваютъ въ себѣ совокупность многихъ другихъ свойствъ, присущихъ данному явленію. Находясь въ какой-то связи съ ними, они обладаютъ способностью напоминать ихъ, вызывать ихъ въ воображеніи. И, какъ увидимъ сейчасъ, это свойство является связующимъ звеномъ между искусствомъ и пріемами художественнаго творчества, съ одной стороны, и пріемами техники, съ другой. Дѣло въ томъ, что вторая изъ группъ мотивовъ въ орнаментикѣ основана на подражаніи пріемамъ и формамъ техники. Въ сравненіи съ подражаніями предметамъ изъ природы, этого рода украшенія отличаются крайней незатѣйливостью и большимъ однообразіемъ. Въ видѣ полосокъ, зигзагообразныхъ или крестообразныхъ линій—они представляютъ собой подражаніе тѣмъ формамъ, которыя порождаются процессами вязанія, шитья и плетенія. При этомъ, нѣкоторыя обстоятельства бросаютъ очень яркій свѣтъ на склонность дикаря къ этого рода подражаніямъ. Сюда, напримѣръ, относится тотъ наблюдаемый у одного племени Минкоповъ фактъ, что у нихъ на множествѣ горшковъ украшенія являются подражаніемъ плетенію. Обстоятельство это находится въ явной связи съ тѣмъ, что они покрываютъ сосуды плетеніемъ съ цѣлью придать имъ прочность. Надо замѣтить, что, вообще, искусство дѣлать сосуды изъ глины есть болѣе молодое искусство, чѣмъ плетеніе. Плетеная корзина вездѣ была прямымъ предшественникомъ горшка и вслѣдствіе этого вездѣ является его прототипомъ. Какъ выразился одинъ изслѣдователь, „глиняный сосудъ—это узурпаторъ, присвоивающій себѣ какъ мѣсто, такъ и платье своего образца". Гроссе полагаетъ, что дикаремъ въ данномъ отношеніи руководятъ не практическія соображенія, а просто привычка, вслѣдствіе которой онъ не можетъ себѣ представить сосудъ въ другой формѣ, какъ въ видѣ плетенія. Но дѣйствуетъ ли въ этомъ случаѣ привычка, или что другое, а совершенно ясно, что тутъ вліяетъ также убѣжденіе, что прочность сосуда какимъ-то неразрывнымъ образомъ связана съ формами плетенія. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что „узурпаторъ" пользуется не только привычкой къ платью своего предшественника, т. е. къ внѣшнимъ его формамъ, но еще и склонностью человѣка искать въ формѣ предмета, т. е. въ одномъ изъ его свойствъ,—способность какимъ-то образомъ концентрировать въ себѣ прочія его свойства. Форма, т. е. внѣшній видъ плетенія,

приданный глиняному сосуду, является средствомъ сообщенія сосуду прочности, удобства и вообще всякихъ свойствъ, присущихъ плетеному сосуду. И эту тенденцію, или вѣрнѣе, этотъ пріемъ, лежащій въ основѣ обоихъ разсмотрѣнныхъ категорій подражательныхъ орнаментовъ, мы находимъ въ основаніи также и третьей группы орнаментовъ, а именно такихъ, главное назначеніе которыхъ заключается въ томъ, чтобы что-нибудь обозначить, напримѣръ,—принадлежность украшаемаго предмета данному лицу, семьѣ, племени.

Что касается чисто письменныхъ знаковъ, то у первобытныхъ народовъ, вообще, очень трудно бываетъ отличить ихъ отъ орнаментовъ. Они незамѣтно переходятъ одни въ другіе. Но гораздо легче узнавать знаки, имѣющіе цѣлью показать, кому принадлежитъ предметъ. Почти у всѣхъ охотничьихъ племенъ оружіе каждаго отдѣльнаго лица снабжено своей особой мѣткой. Легко понять, чѣмъ это вызывается. Животное, смертельно раненое стрѣлой или копьемъ, не всегда падаетъ на мѣстѣ. Часто случается, что его находятъ гдѣ-нибудь далеко. Поэтому охотникъ потерялъ бы свою добычу, если бы не могъ доказать свое право на нее — при помощи мѣтки на оружіи, оставшемся въ ранѣ. Точно также, если дикарь-бродяга нашелъ пчелиное гнѣздо, онъ врѣзываетъ въ кору дерева свой знакъ—и гнѣздо такимъ способомъ становится его собственностью. На многихъ предметахъ у первобытнаго человѣка знаки относятся не къ тому, кому предметъ принадлежитъ, а къ тому, кто его сдѣлалъ.

Но особенно распространены знаки, показывающіе принадлежность не отдѣльному лицу, а семьѣ или роду. Очень важно обратить вниманіе на то обстоятельство, что эти знаки въ очень многихъ случаяхъ не случайные и не произвольные, а изображаютъ какое нибудь животное, напр., кенгуру, ястреба, ящерицу или рыбу, вообще, такое животное, по которому данное племя называется, и которое оно почитаетъ за покровителя и друга. При этомъ не придается никакого значенія точности изображенія, сходству съ дѣйствительностью. Напротивъ, замѣчается стремленіе упростить рисунокъ—чтобы было легко и удобно его воспроизводить. Но что главное, во всѣхъ подобныхъ изображеніяхъ немногимъ условнымъ признакамъ приписывается способность не только напоминать генія покровителя, но и концентрировать въ себѣ его могущество.

Такимъ образомъ, чрезъ всѣ три группы мотивовъ въ орнаментикѣ первобытнаго человѣка проходитъ, въ качествѣ общаго начала, или, вѣрнѣе, общаго основного пріема—стремленіе сконцентрировать многое въ немногихъ чертахъ, заключить сложное и запутанное явленіе во что-нибудь по возможности простое и ясное, легко и удобно схватываемое.

Мало того, даже и тѣ начала, отмѣчаемыя Гроссе въ орна-

ментѣ, которыя принято считать специально эстетическими, въ дѣйствительности представляются не чѣмъ инымъ, какъ частнымъ проявленіемъ той же тенденціи. Какъ показываетъ Гроссе, въ орнаментикѣ первобытнаго человѣка господствуютъ два спеціально эстетическихъ принципа,—это симметрія и ритмичность.

Симметрія, какъ извѣстно, излюбленный пріемъ во всѣхъ отрасляхъ и на всѣхъ ступеняхъ искусства. Что касается ритмичности, то и этотъ эстетическій принципъ оказывается очень распространеннымъ не только въ музыкѣ, но и въ орнаментикѣ. Пояса и сосуды дикарей украшаются рядомъ косыхъ черточекъ, расположенныхъ на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, подобно фигурамъ на нашихъ обояхъ. Черточки иногда замѣняются точками или кружками. Не менѣе часто повтореніе ломаной линіи, отъ чего получается рисунокъ зигзагообразной формы. Наконецъ, очень распространено повтореніе фигуръ животныхъ.

Совершенно ясно, что во всѣхъ случаяхъ ритмическаго или симметрическаго расположенія рисунка предъ нами проявленіе одной и той же тенденціи. Она состоитъ въ томъ, чтобы расположить множество отдѣльныхъ элементовъ рисунка по какому-нибудь общему закону, внести въ массу порядокъ и благоустройство. Составные элементы при этомъ могутъ быть болѣе простыми или болѣе сложными, законы группировки могутъ тоже очень варіировать. Но основной принципъ остается всегда одинъ и тотъ же: большое количество фигуръ располагаются такъ, что глазъ сразу охватываетъ какой-то порядокъ, легко и просто овладѣваетъ частями, благодаря тому, что онѣ расположены симметрично или ритмично. Симметрія и ритмъ являются, такимъ образомъ, не чѣмъ инымъ, какъ испытанными пріемами, чтобы вносить порядокъ и ясную группировку въ расположеніе частей фигуръ, помогая глазу въ его стремленіи располагать сложныя и разнообразныя впечатлѣнія въ возможно простыя и ясныя комбинаціи.

Гроссе совершенно основательно указываетъ на то, что первобытнаго художника, особенно на первыхъ его шагахъ, влечетъ къ симметріи и ритмичности не самостоятельная (т. е. по исходному опредѣленію Гроссе — эстетическая) потребность, не то, что ему нравится симметрія и ритмъ, а стремленіе къ подражанію тѣмъ симметрическимъ и ритмическимъ фигурамъ, къ которымъ онъ привыкъ въ явленіяхъ природы и въ своей технической дѣятельности, какъ, напр., въ вязаніи, плетеніи и т. п. Только съ теченіемъ времени на этой почвѣ привычки и подражанія постепенно выростаетъ способность находить въ данныхъ формахъ удовольствіе, которое затѣмъ является уже независимымъ отъ тѣхъ побужденій, которыя вліяли вначалѣ. Признавая основательность этихъ соображеній Гроссе, мы полагаемъ, однако, что они требуютъ существеннаго дополненія. Если ограничиться

ими, то выходитъ, что развитіе вкуса къ даннымъ эстетическимъ формамъ можетъ быть сведено къ слѣдующимъ тремъ стадіямъ. Вначалѣ полное равнодушіе къ нимъ—это первая стадія. Затѣмъ, сила привычки къ нимъ, какъ къ чему-то удобному и полезному—вторая стадія. И третья стадія: данныя формы ощущаются уже какъ пріятныя; соображенія же полезности, удобства и, вообще, какіе бы то ни было другіе мотивы совершенно утрачиваютъ всякое значеніе.

Схема эта представляется намъ очень неполной и потому невѣрной въ двухъ отношеніяхъ.

До возникновенія привычекъ и подражанія она не предполагаетъ въ первобытномъ человѣкѣ никакой способности, даже никакихъ задатковъ способности ощущать привлекательность правильныхъ формъ. Какъ будто силой инертной привычки исчерпывается въ данномъ отношеніи все, т. е. какъ будто, съ одной стороны, всякая форма, къ которой человѣкъ привыкъ, обязательно должна казаться ему привлекательной, а, съ другой стороны—точно помимо привычки онъ не можетъ испытывать то общее ощущеніе пріятности, которое получается, какъ отраженіе удовольствія, доставляемаго формами удобными, привлекательными по своему практическому значенію.

Затѣмъ, въ приведенной схемѣ дѣло представляется такъ, что когда привычка, съ свойственной ей силой воздѣйствія, по своему убѣдила человѣка въ привлекательности данныхъ формъ, то въ дальнѣйшемъ вызвавшія ихъ первичныя благопріятныя впечатлѣнія практическаго происхожденія оказываются не только болѣе не нужными, но даже скорѣе вредными для „чистоты“ эстетическаго удовольствія. Герценъ какъ-то замѣчаетъ, что Ж. П. Рихтеръ смѣялся надъ тѣми лицами, которыя изъ любви къ порядку десять разъ кладутъ вещь на одно и то же мѣсто, ни разу не давши себѣ отчета, почему эта вещь должна лежать именно на этомъ мѣстѣ. Приведенная схема происхожденія и развитія чувства красоты какъ будто ставитъ необходимымъ условіемъ по отношенію къ элементамъ порядка въ эстетикѣ (къ ритму и симметріи), чтобы человѣкъ не сознавалъ, почему этотъ порядокъ привлекателенъ. И даже сознавши, онъ долженъ забыть объ этомъ.

Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что и до возникновенія привычки, или силы подражанія, и послѣ ихъ воздѣйствія дѣло происходитъ нѣсколько сложнѣе. Когда первобытный человѣкъ замѣчаетъ пользу симметрической формы оружія, сознаетъ преимущество ритмической фигуры въ примѣненіи къ плетенію, цѣнитъ удобства обозначенія сложныхъ обстоятельствъ жизни при помощи возможно простыхъ знаковъ, то, если эти впечатлѣнія сколько-нибудь яркія и глубокія, они непремѣнно сопровождаются болѣе широкими общими ощущеніями пріятности. Для испытанія этого

ощущенія вовсе не требуется какой-нибудь особой способности отвлеченія. Когда молодое животное, играя съ себѣ подобными, дѣлаетъ видъ, что гоняется за добычей или съ ожесточеніемъ защищается отъ опаснаго врага и обнаруживаетъ при этомъ чудеса ловкости и изворотливости, то оно нисколько не думаетъ: „вотъ, я наупражняюсь такъ съ моими братьями, а потомъ мнѣ это пригодится въ жизни“. Такія отвлеченныя соображенія ему и не нужны, чтобы инстинктивно предвкушать пріятность той живой дѣятельности, которая ему предстоитъ въ будущемъ. Для этого ему достаточно испытывать общее отрадное ощущеніе жизненнаго подъема, которое доступно каждому живому существу. Точно также и первобытному человѣку не можетъ не быть доступнымъ это ощущеніе. Въ примѣненіи къ привлекательнымъ фигурамъ симметріи и ритмичности, оно до поры до времени можетъ, пожалуй, не возникать, особенно у убогаго дикаря, вѣчно озабоченнаго на счетъ своей безопасности и потому не успѣвшаго обратить вниманіе на эти сравнительно болѣе тонкія впечатлѣнія. Но достаточно подходящему случаю или привычкѣ остановить вниманіе на данныхъ формахъ, чтобы получилось общее ощущеніе ихъ удобства и привлекательности вообще, независимо отъ того или другого частнаго ихъ значенія. И мы видимъ, что первобытный человѣкъ, подражая симметріи въ природѣ и привыкая къ ритмическому рисунку въ пріемахъ своего ремесла, отнюдь не слѣпо идетъ за готовыми образцами и не рабски придерживается того, къ чему привыкъ, а, съ одной стороны, осложняетъ и обогащаетъ эти образцы, и съ другой стороны—упрощаетъ ихъ. Тотъ и другой пріемъ, въ существѣ дѣла, охватываются единымъ душевнымъ побужденіемъ—стремленіемъ уловить богатство явленій, ихъ многоцвѣтность и многоформенность, и въ то же время внести въ это многообразіе порядокъ, ясную систему. И прибѣгая къ этимъ дополняющимъ другъ друга пріемамъ, первобытный человѣкъ тѣмъ самымъ проявляетъ свою тенденцію расширить то, что ему даютъ привычки — подражаніе, мотивы пользы и удобства, до болѣе общаго и широкаго требованія — возможно легко и удобно охватить сложное богатство явленій жизни. Это основное стремленіе, по всей вѣроятности, было у него въ зародышѣ всегда, оно взрощено и воспитано подражаніемъ и привычкой, и, разъ возникши, продолжаетъ существовать, а при благопріятныхъ условіяхъ развиваться—не въ полной независимости отъ взростившей его почвы, не оторванное отъ своихъ первоначальныхъ корней, а напротивъ того—черпая въ этой почвѣ и въ этихъ корняхъ наибольшую свою силу.

Подтвержденіемъ сказаннаго сейчасъ является то, что мы находимъ у Гроссе относительно живописи и скульптуры первобытнаго человѣка въ болѣе широкомъ смыслѣ (орнаментика, вѣдь, только частный случай того и другого). Въ обѣихъ этихъ обла-

стяхъ указанныя двѣ тенденціи, въ тѣсномъ переплетеніи, являются вѣрнымъ отраженіемъ тѣхъ жизненныхъ практическихъ силъ и способностей, безъ которыхъ онѣ собственно даже возникнуть не могли бы.

II.

Въ противность довольно распространенному мнѣнію, будто у дикарей необузданная фантазія, наблюденія надъ произведеніями живописи и скульптуры у первобытнаго человѣка говорятъ скорѣе о бѣдности фантазіи. Въ пещерахъ австралійскихъ дикарей въ 30-хъ годахъ XIX-го столѣтія найдены изображенія, поражающія своей правдивостью. Содержаніе ихъ крайне натуралистическое. Это изображенія рыбъ, птицъ, собакъ, жуковъ, кэнгуру, людей и т. д. Подобныя же изображенія найдены не у однихъ австралійцевъ, а и у бушменовъ и другихъ африканскихъ жителей, а также въ очень большомъ количествѣ у эскимосовъ и чукчей. Тѣ же самые сюжеты повторяются въ фигурахъ на корѣ деревьевъ, на стѣнахъ деревянныхъ жилищъ, а также въ скульптурныхъ фигурахъ изъ дерева и оленьяго рога.

Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній отличаются большой грубостью; но очень многія изъ нихъ, напротивъ того, свидѣтельствуютъ о большой наблюдательности, объ умѣніи схватывать характерныя черты предметовъ и часто обнаруживаютъ необычайное искусство пріемовъ, т. е. большую ловкость рукъ, заслуживающую тѣмъ большаго удивленія, если принять во вниманіе несовершенство инструментовъ, которые имѣются въ распоряженіи первобытнаго человѣка. Гроссе полагаетъ возможнымъ утверждать, что, при всемъ различіи въ способностяхъ отдѣльныхъ лицъ, въ цѣломъ у первобытныхъ австралійцевъ способность къ рисованію имѣетъ большее распространеніе, чѣмъ въ Европѣ. У бушменовъ совершенно отсутствуетъ перспектива, но вѣрность и живость, съ которой они передаютъ движенія животныхъ и людей, достигнуты европейцемъ только въ самое послѣднее время при посредствѣ моментальныхъ фотографій. Если нѣкоторые наблюдатели отказывались признать у этихъ „полуживотныхъ“ какія бы то ни было способности къ искусству, то всетаки, ядовито замѣчаетъ Гроссе,—способность къ наблюденію и изображенію у нихъ такая, какая не всегда бываетъ у проницательныхъ антропологовъ, разыскивающихъ всюду аналогію съ обезьянами. То же самое можно сказать о чукчахъ, алеутахъ, эскимосахъ и друг.

Если мы обратимъ вниманіе на тѣ условія жизни, въ которыхъ всѣмъ этимъ дикарямъ приходится существовать и при которыхъ они съ успѣхомъ борются за свое существованіе, то мы должны будемъ признать, что оно иначе и быть не можетъ. Вѣдь, они должны были бы давно погибнуть въ жестокой борьбѣ за

существованіе, если бы не высокая степень развитія ихъ глазъ и рукъ,—этого лучшаго и необходимѣйшаго ихъ орудія. По условіямъ ихъ жизни наибольшая доля ихъ существованія зависитъ отъ того, что имъ даетъ охота. А между тѣмъ, даже въ самыхъ богатыхъ звѣремъ мѣстахъ добыча была бы очень ничтожной, если бы не удивительный даръ выслѣживанія и наблюденія, благодаря которому первобытный охотникъ пріобрѣтаетъ самыя точныя свѣдѣнія о природѣ и обычаяхъ различныхъ животныхъ. Охотникъ австраліецъ способенъ по цѣлымъ днямъ выслѣживать слѣды кэнгуру въ лѣсной чащѣ или въ травѣ. Онъ не только безошибочно опредѣляетъ слѣды ударовъ когтей двуутробки по стволу эвкалипта, едва замѣтные для глаза европейца, но почти съ перваго взгляда можетъ опредѣлить, свѣжіе ли это слѣды, или старые, а также поднялось ли животное по дереву или уже спустилось съ него. Бушменъ по довольно густо заросшей землѣ на быстромъ ходу разыскиваетъ слѣды, повидимому, вовсе не напрягая вниманія. Но стоитъ этимъ слѣдамъ неожиданно измѣнить свое направленіе или вообще встрѣтиться чему нибудь особенному, чтобы сразу обнаружилось необычайно тщательное вниманіе, направленное даже на самыя незначительныя обстоятельства. Врядъ ли найдется путешественникъ по сѣверу, который бы не говорилъ съ удивленіемъ объ острой и живой наблюдательности жителей сѣвера. Всякое измѣненіе въ погодѣ, въ вѣтрѣ, въ состояніи льда—замѣчается ими очень точно, и вліяніе этихъ перемѣнъ на движеніе перелетныхъ птицъ опредѣляется съ такой же проницательностью, какъ привычки и нравы домашнихъ животныхъ.

Съ другой стороны, въ существованіи первобытнаго охотника, рядомъ съ остротой зрѣнія, не меньшее значеніе имѣетъ ловкость рукъ. Ему не только надо выслѣдить и наблюсти звѣря, но и убить его. Въ этомъ отношеніи ему всего важнѣе имѣть подходящее оружіе. И поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ направленіи у нихъ затрачивается масса энергіи и ловкости,—отъ этого опять-таки зависитъ ихъ существованіе: оружіемъ они борются за свою жизнь. При поверхностномъ наблюденіи оружіе австралійца кажется чрезвычайно грубымъ, но чѣмъ внимательнѣе его разсматривать, тѣмъ больше приходится удивляться искусству, съ которымъ оно сдѣлано. Особенно замѣчательны у нихъ метательныя палки. Высшей степени совершенства достигаетъ оружіе у тѣхъ народовъ, которымъ приходится жить въ очень скудной обстановкѣ и которые принуждаются этимъ обстоятельствомъ къ крайнему напряженію своихъ силъ. Поэтому у жителей полярныхъ странъ оружіе отличается особеннымъ искусствомъ отдѣлки. Если, говоритъ Гроссе, разсматривать эти удивительно чисто и цѣлесообразно выдѣланные гарпуны, луки и стрѣлы, то нисколько не приходится удивляться,

что люди, способные дѣлать такое оружіе, обладаютъ умѣніемъ и ловкостью вырѣзывать фигуры, вѣрныя природѣ. Тутъ тоже требуется соединеніе дара наблюдательности съ ловкостью рукъ, т. е. тѣ же двѣ способности, которыя составляютъ необходимое требованіе всего ихъ существованія.

Вообще, на основаніи вышеприведеннаго мы можемъ сказать, что практика жизни первобытнаго человѣка, предполагая и развивая въ немъ даръ наблюдательности, съ одной стороны, мѣткость глаза и ловкость руки, съ другой, этимъ путемъ вдвойнѣ благопріятно вліяетъ на его способности, какъ живописца и скульптора: во первыхъ, даетъ ему богатый запасъ наблюденій, возможность улавливать разнообразіе оттѣнковъ дѣйствительности, и, во вторыхъ, умѣнье не теряться и не путаться въ этомъ сложномъ многообразіи, а напротивъ того, чувствовать себя среди него легко, свободно, непринужденно. Обѣ эти категоріи способностей составляютъ необходимую почву для его практическихъ преуспѣяній, и въ нихъ же заключается основа его художественнаго творчества.

III.

Переходя теперь къ музыкѣ и пляскѣ, этимъ двумъ искусствамъ, которыя у первобытнаго человѣка нераздѣльны, намъ приходится относительно музыки сказать очень немногое. Какъ замѣтилъ одинъ наблюдатель, первобытный человѣкъ никогда не поетъ безъ того, чтобы не плясать, и обратно—не пляшетъ безъ музыки, такъ что музыка и пляска даже обозначаются у него однимъ и тѣмъ же словомъ. Въ такой же тѣсной связи находится у него музыка съ драматическимъ представленіемъ и съ лирикой. Очень можетъ быть, что если бы возможно было болѣе близкое изученіе у первобытныхъ народовъ этой совершенно особенно стоящей и крайне своеобразной отрасли искусства, то оно могло бы представить для насъ значительный самостоятельный интересъ. Къ сожалѣнію, согласно свидѣтельству Гроссе, всѣ данныя, сюда относящіяся, отличаются чрезвычайной неточностью и неясностью. Одно только установлено, это—что въ музыкѣ первобытнаго человѣка ритмическое начало не только преобладаетъ, а почти безраздѣльно властвуетъ, мелодія же и гармонія—почти не существуютъ. А такъ какъ въ пляскѣ ритмическое начало играетъ очень выдающуюся роль, то мы можемъ прямо обратиться къ этой болѣе обширной области художественной дѣятельности первобытнаго человѣка.

Нѣтъ другого искусства, которое бы пользовалось такимъ распространеніемъ, какъ танцы. Оно, повидимому, заключаетъ въ себѣ очень существенныя свойства, дѣлающія его, можетъ быть, самымъ любимымъ изъ всѣхъ проявленій человѣческой потреб-

ности въ художественныхъ ощущеніяхъ. Намъ, современнымъ людямъ, привыкшимъ видѣть танцы только въ бальномъ залѣ да въ балетѣ, очень трудно себѣ представить, какое обширное распространеніе и какое выдающееся значеніе можетъ имѣть это искусство.

Гроссе различаетъ у первобытныхъ народовъ двоякаго рода пляски: мимическія и гимнастическія. Всякая пляска представляетъ изъ себя рядъ ритмическихъ правильныхъ движеній; при этомъ, мимическій танецъ состоитъ изъ ритмическихъ подражаній движеніямъ животныхъ и людей, а въ гимнастическихъ танцахъ движенія не слѣдуютъ какому-нибудь естественному образцу.

Мимическія пляски очень разнообразны по своему содержанію. Сюда входятъ безчисленныя комическія подражанія птицамъ и животнымъ, при чемъ движенія сопровождаются битьемъ въ тамбуринъ и пѣньемъ. Эскимосы одѣваются въ фантастическій костюмъ изъ кожи моржей или оленей и украшаютъ голову перьями или пестрымъ платкомъ. У австралійцевъ очень распространены танцы, состоящіе въ копированіи движеній различныхъ животныхъ: у нихъ есть пляски эму (птица изъ семейства казуаровъ), динго (собака), лягушекъ, бабочекъ, и самая популярная изъ всѣхъ—пляска кэнгуру. Всѣ, имѣвшіе случай наблюдать эти пляски, единодушны въ выраженіи восхищенія предъ мимическими способностями, обнаруживаемыми при этомъ дикарями. По словамъ одного путешественника, нельзя себѣ представить что-нибудь болѣе комичное и въ то же время болѣе удачное, какъ подражаніе. Другой наблюдатель пляски кэнгуру говоритъ, что исполненіе ея было такъ хорошо, что на любой европейской сценѣ вызвало бы громъ рукоплесканій.

Кромѣ подражанія животнымъ, большое распространеніе имѣютъ танцы, изображающіе сраженія и любовныя отношенія, порою съ очень тщательнымъ подражаніемъ различнымъ подробностямъ тѣхъ и другихъ.

Наблюдатели и изслѣдователи, останавливавшіеся надъ вопросомъ, какіе могутъ быть мотивы всѣхъ этого рода подражаній, склонны отвѣчать на этотъ вопросъ—а за ними и Гроссе, такимъ образомъ, что все дѣло тутъ въ глубоко лежащей въ природѣ человѣка потребности къ подражанію. У первобытнаго человѣка это настоящая страсть. Бушмены находятъ величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы съ необыкновенной точностью подражать движеніямъ людей или животныхъ; австралійцы обладаютъ изумительной мимической способностью, которую и примѣняютъ при всякомъ случаѣ; а о жителяхъ Огненной земли разсказываютъ, что какую бы фразу имъ ни сказать, они повторяютъ каждое слово съ чрезвычайной точностью, при чемъ копируютъ манеры и позу говорящаго. Это та же черта, которая въ значительной степени присуща нашимъ дѣтямъ.

Какъ видитъ читатель, эти данныя не представляютъ объясненія, а только указываютъ на распространенность фактовъ данной категоріи. Однако, объемъ, захватываемый явленіями этого рода, существенно увеличивается приведенными данными, и совокупность ихъ указываетъ на то, что потребность въ подражаніи не ограничивается предметами пріятными, желанными или дорогими. Какое значеніе эта потребность имѣетъ въ художественномъ отношеніи, какіе элементы художественнаго наслажденія она даетъ—на этомъ мы здѣсь пока не будемъ останавливаться, а перейдемъ сначала къ разсмотрѣнію тѣхъ плясокъ, которыя Гроссе называетъ гимнастическими.

Лучше всѣхъ остальныхъ изучены гимнастическія пляски австралійцевъ, такъ называемыя коробори. Они описаны во многихъ путешествіяхъ по Австраліи, такъ какъ распространены по всей этой части свѣта. Чтобы дать представленіе о танцахъ этого рода, приведемъ одно такое описаніе.

Коробори исполняется всегда ночью, при лунномъ освѣщеніи. Танцуютъ обыкновенно мужчины; женщины же образуютъ оркестръ. Иногда для такой пляски сходится нѣсколько племенъ; въ Викторіи какъ-то собралось для этой цѣли около четырехсотъ участниковъ. Особенно грандіозныя и великолѣпныя празднества устраиваются по случаю заключенія мира, но вообще всевозможныя событія жизни празднуются этимъ способомъ: созрѣваніе плодовъ, начало ловли устрицъ, совершеннолѣтіе, встрѣча съ дружественнымъ племенемъ, удачная охота. Пляска совершается на лужайкѣ. Посрединѣ пылаетъ большое пламя, красные огни котораго контрастируютъ съ синимъ свѣтомъ луны. Сначала танцоровъ еще не видно; они ушли въ темные кусты, чтобы украситься по праздничному. По одну сторону огня собрались женщины, представляющія оркестръ. Вдругъ раздается трескъ и шуршанье въ кустахъ, и танцоры появляются. Въ освѣщенное пространство вступило тридцать мужчинъ. У нихъ глаза обведены кругами изъ бѣлой глины, а туловище и конечности разрисованы такими же полосами. Кромѣ того, къ щиколкамъ у нихъ привязаны пучки листьевъ, а вокругъ бедеръ одѣты передники. Тѣмъ временемъ женщины усѣлись полукругомъ противъ нихъ. Онѣ совершенно обнажены: каждая изъ нихъ держитъ на колѣняхъ аккуратно сложенную и туго натянутую шкуру двуутробки, которая въ обыкновенное время служитъ имъ плащомъ. Между ними и костромъ стоитъ дирижеръ; на немъ обычный передникъ изъ шкуры двуутробки и въ обѣихъ рукахъ у него по палкѣ. Вокругъ широкимъ кольцомъ располагаются зрители—кто стоя, кто сидя. Дирижеръ, окинувъ испытующимъ взоромъ танцоровъ, оборачивается и, медленно приблизившись къ женщинамъ, вдругъ быстрымъ ударомъ сближаетъ свои двѣ палочки вмѣстѣ. Танцоры съ быстротой молніи выстраиваются въ линію и, выступивъ впе-

редъ, останавливаются. Новая пауза, во время которой дирижеръ опять окидываетъ взглядомъ шеренгу. Все въ порядкѣ, и вотъ онъ даетъ сигналъ. Онъ начинаетъ отбивать обѣими своими палками тактъ; танцоры вторятъ своими, женщины запѣваютъ и бьютъ палками по шкурамъ—и коробори начинается. Тактъ соблюдается съ удивительной правильностью и въ звукахъ, и въ движеніяхъ. Танцоры двигаются съ правильностью самой хорошо обученой балетной труппы. Они принимаютъ всевозможныя позы: то прыгаютъ въ сторону, то дѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ, то отступаютъ назадъ; они вытягиваются, изгибаются, машутъ руками, притопываютъ ногами. Дирижеръ тоже не стоитъ безъ дѣла. Отбивая своими палками тактъ, онъ непрерывно тянетъ особенную носовую пѣсню, которая становится то громче, то тише, смотря по тому, дѣлаетъ-ли онъ шагъ впередъ или назадъ. Онъ ни одного мгновенія не стоитъ на одномъ мѣстѣ; то онъ обращается къ танцорамъ, то къ женщинамъ, которыя тогда начинаютъ пѣть во всю силу. Постепенно танцоры все болѣе разгорячаются; дирижерскія палочки стучатъ все скорѣе; движенія становятся все быстрѣе и энергичнѣе; танцоры трепещутъ, подпрыгиваютъ на невѣроятную высоту въ воздухѣ и, наконецъ, издаютъ всѣ разомъ пронзительный крикъ. Еще мгновеніе и всѣ они исчезаютъ въ кустахъ такъ же внезапно, какъ появились. Нѣкоторое время площадка остается пустой. Затѣмъ дирижеръ снова даетъ сигналъ, и танцоры опять появляются. На этотъ разъ они располагаются изогнутой линіей. Въ остальномъ вторая часть не отличается отъ первой. Женщины попрежнему продолжаютъ барабанить и пѣть, то такъ громко, что кажется вотъ онѣ надорвутъ себѣ глотку, то такъ тихо, что ихъ еле слышно. Вторая часть заканчивается такъ же, какъ и первая; за ней слѣдуетъ третье, четвертое и пятое отдѣленіе. Но вотъ танцоры построились въ четыре ряда; передній рядъ разсыпается въ стороны, задніе протискиваются впередъ и, такимъ образомъ, устремляются по направленію къ женщинамъ. Въ этотъ моментъ танцоры представляютъ изъ себя перепутавшійся клубокъ тѣлъ; можно опасаться, что танцоры размозжатъ другъ другу головы своими палками, которыми они дико машутъ. Но въ дѣйствительности теперь царитъ такой же строгій порядокъ, какъ и раньше; каждое движеніе разсчитано. Возбужденіе достигаетъ высшаго предѣла; танцоры кричатъ, топаютъ, прыгаютъ; женщины барабанятъ, какъ изступленныя, и поютъ во всю силу своихъ легкихъ; пламя костра, высоко взвиваясь, осыпаетъ дикую картину дождемъ красныхъ искръ,—дирижеръ высоко поднимаетъ обѣ руки надъ головой, громкій ударъ раздается среди общаго шума,—и въ одно мгновеніе танцоры исчезаютъ. Женщины и зрители встаютъ и расходятся по своимъ жилищамъ. Полчаса спустя ничто не шевелится на освѣщенной луной полянѣ. Таково австралійское коробори.

Намъ не къ чему останавливаться здѣсь на описаніи другихъ плясокъ той-же категоріи. Приведенное даетъ достаточное представленіе о характерѣ „гимнастическихъ" плясокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ дать отправную точку для сужденія о томъ, какія побужденія руководятъ ихъ участниками.

Гроссе видитъ объясненіе той страстности, съ которой первобытные народы отдаются всевозможнымъ пляскамъ, въ трехъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ удовольствіи отъ подражанія, во-вторыхъ, въ удовольствіи давать исходъ своимъ возбужденнымъ чувствамъ и, наконецъ, въ-третьихъ, въ удовольствіи совершать сильныя и ритмическія движенія. Послѣднее обстоятельство заключаетъ въ себѣ, согласно Гроссе, исчерпывающее объясненіе тѣхъ плясокъ, которыя относятся къ категоріи гимнастическихъ. Но врядъ-ли можно признать такое объясненіе достаточнымъ. Если принять во вниманіе ту массу усилій, вниманія и заботливости, которыя, какъ можно судить, напримѣръ, по вышеописанному, вкладываются въ приготовленія къ такимъ пляскамъ и въ ихъ исполненіе, то нельзя не признать такое объясненіе очень скуднымъ, прямо обиднымъ для человѣка. Гейне какъ-то разсказываетъ о своемъ разговорѣ съ англичаниномъ, поразившимъ его своей словоохотливостью. На выраженное имъ по поводу такого рѣдкостнаго явленія радостное удивленіе англичанинъ равнодушно объяснилъ: о! я желаю упражняться въ нѣмецкомъ языкѣ. Этотъ гейневскій англичанинъ, конечно, не единственный въ своемъ родѣ. Многіе разговариваютъ по сходнымъ мотивамъ,—хотя бы, напримѣръ, изъ потребности не оставлять безъ упражненія данную имъ Богомъ способность къ членораздѣльной рѣчи или даже изъ простого желанія издавать звуки, шевелить языкомъ, губами и челюстями. Но, само собой разумѣется, было бы ни съ чѣмъ не сообразнымъ объяснять всѣ разговоры людей мотивомъ этого рода, и, точно также, нельзя признать вполнѣ удачнымъ подобное же объясненіе „гимнастическихъ" плясокъ, и, даже допуская извѣстную основательность этого объясненія, нельзя во всякомъ случаѣ считать его достаточнымъ. Оно охватываетъ слишкомъ большой кругъ явленій, не относящихся къ области эстетической, и въ то же время не захватываетъ такихъ явленій, которыя несомнѣнно относятся къ этой области. Съ одной стороны, не всякія сильныя ритмическія движенія принадлежатъ къ категоріи плясокъ и вообще къ сферѣ эстетическихъ явленій. Поэтому необходимо точнѣе опредѣлить, какія особенности сильныхъ и ритмичныхъ движеній придаютъ имъ эстетическій характеръ. Какъ отмѣчаетъ Гроссе, эстетическій характеръ плясокъ дикарей въ концѣ концовъ лежитъ не столько въ энергіи движеній, сколько въ ихъ правильности. Просто энергическія движенія очень скоро утомляли бы, вызывали бы усталость и непріятныя ощущенія. И въ то же время, что касается ритмичности, то при всей важности

этого фактора, необходимо принять во вниманіе, что онъ важенъ въ эстетическомъ отношеніи не самъ по себѣ. Нельзя именно считать, что человѣку очень дорого двигать ногами и руками или издавать звуки непремѣнно черезъ совершенно равные промежутки времени. Само по себѣ не въ этомъ дѣло. Но этотъ же самый факторъ пріобрѣтаетъ въ дѣйствительности громадное, можетъ быть, ни съ чѣмъ не сравнимое значеніе вслѣдствіе того, что въ немъ выражается общій законъ, такъ сказать, общій пріемъ организма, склонность его къ размѣренности въ различнѣйшихъ его отправленіяхъ: дыханіи, сердцебіеніи, миганіи глазами, въ трудѣ. Ритмъ въ этомъ смыслѣ является цѣннымъ не самъ по себѣ, а въ качествѣ своеобразнаго символа, какъ выраженіе нѣкоторой совокупности тенденцій организма человѣка. Только взглянувъ съ этой стороны на стремленіе къ ритмичности и къ энергичнымъ движеніямъ, мы получаемъ возможность подойти ближе къ дѣйствительной оцѣнкѣ этихъ тенденцій, получаемъ возможность понять наиболѣе существенное ихъ значеніе, а именно, способность возбуждать общій душевный подъемъ, способность повышать вообще ощущеніе жизни. Сами по себѣ ни энергія движеній, ни ритмическая размѣренность въ отдаленной степени не имѣютъ того значенія, какое онѣ пріобрѣтаютъ въ качествѣ концентрированнаго выраженія какой-то очень интимной совокупности тенденцій организма. Дать исчерпывающее опредѣленіе этой сложной совокупности душевныхъ побужденій врядъ ли возможно, особенно путемъ отвлеченнаго словеснаго опредѣленія. Гете какъ-то замѣтилъ, что „отвлеченная мысль не въ состояніи разрѣшить загадки жизни“. Врядъ ли она въ состояніи дать исчерпывающее разрѣшеніе загадкамъ искусства. Но подойти къ такому разрѣшенію довольно близко, кажется, можно. Въ данномъ случаѣ мы можемъ сказать съ увѣренностью слѣдующее. Въ наслажденіи ритмомъ или энергіей движеній было бы положительно ошибочнымъ свести все къ ощущеніямъ размѣренности или силы, взятыхъ самихъ по себѣ, въ качествѣ предѣльной цѣли наслажденія. Гораздо важнѣе тутъ сопровождающій данныя ощущенія общій подъемъ самочувствія. Ощущеніе это настолько своеобразно, что, находясь подъ его вліяніемъ, человѣкъ совсѣмъ другими глазами смотритъ на весь міръ, на все вокругъ происходящее. И въ этомъ именно заключается очень существенное, можетъ быть, даже самое существенное свойство всякаго художественнаго ощущенія, что оно вдругъ заставляетъ какимъ-то образомъ смотрѣть совсѣмъ по особому рѣшительно на все, окрашивая или настраивая собою все остальное. Особенность этого состоянія ближе всего поддается сравненію съ состояніемъ опьяненія и наркоза вообще, отчасти съ душевными ощущеніями во снѣ при сновидѣніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—съ душевнымъ состояніемъ экстаза мистическаго, нравственнаго и религіознаго. Для всѣхъ состояній этого рода характерно

то, что въ нихъ личность временно настолько видоизмѣнена въ своемъ строѣ, самочувствіе ея возбуждено такъ по особенному, что получается точно новая личность. Такова же выдающаяся особенность въ общемъ настроеніи личности, охваченной и приподнятой художественными ощущеніями.

Если мы спросимъ себя, почему ритмъ—размѣренное движеніе—можетъ имѣть способность такъ глубоко дѣйствовать на душевный строй личности, то въ объясненіе этого намъ не приходится прибѣгать къ какимъ-нибудь сложнымъ соображеніямъ. Глубоко заложенная въ человѣкѣ потребность въ системѣ, порядкѣ, организаціи, отмѣченная выше потребность къ упрощенію сложнаго удовлетворяются тутъ помощью пріема, который находитъ себѣ сочувственный откликъ въ такихъ интимныхъ процессахъ организма, какъ сердцебіеніе и особенно дыханіе. И въ то же время, ритмъ обладаетъ тѣмъ особеннымъ свойствомъ, что онъ можетъ восприниматься тремя различными пріемами: слухомъ, зрѣніемъ и мускулами. Какъ замѣчаетъ знаменитый хирургъ Бильротъ въ своей интересной книжкѣ о музыкальномъ чувствѣ, „въ тѣхъ случаяхъ, когда ритмъ воспринимается одновременно всѣми тремя способами ощущеній, большая часть нашей нервной системы оказывается охваченной,—отсюда такое могучее дѣйствіе его на весь нашъ организмъ“. И какъ мы выше видѣли, у первобытнаго человѣка въ гимнастическихъ пляскахъ именно одновременно дѣйствуютъ и зрѣніе, и слухъ, и мускулы. То же самое можно сказать о нашихъ собственныхъ первобытныхъ людяхъ, напримѣръ, солдатахъ, марширующихъ подъ звуки музыки, или дѣтяхъ, играющихъ въ солдаты. Во всѣхъ явленіяхъ этой категоріи болѣе всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что личность чувствуетъ всю себя какъ бы встряхнутой, перестроенной на особый ладъ, охваченной отраднымъ ощущеніемъ, слагающимся изъ двухъ ощущеній—полноты и ясности: первое изъ нихъ дается тѣмъ, что ритмъ находитъ себѣ сочувственное отраженіе въ организмѣ въ разнообразныхъ направленіяхъ, а второе опредѣляется лежащимъ въ основѣ ритма, такъ сказать, физически яснымъ элементомъ правильности и порядка.

Возвращаясь къ мимическимъ танцамъ, представляющимъ собой собственно переходъ изъ области танцевъ въ область драматическаго представленія, мы видимъ, что въ нихъ оба эти основныя начала имѣются также на лицо. Что касается элемента порядка и ясности, то онъ и тутъ, въ видѣ ритма, вносится пѣніемъ и ударами въ барабанъ, тамбуринъ и тому подобной музыкой, которая обыкновенно сопровождаетъ также и этого рода танцы. Требованіе же полноты ощущеній ищетъ себѣ исхода въ мимическихъ танцахъ—въ склонности принимать многоразличнѣйшія и всевозможныя формы существованія и воплощенія жизни, которыя расширяютъ сферу существованія, умножаютъ сумму доступ-

ныхъ личности впечатлѣній, звуковъ, красокъ, движеній и, такимъ образомъ, увеличиваютъ програму жизни.

Когда дикарь въ своихъ плясках съ необычайной тщательностью и съ большимъ удовольствіемъ подражаетъ тѣлодвиженіямъ охотника, преслѣдующаго добычу, воина, сражающагося съ врагомъ, различнымъ перипетіямъ любовныхъ отношеній—ревности, ненависти и дружбы, когда онъ старательно подражаетъ движеніямъ птицъ и звѣрей, кенгуру, лягушекъ, бабочекъ, то удовольствіе во всѣхъ этихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени зависитъ отъ возможности производить движенія, которыя не входятъ въ обычный кругъ жизни исполнителя и къ которымъ, между тѣмъ, у него имѣются задатки и болѣе или менѣе сильное предрасположеніе. По случайнымъ обстоятельствамъ жизни, этимъ склонностямъ не представляется исхода въ нормальномъ будничномъ существованіи, онѣ не находятъ себѣ примѣненія въ немъ. И вотъ, личность, которую природа одарила избыткомъ способностей, радуется, больше того—испытываетъ особое оживленіе и особый подъемъ жизненной энергіи, когда ей удается примѣнить свои способности, расширить свою програму жизни, раздвинуть объемъ и содержаніе своего существованія. При томъ, она не просто только производитъ извѣстныя движенія, но въ то же время испытываетъ соотвѣтствующія имъ чувства и настроенія. Зритель находится въ аналогичномъ положеніи. Ему тоже не хватаетъ въ его существованіи извѣстныхъ ощущеній и извѣстныхъ движеній, и удовольствіе его въ этомъ отношеніи тоже обусловлено возможностью пополнить недостающее содержаніе жизни—средствами искусства.

Кромѣ увеличенія суммы ощущеній, тутъ имѣетъ мѣсто еще и другое. При подражаніи извѣстнаго рода движеніямъ человѣка или животнаго, исполнителю доставляетъ особое удовлетвореніе, сверхъ возможности переиспытать отдѣльныя положенія и состоянія, еще возможность уловить ихъ общую связь, испытать то особенное ощущеніе свободной непринужденности и увѣренности, которой проникаетъ каждое характерное движеніе и вообще всякое яркое проявленіе личности. Личность, которая наблюдаетъ характерныя движенія, и особенно которая подражаетъ имъ, а также та, которая слѣдитъ за подражателемъ, испытываетъ удовольствіе, когда имѣетъ возможность такъ или иначе перечувствовать стройную организацію движеній, ихъ ясную группировку около одного центральнаго ядра. Это удовольствіе той же категоріи, какъ и удовольствіе, получаемое отъ ритмичности или отъ симметріи. Это удовольствіе ощущать порядокъ, послѣдовательную связь въ явленіяхъ жизни. При этомъ очень важно, что тутъ получается не отвлеченное, головное сознаніе, а непосредственное, чисто физическое ощущеніе системы и порядка. Оно поэтому проникаетъ особенно глубоко и даетъ особенно интимное чувство

легкости, свободы и непринужденности, составляющее неизбѣжный элементъ всѣхъ эстетическихъ ощущеній.

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ той отрасли искусства, которая позволитъ намъ сдѣлать еще одинъ шагъ въ пониманіи общей связи между различными художественными тенденціями первобытнаго человѣка, необходимо замѣтить, что обнаруженныя нами выше двѣ категоріи ощущеній—стремленіе къ полнотѣ ощущеній и къ ихъ ясности—въ своей совокупности выражаютъ коренную основу всякаго индивидуальнаго существованія. Объективное наблюденіе и теоретическія соображенія убѣждаютъ насъ, что совершенство каждаго организма зависитъ прежде всего отъ степени полноты, т. е. богатства и разносторонности, его строенія и отправленій, и затѣмъ,—отъ степени связности, стройности, вообще упорядоченности, которыя въ немъ господствуютъ. Съ субъективной стороны этимъ двумъ требованіямъ всякой органической индивидуальности соотвѣтствуютъ указанныя нами двѣ категоріи ощущеній, совокупность которыхъ комбинируется въ ощущеніе очень высокой цѣнности, а именно чувство того, что существованіе наполнено настоящимъ содержаніемъ, что жизнь использована и, при томъ—что это дѣлается само по себѣ, безъ излишняго напряженія, легко, свободно, непринужденно. Отъ комбинаціи этихъ двухъ ощущеній зависитъ степень и качество самочувствія личности въ ея цѣломъ. А среди искусствъ ни одно не обладаетъ такимъ ясно выраженнымъ отношеніемъ къ этому общему самочувствію личности въ ея цѣломъ, какъ та особенная разновидность искусства, къ разсмотрѣнію которой мы теперь перейдемъ, а именно искусство самоукрашенія.

Въ жизни дикаря оно занимаетъ еще болѣе значительное мѣсто, чѣмъ у культурнаго человѣка. Путешественники европейцы склонны свысока относиться къ дикарю, который, въ своемъ легкомысліи и въ своей ограниченности, гораздо больше заботится о всякихъ украшеніяхъ, чѣмъ о томъ, чтобы укрыться отъ холода. Но прежде, чѣмъ судить такъ,—говоритъ Гроссе, надо бы разобрать, дѣйствительно ли эти украшенія такія ужъ праздныя затѣи, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Внимательное разсмотрѣніе относящихся сюда фактовъ, напротивъ того, приводитъ къ заключенію, что самоукрашенія первобытнаго человѣка сплошь и рядомъ имѣютъ вовсе не праздный характеръ, а, напротивъ того,—преслѣдуютъ очень существенныя цѣли.

Наибольшее число явленій этой категоріи можетъ быть отнесено къ двумъ основнымъ мотивамъ: стремленію внушить страхъ и стремленію возбудить чувство любви.

На Андамакскихъ островахъ существуетъ миѳическое преданіе о происхожденіи разрисовки тѣла посредствомъ наложенія рубцовъ и татуировки. Прародитель Минкоповъ однажды пустилъ стрѣлу, но попалъ не въ цѣль, а въ твердый предметъ, который оказался кускомъ желѣза. Изъ него онъ сдѣлалъ наконечникъ для стрѣлы, посредствомъ него подвергъ себя татуировкѣ и запѣлъ: „Кто меня теперь побѣдитъ? Я татуированъ, я татуированъ!“ Гроссе видитъ въ этомъ миѳѣ интересное указаніе по отношенію къ приписываемой татуировкѣ охранительной силы противъ опасностей. Существуетъ мнѣніе, что все дѣло тутъ въ тайномъ религіозномъ или общественномъ значеніи татуировочныхъ изображеній: что личность этимъ способомъ отдаетъ себя подъ покровительство божества или обозначаетъ свою принадлежность къ данному общественному союзу. Между тѣмъ, въ приведенномъ разсказѣ отсутствуетъ какое бы то ни было указаніе на божество или общественный союзъ. Открывателемъ татуировки является не божество и не духъ, а человѣкъ. И если онъ въ своей пѣснѣ приписываетъ рубцамъ отъ татуировки охраняющую силу, то самое естественное объясненіе этому заключается въ томъ, что у кого было достаточно мужества выдержать мучительную операцію, тому нечего бояться враговъ. И объясненіе это находитъ себѣ подтвержденіе въ прямыхъ свидѣтельствахъ о тѣхъ дикаряхъ, которые по всей справедливости видятъ въ разрисовкѣ тѣла рубцами испытаніе способности выносить физическія страданія. Гроссе полемизируетъ съ изслѣдователями этихъ явленій, настаивая на томъ, что общественныя торжества, которыми у нѣкоторыхъ племенъ сопровождается процессъ татуировки, имѣютъ не столько религіозный характеръ, сколько соціальный. Они означаютъ не пріемъ юноши подъ покровительство божества, а включеніе его въ союзъ взрослыхъ мужей, и именно эта сторона дѣла даетъ намъ совершенно естественное и въ то же время достаточно полное объясненіе того, почему его подвергаютъ по этому случаю татуировкѣ. Операція эта исполняетъ двоякую цѣль—испытываетъ стойкость кандидата и закрѣпляетъ его принадлежность къ роду неизгладимымъ знакомъ.

Для нашей цѣли совершенно безразлично, принимаютъ ли религіозные и общественные элементы большее или меньшее участіе въ разсматриваемомъ явленіи. Для насъ важно то, что во всякомъ случаѣ и религія, и общественность, насколько онѣ тутъ участвуютъ, каждая по своему—только санкціонируютъ извѣстныя достоинства личности—при томъ дѣлаютъ это символическимъ путемъ. Какъ и сама личность, онѣ придаютъ особенный знаменательный смыслъ извѣстнымъ украшеніямъ не самимъ по себѣ, взятымъ отдѣльно отъ прочаго, а въ ихъ связи, т. е. въ качествѣ символическаго выраженія нѣкоторой совокупности свойствъ личности — стойкости, терпѣливости, выносливости, ду-

шевной силы. Совокупность эта дѣлаетъ личность, въ числѣ прочаго, также способной, а поэтому и достойной быть украшенной рубцами и знаками татуировки. Поэтому-то это украшеніе и получаетъ санкцію религіи и общественности. Тому же пути слѣдуютъ и эстетическія наклонности и вкусы. Рубцы отъ татуировки кажутся красивыми, привлекательными, изящными не сами по себѣ, а какъ напоминаніе о совокупности свойствъ личности, которыя внушаютъ чувство одобренія. Аналогичные мотивы руководятъ нѣмецкими студентами, которые очень гордятся рубцами на лицѣ и головѣ, полученными ими на дуэляхъ, считающихся у нихъ обязательными для каждаго добропорядочнаго бурша. Исполосованная и изуродованная шрамами физіономія является предметомъ гордости, какъ краснорѣчивая эмблема принадлежности къ союзу, строго блюдущему извѣстныя правила чести и благородства. Легко замѣтить вліяніе подобныхъ же мотивовъ на эстетическій вкусъ въ примѣненіи къ самоукрашенію въ разныя историческія эпохи, напр., у рыцарей въ средніе вѣка, у придворныхъ временъ Людовика XIV или въ эпоху рококо и т. д. Точно также и въ самоукрашеніяхъ первобытнаго человѣка вліяніе мотивовъ этого рода имѣетъ большое распространеніе.

Рядомъ съ этимъ дѣйствуютъ такіе практическіе мотивы, какъ тенденція внушить уваженіе къ своей силѣ и ловкости, или стремленіе придать себѣ устрашающій видъ, или ясно выставить такія свои особенности, которыя цѣнятся другимъ поломъ, и разжечь любовныя страсти. Всѣ эти мотивы—религіозные, общественные и всевозможные практическіе—постоянно оказываютъ свое вліяніе; но въ то же время всевозможные пріемы самоукрашенія имѣютъ совершенно особенную притягательную силу, являясь для личности средствомъ соединять и связывать съ своей особою въ одинъ образъ, въ одно цѣлое впечатлѣніе совокупность обстоятельствъ, которыя помимо этого, въ разбросанномъ видѣ, не въ состояніи ни имѣть такое значеніе, ни производить подобное впечатлѣніе. Въ этомъ пріемѣ личность обладаетъ особеннымъ и въ своемъ родѣ незамѣнимымъ средствомъ давать ярко и живо почувствовать то, что въ ней заключается и что въ ней таится. Когда австралійскій охотникъ щеголяетъ въ передникѣ изъ трехсотъ бѣлыхъ кроличьихъ хвостиковъ, то подобное украшеніе является наглядной повѣстью о его охотничьихъ похожденіяхъ, о затраченномъ имъ трудѣ, о его ловкости и вообще его способностяхъ. Когда воинъ украшаетъ свою голову страшными перьями, обнажаетъ на своей груди рубцы, полученные имъ въ бояхъ, и разрисовываетъ себѣ лицо черными и красными линіями, то при помощи всѣхъ подобныхъ пріемовъ онъ сочетаетъ и приводитъ въ своей особѣ въ одно цѣлое совокупность свойствъ, которыя именно въ этой связи и группировкѣ внушаютъ зрителю наглядное представленіе, до извѣстной сте-

пени ощущеніе того, на что способна данная личность. Если нѣкоторые изъ атрибутовъ, примѣненныхъ для достиженія этого впечатлѣнія, являются чѣмъ то внѣшнимъ, даже какъ будто посторонним для самой личности, не связанными естественнымъ образомъ съ ея природой, то надо имѣть въ виду, что всякое искусственное украшеніе произвело бы очень фальшивое впечатлѣніе, если бы не было согласовано съ совокупностью остальныхъ свойствъ данной личности. Разрисованное страшными кругами лицо—при тщедушной фигурѣ и вялыхъ движеніяхъ, никогда не вызоветъ страха, а, напротивъ того, произведетъ смѣшное и жалкое впечатлѣніе. То же самое относится и къ тѣмъ многочисленнымъ украшеніямъ, которыя разсчитаны на возбужденіе любовныхъ чувствъ. Помимо того, что по своей конечной практической цѣли украшенія этого рода существенно отличаются отъ украшеній предшествующей категоріи, личность здѣсь, опять-таки, не довольствуется тѣмъ, что ей дано отъ природы, а искусственнымъ образомъ дополняетъ эту природу, обогащая свои естественныя свойства добавочными элементами. Но и эти искусственныя дополненія только тогда не производятъ фальшиваго впечатлѣнія, когда находятся въ соотвѣтствіи съ данной личностью въ ея цѣломъ. Вообще, во всѣхъ случаяхъ самоукрашенія цѣль достигается только тогда, когда при помощи того, что искусственнымъ образомъ прибавляется къ природнымъ даннымъ, удается совершеннѣе и ярче представить совокупность свойствъ личности и таящихся въ ней побужденій. Практическіе мотивы при этомъ могутъ очень варіировать, переходя чрезъ многочисленныя разновидности между стремленіемъ возбудить страхъ къ себѣ и желаніемъ вызвать любовныя чувства, осложняясь и переплетаясь, сверхъ того, религіозными и всевозможными общественными элементами. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ личность человѣческая въ ея цѣлостной совокупности является тѣмъ неизмѣннымъ лучезарнымъ центромъ, который освѣщаетъ собой все остальное, или, точнѣе выражаясь, неизмѣннымъ началомъ, которымъ все регулируется и все опредѣляется.

V.

Оглядываясь на весь рядъ разсмотрѣнныхъ нами явленій художественнаго творчества у первобытнаго человѣка, мы видимъ, что указанныя нами два основныя требованія человѣческой индивидуальности образуютъ тотъ общій фонъ, который неизмѣнно сообщаетъ свой характеръ какъ содержанію, такъ и направленію всѣхъ родовъ художественныхъ ощущеній, и въ неизмѣнной наличности этого широкаго и яснаго фона заключается характерная особенность, отдѣляющая элементы художественныхъ побужденій

отъ мотивовъ другихъ категорій — пользы, удовольствія борьбы за существованіе и т. д. Поэтому, стоя именно на этой точкѣ зрѣнія, мы получаемъ возможность обсудить тѣ положенія, къ которымъ пришелъ Гроссе въ своемъ заключительномъ выводѣ о задачахъ искусства у первобытнаго человѣка.

Какъ мы видѣли въ началѣ настоящей статьи, Гроссе во вступленіи къ своей работѣ начинаетъ съ прямого опредѣленія художественной дѣятельности, какъ такой, которая не знаетъ никакихъ внѣ ея лежащихъ цѣлей или задачъ. Но затѣмъ ходомъ своего изслѣдованія онъ оказывается настолько выбитымъ изъ своей исходной позиціи, что въ своемъ заключеніи кончаетъ прямо противоположнымъ утвержденіемъ, усматривая въ художественной дѣятельности орудіе борьбы за существованіе, и такимъ образомъ въ значительной степени отожествляя то и другое. Этимъ самымъ онъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ, выводя художественную дѣятельность изъ безвоздушной области мнимаго служенія самой себѣ въ живую сферу служенія интересамъ человѣка. Но дѣлая такую уступку воззрѣнію, противоположному своей исходной точкѣ зрѣнія, Гроссе заходитъ слишкомъ далеко, такъ какъ не замѣчаетъ различій между отдѣльными категоріями интересовъ человѣка, смѣшивая ихъ всѣхъ въ одну кучу. Необходимо именно имѣть въ виду, что та свалка, которой имя—борьба за существованіе,—въ значительной степени обладаетъ узко практическимъ характеромъ, что въ ней даже побѣда сплошь и рядомъ дается личности цѣной окончательнаго отказа отъ ея основныхъ и наиболѣе драгоцѣнныхъ жизненныхъ требованій. Борьба за существованіе—это очень часто та предательская волна, которая выбрасываетъ личность на очень плоское мѣсто—на большое разстояніе отъ широкаго прибоя волнъ великаго океана жизни. А во всякой художественной дѣятельности, съ какими бы узко практическими задачами она ни переплеталась, та же борьба за человѣческіе интересы поднимается ступенью выше, осложняясь борьбой за совершенство и достоинство личности. Какъ замѣтилъ еще Гете, все художественное должно быть само по себѣ значительнымъ и въ то же время указывать на еще болѣе значительное. Въ этомъ заключается символичность искусства,—а всякое искусство символично. Вслѣдствіе этого, всякая художественная дѣятельность, удовлетворяя требованіямъ даже самой узкой полезности, въ то же время представляетъ изъ себя нѣчто бо̀льшее: рядомъ съ даннымъ частнымъ ощущеніемъ она даетъ ей цѣлый рядъ отраженныхъ ощущеній, образовъ, впечатлѣній. Поэтому, являясь въ частныхъ случаяхъ орудіемъ пользы или орудіемъ борьбы личности за болѣе удобныя и выгодныя формы существованія, художественное ощущеніе одновременно съ тѣмъ даетъ толчокъ цѣлой цѣпи ощущеній и настроеній, которыя въ данный моментъ не направлены ни на какіе спеціальные интересы, но

въ то же время обезпечиваютъ личности очень значительный кругъ интересовъ, сообщая всей совокупности ея настроеній и ощущеній особый отпечатокъ полноты и гармоничной ясности. Можно сказать поэтому, что въ основѣ всѣхъ символовъ искусства, съ которыми художественное творчество, повторяемъ, неразлучно — лежитъ человѣческая личность, въ ея жаждѣ полноты и гармонической ясности существованія, этихъ основъ личнаго совершенства. И поэтому въ своемъ стремленіи къ художественному творчеству и художественнымъ впечатлѣніямъ личность борется не просто за существованіе, а за дополненіе и поднятіе этого существованія въ интересахъ совершенствованія человѣческой личности—путемъ внесенія въ него ощущеній полноты и гармонической ясности. И поэтому если Бѣлинскій,—стоя на вершинѣ идеальныхъ требованій искусства, — въ правѣ былъ утверждать, что чувство изящнаго есть условіе человѣческаго достоинства, то и искусство первобытнаго человѣка свидѣтельствуетъ объ этомъ не менѣе убѣдительно, чѣмъ искусство культурныхъ народовъ.

А. Красносельскій.

Хунхузы въ Манчжуріи.

Очерки изъ путешествія по Манчжуріи въ 1897 и 1898 г.г.

Борьба съ движеніемъ боксеровъ въ Китаѣ уступила свое мѣсто преслѣдованію отдѣльныхъ хунхузскихъ шаекъ, производящихъ свои нападенія на уединенныя станціи Восточно-Китайской дороги, на путниковъ и на мирное сельское населеніе манчжурскихъ деревень. Можно увѣренно сказать, что полное успокоеніе страны, не смотря на самыя энергичныя мѣры, принимаемыя противъ хунхузовъ, наступитъ еще очень нескоро. Я имѣлъ возможность близко познакомиться съ вопросомъ о хунхузахъ за время моей службы въ Манчжуріи (въ Нингутинской области Гиринской провинціи), въ изыскательской партіи Н. А. Тиханова, въ 1897 и 1898 г.г., и въ этой статьѣ предлагаю вниманію читателя тѣ немногія наблюденія, которыя мнѣ тамъ удалось сдѣлать за это время.

I.

Гражданскій бытъ Манчжуріи, при отсутствіи въ ней серьезной правящей силы и при скудости населенія, безконтрольно

подчиненнаго деспотизму администраціи, страдаетъ хроническимъ неустройствомъ, и самыя элементарныя права жителей зачастую остаются безъ всякихъ гарантій, такъ какъ мѣстныя власти при всей широтѣ своихъ полномочій фактически безсильны противъ многихъ золъ, истощающихъ страну, и даже нерѣдко втайнѣ сочувствуютъ неурядицѣ, какъ ловкій финансистъ, который всегда радъ путаницѣ биржевыхъ дѣлъ.

Жители поселковъ и отдѣльныхъ горныхъ фанзъ, во множествѣ разбросанныхъ по верховьямъ рѣкъ бассейна Суйфуна, Муданъ-Дзяна и другихъ, пересѣкающихъ эту обширную страну во всевозможныхъ направленіяхъ, гораздо болѣе считаются съ особой своеобразной властью, по существу противной всякому закону, которая, однако, въ Манчжуріи играетъ далеко не маловажную роль и въ любой моментъ можетъ дать почувствовать свою силу мирному китайскому обывателю: это власть хунхузовъ, въ большинствѣ стройно организованныхъ, дѣйствующихъ безнаказанно разбойничьихъ шаекъ, число которыхъ такъ значительно, что въ общей этнографической картинѣ страны онѣ являются чуть ли не какъ особое, всѣми признанное сословіе, или, по крайней мѣрѣ, какъ одинъ изъ видовъ весьма распространеннаго промысла.

Топографія страны, благодаря обилію болѣе или менѣе высокихъ горныхъ хребтовъ, изрѣзанныхъ глубокими ущельями и долинами, благодаря большой площади лѣсовъ, еще пребывающихъ въ состояніи тайги, въ значительной степени способствуетъ безнаказанности манчжурскихъ разбойниковъ. Въ глухихъ закоулкахъ горнаго лабиринта каждая шайка имѣетъ надежное убѣжище, куда лишь съ большимъ трудомъ могли бы проникнуть даже и болѣе ревностные и менѣе подкупные стражи общественной безопасности, чѣмъ какими являются манчжурскіе администраторы съ знаменитыми войсками. Въ другомъ мѣстѣ *) намъ уже приходилось говорить, къ чему обыкновенно сводятся военныя экспедиціи для поимки разбойничьихъ шаекъ; для полноты картины приведемъ здѣсь одинъ изъ характерныхъ примѣровъ той паники, которую хунхузскія шайки могутъ внушить цѣлой округѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ пограничномъ съ нами китайскомъ городѣ Санчикоу былъ такой переполохъ, какого, быть можетъ, не знавали европейскіе города при нашествіи гунновъ. Изъ этого города и его окрестностей сотни бѣглецовъ устремились черезъ нашу границу и толпами одичавшаго отъ ужаса люда наводнили ближайшую нашу Полтавскую станицу: кто находилъ здѣсь хоть какую нибудь возможность пріютиться со своими пожитками, спасался въ ея гостепріимныхъ предѣлахъ;

*) См. «Вѣстникъ Всем. Ист.» 1900 г. № 9. «О китайскомъ войскѣ въ Манчжуріи».

кому не находилось мѣста въ переполненномъ селеніи, тотъ спѣшилъ уйти дальше, въ с. Никольское и Владивостокъ. Сюда, въ Полтавку снесено было все цѣнное добро жителей, какое только можно было захватить второпяхъ. Китайскими слитками серебра (ямбами) были засыпаны цѣлые шкафы и сундуки изъ-подъ казачьяго скарба. Все это было наскоро, въ безпорядкѣ свезено сюда подъ вліяніемъ слуховъ, что большія скопища хунхузовъ собираются разграбить городъ Санчикоу. Бѣжали всѣ, кто только могъ предполагать свое добро интереснымъ для хунхузовъ; самыя власти г. Санчикоу поддались общей сумятицѣ, и полиціймейстеръ города одинъ изъ первыхъ поспѣшилъ отправить свое семейство подъ нашу защиту. На бѣду строевые казаки въ это время были довольно далеко—они отбывали лагерный сборъ при станицѣ Камень-Рыболовъ верстахъ въ 60 отъ Полтавки — и ни оружія, ни патроновъ въ станицѣ на ту пору не оказалось (дѣло было въ августѣ). Это обстоятельство вмѣстѣ съ захватывающей стремительностью всеобщаго бѣгства китайцевъ и манчжуръ увлекло и нашихъ казаковъ въ такую же панику. Всѣ были увѣрены, что хунхузы, найдя городъ опустѣвшимъ, бросятся за своей добычей въ Полтавку. Только своевременное прибытіе военной силы остановило заразительную панику. Тревога оказалась на этотъ разъ ложной, но если одинъ только слухъ о появленіи хунхузовъ могъ поднять на ноги и обратить въ бѣгство населеніе цѣлаго города, то не служитъ ли это лучшимъ показателемъ того безсилія власти и той беззащитности населенія, которыя такъ характерно отразились въ приведенномъ случаѣ. Бѣднота, разумѣется, не имѣетъ основанія тревожиться за свою безопасность и для нея присутствіе въ странѣ хунхузовъ почти безразлично, за то имущіе классы, купечество главнымъ образомъ, находятся можно сказать въ непрерывной блокадѣ. Всякіе переѣзды для нихъ сопряжены съ рискомъ попасть въ плѣнъ къ разбойникамъ, которые, кстати сказать, имѣютъ своихъ агентовъ въ каждомъ городѣ и черезъ нихъ бываютъ обыкновенно прекрасно освѣдомлены обо всемъ, что можетъ имъ быть интересно относительно того или иного состоятельнаго лица. Существованіе такого рода разбойничьей агентуры ни для кого не тайна, и потому всякій, чье благосостояніе можетъ внушить искушеніе хунхузамъ, рѣшается выѣхать изъ города только въ силу крайней необходимости, при томъ непремѣнно ночью и съ разными предосторожностями, чтобы скрыть отъѣздъ отъ сосѣдей, между которыми всегда возможно предположить хунхузскаго агента. Предосторожности эти, однако, очень часто цѣли не достигаютъ, и путешественникъ попадаетъ въ руки хунхузовъ. Купца уводятъ въ горы, а кого-нибудь изъ его спутниковъ отправляютъ къ семьѣ и друзьямъ злополучнаго плѣнника съ требованіемъ выкупа болѣе или менѣе значительнаго, смотря по его достатку. Довольно

часто взамѣнъ денегъ или въ прибавку къ нимъ хунхузы требуютъ выкупа и натурой, выговариваютъ себѣ крупныя партіи теплаго платья, обуви, пороху, съѣстныхъ припасовъ и проч.

Однажды нашъ обозъ съ провіантомъ для изыскательской партіи Н. А. Тиханова по дорогѣ изъ Санчикоу на хребетъ Лоэ-Линъ встрѣтилъ цѣлый караванъ вьючныхъ лошадей съ большими тюками зимней китайской одежды. Изъ разспросовъ оказалось, что это идетъ выкупъ къ хунхузамъ за 4 купцовъ, перехваченныхъ ими на большой дорогѣ недалеко отъ г. Санчикоу.

Приказчикъ, который велъ караванъ, оцѣнивалъ стоимость своего груза въ 500 долларовъ (японскихъ—около 500 рубл.); кромѣ того, онъ везъ хунхузамъ 1000 долларовъ звонкою монетой (около 1000 рублей).

Отказъ внести выкупъ грозитъ плѣнникамъ жестокими истязаніями, на которыя китайцы вообще большіе мастера, а раздраженные разбойники особенно изобрѣтательны. Какъ говорятъ, въ такихъ случаяхъ они чаще всего прибѣгаютъ къ поджариванію своихъ плѣнниковъ живьемъ, и, разумѣется, эта рѣшительная мѣра всегда приводитъ къ цѣли.

Въ Нингутѣ у меня было нѣсколько знакомыхъ купцовъ, побывавшихъ въ плѣну у хунхузовъ; и хотя каждый изъ нихъ вносилъ за себя выкупъ, иные даже не разъ, они о своемъ пребываніи въ горныхъ разбойничьихъ становищахъ сохранили воспоминанія, повидимому, весьма удручающія; по крайней мѣрѣ, разспросы объ этомъ всегда приводили ихъ въ тягостное состояніе духа.

Мѣстныя власти, узнавъ, что въ предѣлахъ даннаго округа захваченъ хунхузами какой-нибудь богатый купецъ, по обычаю высылаютъ на выручку имѣющіеся подъ руками отряды манчжурскихъ регулярныхъ солдатъ, но какъ сами посылающіе, такъ и тѣ, ради кого они высылаются, слишкомъ хорошо знаютъ истинную цѣну такихъ мѣропріятій и никогда не заблуждаются относительно полной ихъ безполезности. Случаи, когда военнымъ экспедиціямъ удавалось дѣйствительно выполнить свое назначеніе и освободить плѣнниковъ, остаются въ памяти населенія, какъ исключительныя и неожиданныя событія. Помощникъ Нингутинскаго фудутуна (губернатора), которому мой товарищъ однажды осторожно выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности посылки противъ хунхузовъ небольшихъ отрядовъ войскъ, поспѣшилъ разсказать, чтобы уничтожить его скептицизмъ, бывшій четыре года тому назадъ случай, когда солдатамъ удалось однажды отбить у разбойниковъ семерыхъ богатыхъ крестьянъ, захваченныхъ ими на большой дорогѣ, чтобы получить съ нихъ выкупъ; привести другой подобный примѣръ нашъ манчжурскій администраторъ затруднился, хотя для поддержанія передъ нами китайскаго престижа настойчиво, но неопредѣленно утверждалъ, что они вообще

бываютъ. Для большей правдоподобности ему слѣдовало прибавить... „весьма рѣдко“. Гораздо же чаще происходитъ какъ разъ обратное: хунхузы блокируютъ цѣлые города, расположившись гдѣ-нибудь на бойкомъ трактѣ и совершенно прекращая всякое торговое движеніе по нему, уводя въ горы всякаго проѣзжаго, въ которомъ можно заподозрить опасное по тамошнимъ мѣстамъ преимущество матеріальнаго достатка.

Передавая тотъ или другой эпизодъ изъ продѣлокъ хунхузовъ, разсказчикъ—обыкновенно купецъ или приказчикъ одного изъ китайскихъ магазиновъ въ г. Нингутѣ,—не упускалъ случая выразить свое сочувствіе строющейся восточно-китайской жел. дорогѣ. Съ ея постройкой здѣсь связывается представленіе о переходѣ Манчжуріи во власть русскихъ. Къ этому относятся, повидимому, далеко не враждебно, безъ особенной, впрочемъ, предилекціи въ пользу именно русскихъ. Тогда, по мнѣнію жителей, здѣсь не будетъ хунхузовъ.

Часто кто-нибудь изъ русскихъ техниковъ, жившихъ въ то время въ Нингутѣ, обращался къ Ниманъ-Кую, приказчику одной большой фирмы, знавшему немного русскій языкъ, очень общительному и веселому человѣку, котораго мы называли „нашъ общій другъ“, съ вопросомъ: „Ну что, Ниманкуй, ты будешь дѣлать, если придутъ нѣмцы или англичане, или японцы и возьмутъ вашу землю?“ Нашъ общій другъ хитро улыбался и отвѣчалъ съ разстановкою: „Нѣмецкіе люди приходи и насъ бери, мы нѣмецкій человѣкъ будемъ; англійскіе люди приходи и насъ бери, мы англійскій человѣкъ будемъ, а русскіе насъ бери—русскій человѣкъ будемъ“.

Нужно сказать, что всѣ подобныя заявленія исходили изъ среды купечества, для котораго возможность передвиженія и перевозки кладей ускореннымъ и безопаснымъ отъ хунхузскихъ покушеній способомъ является условіемъ первѣйшей важности для правильнаго развитія торговли; со стороны же мѣстной администраціи мы если и слышали какія-нибудь любезныя рѣчи, то всегда оффиціальнаго характера и только въ силу политическихъ условій или обычаевъ международной вѣжливости.

Правильныя сообщенія между городами часто бываютъ прерваны на большіе или меньшіе сроки, благодаря тому, что хунхузы, занявъ какой-нибудь горный перевалъ, устраиваютъ своеобразную фильтрацію: людей состоятельныхъ задерживаютъ и уводятъ въ горы, бѣдняковъ же по тщательномъ осмотрѣ и секвестрѣ всего, что хунхузы найдутъ для нихъ излишнимъ,—отпускаютъ. Бываютъ случаи, когда наиболѣе бѣднымъ хунхузы выдаютъ небольшую сумму денегъ на дорогу. Въ бытность мою въ Нингутѣ, въ январѣ 1898 года, мнѣ пришлось нѣсколько недѣль пробыть безъ сахару, такъ какъ хунхузы прекратили сообщеніе между Нингутой и с. Никольскимъ. Осада была вскорѣ снята

большимъ отрядомъ знаменнаго войска, посланнаго Нингутинскимъ фудутуномъ. Хунхузы, узнавъ черезъ своихъ агентовъ о посылкѣ большого отряда, ушли въ горы. Какъ это обыкновенно бываетъ, они остались совершенно безнаказанными, не подверглись даже преслѣдованію. Жители г. Нингуты были довольны, что это дѣло обошлось только однимъ перерывомъ сообщенія.

Разумѣется, при такомъ полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ гарантій личной безопасности со стороны администраціи страны, жители ея сами изыскиваютъ способы обезопасить свои переѣзды и для этого прежде всего всячески стараются сократить ихъ; богатый китаецъ отваживается на выѣздъ изъ города только подъ давленіемъ крайней нужды; обыкновенно при этомъ онъ нанимаетъ для своей охраны вооруженныхъ людей, насколько позволяютъ ему средства, кормитъ ихъ во время пути и мирится со своеволіемъ и разнузданными капризами этой ватаги, сознающей свою необходимость нанимателю. Эта мѣра, въ большинствѣ случаевъ, является мало надежною, часто и очень—вольная охрана поспѣшно удаляется при первомъ же появленіи хунхузовъ. Болѣе надежнымъ средствомъ, которымъ чаще всего и пользуются, является путешествіе пѣшкомъ въ рубищѣ нищаго. Правда, оно для человѣка, привыкшаго къ нѣкоторому комфорту, сопряжено съ лишеніями, но за то лучше гарантируетъ личную безопасность. Наконецъ, самое надежное обезпеченіе безопасности доставляютъ полюбовныя сдѣлки съ предводителемъ хунхузской шайки. Уплачивая имъ нѣкоторую дань въ опредѣленные сроки, можно быть увѣреннымъ, что хунхузы данной шайки не потревожатъ васъ на пути въ районѣ своихъ операцій. Сравнительно съ тѣмъ, что они могли бы потребовать, зная безвыходность торговаго человѣка, въ особенности нуждающагося въ частыхъ переѣздахъ, пошлину эту можно назвать даже скромной, но хунхузы чрезвычайно строги къ аккуратности платежа и при малѣйшей просрочкѣ забираютъ своего кліента въ плѣнъ въ первый же его выѣздъ, подвергаютъ его всѣмъ обычнымъ понудительнымъ мѣрамъ, пока тотъ черезъ особаго посланца не извѣститъ друзей или семью, куда и сколько нужно прислать для выкупа его на свободу.

При наличности такихъ условій сочувствіе русскому желѣзнодорожному предпріятію въ Манчжуріи среди торговаго и промышленнаго люда является логически неизбѣжнымъ фактомъ; но, съ другой стороны, вѣковая замкнутость, традиціонное отвращеніе отъ всего иноземнаго представляютъ въ этомъ случаѣ достаточный противовѣсъ, чтобы намъ не обольщаться ролью желанныхъ гостей, несущихъ съ собою благодѣянія европейской культуры.

Сельское населеніе страны, какъ и всюду, наиболѣе консервативное, къ приходу русскихъ, повидимому, относится равнодушнѣе другихъ общественныхъ группъ, хотя по существу во-

просомъ объ улучшеніи путей сообщенія и объ истребленіи хунхузскаго промысла оно должно интересоваться едва ли не болѣе городскихъ жителей, потому что на его именно плечи хунхузскій терроръ ложится всею своею тяжестью.

II.

Какъ ни сомнительна полезность знаменныхъ войскъ Манчжуріи въ дѣлѣ преслѣдованія хунхузовъ, но всетаки, благодаря имъ, разбойники хоть по городамъ не хозяйничаютъ, какъ на большой дорогѣ или, по крайней мѣрѣ, рѣдко отваживаются туда проникать; деревни же, предоставленныя собственнымъ силамъ, всецѣло подчинены хунхузскому владычеству, и чѣмъ далѣе отъ центровъ, тѣмъ это владычество неограниченнѣе, тѣмъ болѣе рѣдки и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе убоги и самые поселки. Въ силу необходимости, за отсутствіемъ другихъ источниковъ фуража, хунхузы принуждены взвалить на нихъ свое прокормленіе. Впрочемъ, натуральныя повинности жителей не ограничиваются однимъ этимъ. Доставка провіанта, вьючныхъ лошадей, исполненіе разнаго рода работъ и порученій, часто весьма не двусмысленныхъ, какъ, напр., посылка гонцовъ съ требованіемъ выкупа, развѣдка о мѣстѣ пребыванія знаменныхъ отрядовъ, выслѣживаніе путешественниковъ, зачастую волей-неволей исполняются безотвѣтнымъ обитателемъ какой-нибудь глухой фанзы.

Ужасъ, вселяемый хунхузами мирному населенію, настолько великъ, и оно до того безпомощно противъ этихъ бродячихъ шаекъ, что любой китайскій крестьянинъ предпочтетъ вынести всякое истязаніе, но не выдастъ ни мѣста, гдѣ укрываются хунхузы, ни того пути, по которому они направились. Хунхузы не простятъ ему измѣны, даже если она вынуждена самой жестокой, чисто-китайской пыткой; возмездіемъ, которое неизбѣжно въ такомъ случаѣ постигнетъ его со всей семьей, будетъ смерть, нерѣдко сопровождается пытками.

При наличности такихъ условій, надежды на увеличеніе своего достатка являются для поселенца несбыточной мечтой.

У переселенца, живущаго вдали отъ города, есть только то, что хунхузы позволяютъ ему имѣть, все же выходящее изъ предѣловъ этого минимума отбирается ими. Отсюда понятна бѣдность сельскаго населенія и скудость его быта, которая удивляетъ иностранца, привыкшаго видѣть въ китайцѣ образецъ трудолюбія, искусства и педантичности въ земледѣльческихъ работахъ.

Иностранецъ и не ошибается: китайская выносливость и упорство въ трудѣ едва-ли имѣютъ соперниковъ, но здѣсь эти качества не приносятъ съ собой достатка: зажиточность дѣлаетъ поселянина предметомъ вниманія хунхузовъ, всегда плохо оканчи-

вающагося для тѣхъ, на кого оно обращается. Вполнѣ понятнымъ является стремленіе уйти изъ деревни, гдѣ собственность ничѣмъ не ограждена отъ грабежа, въ городъ,—стремленіе, свойственное каждому сколько-нибудь состоятельному поселенцу.

Гибельное вліяніе хунхузовъ на экономическую жизнь страны выражается не менѣе серьезнымъ образомъ и въ томъ еще, что громадныя пространства плодородной земли, вполнѣ пригодной подъ культуру и расположенной весьма удобно для успѣшнаго промышленнаго развитія, лежатъ втунѣ, являются непроизводительными, какъ зарытый и затерянный кладъ. Селиться на нихъ рѣшаются только самые безнадежные бѣдняки, вполнѣ несостоятельные, какъ піонеры хозяйства.

Такъ, напримѣръ, необозримыя пространства прекрасныхъ земель, выдерживающихъ культуру табака, по среднему теченію Суйфуна, выше впаденія въ него Сяо-Суйфуна совсѣмъ еще не тронуты плугомъ, такъ какъ никто не рискуетъ основаться тамъ для эксплуатаціи земли; въ верховьяхъ Ушагоу кое-гдѣ попадаются отдѣльныя фанзы, но обитатели ихъ въ хозяйственномъ смыслѣ совершенно нищи, у нихъ нѣтъ главнаго орудія хозяйства—скота; обработка почвы производится лопатой; обрабатываютъ лишь такой минимумъ земли, какимъ можно только-только предохранить себя отъ голодной смерти.

Оригинально, что во всѣхъ такихъ заброшенныхъ въ самую глушь фанзахъ наблюдается полное отсутствіе женскаго элемента. Надо думать, что здѣшніе поселенцы находятъ со своей стороны слишкомъ большой любезностью по отношенію къ хунхузамъ имѣть при себѣ женъ.

Отъ такихъ захудалыхъ поселянъ намъ часто приходилось слышать далеко не враждебные отзывы о хунхузахъ. По ихъ словамъ, хунхузы всегда аккуратно, а иногда и щедро расплачиваются съ ними за все, что берутъ, иногда же оголодавшій хунхузъ, отбившійся отъ шайки, заходитъ поѣсть или отдохнуть и если не заплатитъ, то никогда и не обидитъ. Многіе авторы книгъ о Манчжуріи, которымъ подобнаго рода факты становились извѣстны, спѣшили на основаніи ихъ навязать хунхузамъ роль мстителей богатымъ за бѣдняковъ, подобную той, какая сохранилась въ памяти нашего народа о волжскихъ атаманахъ, но едва-ли это, пожалуй, и красивое, но для китайскихъ условій слишкомъ романтическое представленіе можетъ найти себѣ подтвержденіе въ дѣйствительности. Если бы дѣло было такъ, то, конечно, хунхузы встрѣчали бы сочувствіе не у однихъ только заброшенныхъ хуторянъ въ глухихъ уголкахъ страны, но и повсюду въ народной массѣ можно было бы замѣтить хотя бы тайное доброжелательство къ нимъ, чего, однако, нигдѣ и ни разу мнѣ не приходилось наблюдать; напротивъ, для китайскаго простолюдина хунхузъ—разбойникъ въ самомъ подлинномъ смыслѣ этого слова,

и факты, подобные тому, что хунхузы свободно пропустили и одѣлили даже деньгами нѣсколькихъ нищихъ въ теченіе той недѣли, когда городъ Нингута былъ ими отрѣзанъ отъ станицы Полтавской, о чемъ я упоминалъ выше, такіе факты ни у кого здѣсь не измѣняютъ указаннаго господствующаго воззрѣнія на нихъ.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ весьма характеренъ назидательный разсказъ, очень здѣсь распространенный, въ которомъ ярко выражается осужденіе хунхузовъ даже въ случаѣ, смягчающемъ ихъ вину. Дѣло идетъ объ одномъ выходцѣ изъ Южнаго Китая, поселившемся на рѣкѣ Милинхѣ, притокѣ р. Муданъ-Дзянъ. Хозяйство его шло очень успѣшно, достатокъ быстро возросталъ и онъ уже мечталъ вернуться со своими сбереженіями на родину, гдѣ у него осталась семья, жившая въ нищетѣ,—но объ его благополучіи прослышали хунхузы; они пришли, отняли все накопленное добро, разорили его фанзу и оставили бѣдняка совершенно нищимъ. Кое-какъ, съ величайшимъ трудомъ и нѣкоторою помощью друзей онъ вновь обзавелся хозяйствомъ, снова успѣлъ сколотить копѣйку, но тутъ хунхузы снова вспомнили о немъ и разорили его окончательно во второй разъ. Тогда, видя безплодность своихъ трудовъ, доведенный до отчаянія, онъ рѣшилъ промыслить свое счастіе инымъ путемъ: собралъ около себя до полсотни такихъ же, какъ и онъ самъ, обездоленныхъ несчастливцевъ и ушелъ съ ними въ горы. Здѣсь, въ продолженіе четырехъ лѣтъ онъ жестоко преслѣдовалъ хунхузовъ, отнималъ у нихъ добычу и одновременно самъ грабилъ мирныхъ жителей. Этотъ промыселъ оказался доходнѣе его хозяйства. Черезъ четыре года онъ сталъ уже очень богатымъ человѣкомъ, распустилъ свою шайку и съ награбленными сокровищами вернулся на родину. На вопросы о происхожденіи его богатства онъ отвѣчалъ, что успѣшно велъ на чужбинѣ торговлю, и ему повѣрили. Празднуя благополучное возвращеніе главы дома, вся семья собралась въ домашней кумирнѣ, и тутъ бывшій хунхузъ, ставя передъ изображеніемъ Лао полную жертвенную чашу, молилъ божество о благополучіи своего дома, чтобы домъ этотъ всегда былъ полонъ, какъ приносимая имъ чаша. Едва онъ произнесъ свою молитву, какъ съ крикомъ: „отецъ“! старшій сынъ его палъ мертвымъ; вслѣдъ за этимъ, черезъ нѣсколько дней, ослѣпъ второй его сынъ. Сосѣди увидѣли въ этихъ несчастіяхъ грозную руку Коань-Шена, посланника великаго Лао. Всѣ поняли, что нажитое имъ богатство пріобрѣтено темнымъ путемъ; догадались, что на сѣверѣ онъ былъ хунхузомъ, и всѣ отвернулись отъ него; жена тоже покинула его, уводя съ собою остальныхъ дѣтей, чтобы не пала и на нихъ карающая десница разгнѣваннаго божества, и вчерашній дорогой и почетный гость остался одинокимъ отщепенцемъ среди всѣхъ. Что сталось съ нимъ — неизвѣстно, но не добромъ

нажитое богатство въ прокъ не идетъ: великій Лао рано или поздно покараетъ нечестивца.

III.

Манчжурія въ значительной части своей покрыта лѣсами, которые, при возможности широкой промышленной разработки, дали бы странѣ хорошій и вѣрный доходъ, заняли бы множество ищущихъ работы рукъ и, конечно, создали бы среди мѣстнаго населенія постоянный многочисленный контингентъ живущихъ отъ лѣса рубщиковъ, плотовщиковъ, сплавщиковъ, древодѣловъ разнаго рода; открыли бы постоянный рынокъ труда для тѣхъ бродячихъ выходцевъ изъ внутреннихъ провинцій, которые теперь по необходимости обращаются здѣсь чаще въ хунхузовъ, чѣмъ въ производительную рабочую силу, и, наконецъ, что едва-ли не важнѣе всего, разработка лѣса понизила бы стоимость крайне дорогого здѣсь топлива. Возможность всего этого болѣе чѣмъ сомнительна теперь, когда большая часть площади Манчжуріи фактически находится во власти хунгузовъ.

Древесные матеріалы въ лѣсистой Манчжуріи на городскихъ рынкахъ ея обращаются въ количествѣ далеко не удовлетворяющемъ спросу, и потому цѣны на нихъ стоятъ всегда высокія. Да иначе и быть не можетъ, потому что поставщиками этихъ матеріаловъ являются немногіе мелкіе лѣсопромышленники, такъ сказать, кустари,—обитатели дальнихъ горныхъ поселковъ, которые за свой страхъ, самоличнымъ трудомъ валятъ и сплавляютъ деревья, разумѣется, безъ всякой системы и даже намека на какое-либо хозяйственное пользованіе лѣсомъ, а исключительно руководясь соображеніями удобства вывозки и сплава. Къ разработкѣ лѣсныхъ богатствъ купеческіе капиталы вовсе не примѣняются, главнымъ образомъ потому, что самоличное наблюденіе за дѣломъ для человѣка состоятельнаго прямо опасно: ѣхать въ тайгу для него все равно, что ѣхать прямо въ плѣнъ къ хунхузамъ, а поручать эту выгодную, соблазнительную и трудно контролируемую операцію наемному приказчику дѣло тоже рискованное; въ результатѣ, благодаря, главнымъ образомъ, хунхузамъ, вся Манчжурія, при наличности огромной площади лѣсовъ, при довольно суровой зимѣ, отапливается какимъ-то мелкимъ и очень дорогимъ хворостомъ, связаннымъ въ пучки. Небогатый людъ отапливаетъ жилища исключительно однимъ хворостомъ.

Разумѣется, при этомъ условіи, мѣстные жители зимою и въ домахъ не разстаются съ теплымъ платьемъ до самой весны. Этому способствуетъ тутъ самое устройство жилыхъ домовъ, гдѣ не существуетъ печей въ нашемъ смыслѣ, пища варится на таганѣ, а для согрѣванія служитъ широкій канъ—низкая лежанка,

занимающая нерѣдко половину комнаты, согрѣваемая снизу спеціально устроенной топкой; на немъ семья располагается на ночь; на немъ же обѣдаютъ, сидятъ за работой.

Несомнѣнно, что при возможности вложить въ лѣсное дѣло средства людей состоятельныхъ Манчжурія заняла бы не послѣднее мѣсто на Тихоокеанскомъ побережьѣ по отпуску древесныхъ матеріаловъ за море. Объяснять положеніе лѣсопромышленности въ Манчжуріи вліяніемъ однихъ хунхузовъ было бы въ высокой степени односторонне. Но такъ смотрятъ на дѣло мѣстные купцы, и нельзя отрицать, что такое объясненіе упадка лѣсопромышленности, если даже не охватываетъ дѣла во всемъ его цѣломъ, то въ значительной степени всетаки остается вѣрнымъ, особенно для отдаленныхъ областей по верховьямъ Суйфуна, Гайхо и Малинхе, гдѣ лѣсная глушь является господствующимъ типомъ растительности и пейзажа. Авторитетъ китайской власти здѣсь существуетъ развѣ только для посмѣянія, и сама администрація страны ни мало на этотъ счетъ не заблуждается; но даже и въ болѣе людныхъ мѣстахъ правительство безсильно противъ хунхузовъ.

Послѣ одного изъ хунхузскихъ нападеній на изыскательную партію Н. А. Тиханова, начальнику нашей партіи пришлось бесѣдовать по этому поводу съ начальникомъ пограничнаго китайскаго поста въ г. Санчикоу. Онъ уже раньше нашего сообщенія узналъ о нашей перестрѣлкѣ съ хунхузами, и только смущенно разводилъ руками, повторяя на разные лады, что здѣсь мѣстность очень гористая, хунхузовъ много, и съ ними очень трудно бороться.

IV.

Какъ всегда и всюду крупное зло имѣетъ своей причиной другое, еще болѣе глубокое зло, такъ и Манчжурское разбойничество возникло и развивается за счетъ недочетовъ мѣстной администраціи. Ея подкупность и бездѣйствіе какъ бы молча поощряютъ дерзость грабителей, а ея ничѣмъ не ограниченный произволъ, при трогательномъ единодушіи, съ какимъ здѣсь одна властная рука моетъ другую, создаютъ массу оскорбленныхъ и недовольныхъ, массу озлобленныхъ людей, которые уходятъ „въ горы“, т. е. къ хунхузамъ, съ весьма понятнымъ чувствомъ мести къ тому обществу, гдѣ власть является привилегіей беззаконія.

Злоупотребленія всякаго рода особенно чувствительны, конечно, тамъ, гдѣ столкновенія съ начальствомъ всѣхъ степеней имѣютъ мѣсто чаще всего. Въ этомъ отношеніи китайскія войска доставляютъ своему офицерскому корпусу наибольшее число случаевъ проявить свой авторитетный и безапелляціонный произволъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ они же и являются главнымъ запасомъ, изъ

котораго комплектуются многочисленныя хунхузскія шайки. По увѣренію мѣстныхъ жителей, онѣ состоятъ на половину, если не на три четверти, изъ солдатъ-дезертировъ. Однако же, высказанное мною предположеніе, что ряды хунхузовъ пополнились въ значительной степени не малымъ числомъ бѣглецовъ изъ дѣйствующей арміи во время японско-китайской войны, встрѣчало постоянно самыя энергичныя опроверженія со стороны манчжурскихъ военныхъ властей и даже со стороны самихъ солдатъ. По ихъ словамъ, дезертиру не было бы никакой надобности укрываться у хунхузовъ; ему стоило бы только явиться къ начальнику какой-нибудь части, расположенной подальше отъ мѣста, откуда онъ бѣжалъ, и тамъ предложить свои услуги для дальнѣйшей службы; никто не сталъ бы его спрашивать, откуда онъ, и побѣгъ его остался бы тайной, извѣстной ему одному. Объясненію этому, очень, правда, характерному для порядковъ китайскаго войска, довѣряться едва ли можно, его слѣдуетъ разсматривать скорѣе какъ наивную попытку не уронить передъ иностранцемъ своего національнаго достоинства.

Изъ всѣхъ разсказовъ мѣстныхъ жителей о составѣ хунхузскихъ шаекъ необходимо заключить, что китайцы чаще дезертируютъ изъ подъ знаменъ, чѣмъ манчжуры, и что китайскій элементъ вообще преобладаетъ среди хунхузовъ, при чемъ не малую долю составляютъ между ними неудачники-переселенцы изъ южныхъ провинцій собственнаго Китая, Шандуна, Куанъ-Ли, Шень-Янъ и др., которые приходятъ на эту окраину въ надеждѣ заработка или съ разсчетомъ построить небольшую фанзу гдѣ-нибудь на укромномъ клочкѣ свободной земли и, обжившись, скопить побольше денегъ, чтобы съ ними вернуться на родину и снова начать безпечальное существованіе въ своей семьѣ подъ кровомъ родныхъ пенатовъ вблизи священныхъ могилъ своихъ предковъ. Въ другомъ мѣстѣ *) мы уже говорили объ этомъ оригинальномъ типѣ авантюриста-работника и фактотума-афериста, неутомимаго въ своей погонѣ за грошевой прибылью, болѣе чѣмъ невзыскательнаго въ своихъ запросахъ къ жизни, представляющаго собою что-то въ родѣ perpetum mobile въ его вѣчной трудовой хлопотливости.

Конечно, надежды этихъ выходцевъ очень часто не оправдываются, не смотря на всю скромность ихъ разсчетовъ.

Бездѣятельная въ промышленномъ смыслѣ окраина не можетъ поглотить всего предлагаемаго ей труда; обзаведеніе же хозяйствомъ земельнымъ, при отсутствіи всякаго необходимаго для того инвентаря и при наличности только пары собственныхъ, хотя бы и неутомимыхъ, рукъ, для значительнаго большинства остается только призрачной мечтой. Помаявшись до послѣдней край-

*) См. «Міръ Божій» 1900 г., № 8, стр. 273—274. «Въ Манчжуріи».

ности, въ конецъ изголодавшись и нигдѣ не находя ни помощи, ни сочувствія, такой искатель счастья въ отчаяніи уходитъ въ горы къ хунхузамъ и раздѣляетъ съ ними ихъ неблаговидный, но въ этихъ краяхъ болѣе вѣрный промыселъ.

Экономическіе факторы въ свою очередь сильно вліяютъ на усиленіе разбойничества въ странѣ. Китайскіе администраторы подмѣтили тотъ фактъ, что вздорожаніе продуктовъ первой необходимости всегда сопровождается усиленной дѣятельностью хунхузскихъ шаекъ; рабочіе съ золотыхъ пріисковъ, по самому характеру своего дѣла представляющіе элементъ неустойчивый и малонадежный, являются наиболѣе чуткими къ колебаніямъ цѣнъ на хлѣбъ, и даютъ наибольшій процентъ хунхузовъ въ годы неурожаевъ.

Зависимость между усиленіемъ разбоевъ и повышеніемъ цѣнъ на жизненные продукты давно поняты и высшей администраціей края—фудутунами (губернаторами) и дзянь-дзюнями (ген.-губернаторами). Поэтому, чтобы удержать цѣны на ихъ нормальномъ уровнѣ, при всякомъ вздорожаніи такихъ продуктовъ фудутуны издаютъ указы о запрещеніи вывоза ихъ за границу (въ Южно-Уссурійскій край). Своей цѣли эти запрещенія совершенно не достигаютъ, получаются даже результаты какъ разъ обратные; продажное китайское чиновничество извлекаетъ отсюда только новый источникъ усиленныхъ безгрѣшныхъ доходовъ, облагая купцовъ на хлѣбѣ, просѣ и проч. подобныхъ товаровъ своего рода вывозной пошлиной за негласный пропускъ ихъ черезъ границу. Населеніе же, вынужденное кормиться покупнымъ хлѣбомъ, платитъ купцамъ двойную премію: прибавку къ прежней цѣнѣ, вызываемую, наприм., плохимъ урожаемъ, и тотъ плюсъ, который цѣликомъ уходитъ на утоленіе алчности манчжурскихъ администраторовъ.

До чего по домашнему вершатся здѣсь дѣла, находящіяся въ вѣдѣніи чиновниковъ, видно, напримѣръ, изъ разсказовъ о нѣкоемъ Танѣ, главѣ многолюдной, свыше ста человѣкъ хунхузской шайки. Разсказы о немъ намъ приходилось слышать не разъ, постоянно въ однѣхъ и тѣхъ же версіяхъ, и потому мы приведемъ ихъ здѣсь, какъ характерную иллюстрацію мѣстныхъ нравовъ.

Когда-то, еще не будучи разбойникомъ, Танъ былъ старостой въ родной деревнѣ и самъ съ командою охотниковъ преслѣдовалъ хунхузовъ. Въ этомъ направленіи дѣйствовалъ онъ весьма энергично, такъ что односельчане его считали себя въ полной безопасности, пока былъ у нихъ Танъ. Однажды Танъ представилъ гиринскому генералъ-губернатору (дзянь-дзюню) пойманнаго имъ хунхуза; народная молва не объясняетъ почему, но генералъ-губернаторъ не только не наградилъ Тана, но даже отпустилъ самого плѣнника. Тана это возмутило и въ видѣ протеста онъ съ нѣсколькими столь же рѣшительными своими сподвижниками ушелъ

въ горы, гдѣ и укрывается уже восьмой годъ. Теперь это одинъ изъ самыхъ крупныхъ предпринимателей, если такъ можно выразиться о промыслѣ подобнаго рода, и какъ таковой онъ предоставляетъ мелкую добычу своимъ менѣе знаменитымъ коллегамъ, а самъ дѣлаетъ дѣла только тысячныя.

За годъ до нашего пріѣзда шайка его напала на большой дорогѣ на сына айгунскаго амбаня, который во время перестрѣлки былъ убитъ. Дерзость эта расшевелила манчжурскихъ эдиловъ. На розыски и поимку Тана двинуто было сразу 3000 солдатъ, но экспедиція, какъ оно въ большинствѣ случаевъ здѣсь бываетъ, осталась безуспѣшной, и смѣлый атаманъ, кстати сказать, пользующійся нѣкоторымъ боязливымъ почтеніемъ въ народной массѣ, гдѣ его считаютъ человѣкомъ весьма богатымъ, можетъ быть, и донынѣ продолжаетъ безнаказанно свою разбойничью дѣятельность.

Другая версія говоритъ о Танѣ слѣдующее: будучи старостой въ своемъ родномъ поселкѣ, онъ очень ревностно преслѣдовалъ хунхузовъ, набравши для этого многочисленный отрядъ охотниковъ; въ одной стычкѣ ему удалось разбить на голову крупную шайку въ 200 человѣкъ, изъ которыхъ въ живыхъ осталось только десять человѣкъ, попавшіе въ плѣнъ. Съ богатой добычей изъ слитковъ серебра и золота, отбитыхъ у разбойниковъ, съ плѣнными хунхузами явился Танъ къ амбаню (уѣздному начальнику). Требованіе послѣдняго о передачѣ ему всей отбитой у хунхузовъ добычи Танъ исполнить отказался и подалъ генералъ-губернатору жалобу на амбаня. Добыча присуждена была Тану, а между тѣмъ, пока шли суды да препирательства, команда Тана захватила еще семерыхъ хунхузовъ, которыхъ и передали тому же амбаню; но на зло своему противнику, амбань отпустилъ ихъ съ миромъ на всѣ четыре стороны; Танъ объ этомъ донесъ въ Гиринъ, и амбань черезъ нѣкоторое время былъ уволенъ; чтобы не остаться въ долгу у амбаня, Танъ тоже выпустилъ на волю троихъ захваченныхъ имъ хунхузовъ, за что и получилъ выговоръ отъ генералъ-губернатора. Это его крайне оскорбило и онъ изъ лютого преслѣдователя хунхузовъ немедленно же обратился въ союзника и компаньона своихъ вчерашнихъ враговъ; онъ ушелъ въ горы съ отборными людьми своей команды, гдѣ и сдѣлалъ себѣ блестящую разбойничью карьеру и пріобрѣлъ громкое имя, внушающее страхъ и трепетъ едва ли не всей Гиринской провинціи.

Въ приведенномъ разсказѣ отражается, правда, нѣсколько на своеобразный китайскій ладъ, сознаніе народной массы, приписывающей процвѣтаніе разбойничества грѣхамъ администраціи. Впрочемъ, это указаніе и не въ столь аллегорической формѣ приходилось намъ слышать изъ устъ многихъ нашихъ нингутскихъ знакомцевъ, которые прямо утверждаютъ, что „хунхузовъ много,— начальство плохо“.

V.

Мѣстное населеніе такъ часто сталкивается со случаями грабежа и разбоя, такъ привыкло къ этому явленію и близко ознакомилось съ ихъ героями, что въ бытность мою въ Манчжуріи мнѣ представилась возможность собрать у мѣстныхъ жителей коекакія свѣдѣнія о внутренней жизни, распорядкахъ и организаціи хунхузскихъ шаекъ.

Надо сказать, что китаецъ—промышленникъ, а слѣдовательно, и организаторъ по натурѣ; онъ умѣетъ внести регулярность и строй даже въ такое несовмѣстимое съ какими бы то ни было нормами занятіе, какъ пріобрѣтеніе чужой собственности по большимъ дорогамъ.

Каждая хунхузская шайка подчинена въ своихъ дѣйствіяхъ одному главарю, „хозяину", по установившейся здѣсь терминологіи, и этотъ „хозяинъ" является своего рода антрепренеромъ, а окружающіе его члены шайки—пайщиками общаго предпріятія. Въ роли „хозяина" выступаетъ обыкновенно какой-нибудь уже опытный дѣлецъ разбойничьяго цеха, успѣвшій стяжать себѣ нѣкоторую извѣстность; онъ становится вожакомъ и принимаетъ на себя всѣ заботы о содержаніи своей шайки; доставка припасовъ, обуви, одежды, оружія и патроновъ составляетъ его прямую обязанность. Отъ него же исключительно зависитъ и пріемъ новыхъ членовъ шайки, которые обыкновенно на первыхъ порахъ подвергаются нѣкоторому искусу и по усмотрѣнію „хозяина" болѣе или менѣе продолжительное время остаются въ роли носильщиковъ и слугъ; пребываніе въ такомъ подчиненномъ положеніи продолжается дольше для тѣхъ неофитовъ, которые являются къ нему безъ собственнаго оружія и получаютъ его впослѣдствіи отъ главы шайки (джангуйда); они, такимъ образомъ, какъ бы предварительно выплачиваютъ ему стоимость послѣдняго.

Главарь шайки, кромѣ хозяйственныхъ заботъ по снаряженію и содержанію своихъ сочленовъ, соединяетъ въ себѣ и роль, если можно такъ выразиться, предсѣдателя на совѣщаніяхъ относительно всякихъ предпріятій по части нападеній, ограбленій, выкупа за плѣнныхъ,—словомъ, по всѣмъ отраслямъ своей профессіональной дѣятельности, при всемъ томъ онъ располагаетъ и громадной властью въ кругу своихъ сподвижниковъ вплоть до права жизни и смерти, на которую обрекается всякій, дерзнувшій нарушить въ чемъ нибудь повиновеніе ему или даже отлучившійся безъ его разрѣшенія изъ шайки; послѣдній поступокъ разсматривается какъ измѣна и наказуется смертью, если виновный будетъ настигнутъ шайкой.

Все необходимое для жизни хунхузы стараются получить въ

видѣ выкупа за плѣнниковъ; если случаевъ къ тому не представляется, то они прибѣгаютъ къ услугамъ жителей горныхъ фанзъ, которые не могутъ, разумѣется, отказать въ пищѣ своимъ ближайшимъ голоднымъ сосѣдямъ. Впрочемъ, весьма понятный разсчетъ заставляетъ хунхузовъ расплачиваться съ этими поставщиками безобиднымъ для обѣихъ сторонъ образомъ. Если истощаются и эти источники пропитанія, хунхузы командируютъ изъ своей среды одного или двухъ, обыкновенно наименѣе въ ихъ профессіональномъ смыслѣ цѣнныхъ членовъ шайки, не имѣющихъ оружія („учениковъ"), съ лошадью или пѣшкомъ, для закупки нужныхъ предметовъ гдѣ нибудь въ болѣе людныхъ придорожныхъ мѣстахъ или даже въ самой Нингутѣ. Чаще всего съ такими порученіями отправляютъ новичковъ, недавно принятыхъ въ шайку, и они то именно, не смотря на всякія переодѣванія, не смотря на то, что не берутъ никогда съ собою оружія, нерѣдко, по неопытности, становятся добычею военныхъ патрулей, посылаемыхъ на розыски хунхузовъ. Этимъ путемъ и составляются тѣ сотни жертвъ палача, которыхъ ежегодно обезглавливаютъ въ Нингутѣ.

Наиболѣе же безопаснымъ и вѣрнымъ способомъ добыванія необходимыхъ предметовъ является выкупъ за плѣнниковъ, въ составъ котораго включается обыкновенно, кромѣ денежной суммы, еще и одежда разнаго рода, съѣстные припасы и т. п.

Самый сложный и трудный вопросъ для шайки составляетъ оружіе. Есть указанія, что агенты хунхузовъ въ значительныхъ количествахъ запасаются имъ во Владивостокѣ и Никольскомъ, гдѣ покупка винтовокъ Винчестера и другихъ иностранныхъ фабрикъ не стѣснена никакими формальностями; Шанхай въ этомъ отношеніи поставщикъ такой же неразборчивый и удобный. Въ этомъ мы имѣли возможность убѣдиться, разсматривая брошенные хунхузами патроны на мѣстѣ перестрѣлки, завязавшейся однажды между частью изыскательской партіи Н. А. Тиханова и хунхузской шайкой.

Въ другой разъ намъ пришлось видѣть отобранную у хунхуза, захваченнаго нашими рабочими, русскую берданку стараго образца, съ клеймомъ императорскаго тульскаго оружейнаго завода. Какимъ путемъ попала эта винтовка въ руки хунхузовъ, установить намъ не удалось; вмѣстѣ съ винтовкой достался рабочимъ также поясъ съ патронами, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ фабрикъ, но были между ними нѣсколько штукъ и съ клеймомъ гиринскаго патроннаго завода *). Повидимому, гильзами отъ патроновъ хунхузы весьма дорожатъ; патроны, отобранные у нашего плѣнника, носили на себѣ слѣды долговременнаго употребленія. Гильзы, очевидно, много уже разъ перезаряжались самымъ примитивнымъ способомъ.

*) Одинъ изъ нихъ до сихъ поръ хранится у автора

Что касается пороха, то, съ этой стороны, въ виду несложности операцій при изготовленіи его,—хунхузы не терпятъ особенныхъ затрудненій и постоянно располагаютъ достаточнымъ запасомъ этого самодѣльнаго и, конечно, плохого припаса.

Одинъ изъ братьевъ Худяковыхъ, извѣстныхъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ промышленниковъ, разсказывалъ, что на промыслахъ ему часто приходилось встрѣчаться съ хунхузами, и онъ видѣлъ, какъ хунхузы сами приготовляли порохъ. На фабрикацію хунхузами пороха указываетъ, между прочимъ, и постановленіе нингутинскаго фудутуна, нѣсколько разъ имъ подтвержденное, о запрещеніи аптекарямъ держать въ своихъ лавкахъ сѣру и селитру; конечно, запрещеніе это свидѣтельствуетъ только о добрыхъ намѣреніяхъ фудутуна, но такъ же мало способствуетъ ихъ осуществленію, какъ и многія другія постановленія мѣстныхъ властей.

VI.

Попеченіе о безопасности шайки составляетъ одну изъ первыхъ и важнѣйшихъ заботъ хозяина; онъ назначаетъ сторожевыхъ на бивакахъ и со всею строгостью слѣдитъ за исправностью часовыхъ по ночамъ; въ этомъ отношеніи хунхузы чрезвычайно бдительны, застать ихъ врасплохъ—вещь совершенно невозможная, и это объясняется какъ суровою дисциплиною, которой дружно подчиняются всѣ члены шайки, такъ и ужасами мучительной расправы, ожидающей хунхуза на судѣ, и неизбѣжной смертной казни въ случаѣ поимки.

Главарь командируетъ по своему усмотрѣнію того или другого члена шайки въ городъ, если представляется необходимость запастись тѣмъ или другимъ продуктомъ, который не удалось или не было возможности пріобрѣсти путемъ грабежа; въ этихъ случаяхъ нужные предметы, какъ мы уже говорили, пріобрѣтаются покупкою, но съ подобными порученіями отправляютъ только людей, потеря которыхъ для шайки не такъ чувствительна; для поддержанія же сношеній съ агентами въ городахъ, отъ которыхъ получаются обыкновенно свѣдѣнія о томъ, куда и кто выѣхалъ изъ купцовъ или иныхъ состоятельныхъ людей, посылаютъ уже только опытныхъ въ своемъ дѣлѣ, травленныхъ волковъ.

Заручившись такими свѣдѣніями, хунхузы спѣшатъ за своей добычей, но никогда при этомъ не нападаютъ на нее открыто, особенно если путешественника сопровождаютъ вооруженные люди; постоянная тактика ихъ заключается въ устройствѣ засады; если же приходится имъ неожиданно сталкиваться съ вооруженной силой, они спѣшатъ отступить за ближайшее прикрытіе, выбираютъ какую-нибудь возвышенность или скалу и уже оттуда

правильными залпами обстрѣливаютъ противника. Въ нашихъ столкновеніяхъ съ хунхузами, они всегда оставались вѣрны этому способу дѣйствій; молодечества, дерзости хунхузы не проявляютъ никогда, даже и въ минимальной дозѣ; это не хищники, не волки, а гіены, которыя рѣшаются бросаться прямо только на спящую жертву. Ночныя нападенія составляютъ также обычный ихъ пріемъ. Нерѣдко, переодѣтые въ военную форму, они являются на постоялые дворы или въ селенія, выдавая себя за солдатъ знаменнаго войска, посланныхъ для поимки скрывающейся по близости хунхузской шайки; останавливаются тамъ на дневку, а ночью, когда всѣ уснутъ, убиваютъ хозяевъ, собираютъ наиболѣе цѣнное имущество пріютившаго ихъ дома, угоняютъ вьючный скотъ у погонщиковъ и исчезаютъ.

Трудно, впрочемъ, и ждать какой-нибудь удали отъ полуголоднаго, истасканнаго потребителя опіума, какимъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ становится, въ концѣ концовъ, всякій хунхузъ, или какимъ онъ уже является въ горы къ принявшей его шайкѣ.

Любопытныя свѣдѣнія довелось намъ собрать о внутреннемъ бытѣ хунхузскихъ шаекъ, которыя впослѣдствіи отчасти подтвердились данными въ записной книжкѣ или, вѣрнѣе, приходорасходной книгѣ, найденными мною у хунхуза, захваченнаго нашими рабочими...

Распредѣленіе добычи между членами шайки подчиняется довольно точному учету; существуетъ даже правильная бухгалтерія для устраненія всякихъ недоразумѣній съ этой стороны. Принципы дѣлежа различны въ разныхъ шайкахъ; но вездѣ соблюдается то правило, что члены шайки, имѣющіе собственное оружіе, пользуются при этомъ нѣкоторымъ преимуществомъ передъ остальными. Въ однѣхъ шайкахъ добыча распредѣляется поровну, по числу паевъ, сообразно времени нахожденія хунхуза въ шайкѣ, хозяинъ же шайки беретъ себѣ бóльшую долю сравнительно съ остальными; въ другихъ шайкахъ на долю хозяина приходится одинаковое со всѣми членами число паевъ, но онъ имѣетъ право на половину пая тѣхъ членовъ шайки, которые при вступленіи получили отъ него оружіе. Всему, что выдано хунхузу до времени дѣлежки, ведется строгій реестръ и стоимость полученныхъ имъ предметовъ включается въ долю его при дѣлежѣ; только съѣстные припасы и вообще все относящееся къ прокорму не входятъ въ этотъ разсчетъ. Эта дѣлежка пріурочивается обыкновенно къ концу года, если шайка оперируетъ круглый годъ; если же на зиму члены ея расходятся по домамъ, то дѣла ликвидируются по осени. Въ книжкѣ, отобранной нами у захваченнаго рабочими хунхуза, мы имѣли примѣръ той мелочной аккуратности, съ которою хунхузы дѣлаютъ учетъ своимъ получкамъ, и поступленіямъ въ общую кассу, и расходамъ изъ нея. Здѣсь были отмѣтки о поступленіи въ шайку выкупа за

двухъ богатыхъ купцовъ, о серебряныхъ вещахъ, отнятыхъ на дорогѣ у проѣзжаго купца изъ Санчикоу и т. п., а рядомъ тщательно было записано, на какую сумму было забрано каждымъ изъ членовъ шайки обуви, платья, денегъ и другихъ вещей у хозяина шайки, при чемъ весьма значительная доля этихъ авансовъ записана была какъ расходъ на опіумъ. Тутъ же оказались размышленія автора по нашему адресу. Повидимому, писавшій истощилъ всѣ силы своего воображенія на самыя ужасныя проклятія, призвалъ на наши головы всѣ, какія только можно представить себѣ, бѣдствія и съ горечью заявлялъ, что, съ приходомъ нашимъ въ страну, царству хунхузовъ грозитъ конецъ.

VII.

Вступленіе нашихъ изыскательскихъ партій въ предѣлы Манчжуріи дало сильный толчекъ дѣятельности ея администраторовъ. Вѣроятно, для предупрежденія дипломатическихъ осложненій, которыя могли возникнуть, благодаря стычкамъ съ хунхузами, и опасностямъ, связаннымъ съ ними для нашихъ изыскательскихъ партій, въ 1897 году манчжурскія власти проявили усиленную дѣятельность противъ разбойничьихъ шаекъ, и военныя экспедиціи противъ нихъ стали высылать гораздо чаще прежняго.

Обыкновенно съ этой цѣлью командируется отрядъ большей или меньшей численности, смотря по составу преслѣдуемой шайки, на сколько можно составить о ней представленіе по слухамъ. Начальникъ такого отряда—шаугонъ—прежде всего, конечно, старается опредѣлить мѣсто, гдѣ хунхузы обыкновенно укрываются. Частыя сношенія съ ними жителей горныхъ фанзъ здѣсь всѣмъ хорошо извѣстны, и потому шаугонъ прямо къ нимъ и обращается съ дознаніемъ по этому вопросу. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно разсчитывать на правдивый отвѣтъ. Обыкновенно допрашиваемые отзываются полнымъ невѣдѣніемъ; тогда, чтобы сдѣлать ихъ сообщительнѣе, шаугонъ продолжаетъ свое дознаніе уже съ пристрастіемъ, т. е., другими словами, прибѣгаетъ къ пыткамъ. Въ ходъ пускаютъ сначала бамбуки, которыми бьютъ допрашиваемыхъ по икрамъ. Подъ бамбукомъ здѣсь не слѣдуетъ понимать бамбуковую палку, это лишь техническій терминъ заплечнаго ремесла, а на самомъ дѣлѣ орудіемъ пытки является просто длинная деревянная палка, шириною до 2 вершковъ и пальца въ полтора толщиной; дѣйствіе такого „бамбука“ до того ужасно, что уже послѣ 5—6 ударовъ выступаетъ кровь. Истязаніе длится иногда часами, шаугонъ, послѣ каждыхъ десяти ударовъ, вновь допрашиваетъ обвиняемаго, обѣщая прекратить пытку, если онъ ему откроетъ убѣжище хунхузовъ; отвѣтомъ служитъ обыкновенно упорное заявленіе о своемъ незнаніи.

Говорятъ, бываютъ случаи, что бамбуки обрываютъ все мясо чуть не до кости, а пытка всетаки остается безъ результата.

Кромѣ бамбуковъ, несчастныхъ подвергаютъ съ хладнокровной, чисто китайской жестокостью, всякимъ другимъ истязаніямъ, напр., подвѣшиваютъ допрашиваемаго за большіе пальцы къ дереву и оставляютъ висѣть на $^1/_2$ часа; или зажимаютъ въ согнутые колѣнные суставы длинную палку, на концы которой становятся солдаты и прижимаютъ колѣни къ камню или къ твердому полу; сажаютъ жертву на два камня, между которыми насыпаютъ горячихъ углей и раздуваютъ послѣдніе, поджаривая на нихъ обвиняемаго; этимъ, однако, не исчерпывается жестокая изобрѣтательность шаугоновъ, но мы пощадимъ нервы читателя и не будемъ говорить объ остальныхъ неистовствахъ, продѣлываемыхъ надъ убогими звѣроловами и земледѣльцами въ заброшенныхъ горныхъ фанзахъ.

Нечего говорить, что имущество злополучныхъ поселенцевъ въ этихъ случаяхъ расхищается самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, и если отряду не удается исполнить свою миссію относительно хунхузовъ, то, по крайней мѣрѣ, ни одинъ солдатъ не упускаетъ случая порадѣть о собственномъ благополучіи, унося изъ фанзы дорогія шкурки колонковъ, соболей, бѣлокъ и др., заготовленныя обитателями фанзъ на продажу—результатъ промысла за цѣлую зиму,—и захвативъ изъ утвари и припасовъ нехитраго хозяйства промышленника все, что представляетъ какую-нибудь цѣнность.

Всѣ пытки допрашиваемые выдерживаютъ въ большинствѣ случаевъ съ замѣчательною стойкостью, такъ что мѣстопребыванія разбойничьихъ шаекъ для отряда обыкновенно остается тайною; и шаугону, послѣ всѣхъ произведенныхъ имъ звѣрствъ, ничего больше не остается, какъ уйти ни съ чѣмъ во свояси, при чемъ обыкновенно злополучная фанза предается сожженію.

Стойкость горныхъ жителей объясняется въ данномъ случаѣ тѣмъ ужасомъ, которымъ окружено обыкновенно самое имя хунхузовъ. Послѣдніе неукоротимы въ своемъ мщеніи выдавшему ихъ поселенцу; его ждутъ мучительства, леденящія кровь при одной мысли о нихъ, и неизбѣжная смерть среди утонченныхъ истязаній и такая же смерть для всѣхъ его близкихъ. Шаугонъ, по крайней мѣрѣ, не замучитъ до смерти, а хунхузы навѣрное уже убьютъ. Это соображеніе даетъ бѣднякамъ силу вынести всѣ ужасы китайскаго допроса.

Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда пытаемый не выдерживаетъ мученій и открываетъ убѣжище шайки, шаугонъ, по его указанію, отправляетъ свои главныя силы въ обходъ преслѣдуемыхъ, а небольшую горсть стрѣлковъ оставляетъ у подошвы горы, чтобы отвлечь вниманіе хунхузовъ. Оставшіеся подъ горой солдаты вызываютъ непріятеля на перестрѣлку, въ жару которой обход-

ному отряду удается иногда, незамѣтно и безшумно поднимаясь по уступамъ, захватить хунхузовъ или всѣхъ сразу, или по одиночкѣ. Застигнутые врасплохъ разбойники въ такихъ случаяхъ сдаются безъ боя. Если во время перестрѣлки бываютъ убитые хунхузы, то тѣла ихъ обезглавливаются и оставляются въ добычу дикому звѣрю и птицѣ, а головы подвѣшиваются въ особыхъ деревянныхъ клѣткахъ къ деревьямъ по большимъ проѣзжимъ дорогамъ; такихъ кровавыхъ трофеевъ, развѣшанныхъ на страхъ врагамъ, путешественникъ встрѣчаетъ обыкновенно довольно много. Впрочемъ, кромѣ зловонія, слышнаго еще издали, никакого другого результата эти грозныя предостереженія не оказываютъ: на мѣсто, каждой мертвой головы въ рядахъ хунхузовъ появляются очень скоро новыя живыя головы.

Надо, впрочемъ, оговориться, что военные патрули, посылаемые противъ хунхузовъ, крайне рѣдко нападаютъ на нихъ сами—особенно когда тѣ показываются въ полномъ составѣ своей шайки—и даже, по словамъ людей, хорошо знающихъ положеніе дѣлъ въ краѣ, уклоняются отъ такихъ столкновеній, быть можетъ, потому, что въ составѣ такихъ патрулей обыкновенно бываетъ не болѣе 25 человѣкъ, тогда какъ со стороны хунхузовъ часто могутъ быть выставлены противъ нихъ силы гораздо болѣе значительныя. Можетъ быть, причиной тутъ оказывается и недостаточное могущество тѣхъ амулетовъ изъ тигровой кости, которые манчжурскіе солдаты берутъ съ собой въ походы, надѣясь такимъ образомъ пріобрѣсти храбрость и силу тигра. Въ руки патруля попадаютъ обыкновенно только бѣдняки, отчаявшіеся, за отсутствіемъ работы, прожить честнымъ трудомъ и уходящіе въ горы, спасаясь отъ голодной смерти; такіе-то еще не пристроившіеся къ какой-нибудь шайкѣ, истощенные бродяги, да еще новички, посылаемые начальниками шайки съ разными порученіями въ городъ, и составляютъ обычные трофеи шаугоновъ *), начальниковъ отряда; къ нимъ нерѣдко присоединяютъ и вполнѣ безобидныхъ искателей корня жень-шень и звѣроловов, если тѣ почему-нибудь, хотя бы по самому нелѣпому поводу, покажутся подозрительными предводителю отряда, который въ досадѣ на безплодность своихъ преслѣдованій всегда очень склоненъ видѣть укрывателя хунхузовъ въ каждомъ, кто по своей профессіи—нерѣдко самой безобидной, какъ, напр., собираніе грибовъ—бродитъ въ горныхъ пустынныхъ областяхъ края.

Однаждый знакомый шаугонъ, разсказывая о своихъ походахъ противъ хунхузовъ, съ большою увѣренностью замѣтилъ, что онъ считаетъ долгомъ поймать, заковать въ цѣпи и подвергнуть пыткѣ всякаго, кто при приближеніи солдатъ къ какой-нибудь фанзѣ бѣжитъ изъ нея въ горы съ котомкой за плечами:

*) Шаугонъ—чинъ, соотвѣтствующій нашему поручику.

это навѣрное хунхузъ. Насколько такой признакъ неоспоримъ, читатель самъ рѣшитъ, конечно, принявъ въ разсчетъ мѣстные нравы и порядокъ дознанія, практикуемый шаугонами, о которомъ только что мы говорили. Оружіе и награбленное добро, какое удается отобрать у захваченныхъ хунхузовъ, по положенію, должно быть отсылаемо къ дзянь-дзюню (генералъ-губернатору) въ Гиринъ. Изъ собираемыхъ, такимъ образомъ, суммъ время отъ времени участникамъ экспедицій противъ разбойниковъ выдаются награды по числу представленныхъ каждымъ отрядомъ плѣнниковъ; размѣръ этихъ наградъ колеблется, примѣрно, между 5 и 25 дяо, что на наши деньги составитъ отъ 2 руб. 75 коп. до 13 р. 75 коп. Конечно, солдаты, захватившіе хунхуза, при которомъ есть на лицо цѣнное имущество, не всегда бываютъ склонны ожидать скромнаго поощренія дзяньдзюня и предпочитаютъ сами наградить свое усердіе. Съ другой стороны, такого рода награды являются для солдатъ искушеніемъ зарекомендовать свою дѣятельность на счетъ разныхъ злополучныхъ и вполнѣ безобидныхъ тружениковъ вродѣ искателей корня жень-шеня, собирателей цѣлебныхъ травъ и съѣдобныхъ грибовъ; эти бѣдняки частенько фигурируютъ передъ китайскимъ судомъ по совершенно недоказанному обвиненію въ разбоѣ, и послѣ мучительныхъ пытокъ, сопровождающихъ китайскій допросъ, совершенно истерзанные духомъ и тѣломъ, наряду съ дѣйствительными хунхузами склоняютъ свою голову подъ сѣкиру палача.

Безуспѣшность дѣйствій манчжурскихъ иррегулярныхъ и регулярныхъ китайскихъ отрядовъ въ борьбѣ съ хунхузами, кромѣ всѣхъ указанныхъ раньше причинъ, объясняется еще въ значительной мѣрѣ распущенностью солдатъ, полнѣйшимъ отсутствіемъ дисциплины и безнравственностью самого начальства. Военные порядки здѣсь до того отвратительны, что въ рядахъ тѣхъ самыхъ войсковыхъ частей, которыя командируются для поимки хунхузовъ, послѣдніе имѣютъ нерѣдко своихъ агентовъ и отъ нихъ во время узнаютъ, какъ о времени выступленія, такъ и о направленіи отряда; планъ дѣйствій, предпринимаемыхъ шаугономъ, равнымъ образомъ никогда не остается для нихъ тайной; такъ, по крайней мѣрѣ, съ увѣренностью утверждаютъ всѣ мѣстные старожилы, и мы должны признаться, что общее впечатлѣніе отъ манчжурскихъ войскъ и весь складъ жизни этого края никакъ не можетъ породить сомнѣнія въ справедливости такихъ указаній; болѣе того, скорѣе можно даже предположить, что иногда въ случаѣ крупныхъ грабежей, послѣдніе совершаются не безъ косвеннаго участія хотя бы солдатъ.

Въ бытность нашу въ Нингутѣ какъ разъ произошелъ характерный въ этомъ отношеніи случай. Одна богатая торговая фирма должна была перевезти въ Гиринъ большой транспортъ серебра

на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. По просьбѣ фирмы для конвоированія груза былъ назначенъ довольно многолюдный отрядъ пѣхоты подъ командой шаугона. Путь до Гирина, при медленной ѣздѣ съ тяжелой кладью, длится нѣсколько дней, а между тѣмъ, шаугонъ со своими людьми вернулся въ г. Нингуту уже на вторыя сутки. На вопросъ знаменнаго начальника, почему конвой не проводилъ купцовъ до конца ихъ пути, шаугонъ заявилъ, что съ нимъ на дорогѣ случилось несчастіе, и онъ не могъ слѣдовать далѣе за транспортомъ; это несчастіе, какъ оказалось, ограничилось только паденіемъ съ лошади и царапиной на рукѣ при спускѣ съ горы. Между тѣмъ, не успѣли еще покинутые охраной купцы проѣхать и пяти верстъ, какъ были настигнуты хунхузами и ограблены до чиста. Сколько ни ждали мы военнаго суда надъ этимъ не въ мѣру мнительнымъ военачальникомъ, суда никакого не дождались; можно съ увѣренностью сказать, что значительная доля серебряныхъ слитковъ перешла къ шаугону.

VIII.

Шаугонъ, взявшій какого-нибудь дѣйствительнаго или предполагаемаго хунхуза, первый же и допрашиваетъ его. Допросъ сводится къ полученію указаній о числѣ членовъ шайки, ея мѣстопребываніи и о тѣхъ преступленіяхъ, которыя обвиняемый совершилъ. Если отвѣты арестованнаго не удовлетворяютъ шаугона или если тотъ отказывается вовсе отвѣчать, допросъ сопровождается пытками такими же, какимъ подвергаютъ и жителей горныхъ фанзъ, добиваясь отъ нихъ указаній на убѣжище разбойниковъ. Иногда арестованнаго передаютъ другому отряду, который доставляетъ его въ ямынь, въ г. Нингуту, и въ этомъ случаѣ несчастному предстоятъ новыя истязанія и новые допросы. Не всегда, однако, пытки эти имѣютъ цѣлью раскрытіе преступленій: шаугоны пользуются ими какъ источникомъ дохода, предлагая истязуемому внести выкупъ за свою свободу. Присутствуя однажды въ г. Нингутѣ на судѣ надъ хунхузами, я слышалъ, какъ изможденный и уже довольно ветхій старикъ, котораго обвиняли въ принадлежности къ одной изъ разбойничьихъ шаекъ, упорно отрицалъ свою виновность, утверждая, что онъ ходилъ въ горы собирать цѣлебныя травы; въ концѣ допроса, послѣ пытокъ, онъ заявилъ судьѣ, что шаугонъ, взявшій его въ горахъ, предлагалъ ему свободу, если имъ будетъ уплачена приличная сумма.

Подобныя заявленія на судѣ не являются большой рѣдкостью. Заявленію старика, какъ это всегда тутъ дѣлается, ходу не дали.

Пойманныхъ хунхузовъ въ оковахъ и съ колодками на но-

гахъ приводятъ прежде всего въ судъ при ямынѣ *). Здѣсь производится судъ надъ хунхузами, который заканчивается обыкновенно стереотипнымъ приговоромъ къ смертной казни черезъ обезглавленіе. До прибытія судьи хунхузы остаются во дворѣ ямыня; у воротъ послѣдняго оставляютъ часового, а при телѣгахъ съ арестованными становятся вооруженные солдаты конвоировавшаго ихъ отряда. При этомъ можно наблюдать сцены, не то умилительныя по своей идилличности, не то ужасающія по степени равнодушія къ чужому страданію и безднѣ апатическаго спокойствія, какія въ нихъ проявляются. Солдаты перекидываются шуточками со своими арестантами, угощаютъ ихъ табакомъ, очень весело комментируютъ предстоящія послѣднимъ особенности китайской тюрьмы и отвратительныя подробности казни; хунгузы также непринужденно отвѣчаютъ своимъ стражамъ на всѣ эти щекотливыя подтруниванія. Понемногу дворъ ямыня наполняется толпою любопытныхъ, плотною стѣною окружающихъ телѣги съ хунхузами. Часовой, поставленный у воротъ ямыня для того именно, чтобы никого не допускать во дворъ суда, понимаетъ, какъ оказывается, свое назначеніе нѣсколько односторонне и находитъ возможнымъ дѣлать исключенія для нѣкоторыхъ, руководствуясь при этомъ количествомъ чоховъ (мелкой монеты въ 0,1 коп. цѣною), какое предлагаютъ ему любопытные. Черезъ щели забора, ограждающаго дворъ, смотрятъ на хунхузовъ также сотни жадныхъ глазъ. Появляется затѣмъ посланный отъ судьи и предупреждаетъ о скоромъ его прибытіи. Хунхузовъ снимаютъ съ телѣгъ,—сами они сойти не могутъ, такъ какъ ноги ихъ забиты въ колодки, сажаютъ ихъ у дверей судебной камеры, а низшіе чины суда опрашиваютъ ихъ имена, освѣдомляются о находящемся при нихъ имуществѣ и надѣваютъ имъ на шею цѣпь, концы которой привязываютъ къ поясу арестованныхъ. Наконецъ, въ ямынь пріѣзжаетъ судья, и обвиняемыхъ поодиночкѣ ведутъ къ допросу; посреди полутемной и грязной камеры суда обвиняемаго ставятъ на колѣни передъ судьей, возсѣдающемъ на канѣ (лежанкѣ) въ красной форменной хурмѣ **).

Судья обращается къ подсудимому съ краткой рѣчью такого содержанія: тебя взяли и привели сюда солдаты за то, что ты занимался разбоемъ. Я здѣсь не при чемъ: мое дѣло только судить тебя, а твое—говорить мнѣ всю правду. Затѣмъ начинается допросъ о числѣ убитыхъ и ограбленныхъ подсудимымъ жертвъ; вопросовъ о членахъ шайки, о ея мѣстопребываніи, объ ея агентахъ подсудимому не задаютъ, судъ имѣетъ дѣло только съ лич-

*) Такъ называются здѣсь присутственныя мѣста.

**) Въ Манчжуріи нѣтъ строгаго разграниченія судебной и административной власти, и судьей по дѣламъ уголовнымъ является старшій помощникъ фудутуна (губернатора), по гражданскимъ—младшій его помощникъ.

ностью обвиняемаго и съ преступленіями, только имъ совершонными. Почти никогда на эти вопросы не отвѣчаютъ сознаніемъ. Чтобы вынудить послѣднее, судья приказываетъ пустить въ ходъ бамбуки, и тутъ иногда обнаруживается, что ноги несчастнаго представляютъ уже сплошную кровавую рану отъ истязаній, произведенныхъ усердіемъ шаугона; въ такихъ случаяхъ бамбуки отмѣняются и вмѣсто нихъ употребляется иной не менѣе варварскій пріемъ дознанія: двое солдатъ съ полосами толстой кожи въ рукахъ становятся рядомъ съ подсудимымъ и по очереди со всей силы наносятъ ему этими полосами удары по щекамъ. Сначала подсудимый пытается ослабить ударъ, надувая щеки, но палачи для удара выжидаютъ моментъ, когда щека опадаетъ, и послѣ пяти-шести ударовъ щеки подсудимаго багровѣютъ, изо рта показывается кровь, и бѣдняга уже не пытается защищаться какъ бы то ни было. Судья вновь предлагаетъ свои вопросы и если отвѣтъ снова слѣдуетъ отрицательный, измученнаго подсудимаго отправляютъ въ тюрьму, чтобы черезъ 8 дней, когда тотъ немного отдохнетъ отъ первой пытки, допрашивать его снова съ такими же или еще худшими истязаніями. При мнѣ былъ случай, что подсудимого уже въ третій разъ водили къ допросу, въ третій разъ подвергали его пыткѣ и все безрезультатно. Это былъ старикъ, все время твердившій, что онъ искатель женьшеня. Послѣ новаго отрицанія своей вины, старикъ былъ поставленъ голыми колѣнами на свернутую спиралью желѣзную цѣпь, въ колѣнные суставы его ногъ (между бедромъ и голенью) заложена была длинная палка и на концы ея, по приказанію судьи, стало два солдата по одному съ каждой стороны; подсудимый продолжалъ отрицать обвиненія; судья велѣлъ на концы палки встать еще по одному солдату. Цѣпь врѣзалась въ тѣло, выдавливая капли крови, кости захрустѣли, старикъ побѣлѣлъ, какъ снѣгъ, и холодный потъ покатился крупными каплями съ его лба, а онъ все еще съ помутившимся взоромъ коснѣющимъ языкомъ повторялъ, что онъ только собиратель жень-шеня. Мы не могли долѣе смотрѣть на эту потрясающую картину и вышли изъ мрачнаго китайскаго застѣнка, не дождавшись конца допроса. Старикъ выдержалъ и эту пытку; его снова отвезли въ тюрьму, чтобы черезъ недѣлю подвергнуть какому-нибудь еще болѣе жестокому истязанію.

Но такую стойкость обнаруживаютъ весьма рѣдкіе подсудимые. Большинство не выдерживаетъ пытокъ и сразу сознается, въ чемъ бы ни обвинили ихъ судьи. Люди, завѣдомо невинные, арестованные безъ всякихъ серьезныхъ основаній,—наговариваютъ на себя всякія преступленія, лишь бы избавиться отъ мученій. Слѣдственное производство посылаютъ обыкновенно въ Гиринъ къ дзяньдзюню (генералъ-губернатору) провинціи и тотъ утверждаетъ приговоръ. Весь судебный процессъ, считая тутъ же время на

утвержденіе приговора въ Гиринѣ, длится $1^1/_2$—2 мѣсяца. Эта провѣрочная инстанція, разумѣется, ни мало не гарантируетъ несчастныхъ, захваченныхъ за одно съ хунхузами, и они также неизбѣжно складываютъ свои головы подъ ударомъ палача. Такихъ безвинно-пострадавшихъ, по словамъ нингутинскаго тюремщика, не менѣе трети всего числа казненыхъ. Всѣ эти бѣдняки обыкновенно народъ безъ роду и племени, за которыхъ некому заступиться. Если, на счастье, у кого-нибудь есть въ Нингутѣ, близкіе люди, то его могутъ взять на поруки; но это можетъ произойти въ томъ лишь случаѣ, когда онъ выдержалъ первые пріемы пытки и подъ ея вліяніемъ не взвелъ на себя напраслины, чтобы только избавиться отъ страданій. Обвиняемаго въ такомъ случаѣ передаютъ поручителямъ, и по духу китайскаго закона порукой здѣсь является доброе имя и слово послѣднихъ, на практикѣ же поручительство осуществляется при условіи хорошаго подарка помощнику фудутуна сообразно достатку лицъ, принимающихъ на себя отвѣтственность за подсудимаго. Помощникъ же фудутуна, въ силу всѣмъ извѣстнаго обычая, отъ себя уже предлагаетъ половину полученной имъ суммы своему непосредственному начальнику—фудутуну области.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда на судебномъ разбирательствѣ виновность подсудимаго не удается установить, а между тѣмъ, онъ доставленъ въ судъ шаугономъ по обвиненію въ разбоѣ, его оставляютъ въ подозрѣніи и заточаютъ въ тюрьму, что по состоянію китайскихъ тюремъ равносильно той же, но только медленной смертной казни.

IX.

Китайскія тюрьмы представляютъ изъ себя ужасные вертепы безъ воздуха и свѣта, отвратительныя, грязныя и невыносимо зловонныя. Для хунхузовъ тягость пребыванія въ нихъ усиливается еще особенною суровостью примѣняемаго къ нимъ режима. Отъ остальныхъ заключенныхъ ихъ отдѣляетъ прочная деревянная рѣшетка, и здѣсь съ цѣпью на шеѣ, которою они примыкаются къ стѣнѣ своей темницы, съ цѣпями на рукахъ и съ набитыми на ноги колодками, хунхузы сидятъ на голой землѣ, ни лѣтомъ, ни зимою не имѣя ничего для подстилки на ночь, ни для защиты отъ холода. Малѣйшія попытки завести разговоръ между собою или съ другими заключенными наказываются плетью. Возмутительная жестокость этого режима усиливается еще строгимъ запрещеніемъ для хунхузовъ имѣть какую бы то ни было работу. При нашемъ посѣщеніи нингутинской тюрьмы смотритель ея указалъ намъ на одного заключеннаго, уже нѣсколько лѣтъ томящагося тамъ по подозрѣнію въ принадлеж-

ности къ хунхузской шайкѣ. По глубокому убѣжденію смотрителя, бѣднякъ совершенно неповинно сидѣлъ въ тюрьмѣ. Другіе заключенные, не хунхузы, говорили, что некому за него поручиться: люди, хорошо его знающіе, такіе же голяки, какъ и самъ онъ, а безъ соотвѣтствующаго подарка судьѣ его не выпустятъ на поруки. Намъ, какъ иностранцамъ, говорили они, фудутунъ не откажетъ въ просьбѣ, если мы захотимъ поручиться за бѣднягу, столько натерпѣвшагося безо всякой вины; все преступленіе его состояло въ томъ только, что онъ не поостерегся и попалъ въ руки раздосадованнаго тщетными поисками патруля, встрѣтившись съ нимъ въ горахъ за своимъ обычнымъ занятіемъ—собираніемъ нѣкоторыхъ породъ древесныхъ грибовъ, имѣющихъ какое-то примѣненіе при приготовленіи китайскихъ лѣкарствъ.

Конецъ тюремнымъ ужасамъ для хунхуза наступаетъ въ день его казни. Вѣсть объ утвержденіи приговора собираетъ къ воротамъ тюрьмы толпы любопытныхъ. Часовъ въ 10 утра появляется и конвой, взводъ кавалеріи, для сопровожденія печальнаго кортежа, появляется затѣмъ начальникъ губернаторской стражи, передъ которымъ развѣвается парадное знамя ярко-краснаго цвѣта; осужденныхъ сажаютъ на телѣги попрежнему въ цѣпяхъ и съ колодками на ногахъ. По заунывному сигналу, подаваемому начальникомъ конвоя, весь этотъ поѣздъ вскачь пускается по большой гиринской дорогѣ. Приблизительно въ верстѣ отъ города, на широкой полянѣ совершается обыкновенно послѣдній кровавый актъ китайскаго правосудія. Народъ бѣгомъ спѣшитъ за осужденными, толкая другъ друга, чтобы не запоздать къ моменту казни. Осужденные обыкновенно держатъ себя со спокойствіемъ, близкимъ къ равнодушію, молодые хунхузы даже бравируютъ и на тряскомъ ходу неуклюжей китайской повозки произносятъ иногда хвастливыя рѣчи. Мнѣ однажды пришлось слышать, какъ одинъ хунхузъ, мальчуганъ лѣтъ шестнадцати, кричалъ толпѣ, что онъ не боится смерти; что черезъ 16 лѣтъ онъ снова появится на землѣ и опять сдѣлается хунхузомъ. И можно было замѣтить, что эти фразы далеко не всѣми встрѣчались съ недовѣріемъ.

Но вотъ и лобное мѣсто. Повозки останавливаются на открытой, ровной полянѣ, солдаты немедленно стаскиваютъ съ нихъ приговоренныхъ и ставятъ ихъ на колѣни въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги. Тотчасъ же помощникъ палача схватываетъ хунхуза за косу и сильно нагибаетъ ему голову впередъ; палачъ заноситъ надъ жертвой широкую саблю и ловкимъ ударомъ прекращаетъ ея тяжелые дни. Если ударъ былъ не вѣренъ и голова не свалилась съ плечъ, то помощникъ палача съ ножемъ въ рукѣ бросается дорѣзать осужденному горло. Все это совершается быстро, сразу, не давая окружающей толпѣ оцѣнить впечатлѣніе страшной картины. Густая масса народа вокругъ мѣста казни

стоитъ плотною, какъ бы окаменѣвшею въ своей неподвижности, стѣною, и только когда блеснетъ, опускаясь на обреченную голову, широкая сабля палача, какой-то глухой гулъ проносится надъ мѣстомъ казни, точно тяжелый вздохъ огромнаго больного тѣла.

Едва свалилась съ плечъ послѣдняя голова, конвой круто поворачиваетъ и такъ же стремительно возвращается въ городъ, палачъ же со своимъ помощникомъ снимаютъ съ казненыхъ цѣпи, сбиваютъ колодки и сдираютъ платье, чтобы потомъ при случаѣ продать его какому-нибудь бѣдняку. Головы казненыхъ переходятъ въ толпѣ изъ рукъ въ руки и слышатся грубыя шутки на ихъ счетъ; обнаженные трупы палачи сваливаютъ въ одну кучу, тамъ же въ рядъ ставятъ на землѣ срубленныя головы. Постепенно народъ, насытившись отвратительнымъ кровавымъ зрѣлищемъ, расходится по домамъ.

На смѣну являются собаки. Весь вечеръ, до глубокой ночи, на мѣстѣ казни слышно злобное урчаніе, грызня и вой голодныхъ городскихъ псовъ. Часто вблизи манчжурскихъ городовъ путешественнику попадаются на дорогѣ обглоданныя кости человѣческаго скелета — это слѣды собачьей тризны на трупахъ казненыхъ хунхузовъ.

Надо здѣсь замѣтить, кстати, что палачъ въ манчжурскомъ обществѣ не испытываетъ такой презрительной исключительности, какая выпадаетъ на долю этой отталкивающей профессіи почти повсюду. Исполнивъ свое дѣло, онъ обходитъ въ городѣ всѣ мясныя лавки и получаетъ въ подарокъ отъ хозяина каждой изъ нихъ кусокъ красной матеріи. Обычай этотъ намъ объяснили тѣмъ, что палачъ — старшій членъ мясницкаго цеха; мясникъ бьетъ простую скотину, а онъ двуногую и одаренную словомъ. Фудутунъ также обыкновенно посылаетъ палачу кусокъ краснаго холста для вытиранія его окровавленной сабли.

П. Лобза.

Новыя книги.

А. Ф. Мейснеръ. Стихотворенія. 2-е изд. Спб. 1902.

Л. Яффе. Грядущее. Стихотворенія. Гродна. 1902.

Г. Мейснеръ пишетъ о поэзіи:

И на землѣ, и въ горнемъ океанѣ:—
Она вездѣ волшебно разлита,
Въ огнѣ зари и въ облачномъ туманѣ,
И тамъ, гдѣ жизнь, *и тамъ, гдѣ пустота*!

Если бы нужно было доказывать, что поэзіи не можетъ быть „тамъ, гдѣ пустота", то лучшей иллюстраціей для этого могла бы служить книжка стиховъ г. Мейснера... Стихи гладкіе, звучные, вполнѣ, повидимому, приличные, и, тѣмъ не менѣе, читая ихъ, испытываешь все время убійственную скуку. Точно о самомъ себѣ выразился въ одномъ мѣстѣ авторъ: „Одинъ лишь разумъ, разумъ скучный, все проза, проза безъ конца"... Положительно не на чемъ остановиться въ этихъ стихахъ; ничто не подниметъ васъ, не взволнуетъ свѣтлымъ порывомъ, не заставитъ задуматься, словно будто читаешь рядъ донесеній въ департаментъ эстетики и піитики о томъ, что на Парнасѣ все обстоитъ благополучно!

Впрочемъ, иногда изъ-подъ поэтической тоги г. Мейснера самымъ непоэтическимъ образомъ выглядываетъ кончикъ засаленнаго халата, обличающій довольно примитивные вкусы автора. Таковы стихотворенія „Соломонова мудрость", „Крестьянскій праздникъ", „Грибы". Какъ вамъ нравится, напр., такая идиллія? Барышня мечтаетъ нарядиться крестьянкой и отправиться въ лѣсъ.

Тамъ сосѣдъ-помѣщикъ въ мигъ меня примѣтитъ,
Будетъ тамъ источникъ (sic!) всей моей судьбы;
Тамъ моя улыбка взоръ его освѣтитъ...
Ахъ, ужъ какъ пріятно собирать грибы!
. . . .
На пути обратномъ, пробираясь въ чащѣ,
Чуть поднявши платье, ножку обнажу...
Сердце въ немъ забьется и сильнѣй, и чаще,
Я однимъ лишь взглядомъ *все* ему скажу.
Дождь, быть можетъ, брызнетъ—и въ лѣсу дремучемъ
Мы пріютъ отыщемъ; тамъ, не безъ борьбы,
Я его встревожу поцѣлуемъ жгучимъ...
Ахъ, ужъ какъ пріятно собирать грибы!

Съ невольнымъ облегченіемъ переходишь отъ такихъ стиховъ къ небольшой книжечкѣ г. Яффе: изъ затхлой атмосферы банальщины и пошлости здѣсь сразу попадаешь на свѣжій, чистый воздухъ искренняго чувства и серьезнаго убѣжденія. Можетъ быть, читатель не раздѣлитъ этого убѣжденія; можетъ быть, стихи г. Яффе не доставятъ ему художественнаго наслажденія, но глубина и искренность страданія, изъ котораго эти стихи, несомнѣнно, вытекли, всетаки подкупятъ его, и онъ прочтетъ ихъ съ вниманіемъ и сочувствіемъ. Г. Яффе—пламенный сіонистъ, и пѣсни его всецѣло посвящены родному народу и его страданіямъ.

Ужъ больше нѣтъ силы сносить этотъ гнетъ,
    Позоръ и гоненье народа...
Отчаянно сердце больное зоветъ:
    Исхода! Исхода! Исхода!

Одно желаніе и одна мечта вдохновляютъ его—возможность сказать, наконецъ: „Мы—дома, у насъ есть свой уголъ, гдѣ не

оскорбятъ нашего человѣческаго достоинства". Относитесь, какъ угодно, къ этой мечтѣ, зовите ее неосуществимой фантазіей, вы должны все же признать, что по мотивамъ своимъ она и трогательна, и высоко-поэтична...

„Невозможно счастье, счастье безъ отчизны", утверждаетъ поэтъ и мечтаетъ:

Я бы на землю родную и чистую
　　Въ страстномъ порывѣ упалъ,
Каждый бы камень лобзалъ я молитвенно,
　　Каждую пядь цѣловалъ!

И ему уже грезится, какъ еврейскій народъ, снова стекается въ Палестину, и на берегахъ Іордана снова высится разрушенный храмъ, въ клубахъ священнаго фиміама.

Въ дивный опять превратились оазъ
　　Дикихъ арабовъ кочевья!
. . . .
Нашъ народъ въ незабвенной отчизнѣ
Снова отдыхъ нашелъ и родной уголокъ
Для расцвѣта, для счастья и жизни.
Возрожденный, единый, съ роднымъ языкомъ,
Какъ въ минувшую чудную пору,
Гордо вторитъ *въ прекрасномъ*, *великомъ*, *святомъ*
Онъ народовъ согласному хору.

Прекрасная мечта—это желаніе присоединить свой голосъ во всемъ прекрасномъ и великомъ къ „согласному хору народовъ". Г. Яффе изображаетъ этотъ нравственный подъемъ въ такихъ краскахъ:

Восемнадцать вѣковъ съ гордой вѣрой такой
Мы въ грядущаго даль не глядѣли!
. . . .
　　Уже свершается то чудо—
　　Костей изсохшихъ, мертвыхъ груда
　　Вновь начинаетъ оживать.
　　. . . . .
　　Въ унылой, тусклой нашей жизни
　　Какъ много нынѣ красоты!
　　Какіе гордые порывы,
　　Какихъ могучихъ силъ приливы,
　　Какія грезы и мечты!
　　Какъ-будто спали съ глазъ повязки,
　　Какъ-будто грезимъ въ дивной сказкѣ...

Конечно, спокойный, холодный анализъ многое можетъ разрушить въ этихъ свѣтлыхъ, жизнерадостныхъ мечтахъ. Грандіозная задача, лежавшая подъ спудомъ цѣлыхъ восемнадцать вѣковъ, врядъ ли можетъ быть выполнена, „по Божьему велѣнью, по щучьему хотѣнью"; жизнь навѣрное, не разъ преподнесетъ сіонистскимъ мечтателямъ рядъ жестокихъ ударовъ и разочаро-

ваній, и если они запаслись одними „гордыми порывами“ и воображають, что побѣда уже близка, то не грозитъ ли имъ опасность снова впасть въ безпросвѣтное отчаяніе? Не слишкомъ ли торопится г. Яффе, когда, обращаясь къ одному изъ современныхъ пѣвцовъ еврейскаго народа (г. Фругу), говоритъ, напр.:

Но *вѣримъ мы*, что ты *послѣдній* нашъ пѣвецъ
Такой тоски, такихъ невзгодъ и терній...

Не разъ заявляетъ онъ то же самое и въ другихъ мѣстахъ книги: „*Вѣримъ*, день нашихъ грёзъ и надеждъ недалекъ“... Излишній оптимизмъ, думается намъ, оружіе обоюдоострое.

Собственно поэтическія силы г. Яффе кажутся намъ, пока что, весьма скромными. Одушевляющее поэта чувство искренно и трогательно, но для того, чтобы оно вполнѣ передавалось читателю, нужны болѣе яркіе краски и образы, нуженъ другой языкъ... Есть, впрочемъ, въ сборникѣ одно стихотвореніе („Въ лунномъ сіяніи“) на общую тему молодой любви, гдѣ чувство нашло себѣ и несомнѣнно поэтическое выраженіе:

Луннымъ блескомъ очарованный,
Тихой грёзой міръ объятъ;
Нѣгой ночи околдованный,
Надъ рѣкою дремлетъ садъ.
Въ чарахъ сна благоуханнаго
Бродимъ въ дымчатой тиши...
Ночь восторга несказаннаго,
Грёзъ и трепета души!
Переливы всюду лунные,
Брилліанты на цвѣтахъ...
Сны серебряные юные
Въ сердцѣ,—слезы на глазахъ.

Передъ нами въ даль раскинулись,
Въ глубь небесъ ушли лѣса;
Въ гладь рѣчную опрокинулись,
Колыхаясь, небеса.
Все застыло; не колышется
Очарованный камышъ...
Ночи вздохъ порою слышится,
Словно вздрагиваетъ тишь.
Слышишь? Въ ночь ворвался сонную
Сладкій рокотъ соловья;
Звуки рвутся въ глубь бездонную,
Грудь волнуя и томя...

Юность, счастье, грёзы чистыя
И любовь въ твоихъ глазахъ!
Звѣзды яркія, огнистыя
На землѣ и въ небесахъ...

Отъ души желаемъ поэту дальнѣйшаго развитія.

К. Пружанскій. Разсказы. Т. I. Спб. 1902.

Книжка эта, какъ и вся, насколько намъ извѣстно, литературная дѣятельность г. Пружанскаго, посвящена очень благородной задачѣ—художественной характеристикѣ тѣхъ ненормальныхъ условій, въ которыхъ живетъ въ Россіи ея еврейское населеніе. Потребность выполненія такой задачи обусловливается отнюдь не одними только интересами самого еврейства; еврейскій вопросъ въ Россіи тѣсно сплелся съ болѣе широкими, болѣе общими вопросами русской жизни, сталъ какъ бы частностью одной крупной задачи, отъ рѣшенія которой необходимо зависитъ и его

собственное рѣшеніе. Эта общность давно сознается передовой частью еврейской интеллигенціи, приносившей и продолжающей до сихъ поръ приносить немало жертвъ на алтарь россійскаго прогресса. Наряду съ этимъ, отчасти подъ вліяніемъ западно-европейскихъ теченій, создалось и еврейское національное движеніе въ болѣе узкомъ смыслѣ, однимъ изъ конкретныхъ проявленій котораго служитъ изученіе экономическихъ, соціальныхъ и моральныхъ условій существованія еврейской массы. И разсказы г. Пружанскаго, несомнѣнно, прибавятъ кое-что къ познанію ненормальностей нашей русской жизни, однихъ натолкнутъ на уразумѣніе ихъ, другимъ, быть можетъ, укажутъ и нить, конецъ которой спутанъ въ одномъ большомъ клубкѣ. Г. Пружанскій рисуетъ въ нѣкоторыхъ своихъ разсказахъ еврейскій идеализмъ. Молодая дѣвушка, дочь ростовщицы, всю свою жизнь видѣвшей только въ деньгахъ исходъ изъ своего забитаго и приниженнаго положенія, проникается вѣрою въ лучшее будущее еврейства, становится ярою сіонисткой и, презирая нажитое матерью богатство, отправляется съ мужемъ въ Палестину, чтобы „складывать тамъ свой трудъ въ отдѣльную кучку“. Въ этомъ разсказѣ довольно опредѣленно высказались сіонистскія стремленія автора. Намъ нечего входить здѣсь въ разборъ того, насколько раціональною является въ настоящее время эта идея. Несомнѣнно, что ей отдается значительная часть культурнаго еврейскаго слоя и потому вполнѣ законно пользованіе ею въ цѣляхъ художественнаго вымысла. Г. Пружанскій не даетъ намъ, однако, картины конфликта между идеальными стремленіями еврейства и его конкретными интересами, обусловленными окружающей обстановкою. Въ разсказѣ „Казнь“ представлена скорѣе борьба иныхъ началъ— самоотверженной молодости съ эгоистичною старостью. Мать до конца остается ростовщицею и сквалыгою и вдругъ ни съ того ни съ сего распродаетъ свое имущество и ѣдетъ къ дочери въ Палестину, вовсе не заботясь, однако, о благѣ еврейскаго народа, а просто соскучившись по ней. Дочь гдѣ-то за кулисами впитываетъ въ себя благородныя побужденія и является на сцену уже готовою сіонисткой. Между тѣмъ, нельзя-же отрицать, что вліяніе тѣхъ условій, въ которыхъ живутъ евреи, создаетъ немалое сопротивленіе всякимъ инымъ вліяніямъ.

Авторъ рисуетъ также портреты идеалистовъ другого рода. Сапожникъ Шлемка выкрестился въ Николая, чтобы избавиться отъ притѣсненій, которымъ онъ подвергался въ качествѣ безправнаго еврея. Казалось бы, ему не о чемъ послѣ этого тужить: притѣсненія прекратились, дѣла пошли хорошо, съ іудействомъ всѣ связи порваны. Но Шлемку все болѣе и болѣе тянетъ назадъ, ему становится все болѣе и болѣе невыносимымъ его фальшивое положеніе между двухъ стульевъ, и онъ кончаетъ тѣмъ, что запиваетъ и потихоньку совершаетъ еврейскіе обряды. Шлемка не-

образованъ, онъ выхода не можетъ найти, или, вѣрнѣе, находитъ выходъ, но такой, который дѣлаетъ его еще болѣе несчастнымъ, заставляя завидовать даже тѣмъ собратьямъ, которыхъ выселяютъ по этапу на родину. Въ этомъ разсказѣ, не смотря на его краткость, больше сказано, чѣмъ въ „Казни"; жаль, что авторъ слишкомъ уснастилъ его фальшивымъ резонерствомъ отъ лица неграмотнаго еврея. Наиболѣе слабый разсказъ—„Концессія желѣзной дороги на седьмомъ небѣ". Въ немъ изображенъ бѣднякъ мечтатель, которому предсказано разбогатѣть отъ желѣзнодорожной концессіи. Не смотря на то, что дѣйствительность бьетъ его на каждомъ шагу, онъ весь живетъ своими мечтами и не перестаетъ предаваться имъ даже тогда, когда неумолимый рокъ въ формѣ полицейскаго арестуетъ его за безписьменность. Здѣсь очень фальшиво сопоставленіе алчныхъ мечтаній съ безпечной дѣйствительностью.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить непріятной манеры автора слишкомъ часто дѣлать диверсіи въ сторону своей литеритературной профессіи. Нѣкоторые разсказы положительно выиграли бы, если бы авторъ не прибѣгалъ временами къ первому лицу.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. II. Спб. 1902.

Г. Танъ принадлежитъ къ числу молодыхъ писателей, начавшихъ свою литературную дѣятельность въ крайне тяжелыхъ условіяхъ, которыя губятъ духовныя силы болѣе слабыхъ, а въ болѣе сильныхъ культивируютъ нотку грусти, невытравимую на многіе годы жизни. Описываетъ ли г. Танъ глухіе углы сѣвера съ ихъ вольными и невольными обитателями, передаетъ ли впечатлѣнія свободной Америки, или разсказываетъ о своей поѣздкѣ по Манджурской дорогѣ—во всемъ этомъ сквозитъ какое-то затаенное чувство пошатнувшейся вѣры въ жизнь, въ непреложность ея поступательнаго движенія. Мы не знаемъ, быть можетъ, г. Танъ остался однимъ изъ самыхъ вѣрующихъ людей,—но поскольку въ его произведеніяхъ отражается личное міровоззрѣніе автора, постольку это міровоззрѣніе можно опредѣлить признаніемъ колоссальности работы, которую приходится преодолѣвать человѣчеству въ его цѣломъ и отдѣльнымъ группамъ людей для восхожденія на высшія ступени культурнаго существованія. И такое признаніе понятно со стороны человѣка, видѣвшаго и испытавшаго крайнія противорѣчія между идеальными стремленіями и жестокой дѣйствительностью.

Въ разсказѣ „На каникулахъ" передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ людей, закинутыхъ въ сѣверную глушь. Связь съ живымъ міромъ порвана; единственными отзвуками его служатъ споры и разсужденія о вопросахъ времени, запоздалыя вѣсти о которыхъ приноситъ рѣдкая почта. Индивидуальность каждаго

стирается до послѣдней степени, подчиняясь условіямъ жизни. Семья одного изъ изгнанниковъ существуетъ кое-какъ, единственно благодаря помощи остальныхъ. И вотъ въ этой обстановкѣ появляется новый человѣкъ—дѣвушка. Какъ къ свѣтлому лучу, пробуждающему жажду жизни, къ ней стремятся люди, забывшіе думать о томъ, что такое личное счастье.

Въ другомъ очеркѣ „Рыбакъ" авторъ рисуетъ группу людей, ушедшихъ еще далѣе въ ассимиляціи съ окружающей обстановкою. Это рыбаки, которые ловятъ обледенѣлыми неводами нельму въ полярной рѣкѣ и стараются забыть о томъ, что есть иной міръ, теплый и свободный.

— А въ Неаполѣ теперь теплѣе!—вдругъ сказала спина.
— Въ какомъ Неаполѣ?—съ удивленіемъ спросилъ треухъ.
— Въ Неаполѣ... въ Италіи!—кратко пояснила спина.
— Не знаю!—проворчалъ треухъ сомнительнымъ тономъ.—Я не знаю!
— Какъ это не знаешь?—убѣдительно доказывала спина.—Теперь начало сентября. Въ Неаполѣ теперь какъ разъ лимоны зрѣютъ.
— «Dahin, dahin, wo die Zitronen blühen!»—продекламировалъ онъ на распѣвъ.
— Не знаю цитроновъ!—сурово отпарировалъ собесѣдникъ.—И Неаполя никакого нѣтъ!..
— Какъ нѣтъ?—настаивала спина почти съ ужасомъ.—Неаполь, въ Италіи, въ Европѣ...
— Нѣту, нѣту!—непоколебимо отвергалъ треухъ.—Нечего!.. Италіи нѣтъ и Европы нѣтъ. Все враки!.. Есть только рѣка и въ ней рыба.

И вотъ изъ такихъ условій, гдѣ приходится упрямо гнать отъ себя всякую мысль объ „Италіи", человѣкъ вырывается, наконецъ, чтобы вернуться къ теплу и свѣту, чтобы снова начать завоевывать себѣ мѣсто среди живущихъ людей. Душевное состояніе такого человѣка авторъ изобразилъ въ лирическомъ очеркѣ „Возвращеніе".

Остальные очерки, заключающіеся въ этомъ томѣ и напечатанные ранѣе, если не ошибаемся, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", содержатъ въ себѣ описаніе поѣздокъ автора, уже въ качествѣ вольнаго изслѣдователя, по сѣверо-востоку Азіи. Очерки эти довольно любопытны, но страдаютъ нѣкоторою растянутостью, составляющею вообще довольно замѣтный недостатокъ г. Тана. Въ книгѣ содержится также пересказъ якутской легенды о томъ, „кто первый пролилъ на землѣ кровь". Мысль этой легенды та, что кровь пролита изъ-за стремленія къ власти, повлекшаго за собою проклятіе на землю и на всѣхъ ея обитателей.

Андрей Бѣлый. Симфонія (2-я драматическая). Книгоиздательство «Скорпіонъ» М. 1902.

Въ предисловіи къ „Симфоніи" авторъ такъ рекомендуетъ ее. „Произведеніе это имѣетъ три смысла: музыкальный, сатири-

ческій и, кромѣ того, идейно-символическій... Во-первыхъ, это—симфонія, задача которой состоитъ въ выраженіи ряда настроеній, связанныхъ другъ съ другомъ основнымъ настроеніемъ... второй смыслъ—сатирическій; здѣсь осмѣиваются нѣкоторыя крайности мистицизма... Наконецъ, за музыкальнымъ и сатирическимъ смысломъ для внимательнаго читателя, можетъ быть, станетъ ясенъ и идейный смыслъ". Содержаніе „Симфоніи" трудно передать своими словами. Главнымъ героемъ ея является „золотобородый аскетъ" Сергѣй Мусатовъ, знающій „кое-что" и влюбленный въ „рыжеволосую" сказку, жену „Кентавра". Онъ споритъ въ Москвѣ съ мистикомъ Дрожжиковскимъ, который „воюя всталъ" на него, пророчитъ, что „на насъ нисходитъ нѣчто", собираетъ какіе-то матеріалы по вопросу о „женѣ, облеченной въ солнце" и съ наступленіемъ лѣта уѣзжаетъ въ деревню къ своему „лупоглазому" брату-помѣщику. Тамъ онъ декламируетъ стихи Фета, разговариваетъ съ „тявкающимъ" сельскимъ учителемъ, выслушиваетъ признаніе своего брата въ любви къ „пейзанкѣ", а затѣмъ благополучно возвращается въ Москву, гдѣ бесѣдуетъ съ „таинственной особой изъ Индіи" и „рыжеусымъ теософомъ" объ Антихристѣ, напивается пьянымъ въ ресторанѣ и, наконецъ, попавъ по дорогѣ на полчаса въ сумасшедшій домъ, находитъ себѣ прибѣжище у „хилаго священника", отца Іоанна. Но, кромѣ „аскета" и его собесѣдниковъ, „въ „Симфоніи" еще много, очень много дѣйствующихъ лицъ. Тутъ и „зеленоблѣдный горбачъ съ подвязанной щекой", и философъ, сошедшій съ ума, и сумасшедшій, превратившійся въ философа, и застрѣлившійся демократъ, и тѣнь Вл. Соловьева и многіе разные—студенты и священники, чиновники и философы, воры и агенты сыскной полиціи. И не смотря на все это обиліе выводимыхъ авторомъ фигуръ, читатель выноситъ изъ „Симфоніи" довольно смутное впечатлѣніе. „Стремительный Пегасъ летитъ на помощь къ ней", и летитъ настолько стремительно, что авторъ не имѣетъ возможности или желанія подробно останавливаться на дѣйствіяхъ своихъ героевъ. Поэтому ни одинъ типъ не дорисованъ, ни одинъ характеръ не говоритъ самъ за себя. Все нуждается въ комментаріяхъ, все недосказано, затѣнено робкими штрихами и едва-едва очерчено въ нѣсколькихъ словахъ. Нѣтъ въ „Симфоніи" и основного настроенія, которое бы проникало всѣ отдѣльныя картины ея и позволяло читателю сосредоточить свое вниманіе хоть на одномъ выдающемся моментѣ ея дѣйствія. Механическое соединеніе не оригинальныхъ мыслей, не глубокихъ настроеній, блѣдныхъ образовъ—вотъ симфонія г. Бѣлаго, своеобразная только по своей музыкальной формѣ, утомительной и ненужной для сатирическаго произведенія.

В. П. Лебедевъ. Царскій духовникъ. Историческая повѣсть. Спб. Изд. П. Сойкина.

Г. Лебедевъ задался цѣлью передать въ художественныхъ образахъ страницу изъ исторіи царствованія Іоанна Грознаго, именно тотъ періодъ времени, когда при дворѣ были сильны Сильвестръ и Адашевъ, и царь дѣйствовалъ подъ ихъ вліяніемъ и по ихъ совѣту. Никакъ нельзя сказать, однако, чтобы г. Лебедеву удалось выполнить эту задачу. И въ художественномъ отношеніи повѣсть болѣе чѣмъ слаба, и историческая правда въ ней хромаетъ. Всѣ изображаемыя г. Лебедевымъ лица—Іоаннъ, Адашевъ, Сильвестръ,—въ его изложеніи лишены всякой индивидуальности, говорятъ книжнымъ, напыщеннымъ языкомъ и очень мало похожи на живыхъ людей, облеченныхъ въ кровь и плоть. Съ другой стороны, грубыя отклоненія отъ исторической правды встрѣчаются въ повѣсти чуть не на каждомъ шагу. Укажемъ лишь на нѣкоторыя, для примѣра. Сильвестръ, какъ извѣстно, или былъ вызванъ изъ Новгорода митрополитомъ Макаріемъ, или пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ столицу, но во всякомъ случаѣ въ 1547 г. былъ уже священникомъ Благовѣщенскаго собора. По г. Лебедеву, выходитъ, что Сильвестръ до своего возвышенія былъ простымъ сельскимъ священникомъ и, какъ разъ ко времени большого московскаго пожара, прибылъ въ Москву, повинуясь указанію какого-то святителя, предсказавшаго, что ему „сужденъ подвигъ великій". Царскимъ духовникомъ, вопреки увѣренію г. Лебедева, Сильвестръ никогда не былъ и прямого участія въ дѣлахъ государства не принималъ, а дѣйствовалъ на царя, главнымъ образомъ, черезъ третьихъ лицъ; „остуда" Іоанна къ Сильвестру началась за долго до болѣзни царя, и это событіе, въ связи съ вопросомъ о престолонаслѣдіи, было лишь поводомъ къ опалѣ нѣкогда почти всесильнаго священника; г.-же Лебедевъ, забывая объ этомъ, приписываетъ опалу Сильвестра наговорамъ отца Вассіана и царицы Анастасіи; г. Лебедевъ пытается изобразить Сильвестра смѣлымъ, правдивымъ и безхитростнымъ старикомъ, между тѣмъ, какъ „Малый Домострой", принадлежащій перу благовѣщенскаго священника, полонъ наставленіями, ничего общаго съ указанными добродѣтелями не имѣющими. Наконецъ, г. Лебедевъ, полагаясь на слова кн. Курбскаго, разсказываетъ, какъ Сильвестръ поселился въ Соловецкомъ монастырѣ, тогда какъ послѣ опалы онъ удалился въ монастырь Кирилло-Бѣлозерскій, гдѣ и умеръ. Къ отмѣченнымъ недостаткамъ повѣсти нужно прибавить еще и вычурный языкъ, напоминающій слогъ Карамзина. Все это вмѣстѣ взятое лишаетъ книгу всякаго историческаго и литературнаго значенія.

Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя. Записки его современника, доктора А. Тарасенкова. Изд. 2-е, дополненое по рукописи. М. 1902 г.

А. Т. Тарасенковъ, довольно извѣстный въ свое время московскій докторъ и почитатель Гоголя, мало зналъ великаго писателя лично. Онъ встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ въ годъ его смерти, а затѣмъ за недѣлю до смерти былъ приглашенъ посмотрѣть больного. Лѣченіемъ Гоголя завѣдывали другіе врачи, и Тарасенкову пришлось быть только зрителемъ того, что они продѣлывали надъ больнымъ. Конечно, медицинская наука 50 лѣтъ тому назадъ стояла на низкой ступени развитія, но, читая записки Тарасенкова, приходишь къ мысли, что въ процессѣ лѣченія Гоголя очень многое нужно поставить не за счетъ состоянія науки, а за счетъ врачей, лѣчившихъ его. Тарасенковъ старается выражаться о дѣйствіяхъ своихъ коллегъ возможно мягче, но настоящее названіе этимъ дѣйствіямъ—истязаніе. Достаточно перечислить средства, которыми пользовали Гоголя: тутъ было кровопусканіе, завертываніе въ мокрыя холодныя простыни, клизмы, магнетизированіе, холодное обливаніе головы въ теплой ваннѣ, піявки къ носу, горчичники на конечностяхъ, мушка на затылокъ, ледъ на голову, каломель, горячій хлѣбъ вокругъ всего тѣла... и все это въ теченіе двухъ дней и противъ желанія больного, который безпрерывными стонами и криками отвѣчалъ на это лѣченіе. Прибавьте еще необыкновенную „дерзость обращенія", какъ выражается Тарасенковъ. Доктора „кричали съ больнымъ, какъ съ глухимъ и безпамятнымъ, распоряжались съ нимъ, какъ съ сумасшедшимъ, кричали передъ нимъ, какъ передъ трупомъ"; докторъ Клименковъ „приставалъ къ нему, мялъ, ворочалъ, поливалъ на голову какой-то ѣдкій спиртъ" и т. д.; нашелся только одинъ медикъ, который сказалъ: „врядъ ли что успѣете сдѣлать при такомъ положеніи больного", но его слова остались гласомъ вопіющаго. Тщательно наблюдая за ходомъ болѣзни, Тарасенковъ въ своихъ запискахъ старается дать описаніе и исторію болѣзни Гоголя и поставить свой діагнозъ, не отличающійся, однако, опредѣленностью. Впрочемъ, такая сложная болѣзнь, какъ недугъ Гоголя, при невыработанности тогдашней терминологіи и при тогдашнемъ состояніи медицинскихъ знаній, и не могла быть точно опредѣлена; въ послѣднее время докторъ Баженовъ сдѣлалъ попытку объяснить болѣзнь и смерть Гоголя (въ „Русской Мысли" 1902 года), но современная медицина требуетъ такихъ данныхъ по исторіи болѣзни, которыхъ мы не имѣемъ. Поэтому, опыты діагноза болѣзни оказываются только гипотезами, но цѣнность воспоминаній Тарасенкова—не въ постановкѣ діагноза и не въ попыткахъ проникнуть въ исторію болѣзни. Тарасенковъ, благоговѣйный читатель сочиненій Гоголя, счелъ своимъ долгомъ возстановить возможно тщательнѣе картину послѣднихъ дней жизни своего любимаго писателя. Онъ

записалъ всѣ мельчайшія подробности этихъ дней и нарисовалъ ужасную картиру послѣднихъ мученій Гоголя. Это—какой-то сплошной „надрывъ“: монахи и духовники, которые своими разсказами и наставленіями доводили Гоголя до того, что онъ прерывалъ ихъ рѣчь и говорилъ: „довольно, оставьте, не могу болѣе слушать: слишкомъ страшно“; сожженіе рукописей и потомъ плачъ, горькій плачъ о нихъ; необыкновенное истощеніе тѣла и ужасающія душевныя муки; мысль о смерти и о томъ, что за гробомъ; молитвы о томъ, чтобы „Господь связалъ сатану вновь“. Ужасное впечатлѣніе производятъ эти воспоминанія о послѣднихъ дняхъ жизни, написанныя чрезвычайно просто, рукой медика, привыкшаго наблюдать предсмертныя страданія! Въ гоголевской литературѣ записки Тарасенкова—не новость: онѣ были напечатаны въ „Отеч. Зап.“ въ 1856 году; затѣмъ вышли въ 1857 г. отдѣльнымъ изданіемъ. Правда, новое изданіе дополнено по рукописи Тарасенкова и въ немъ возстановлены факты и имена, пропущенныя въ первомъ изданіи, но и въ такомъ видѣ бóльшая и интереснѣйшая часть записокъ была уже напечатана въ IV томѣ „Матеріаловъ для біографіи Н. В. Гоголя“ В. И. Шенрока.

С. А. Котляревскій. Францисканскій орденъ и римская курія въ XIII и XIV вѣкахъ. М. 1901.

Молодой московскій историкъ, помѣстившій въ сборникѣ „Помощь“ (изд. въ пользу пострадавшихъ отъ голода евреевъ въ прошломъ году) интересную статью о проповѣдникахъ XIII-го столѣтія, выпустилъ въ свѣтъ большой трудъ, относящійся къ той же эпохѣ и къ близкому по темѣ сюжету. Его книга посвящена дѣятельности Франциска Ассизскаго и основанному этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ монашескому ордену, при чемъ авторъ доказываетъ, что францисканцы далеко не сразу сдѣлались послушными орудіями церкви, а довольно продолжительное время занимали позицію весьма независимую, иногда „еретическую“.

Этотъ выводъ, конечно, не новъ, но сводка матеріала, сдѣланная г. Котляревскимъ, очень убѣдительно его подтверждаетъ. Чрезвычайно жаль, что авторъ, такъ добросовѣстно и внимательно, почти любовно относящійся къ каждому словечку любого монаха, имѣющему даже отдаленную связь съ темою изслѣдованія,—начисто игнорируетъ всю соціально-политическую среду, въ которой родился, выросъ и окрѣпъ орденъ. Это обстоятельство придаетъ книгѣ г. Котляревскаго нѣсколько какъ бы старомодный видъ; въ тѣ блаженныя времена исторіографіи, когда исторія дѣлилась на „гражданскую“ и „церковную“, такъ ставить работу было принято; теперь же, мы боимся, благодаря подобной обработкѣ, добросовѣстно и серьезно написанная книга въ глазахъ многихъ потеряетъ значительную часть своей цѣнности. Работая

надъ историческимъ матеріаломъ такъ, какъ работаетъ г. Котляревскій, изслѣдователь русской исторіи долженъ будетъ объяснять учрежденіе синода движеніями петровской души, историкъ Франціи долженъ будетъ объяснять реставраціонный бѣлый терроръ убѣжденностью и убѣдительностью твореній Шатобріана и де-Местра и т. д. Мы понимаемъ, что подробное описаніе всего, происшедшаго въ отношеніяхъ между орденомъ и церковью, нужно, и намъ нечего было бы сказать, если бы г. Котляревскій прибавилъ въ концѣ: „я разсказалъ и подтвердилъ ссылками на источники, что сначала, въ первой половинѣ XIII вѣка, францисканскій орденъ былъ братствомъ людей, объединенныхъ общимъ идеаломъ жизни, что инквизиціонное преслѣдованіе еретиковъ было имъ совсѣмъ чуждо, что въ немъ было несомнѣнно пламя любви и самоотверженія,—а потомъ, съ XIV вѣка, все это измѣнилось, и францисканцы стали безгласными и послушными орудіями общецерковной политики. Теперь я объясню, *почему* окружающая жизнь сломила эти великія нравственныя силы, *почему* она направила ихъ въ папское русло, *почему* не порывы религіознаго и моральнаго энтузіазма, а дисциплина и организація сохранили за католическою церковью ея могущество? Но отвѣта на эти вопросы (и даже постановки ихъ) у г. Котляревскаго мы, къ сожалѣнію, не встрѣчаемъ. Мы склонны исторіографію всѣхъ временъ и народовъ дѣлить на два главныя теченія, изъ которыхъ одно идетъ отъ Геродота, а другое отъ Аристотеля: Геродотъ разсказываетъ, какъ птица поетъ или какъ солнце свѣтитъ,—не заботясь ни о внутренней связи, ни объ основномъ смыслѣ излагаемаго; Аристотель же, не довольствуясь этимъ, первый далъ смутную, неясную, но несомнѣнную попытку объяснить, обобщить разсказываемое и узнанное (посредствомъ чего-то вродѣ теоріи круговращенія). Аристотелевское теченіе совсѣмъ побѣждаетъ въ наше время геродотовскую традицію, все живое въ исторической наукѣ давно уже и въ Европѣ, и у насъ бѣжитъ отъ этой традиціи. Думаемъ, что убѣжитъ отъ нея также г. Котляревскій,—и вотъ почему: временами онъ тоже чувствуетъ потребность (для себя и для читателя) какихъ либо поясненій,—и находитъ ихъ въ довольно голословныхъ разсужденіяхъ о сердцѣ Франциска, о вліяніи спиритуаловъ и т. д. Но это не такъ уже важно: важно, что вопросъ „почему?“ возникъ и потребуетъ рано или поздно обстоятельнаго отвѣта у историческаго бытописателя. У „разсказчика“ прирожденнаго—такой вопросъ совсѣмъ никогда не возникаетъ.

Не смотря на этотъ основной недостатокъ книги, мы прочли всѣ ея 389 страницъ, почти не отрываясь: такъ литературно и интересно изложены событія первыхъ временъ францисканскаго ордена. Жаль только, что исторіософическая слабость изслѣдованія мѣшаетъ иногда автору и въ изложеніи отдѣльныхъ фак-

товъ: напримѣръ, говоря о бегинахъ и бегардахъ (стр. 334—339), онъ не связалъ въ одно общее по характеру явленіе гибель этихъ еретиковъ и расцвѣтъ покровительствуемыхъ (въ XIV в.) церковною властью францисканцевъ. Въ вышедшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ книгѣ г-жи Робинзонъ (The end of the middle ages) есть очеркъ о бегинахъ и бегардахъ, опирающійся почти на тѣ же источники, какъ и г. Котляревскій,—но несравненно научнѣе и полнѣе выясняющій природу этихъ странныхъ филантропическо-мистическихъ ассоціацій. Книга Робинзонъ осталась автору неизвѣстною,—а этотъ маленькій очеркъ, при всей своей *видимой* компилятивности, всетаки богатъ самостоятельными мнѣніями. Въ общемъ, впрочемъ, изслѣдовавши, кажется, исчерпывающимъ образомъ всѣ церковные первоисточники, г. Котляревскій ссылается и на большинство выдающихся произведеній литературы его предмета. У прочитавшаго эту книгу остается опредѣленное впечатлѣніе,—что долго въ геродотовскомъ лагерѣ авторъ не засидится...

Н. И. Карѣевъ. Политическая исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. (Правительственныя формы и внутренняя политика, политическія партіи и общественные классы). Спб. 1902.

Книга проф. Карѣева входитъ въ редактируемую имъ и проф. Лучицкимъ коллекцію „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время“. Въ предисловіи почтенный авторъ говоритъ, что культурная и соціальная исторія Франціи въ XIX вѣкѣ будетъ составлять предметъ особой книжки въ этой коллекціи, такъ что упрекать теперь вышедшую работу въ неполнотѣ нѣтъ никакихъ основаній. Матеріалъ распредѣленъ въ этой книгѣ вполнѣ равномѣрно: изъ 295 страницъ текста — 190 заняты исторіей Франціи отъ конца революціоннаго періода до 1848 года, остальныя 105 — второй республикою, второю имперіею и третьей республикой. Конечно, читатель, читавшій богатые содержаніемъ IV и V томы „Исторіи западной Европы въ новое время“, можетъ заинтересоваться въ предлагаемой книгѣ, главнымъ образомъ, лишь исторіею конца второй имперіи и третьей республикою, — о чемъ Н. И. Карѣевъ еще не писалъ въ своемъ большомъ трудѣ (все это должно быть въ VI томѣ „Исторіи зап. Европы“). Но, принимая во вниманіе, что „Исторія зап. Европы“ уже въ силу своей обширности, научности и не особенно низкой цѣны далеко не всякому рядовому читателю доступна, нужно согласиться, что сокращенный пересказъ 250 страницъ IV тома и 300 страницъ V-го, т. е. 550 убористыхъ страницъ „Исторіи зап. Европы“, посвященныхъ исторіи Франціи, на 259 болѣе разгонистыхъ страницахъ разбираемой работы, — далеко не излишенъ. А совершенно новая глава (стр. 259—295) о третьей республикѣ, повторяемъ, любопытна и для читавшихъ

основной многотомный трудъ автора. Вообще же, изложеніе всюду ровное, спокойное и обычная у автора сдержанность литературной манеры особенно выгодно отражается на интересѣ изложенія тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о событіяхъ, заключающихъ сами по себѣ достаточно драматизма. Страницы, посвященныя іюльской революціи и февральскому перевороту, читаются, какъ интересный романъ. Нѣсколько сжате изложеніе событій конца третьей республики; это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что книга и безъ того заключаетъ въ себѣ почти вдвое больше страницъ, нежели полагается для составныхъ частей этой дешевой популярной коллекціи: въ другихъ работахъ этой коллекціи мы привыкли видѣть 160—190 страницъ (за ту же цѣну).

Къ книгѣ приложенъ чрезвычайно полный указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ по исторіи Франціи въ XIX вѣкѣ. Мы насчитали въ этомъ каталогѣ 192 №№ книгъ и статей въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Другого подобнаго указателя не существуетъ, такъ что для занимающихся французской исторіей — немаловажное это подспорье. Сверхъ того, къ книгѣ приложены четыре маленькія карты Франціи въ XIX вѣкѣ, дающія наглядное представленіе о всѣхъ территоріальныхъ измѣненіяхъ Франціи за послѣднее столѣтіе.

Акты, издаваемые Виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXVIII. Акты о евреяхъ. Вильна. 1901.

Когда спеціалисты подвергнутъ научной обработкѣ матеріалы, собранные въ этой книгѣ, возможно будетъ окончательное сужденіе о значеніи послѣднихъ для исторіографіи. Но таковая—какъ это ни странно—мало интересуетъ составителей сборника, которые спѣшатъ присоединить къ своей книгѣ выводы, едва-ли нуждавшіеся въ новыхъ матеріалахъ для тѣхъ, кто не желаетъ ихъ пересмотра. „Какъ въ сочиненіяхъ Бершадскаго, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ нынѣшній типъ еврейской народности обрисовывается и возстановляется достаточно ясно и точно. Типъ этотъ противоположенъ библейскому типу древнихъ евреевъ, какъ онъ изображается въ боговдохновенныхъ книгахъ ихъ пророковъ и другихъ прославленныхъ мужей Божіихъ. Въ ту библейскую пору существенною принадлежностью еврейскаго народа были—земледѣліе, скотоводство и другія параллельныя имъ занятія. Съ той же поры, какъ евреи не признали и не приняли пришедшаго въ міръ Богомъ обѣщаннаго и пророками проповѣданнаго Мессію, Іисуса Христа, Сына Божія, и распяли Его на крестѣ, и за это Богомъ были наказаны и разсѣяны по всему лицу земли, — съ той поры, частью вслѣдствіе продолжительной тяжкой скитальческой жизни и гоненій, которымъ они безпрерывно подвергались среди окружающихъ ихъ народовъ, и частью

по другимъ причинамъ, у евреевъ выработался и утвердился другой, противоположный библейскому типъ жизни, основанный весь на почвѣ торговли и промышленной предпріимчивости, на денежномъ обмѣнѣ и разсчетливости". Въ виду этого, по мнѣнію автора предисловія, „тщетны были бы ожиданія, что нововыходящій XXVIII томъ Виленской археографической коммиссіи—„Акты о евреяхъ" — привнесетъ въ русскую историческую науку что-либо новое, чрезвычайное". И, дѣйствительно, если стать на точку зрѣнія составителей, если видѣть въ историческихъ фактахъ лишь матеріалы для подсказаннаго истолкованія и соотвѣтствующаго этому истолкованію подбора, если историческія изысканія заранѣе обречены во что бы то ни стало служить опорой воззрѣніямъ, которыя, не довольствуясь своей внѣшней обязательностью, желаютъ опираться на доказательства отъ науки, то, конечно, въ такую науку никакіе матеріалы ничего новаго не внесутъ.

Предисловіе дѣлитъ документы, собранные въ книгѣ на четыре категоріи: во-первыхъ, акты о томъ, какъ доставалось евреямъ, во-вторыхъ, о томъ, какъ отвѣчали на это евреи, въ-третьихъ, акты объ арендѣ евреями имѣній и, въ-четвертыхъ, о еврейской арендѣ таможенныхъ сборовъ. Каждая категорія получаетъ соотвѣтственное объясненіе. Такъ, если активнымъ элементомъ какой-нибудь потасовки являются — хотя бы лишь въ жалобѣ ихъ противниковъ—евреи, то вся вина, разумѣется, взваливается на нихъ. Они „чуждались слитія съ массою христіанскаго населенія и прилагали всѣ заботы объ образованіи своего собственнаго, единаго, національнаго общества", они были могучи и вліятельны и потому весьма часто и безбоязненно прибѣгали къ силѣ и мѣрамъ насилія, т. е. давали себѣ волю для физическихъ нападеній, нанесенія побоевъ и ранъ своимъ намѣченнымъ противникамъ. При чемъ въ случаяхъ этихъ насилій проявляется нерѣдко особенная еврейская жестокость, безжалостность, тонкость, которую пострадавшіе или ближайшіе свидѣтели часто именуютъ „прирожденнымъ еврейскимъ ненавистничествомъ къ христіанамъ и жаждою ихъ крови". Въ дѣлахъ этой категоріи, указанныхъ для примѣра въ предисловіи, выдвигается то, что евреи нападали на христіанъ безъ всякаго повода и били даже священниковъ. Дѣлъ, гдѣ страдательной стороной являются евреи, гораздо больше; но это не мѣняетъ сущности истолкованія: сколько-бы ихъ ни колотили, такъ имъ и слѣдовало. Слова о „печальной картинѣ", о „скорбныхъ и тяжелыхъ испытаніяхъ", вынесенныхъ литовскими евреями отъ окружающаго ихъ населенія, лишены всякаго содержанія тамъ, гдѣ напередъ рѣшено, что виноваты были тѣ, кого били. Сначала можетъ показаться, что все ясно и просто: евреевъ въ Литвѣ встрѣтили, во-первыхъ, религіозное отчужденіе, во-вторыхъ, экономическая борьба, а съ нею вражда: два фактора, съ которыми евреи, казалось бы, никакъ не могли

справиться своими силами. Но нѣтъ: „конечно, не только для смягченія, но и для совершеннаго искорененія этого предубѣжденія въ рукахъ самихъ пришельцевъ евреевъ находились вѣрныя и, такъ сказать, всепобѣждающія средства: это строгое подчиненіе общимъ государственнымъ законамъ и неуклонное исполненіе ихъ; это—*возведеніе всей своей жизни и торгово-промышленной дѣятельности на высшую ступень чистой нравственности* и, наконецъ, живое стремленіе на этихъ путяхъ и основахъ сблизиться и слиться съ массовымъ кореннымъ населеніемъ страны“.

Итакъ, „возведеніе торгово-промышленной дѣятельности на степень высшей нравственности“—таково требованіе, предъявляемое публицистомъ-историкомъ къ евреямъ. Очевидно, онъ убѣжденъ, что это требованіе было въ полной мѣрѣ выполняемо кореннымъ населеніемъ страны, быть можетъ, даже тѣми, кто вылилъ свою торгово-промышленную философію въ пословицу: „не обманешь, не продашь“. Но евреевъ обрабатывали слишкомъ дѣятельно, чтобы это оставить безъ объясненія: „въ частыхъ нападеніяхъ на евреевъ принимали участіе многоразличныя лица всѣхъ сословій, земяне (помѣщики), городничіе, судьи, судовые писаря, лѣсничіе, лантвойты, урядники (управляющіе имѣніями), врачи, бояре, мѣщане, іезуитскіе студенты, крестьяне, „своевольные“ казаки и, наконецъ, сами евреи“. „Ближайшія причины“ этихъ нападеній остаются для виленскаго историка невыясненными; евреямъ, которые въ своихъ жалобахъ указывали на безпричинность погромовъ, онъ не вѣритъ. Но общія причины для него ясны: „всѣмъ извѣстно изъ исторіи, какъ далеки были евреи отъ желаннаго для всѣхъ высокаго и чистаго идеала жизни и какъ много они давали поводовъ коренному населенію къ недовѣрію къ нимъ, къ ропоту, ненависти, къ открытымъ нападеніямъ, нанесеніямъ имъ побоевъ, ранъ, и нерѣдко — къ смертоубійствамъ“. Вообще всякое отсутствіе данныхъ въ документахъ составляетъ не непріятность, но, наоборотъ, удобный моментъ для пытливаго историка-публициста: при его познаніяхъ и сложившихся воззрѣніяхъ ему такъ легко заполнять эти пробѣлы. „Какъ правили евреи-арендаторы новозанятыми ими имѣніями? Честно и справедливо ли относились они ко всему тому, что было отдано въ ихъ руки и власть? Своими дѣйствіями и требованіями заслужили ли они благодарность и благословеніе ихъ обывателей и потомства? Въ большинствѣ случаевъ, въ документахъ настоящей группы всѣ эти вопросы обходятся молчаніемъ. Но не надо думать, что это есть доброе свидѣтельство въ пользу новыхъ арендаторовъ-евреевъ; это скорѣе тлѣющій, но не прорывающійся еще наружу огонь“. И такъ вездѣ. Пошла молва, что Остапъ Скляръ умеръ оттого, что еврей-арендаторъ ударилъ его; лица, бывшія при этомъ случаѣ, отвергаютъ возможность

этого. „Тогда,— излагаетъ историкъ,— *надо думать, по особому старанію арендатора*, пошли возраженія и опровerженія".—Помѣщики, отдавъ имѣнія въ аренду, отнимаютъ ихъ до срока, „часто съ большими убытками для арендаторовъ". Почему? „По нашему убѣжденію, не требуется много догадливости, чтобы вывести отсюда вѣрное заключеніе, что существенными причинами этого были опустошительныя дѣйствія арендаторовъ-евреевъ".

Вѣнцомъ этой обличительной исторіософіи является, какъ и слѣдовало ожидать, дѣло о ритуальномъ убійствѣ. Въ самую возможность дикаго преступленія авторъ не вѣритъ—да и мудрено было бы вѣрить въ виду фактовъ, изложенныхъ въ документѣ, чрезвычайно интересномъ и поучительномъ. Даже въ тѣхъ безднахъ человѣческой злобы и гнусности, гдѣ создаются подобныя обвиненія, не легко найти что-либо подобное этому Воинскому дѣлу. Это было лѣтомъ 1663 года. Придя домой съ работы, крестьянка Марина Янова нашла своего ребенка — въ прудѣ безъ всякихъ внѣшнихъ знаковъ насилія. Ея сосѣдъ, мечникъ Юрій Ломскій, бывшій въ неладахъ съ мѣстными евреями, нашелъ въ этомъ пригодный матеріалъ для созданія дѣла. Онъ заключилъ мать въ тюрьму, „и пока она сидѣла въ тюрьмѣ, мечникъ со своимъ слугою принесли ребенка къ ландвойту, уже поколотаго, съ семью уколами, два на брюшкѣ и пять на плечикахъ". Мать подвергли истязаніямъ. „Ландвойтъ,—показывала она на погостѣ предъ костеломъ,—не судивъ меня, приказалъ выставить меня у висѣлицы на рынкѣ, на четыре часа, и били меня розгами такъ, что я обомлѣла, и, истязавъ меня, не добились отъ меня ничего, и, такъ какъ я на евреевъ ничего не показала, снова приказалъ засадить меня въ тюрьму. Когда я провела ночь въ тюрьмѣ, онъ приказалъ выгнать меня изъ города. И когда я, избитая, израненная, лежала въ полѣ, тамошніе мѣщане, отыскавши меня и вернувши въ городъ, и засадивъ въ тюрьму, терзали меня немилосерднымъ заключеніемъ и ночью присылали ко мнѣ Васька кузнеца и мечника, чтобы я показала на евреевъ". Затѣмъ уже законное слѣдствіе приступило къ пыткамъ. „За палачемъ досматривали господа мѣщане, чтобы онъ не оказывалъ ей милосердія, и онъ тирански пыталъ ее три раза по часу, а затѣмъ палилъ ее огнемъ, допытываясь, не еврейская ли это работа? А она такъ отвѣчала: „уже на роднаго отца показала бы, не только на евреевъ". Отъ пытокъ несчастная, разумѣется, умерла. Слава мученицѣ за правду, — но какъ страшно подумать, что ея жертва была въ нѣкоторомъ отношеніи жертвой напрасной, что находятся люди, умѣющіе самый подвигъ ея обратить въ оружіе противъ тѣхъ, кого такъ безкорыстно и такъ геройски спасала Марина Янова. Она спасла воинскихъ евреевъ отъ обвиненія въ убійствѣ, но не смогла спасти ихъ отъ извѣтовъ, черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ брошенныхъ въ нихъ на основаніи документа,

гдѣ они являются только жертвами. Вотъ единственный выводъ изъ этого дѣла, добытый историкомъ: „документъ этотъ воочію свидѣтельствуетъ о сильномъ возбужденіи христіанъ противъ евреевъ за многія ихъ неправды, въ томъ родѣ и направленіи какъ это изложено нами выше; ибо только это возбужденіе могло вызвать у христіанъ города Войня попытку изыскать случай, чтобы, вопреки самой очевидной несправедливости и бездоказательности, обвинить евреевъ этого города въ страшномъ преступленіи". Кажется, къ этому нечего прибавлять. Если въ Вильнѣ думаютъ, что это наука, то это глубокое заблужденіе.

Не сообщивъ автору должнаго историческаго проникновенія въ дѣйствительную сущность вещей, его архивныя познанія и занятія оказали, очевидно, очень дурную услугу его русскому языку. Онъ пишетъ: „выпускать имѣнія въ аренду", „документы вызываютъ на глубокое размышленіе", „евреи высказали свою угрозу на его жизнь", „евреи стали здѣсь расширяться", „онъ обругалъ священника поносными словами" и т. п. Въ концѣ концовъ, окажется, что и въ этомъ евреи виноваты.

Левицкій, В. А. Къ вопросу о физическомъ состояніи населенія Подольскаго уѣзда. По даннымъ подольскаго уѣзднаго воинскаго присутствія. Изданіе московскаго губернскаго земства. Москва, 1901.

Ежегодно, начиная съ 1874 года, въ 88 губерніяхъ и областяхъ Россіи въ воинскихъ присутствіяхъ осматривается среднимъ числомъ около милліона молодыхъ людей въ возрастѣ 20—21 года. Результаты осмотра въ видѣ записей о физическомъ развитіи (ростъ, окружность груди, болѣзни), семейномъ положеніи, грамотности и занятіи осматриваемыхъ заносятся въ призывные списки. Легко судить, какія богатыя залежи статистическихъ фактовъ должны заключаться въ архивахъ воинскихъ присутствій. Но трудно объяснить себѣ, почему эти статистическія богатства до сихъ поръ находятъ мало охотниковъ для ихъ разработки. Мы разумѣемъ не общую сводку матеріаловъ по всей Россіи, какъ, напримѣръ, изслѣдованіе проф. Д. Н. Анучина „О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи", а мѣстныя поуѣздныя или погубернскія работы. Эти работы, не говоря объ ихъ значеніи, могутъ и должны имѣть весьма солидное значеніе въ дѣлѣ выясненія общественно-санитарнаго положенія данной мѣстности. А такихъ работъ у насъ немного. Кромѣ изслѣдованія д-ра Левицкаго, намъ извѣстна еще работа д-ра Д. Т. Андреева по Краснинскому уѣзду Смоленской губерніи (напечатана въ „Вѣстникѣ Общественной Гигіены, Судебной и Практической Медицины" 1899, IV, V, X), цитирующаго еще только двѣ подобныхъ работы: д-ра Жбанкова по Солигаличскому и д-ра Александрова по Мели-

топольскому уѣзду. Итого четыре работы. А воинскихъ присутствій насчитывается въ Россіи до 700. Уже по одному этому нельзя не привѣтствовать появленія работы д-ра Левицкаго. Ближайшее же знакомство съ ней заставляетъ насъ еще болѣе рекомендовать ее вниманію всѣхъ интересующихся антропологіей и вопросами народнаго здравія. Ограничивъ цѣль своего изслѣдованія вопросомъ: какія мѣстности Подольскаго уѣзда слѣдуетъ считать неблагополучными съ точки зрѣнія физическаго состоянія населенія, авторъ пришелъ въ весьма опредѣленнымъ отвѣтамъ на поставленный имъ вопросъ, вычисливъ коэффиціентъ выживанія до призывного возраста и сопоставивъ данныя о ростѣ. Къ выводамъ авторъ подходитъ съ большой осторожностью: одинъ статистическій фактъ для него еще не является убѣдительнымъ, онъ подкрѣпляетъ его другими, основаніемъ для которыхъ служатъ матеріалы иного порядка. Понятно, какъ повышается этимъ цѣнность выводовъ и какъ возрастаетъ ихъ убѣдительность. Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ исчерпать вполнѣ интересные результаты работы д-ра Левицкаго, но на нѣкоторые изъ нихъ нельзя не указать. Большую половину книги занимаетъ разработка данныхъ о ростѣ. Матеріалы присутствія по измѣренію роста были прежде всего вывѣрены авторомъ по извѣстному закону Кетле биномомъ Ньютона. Получилось замѣчательно точное совпаденіе эмпирической и теоретической кривыхъ роста, и не только по всему уѣзду, но даже по отдѣльнымъ волостямъ. Этимъ вполнѣ подтверждается достовѣрность и — если можно такъ выразиться—доброкачественность того сырого матеріала, съ которымъ пришлось оперировать автору. О факторахъ, вліяющихъ на величину роста, среди антропологовъ нѣтъ согласія: большинство признаетъ вліяніе на личность расы, другіе находятъ важное вліяніе и экономическихъ факторовъ. Послѣднее мнѣніе можетъ быть выражено такъ: чѣмъ бѣднѣе населеніе извѣстной мѣстности, тѣмъ оно, при прочихъ равныхъ условіяхъ (расы, климата и пр.), ниже ростомъ. Изслѣдованіе д-ра Левицкаго подтверждаетъ именно это второе мнѣніе. Средній ростъ новобранцевъ Подольскаго уѣзда по отдѣльнымъ районамъ оказывается далеко неодинаковымъ, чего нельзя бы было ожидать при дѣйствіи на величину роста однихъ расовыхъ вліяній. Въ то время, какъ сѣверо-восточный уголъ уѣзда даетъ средній ростъ призывныхъ въ 1661 миллиметра, въ центрально-западной части уѣзда этотъ ростъ равенъ 1652, а въ южныхъ волостяхъ онъ спускается до 1649 миллиметровъ. Параллельно съ этимъ идетъ и коэффиціентъ выживанія мужского населенія до призывного возраста: 39,39%, 36,54% и 31,87%. Это значитъ, что въ сѣверо-восточной части уѣзда изъ 100 родившихся въ извѣстномъ году мальчиковъ до 20—21 года доживаетъ почти 40, а въ южной только 31 (Въ западныхъ государ-

ствахъ коэффиціентъ выживанія доходитъ до 75%). Полная гармонія существуетъ также между коэффиціентомъ выживанія и дѣтской смертностью, обнаруживающей вообще замѣчательную устойчивость въ своемъ распредѣленіи по отдѣльнымъ территоріямъ (П. И. Куркинъ). Одинаковое соотвѣтствіе наблюдается и въ частотѣ заболѣванія дѣтей англійской болѣзнью. Чтобы судить о степени экономическаго положенія населенія названныхъ районовъ, авторъ, не имѣя прямыхъ показателей матеріальной обезпеченности крестьянъ, воспользовался данными экономическихъ обслѣдованій, произведенныхъ губернскимъ земствомъ въ 1869, 1877 и 1900 годахъ, и цифрами страховой оцѣнки за 1885 годъ. При этомъ онъ исходилъ изъ того положенія, что извѣстный просторъ жилья и размѣры затратъ на него могутъ въ извѣстной мѣрѣ быть показателями матеріальнаго благосостоянія крестьянской семьи. Эти показатели обнаруживаютъ, что малая экономическая обезпеченность обитаетъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ поселилось и санитарное неблагополучіе, выражающееся въ усиленной дѣтской смертности, малой выживаемости и низкомъ ростѣ новобранцевъ. Вотъ Островская волость, новобранцы которой имѣютъ наивысшій ростъ въ уѣздѣ, 1668 миллиметровъ, а коэффиціентъ выживанія достигаетъ 43,29%; она почти безнедоимочна и размѣры жилыхъ помѣщеній въ ней самые большіе въ уѣздѣ. А на другомъ концѣ стоитъ южная Вороновская волость съ наименѣе обезпеченнымъ населеніемъ, дающимъ ростъ новобранцевъ 1648 миллиметровъ и 30,05% коэффиціента выживанія. Историческія условія жизни населенія сыграли не послѣднюю роль въ производствѣ тѣхъ антропологическихъ нормъ, которыя установилъ для Подольскаго уѣзда д-ръ Левицкій. Самая „высокая" Островская волость бо̀льшей частью входящихъ въ составъ ея селеній принадлежала когда-то графамъ Орловымъ-Чесменскимъ; въ бытность министромъ государственныхъ имуществъ графа П. Д. Киселева *) имѣнія эти перешли въ казну, и въ 1861 году крестьяне получили въ надѣлъ всѣ барскія земли. Это позволило имъ уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ произвести полный выкупъ своихъ надѣловъ и положило начало ихъ сравнительной обезпеченности. А вотъ и другой историческій фактъ уже болѣе крупнаго значенія. Дѣтская смертность въ Подольскомъ уѣздѣ постепенно и устойчиво падаетъ (38,2‰ въ 1868—1872 гг. и 28‰ въ 1896—1899). Соотвѣтственно этому уменьшается и процентъ недожившихъ до призывного возраста. При этомъ оказывается, что дѣтская смертность до 1861 года не только не обнаруживала замѣчаемаго теперь паденія, а даже, наоборотъ, имѣла тенденцію къ повышенію. И только съ паденіемъ крѣпостного права началось

*) У г. Левицкаго гр. Киселевъ ошибочно названъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

и паденіе дѣтской смертности. Не смотря на весь интересъ полученныхъ авторомъ результатовъ, намъ кажется, что онъ еще не вполнѣ использовалъ статистическія богатства воинскаго присутствія, даже съ точки зрѣнія поставленной имъ задачи. Такъ, въ концѣ книги у него совсѣмъ особнякомъ помѣщена сводная за 16 лѣтъ таблица „изъятій и отсрочекъ по различнымъ статьямъ устава о воинской повинности"—абсолютныя числа и % отношенія призывныхъ, негодившихся или недоразвившихся для военной службы (а такихъ въ среднемъ было до 37% всѣхъ осмотрѣнныхъ). Таблица эта никакими объясненіями не освѣщена. Межъ тѣмъ анализъ изъятій по росписанію болѣзней, употребляемому въ воинскихъ присутствіяхъ, могъ бы до нѣкоторой степени дать указанія на относительную частоту встрѣчаемыхъ среди новобранцевъ болѣзней вообще и степень распространенія различныхъ страданій по районамъ уѣзда. А теперь эта „нѣмая" таблица способна возбудить въ читателѣ даже нѣкоторое недоумѣніе: самая неблагополучная въ санитарномъ отношеніи волость Вороновская въ итогѣ даетъ наименьшій по всему уѣзду % негодныхъ къ военной службѣ (28,70%) и, въ частности, очень мало невозмужалыхъ—13,74%, и, наоборотъ, самая благополучная Островская волость даетъ максимальный по уѣзду % отсрочекъ за невозмужалостью (27,02) и стоитъ на второмъ мѣстѣ по числу изъятій вообще (39,86%). Такое противорѣчіе во всякомъ случаѣ требовало бы разъясненія. Засимъ авторъ совершенно игнорируетъ данныя о семейномъ положеніи призываемыхъ. Указазанія относительно преждевременныхъ браковъ, числа дѣтей у призываемыхъ и зависимости числа браковъ отъ средней величины роста и пр. могли бы въ значительной мѣрѣ дополнить санитарно-общественную характеристику жителей Подольскаго уѣзда. Небезынтересныя данныя можно бы почерпнуть въ этомъ отношеніи и изъ анализа цифръ льготныхъ различныхъ разрядовъ: не замѣчается ли, напримѣръ, въ Подольскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, уменьшенія числа льготныхъ перваго разряда, что должно указывать одновременно растущую крѣпость крестьянской семьи въ смыслѣ имѣнія большаго числа работниковъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ указать на непріятно бьющую въ глаза транскрипцію иностранныхъ именъ перемѣнно то русскими, то латинскими литерами и пожелаемъ, чтобы работа д-ра Левицкаго нашла себѣ побольше подражателей въ средѣ мѣстныхъ изслѣдователей и пробудила въ нихъ еще дремлющій интересъ къ разработкѣ готоваго и въ достаточной степени достовѣрнаго матеріала.

Врачи и больные. Практическіе совѣты тѣмъ и другимъ доктора **Роберта Герзуни.** Пер. съ нѣмецк. Д. Михайловскаго. М. 1902.

Вопросъ о взаимномъ отношеніи больныхъ и врачей является

безспорно однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ обыденной житейской практики и, поэтому, вполнѣ понятно, что во всѣхъ европейскихъ странахъ время отъ времени возникаютъ попытки выяснить это взаимное отношеніе обѣихъ сторонъ. Въ № 4 „Рус. Бог.“ за 1901 г. мы разбирали книжку итальянскаго врача Угетти „Врачи и паціенты“, теперь мы познакомимъ читателей съ книжкою нѣмецкаго врача на ту же тему. Книжка д-ра Герзуни обладаетъ гораздо большими достоинствами, чѣмъ указанное произведеніе Угетти. Не отличаясь ни глубиною постановки вопроса, ни систематичностью изложенія, книжка Герзуни, всетаки, можетъ быть прочитана со значительною пользою, особенно публикою. Для самихъ врачей книжка эта даетъ, сравнительно, немного. Правда, нашъ авторъ разсматриваетъ всѣ моменты врачебной дѣятельности, начиная съ „перваго посѣщенія больного“ и кончая „безнадежными случаями“ и „консультаціями“; но среди совѣтовъ, даваемыхъ во всѣхъ этихъ случаяхъ д-ромъ Герзуни, едва ли есть хоть одинъ, въ которомъ нуждался бы человѣкъ съ природнымъ тактомъ. Конечно, не всѣ врачи отличаются таковымъ, и, можетъ быть, найдутся врачи, которымъ полезны такіе совѣты: не одѣваться ни „особенно элегантно“, ни особенно плохо (стр. 20), или: не дозволять „больному или его окружающимъ вынудить его (врача) къ распознаванію на удачу“ (стр. 41), когда болѣзнь еще не достаточно выяснилась. Но, повторяемъ, всѣ эти совѣты слишкомъ элементарны, чтобы быть особенно цѣнными.

Гораздо полезнѣе окажется книга Герзуни для публики, которая, дѣйствительно, можетъ здѣсь почерпнуть не мало важныхъ указаній. Такъ, напр., навѣрное большинству публики неизвѣстно, что „такъ называемыя „народныя“ средства большею частью (суть) не что иное, какъ отбросы латинской кухни, а именно— тѣ средства, которыя первоначально употреблялись самими врачами и пріобрѣли, такимъ образомъ, популярность, которую они и сохранили даже послѣ того, какъ были оставлены врачами, какъ недѣйствительныя, или замѣнены были лучшими“ (стр. 73—74).

Весьма полезно прочитать большинству публики и слѣдующее, напримѣръ, мѣсто въ книжкѣ Герзуни: „какъ часто приходится слышать, что такому-то больному врачи предложили, какъ послѣднее средство, ампутацію, или какую-либо другую серьезную операцію, и что больной, отказавшись отъ нея, всетаки выздоровѣлъ... Какое великое торжество невѣжества надъ наукою!.. Однако, — не похоже ли оно на торжество человѣка, выигравшаго большую сумму въ лотереѣ?.. Пусть и правда, что бываютъ случаи, гдѣ упорнымъ несогласіемъ со стороны больного предотвращаются послѣдствія врачебной ошибки, — въ общемъ и цѣломъ, однако, дѣло для больного является только лотерейной игрой: врачъ предлагаетъ больному пожертвовать одной частью

своего тѣла, чтобы только обезпечить ему жизнь; больной же, наоборотъ, ставитъ на карту свою жизнь, чтобы только не отдать одной части своего тѣла... И вотъ, инымъ въ этой опасной игрѣ, дѣйствительно, посчастливится выиграть, и они не нахвалятся своимъ умѣніемъ играть; другіе же проигрываютъ все и, конечно, молчатъ"... (стр. 44—45).

А. К. Дживелеговъ. Средневѣковые города въ западной Европѣ. Спб. 1902.

Работа г. Дживелегова представляетъ собою восьмой выпускъ изданія проф. Карѣева и Лучицкаго „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и въ новое время". Давая на страницахъ „Русскаго Богатства" отзывъ о книжкѣ Огюстена Тьерри „Городскія коммуны во Франціи", мы замѣтили, что постановка и разработка вопроса о средневѣковомъ городѣ у Тьерри страдаютъ полною устарѣлостью. Книгѣ г. Дживелегова этого упрека, во всякомъ случаѣ, сдѣлать нельзя: она считается со всѣми новѣйшими теоріями происхожденія и развитія европейскихъ городовъ. Авторъ говоритъ, что онъ не претендуетъ ни на оригинальность, ни на полноту своего очерка; мы къ этому можемъ прибавить, что, вѣроятно, именно отсутствіе этихъ двухъ претензій и помогло ему написать хорошій популярно-научный этюдъ. Не смотря на нѣсколько сухое изложеніе (особенно во второй и третьей главахъ), книга читается съ большимъ интересомъ. Исторія европейскаго города, говоритъ авторъ, начинается съ римскихъ городовъ, но связь эта почти исключительно внѣшняя: въ очень рѣдкихъ случаяхъ только унаслѣдовали средневѣковые города отъ римскихъ поселеній что-нибудь, кромѣ искаженнаго имени и мѣстоположенія. Военная необходимость, столь обострившаяся въ эпоху переселенія народовъ, заставляла строить стѣны и полагала, такимъ образомъ, начало городскимъ поселеніямъ. Но въ началѣ среднихъ вѣковъ село и городъ *юридически* не различались; только въ XII вѣкѣ параллельно съ хозяйственнымъ переворотомъ появилось коренное различіе между селомъ и городомъ. Замѣтимъ, что авторъ совершенно неправильно полагаетъ, что результатомъ хозяйственнаго переворота XII вѣка было „вытѣсненіе натуральнаго хозяйства мѣновымъ". Даже въ Италіи, не говоря уже о Германіи и Франціи, нельзя констатировать такого явленія въ XII вѣкѣ, какъ *вытѣсненіе* натуральнаго хозяйства. Если бы авторъ сказалъ, что въ XII вѣкѣ *начался* тотъ хозяйственный переворотъ, который къ XV вѣку въ Ломбардіи, къ XIV—XV въ Базелѣ, къ XVI—XVII въ Англіи, къ XVII—XVIII в. въ Германіи совершенно вытѣснилъ натуральное хозяйство въ городахъ,—тогда мы бы ничего не могли сказать противъ этого тезиса. А иначе получается нѣкоторая

хронологическая неточность. Въ зависимости отъ оживленія торговой и промышленной дѣятельности въ городахъ, возростала смѣлость бюргеровъ, всегда желавшихъ освободиться отъ власти сеньоровъ; съ трудомъ, съ значительными пожертвованіями деньгами и кровью, городамъ (если не всѣмъ, то многимъ) удалось освободиться, — инымъ совершенно, другимъ лишь въ смыслѣ пріобрѣтенія правъ внутренняго самоуправленія. Въ городахъ обнаружилось стремленіе уравнять сословный составъ населенія,— но одновременно, въ эти же критическіе вѣка борьбы съ сеньорами и императорами (въ XII—XIV), уже произошла новая разслойка городского населенія—на богатыхъ купцовъ и ремесленниковъ, а потомъ между мастерами-предпринимателями и подмастерьями-рабочими. Съ XVI вѣка замѣчается нѣкоторый упадокъ въ экономической жизни городовъ; политическій упадокъ нѣсколько опередилъ экономическое паденіе; для Ломбардіи онъ начался съ конца XIV вѣка, для Германіи съ XV, для Франціи съ Столѣтней войны. Упадокъ средневѣковаго города знаменовалъ конецъ этого перваго періода исторіи европейскихъ городовъ. Что касается исторической роли городовъ, то въ политическомъ отношеніи они явились могущественнымъ и *принципіальнымъ* противникомъ феодализма, въ соціальномъ отношеніи—они способствовали (особенно, замѣтимъ, въ Италіи) разложенію крѣпостного права, въ нихъ выросла и вскормилась могущественная, долго игравшая чисто революціонную роль общественная сила — буржуазія, въ исторіи умственной жизни въ нихъ началось замѣтнѣе всего крушеніе средневѣкового міросозерцанія. „Мы далеки отъ романтическихъ восторговъ, которымъ такъ охотно поддаются нѣкоторые изслѣдователи“,—пишетъ авторъ въ концѣ своего труда: „мы отлично видимъ всѣ темныя стороны средневѣкового городского развитія и ни мало не склонны проповѣдывать возвращенія къ средневѣковымъ городскимъ порядкамъ. Но, думается намъ, если въ средніе вѣка искать настоящей живой жизни, здоровыхъ общественныхъ отношеній, царства упорнаго, плодотворнаго труда, то всего этого нужно искать не въ церкви, не въ государствѣ, не въ помѣстьѣ, а только въ городахъ“. Это—почти вѣрно; потому „*почти*“, что *совсѣмъ* вѣрны слова нашего поэта: „знаю я, вмѣсто сѣтей крѣпостныхъ, люди придумаютъ много другихъ“... Такихъ сѣтей, болѣе, нежели достаточно существовало и въ средневѣковомъ городѣ, и до *здоровыхъ общественныхъ отношеній* ему было все-таки слишкомъ, слишкомъ далеко.

Не послѣднее достоинство книги г. Дживелегова — полнота библіографіи. Съ удовольствіемъ мы встрѣтили тутъ указаніе на забываемую у насъ иногда классическую книгу Стэбса (Constitutional history of England),—и невольно пожалѣли, что до сихъ поръ нѣтъ у насъ перевода этого труда, *обязательнаго* для вся-

каго, кто интересуется соціально-политическимъ прошлымъ англійскаго народа. Никому и низачѣмъ ненужная, поверхностная, хотя и многотомная хрестоматія Трайля, напротивъ, переведена почти одновременно съ появленіемъ въ подлинникѣ. Пути переводчиковъ неисповѣдимы, а потому для людей, которые, прочтя книгу г. Дживелегова, пожелали бы обстоятельно пополнить свои свѣдѣнія,—это полезное указаніе на Стэбса явится пустымъ звукомъ, если только они не читаютъ по-англійски. И не смотря на богатство библіографіи въ разбираемой книгѣ,—Стэбса они ничѣмъ не замѣнятъ...

В. Б. Друммондъ. Дитя, его природа и воспитаніе. Пер. съ англійскаго А. Г. Каррикъ и С. Л. Феодоровичъ. Спб. 1902.

Это—толково написанная книга. Авторъ ея—человѣкъ свѣдущій и любящій свой предметъ, хотя и не прокладывающій новыхъ путей и не дающій, собственно говоря, ничего оригинальнаго. Но жизнь и воспитаніе ребенка толково разсмотрѣны здѣсь, какъ съ точки зрѣнія гигіены тѣла, такъ и съ точки зрѣнія воспитанія ума, чувства и воли.

Передъ всякимъ педагогомъ возникаетъ прежде всего грозный вопросъ: насколько могущественны всякіе педагогическіе пріемы? Каково взаимоотношеніе „природы" и „воспитанія"? Авторъ формулируетъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: „Природѣ онъ (ребенокъ) обязанъ тѣмъ, что обѣщаетъ, воспитанію—осуществленіемъ обѣщаемаго" (стр. 8). Затѣмъ возникаетъ вопросъ, насколько ребенокъ наслѣдуетъ индивидуальныя измѣненія своихъ родителей. „Нѣкоторые писатели,—говоритъ авторъ,—думаютъ, что если ученіе объ эволюціи вѣрно, то каждое новое свойство человѣка должно же было быть когда-либо пріобрѣтено и передано потомкамъ, иначе и эволюціи не было бы. Но натуралисты употребляютъ терминъ „пріобрѣтено" въ спеціальномъ смыслѣ: они опредѣляютъ имъ свойство, возникшее у индивида, какъ результатъ упражненія или неупражненія какой-либо способности, или какъ *прямое* дѣйствіе внѣшнихъ вліяній" (стр. 12). „Я,—говоритъ авторъ,—признаю вѣроятнымъ, что свойства, пріобрѣтенныя упражненіемъ или неупражненіемъ извѣстныхъ органовъ, не передаются" (стр. 14). Но это признаніе ненаслѣдственности пріобрѣтенныхъ измѣненій нашъ авторъ разсматриваетъ лишь какъ освобожденіе отъ тяжкаго чувства, будто воспитанію приходится „бороться съ природой". „Если мы,—говоритъ онъ,—не можемъ полагаться на то, что хорошія качества родителей воспроизведутся въ потомствѣ безъ терпѣливаго и тщательнаго воспитанія ихъ въ немъ, то мы не должны отчаиваться и въ возможности искоренить пороки, не имѣющіе, быть можетъ, корня въ натурѣ ребенка" (стр. 14—15).

Весьма симпатиченъ и правиленъ взглядъ нашего автора на

„выживаніе слабыхъ“. Онъ рѣшительно протестуетъ противъ того воззрѣнія, будто поддержка слабыхъ ведетъ къ пониженію средняго уровня расы. Вѣдь нѣкоторые доходили даже до того, что считали эпидеміи благодѣтельными явленіями, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, эти эпидеміи освобождали народъ отъ его слабѣйшихъ элементовъ. Такое мнѣніе уже потому несостоятельно, что, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, „слабость дѣтства можетъ быть такъ же фатальна, какъ и слабость организма“ (стр. 16). Наоборотъ, если мы вмѣсто того, чтобы возлагать надежду на естественный отборъ, прибѣгнемъ къ искусственной защитѣ общества, напр., путемъ оспопрививанія, то мы сохранимъ индивидовъ, которые, можетъ быть, и очень чувствительны къ извѣстной болѣзни (въ данномъ случаѣ, къ оспѣ), но во многихъ другихъ отношеніяхъ могутъ принадлежать къ сильнѣйшимъ и полезнѣйшимъ членамъ общества.

Такова общая точка зрѣнія нашего автора. Что касается подробностей изложенія, то, повторяемъ, не представляя ничего новаго и оригинальнаго, книга г. Друммонда является вполнѣ удовлетворительнымъ „введеніемъ къ изученію физическаго и нравственнаго развитія ребенка“.

Д-ръ А. Дэджонъ. Искусство долго жить. Пер. съ англійск. д-ра А. Нѣманскаго. Спб. 1902.

Небольшая книжка, изданная подъ этимъ громкимъ названіемъ, заключаетъ въ себѣ въ сущности лишь весьма элементарныя свѣдѣнія по гигіенѣ. Свѣдѣнія, сообщаемыя д-ромъ Дэджономъ, вѣрны, но его изложеніе отличается двумя великими недостатками: несистематичностью и болтливостью. Послѣдній недостатокъ особенно чувствителенъ для книжки въ 124 стр. небольшого формата, напечатанной разгонистымъ шрифтомъ. Что авторъ не выработалъ себѣ яснаго плана сочиненія, видно хотя бы изъ того, что въ небольшой книжкѣ, состоящей всего изъ 8-ми маленькихъ главъ, цѣлая глава посвящена „бородѣ“. Авторъ является ревностнымъ противникомъ ношенія бороды. „Ни одинъ мужчина,—восклицаетъ онъ,—уважающій современную бактеріологическую науку и заботящійся о здоровьи своей возлюбленной, не имѣетъ права вступить въ періодъ ухаживанія,—періодъ этотъ предполагаетъ много поцѣлуевъ,—не удаливъ предварительно своей бороды“ (стр. 105).

Насколько вообще элементарно и безсвязно изложеніе автора, читатель увидитъ лучше всего, если мы сдѣлаемъ любую выписку изъ „Заключенія“, гдѣ авторъ резюмируетъ свои взгляды. Приведемъ, напр., слѣдующее мѣсто:

„Спать вдвоемъ и неудобно, и вредно, особенно если оба старики. У старика обыкновенно легкій сонъ, и если одинъ про-

снется, то нарушается также сонъ другого. Нѣмцы устраиваютъ обѣденную трапезу въ полдень и поэтому у нихъ существуетъ обычай отдыхать въ полдень. Когда завтракъ состоитъ въ легкой закускѣ, въ полуденномъ отдыхѣ не представляется необходимости. Брачный союзъ старика съ молодой опасенъ для перваго. Общія наблюденія показываютъ, что когда старикъ женится на молодой, онъ рѣдко не платится жизнью за неравный бракъ.

„Доступъ чистаго воздуха въ помѣщеніе имѣетъ важное значеніе для сохраненія здоровья и силы. Желательно поэтому, чтобы комнаты, занимаемыя молодыми и старыми людьми, были обширны и хорошо вентилировались“ (стр. 120).

Все это такъ и написано въ подлинникѣ, т. е. одно за другимъ, безъ всякаго перерыва.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

А. А. Марлинскій (А. А. Бестужевъ). Замокъ Нейгаузенъ. Кровь за кровь. Съ біографіей А. Бестужева. Изданіе А. С. Суворина («Дешевая библіотека»). Спб. 1902. Ц. 15 к.

П. П. Гнѣдичъ. Антиподъ и другіе разсказы. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказы путника (***Н. Н. Лендера***). Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1902. Ц. 1 р.

И. Ф. Косиновъ. Въ колесѣ жизни. Наброски. Екатеринодаръ. 1901. Ц. 50 к.

Т. Н. Львовъ. Дѣвчонки умнѣе стариковъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М. 1902. Ц. 60 к.

Изъ огня выхватило. Картины изъ русской народной жизни въ 4-хъ дѣйствіяхъ. ***Ф. А. Ярыгина.*** М. 1901.

Е. Н. Любичъ. Изъ жизни. Разсказы и наброски. Изданіе Г. Н. Коронта. Одесса. 1902. Ц. 50 к.

Полное собраніе сочиненій ***К. Головина*** (К. Орловскаго). Т. III. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Собраніе сочиненій ***Элизы Ожешко.*** Переводъ съ польск. подъ ред. С. С. Зелинскаго. Т. IV. Изданіе Б. К. Фукса. Спб. 1902.

Иванъ Бунинъ. Новыя стихотворенія. М. 1902. Ц. 1 р.

Басни ***И. А. Крылова.*** 2-е изданіе. И. Ѳ. Жиркова. М. 1902. Три книжки. Ц. 5 к. за книжку.

Избранныя стихотворенія ***А. В. Кольцова.*** 2-е изданіе. И. Ѳ. Жиркова. М. 1902. Двѣ книжки. Ц. 5 к. за книжку.

Стихотворенія ***К. С—каго.*** Томскъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Барона Мюнхгаузена разсказы объ его удивительныхъ приключеніяхъ и походахъ въ Россіи и другихъ странахъ. Переводъ и введеніе З. А. Венгеровой. Изданіе т-ва «XX Вѣкъ». Спб. 1901. Ц. 50 к.

Теодоръ Герцль. Философскіе разсказы. Переводъ съ нѣм. Е. М. и А. К. Изданіе т-ва «XX Вѣкъ». Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

«Несчастные». ***Викторъ Гюго.*** Переводъ О. Н. Поповой и А. Н. Энгельгардтъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1902. Ц. 3 р.

Библіотека для дѣтей и для юношества подъ ред. И. Горбунова-Посадова. М. 1902. Другъ животныхъ. Книга о вниманіи, состраданіи и любви къ животнымъ. Гуманитарно-зоологическая

хрестоматія. Составили ***И. Горбуновъ-Посадовъ*** и ***В. Лукьянская***. Часть I. Съ 145 рис. Ц. 85 к.—Майскій цвѣтокъ и др. разсказы. ***К. Дугласъ-Виггинъ, А. Додэ, Ф. Коппе*** и ***Уйда***. Съ рис. Ц. 55 к.—Подъ громомъ пушекъ. Разсказы-воспоминанія изъ франко-прусской войны. ***К. Клейна***. Переводъ съ нѣм. С. А. Порѣцкаго. Съ рис. Ц. 80 к.—Друзья растеній. Разсказы о дружбѣ растеній съ животными. С. А. Порѣцкаго. Съ рис. Ц. 50 к.

Изданія «Посредника». Три тысячи лѣтъ тому назадъ. Разсказы изъ исторіи Греціи. Составила ***А. Лукьянская***. Съ рис. М. 1901. Ц. 40 к.— Душа одного народа. Разсказы англ. офицера ***Фильданга*** о жизни его въ Бирмѣ. Переводъ съ англ. П. А. Буланже. М. 1902. Ц. 1 р.

Н. К. Михайловскій и его труды. ***Н. В. Рейнгардта***. Казань. 1902. Ц. 35 к.

Мэтью Арнольдъ. Задачи современной критики. Переводъ съ англ. Изданіе «Посредника». М. 1902. Ц. 15 к.

Ученіе гр. Толстого о жизни. 2-е изданіе «Посредника». М. 1902. Ц. 15 к.

В. А. Добролюбовъ. Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ. Спб. 1902. Ц. 80 к.

Н. Г. Молоствовъ. Борецъ за идеализмъ. (Слово правды о А. Л. Волынскомъ). Рига. 1902. Ц. 1 р.

Петръ Струве. На разныя темы (1893—1901 гг.). Сборникъ статей. Спб. 1902. Ц. 3 р.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Вып. XVII. Ц. 40 к.

Тропическая Голландія. Пять лѣтъ на островѣ Явѣ. Съ 6-ю картами. ***М. М. Бакунинъ***. Спб. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

С. Н. Браиловскій. Тазы или Удиһэ. (Съ 8-ю рис.). Опытъ этнографическаго изслѣдованія. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Вильгельмъ Вундтъ. Система философіи. Переводъ съ нѣм. А. М. Водена. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1902. Ц. 3 р.

Р. В. Эмерсонъ. Высшая душа. Переводъ съ англ. И. Накашидзе. Изданіе «Посредника». М. 1902. Ц. 20 к.

Проф. ***Маршалъ***. Анатомія птицъ въ общедоступномъ изложеніи. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Н. А. Холодковскаго. 2-е удешевл. изд. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія т-ва «XX вѣкъ». Спб. 1902. Д-ръ ***А. Дэджонъ***. Искусство долго жить. Переводъ съ англ. д-ра А. Нѣманскаго. Ц. 40 к.—***В. Б. Друммондъ***. Дитя, его природа и воспитаніе. Переводъ съ англ. А. Г. Каррикъ и С. Л. Феодоровичъ. Ц. 1 р.—***Людвигъ Крживицкій***. Психическія расы. Опытъ психологіи народовъ. Переводъ съ польск. Р. В. Крживицкой, подъ редакціей автора. Съ 16 иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.—***Е. д'Эйхталь***. Алексисъ Токвиль и либеральная демократія. Переводъ М. Г. Васильевскаго. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣева. Съ портретомъ Токвиля. Ц. 1 р.—***А. де-Норвенъ***. Американскіе милліардеры. Съ 16 портретами и приложеніемъ статьи Андрью Карнеги: Предубѣжденія противъ трестовъ. Переводъ съ франц. Подъ ред. А. Е. Яновскаго. Ц. 1 р. 50 к.

И. Н. Канадъевъ. Очерки закавказской жизни. Т. I. Спб. 1902. Ц. 2 р.

Ф. Я. Конъ. Историческій очеркъ Минусинскаго мѣстнаго музея за 25 лѣтъ (1877—1902 г.). Казань. 1902 г.

Г. Тардъ. Общественное мнѣніе и толпа. Переводъ съ франц. П. С. Когана. М. 1902. Ц. 1 р.

К. Кушановъ. Южно-манчжурскіе безпорядки въ 1900 г. Изданіе К. М. Ѳедорова. Асхабадъ. 1902. Ц. 2 р.

А. Л. Рубиновскій. Объ «условномъ осужденіи». Каменецъ-Подольскъ. 1902. Ц. 25 к.

Д-ра ***Адольфа Меркеля***. Юридическая энциклопедія. Переводъ Ф. К. Зейделя подъ ред. В. М. Грибовскаго. Изданіе кн. магазина Н. К. Мартынова. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Погледъ върху дѣятелностьта на българската екзархая. Отъ ***Ѳ. М.*** и ***Б.*** Leipzig 1902.

О. М. Лернеръ. Одесская старина. Историческіе очерки. Одесса. 1902.

Матеріалы для исторіи экономич., юридич. и обществ. быта Старой Малороссіи, издаваемые подъ ред. Н. П. Василенка. Вып. I. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка. Черниговъ. 1901. Ц. 1 р.

Борьба съ сифилисомъ, какъ предметъ общественной гигіены. Д-ра ***П. А. Граціанова***. (Отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго журнала кожныхъ и венерическихъ болѣзней»). Харьковъ. 1902.

Гигіена дѣтей ***А. Н. Филиппова***. Съ 32 рис. 3-е изданіе. М. 1902. Ц. 2 р.

Народная школа. Вып. 2-й. Первое знакомство съ географіей Россіи. Для

воскресныхъ и начальныхъ школъ. Съ 54 рис. и планами, 12 картами въ текстѣ и одной на отд. листѣ. Составилъ *Владиміръ Львовъ*. М. 1902. Ц. 1 р.

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ редакціей Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго. Т. IV. Спб. 1902.

В. Л. Дѣдловъ. Школьныя воспоминанія. Спб. 1902. Ц. 1 р.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности курсовъ для рабочихъ и ремесленниковъ г. Харькова за первые полтора года ихъ существованія. Харьковъ. 1902.

Цѣны на рабочія руки при заблаговременномъ наймѣ на сельско-хозяйственныя работы. Сочиненіе *Липскаго*. Изданіе А. Новикова. Спб. 1902. Ц. 80 к.

А. И. Фаресовъ. Земледѣльческія и ремесленныя коопераціи въ Россіи. Спб. 1902. Ц. 40 к.

Второй сборникъ статей, 1901—1902 гг. *Александра Новикова*, автора «Записокъ земскаго начальника». Спб. 1902.

Научно-промысловыя морскія изслѣдованія у береговъ Мурмана. Программа работъ на предстоящее трехлѣтіе и, особо, на текущій 1902 годъ. Спб. 1902.

Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1901 г. Красноярскъ. 1902 г.

Изданія главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Спб. 1902. Попечительства о народной трезвости въ 1899 г.—Статистика по казенной продажѣ питей въ 1899 г.

Григорій Москвичъ. Иллюстрированный практическій путеводитель по Волгѣ. Одесса. 1902. Ц. 1 р. (въ переплетѣ).

Народъ и книга.

(Изъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній).

Два тома „Что читать народу?“, возбудившіе въ свое время въ печати и обществѣ большой интересъ къ вопросу о народной литературѣ и народномъ читателѣ, вызвали также кое-гдѣ и попытки устройства народныхъ чтеній такого же характера, какъ и чтенія учительницъ харьковской воскресной школы. Книги эти дали и мнѣ первую идею познакомиться съ народомъ, какъ читателемъ, посредствомъ подобныхъ чтеній. Опытъ харьковскихъ учительницъ казался мнѣ не вполнѣ удовлетворительнымъ по своей постановкѣ, и мнѣ хотѣлось организовать мои чтенія нѣсколько иначе, придать имъ больше свободы и объективности. Обстоятельства вполнѣ благопріятствовали мнѣ въ этомъ отношеніи.

Капитальный трудъ харьковскихъ учительницъ, составленный по иниціативѣ и подъ руководствомъ заслуженной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской, положительно создалъ эпоху въ дѣлѣ народной литературы. Явившись первой серьезной попыткой непосредственнаго изученія народнаго читателя, его уровня развитія, его запросовъ, его отношенія къ печатному слову,—трудъ этотъ выдвинулъ вопросъ о народной литературѣ, перенесъ его изъ кабинета педагоговъ и издателей на судъ самаго народа и этимъ поставилъ его на почву правильнаго научнаго изслѣдованія. Помимо этого, оба тома „Что читать народу?“,

заключающіе въ себѣ разборъ 2510 народныхъ книгъ, большая часть которыхъ была прочитана въ аудиторіи воскресной школы или въ деревнѣ, содержатъ такую массу интереснаго и цѣннаго матеріала, столько характерныхъ чертъ психологіи народнаго читателя, что положительно должны быть настольной книгой всякаго работающаго или собирающагося работать въ средѣ народа.—Но рядомъ съ этими большими достоинствами трудъ харьковскихъ учительницъ страдаетъ и нѣкоторыми крупными недостатками, происшедшими, главнымъ образомъ, вслѣдствіе не совсѣмъ правильной и объективной постановки самаго опыта. И въ городской, и въ деревенской аудиторіяхъ Х. Д. Алчевской книжки читались всегда людьми интеллигентными и читались, конечно, такъ, какъ не прочтетъ никакой народный читатель; помимо этого, при чтеніи сколько-нибудь сложныхъ по формѣ или содержанію художественныхъ произведеній, чтицы дѣлали вступленія, давали подробныя объясненія не только словъ и выраженій, но и литературныхъ формъ и типовъ. Все это отнимало у опыта характеръ прототипа самостоятельнаго чтенія народныхъ грамотѣевъ. Съ другой стороны, то обстоятельство что книжки читались человѣкомъ иной среды, иного развитія, да еще женщиной, да еще учительницей—должно было сильно отразиться на отношеніи слушателей къ читаемому, должно было заставить ихъ быть сдержанными, а иногда и неискренними въ своихъ отзывахъ и разсужденіяхъ.

Задавшись цѣлью сдѣлать мои чтенія, по возможности, прототипомъ *самостоятельныхъ* народныхъ чтеній, я, прежде всего, старался ограничить мое личное участіе въ чтеніяхъ до крайняго minimum'a. Не задавалъ я слушателямъ никакихъ вопросовъ, не давалъ—по крайней мѣрѣ, во время самаго чтенія,—никакихъ объясненій, не вмѣшивался въ ихъ разсужденія, не останавливалъ постороннихъ разговоровъ, когда ими прерывались чтенія. Выборъ книжки предоставлялъ я большей частью слушателямъ, а если между ними оказывался человѣкъ достаточно грамотный, то я предоставлялъ ему и самое чтеніе.

Что касается уровня грамотности и развитія моихъ слушателей, онъ былъ *ниже средняго*. Девять десятыхъ деревенскихъ слушателей были совершенно неграмотные, рѣдко-рѣдко выѣзжавшіе изъ своей деревни.

Считаю нужнымъ оговориться, что я совершенно не имѣю въ виду на основаніи моего ограниченнаго опыта дѣлать какія-нибудь широкія обобщенія. Единственная задача предлагаемыхъ очерковъ — это *намѣтить* нѣкоторыя характерныя особенности психологіи народнаго читателя и обратить на нихъ вниманіе будущихъ изслѣдователей.

I. Литература въ классификаціи народнаго читателя.

I.

Народъ, какъ извѣстно, относится съ глубокимъ почтеніемъ къ печатному слову: „Напечатано—значитъ, правда; напечатано,—значитъ, справедливо“. Такое отношеніе къ печатному слову сложилось у народа подъ вліяніемъ религіозной книги, которая первая проникла въ народную среду и цѣлые вѣка оставалась тамъ единственной, къ которой народъ относился и продолжаетъ относиться съ благоговѣніемъ и безусловнымъ довѣріемъ, какъ къ святынѣ.

Съ конца прошлаго столѣтія въ народную среду начали проникать и свѣтскія книги. Одновременно съ житіями святыхъ и другими религіозными книгами, офеня понесъ въ деревню и „Бову Королевича“, и „Еруслана Лазаревича“, и „Францыля“, и „Милорда“ и разныя народныя сказки. Затѣмъ пошли рыцарскіе романы, завалявшіяся сантиментальныя повѣсти и самостоятельная стряпня лубочныхъ писателей. За неимѣніемъ лучшаго, народъ принялъ эту литературу, но онъ и оцѣнилъ ее по достоинству. Лубочную свѣтскую книжку онъ не призналъ даже *книгой*, оставивъ ей, независимо отъ содержанія, презрительное въ устахъ народа, названіе—*сказки*.

Этими двумя рѣзко противоположными опредѣленіями произведеній литературы народный читатель могъ довольствоваться лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не зналъ иныхъ книгъ, кромѣ религіозныхъ, съ одной стороны, и свѣтскихъ лубочныхъ, съ другой. Но едва только въ народную среду начала проникать *новая* книга, изданная или составленная для народа людьми интеллигентнаго общества; книга, въ которой изображается реальная жизнь, большей частью, даже народная, съ ея горемъ и радостью; книга, въ которой подымаются вопросы моральнаго и соціальнаго характера,—едва только народный читатель получилъ возможность хоть нѣсколько познакомиться съ *этой* книжкой, какъ онъ сразу выдѣлилъ ее въ особую категорію. Новая книжка, конечно, не религіозная: въ ней нѣтъ ни святыхъ, ни описанія чудесъ, ни славянскихъ изреченій, но она и не сказка—„брехня“, не „басня“, не пустое балагурство. Она—*житейская книжка* и имѣетъ свой интересъ, свое серьезное значеніе.

Такимъ образомъ, у народа, которому совершенно неизвѣстны и непонятны наши многочисленныя дѣленія произведеній художественной литературы, самостоятельно выработалось дѣленіе извѣстной ему литературы на три отдѣла: 1) божественныя книжки; 2) „сказки“, и 3) житейскія книжки. Посмотримъ, какіе запросы предъявляетъ народъ каждому изъ этихъ отдѣловъ.

II.

Въ моей личной практикѣ мнѣ не часто приходилось читать такія религіозныя книжки, которыя заранѣе были бы знакомы слушателямъ, какъ „божественныя". Это, однако, не помѣшало мнѣ замѣтить, что къ книжкамъ этой категоріи слушатели относились съ глубокимъ благоговѣніемъ, положительно, какъ къ святынѣ *). Это часто высказывалось и при чтеніи свѣтскихъ книжекъ. Такъ, напр., для понравившейся книжки не существовало болѣе высокой похвалы, какъ возведеніе ея въ разрядъ божественныхъ; для добродѣтельныхъ героевъ не было высшей награды, какъ пріобщеніе ихъ къ лику святыхъ (нѣкоторые герои признавались даже ангелами). Почти всѣ положительные персонажи наиболѣе понравившихся разсказовъ, отъ сапожника Семена (въ сказкѣ Толстого „Чѣмъ люди живы") до Дездемоны, были канонизированы слушателями. Если мнѣ рѣдко случалось самому предлагать слушателямъ чтеніе божественныхъ книжекъ, то иногда случалось, что чтеніе какого-нибудь свѣтскаго разсказа, даже очень интереснаго, вдругъ прерывалось просьбой:

— А ты бъ лучше почиталъ намъ какую ни на есть божественную... „нашу" бы намъ почиталъ!..

И при этомъ мнѣ обыкновенно протягивалась засаленная, истрепанная книжка, большей частью „Житіе святого", изданіе какой-нибудь „обители". И когда я начиналъ читать эту, въ большинствѣ случаевъ, безграмотную, варварскимъ языкомъ написанную книжку, слушатели слѣдили за моимъ чтеніемъ съ благоговѣніемъ, съ восторженной любовью, съ широко раскрытыми глазами и, повидимому, съ такою же широко раскрытою душей.

Такъ относились къ „божественному чтенію" крестьяне. Шахтеры и „босяки", напротивъ, никогда сами не требовали религіозной книжки и сильно тяготились такимъ чтеніемъ, находили его неинтереснымъ. Но различіе между рабочими и крестьянами было только по отношенію къ чтенію, а не къ самой религіозной книжкѣ, къ которой и шахтеры, и босяки относились съ глубокимъ уваженіемъ. Самое нежеланіе слушать „божественное чтеніе", особенно въ нетрезвомъ состояніи, большей частью моти-

*) Это отмѣчаютъ чуть-ли не всѣ писавшіе объ отношеніи народа къ книгѣ. «Божественная книжка въ глазахъ деревенскаго читателя,—пишетъ, напр., Н. А. Рубакинъ,—окружена какъ бы ореоломъ. «Разъ ты пріобрѣлъ духовную книжку на собственыя средства, пишетъ одинъ грамотѣй (Петерб. губ. Петергоф. уѣзд.), ты совершилъ цѣль добродѣтели навсегда, не только для себя, но и для ближняго своего». Духовныя книжки хранятся у образовъ, свѣтскія же книжки, особено такія, какихъ больше всего, т. е. лубочныя, такимъ почетомъ не пользуются». («Этюды о русской читающей публикѣ», стр. 152).

вировалось именно несоотвѣтствіемъ между грѣховностью своей жизни и святостью религіозной книжки. Въ казармѣ, гдѣ во время чтенія свѣтскихъ книжекъ слушатели выражали свои мысли и впечатлѣнія, нисколько не стѣсняясь въ выраженіяхъ,—при чтеніи религіозной книжки никогда не раздавалось ни циничнаго слова, ни насмѣшки. Даже безобидное, но легкомысленное замѣчаніе встрѣчало осужденія. При чтеніи разсказа „Фабіола", изъ жизни первыхъ христіанъ, отчасти причисленныхъ слушателями къ разряду „божественныхъ", какой-то шахтерикъ, разсматривая на обложкѣ изображеніе св. Цициліи, воскликнулъ:

— А красивая какая—страсть!

— Васькѣ только бы красота, больше ему ничего не надо,— отозвался съ насмѣшливымъ упрекомъ другой.

— Тоже!—воскликнулъ съ возмущеніемъ еще одинъ.—Читаютъ божественное, а онъ все свое—„кра-со-та"! *)

Въ общемъ, отношеніе народа къ религіозной книжкѣ приблизительно такое же, какъ къ церковной проповѣди. Въ божественной книжкѣ народный читатель ищетъ моральнаго поученія, примѣра, нравственной поддержки; онъ, помимо того, ищетъ въ ней рѣшенія мучающихъ его вопросовъ моральнаго, а иногда и соціальнаго характера. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ часто считаетъ самое чтеніе религіозной книжки добрымъ, богоугоднымъ и душеспасительнымъ дѣломъ, а въ самой книжкѣ видитъ нѣчто вродѣ предохраняющаго отъ несчастій амулета.

Но помимо всего этого, средній народный читатель находитъ въ „божественномъ чтеніи" особенное эстетическое удовольствіе. Слушая чужое или свое собственное заунывно-монотонное чтеніе; смутно улавливая значеніе полупонятныхъ, но несомнѣнно прекрасныхъ словъ, измученный трудомъ и заботами, темный и бѣдный человѣкъ проникается какимъ-то особеннымъ возвышеннымъ настроеніемъ. Божественное чтеніе превращается въ музыку, ласкающую слухъ, успокаивающую душу.

Одна маленькая, но живо запечатлѣвшаяся къ моей памяти, сценка ярко освѣтила мнѣ эту психологію истомленнаго деревенскаго человѣка, ищущаго въ религіозной книжкѣ отвѣта своему настроенію.

Во время чтенія въ деревнѣ какой-то книжки, мимо нашей группы, расположившейся на улицѣ у „сборни" прошелъ нищенькій, сгорбленный старичекъ.

---

*) Особенно сильна привязанность къ религіозной книжкѣ, конечно, у стариковъ. Это привелось мнѣ лично неоднократно констатировать, это отмѣчаетъ и Н. Рубакинъ: «Въ 168 отвѣтахъ (на «Опытъ программы»), словомъ, почти во всѣхъ, которые содержатъ отвѣтъ на 78-й вопросъ, говорится, что старики больше любятъ читать книжки духовно нравственнаго содержанія». И не только сами любятъ читать, но и заставляютъ дѣтей и молодежъ читать эти книжки («Этюды» стр. 151).

— Дѣдъ Семенъ, куда идешь?—остановилъ его кто-то.

— Въ „дворъ“ землю брать... отвѣтилъ старикъ дребезжащимъ голосомъ, какъ-то пытливо взглядывая на насъ своими слезящимися моргающими глазками.

— Въ конторѣ никого нѣтъ, — садись къ намъ, сказку послухаешь...

Старикъ пожевалъ губами, нѣсколько секундъ смотрѣлъ на меня грустнымъ покорнымъ взглядомъ и тихо проговорилъ:

— Плакать хочется...

Нижняя губа его задрожала, глаза покраснѣли,—а онъ все не спускалъ съ меня своего добраго покорнаго взгляда.

— Дѣтки мрутъ... скотинка падаетъ... хлѣбъ нѣтъ... А ты читаешь должно про смѣшное, чтобъ разсмѣшить. Какъ бы ты про Бога читалъ...

И махнувъ рукой, онъ добавилъ:

— Пусть молодые слухаютъ...

И съ понурой головой тихо пошелъ въ „дворъ“...

II.

Подъ словомъ „сказка“ въ примѣненіи къ *печатнымъ* произведеніямъ, народъ понимаетъ совершенно не то, что мы понимаемъ подъ этимъ словомъ: разсказъ о фантастическихъ, невозможныхъ въ дѣйствительности событіяхъ. „Сказкой“ народъ называетъ тѣ произведенія, сказочныя или реалистическія, которыя кажутся ему недостаточно серьезными, которыя не удовлетворяютъ его строгому понятію о *книгѣ*, которыя не производятъ на него достаточно сильнаго впечатлѣнія. Такъ какъ большая часть свѣтской лубочной литературы не удовлетворяетъ ни одному изъ этихъ требованій, то народъ и оставилъ за нею знакомое ему издавна названіе „сказка“.

„Сказка“—прежде всего выдумка, цѣликомъ или частью, и это уже лишаетъ ее всякаго серьезнаго значенія. Выдумывать небылицы, „исторіи“, конечно, не станетъ человѣкъ серьезный. Можетъ заниматься этимъ только легкомысленный сказочникъ, балагуръ („брехунъ“), заниматься для потѣхи, для смѣха, для развлеченія. „Сказка“ не преслѣдуетъ никакой серьезной цѣли, не заключаетъ въ себѣ никакой моральной тенденціи. И если чтеніе ея подобаетъ дѣтямъ, простительно молодымъ людямъ, то солидному пожилому человѣку, а въ особенности старику и неприлично, и грѣшно заниматься подобными пустяками.

«Многія свѣтскія книжки, которыя «пустое пишутъ»,—говоритъ Н. Рубакинъ,—крестьяне называютъ *«побасенками»*. Намъ сообщаютъ даже о дѣленіи литераторовъ на «писателей» (кто «хорошо пишетъ») и «сочинителей» (кто «зря болтаетъ») и дѣленіе литературы на «божественное» и на «сказки» или

«басни». Басни—это такъ, пустяки. забава; онѣ не нравятся, ихъ не любятъ, о нихъ говорятъ, что изъ нихъ ничего вынести нельзя. Но только что они поймутъ, что и въ баснѣ содержится правда, нравоученіе и т. п., тогда и басни начинаютъ нравиться, ихъ любятъ и читаютъ... Тотъ же процессъ совершается и по отношенію къ другимъ беллетристическимъ произведеніямъ и инымъ книгамъ. Если книга ничего не даетъ—«пустяки», «побасулька». Деревенская читающая публика не гонится за щекотаніемъ нервовъ, какъ дѣлаетъ это публика столичная. Она требуетъ отъ книги «пользы» *).

Точно такую же характеристику отношенія народа къ свѣтской лубочной книжкѣ находимъ мы и въ статьѣ г. П. Орелкина, резюмирующей отвѣты бывшихъ учениковъ народныхъ школъ на опросъ: какія книги они читали и что они вынесли изъ этого чтенія.

«Что книги беллетристическія цѣнятся крестьянами ниже, чѣмъ религіозныя, историческія и «поучительныя», — говорится въ этой статьѣ, — показываютъ, между прочимъ, нерѣдкія оговорки при перечисленіи этихъ книгъ, что читаются онѣ или «отъ скуки», или отъ «нечего дѣлать», или за неимѣніемъ серьезныхъ книгъ или же читались и «занимали только въ молодости»... Беллетристика представляется обыкновенно читателю изъ народа въ образѣ «потѣшныхъ книгъ», «дряни» и «чепухи», распространяемой по деревнямъ лубочниками».

Далѣе въ этой же статьѣ приводятся отзывы молодыхъ и пожилыхъ крестьянъ о книгѣ.

Изъ хорошихъ книгъ и вѣдомостей,—пишетъ одинъ крестьянинъ,—научился, что дѣлается въ пространствѣ всей Европы, а остальныя книги, *сказки* **), считаю просто одни *плевелы*.

Такъ думаютъ пожилые люди... Не менѣе рѣшительно осуждаютъ лубочную литературу, «сказки», «потѣшныя книжки»,—и деревенская молодежь, представители которой изъ разныхъ мѣстъ Россіи пишутъ: «въ книгахъ нашелъ мало чего хорошаго, потому что читалъ только сказки, а хорошихъ книгъ на базарѣ не продается». У «рашевцевъ» мало хорошихъ книгъ попадается,—все больше сказки», у офеней такія книги, что разъ прочитаешь— и бросай: ничего въ ней дѣльнаго нѣтъ»... «Къ намъ торговцы привозятъ больше «сказочки», «много приходится прочитать и хорошаго и *дурнюю— сказокъ*», «у торгашей (продаются) только маленькія книжки—пустяки всякіе»... «Не понимаю, какъ цензура позволяетъ печатать такую дрянь» (т. е. лубочныя книжки), «за неимѣніемъ другого прочтешь и Бову Королевича или другую какую-нибудь чепуху» ***).

Приведенныя выдержки изъ статей Н. Рубакина и г. Орелкина, подтверждаемыя моими личными наблюденіями, о которыхъ буду подробно говорить въ слѣдующихъ главахъ, позволяютъ, кажется, опредѣлить не только какъ народный читатель относится къ лубочной книжкѣ, но и почему онъ такъ къ ней относится.

*) «Этюды», стр. 167—8.

**) Въ отвѣтахъ другихъ корреспондентовъ эти «остальныя книги» называются, въ отличіе отъ религіозныхъ и серьезныхъ, «прочими» «простыми», «разными» и т. д.

***) «Отвѣты» и т. д. Рус. Нар. Уч. 1893 г., № 11.

У народа, безъ сомнѣнія, существуютъ художественно эстетическія потребности, но эти потребности у него совершенно не связаны съ книгой, какъ художественнымъ произведеніемъ. Болѣе того, народъ, въ огромномъ своемъ большинствѣ, даже и не представляетъ себѣ книгу, беллетристическое произведеніе, какъ предметъ художественнаго творчества—не лубочной же „сказкѣ“, большей частью рѣзко анти-художественной, грубой и циничной, было развить въ немъ это представленіе, и не въ ней, конечно, а въ своемъ собственномъ творчествѣ, ищетъ и находитъ онъ удовлетвореніе своимъ художественно эстетическимъ запросамъ.

Лубочная книжка, не заключающая въ себѣ ничего серьезнаго и полезнаго, въ состояніи дать читателю одно только—развлеченіе. Описаніе и невѣроятныхъ, страшныхъ и кричащихъ событій способно на часъ, два унести читателя изъ окружающей среды, какъ уноситъ его изъ нея лишняя рюмка водки, способно вызвать извѣстное нервное напряженіе. Крестьянскій читатель если не всегда отказывается, то и не гонится за этимъ „щекотаніемъ нервовъ“, считаетъ это удовольствіе въ лучшемъ случаѣ безполезнымъ. Поэтому онъ лубочную книжку читаетъ только отъ „нечего дѣлать“ и постоянно награждаетъ ее такими эпитетами, какъ „побасулька“, „чепуха“, „дрянь“ и т. п.

Иначе относится къ лубочной книжкѣ рабочій. Онъ тоже не ищетъ въ ней ни художественныхъ красотъ, ни серьезныхъ мыслей, ни полезныхъ указаній, но ему, какъ человѣку съ менѣе здоровыми нервами, чѣмъ крестьянинъ, нужно, чуть-ли не необходимо подобное нервное возбужденіе, подобное острое удовольствіе; онъ болѣе, чѣмъ крестьянинъ, чувствуетъ потребность уйти хоть на часъ въ совершенно иной міръ, далекій, невѣроятный, фантастическій. Припомните замѣчательное по своей силѣ и глубинѣ опредѣленіе этой потребности рабочаго человѣка „уйти“, „забыться“, данное Глѣбомъ Ивановичемъ Успенскимъ *).

Народный читатель хорошо понимаетъ ничтожество „сказокъ“ и „побасулекъ“, но ему необходимы эти Рокамболи, эти „Разбойники Чуркины“, эти „Кровавыя призраки безъ головы“, „Мертвецы безъ гроба“, „Чортовы гнѣзда“ и т. п., составляющія главную часть лубочной литературы.

Литература эта, правда, составляетъ самое любимое чтеніе и другихъ малокультурныхъ классовъ.

---

*) «На старомъ пепелищѣ» Соч. т. I, стр. 558—9.

III.

Какъ, вѣроятно, и всякій, устраивавшій народныя чтенія, я началъ съ произведеній нашихъ великихъ писателей. Зная невысокій уровень развитія моихъ слушателей, я не ожидалъ отъ чтеній особеннаго успѣха. Но неуспѣхъ ихъ былъ гораздо больше даже того, что я ожидалъ. Пробовалъ я читать и Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Некрасова, Тургенева и Достоевскаго,—и каждое изъ этихъ чтеній оставляло въ моей душѣ осадокъ жгучей обиды и тоски, болѣзненное чувство, которое можетъ быть понятно только тому, кто самъ пережилъ эти впечатлѣнія. Слушатели мои не только не понимали того, что я читалъ, они не старались, не хотѣли понять. Послѣ первыхъ двухъ-трехъ страницъ, они становились равнодушными къ тому, что я читалъ и никакія мои усилія возбудить ихъ интересъ не дѣйствовали. Большую часть отрывковъ и разсказовъ приходилось оставить недочитанными и при этомъ выслушивать упреки, зачѣмъ я и началъ читать „такое непонятное", „такое неинтересное", „такую чепуху". Единственно, что слушатели хорошо поняли изо всего читаннаго изъ произведеній великихъ писателей,—это „Сказки" Пушкина, „Вечера на хуторѣ", „Пѣсню про купца Калашникова", „Генералъ Топтыгинъ" и нѣсколько другихъ мелкихъ стихотвореній Некрасова. Во время этого опыта я вполнѣ раздѣлялъ общее мнѣніе, что передача народу произведеній нашихъ великихъ писателей необходима и составляетъ нравственный долгъ всякаго интеллигентнаго человѣка *). И тѣмъ не менѣе я не находилъ въ себѣ мужества продолжать долго эти мучительныя чтенія, которыя казались мнѣ профанаціей великихъ твореній и кровной обидой не понимавшему ихъ темному слушателю. Меня не подкупала мысль, что „какъ никакъ", а народъ всетаки узнаетъ имя Пушкина и Гоголя. Гораздо лучше, если онъ совершенно не будетъ знать этихъ именъ, чѣмъ если онъ будетъ знать Пушкина *только* какъ автора „Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ", Некрасова *только* какъ автора „Генерала Топтыгина". Какая иронія, какая горькая обида и для великихъ писателей, и для народа въ этомъ „знакомствѣ"; какой самообманъ со стороны тѣхъ, кто является въ роли знакомящихъ!..

Послѣ небольшого сравнительно опыта чтеній произведеній великихъ писателей, я перешелъ къ чтенію народныхъ изданій, которыя могли бы быть всецѣло понятыми моими слушателями.

---

*) Подробному разбору вопроса о пригодности, необходимости и доступности народу произведеній классическихъ писателей и, вообще, литературы культурнаго общества, посвящена моя книга «Очерки народной литературы».

Началъ я съ изданій „Посредника“ и затѣмъ перешелъ къ другимъ, нѣсколько болѣе сложнымъ по формѣ и содержанію книжкамъ, изданнымъ для народа другими фирмами. Прочелъ я въ общемъ нѣсколько сотъ книжекъ (большую часть изъ нихъ—по нѣскольку разъ каждую различнымъ слушателямъ). Опытъ этотъ довольно опредѣленно выяснилъ мнѣ отношенія слушателей къ *новой* книжкѣ и его запросы къ ней.

Что прежде всего и сильнѣе всего поразило слушателей въ новой книжкѣ—это ея реализмъ, ея живыя картины изъ быта крестьянъ и рабочихъ. Привыкшіе находить въ книжкѣ шаблонныхъ манекеновъ, съ которыхъ тщательно стиралось все живое и оригинальное, они съ первыхъ же чтеній остановились съ восторгомъ и удивленіемъ передъ яркими картинами ихъ собственной жизни и чуть ли не съ первыхъ же чтеній начали называть новую книжку „*житейской*“ въ отличіи отъ „сказки“.

Не сразу опредѣлили слушатели истинное отличіе новой книжки отъ лубочной—ея серьезную тенденцію и художественную обработку.—Остановившись на ея реализмѣ, понятомъ ими слишкомъ примитивно, какъ описаніе случившихся событій, они сперва выдвигали эту „фактическую правду“ отличительной чертой новой книжки. Но едва только они уловили въ книжкѣ ея другія особенности, ея идейную правду, ея художественность, какъ сосредоточили все свое вниманіе на этихъ особенностяхъ и начали предъявлять новой, житейской книжкѣ такіе серьезные запросы, какія предъявляли иногда только религіозной книжкѣ. Не одинаковы были эти запросы у крестьянъ и у рабочихъ. Первые останавливались, главнымъ образомъ, на тенденціи, искали въ книжкѣ поученія какъ жить, отвѣта на различные сложные вопросы моральнаго и соціальнаго характера. Вторые, рабочіе, останавливаясь, главнымъ образомъ, на фабулѣ разсказа, обращали больше всего вниманіе на впечатлѣніе новой книжки, требуя отъ нея художественной правды, требуя, чтобы она была, по выраженію одного шахтера, „зеркаломъ“, чтобы она безъ поученій, яркими картинами возвышала и облагораживала слушателя. Но въ чемъ болѣе или менѣе сходились и деревенскіе, и рудничные слушатели—это въ предпочтеніи, оказываемомъ книжкѣ, въ которой описывалась ихъ собственная жизнь, близкая и знакомая, съ ея горемъ и радостью, съ ея запросами и нуждами. *Житейскую* книжку они понимали именно какъ книжку своей собственной жизни.

II. Первыя чтенія. Реализмъ, какъ „фактическая правда“.

I.

Первыя „житейскія“ книжки, которыя я читалъ и въ деревнѣ, и на рудникѣ, преимущественно изданія „Посредника“—были бытовые разсказы, въ которыхъ изображалась повседневная крестьянская и рабочая жизнь, хорошо знакомая слушателямъ. Не смотря, однако, на это, слушатели вначалѣ не допускали и мысли, что разсказы эти написаны недавно, и рисуютъ современную жизнь. Такое предположеніе шло бы въ разрѣзъ съ установившимся издавна у народа убѣжденіемъ, что книга—и религіозная, и сказка—произведеніе давно минувшаго времени. Восхищаясь реализмомъ знакомыхъ картинъ и привычныхъ рѣчей, слушатели, въ то же время, относили не только описываемыя событія, но и составленіе книжки къ глубокой старинѣ.

При чтеніи въ деревнѣ разсказа Толстого, „Чѣмъ люди живы?“ гдѣ рядомъ съ „ангеломъ“ выступаютъ такія реальныя и мастерски обрисованныя личности, какъ сапожникъ Семенъ и его жена Матрена,—одинъ изъ слушателей воскликнулъ:

— Вотъ какъ встарину было! Вотъ какіе тогда были сапожники!

— Теперь такихъ не найдешь,—подтвердилъ другой.

— Давно было, а какъ складно написано,—проговорилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ молодой парень.—Все обхожденіе, какъ теперь.

— Это сколько теперь послѣ Рождества Христова будетъ? Скоро 2.000 лѣтъ? Сторія эта, значитъ, въ эти 2.000 лѣтъ случилась, не раньше?—спросилъ еще одинъ.

— Ну-да, не раньше! Какъ же можно!—воскликнулъ самоувѣренно первый.—Про то не пишутъ, какъ люди жили раньше, когда еще въ Бога не вѣрили.

Въ другой разъ, послѣ чтенія жизнеописанія „Франциска Ассизскаго“, на рудникѣ, одинъ изъ наиболѣе усердныхъ слушателей, кузнецъ Николай С-въ, замѣтилъ:

— А вѣдь все это про стародавнія времена! Про теперешнихъ людей не пишутъ.

Когда я напомнилъ ему нѣкоторые прочитанные на рудникѣ разсказы Толстого, Эртеля, Савихина,—онъ всетаки продолжалъ стоять на своемъ.

— Ну-да... А все же и въ нихъ описано, что случилось прежде насъ, примѣрно на сто лѣтъ. А какъ эти сто лѣтъ пройдутъ,—и про насъ будутъ писать... Да напишутъ ли про насъ!—прибавилъ онъ меланхолически.—Въ прежнее время люди были лучше теперешнихъ.

— И теперь, какъ поищешь, найдешь хорошихъ людей, раздался чей-то отвѣтъ съ наръ.

— Ну-да, найдешь! Свѣтъ не устоялъ бы безъ добрыхъ лю дей,—согласился кузнецъ.

По прочтеніи этимъ же слушателямъ разсказа изъ крестьянской жизни „Дѣдъ Софронъ“ Савихина,—одинъ шахтеръ, вздохнувъ, замѣтилъ:

— Да-а, встарину такъ и бывало...

— Что, встарину!—воскликнулъ другой.—А теперь что? То же самое, какъ есть! Бѣднаго всегда обижаютъ... У насъ на сходкахъ всегда такъ бываетъ...

— Раньше даже лучше жили, чѣмъ теперь...

— Что прежде, что теперь,—все одно...

Но никому не пришло въ голову установить, что этотъ бьющій въ глаза своей современностью разсказъ, написанъ не о старинѣ.

Когда я прочелъ въ разсказѣ „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“ Толстого, что Мартынъ Авдѣевъ, во время чтенія, „бывало сниметъ лампочку съ крючка“, одинъ молодой шахтеръ воскликнулъ съ глубокимъ недоумѣніемъ:

— Да развѣ жъ тогда были лампочки?

— Когда жъ это „тогда“?—спросилъ я его.

— А вотъ когда Мартынъ этотъ самый жилъ?

— А это давно было?

Мой собесѣдникъ съ минуту глядѣлъ на меня съ недоумѣніемъ и вдругъ разсмѣялся.

— А кто его знаетъ!.. Какъ читаешь,—кажется, все это—страсть, какъ давно было!

— То и вправду—кажется,—поддержалъ его другой.—Какъ читаешь,—кажется, да-вно, давно было. А посмотришь,—все какъ теперь, все обхожденіе и лампочки, и керосинъ...

Истинную сенсацію произвело у деревенскихъ слушателей чтеніе протокола урядника (въ разсказѣ „Воръ“), начинающагося словами: „1883 года“...

— Вотъ!.. Такъ недавно это было!..—воскликнулъ съ удивленіемъ одинъ.

— Ай, ай, ай! Только семь лѣтъ, какъ все это было!.. Вотъ чудеса!..—удивлялся и другой.

II.

Разсужденія о „стародавности“ книгъ особенно часто повторялись только при первыхъ чтеніяхъ. Но ужъ само то, что вопросъ этотъ возбуждался, что у слушателей вырывались фразы вродѣ: „Давно было,—а какъ складно написано“, свидѣтельство-

вало, что разница между новой книжкой и старой, лубочной уже бросилась читателю въ глаза, обратила на себя его вниманіе. Вскорѣ слушатели пріучились видѣть въ новой книжкѣ описаніе современной, а не стародавней жизни. Но при этомъ произошло слѣдующее: реализмъ новой книжки былъ понятъ какъ описаніе случившихся событій. Да и какъ могло быть иначе. Помимо того, что религіозная книжка пріучила народнаго читателя вѣрить, что все напечатанное въ серьезной книжкѣ—правда; помимо того, что гораздо пріятнѣе предполагать, что всѣ эти живо представленные люди, которыхъ любишь или ненавидишь, интересы и волненія которыхъ переживаешь,—не плодъ фантазіи, а дѣйствительно существующіе гдѣ-нибудь люди,—помимо этого, народному читателю, совершенно незнакомому съ задачами и цѣлями художественной литературы, не имѣющему никакого представленія о художественномъ творчествѣ,—трудно и представить себѣ, что всѣ эти подробно описанныя и столь знакомыя ему лица и событія не болѣе какъ плодъ фантазіи. Выдумывать еще можно сказки, небылицы, но выдумывать картину реальной жизни во всѣхъ ея подробностяхъ—кто это сумѣетъ? Да и зачѣмъ сталъ бы кто выдумывать такія описанія?

И слушатели принимали всѣ эти бытовые житейскіе разсказы за правду, несомнѣнную и истинную во всѣхъ своихъ деталяхъ,— и довольно долгое время, пока не уловили истинное значеніе новой книжки, выдвигали эту фактическую правду какъ достоинство новой книжки, какъ самое характерное отличіе ея отъ лубочной сказки.

При чтеніи въ деревнѣ „Двухъ стариковъ“ Толстого, кто-то воскликнулъ съ умиленіемъ:

— Вотъ сказка! Самая что ни есть хорошая!

И на это тотчасъ же послѣдовалъ вопросъ:

— Да развѣ жъ это сказка? Это, можетъ, и на самомъ дѣлѣ было.

Въ другой разъ, при чтеніи „Кавказскаго плѣнника“ Толстого, на рудникѣ, на чей-то вопросъ: случилось ли все это на самомъ дѣлѣ?—получился поспѣшный отвѣтъ:

— Ну-да, брехать не станутъ!

А при чтеніи „Постоялаго двора“ Тургенева аналогичный же отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ высказанъ даже тономъ упрека:

— Ну, да какъ же не правда! Кому охота брехать!

Нѣкоторые слушатели не допускали даже, чтобы къ новой книжкѣ примѣнялось названіе „разсказъ“. При чтеніи „Бабьей доли“ на восклицаніе одного крестьянина:

— Да, разсказъ гарній!—молодая женщина, встрепенувшись, спросила съ удивленіемъ:

— Да развѣ же это разсказъ? А я думала, что это правда, что такъ и случилось.

III.

При такомъ отношеніи къ новой книжкѣ, не удивительно, что слушатели иногда обращались съ героями разсказовъ, какъ съ реальными существами и даже узнавали въ нихъ своихъ знамыхъ.

Послѣ чтенія разсказа „Чѣмъ люди живы", разсказа, самостоятельно получившаго извѣстную популярность въ народѣ, одна изъ слушательницъ, пожилая крестьянка, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— А скажите: Семенъ этотъ (сапожникъ, пріютившій у себя ангела) послѣ того „присвятился"?

— Нѣтъ...—отвѣтилъ я, не задумавшись.

— Какъ, нѣтъ?!—воскликнула она съ большимъ удивленіемъ.— У насъ ночевалъ прохожій человѣкъ, читалъ эту самую книжку. Вотъ онъ и сказалъ: „И Семенъ, и Матрена, сказалъ онъ, оба послѣ того присвятились, въ святые записаны. Матрена хоть и лаялась (ругалась), да потомъ смиловалась. Вотъ они оба и присвятились". Такъ и сказалъ прохожій человѣкъ.

Иногда слушатели узнавали описываемыхъ лицъ, припоминали, гдѣ ихъ видѣли и т. д.

Когда я прочелъ, на рудникѣ, въ разсказѣ Савихина „Дѣдъ Софронъ", что сынъ этого Софрона пропалъ безъ вѣсти, одинъ шахтеръ высказалъ предположеніе, что онъ „поддался на шахты".

— Постой!—встрепенулся ему въ отвѣтъ другой.—Какъ его? Евстигней? Такой у насъ былъ, ей-Богу, былъ!

При чтеніи прекраснаго разсказа Гололобова „Воръ" слушатели тоже узнавали нѣкоторыхъ лицъ. Когда въ разсказѣ появлялись мѣстный кулакъ Дементій Хайло, одинъ молодой шахтеръ воскликнулъ съ радостнымъ возбужденіемъ, даже вскочивъ:

— А—а! Его с... с... я знаю! Видѣлъ!

— Да я жъ его, стерву, самъ за гумнами билъ,—отозвался съ спокойной увѣренностью другой.

И дальше, когда герой разсказа, невинно пострадавшій Алешка, по выходѣ изъ острога, не знаетъ, куда дѣться и что дѣлать, шахтеры начали совѣтовать ему пойти на шахты.

— Да онъ теперь, можетъ, и тутъ уже,—сдѣлалъ кто-то предположеніе.—Васька, ты не видалъ его?—обратился онъ къ товарищу, шахтеру-старожилу.

— Видалъ,—отвѣтилъ невозмутимо спокойно Васька.—Мы съ нимъ вмѣстѣ работали на Шипиловскихъ (рудникахъ). Онъ въ забоѣ, а я выгоны гонялъ. Потомъ онъ убёгъ, отъ жинки убёгъ. Донимала она его—страсть!

IV.

Принимая читаемое за описаніе истинныхъ событій, слушатели часто ставили книжкѣ требованія совершенно не литературно-художественнаго характера. Заинтересовавшись героемъ какого-нибудь разсказа, они допытывались узнать, что стало съ нимъ „потомъ“ и „чѣмъ все кончилось“. И крестьяне, и шахтеры были очень огорчены, что въ сказкѣ Толстого „Сколько человѣку земли надо“, очень ихъ заинтересовавшей, „нѣтъ конца“, и первымъ ихъ восклицаніемъ было:

— А деньги кто получилъ?

— А кому земля досталась?

Послѣ чтенія разсказа г. Немировича-Данченко „Махмуткины дѣти“, въ которомъ разсказано, какъ русскій офицеръ отпускаетъ плѣннаго турка, одинъ крестьянинъ замѣтилъ:

— Не очень мнѣ понравилось. Такъ себѣ...

— Почему?—спросилъ я.

— Потому что конца нѣтъ, не сказано, что потомъ стало съ туркомъ.

Не удовлетворило нѣкоторыхъ слушателей и жизнеописаніе Гусса. Одинъ изъ нихъ, по окончаніи чтенія, замѣтилъ съ огорченіемъ:

— А про то не сказано: будетъ ли онъ (Гуссъ) имѣть царствіе небесное!.. *).

Случалось мнѣ выслушивать замѣчанія и вопросы прямо курьезныя и несообразныя:

По прочтеніи одного разсказа изъ жизни рабочихъ („Панфилъ Панфиловъ“), я спросилъ слушателей, поняли ли они прочитанное.

— Понять-то понялъ,—отвѣтилъ мнѣ одинъ парень-шахтеръ.— Да только вотъ неизвѣстно, написано ли тутъ *все*, что Панфилъ говорилъ? Можетъ и не все, можетъ онъ еще что сказалъ...

---

*) Подобные же вопросы и замѣчанія высказывались и слушателями въ аудиторіяхъ Х. Д. Алчевской. Послѣ чтенія разсказа «Иванъ Ивановичъ и Ко» Круглова, одна изъ слушательницъ, обратилась къ чтицѣ съ дрожаніемъ въ голосѣ:

— Я слыхала, вы въ Петербургъ ѣдете.

— Ѣду, а что?

— Говорятъ, что тамъ всѣ сочинители живутъ.

— Что же изъ этого?

— Нельзя ли вамъ съ ними повидаться и спросить: живъ ли Иванъ Ивановичъ?» («Что читать народу?» Т. I, стр. 139).

Въ другой разъ, при чтеніи «Горе отъ ума» одна изъ слушательницъ, сильно заинтересовавшись Чацкимъ, задала учительницѣ слѣдующій вопросъ:

— «А позвольте узнать, есть у Чацкаго капиталъ?» (Т. же. Т. II, стр. 243).

Въ другой разъ, при чтеніи въ разсказѣ „Воръ“ сцены, какъ напрасно заподозрѣнный въ воровствѣ Алешка ругаетъ своихъ обидчиковъ, я замѣтилъ, что одинъ молодой шахтеръ глядитъ на меня широко раскрытыми глазами и съ выраженіемъ все возрастающаго недоумѣнія. Я, наконецъ, спросилъ его: чему онъ удивляется.

— Да неужто-жъ Алешка ихъ ни разу не матюкнулъ?!—выпалилъ онъ.

— Можетъ и матюкнулъ, а тутъ не написано,—сдѣлалъ предположеніе другой.

— А можетъ онъ матернымъ словомъ не ругался?

V.

Если деревенскіе слушатели, подчеркивая „фактическую правду“ разсказа, не находили точнаго термина для опредѣленія такого рода литературы, то шахтеры, между которыми были и читавшіе газеты, примѣняли иногда къ новой книжкѣ не особенно лестный для художественнаго произведенія терминъ „публикація“.

Послѣ чтенія разсказа „Воръ“ одинъ пожилой шахтеръ заговорилъ задушевно:

— И что это значитъ! Какъ только гдѣ что случится—сейчасъ и опишутъ, и опубликуютъ. Въ газетахъ публикуютъ все, что ни случится! Вотъ эта сторія съ Алешкой тоже должно въ какой-то тамъ слободѣ случилась—ее и опубликовали въ книжкѣ.

Черезъ нѣсколько дней, при чтеніи этимъ же слушателямъ разсказа Савихина „Кривая доля“, артельщикъ, человѣкъ добродушный и ограниченный, воскликнулъ:

— Ишь ты! ишь ты! Пишутъ то, пишутъ! Поддѣлываются какъ подъ нашего брата — страсть! А все Москва фабрикуетъ, все она производитъ.

Въ отвѣтъ на это съ наръ, съ дальняго угла раздался болѣзненно-надтреснутый голосъ пожилого шахтера, страдавшаго одышкой:

— Кабы деньги... я бы себя опубликовалъ въ газетахъ. Всю жисть свою, какъ есть, опубликовалъ бы... Охъ!..

Приподнявшись на локтѣ и устремивъ на меня свой страдальческій взглядъ, онъ спросилъ:

— Какъ думаешь, Семенъ, за трешницу опубликовали бы меня... всего?

„Фактическая правда“ новой книжки настойчиво отмѣчалась и выдвигалась слушателями и въ деревнѣ, и на рудникѣ, только до тѣхъ поръ, пока они не уловили другихъ, болѣе серьезныхъ отличій новой книжки отъ лубочной. Но едва только для нихъ

выяснился общій характеръ этихъ книжекъ, ихъ моральная или соціальная тенденція, ихъ художественныя достоинства, какъ они обратили все свое вниманіе на эти особенности и начали ихъ выдвигать, какъ отличіе житейской книжки отъ лубочной сказки.

Но при этомъ опредѣленно выступило различіе между слушателями крестьянами и слушателями рабочими какъ въ ихъ отношеніи къ новой книжкѣ, такъ и въ ихъ запросахъ отъ нея.

III. Крестьянинъ и рабочій въ ихъ запросахъ отъ книги.

I.

Различіе между культурнымъ читателемъ и читателемъ изъ народа прежде всего и особенно ярко выступаетъ на почвѣ интеллектуальной, гдѣ существуетъ положительно цѣлая пропасть между уровнемъ развитія и міровоззрѣніями обоихъ классовъ. Между крестьяниномъ и рабочимъ этого коренного различія пока еще нѣтъ въ рѣзко-опредѣленной формѣ. Но, присматриваясь поближе къ отношенію этихъ двухъ категорій народа къ книгѣ, мы замѣчаемъ большое различіе, главнымъ образомъ, на почвѣ психологической.

«У читателей изъ той и другой области, т. е. фабрики и деревни,—пишетъ Н. Рубакинъ,—есть немало своеобразныхъ особенностей: читатели эти не совсѣмъ одинаковы и по вкусамъ, и по подготовкѣ, и по потребностямъ» *). «Фабричные читатели,—прибавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—далеко не одно и то же, что деревенскіе, потому что и условія жизни и амплитуда ея на фабрикѣ совершенно иныя. Условія жизни такъ значительно отражаются на томъ, что и какъ читаетъ народъ, что послѣдній вопросъ нельзя изучать, не касаясь и не изучая первыхъ» **).

Въ моемъ опытѣ чтеній мнѣ неоднократно приводилось констатировать это отличіе: крестьяне иначе слушали книгу, иначе къ ней относились, и искали въ ней не того, что рабочіе.

Крестьянскаго слушателя лишь рѣдкая, рѣдкая книга поглощала настолько, чтобы онъ изъ-за нея забывалъ все окружающее. Только зимой, и то подъ праздникъ, крестьяне спокойно просиживали по 3—4 часа и больше, слушая книжку. Въ другое время, какъ бы интересна ни была книжка по фабулѣ, она не всецѣло захватывала деревенскаго слушателя. Сидитъ себѣ человѣкъ, кажется, спокойно, слушаетъ внимательно—и вдругъ вскочитъ, какъ ужаленный и воскликнетъ: „Бачъ! сказився! (съ ума сошелъ) скотина не напована—а я сижу!“—и поспѣшно уйдетъ. А вслѣдъ

*) «Этюды», стр. 158.
**) Тоже, стр. 193.

за нимъ подымется, сладко потягиваясь, и другой и скажетъ лѣниво: „Э-эхъ, а мени ще тре за дегтемъ сходить“... и тоже уйдетъ. И только рѣдкая книга приковывала къ себѣ слушателя настолько, что, даже поднявшись, онъ не уходитъ, и, сказавъ въ свое оправданіе: „Э! тре-бъ пійтить, та книжечка, бачъ, дюже ловка, жалко“,—останется дослушивать, стоя.

Совершенно иначе относились къ чтенію шахтеры и босяки. Для книжки они забывали и дѣла, и ѣду, и чай, и карты, и гармоннику (увы! только не водку!). Они слушали чтеніе съ жадностью, съ упоеніемъ, съ какимъ-то болѣзненнымъ восторгомъ, совершенно забывая все окружающее и бурно, съ увлеченіемъ выражая свои чувства. Шахтеры нерѣдко заставляли меня читать до часу, до двухъ ночи, не смотря на то, что на слѣдующій день предстояло въ $5^1/_2$ часовъ утра идти на работу. Было что-то глубоко-трагическое въ той мучительной жаждѣ, съ которой они набрасывались на книгу.

Подобная разница въ отношеніи къ чтенію крестьянъ и рабочихъ отчасти объясняется экономическимъ положеніемъ этихъ обѣихъ категорій слушателей. Въ то время, когда крестьянинъ-домохозяинъ *постоянно* находится подъ гнетомъ мелкихъ и крупныхъ повседневныхъ хозяйственныхъ и общественныхъ заботъ,—шахтеръ, въ свободное отъ работы время, не имѣетъ никакихъ „заботъ“, ни личныхъ, ни (большей частью) семейныхъ, ни хозяйственныхъ, ни общественныхъ. Но этимъ, если можно такъ выразиться, экономическимъ факторомъ только отчасти объясняется различіе въ отношеніи крестьянскаго читателя и читателя рабочаго къ книгѣ. Существуетъ между ними еще различіе психологическое, различіе въ характерѣ и настроеніи.

Крестьянинъ менѣе впечатлителенъ и менѣе жаждетъ сильныхъ впечатлѣній, чѣмъ рабочій. Онъ не прочь выслушать „занимательный“ разсказъ, но какъ бы сложна и занимательна ни была сама фабула разсказа, она не захватываетъ деревенскаго солиднаго слушателя такъ сильно, какъ рабочаго и остается для него развлеченіемъ, забавой отъ нечего дѣлать. Серьезно онъ начинаетъ относиться къ книжкѣ, къ разсказу или сказкѣ только тогда, когда онъ находитъ въ ней что-нибудь полезное, поученіе, указаніе *какъ жить*. Въ подобномъ отношеніи крестьянина къ книгѣ соединилась его обычная практичность съ издавна сложившимся у него взглядомъ на книгу, какъ на проповѣдь.

«Насколько намъ приходилось наблюдать—пишутъ составительницы «Что читать народу?» — правда жизни такъ же дорога крестьянину, какъ и фантазія, и если онъ смотритъ на послѣднюю, какъ на развлеченіе и удовольствіе, то къ первой относится съ полнымъ интересомъ и глубокимъ уваженіемъ» *).

---

*) Томъ II, стр. 129.

«Съ каждымъ новымъ чтеніемъ,—говорится тамъ же, въ другомъ мѣстѣ,—мы видимъ и удостовѣряемся, что деревенскій людъ относится глубже и серьезнѣе (чѣмъ городской) къ тому, что говоритъ книга. Онъ лучше понимаетъ ученіе Евангелія, чаще задумывается надъ нимъ и серьезнѣе относится къ жизни и къ ея сложнымъ явленіямъ» *).

Короче: относясь глубоко и серьезно къ книгѣ, онъ и отъ нея требуетъ глубины и серьезности. И когда она удовлетворяетъ этому запросу, когда она въ самомъ дѣлѣ затрагиваетъ коренные жизненные вопросы народной жизни, тогда и только тогда крестьянскій читатель не только съ интересомъ прочитываетъ ее, но продумываетъ каждое слово, „зачитывается" ею и иногда начинаетъ на нее смотрѣть какъ на руководство къ жизни **).

Совершенно иной характеръ имѣло отношеніе рабочихъ къ книжкѣ. Они прежде всего искали фабулы, искали „впечатлѣнія", которому и отдавались экспансивно и горячо. Тенденцію, особенно въ формѣ поученія, они часто пропускали мимо ушей. Отмѣчали они ее только тогда, когда она естественно и художественно, не нарушая впечатлѣнія и не навязываясь скучнымъ резонерствомъ, вытекала изъ самаго событія.

Особенно опредѣленно высказалось это различіе въ запросахъ крестьянъ и рабочихъ отъ книги въ отвѣтахъ, полученныхъ Н. Рубакинымъ на его „Опытъ программы", между которыми имѣются отвѣты и крестьянъ, и рабочихъ.

Только что упомянутый *крестьянинъ*, писатель Семеновъ,

---

*) Тамъ же, стр. 81—2.

**) Примѣромъ такого отношенія къ книжкѣ можетъ послужить разсказъ крестьянскаго писателя г. Семенова о его возвращеніи къ земледѣльческому труду. «Книжки имѣли на меня большое вліяніе... Лѣтъ до 16 я глядѣлъ на литературу, какъ на предметъ удовольствія. Но вотъ выходитъ въ изданіи «Посредника» разсказъ «Чѣмъ люди живы?» Я прочиталъ его. Не могу высказать, что я пережилъ при чтеніи его. Мнѣніе мое перемѣнилось. Я сталъ глядѣть на книжку, какъ на предметъ поучительный; особенно на изданія «Посредника» я обращалъ вниманіе. Каждую его книжку, выходящую изъ печати, я сейчасъ же пріобрѣталъ и читалъ. Книжки эти, съ помощью Евангелія, которое я пріобрѣлъ послѣ прочтенія «Чѣмъ люди живы», помогли мнѣ понять смыслъ жизни и я сталъ стремиться къ истинной жизни. Наконецъ, выходитъ «Иванъ Дуракъ» (Л. Толстого). Меня ужаснуло то по прочтеніи ея, что я природный крестьянинъ и чуждаюсь земледѣльческаго труда (я жилъ тогда въ городѣ). Первымъ моимъ желаніемъ стало тогда сѣсть на землю и стараться жить своими трудами. Черезъ полгода съ небольшимъ я привелъ это намѣреніе въ исполненіе» (Рубакинъ. «Этюды» стр. 170).

Въ дневникѣ (не напечатанномъ) учительницы тамбовской воскресной школы А. Н. Слетовой (Черновой) я нашелъ слѣдующій характерный разсказъ. Послѣ прочтенія въ группѣ болѣе развитыхъ учениковъ разсказа Рубакина «Искорки», недѣли черезъ двѣ, къ учительницѣ приходитъ одинъ изъ учениковъ и заявляетъ ей, что уѣзжаетъ въ деревню.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ его А. Н.

— Хочу Ефремомъ (герой «Искорокъ») задѣлаться... отвѣчаетъ онъ ей серьезно и категорически.

«указывая книжки, которыя онъ давалъ читать своимъ односельчанамъ, говоритъ, что выбиралъ тѣ, въ коихъ проводится какое-нибудь «полезное нравоученіе», «чего очень нуждается наше крестьянское общество», добавляетъ онъ. По его мнѣнію, задача человѣка, сочувствующаго народному просвѣщенію, это—«*будить людей*». Первый способъ пробужденія есть книжка хорошо составленная, ясно изложенная»... «Въ книжкѣ должна быть проведена какая-нибудь мысль, имѣющая связь съ тѣми нравственными недостатками народа, которые всего болѣе требуютъ искорененія» *).

Другой корреспондентъ г. Рубакина, интеллигентный *крестьянинъ* Журавлевъ, разсказывая про свои чтенія книжекъ народу, говоритъ:

«При чтеніи я старался указывать на наши мѣстные недостатки, какъ-то въ выборѣ людей на общественныя должности, о дурномъ вліяніи кабаковъ на нравственность подростающаго поколѣнія, а также о плохомъ воспитаніи дѣтей и о правѣ крестьянъ, желающихъ закрыть кабаки» **).

Третій корреспондентъ, очевидно ужъ менѣе интеллигентный *крестьянинъ*, хотя отчасти и оторванный отъ земли, пишетъ:

«Большинство (крестьянъ) хочетъ читать ту книгу, которая со временемъ можетъ дать пользу въ жизни, гдѣ есть много доказательствъ, которыя встрѣчаются и при нашихъ глазахъ: разъ если ты ее прочитаешь, то будешь имѣть въ опасномъ дѣлѣ предосторожность. Но есть и такіе желатели чтенія, чтобъ только посмѣяться. Для того едва ли подѣйствуетъ и полезная цѣль» ***).

А вотъ что пишутъ фабричные рабочіе:

«Стремленіе къ чтенію,—пишетъ одинъ *фабричный*,—сильное, но любятъ читать больше романы и повѣсти какъ лубочныя, такъ и не лубочныя». Изъ Онѣги пишутъ: «Въ рабочей казармѣ читаются рабочими совмѣстно сочиненія Майнъ-Рида, Эмара, Жюля Верна, Купера, Вальтеръ-Скотта, разныя изданія Е. Ахматовой и т. п.» «Не такъ живи какъ хочется» Островскаго — пишутъ съ Губахинскихъ (Губонинскихъ) каменноугольныхъ копей,—понравилось на любительскомъ спектаклѣ только нѣкоторымъ, между тѣмъ, какъ смѣшные водевили понравились всѣмъ, безъ исключенія. Вообще, большинство здѣсь предпочитаетъ такія книги, въ которыхъ описываются необыкновенныя приключенія и т. д. ****).

Фабричный рабочій А. Я—въ пишетъ:

«Фабричный нашъ народъ любитъ слушать и читать не одно лубочное и божественное, но и то, что близко къ ихъ жизни, и касается ихъ самихъ, гдѣ описывается и горе, и неудачи, однимъ словомъ все то, что близко къ ихъ сердцу»... «Вообще—резюмируетъ онъ свой взглядъ на книгу для рабочихъ, — нужно брать (для сюжетовъ) самыя реальныя стороны жизни народа и описывать безъ всякихъ заднихъ мыслей (т. е. *безъ тенденцій*)» *****).

---

*) «Этюды», стр. 171.
**) Тамъ же, стр. 177.
***) Тамъ же, стр. 164.
****) Тамъ же, стр. 194.
*****) Тамъ же, стр. 201.

II.

Особенно ярко высказывается различіе между крестьянами и рабочими въ ихъ отношеніи къ „поученіямъ“. Насколько первые любятъ всякія „поученія“, „указанія“ и относятся къ нимъ чуть ли не съ благоговѣніемъ, настолько вторые ихъ не выносятъ.

«Когда случайно толстыхъ книгъ подъ руками не нашлось, — пишетъ г. Рубакинъ,—и Павлу (начитанному фабричному рабочему) предложили партію новыхъ листовокъ, онъ обидѣлся: «Нѣтъ ужъ, тамъ все учатъ, дайте что-нибудь другое» *).

«Какъ то пришли къ одному моему знакомому нѣсколько фабричныхъ,—разсказываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—выбирать книжки для чтенія. Тотъ разложилъ передъ ними десятка два брошюръ, которыя онъ считалъ недурными. Рабочіе отобрали изъ нихъ кое-какія, отложили въ сторону лишь поучительныя.—А эти что же?—спросилъ мой знакомый—Это то? Ужо вотъ мы ихъ въ посту почитаемъ, а то больно ужъ поучительны» **).

Буквально то же самое приходилось выслушивать и мнѣ при чтеніяхъ въ рабочей казармѣ. Прежде всего шахтеры очень не любили „божественнаго чтенія“ и слушали его обыкновенно молча, съ выраженіемъ тоскливой скуки на лицѣ. Если кто изъ слушателей иногда, изъ приличія, восклицалъ слащаво-неискреннымъ голосомъ: „А—ахъ! Божественное чтеніе—первый сортъ“! то другіе, не стѣсняясь, зѣвали и заявляли, что надоѣло, „обрыдло“, неинтересно и просили взять другую книжку. Во время чтенія разсказа Эртеля „Жадный мужикъ“, одинъ шахтеръ воскликнулъ:

— Вотъ такъ книжка! Куда лучше божественной!

— И божественныя хорошія бываютъ,—замѣтилъ ему другой.

Такую же участь имѣли и вообще поучительныя книжки, не религіозныя. Иногда, когда я бралъ книжку для чтенія, шахтеры ставили мнѣ прямо вопросъ:

— Что тутъ описывается? Поученіе какое или что интересное?

При чтеніи въ казармѣ поучительнаго разсказа Лѣскова „Христосъ въ гостяхъ у мужика“, разсказа, сильно понравившагося въ деревнѣ, одинъ изъ слушателей остановилъ меня на 8—10 страницѣ:

— Смотри, а народъ какъ слушаетъ! Кто поспалъ, а кто ушелъ...

Съ другой стороны, разсказъ „Четыре дня“ Гаршина, слушавшійся и на рудникѣ, и на пристани съ громаднымъ, захватывающимъ интересомъ и волненіемъ, въ деревнѣ хотя и былъ выслу-

---

*) Тамъ же, стр. 198.
**) Тамъ же, стр. 144.

шанъ внимательно, не вызвалъ, однако, особеннаго восторга. Послѣ чтенія его въ деревнѣ, я поставилъ слушателямъ вопросъ: какой разсказъ имъ больше понравился: этотъ или „Упустишь огонь не потушишь" Толстого,—и получилъ слѣдующій характерный отвѣтъ:

— Ну—да, та книжка, „гдѣ бабы ссорятся" (т. е. „Упустишь огонь не потушишь")—лучше. Какъ можно и сравнить! Та про жизнь, настоящая какъ есть для нашего брата книжка, жить учитъ. Не „сердцемъ", говоритъ, живи, а лаской... А эта что? Только бѣднаго солдатика пожалѣешь—и больше ничего.

Въ другой разъ, при чтеніи „Кавказскаго плѣнника" Толстого, на вопросъ: понравилось ли, я получилъ отъ крестьянина слѣдующій отвѣтъ.

— Понравилось... А все же не про наше жительство. Ты-бъ лучше почиталъ, какъ мужики землю дѣлили и старика обидѣли („Дѣдъ Софронъ").

— Да я жъ ее уже читалъ вамъ!

— Что же, а мы бы ее еще разъ послушали...

III.

Схвативъ общій характеръ новой книжки и ея преимущества передъ лубочной, крестьяне, какъ я уже упомянулъ, начали отмѣчать ея тенденцію, ея „идейную правду", оставляя въ сторонѣ вопросъ о „фактической правдѣ".

Жизнеописаніе Сократа слушалось въ деревнѣ съ огромнымъ захватывающимъ интересомъ, не смотря на отсутствіе фабулы. Во время чтенія то и дѣло восклицали:

— Вотъ любопытная книжка! Она прямо тебѣ въ носъ бьетъ!

— Прямо на жизнь твою указываетъ!

— Она для такихъ написана, что неправильно живутъ, чтобъ видѣли!

Или: при чтеніи сказки Толстого: „Два брата и золото".

— То все ученіе. Все нашему брату указаніе. Этихъ самыхъ двухъ братьевъ, можетъ, никогда и не было. Да тутъ не въ братьяхъ суть, а для всѣхъ, чтобъ поучались.

При чтеніи разсказа „Іоаннъ Воинъ", изъ жизни первыхъ христіанъ, одинъ крестьянинъ воскликнулъ:

— Вотъ такую намъ книжку и надо! Послушаемъ—и сами надумаемъ такъ дѣлать, какъ этотъ Иванъ.

— Надумаемъ!.. усомнился другой.—Все это встарину было. Теперь примѣра не берутъ...

— А все же: можетъ, кому и западетъ въ голову: „Дай, попробую жить какъ сказано въ „житіи"—и начнетъ.

Когда при чтеніи сказки Толстого „Первый винокуръ“ кто-то воскликнулъ „Сказка хорошая!“, другой горячо остановилъ его:

— Да какая это сказка! Это не сказка, а критика, чтобъ примѣръ брали и водки не пили... Примѣрно, какъ пророки, что въ Библіи.

Тоже и при чтеніи другой сказки Толстого „Крестникъ“ раздавались замѣчанія:

— Примѣръ! Все примѣръ къ жизни!

— Указывается! Все указывается!

— Доказательства доказываются!

Такія же замѣчанія дѣлались и по поводу бытовыхъ книжекъ изъ народной жизни, какъ „Упустишь огонь не потушишь“ и другія.

— Ахъ и книжка-жъ! и расписано! Вотъ будто въ ротъ кладетъ, какъ жить надо,—восхищались слушатели.

— Да это не книжка, а проповѣдь нашему брату, и т. д.

Деревенскіе слушатели, однако, требовали отъ книжки не только проповѣди и нравственныхъ поученій. Они иногда ставили ей требованія совершенно иного характера.

Когда я началъ читать книгу „Юліанъ милостивый“ Флобера, одинъ изъ слушателей, немолодой уже крестьянинъ, глубоко вздохнувъ, проговорилъ:

— Все сказки... Ты бъ намъ вотъ прочиталъ такую книжку, чтобъ отъ нея земли побольше, а податей поменьше... Вотъ такую бы послухали...

Одинъ изъ крестьянъ, отвѣчавшихъ на упомянутый выше опросъ „Русскаго народнаго учителя“, такъ опредѣлилъ свои запросы на книгу:

— Хочется знать, что и откуда произошло и съ чего взялось. Къ примѣру сказать: живемъ мы, а такъ ли и раньше жили всѣ и къ чему мы сейчасъ должны устремляться“ *)...

Высказывались эти запросы и при чтеніяхъ въ деревенской аудиторіи Х. Д. Алчевской.

Послѣ чтенія „Касьяна съ красивой Мечи“—крестьянинъ одинъ поставилъ вопросъ:

«— Что выше: природа или наука?

«— Природа выше,—отвѣтилъ другой,—въ природѣ Богъ, а въ наукѣ только разумъ человѣческій **).

Въ другой разъ, крестьянинъ обратился къ чтицѣ съ вопросомъ:

«— Скажите, есть ли такое государство, гдѣ каждый могъ бы дѣлать, что захотѣлъ?» (То же, стр. 827).

---

*) П. Орелкинъ, «Отвѣты и т. д.». Р. Н. Уч. 1893, № 11.

**) «Что чит. нар.?» Т. II, стр. 501.

При чтеніи г-жею Волковой крестьянамъ разсказовъ Гл. И Успенскаго съ особеннымъ интересомъ слушался разсказъ „Чу кое сердце“, гдѣ говорится „о землицѣ“.

«Интересъ слушателей къ разсказу возросъ до высшей степени, когд услыхали, что Анна Петровна отправилась къ барину и въ крестьянскі банкъ разоблачить ложь и защитить мужиковъ». «Разсказъ конченъ, но сл шателямъ словно жаль разстаться съ нимъ,—продолжаетъ г-жа Волкова,— они наперерывъ одинъ передъ другимъ разсказываютъ случаи, подобные пр читанному, когда кулаки «депутаты» ходатайствовали за міръ въ свою польз и въ голосѣ многихъ звучали раздраженіе и злоба.

— А Анны Петровны-то не нашлось, чтобы заступиться за общество,— грустно замѣтилъ кто-то.

— Вотъ въ деревнѣ К.,—началъ мельникъ,—у крестьянъ много земли да еще хотятъ купить, поэтому и живутъ хорошо, зажиточно, полнымъ хозяйствомъ, вполнѣ какъ люди, а все потому, что земли много.

— Да, нечего говорить, плохо крестьянину безъ земли,—закончилъ онъ свой разсказъ этой горькой истиной, такъ хорошо знакомой нашему крестьянину.

— А вѣдь крестьяне то только теперь начали соображать кое-что,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья,—а прежде все толковали, что само начальство отдастъ имъ землю, а дожидайся когда оно отдастъ,—усмѣхнулся онъ надъ легковѣріемъ своего брата мужика.

«Этими немногими разсказами,—заканчиваетъ г-жа Волкова,—которые мнѣ удалось прочесть моимъ слушателямъ, Успенскій навсегда завоевалъ симпатіи деревенской публики и часто потомъ мужики являлись ко мнѣ съ просьбой:

— Дайте что-нибудь Успенскаго, ужъ больно хорошо онъ крестьянскую жизнь описываетъ» *).

IV.

Совершенно иныя стороны отмѣчались въ тѣхъ же книжкахъ рабочими. Они выдвигали „художественную правду новой книжки“.

При чтеніи на рудникѣ разсказа Савихина „Кривая доля“, въ которомъ описана тяжелая жизнь и печальный конецъ спившагося рабочаго Мокея, одинъ шахтеръ воскликнулъ съ удовольствіемъ:

— Вотъ побасенка такъ побасенка! Любо слушать!

— Какая тебѣ эта побасенка,—остановилъ его строго другой.—Это какъ есть книжка! Чтеніе первый сортъ! Мало развѣ найдешь такихъ, какъ Мокей!

— И не оберешься!—подхватилъ другой.

— Да книжка—самая правда, сторія хорошая, — попытался поправиться первый.

— Да это не то что правда. Это, коли хочешь, и промежду насъ такихъ найдешь. Хоть бы въ нашей казармѣ. Сколько угодно.

При чтеніи этой же книжки на другомъ рудникѣ — тѣ же разсужденія:

*) «Чтенія въ деревнѣ». Образованіе. 1897, № 4.

— Вотъ это и есть самая живая картина, прямо какъ въ жизни.

— Вотъ онъ, братцы, шахтерскій конецъ,—резюмировалъ съ глубокимъ вздохомъ другой.—Всѣ мы, братцы, пьяницы горькіе, всѣ мы Мокеи пропащіе.

Особенно опредѣленно формулировалъ это художественное значеніе новой книжки одинъ изъ наиболѣе развитыхъ и бывалыхъ шахтеровъ П—въ. Послѣ чтенія все той же „Кривой доли" молодой, экспансивный и кое-что читавшій шахтеръ Л—скій воскликнулъ:

— И-интересное чтеніе!.. А вотъ я когда-то читалъ книжку „Панъ Твардовскій"—та вотъ ужъ совсѣмъ интерсная.

— Можетъ быть и интересная, да полезнаго въ ней мало. Эта лучше!—послышался изъ дальняго угла строгій голосъ обыкновенно молчавшаго желчнаго и угрюмаго П—ва.

— Ну да, лучше!—поспѣшилъ согласиться Л—скій.—Въ ней примѣръ къ нашей жизни, указаніе...

— Что тамъ: у-ка-за-ніе!—перебилъ его съ горькой усмѣшкой П—въ.—Кому эти указанія нужны. Все это я и безъ книжки знаю. А ты не знаешь? А всѣ здѣсь не знаютъ? Всѣ знаемъ, что водка погибель наша—а все же пьемъ ее. Нѣтъ, братъ, тутъ не важно поученье, тутъ суть вся, вся пріятность, что тебѣ, свиньѣ грязной, зеркало подставили: на любуйся, какъ хорошъ! Вотъ что любо!..

V.

Если большинство слушателей, отмѣчая то фактическую, то идейную или художественную правду новой книжки, чуть-ли не съ первыхъ же чтеній отличили ее отъ старой, лубочной сказки,—то старики упорно не хотѣли знать этого отличія. Если разсказъ не носилъ—и не только по содержанію, но и по внѣшности,—опредѣленныхъ, установленныхъ признаковъ божественной книжки, онъ—о чемъ бы въ немъ ни говорилось,—безапелляціонно причислялся къ „сказкамъ".

Разсказъ „Пропала совѣсть" (передѣлка разсказа Щедрина) очень понравился въ деревнѣ и вызвалъ восклицаніе:

— Вотъ хорошая книжка, правильная. Не то, что чепуха какая!

— Э! Такая же чепуха, какъ другія, — отозвался апатично одинъ старикъ.

— Нѣтъ!—возразилъ горячо первый.—Это не чепуха. Въ ней поученіе. А вотъ „Еруслань Лазаревичъ"—вотъ тамъ чепуха разная понаписана. Чепуха и неправда.

— Э-э! все единственно—чепуха,—стоялъ упорно на своемъ старикъ.

Подобный же отзывъ: „чепуха“ пришлось мнѣ выслушать отъ старика и по поводу прекраснаго разсказа „Груня“. Когда я, собираясь читать „Власть тьмы“, прочелъ только названіе драмы, бывшій при этомъ старикъ, по одному этому названію да по внѣшности книжки, призналъ ее негодной:

— Все это глупости! Думалъ, священную какую будешь читать!

И демонстративно ушелъ.

Послѣ чтенія разсказа „Слово не воробей — выпустишь не поймаешь“, въ которомъ довольно живо разсказано, какъ нелѣпая сплетня погубила молодую жизнь,—старикъ, слушавшій книжку, энергично махнувъ рукой, заявилъ:

— Че-епуха все это! Все выдумки, все неправда!

— Какъ неправда!—накинулся на него другой крестьянинъ.— Тутъ написана самая правда. Это—не сказка. Говорили люди „даромъ“ (напрасно), разсуждали, не разбираючи, и загубили зря-напрасно человѣка...

— По твоему—хороша, а по моему—чепуха!—отвѣтилъ ему сердито старикъ и поднялся уходить.

— Теперь молодымъ все не нравится, что старики дѣлаютъ,— отозвалась съ укоромъ женщина.

Когда на слѣдующій день я началъ читать какое-то житіе святого, тотъ же старикъ съ двухъ первыхъ словъ встрепенулся радостно:

— Ну, вотъ эту читай! Эта сразу видно, что священная книжка. А то другія тамъ, что читаешь—все чепуха, сказки...

VI. Крестьянинъ и рабочій въ ихъ отношеніи къ книгѣ.

(*Впечатлѣніе.*)

I.

До сихъ поръ я говорилъ исключительно о томъ, какъ слушатели *понимали* новую книгу и какія задачи они ей ставили. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ *впечатлѣнія*, какое новая книжка произвела на крестьянъ и на рабочихъ.

Отмѣтимъ прежде всего, что, вообще, *первая* книжка, какая бы она ни была, свѣтская или религіозная, и независимо отъ своихъ художественныхъ достоинствъ, часто производитъ огромное, иногда неизгладимое впечатлѣніе на дѣвственную душу взрослаго малограмотнаго читателя, впечатлѣніе, какое на обыкновеннаго интеллигентнаго читателя можетъ оставить только изъ ряда вонъ выходящее произведеніе крупнаго художника. И въ самомъ дѣлѣ, кто имѣлъ случай сталкиваться съ начинающимъ читателемъ изъ

народа, тотъ знаетъ, что первая книжка прочитывается имъ, по характерному народному выраженію, „насквозь“. Читаетъ онъ ее нѣсколько, иногда даже много разъ, запоминаетъ наизусть отдѣльныя выраженія, иногда цѣлыя страницы, запоминаетъ мельчайшія подробности. Герои разсказа превращаются для него въ типы, каждое выраженіе, каждое слово обдумываются; описываемое въ книжкѣ переживается иногда (мнѣ извѣстны такіе факты) до галлюцинаціи. Иногда эта первая книжка имѣетъ роковое вліяніе и на характеръ человѣка, и на его судьбу. Первой книгой народнаго грамотѣя—мы говоримъ, главнымъ образомъ, о тѣхъ, которые выучиваются грамотѣ уже взрослыми—бываетъ обыкновенно книжка религіозная—и кто не знаетъ фактовъ, какъ люди „зачитываются“, и подъ вліяніемъ этой „одной книги“ бросаютъ все, уходятъ странствовать, дѣлаются сектантами или даже сами создаютъ секту. Съ другой стороны, кто не читалъ про факты, что, прочитавши какого-нибудь „Разбойника Чуркина“, человѣкъ становился убійцей... Надо быть осторожнымъ съ книгой вообще—но съ *первой* книгой слѣдуетъ быть во сто разъ осторожнѣе...

II.

Слушатели, и крестьяне, и рабочіе, были очень довольны встрѣтить въ новой книгѣ картины своей собственной жизни. Они поэтому и назвали новую книжку „житейской“, что она изъ жизни, и каждый разъ съ удовольствіемъ, иногда даже съ восторгомъ останавливались на этой особенности новой книжки.

При чтеніи въ деревнѣ первыхъ бытовыхъ книжекъ изъ народной жизни, крестьяне и не знали, какъ выразить свое удовольствіе. Иногда они даже переглядывались съ недоумѣніемъ, точно вотъ волшебникъ раскрывалъ передъ ними самые сокровенные тайники ихъ жизни. Они всплескивали руками, переглядывались, подмигивали другъ другу, нервно смѣялись и восклицали: „Бачъ?.. Бачъ-бачъ?!“

При чтеніи, напримѣръ, разсказа „Дѣдъ Софронъ“ на чье-то восклицаніе: „Все это правильно!“ — послѣдовалъ горячій отвѣтъ:

— Ужъ и какъ правильно! Какъ читаютъ—кажется: ну, вотъ мы живемъ!

— Все наше жительство, какъ есть!—подхватилъ еще одинъ.

— Все дѣйствіе! Всѣ хохлацкіе пожитки!!

— Это наше, наше!—восклицали по поводу той же книжки слушатели г-жи Алчевской.—Совершенно вѣрно, всѣ признаки! Ну—да, ну—да! Боже мой! На дняхъ же это было такъ точно“.

---

*) «Что чит. нар.?» Т. II, стр. 78.

И такія же восклицанія были и по поводу другихъ книжекъ изъ народной жизни.

То же самое было и въ казармѣ. И тамъ разсказы изъ народной жизни, и особенно изъ жизни рабочихъ (какъ, напр., „Кривая доля“), встрѣчались съ большимъ сочувствіемъ, вызывали массу разсужденій, оживленныя восклицанія и тѣ же замѣчанія: „наше! наше!“

Однако и тутъ пришлось мнѣ отмѣтить одну довольно характерную разницу между крестьяниномъ и рабочимъ. Крестьянину не только нравилось, что героями разсказа являлись такіе же какъ онъ крестьяне, но онъ съ большимъ удовольствіемъ останавливался на художественныхъ описаніяхъ мелочей хорошо знакомой ему обстановки и повседневнаго обихода. Съ какимъ удовольствіемъ, съ какой радостью выслушивались и повторялись своими словами описанія полевыхъ работъ, описаніе какъ бабы хлопочутъ, готовясь къ празднику и т. п. Съ какимъ огромнымъ удовольствіемъ выслушивалъ подробное описаніе конюшни только что пришедшій изъ деревни на рудникъ конюхъ:

— А-ахъ, ѣдятъ тебя мухи!—восклицалъ онъ съ радостнымъ смѣхомъ.—Все! Все какъ есть! И хомутъ, и шлея! Вотъ книжка! Вотъ чтеніе!

Шахтеры, напротивъ, не любили подобнаго детальнаго описанія ихъ повседневной жизни, находили это скучнымъ, неинтереснымъ. Когда я прочелъ въ разсказѣ „Жервеза“ описаніе кузницы, никто изъ слушателей шахтеровъ не нашелъ это интереснымъ, но больше всѣхъ остался недоволенъ этимъ описаніемъ кузнецъ.

— Простой разсказъ,—замѣтилъ кто-то съ неудовольствіемъ.

— Что же ну, разсказъ,—попытался заступиться другой.—Вѣдь это правда.

— Про всякую чепуху пишутъ!—воскликнулъ кузнецъ съ раздраженіемъ и ушелъ изъ казармы *).

Различіе это объясняется тѣмъ, что интереснымъ и художественнымъ могутъ казаться описанія только такихъ „деталей жизни и быта“, которыя и въ дѣйствительности кажутся намъ интересными, доставляютъ намъ удовольствіе. Крестьянинъ любитъ свой трудъ, находитъ въ немъ много поэзіи (Припомните „Поэзію земледѣльческаго труда“ Глѣба Ивановича Успенскаго). Крестьяне говорили о своемъ трудѣ съ любовью и гордостью.

При чтеніи какой-то книжки въ аудиторіи г-жи Алчевской одинъ изъ слушателей съ гордостью замѣтилъ:

---

*) Любопытно, что по поводу этого же описанія кузницы въ этой же книжкѣ одна изъ слушательницъ г-жи Алчевской высказалась:

— «А я, какъ бывала на кузницѣ, такъ мнѣ это очень интересно», (стр. 84).

— Если бъ не мы, хлѣбопашцы, не съ чего было бы имъ (писателямъ) книжки писать!

— Ну такъ что жъ: нѣтъ ничего труднѣе, нѣтъ ничего веселѣе хлѣбопашества,—отвѣтилъ другой. (Т. II, стр. 824).

— „Самъ хозяинъ, самъ и работникъ—лучше и быть не можетъ“—отозвался еще одинъ при чтеніи другой книжки (стр. 826).

III.

Останавливаясь на идейной сторонѣ поступковъ и разсужденій героевъ разсказа, деревенскіе слушатели немедленно, можно сказать рефлекторно, примѣняли это къ своей жизни и обыкновенно въ формѣ ѣдкаго самообличенія.

Когда я прочелъ въ „Жизни Филарета Милостиваго“ выраженіе: „Не обижай сиротъ и вдовъ“,—крестьянинъ иронически замѣтилъ:

— Это такъ, точно, какъ мы. Живутъ сироты—зачѣмъ имъ жить? Что отъ нихъ за польза? Отобрать у нихъ надѣлъ!

— Живетъ вдова,—продолжалъ ему въ тонъ другой—„на якого грицязвона здалась!“—Водки отъ нея обчеству нѣтъ, подати къ сроку не платитъ,—прогнать ее съ земли!

— То-то! Живемъ какъ есть по писанію!—обобщилъ третій.

Въ разсказѣ „Богъ правду видитъ“ Толстого—описаніе, какъ невинно осужденный не выдаетъ злодѣя, за вину котораго онъ напрасно попалъ на каторгу,—вызвало восклицанія:

— Видишь! „Не видàлъ“, говоритъ. Онъ его погубилъ—а этотъ его покрываетъ. Вотъ какъ надо. А мы-то. Мы самой малости простить не можемъ!

Еще чаще вызывали книжки обличенія соціальнаго характера.

Слушая описаніе жизни греческаго общества во время Сократа,—кто-то замѣтилъ:

— Какъ у насъ теперь, такъ точно: нагнуть другого, а на немъ и ѣздить.

— Отъ нихъ и къ намъ перешло.

Тоже—при чтеніи сказки „Зерно съ куриное яйцо“. Толстого, гдѣ говорится, что раньше люди жили болѣе праведно:

— Это вѣрно! Теперь народъ сталъ хуже звѣря: не одóлжитъ, не пожалѣетъ... одинъ на другого только и смотритъ, чтобы съѣсть...

— Нѣтъ дружбы въ народѣ, нѣтъ!

Аналогичныя же замѣчанія находимъ мы и въ „Что читать народу?“ чуть ли не въ каждомъ отчетѣ о чтеніи въ деревнѣ:

— «Правды теперь нигдѣ не любятъ! То прежде такъ было, что ложью весь свѣтъ обойдешь, а назадъ не воротишься. Теперь же не то, всюду пробираются и назадъ возвращаются».

— «Теперь нѣтъ божьяго суда, все человѣческій и все неправильно дѣлается,—замѣтилъ одинъ крестьянинъ по поводу разсказа «Дѣдъ Софронъ» и прибавилъ:—Мнѣ кажется, что недалеко до того, что все общество распадется и приставятъ къ намъ одно начальство». (Т. II, стр. 78).

Были и болѣе отпимистическія замѣчанія.

— «Можетъ и придетъ такое время, что всѣ раскаются и начнутъ жить по совѣсти,—сказалъ одинъ» (по поводу «Пропавшая совѣсть»).

— «Придетъ!—раздался голосъ, въ которомъ прозвучала твердая вѣра въ это прекрасное будущее». (Т.—же, стр. 559).

Случалось мнѣ иногда выслушивать обличительныя замѣчанія довольно страннаго характера. Напримѣръ, послѣ чтенія одного разсказа изъ жизни первыхъ христіанъ одинъ изъ слушателей, крестьянинъ-портной, чахоточный и аскетически настроенный, заговорилъ:

— Вотъ какъ жить надо! Не такъ, какъ мы мы живемъ. Мы все думаемъ, какъ бы получше, побогаче жить, мы и Бога объ этомъ просимъ. А Бога совсѣмъ просить надо, чтобъ онъ послалъ болѣзнь какую, смерть... Вотъ о чемъ его просить надо. Священники лучше насъ это знаютъ. О чемъ попъ проситъ Бога въ каждой молитвѣ? Чтобъ Богъ его громомъ убилъ, чтобъ его звѣри растерзали, чтобъ попадья умерла отъ родовъ. А мы не такъ, не сполняемъ...

Въ общемъ, крестьянскій слушатель, примѣняя мораль книжки къ своей жизни, понималъ слово „мы“ очень широко и рѣдко-рѣдко когда останавливался своими обличеніями на себѣ лично или на своихъ односельчанахъ. И эти постоянныя самообличенія не были пустыми словами. Въ нихъ было столько страстнаго негодованія или глубокой грусти, что они положительно казались стономъ изболѣвшей души. Въ нихъ ярко высказывалась высота нравственнаго настроенія деревенскаго человѣка и его мучительныя терзанія несоотвѣтствіемъ его жизни съ его нравственными идеалами.

IV.

Если крестьяне немедленно примѣняли мораль книжки къ своей жизни, то они рѣдко-рѣдко увлекались самымъ разсказомъ настолько, чтобы „переживать“ его, въ особенности до того чтобы забывать—какъ это бывало въ казармѣ,—что событіе происходитъ не тутъ же, передъ ихъ собственными глазами *).

*) Единственный разъ, когда мнѣ пришлось отмѣтить приблизительно такое отношеніе, было при чтеніи разсказа «Четыре брата» Оболенскаго. Разсказъ начинается характеристикой этихъ братьевъ. По прочтеніи характеристики перваго, обычнаго деревенскаго кулака, кто то изъ слушателей сразу твердо отчеканилъ:

Въ „Что читать народу"? приводятся нѣкоторые факты очень экспансивнаго отношенія деревенскихъ слушательницъ къ читаемому. Такъ, напримѣръ, при чтеніи „Власти тьмы"—одна изъ слушательницъ крикнула уряднику, перебивавшему рѣчь Акима:

„— Охъ! не перебивай. Христа ради!" (Т. же стр. 126). При чтеніи другого разсказа („Совѣсть не допустила") слушательница возбужденно кричитъ одному изъ дѣйствующихъ лицъ, убійцѣ Никитѣ, желающему, но не рѣшающемуся покаяться:

„— Да говори уже, говори!" (318).

По прочтеніи въ „Грозѣ" Островскаго послѣднихъ словъ: „Эй! Лодку! Женщина въ воду бросилась!" одна изъ слушательницъ воскликнула:

„— Боже жъ мій! Спасите! Вѣдь это она (Катерина) и есть!" (516) и т. п.

Но, долженъ признаться, я не считаю особенно характерными для деревенскихъ слушателей, даже слушательницъ, подобныя экспансивныя восклицанія. Они были скорѣе слѣдствіемъ того общаго слезливо-сантиментальнаго, чуть-ли не истерическаго настроенія, которое постоянно царило въ женскихъ аудиторіяхъ г-жи Алчевской. Почти ни одного чтенія не проходило безъ „слезъ и рыданій".

Дошло до того, что когда одно изъ чтеній прошло «благополучно» въ этомъ отношеніи, одна изъ слушательницъ нашла нужнымъ даже это отмѣтить:

«— Вотъ сегодня у насъ, слава Богу, безъ слезъ обошлось!

«— Можетъ я и плакала бы, да непонятное перебиваетъ смыслъ — успокоила ее наивно другая (Стр. 471).

V.

Шахтеры и босяки часто тоже примѣняли мораль и событія книжки къ своей жизни. Но у нихъ примѣненіе это носило болѣе узкій характеръ. Подъ словомъ „мы" понимался не народъ вообще, даже не рабочіе, а только шахтеры и, чаще всего, лишь шахтеры „нашего рудника". Кромѣ того, это примѣненіе къ своей жизни дѣлалось не только безъ той болѣзненной страстности и серьезности, какая была въ отзывахъ крестьянъ, но часто даже въ шутливой формѣ, иногда, впрочемъ, въ формѣ довольно ѣдкой насмѣшки надъ собою.

Описаніе, какъ Елисей („Два старика"), идя въ Іерусалимъ,

— Карпенко! (Имя мѣстнаго кулака).

По прочтеніи характеристики второго брата, человѣка разсѣяннаго и ко всему индифферентнаго, раздалось столь же энергичное и столь же удачное восклицаніе:

— Вдовенко!

всю дорогу думаетъ, какъ бы кому угодить, вызвало смѣхъ и восклицанія:

— Ну, вотъ, точно какъ мы! Тоже вѣдь постоянно думаемъ, какъ бы кому... тумаковъ накласть!..

Когда я прочелъ въ сказкѣ „Первый винокуръ" сколько каждаго сословія людей въ аду, тотъ же смѣхъ и восклицанія:

— Что же это шахтеровъ въ аду нѣтъ? Паны есть, бабы есть, аблакаты есть—а шахтеровъ нѣтъ.

— Шахтеры ужъ раньше того попали въ адъ,—съострилъ кто-то.

Когда я прочелъ названіе книжки „Пропала совѣсть", названіе, вызвавшее въ деревнѣ восклицаніе: „Лучше самому пропасть, чѣмъ дать пропасть совѣсти", одинъ молодой шахтеръ отозвался весело:

— А у меня совѣсть не совсѣмъ пропала. Хоть немножко, а есть... Да, я совѣстливый,—разсмѣялся онъ вдругъ.—Какъ пойду въ слободу къ мамзелямъ—я страсть какой совѣстливый!

— А я и въ слободѣ не совѣщусь, — заявилъ откровенно другой.

Вообще, часто „примѣненіе къ себѣ" не шло дальше своей собственной личности.

Читаю разсказъ Пейверинта „Попутчикъ". Вдругъ съ наръ раздается спокойное и громкое замѣчаніе:

— Жилъ, какъ бездольный Миронъ...

— Какой Миронъ?—спрашиваю я.

— Я,—получается лаконическій отвѣтъ.

Однако, когда въ книжкѣ затрагивался самый больной вопросъ рабочей жизни, пьянство, сравненія съ своей жизнью получали характеръ болѣе серьезный и грустный.

Мы видѣли уже выше, какія разсужденія вызывалъ разсказъ „Кривая доля" въ казармѣ. Въ такомъ же духѣ были и сравненія съ своей жизнью, которыя дѣлались, при чтеніи его, шахтерами.

— И у насъ въ казармѣ много народу такого найдешь! Пока что ихъ не трогаетъ, они конца своего не видятъ. А придетъ лихой конецъ—придетъ!

— При-идетъ,—протянулъ со вздохомъ другой.

— А все „жижка" проклятая (водка), все она. И хорошій человѣкъ, а черезъ нее гроша мѣднаго не стоитъ.

При чтеніи другого разсказа Савихина „Дѣдъ Софронъ", гдѣ главную роль тоже играетъ водка, при помощи которой кулаку удается отобрать надѣлъ у старика,—одинъ шахтеръ дрожащимъ отъ волненія голосомъ воскликнулъ:

— Что же! Водка таки дороже души человѣческой. Пусть себѣ человѣкъ пропадаетъ—лишь бы водки выпить! Э-эхъ!

Напротивъ, крестьяне и, вообще, люди не пьющіе горькую, разсуждали о пьянствѣ гораздо болѣе спокойно.

При чтенiи той же „Кривой доли“ въ деревнѣ, одинъ изъ слушателей замѣтилъ.

— Вотъ въ слободѣ у насъ тоже мужикъ одинъ такой есть. Шесть дѣтей, ѣсть нечего. А посмотри, гдѣ онъ: въ кабакѣ пьяный лежитъ.

— Мнѣ, говоритъ, безъ водки и совсѣмъ бы пропасть,—замѣтилъ другой.

— Нѣтъ, онъ не такъ говоритъ,—вмѣшался въ разговоръ третiй.—Онъ говоритъ: „такъ у меня ни хлѣба нѣтъ, ничего нѣтъ, а какъ выпью—у меня и паляницы (пироги), и сало, и мясо. Всякое добро есть.“

Всѣ разсмѣялись.

— Совѣсть значитъ забываетъ—и всякое добро является.

VI.

Въ общемъ рабочiе мало разсуждали, мало резонировали по поводу книжки. Слушая чтенiе съ захватывающимъ интересомъ, они сами переживали перепетiи описываемыхъ событiй, волновались, дѣлали предположенiя, „чѣмъ кончится“, осыпали руганью и проклятiями злыхъ, хвалили и „поощряли“ добрыхъ.

Особенно сильное впечатлѣнiе произвели и на шахтѣ, и на пристани такiе разсказы, какъ „Убивецъ“ Короленко, „Сигналъ“ Гаршина, „Богъ правду видитъ“ Толстого и особенно „Власть тьмы“.

„Сигналъ“ произвелъ положительно потрясающее впечатлѣнiе на рудничныхъ слушателей. Со всѣхъ сторонъ раздавались восклицанiя и торопливыя предположенiя, какъ бы онъ могъ спасти поѣздъ, не жертвуя жизнью.

— Охъ, братцы! И нужно жъ сильное-сильное чувство имѣть, чтобъ жизнь пожертвовать свою!—вырвалось положительно стономъ у одного.

Не менѣе сильное впечатлѣнiе произвелъ „Убивецъ“ на пристани. Съ появленiя на сцену Безрукаго всеобщее вниманiе превратилось въ томительное, трепетно напряженное ожиданiе чего-то ужаснаго.

— Что дальше?..—произнесъ кто-то испуганнымъ шопотомъ, когда Безрукiй появляется въ лѣсу.

— Ни больше, ни меньше, какъ они ее убьютъ, барыню!—отвѣтилъ другой громко и увѣренно.

— Охъ, не дай Богъ! Не дай Богъ!

— Во-отъ несчастная!

— Охъ, и жалко жъ ее, бѣдную! Страшно, какъ жалко!

Но когда топоръ опустился и убитымъ оказался Безрукiй—всѣ ахнули отъ восторга.

— Его убилъ!! Н-ну! Слава Богу!

— Вотъ, молодецъ!! Защиту далъ малымъ ребятамъ!

Слушатели иногда увлекались до того, что начинали обращаться къ персонажамъ разсказа, какъ къ присутствующимъ тутъ же лицамъ: когда я прочелъ въ разсказѣ „Воръ“ сцену, какъ парни зовутъ товарища Алешку въ хату и онъ церемонится, шахтеръ одинъ, повернувшись къ дверямъ, воскликнулъ:

— Иди, братъ, Алешка! Чего стоишь! Иди, выпей! Да иди-и жъ! Не церемонься! Ступай!

Не ограничиваясь руганью и проклятіями по адресу дѣйствующихъ лицъ, слушатели иногда набрасывались на своихъ товарищей, которыхъ можно было упрекнуть въ чемъ-нибудь, подобномъ описанному.

Когда я прочелъ въ разсказѣ „Не гонись за большимъ“ какъ молодой парень, вкусившій городской цивилизаціи, соблазняетъ отца уѣхать въ городъ — и это влечетъ за собою гибель всей семьи, — шахтеръ-старожилъ закричалъ съ негодованіемъ, обращаясь къ молодымъ:

— Все такіе жеребцы, какъ вы, будьте вы прокляты! Побываете въ городѣ, а потомъ и начнете мутить, пока не изведете родителей!

Точно такое же негодующее восклицаніе вызвала и сцена изъ „Власти тьмы“, гдѣ говорится о легкомъ отношеніи Никиты къ женщинамъ.

— А вы, с...с.., подлецы!—набросился пожилой шахтеръ на молодыхъ.—Ходите вы каждую ночь въ деревню. Тоже, какъ Никита, поете: „женюсь, женюсь!“ Постойте, подлецы, дойдете до каторги!

С. Ан—скій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Изъ Англіи.

I.

Черныя тучи низко плывутъ надъ мокрымъ, грязнымъ и шумнымъ городомъ. Кажется, вотъ-вотъ онѣ задѣнутъ высокія колокольни или черныя фабричныя трубы, на которыхъ сквозь копоть едва желтѣютъ громадныя золотыя буквы рекламъ. Время отъ времени начинаетъ лить дождикъ, не лѣтній, просвѣченный солнечными лучами, а сѣрый, мелкій, холодный, настоящій осенній.

Но какое дѣло до погоды громадной, разряженной толпѣ, суетившейся за Лондонскимъ мостомъ? Кому какое дѣло, что сегодня въ парламентѣ важный билль о хлѣбныхъ налогахъ? Три четверти коммонеровъ, навѣрное, въ этой толпѣ. На биржѣ сегодня предстоитъ тихій день. „Кафры“, „янки“, консоли и другія бумаги пролежатъ спокойно нѣсколько часовъ въ портфеляхъ биржевыхъ маклеровъ, потому что „быки“ и „медвѣди“ (т. е. играющіе на повышеніе и пониженіе) раньше всѣхъ явились сегодня къ Лондонскому мосту. Сегодня день ипсомскихъ скачекъ, словомъ—„дерби“, правильный англійскій карнавалъ, не считая случайныхъ „мэфкинговъ“, т. е. военныхъ сатурналій. Дерби въ этомъ году при томъ же исключительное. Во-первыхъ, къ нему присоединены ликованія по случая заключенія мира; во-вторыхъ, скачки и „коронаціонныя“. Съ суевѣріемъ, которое отличаетъ игроковъ всѣхъ странъ, спортативныя газеты поддерживаютъ коня „Скипетръ“, разсчитывая, что „коронація“, несомнѣнно, должна имѣть таинственную связь съ столь неотъемлемымъ атрибутомъ ея, а потому лошадь должна „взять дерби“. Банкиръ оставилъ контору въ Ломбардъ-стритѣ, работникъ мастерскую, учитель—школу. Даже клерджимэнъ, — пишущій трактатъ, въ которомъ ясно какъ день разоблачаются происки дьявола, даетъ искусителю отдыхъ и пощаду на сегодняшій день и тоже спѣшитъ на дерби. Къ станціи „Лондонскій мостъ“ подъѣзжаетъ экипажъ за экипажемъ. Туда же сплошнымъ потокомъ валитъ толпа. Каждыя три минуты въ городокъ Ипсомъ сегодня отходятъ безконечные поѣзда, набитые пассажирами; но чтобы вполнѣ вкусить прелесть „дерби“, на скачки нужно отправиться не поѣздомъ, а въ экипажѣ: въ каретѣ, шарабанѣ или хоть на крышѣ омнибуса. Сотни шарабановъ и омнибусовъ, запряженныхъ четверками лошадей, убранныхъ флагами и цвѣтами, стоятъ къ услугамъ желающихъ за Лондонскимъ мостомъ. Кучера и кондукторы, разряженные въ пухъ, въ сверкающихъ воротничкахъ, въ лоснящихся цилиндрахъ, съ цвѣтами въ петличкахъ,—на перебой зазываютъ пассажировъ. Я взобрался на крышу омнибуса, гдѣ уже нашелъ компанію: два джентельмэна, одинъ молодой, другой старый закусывали и запивали изъ общей бутылки солидныхъ размѣровъ. Немолодая лэди въ яркомъ лиловомъ платьѣ, съ цѣлымъ желтымъ цвѣтникомъ на шляпкѣ, и въ черной атласной мантильѣ усердно помогала джентельмэнамъ прикладываться къ горлышку. Другая лэди, толстая, съ большими бирюзовыми сережками, въ сѣрой шелковой блузѣ съ зелеными цвѣтами и съ серебряной цѣпью, которая походила на добрый ошейникъ,—дремала. Громадная птица, прикрѣпленная къ ея шляпкѣ, склонила голову на бокъ, какъ будто желала своими стеклянными глазами взглянуть на одутловатое, покраснѣвшее лицо своей хозяйки. Другіе спутники порой толкали дремавшую даму; она открывала глаза, прикладывалась къ

горлышку бутылки и опять засыпала. Судя по веселому настроенію компаніи, я заключилъ, что процессъ совѣщанія съ бутылкой начался еще наканунѣ, а то, можетъ быть, еще съ прошлаго дерби.

Мимо насъ проѣзжали экипажи всякаго рода; промчался, дребезжа, автомобиль съ закутанной въ плащи компаніей, поражавшей чудовищными очками; трусцой проѣхала телѣжка, запряженная смиреннымъ осломъ. Въ телѣжкѣ сидѣло около десятка „костеровъ“ (разносчиковъ). Вотъ проѣхала нарядная карета. Рядъ экипажей задержалъ ее у омнибуса, и я могу разсмотрѣть джентельмэна, сидящаго въ ней. Лоснящійся дорогой цилиндръ. Черное пальто съ шелковыми отворотами. Темнозеленый галстухъ съ жемчужной булавкой. На зонтикѣ золотой ободокъ. Все солидно, основательно и дорого. Кожа гладко выбритаго лица не столько сморщена, сколько смята. Она похожа на изнанку старой лайковой перчатки, которую только что вытащили изъ ящика комода, изъ-подъ кучи бѣлья. Отъ крыльевъ носа идетъ продолговатая морщина. Она встрѣчается съ другой морщиной, идущей внизъ отъ угловъ рта и образуетъ съ ней подобіе очертанія журавлинаго клюва. На лбу серьезныя двѣ складки. Глаза глядятъ куда-то въ пространство. Тѣло ѣдетъ въ каретѣ, но духъ еще витаетъ, повидимому, въ только что оставленномъ банкѣ. Тронулась цѣпь, и вмѣсто этого джентельмэна — выплывали все новые и новые типы. А нашъ омнибусъ все еще стоялъ. Прибавлялись пассажиры. Пришли два молодыхъ человѣка, повидимому, клэрки; усѣлся солидный, плотный, сѣдой клэрджимэнъ съ громаднымъ биноклемъ черезъ плечо; потомъ явилась суровая дама и джентельмэнъ лѣтъ тридцати. Суровая дама говорила густымъ басомъ и называла спутника „my boy“, мой мальчикъ. Поднявъ глаза, я вижу напротивъ громадное зданіе, повидимому, какой-то торговый складъ. Въ окнѣ третьяго этажа видна женщина, вертящая, не безъ усилія, какое-то колесо. Прошла минута, двѣ, пять, десять... Женщина, не отрываясь ни на минуту, съ такимъ же усиліемъ вертѣла свое колесо. Прядь волосъ спустилась ей на глаза; но работница откинула ее движеніемъ головы. Руки попрежнему прикованы къ колесу. Женщина ни разу даже не взглянула на широкій, живой, веселый потокъ, залившій всю улицу. Это автоматическое движеніе рукъ дѣйствуетъ на зрителя. Чувствуется, какое напряженіе должна дѣлать каждый разъ женщина, вертя колесо; чувствуется жженіе въ ладоняхъ и тупая боль въ локтяхъ и въ плечахъ...

Мы тронулись. На крышѣ омнибуса оставалось еще одно свободное мѣсто. Такъ какъ теперь по улицѣ тянулась безконечная цѣпь экипажей, то подвигаться можно было только шагомъ. Мы проѣхали минутъ пять и остановились у громаднаго трехэтажнаго кабака, на крышѣ котораго виднѣлся большой вызолоченный слонъ съ башней на спинѣ. Тысячи зрителей запрудили въ этомъ

мѣстѣ улицу. Тѣ, которые не могутъ поѣхать на дерби, желаютъ хоть взглянуть на отправляющихся туда. Оборванныя женщины и въ такой же степени оборванные, распухшіе отъ пива мужчины предлагали уѣзжающимъ метелки изъ цвѣтной бумаги, павлиньи перья, бумажные носы съ усами подъ ними, дудки и книжечки съ указаніемъ всѣхъ лошадей, которыя будутъ скакать сегодня.

— Джентельмэны!—жалобно прохрипѣлъ одинъ изъ продавцовъ.—Вотъ уже десять часовъ, а у меня еще нѣтъ на билетъ, чтобы поѣхать на дерби.

Я обратилъ вниманіе на высокаго бритаго мужчину, въ длинномъ плащѣ съ пелериной и въ измятой мягкой шляпѣ. Глубокія, полукруглыя морщины, какъ у старыхъ актеровъ, залегли у него на лицѣ вокругъ рта. Господинъ этотъ, повидимому, не признавалъ обычая бриться каждый день: щеки и верхняя губа у него поросли щетиной. Онъ держалъ въ рукахъ свернутую трубочкой бумагу и нетерпѣливо поглядывалъ то на дорогу, то на свободное мѣсто рядомъ со мною. Наконецъ, онъ усмотрѣлъ того, кого, повидимому, ждалъ и кинулся навстрѣчу старательно одѣтому и тщательно выбритому господину, тоже съ глубокими морщинами вокругъ рта. Тщательно одѣтый развернулъ поданную трубочку. Тамъ были два листа. Онъ просмотрѣлъ одинъ, затѣмъ, болѣе внимательно, другой. Господинъ въ плащѣ съ пелериной сталъ напѣвать въ полголоса какой-то речитативъ. Тщательно одѣтый внимательно слушалъ.

— Пойдемъ въ таверну?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Нѣтъ, сейчасъ нужно,—нетерпѣливо отвѣтилъ небритый.— Видите: вотъ свободное мѣсто на омнибусѣ.

— Сколько хотите?

— Десять гиней.

— Пять,—спокойно отвѣтилъ тщательно одѣтый господинъ.

— Чортъ возьми! Вы, Гоуэльсъ, умѣете пользоваться случаемъ. Баллада настоящій монетный дворъ. Она вамъ дастъ бóльшій урожай, чѣмъ „'E Dunno Where 'E Are“, которую я продалъ Гесъ Илену за „пони“ (десять фунтовъ).

— Не знаю! — спокойно протянулъ Гоуэльсъ.—Во всякомъ случаѣ, я сильно рискую: я покупаю балладу, не выслушавъ ее. Она, можетъ, никуда не годится.

— Не будьте bloody лгуномъ, Гоуэльсъ: мотивъ я вамъ пропѣлъ.

— А все же больше пяти я не дамъ.

— Чортъ съ вами! давайте. Мнѣ ѣхать нужно!—злобно крикнулъ господинъ въ длинномъ плащѣ. Гоуэльсъ спокойно отсчиталъ пять соверэновъ, затѣмъ прибавилъ еще пять шиллинговъ и взялъ оба листа. Небритый быстро взобрался на омнибусъ и усѣлся рядомъ со мною, продолжая сыпать ругательствами и

крѣпкими пожеланіями по адресу удалявшагося Гоуэльса. Омнибусъ тронулся.

— Вы видѣли этого негодяя, который купилъ у меня балладу?—обратился ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ сосѣдъ. — Это— видъ „свэтера", который не попалъ въ отчетъ парламентской коммиссіи о „выжимальщикахъ пота". Парламентскіе отчеты говорятъ только о портныхъ и башмачникахъ. Гоуэльсъ и десятки подобныхъ ему эксплуатируютъ насъ, сочинителей балладъ. Онъ поетъ въ мюзикъ-холлѣ и за пять гиней купилъ „балладу", которая принесетъ ему мѣшокъ денегъ. Гоуэльсъ будетъ исполнять ее два года подрядъ; получитъ по двадцати гиней въ недѣлю; балладу станутъ высвистывать всѣ, ее будутъ играть шарманки. Чортъ возьми! — злобно прикрикнулъ онъ, хлопнувъ кулакомъ себѣ по колѣну.—Знаете балладу „Вотъ солдаты королевы"? Она теперь почти національный гимнъ и принесла актеру богатство; а между тѣмъ, онъ купилъ ее у автора за два фунта. А „Daisy Bell"? Авторъ сбылъ ее за 25 шиллинговъ. Теперь ее распѣваютъ по всему міру!

Лицо у сочинителя балладъ, у „ballad monger", почернѣло отъ злости. Читателю нужны кое-какія поясненія. „Баллада" англійская, на придачу, комическая баллада, распѣваемая въ мюзикъ-холлахъ, не совсѣмъ то, что мы знаемъ подъ этимъ названіемъ со времени Жуковскаго. Комическія баллады писали, кажется, всѣ англійскіе поэты. Бретъ Гартъ, напр., извѣстенъ въ Англіи не столько какъ авторъ калифорнскихъ разсказовъ, сколько какъ сочинитель упомянутыхъ стихотвореній, пользующихся громадной популярностью. Я выберу типичный образецъ. Въ Англіи существуетъ, напр., старинная наивная баллада про Модъ Мёллеръ. Героиня, красавица крестьянка, ворошила разъ сѣно въ жаркій лѣтній день. Проѣзжалъ мимо судья Дженкинсъ, остановился и подумалъ: „если бы эта красавица была моей женой"? Но Дженкинсъ сейчасъ же вспомнилъ про свою суровую и гордую мать, про свое богатство, вздохнулъ и поѣхалъ дальше. Красавица Модъ тоже взглянула на судью и подумала: „если бы этотъ былъ моимъ мужемъ"? но вздохнула и принялась за работу. Судья Дженкинсъ женился на надменной дочери лорда и былъ несчастенъ. До глубокой старости онъ вспоминалъ красавицу Модъ, которую видѣлъ разъ, и думалъ: „если бы она была моей женой". Модъ выдали замужъ за грубаго, пьянаго фермера. И она вспоминала часто судью. Вотъ старинная наивная баллада. Бретъ Гартъ написалъ комическую пародію, пользующуюся колоссальнымъ успѣхомъ на обоихъ берегахъ Атлантическаго океана. Модъ Мёллеръ ворошила лѣтомъ сѣно. Подъѣхалъ судья, улыбнулся и поклонился. Красавица Модъ покраснѣла и пролепетала: „о-о"! Судья сдѣлалъ предложеніе, Модъ отвѣтила, что поговоритъ съ папашей. Старый Мёллеръ прослезился и попросилъ у судьи въ займы десять

фунтовъ, такъ какъ дѣла плохи и урожая нѣтъ. И прежде, чѣмъ отошло лѣто, красавица Модъ стала женой судьи. На свадьбѣ Бобъ, братъ Модъ и двѣнадцать родственниковъ ея напились до пьяна въ замкѣ судьи. И когда еще разъ пришло лѣто, красавица жена родила судьѣ двойню, затѣмъ еще двойню. Судья думалъ, какъ дѣти мѣняютъ красавицъ, потому что Модъ растолстѣла и стала широка въ кости. Теперь мужъ едва могъ обхватить рукой ея станъ и пр. Намъ, жителямъ континента, такой комизмъ не совсѣмъ понятенъ. Но это еще лучшій образецъ комической балады. Въ мюзикъ-холлахъ распѣваются пѣсни неизмѣримо ниже въ литературномъ отношеніи. Выходитъ, напр., актеръ, одѣтый въ необыкновенноширокій сюртукъ съ неимовѣрными воротничками и повѣствуетъ речитативомъ о томъ, какъ онъ, Джонъ Дарферъ, встрѣтилъ у дверей питейнаго заведенія Дика Тернера и подрался съ нимъ. Сперва одолѣлъ было Дикъ. „Но вотъ пришелъ и мой чередъ,—начинаетъ стучать зонтикомъ актеръ,—но вотъ пришелъ и мой чередъ. Лягнулъ я Дика въ ровъ пинкомъ потомъ долбнулъ его дрючкомъ. О, какъ былъ славенъ мой чередъ. Запомнитъ Дикъ меня впередъ". До войны въ большой модѣ были также сантиментальныя баллады, вродѣ слѣдующей: „Флори, моя дорогая! Ужель не вернешься ко мнѣ? Ужель навсегда ты умчалась и стала мнѣ чужою? Не слышу я звонкаго твоего голоска. Не выйдетъ ко мнѣ уже Флори, къ старымъ воротамъ фермы". „Котеджъ, обвитый плющемъ", „ворота фермы", „старый перелазъ"—составляютъ неотъемлемыя элементы такой баллады.

Полилъ дождикъ; громадные вязы по обѣимъ сторонамъ дороги покрылись какъ бы вуалью. Толстые, намокшіе, сѣрые стволы буковъ казались обитыми змѣиной кожей; но дождь нисколько не нарушилъ оживленія. Вся дорога, на сколько только можно было окинуть глазомъ, была запружена сплошнымъ потокомъ экипажей: великолѣпныя ландо, тачки зеленщиковъ, фургоны, автомобили, шарабаны, омнибусы, кэбы, старинныя дорожныя кареты съ форейторами—все это перемѣшалось и двигалось колесо къ колесу. Всюду виднѣлись веселыя лица, порой сильно раскраснѣвшіяся уже. Всюду виднѣлись бутылки и стаканы, передававшіеся изъ рукъ въ руки. Изъ-подъ сидѣній выглядывали громадныя корзины съ бутылками. Мокрыя лошади, поднявъ головы надъ лугами, заросшими высокимъ желтымъ гулявникомъ, задумчиво смотрѣли на эту пеструю, шумную толпу. По обочинамъ дороги, шлепая въ грязи, плелись тысячи пѣшеходовъ въ томъ же направленіи, въ Ипсомъ. Оборванные мальчишки кувыркались подъ деревьями, затѣмъ гнались за экипажами, ожесточенно выкликая: „мѣдячковъ! мѣдячковъ"! И мѣдныя монеты дѣйствительно летѣли въ изобиліи. Я особенно запомнилъ нѣсколько дѣвчонокъ, съ распущенными волосами, забрызганныхъ грязью съ

головы до ногъ, онѣ не отставали отъ кареты версты двѣ. Дождь полилъ сильнѣе. Остановка у кабака: „Собака и куропатка“. Тамъ уже все какъ въ котлѣ кипитъ. Не смотря на то, что публика на нашемъ омнибусѣ все время прикладывалась къ бутылкамъ, она сейчасъ же побѣжала въ кабакъ освѣжиться. Кучера, кондукторы, пассажиры всѣ старались протолпиться къ стойкѣ, гдѣ десятки подносчиковъ и подносчицъ едва успѣваютъ справиться. У дверей кабака, прямо подъ дождемъ, поютъ нѣсколько „минстрелей“, въ парикахъ изъ конскаго волоса, съ нацѣпленными носами. Струйки воды льются по лицамъ, грубо намазаннымъ румянами, и оставляютъ грязныя полосы. Вотъ мы опять тронулись. Теперь вокругъ насъ новые экипажи. Впереди катится шарабанъ, а въ немъ сидятъ нѣсколько клэрджимэновъ въ непромокаемыхъ плащахъ. Одинъ изъ нихъ закусываетъ, другой прижимаетъ къ груди бутылку; еще два поютъ душеспасительный гимнъ, а старый клэрджимэнъ, съ сѣдыми бакенбардами, дирижируетъ. Вмѣсто дирижерской палочки, въ рукахъ у него длинный, вершковъ въ восемь, такъ называемый *турецкій*, огурецъ. Въ день дерби все разрѣшается и ничто не можетъ компрометировать.

Рядомъ, дробно семеня ножками, бѣжитъ трусцой маленькій осликъ. Онъ тащитъ тачку, въ которой около восьми старыхъ и молодыхъ женщинъ, съ громадными яркими перьями на шляпкахъ. Женщины хохочутъ, пробуютъ пѣть, перебрасываются крупными шутками съ другими проѣзжими.

Члены общества покровительства животнымъ въ Англіи не шутятъ. Порой, они могутъ совершенно терроризировать. Недѣли три тому назадъ, напр., дама, членъ общества, привлекла къ отвѣтственности мальчишку итальянца „за жестокое обращеніе съ обезьяной“. Дама показала, что мальчишка стащилъ за хвостъ обезьяну съ своей головы и швырнулъ ее объ землю. Шарманщикъ сказалъ, что обезьяна только что куплена и очень злая. Она взобралась къ нему на голову и стала кусать (шарманщикъ показалъ даже шрамы), такъ что пришлось стащить ее за хвостъ. Мальчишку, тѣмъ не менѣе, приговорили къ двухнедѣльному тюремному заключенію. Другой покровитель прошелъ двѣ недѣли тому назадъ мимо лавки „натуралиста“. Кролики, голуби, морскія свинки, выставленныя здѣсь въ клѣткахъ у дверей—привлекаютъ всегда массу мальчишекъ. „Покровитель“ обратилъ вниманіе на громадную посудину съ живыми жабами, которыхъ держатъ на продажу для корма змѣй. Воспитывать послѣднихъ—модный спортъ теперь. „Покровителю“ показалось, что слишкомъ много жабъ помѣщено въ одной и той же посудинѣ и онъ привлекъ лавочника... за жестокое обращеніе съ лягушками. Магистратъ приговорилъ „натуралиста“ къ двумъ гинеямъ штрафа. Но суровые покровители животныхъ сегодня не охранятъ ослика: они тоже всецѣло

захвачены скачками, на которыя отправились, вѣроятно, по машинѣ.

Въ великолѣпномъ ландо нѣсколько нарядно одѣтыхъ женщинъ. Подъ дождемъ цвѣты и кружева на ихъ шляпахъ смокли; но въ каретѣ весело хохочутъ и пробуютъ затянуть романсъ изъ мюзикъ-холла.

Съ моимъ сосѣдомъ мы уже совсѣмъ познакомились. У него, повидимому, громадный запасъ знанія фауны Лондона, которымъ онъ охотно дѣлится.

— Видите того джентельмэна въ кэбѣ?—Я увидѣлъ худощаваго человѣка лѣтъ 30, вычурно нарядно одѣтаго, въ цилиндрѣ, въ галстукѣ съ золотыми мушками, съ старательно подвитыми усами.—Вся его біографія у меня на ладони,—продолжалъ сосѣдъ.—Днемъ—служитъ клэркомъ въ банкѣ; ночью—кутитъ въ „игорныхъ клубахъ". Скоро, вѣроятно, попадетъ года на три въ тюрьму за какой-нибудь подлогъ. Отбывъ наказаніе, онъ станетъ маркеромъ или откроетъ табачную лавочку. Если у него есть состоятельные родственники, они дадутъ ему на проѣздъ въ Австралію. Тамъ онъ начнетъ опять карьеру въ конторѣ нотаріуса и, быть можетъ, въ концѣ концовъ, попадетъ въ судьи.

— Ну, а это кто? спросилъ я, указавъ на джентельмэна, развалившагося въ каретѣ. Изъ густыхъ великолѣпныхъ бакенбардъ выглядывалъ острый носъ. Изъ-подъ цилиндра глядѣли „пронзительные" глаза.

— О, относительно него ошибки быть не можетъ: это—грюндеръ, основатель на биржѣ новыхъ акціонерныхъ компаній. Въ три дня онъ можетъ основать общество для всякой законной и незаконной цѣли. Онъ числился, по всей вѣроятности, прежде адвокатомъ, но былъ молодъ и увлекся. Корпорація изгнала его. Потомъ перепробовалъ десятокъ профессій, покуда попалъ „быкомъ" на биржу. Здѣсь онъ началъ немного оперяться. На свою настоящую дорогу онъ вышелъ, когда началъ заниматься грюндерствомъ. Теперь, по случаю заключенія мира, онъ основалъ, навѣрное, „Патріотическое, имперіалистическое, лояльное общество для эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны нашего новаго союзника, короля Леваники, на южномъ берегу Танганайки". Леваника теперь самъ въ Лондонѣ. Всѣ его видѣли, а потому компанія будетъ имѣть успѣхъ. „Разъ есть черный король,—разсуждаютъ акціонеры,—то есть и королевство, а если существуетъ послѣднее, то почему же не быть естественнымъ богатствамъ?" Заключеніе вѣрное, чортъ возьми! Я сдѣлалъ величайшую глупость, занявшись сочиненіемъ балладъ для такихъ негодяевъ, какъ Гоуэльсъ, тогда какъ мнѣ надлежало бы тоже быть грюндеромъ! Что еще можетъ быть легче! Нѣтъ болѣе глупаго животнаго, чѣмъ дуракъ съ деньгами, ослѣпленный жадностью! Это—

рыбина, которая пойдетъ на всякій крючекъ, только бы онъ былъ позолоченъ!..

Финансовыя соображенія новаго знакомаго оборвались внезапно, такъ какъ омнибусъ опять остановился у новаго кабака подъ вывѣской „Зеленый Человѣкъ“. Публика со смѣхомъ и гамомъ побѣжала, прыгая черезъ лужи, брать приступомъ стойку, какъ будто бы цѣлый день томилась жаждой подъ палящимъ солнцемъ. У кабака подъ цвѣтущими акаціями, съ желтыхъ кистей которыхъ капала вода, расположился цѣлый оркестръ: гнусили двѣ волынки, толстая дама въ красномъ платьѣ щипала струны мандолины, коротенькій человѣчекъ, въ оборванномъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, съ нацѣпленнымъ бумажнымъ носомъ, изо-всѣхъ силъ свистѣлъ въ кларнетъ, корча каждый разъ жирныя, посинѣвшія губы. Воспаленные, безпокойные глаза его тревожно бѣгали. Кларнетистъ, очевидно, не былъ увѣренъ, хорошее ли мѣсто выбралъ оркестръ и могутъ ли пьющіе, когда выйдутъ изъ кабака, миновать его? Пассажиры вышли изъ кабака. Оборванные бродяги поспѣшили подать имъ руку, чтобы помочь перейти черезъ лужу или взобраться на омнибусъ. Опять экипажъ тронулся, и опять по обѣимъ сторонамъ и впереди насъ—новые сосѣди. Пѣсни становились громче, смѣхъ непринужденнѣе. Пѣли на омнибусѣ, въ каретахъ, на тележкѣ, запряженной осломъ, подъ громаднымъ зонтикомъ, украшеннымъ національными флагами. Впереди двигался фургонъ, въ которомъ перевозятъ мебель. Его превратили въ маленькій салонъ, въ которомъ сидѣли мужчины и женщины, прижимавшія къ груди, какъ мнѣ показалось, младенцевъ, а, въ дѣйствительности, громадныя каменныя бутыли съ пивомъ. Толстая дама съ бирюзовыми серьгами, сидѣвшая впереди насъ, безмятежно спала. Спутницы ея, время отъ времени, толкали ее и прикладывали къ губамъ ея горлышко бутылки. Подруги чукчей дѣлаютъ точно также: когда добычи много, промышленникъ ѣстъ, покуда не заснетъ; вѣрная жена сидитъ рядомъ и пальцемъ проталкиваетъ кусокъ китовины въ ротъ супругу, который медленно жуетъ, не открывая глазъ.

— Ха-ха-ха!—вдругъ залился мой спутникъ, сочинитель балладъ. Онъ, повидимому, сильно освѣжался при каждой остановкѣ, потому что щеки у него покраснѣли, а глаза затуманились слегка.—Вгляните сюда.

Я увидалъ шарабанъ и въ немъ нѣсколько клэрджимэновъ, молодыхъ и старыхъ. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, съ постнымъ, вытянутымъ лицомъ.

— Ха-ха-ха!—мастеръ Джэкъ, обличитель грѣховнаго міра тоже ѣдетъ на дерби!

— Кто?—переспросилъ я.

— Мастеръ Джэкъ Кукъ, послѣдняя новинка, ввезенная изъ

Америки, мальчикъ проповѣдникъ, чудо, которое показываютъ теперь, неужели не знаете?

— Тотъ, про котораго мелкія газеты кричатъ въ послѣдніе дни?

— Вотъ-вотъ!

Американецъ-клэрджимэнъ возитъ его по всему англо-саксонскому міру, как антрепренеръ двухголоваго теленка. „Мастеръ Джэкъ" съ необыкновенно большимъ чувствомъ говоритъ про грѣхи міра и про страшный судъ. На послѣдней проповѣди онъ такъ тронулъ благочестивыхъ слушателей, что они поднесли ему велосипедъ, и антрепренеру его—золотые часы. Теперь мастеръ Джэкъ, повидимому, желаетъ лично убѣдиться, насколько погрязъ міръ.

Отъ Лондонскаго моста до Ипсома, близъ котораго происходятъ скачки, двадцать верстъ. Останавливались мы пять разъ у кабаковъ. Могли бы остановиться гораздо больше, потому что питейнымъ домамъ по дорогѣ—нѣтъ числа. Вотъ впереди, въ каретахъ, въ шарабанахъ и на омнибусахъ, затрубили въ трубы. Мы поднялись на холмы, открылась громадная волнистая равнина, кое-гдѣ поросшая боярышникомъ, обсыпаннымъ, какъ снѣгомъ, бѣлымъ цвѣтомъ. Прямо впереди насъ виднѣлось огромное бѣлое зданіе, надъ которымъ развѣвался королевскій штандартъ. Эдуардъ VII большой любитель скачекъ и только въ исключительныхъ случаяхъ пропускаетъ ихъ. Толпа оборванцевъ кинулась къ подъѣзжающимъ экипажамъ. Одни хватались дрожащими руками за постромки, другіе—за колеса. Каждый хотѣлъ показать, что дѣйствительно помогаетъ устанавливать омнибусъ на мѣсто, въ ряды, среди распряженныхъ уже экипажей всякаго рода. Первое впечатлѣніе отъ дерби, — безконечное множество народа и смѣшанный гулъ безчисленнаго множества звуковъ.

II.

Высокое, бѣлое зданіе, только что упомянутое — ложи и галлереи, такъ называемое great stand. Не смотря на тяжелыя тучи, изъ которыхъ вотъ-вотъ брызнетъ переставшій было дождь,—открытыя мѣста представляютъ громадное, ярко - разноцвѣтное пятно дамскихъ туалетовъ. Но колоколъ, возвѣщающій начало заѣзда, еще не прозвонилъ. Есть еще много времени побродить по громадной ярмаркѣ, которую въ дѣйствительности напоминаетъ дерби. Отъ great stand лугъ спускается въ долину. Вся она, какъ и противоположный скатъ ея, занята наскоро сооруженными балаганами, каруселями, палатками и крытыми повозками цыганъ. Деревянный барьеръ отдѣляетъ ристалище, по которому теперь слоняется разряженная, пестрая толпа. Тутъ

нарядныя дамы въ шелку, джентльмэны въ цилиндрахъ, цыганки въ желтыхъ шаляхъ, забрызганные грязью бродяги изъ Лондона и безчисленное множество субъектовъ, одинъ видъ которыхъ заставляетъ ощупать карманы, все-ли тамъ обстоитъ благополучно. Былъ когда-то въ Багдадѣ очень любознательный калифъ, который пожелалъ разъ узнать, сколько воровъ и мошенниковъ у него въ царствѣ. Онъ разослалъ всюду гонцовъ, которые должны были собирать всѣхъ воровъ и свозить ихъ въ Багдадъ. Гонцы совсѣмъ выбились изъ силъ, а все-таки всѣхъ преступниковъ не собрали. Если бы калифъ жилъ въ наше время, визирь предложилъ бы ему очень простое средство для разрѣшенія вопроса: назначить „дерби", тогда всѣ воры явились бы сами. Какіе типы можно видѣть на „дерби"! Я не говорю о жалкихъ оборванныхъ субъектахъ, которыхъ высшій идеалъ—выпросить мелкую серебряную монету, а объ „орлахъ", о ворахъ крупной марки, въ цилиндрахъ, въ черныхъ сюртукахъ, въ лаковыхъ башмакахъ, съ биноклями черезъ плечо...

У самаго барьера вплотную стоятъ распряженныя частныя кареты. Чтобы остановиться здѣсь, нужно заплатить двѣ гинеи, т.-е. двадцать рублей. Въ каретахъ всюду ѣдятъ и пьютъ. Видны раскрытыя корзины съ провизіей, слышится хлопанье пробокъ бутылокъ съ шампанскимъ. Изящныя лица дамъ покраснѣли. Глаза ихъ разгорѣлись. Къ ѣдящимъ и пьющимъ подходятъ группы нищихъ всякаго рода. Толстая цыганка съ громадными серьгами въ ушахъ, въ шляпкѣ съ желтыми цвѣтами, предлагаетъ погадать круглому пожилому джентльмэну съ бѣлыми, какъ снѣгъ, бакенбардами. Джентльмэнъ поставилъ на корзину недопитый стаканъ и вышелъ изъ кареты.

— Умѣете танцовать skirt dance?—спросилъ онъ, блаженно улыбаясь, цыганку.

— Нѣтъ, сэръ.

— Ну, такъ я вамъ покажу.—И солидный джентельмэнъ, подобравъ кончиками пальцевъ полы чернаго сюртука, какъ край юбки, началъ выкидывать кверху ногой.

Надъ каретой рядомъ развѣвается полосатое со звѣздами знамя. Тамъ сидитъ партія американцевъ и американокъ. Здѣсь смѣхъ еще болѣе непринужденный и пробки хлопаютъ еще чаще. Слышится заразительный хохотъ дамъ и характерный американскій говоръ въ носъ —мужчинъ.

— Holy Moses!—восклицаетъ одинъ.—И это скачки! Платишь десятки долларовъ и приходится еще дожидаться цѣлый часъ, покуда прозвонитъ колоколъ. Проѣхать шестнадцать миль и ждать. Это ужасно!

— Почему-же, въ такомъ случаѣ, вы не остались дома въ отелѣ, Кауэнъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Сынъ мой, слышали-ли вы когда нибудь про Гораса Грили и про человѣка, возвратившагося изъ Калифорніи?

— Нѣтъ, а что?

— Такъ слушайте. Слышитъ разъ Грили въ гостиницѣ джентельмэна, расхваливающаго Калифорнію. Климатъ, — говоритъ онъ,—тамъ лучшій въ мірѣ; яблоки тамъ растутъ такіе, какихъ нигдѣ, кромѣ какъ въ раю, не найдешь. Словомъ, тамъ и умирать не хочется. Грили и спрашиваетъ: „если въ Калифорніи такъ хорошо, почему же вы возвратились оттуда?“ „Да потому, что я былъ отъявленный дуракъ,“—отвѣтилъ калифорнецъ. Ну, вотъ я тоже отъявленный дуракъ, что не остался дома.

Публика хохочетъ по поводу немудренаго анекдота и, повидимому, сдѣлала бы тоже, если бы онъ былъ еще глупѣе. Къ каретѣ подошла группа бродягъ, загримированныхъ неграми, въ высокихъ воротничкахъ, въ цвѣтныхъ рубахахъ, съ мандолинами въ рукахъ. На выпачканныхъ сажей лицахъ застыла заискивающая улыбка. Негры стали щипать струны мандолинъ и запѣли, чтобы угодить американцамъ, „Янки—дудля“, который, какъ наивно думали пѣвцы, будто-бы составляетъ національный гимнъ заатлантической республики. „Янки-олухъ ѣдетъ въ городъ верхомъ на лошадкѣ“,— затянулъ одинъ негръ бойкую пѣсенку, а другіе подхватили безшабашный припѣвъ: „янки-дурень, дурень, дурень, янки дурень-олухъ!“ Американцы хохочутъ и въ цилиндръ одного изъ негровъ летятъ серебряныя монеты. Вотъ и другой ловецъ монетъ. Между каретами печально бродитъ на высокихъ ходуляхъ клоунъ, съ намазаннымъ мѣломъ лицомъ и съ краснымъ носомъ. Онъ предлагаетъ пирующимъ бросить въ воздухъ мѣдную монету, вызываясь подхватить ее шляпой на лету, какъ дѣти накрываютъ сачками бабочку. Но желающихъ продѣлать опытъ мало,— и клоунъ печально бредетъ дальше, стараясь не зацѣпить громадными ходулями. Дальше въ великолѣпномъ ландо сидятъ нѣсколько красивыхъ дамъ въ розовыхъ шелковыхъ платьяхъ. Онѣ падаютъ на подушки кареты отъ хохота. Джентельмэнъ, сидѣвшій вмѣстѣ съ ними, привелъ оборваннаго, распухшаго отъ пива, коряваго бродягу, который, закатывая распухшіе глаза, широко раскрывая ротъ, такъ что видны гнилые зубы, выводитъ модный сантиментальный романсъ: „не знаю, отчего люблю васъ; но я васъ такъ сильно люблю“. Бродяга, слыша смѣхъ и предполагая, что онъ предвѣщаетъ нѣсколько пенсовъ, затягиваетъ съ такими же ужимками другой сантиментальный романсъ: „Долли, Долли, прощай навсегда!“ Этого бродягу старается перекричать одноногій пѣвецъ, въ синей матросской курткѣ, который сидитъ на землѣ, вертитъ аристонъ и завываетъ басомъ: „Вотъ солдаты королевы“. Надъ полемъ виситъ смѣшанный гулъ отъ грохота барабановъ и рева трубъ, пѣнія, визга шарманокъ паровыхъ каруселей и выстрѣловъ въ тирахъ. Визжатъ дѣвушки-фабричныя, катающіяся верхомъ на ослахъ, галдятъ погонщики, бѣгущіе за ними; но еще громче вопятъ толстые джентельмэны, въ пестрыхъ

костюмахъ, въ громадныхъ шляпахъ, съ сумками черезъ плечо, стоящіе всюду вдоль барьера на ящикахъ. У каждаго ящика на двухъ шестахъ громадное полотно съ аршинными буквами: „Бобъ Гаукинсъ изъ Пекгэма“, „Чарли Ноблъ изъ Маймъ Плэтингъ“, „Старинная фирма Джимъ Стэбсъ изъ Айлингтона“. На каждомъ ящикѣ стоятъ два человѣка: одинъ съ громадной сумкой черезъ плечо, висящей на широкомъ ремнѣ, утыканномъ шиллингами, другой—съ аршинной книгой въ рукахъ. Это букмэкеры или „буки“, принимающіе заклады на лошадей, соотвѣтственно шансамъ на нихъ. Большія ставки въ сотни гиней принимаются въ оградѣ great stand. „Буки“ берутъ мелкіе заклады, отъ большой публики. О лоялизмѣ „буки“ говорятъ иниціалы короля „*E R*“, помѣщенные на аншлагѣ, объ имперіализмѣ и патріотизмѣ свидѣтельствуютъ національные флаги и портреты Робертса, Китченера и Мильнера. Рѣзко бросающійся въ глаза костюмъ „буки“ долженъ внушить довѣріе къ нему: человѣкъ, значитъ, не схватитъ ставокъ и не скроется съ ними въ толпѣ. Если бы даже это и случилось, то развѣ вы не имѣете имени „буки“? Нужно взять только омнибусъ въ Айлингтонъ и спросить, гдѣ живетъ Джимъ Стэбсъ. По всей вѣроятности, всякій укажетъ. Наконецъ, о кредитоспособности „буки“ долженъ говорить ремень черезъ плечо съ шиллингами: человѣкъ, украшающій себя деньгами, навѣрное не скроется со ставками. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что „буки“ испаряются часто, не смотря на яркій костюмъ и на адресъ, и играющіе ничего не получаютъ, не смотря на панцырь изъ монетъ.

— *Скипетръ*!—сынъ *Персимона* и *Украшенія*,—выкликаетъ одинъ „буки“, круглый джентельмэнъ, съ подбритыми сѣдыми бакенбардами, идущими отъ уха къ, носу—четыре противъ пяти. *Фрайаръ Тэкъ*, сынъ *Монашьяго Бальзама* и *Галопины*, три—противъ семи.

— *Робертъ Діаволъ*, сынъ Айршира, взявшаго дерби и *Пегъ Вофингтонъ*, одержавшей побѣду на Аскотскихъ скачкахъ,—выкликаетъ другой „буки“, черноусый, бравый, съ налитыми кровью щеками.

То клички лошадей, которыя скоро должны скакать. Солдаты, бродяги, клэрки, люди неизвѣстныхъ профессій, дамы даютъ „буки“ полкроны (самая меньшая ставка, около 1 р. 20 к.), кроны и полсоверэны. Въ обмѣнъ „буки“ выдаетъ печатный билетъ съ названіемъ лошади. По этой бумажкѣ, если конь выиграетъ и „букмэкеръ“ не убѣжитъ,—владѣлецъ получитъ свою долю. Играютъ всѣ: дамы, сидящія въ каретѣ и послѣдній нищій, только что собравшій по пенсамъ полкроны. Въ Англіи существуетъ лига борьбы съ азартной игрой. Такъ какъ по закону послѣдняя воспрещена „на открытомъ мѣстѣ“, то лига привлекла къ отвѣтственности одного букмэкера, чтобъ добиться приговора и установить столь важный въ Англіи прецедентъ. Магистратъ,

которому пришлось разбирать дѣло, самъ извѣстный любитель скачекъ и самъ азартно играетъ на нихъ. Онъ очутился въ затруднительномъ положеніи; но вышелъ изъ него настоящимъ римляниномъ: судья призналъ, что букмэкеръ поступалъ незаконно, принимая заклады. Лига установила прецедентъ; но ненадолго. Весь англійскій міръ игроковъ встревожился. При такомъ прецедентѣ игра на скачкахъ становится преступленіемъ; а безъ пари скачки теряютъ три четверти своего интереса въ глазахъ англичанъ. Безъ „букмэкеровъ" и ставокъ—дерби не дерби. И вотъ составилась негласная лига, насчитывавшая въ своихъ рядахъ цвѣтъ англійской аристократіи. Собрали большую сумму денегъ, наняли лучшихъ и самыхъ дорогихъ адвокатовъ и убѣдили осужденнаго „буки" обжаловать рѣшеніе. Дѣло перешло въ высшую инстанцію, въ палату лордовъ.

Рѣшеніе ученыхъ судей очень интересно. „Правда,—нашли они,—азартная игра на открытомъ мѣстѣ воспрещена закономъ. Но находился ли букмэкеръ на открытомъ мѣстѣ? Нѣтъ, какъ показываютъ свидѣтели, букмэкеръ стоялъ не подъ открытымъ небомъ, а подъ *зонтикомъ*, т. е. подъ *своимъ* кровомъ; кромѣ того, не на травѣ, а на ящикѣ, т. е. опять не на общественной, а въ нѣкоторомъ родѣ на *своей* территоріи. Такимъ образомъ, въ наличности имѣется все то, что по закону составляетъ „home", т. е. домъ, крыша и полъ". И „буки" оправдали къ великому ликованію всѣхъ спортсмэновъ. Это было всего только четыре года тому назадъ. Съ тѣхъ поръ „буки" дѣйствуютъ уже на основаніи закона, но заботятся о томъ, чтобы надъ ними былъ „кровъ". „Буки" имѣютъ еще одну спеціальность, которая, правда, закономъ не признана: они принимаютъ ворованныхъ „пони". Дѣло идетъ не о лошадкахъ, а объ ассигнаціяхъ въ 5 и въ 10 ф. ст. Въ Англіи старыхъ бумажекъ не существуетъ. Сколько-нибудь загрязнившіяся уничтожаются и замѣняются новыми. Банкъ, выдавая вамъ „пони", записываетъ ихъ нумера. Въ случаѣ пропажи, нумера легко узнать и сообщить во всѣ банки. Такимъ образомъ, вору украденныя имъ ассигнаціи почти также безполезны, какъ похищенный чэкъ. Но есть одно мѣсто для сбыта „пони": сумки букмэкеровъ на скачкахъ. „Буки" всегда имѣетъ возможность оправдаться, что ему некогда справляться съ нумерами бумажекъ, которыя ему даютъ на скачкахъ.

— Джентльмэны, кто желаетъ поставить одинъ шиллингъ на новую игру? Вѣрно,—какъ Англійскій банкъ, быстро, какъ электрическая дорога, забавно,—какъ представленіе Дэна Лино,—сыплетъ словами какой-то субъектъ съ бѣгающими во всѣ стороны глазами. Субъектъ катится мячикомъ по кругу, образованному зрителями, предлагаетъ поставить по шиллингу и взять по картѣ. Охотниковъ много. Другой субъектъ, покороче и погрязнѣе, хотя и первый ни въ коемъ случаѣ не можетъ похва-

статься чистотой, разбрасываетъ карты по травѣ, въ кругу. Затѣмъ подбѣгаетъ съ сигарнымъ ящикомъ къ одному изъ поставившихъ шиллингъ и предлагаетъ вынуть номеръ.

— Двѣнадцать!—воскликнулъ онъ.

— Джентльмэны! двѣнадцатому получить,—возглашаетъ субъектъ съ быстрыми глазами. Выигравшій получилъ четверть всей ставки, затѣмъ быстроглазый опять завертѣлся и опять сталъ сыпать словами, предлагая взять карту. Выходило дѣйствительно очень быстро. Въ двѣ минуты игра повторилась разъ восемь. Но вотъ быстроглазый оглянулся и свистнулъ. Товарищъ его поспѣшно подхватилъ сигарный ящикъ съ номерами и карты, затѣмъ оба, согнувшись, поднявъ воротники и нахлобучивъ шапки, шмыгнули въ толпу. Къ играющимъ подходили величаво два громадныхъ „боби". Тутъ не было „своего крова", потому эта лотерея не подходила подъ мудрое толкованіе палаты лордовъ, и полиція вмѣшалась, хотя нѣсколько поздно. Одинъ изъ поставившихъ ставку хотѣлъ загородить путь боби, въ слабой надеждѣ, что если полицейскіе не увидятъ шмыгнувшихъ субъектовъ, тѣ возвратятся, и шиллингъ не пропадетъ.

— Кто вы, дерзающій остановить законъ при исполненіи обязанностей, — величественно произнесъ боби, отталкивая въ сторону поставившаго ставку. Но субъекты растаяли въ толпѣ; по всей вѣроятности, быстроглазый опять уже вертѣлся по кругу гдѣ-нибудь по близости, и убѣждалъ взять карту.

III.

Загудѣлъ колоколъ. Скоро начнется третій заѣздъ, или „дерби", на призъ въ шесть тысячъ гиней (60 тысячъ руб.). „Боби", взявшись за руки, быстро бѣгутъ сплошной стѣной по ристалищу, очищая кругъ отъ зрителей. Мальчишки съ хохотомъ катятся колесомъ. Очевидно, у нихъ своего рода спортъ—пробѣжать по кругу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мчатся полисмэны. Вотъ кругъ очищенъ; раздался взрывъ хохота. Шаршавая собаченка вбѣжала за барьеръ и завертѣлась. Толстый полисмэнъ, пыхтя отъ жира, бросился ловить ее. Пора занять мѣсто на great stand. Съ четвертаго этажа далеко видна волнистая равнина, изрѣзанная рядами деревьевъ. Кое-гдѣ за ними, въ синей дымкѣ, видны котеджи Ипсома. Скамьи кругомъ заняты сплошь сильно возбужденными дамами и джентльмэнами. Возлѣ меня говорятъ по-французски два господина съ нервными, тонкими лицами.

— Лошади и женщины лучшій продуктъ англійской культуры,—говоритъ одинъ.—Видѣли ли вы утромъ, въ Гайдъ-Паркѣ, какъ гарцуетъ на лоснящемся конѣ со стальными мышцами изящная, голубоглазая миссъ, въ черной амазонкѣ, съ распущен-

ными по плечамъ золотистыми волосами? Можно подумать тогда, что это ангелъ, превратившійся въ центавра... Право, такихъ красивыхъ женщинъ, какъ въ Англіи, я не видалъ нигдѣ. Какіе у нихъ глаза! какой цвѣтъ лица! Этотъ взглядъ внушаетъ преклоненіе, какъ передъ серафимами. Оглянитесь, здѣсь вся англійская литература: вотъ Имоджена, вотъ Виргинія, Дездемона, Офелія Шекспира. Вотъ Эсѳирь и Агнесса—Диккенса.—Другой французъ расхохотался.

— А какъ великолѣпно ѣдятъ и пьютъ ваши серафимы! — воскликнулъ онъ.—Затѣмъ, вы упустили одну сторону вопроса, которая сформулирована, не помню кѣмъ, такъ: весь родъ человѣческій раздѣляется на три пола: на мужчинъ, женщинъ и на старыхъ англичанокъ. Вашъ перечень англійской литературы, мой милый, не полонъ. Вы забыли упомянуть про макбетовскихъ вѣдьмъ, которыя, смотрите, сидятъ вонъ въ шелку, да въ желтыхъ и зеленыхъ шляпкахъ.

Съ моего мѣста я вижу хорошо не только „стартъ", но и центральныя ложи, рядомъ съ королевской. Въ нихъ сидятъ цвѣтнокожіе джентельмэны въ тюрьбанахъ и въ цилиндрахъ, — „почетные гости націи", вассалы громадной имперіи, прибывшіе изъ Индіи и изъ центральной Африки, чтобы придать блескъ коронаціонной процессіи. Вотъ тотъ громадный, идеально черный негръ въ цилиндрѣ—это, навѣрное, король Леваника, о которомъ такъ много говорятъ въ послѣднее время мелкая пресса и церковныя газеты. Владѣнія Леваники гдѣ-то подъ экваторомъ, въ тропическихъ лѣсахъ, на южномъ берегу Танганайки. Всего какихъ-нибудь двѣнадцать лѣтъ тому назадъ бѣлые туда не заглядывали, народъ короля Леваника имѣлъ рѣшительное средство расправляться съ непріятелемъ: онъ съѣдалъ его. Потомъ явились бѣлые и объявили протекторатъ. Леваника познакомился съ плодами культуры, т. е. узналъ употребленіе панталонъ и даже цилиндра. Миссіонеры обратили его въ христіанство; но, снисходя къ слабости человѣческой, разрѣшили ему оставить при себѣ двѣнадцать женъ. Король объявилъ, что это необходимо въ государственныхъ интересахъ. „Church Times" за то пишетъ умилительныя статьи о томъ, какъ Леваника не пропускаетъ ни одной церковной службы. Фактъ тѣмъ болѣе умилительный, что Леваника не понимаетъ ни звука по-англійски. Теперь пріѣздъ чернаго короля въ Лондонъ вызвалъ сенсацію. Благочестивыя дамы проектируютъ снаряженіе большой миссіи въ страну Баротсе, въ королевство Леваники. Что будетъ дѣлать миссія? Прежде всего докажетъ неграмъ, что панталоны слѣдуетъ признать во чтобы то ни стало. Мужья благочестивыхъ дамъ составляютъ синдикаты для поисковъ золота въ Баротсе.

Я вижу въ бинокль, какъ нервно ерзаетъ въ своей ложѣ Леваника, какъ быстро оглядываетъ всѣхъ и заговариваетъ постоянно съ толстымъ, губастымъ толмачемъ. Рядомъ съ Леваникой—

раджи и магараджи, въ живописныхъ эклатахъ, затканныхъ золотомъ, въ зеленыхъ тюрбанахъ, тоже расшитыхъ золотомъ. Магараджи это—живыя страницы въ исторіи Индіи. Вначалѣ они грабили индійскихъ райотовъ (крестьянъ), покуда не явились побѣдители, которые стали грабить и магараджей, и райотовъ.

Но большинство публики, сидящей кругомъ, исторіей не интересуется. Точнѣе, она знаетъ только *конюшенную* исторію. Доисторическій періодъ ея—это до Якова I. Отъ того времени сохранилась только легенда о скачкахъ, устраивавшихся непеpiодически близъ Ипсома. *Древняя исторія* кончается 1730 г., когда установлены періодическія скачки. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этого заведено „дерби“ и, такимъ образомъ, началась новая конюшенная исторія. Настоящій знатокъ скачекъ, или man of the turf, поражаетъ большой эрудиціей; онъ знаетъ не только всѣхъ лошадей, одержавшихъ когда-либо побѣду, но и генеалогію ихъ.

Публика зашевелилась, какъ спѣлые колосья, когда по нимъ пробѣжитъ вѣтеръ. „Буки“ заволновались и принялись охрипшимъ голосомъ выкликать клички лошадей. У столба внизу, возлѣ королевской ложи показались жокеи.

— Принцъ Флоризель II уже тутъ? — услышалъ я голосъ впереди.

— Да, вонъ онъ.

Я навелъ бинокль на ложи и попросилъ сосѣда справа показать мнѣ принца Флоризеля II.

— Да вы куда смотрите?—спросилъ сосѣдъ.

— На ложи.

— Принцъ Флоризель II не тамъ, а у столба: это—не магарджа, а скаковой конь, старшій братъ *Персимона* и *Алмазнаго Юбилея*, двухъ жеребцовъ, взявшихъ дерби. Необыкновенно геніальная семья! Къ ней принадлежитъ *Влодіевскій*, одержавшій блистательную побѣду на Аскотскихъ скачкахъ.

— *Влодіевскій* одержалъ побѣду для американцевъ,—недовольно замѣтилъ другой джентельмэнъ съ сильнымъ выговоромъ въ носъ.—Конь принадлежитъ моему соотечественнику, жокей Лестеръ Гейфъ, который ѣхалъ на *Влодіевскомъ* тоже американецъ.

— Такъ что же такое?—спокойно переспросилъ первый.— А какого происхожденія *Влодіевскій*? Его отецъ—*Самаритянинъ* и мать—*Добрая Надежда* оба чисто британскаго происхожденія.

Снисходя къ моему невѣжеству, этотъ сосѣдъ сталъ объяснять мнѣ все относительно лошадей и жокеевъ, выстраивавшихся у старта.

— Вотъ видите жокея въ черномъ, съ желтыми рукавами и въ красной шапочкѣ, это—Гэндель, онъ сидитъ на *Скипетрѣ*, сынѣ *Персимона* и *Украшенія*; на него поставлено сегодня нѣсколько сотъ тысячъ гиней. Не мало людей разорится или разбогатѣетъ отъ того, придетъ ли, или нѣтъ конь первымъ. А вотъ

9*

жокей въ бѣломъ, съ черными рукавами и въ такой же шапкѣ. Это—Кэнонъ, на *Фрайаръ-Тунѣ*, сынѣ *Монашьяго Бальзама* и *Галопины*. Конь принадлежитъ герцогу Портлэндскому, который поставилъ цѣлое состояніе на него. А вотъ *Робертъ Діаволъ*; видите, жокей въ красной курткѣ съ голубымъ воротникомъ и въ бѣлой шапкѣ. Конь дважды взялъ призы. Его владѣлецъ получилъ уже въ видѣ призовъ и пари болѣе двухсотъ тысячъ гиней.

А мнѣ при этомъ объясненіи припомнилась сцена изъ Донъ-Кихота предъ боемъ съ овцами, когда рыцарь сообщаетъ своему оруженосцу, кто тѣ воины, которые идутъ другъ противъ друга, окутанные тучей пыли.

— Вотъ тотъ рыцарь, тамъ внизу, въ золоченыхъ доспѣхахъ, съ коронованнымъ львомъ на щитѣ „es el valeroso Laucalo, senor de la Puente de plata“ (доблестный Лаукало, властелинъ серебрянаго моста)... А тотъ, съ тремя серебряными коронами по лазоревому полю—es el tamido Micocolembo, gran duque de Quirocia. А тотъ направо, гигантскаго роста—es el nunca medroso Brandabarbaran de Boliche“ (вѣчно безстрашный Брандабарбаранъ Боличійскій).

— *Скипетръ*—десять противъ одного!—яростно, съ ожесточеніемъ вопили „буки“. Они напоминали волчицъ, у которыхъ отняли дѣтенышей.

— Пятьсотъ фунтовъ на *Скипетра*,—сказала нарядная голубоглазая дама, подавъ букмэкеру нѣсколько скомканныхъ бумажекъ.

— Тысяча фунтовъ на *Скипетра*, — прибавилъ отъ себя красивый джентельмэнъ, съ брилліантовой пряжкой на галстухѣ.

— Я—за Ирландію,—воскликнулъ молодой человѣкъ, вытаскивая толстый бумажникъ. — Двѣ тысячи фунтовъ на *Ардъ-Патрика*.

По русской мѣркѣ, это составляетъ цѣлое состояніе; но въ ложахъ, гдѣ сидятъ люди еще болѣе богатые, тамъ ставки значительно выше. Раздался сигналъ. Кони разомъ помчались, вытянувъ шеи. Жокеи согнулись въ сѣдлахъ и подались впередъ. Черезъ нѣсколько секундъ лошади скрылись въ долинѣ. Публика кругомъ застыла съ биноклями въ рукахъ. Прошло еще нѣсколько секундъ. По побѣлѣвшимъ щекамъ дамъ можно было догадаться, какъ сильно бьется у нихъ сердце. Но вотъ вдали, гдѣ толпилась масса у барьера, раздались отчаянныя проклятія, въ которыхъ тонули совершенно рукоплесканія. Показались жокеи, огибавшіе островокъ, поросшій цвѣтущимъ боярышникомъ. Я видѣлъ, какъ задрожали бинокли не въ одной рукѣ. Лошади мчались, вытянувъ шеи. Жокеи совсѣмъ припали къ сѣдламъ; но отлично было видно уже, что впереди не тотъ конь, на котораго поставлено такъ много денегъ. Черный жокей, съ желтыми ру-

кавами и въ красной шапкѣ былъ далеко позади. Впереди, прижавъ плотно уши къ красивой головѣ съ нервно-дрожащими ноздрями, мчался конь, котораго никто не принималъ въ разсчетъ.

— Гипъ! гипъ! ура! за старую Ирландію!—неистово крикнулъ молодой человѣкъ, поставившій двѣ тысячи фунтовъ. Ардъ Патрикъ впереди!

Дѣйствительно, теперь всѣ узнали фіолетовую куртку съ красными пуговицами жокея. Скачка кончилась. *Ардъ Патрикъ* взялъ голубую ленту „дерби“ и въ двѣ минуты съ секундами разорилъ однихъ и обогатилъ другихъ. Толпа сразу хлынула въ кругъ. Тысячи джентльмэновъ, дамъ и бродягъ кинулись къ финишу, чтобъ посмотрѣть на побѣдителя и чтобъ потрепать по плечу маленькаго, сморщеннаго, какъ обезьяна, жокея. Молодой человѣкъ, которому ставка на побѣдителя принесла въ пять разъ больше, чѣмъ его двѣ тысячи фунтовъ, повидимому, не могъ еще успокоиться.

— Гдѣ вашъ *Скипетръ* теперь! А!—говорилъ онъ, воображая въ нервномъ возбужденіи, что съ нимъ споритъ какой-то соперникъ.—Вашъ *Скипетръ* разорилъ многихъ. Старый *Ардъ Патрикъ* принесъ тѣмъ, которые увѣровали въ зеленую Ирландію, денегъ на всю жизнь!

Но въ большинствѣ случаевъ выигравшіе и проигравшіе хорошо владѣютъ собою. Картина бѣшеныхъ пари, когда жадность, далеко не всегда скрытая, вспыхиваетъ, какъ угли, политыя керосиномъ,—дѣйствуетъ удручающимъ образомъ на посторонняго наблюдателя... До слѣдующаго заѣзда, когда будетъ разыгрываться „катергэмскій кубокъ“ съ двумя стами соверэнами, оставалось еще около часа, и я рѣшилъ побродить на другомъ скатѣ долины, между балаганами. Въ долинѣ всюду стояли цыганскія палатки. У дверей ихъ босоногія черномазыя цыганята голосили на все поле: „акомадейшенъ!“ Они превратили свои палатки въ нѣкоторыя необходимыя учрежденія и предлагали воспользоваться ими за пени... По всему скату долины стояли карусели и балаганы всякаго рода. Толстыя дамы заливались отъ смѣха, кружились подъ оглушительную музыку паровой шарманки на какомъ нибудь деревянномъ страусѣ или на желтомъ львѣ съ зелеными глазами. Старый джентельмэнъ, снявъ сюртукъ, хлопалъ деревяннымъ молотомъ, стараясь выгнать возможно выше стрѣлку на шкалѣ, отмѣчающей физическую силу. Кругомъ со всѣхъ сторонъ хлопали въ тирахъ выстрѣлы и слышался звонъ разбиваемыхъ бутылокъ. Вотъ цыганка предлагаетъ всѣмъ испробовать ловкость: нужно сбить деревянными шарами кокосовые орѣхи, натыканные на тычки. Шары сложены въ ящикѣ, гдѣ стоитъ крошечный цыганенокъ въ длинномъ красномъ бурнусѣ съ капюшономъ. Подходитъ пара: высокій, корректный джентельмэнъ

въ цилиндрѣ, съ биноклемъ черезъ плечо и нарядная дама въ изящномъ лѣтнемъ платьѣ подъ длиннымъ, разстегнутымъ шелковымъ плащемъ. Въ день дерби не только все дозволено, но считается даже особымъ шикомъ замѣшаться въ толпу и осмотрѣть всѣ балаганы. Дама со смѣхомъ принимается метать шары; но судя по разгорѣвшимся щекамъ и безпричинному смѣху, вліяніе шампанскаго и хереса сказывается. Шары летятъ въ разныя стороны и меньше всего по тому направленію, гдѣ на тычкахъ кокосовые орѣхи дожидаются ловкаго удара. Ярко намалеванныя вывѣски на балаганахъ кричатъ о чудесахъ, показываемыхъ тамъ. Въ одномъ изъ нихъ „только джентельмэны" могутъ видѣть „лэди о трехъ ногахъ". Въ другомъ, опять же только для джентельмэновъ, уготовлено что-то „поразительно-интересное" и сулится сто фунтовъ награды, „если это не такъ". Англійскіе законы относительно благопристойности зрѣлищъ очень строги, поэтому, не смотря на оговорку, что „только джентельмэнамъ можно", въ балаганѣ, навѣрное, нѣтъ ничего неприличнаго. По всей вѣроятности, тамъ какая-нибудь панорама, въ которой можно видѣть немножко вольную, съ англійской точки зрѣнія, картинку. Усиленно валитъ публика въ сосѣдній балаганъ, гдѣ исполняется „военный танецъ басуто". Нѣсколько полуголыхъ негровъ, покрытыхъ вытертыми телячьими шкурами, воютъ такъ, что, кажется, вотъ-вотъ лопнетъ барабанная перепонка, и тяжело подпрыгиваютъ на одномъ мѣстѣ. Еще болѣе громко завываетъ ихъ антрепренеръ, посинѣвшій отъ водки пьяница съ подбитымъ глазомъ.

— It is disgusting! (это отвратительно)—говоритъ своему спутнику дама. И съ этимъ трудно не согласиться. Больше всего публика толпится у большого балагана, надъ дверями котораго—широкое полотно, изображающее боксеровъ.

— Нэдъ и Дикъ! Первые чемпіоны Уэльса и Англіи!—вопитъ въ рупоръ короткій человѣчекъ съ перебитымъ носомъ. У входа, на ящикѣ, стоитъ уже пожилая женщина, въ синемъ трико, сильно набѣленная мѣломъ, съ сумкой черезъ плечо, и отбираетъ по два пэнса за входъ. Публика состоитъ изъ бродягъ; но есть также не мало изящныхъ, нарядныхъ дамъ и джентельмэновъ въ цилиндрахъ. Нэдъ—коренастый парень съ лоснящимся, угреватымъ лицомъ. Дикъ—выше его цѣлой головой, съ длинной жилистой шеей. Оба—въ кальсонахъ и въ фуфайкахъ. И то и другое сильно заношено, и запахъ пота сразу захватываетъ дыханіе. Но, очевидно, изящныя дамы усматриваютъ нѣчто особенно острое въ этой грязи, вони и въ неприличномъ костюмѣ. Нэдъ кинулся на Дика, который молотилъ его своими длинными руками. Одинъ ударъ попалъ въ носъ. Нэдъ зашатался; но къ нему на помощь явился секундантъ съ мокрой губкой. Опять начался бой. Нэдъ обхватилъ руками противника; но тотъ

изогнулся весь своимъ длиннымъ тѣломъ и изъ-за спины сталъ колотить по головѣ „чемпіона Уэльса". Публика зааплодировала. Знатоки объяснили мнѣ, что это какой-то особенный ударъ... Мнѣ стало противно и тяжело, и я ушелъ, не дождавшись исхода бокса. Бой быковъ—жестокое и кровавое зрѣлище; но, въ концѣ концовъ, тамъ есть извѣстный элементъ красоты, или, точнѣе, вы можете понять, что̀ привлекаетъ въ немъ испанцевъ. Боксъ— только отвратительное и возмутительное зрѣлище. Вамъ обидно за человѣческое достоинство и вы никакъ не можете понять, какъ можно находить удовольствіе въ томъ, какъ человѣкъ бьетъ человѣка. Не смотря на перчатки на кулакахъ боксеровъ, трагическій исходъ отнюдь не исключенъ. Въ „національномъ спортативномъ клубѣ" въ послѣдніе два года были три случая убійства боксеромъ боксера. Каждый разъ всѣ присутствующіе привлекаются къ суду; но каждый разъ дальше камеры коронера дѣло не идетъ. Смерть объясняется несчастнымъ случаемъ. Явленіе тѣмъ болѣе удивительное, что нигдѣ бой быковъ не осуждается такъ съ церковной каѳедры и въ печати, какъ въ Англіи. Въ прошломъ году формировалась даже лига, которая должна была слѣдить въ Испаніи за всѣми англичанами, посѣщающими plaza de toros, узнавать ихъ имена и распубликовывать „для общаго позора и посрамленія".

Нѣсколько въ сторонѣ отъ балагана слышится ревъ трубъ и звуки тамбуриновъ. То отрядъ „арміи спасенія" прибылъ на скачки бороться съ дьяволомъ. „Огонь и кровь!"—голоситъ во всю силу легкихъ „капитанъ", въ синей курткѣ поверхъ красной фуфайки. „Огонь адскаго пламени или кровь вѣчнаго спасенія, что вы выберете?" Но публика не интересуется ни адомъ, ни раемъ: она идетъ въ балаганъ смотрѣть на Нэда и Дика. „Капитану" приходится особенно усердствовать. Въ послѣднее время важный кризисъ происходитъ въ „генеральномъ штабѣ"; собственныя дочери Бузса, его наиболѣе усердные „полковники", перешли въ другую армію, въ воинство Сіона, основанное въ Америкѣ же Дауи, или пророкомъ Ильей, какъ онъ себя величаетъ. „Пророкъ Илья" пришелся по душѣ блазированнымъ американскимъ милліонерамъ; онъ не только вопитъ о „крови и объ огнѣ", но умѣетъ еще лѣчить молитвами. О пріѣздѣ Дауи въ Лондонъ я какъ-то писалъ уже. Между Ильей пророкомъ и генераломъ Бузсомъ завязался бой не на животъ, а на смерть. Одинъ обзывалъ другого мошенникомъ, обманщикомъ, шарлатаномъ. Но генералъ Бузсъ только вступалъ въ сношеніе съ биржей; тогда какъ пророкъ Илья съ американской смѣлостью основалъ акціонерную компанію для эксплуатаціи, такъ сказать, царства небеснаго: онъ выпустилъ акціи, чтобы на оборотныя деньги построить земной рай, городъ спасенныхъ людей—*Сіонъ*. Компанія имѣла большой *бумъ* на нью-іоркской биржѣ. Деньги полились

рѣкой. Теперь двѣ дочери генерала Бузса занимаютъ важный постъ въ городѣ спасенныхъ людей.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ усердствуетъ „капитанъ“, парни и дѣвушки окружили на лугу полуразбитаго параличемъ старика, передвигающагося дрожащей походкой при помощи палки. У ногъ паралитика—нескладная, лохматая, необыкновенно флегматичная дворняшка. На травѣ разбросаны квадратные куски картона, съ изображенными на нихъ цифрами и отдѣльными словами, какъ *да*, *нѣтъ*.

— Джэкъ,—говоритъ старикъ, передергивая то однимъ, то другимъ плечомъ и плохо справляясь со своимъ одеревенѣвшимъ языкомъ,—Джэкъ, покажи этимъ лэди и джетльмэнамъ все, что ты знаешь. Скажи, прежде всего, сколько разъ мы обѣдали въ эту недѣлю. Ты покажешь, не правда ли, что мы имѣли по два великолѣпныхъ обѣда каждый день. Ну, смѣлѣй, покажи, сколько разъ мы ѣли уже.

Джэкъ флегматически завертѣлся по кругу, присматриваясь къ каждой картѣ. Наконецъ, собака вынула кусокъ картона, на которомъ стояла цифра нуль.

— О, Джэкъ, Джэкъ! Какъ ты нескроменъ!—лопочетъ заплетающимся языкомъ старикъ.—Ты выдаешь всѣ секреты. Ну, Богъ съ тобой. Всѣ благочестивые джентльмэны, которые такъ хорошо ѣдятъ, краснорѣчиво доказываютъ, что короткіе рабочіе дни портятъ тѣло и губятъ душу работника. Джэкъ, сколько часовъ въ день ты хотѣлъ бы работать?

Джэкъ повертѣлся вокругъ таблички и вытащилъ тотъ же *нуль*.

— Нѣтъ, Джэкъ, ты, повидимому, неисправимъ и, поэтому, чтобы не компрометировать тебя въ глазахъ всѣхъ этихъ лэди и джентльмэновъ, мы оставимъ эту тему. Ты намъ скажешь, замужемъ ли эта лэди напротивъ?

„Лэди“, фабричная дѣвушка, съ большими серьгами въ ушахъ и съ краснымъ перомъ на зеленой шляпѣ взвизгнула отъ восторга. Съ тѣмъ же флегматическимъ видомъ Джэкъ вытаскиваетъ „нѣтъ“. Хохотъ дѣвушки и всей публики увеличивается, когда, на вопросъ: „бьетъ ли она своего молодого человѣка?“—Джэкъ отвѣчаетъ „да“.

По скату луга всюду выстроены балаганы другого рода,—временные кабаки. Въ нихъ можно достать только два напитка: виски и шампанское. Нарядныя дамы и изящные джентльмэны толпятся у наскоро сколоченныхъ столовъ и стоекъ. Всюду хлопаютъ пробки. Сюда, какъ крысы на запахъ поджареннаго сыра или какъ коты на валеріановыя капли,—тянутся „минстрели“ всякаго рода: шотландцы въ юбкахъ, съ гнусящей волынкой за плечами, цыганки съ тамбуринами, но больше всего—пѣвцовъ, загримированныхъ неграми. Вотъ партія изъ четырехъ негровъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ полосатыхъ штанахъ, въ высокихъ

цилиндрахъ, перебираетъ струны мандолинъ и очень недурно поетъ плясовую пѣсенку, завезенную изъ Америки отъ мѣстныхъ негровъ. Двѣ дамы съ бриліантами въ ушахъ, одна—постарше, другая—совсѣмъ молодая, съ хохотомъ поставили недопитые стаканы шампанскаго и начали плясать другъ противъ друга. Вначалѣ движенія были плавныя и медленныя; но, очевидно, рукоплесканія джентльмэновъ, съ которыми дамы прибыли, а также выпитое вино подѣйствовали. И вотъ дамы принялись танцовать совсѣмъ на другой ладъ. Нѣтъ болѣе тяжелаго и... отвратительнаго зрѣлища, чѣмъ видъ выпившей женщины... Въ каретахъ у барьера все еще ѣли и пили. Если бы заслуги вообще цѣнились, то въ этотъ день всѣмъ желудкамъ слѣдовало бы выдать большую медаль съ надписью: „pour la digestion“.

IV.

Близится вечеръ. Дождь совсѣмъ пересталъ. Тучи поднялись и на закатѣ имѣютъ видъ громадныхъ бронзовыхъ полосъ. Дерби кончилось. Публика безконечной волной тронулась обратно въ Лондонъ. Гулъ хохота, пѣсенъ, шутливыхъ восклицаній разлился на двадцать верстъ. Публика слѣдуетъ каждому внушенію, поданному пивомъ или виномъ. Проѣхала карета. Въ ней нѣсколько очень немолодыхъ джентльмэновъ съ сѣдыми усами. Джентльмэны нацѣпили картонные носы, поютъ что-то и машутъ руками. Одинъ снялъ цилиндръ и вмѣсто него надѣлъ колпакъ, сложенный изъ нумера газеты. Въ шарабанѣ всѣ сидящіе надѣли цвѣтные колпаки и трубятъ въ бумажныя дудки. Останавливаемся мы каждыя четверть часа у „Красной коровы“, „Золотыхъ колоколовъ“, „Головы королевы“, „Головы короля“,—безъ счета. У дверей „Красной коровы“ десять или двѣнадцать толстыхъ дамъ, повидимому, жены мелкихъ лавочниковъ, только что слѣзшія съ шарабана, танцуютъ на мостовой подъ звуки шарманки. „Боби“ машетъ рукой и проходитъ мимо. Сегодня—особыя правила благопристойности. Наконецъ, сама публика настолько дисциплинирована, что, не смотря на безконечное количество выпитаго пива, виски и вина,—не переступаетъ извѣстной границы. Публика поетъ, веселится, танцуетъ, дурачится; но никто не пристаетъ къ другому, нѣтъ дракъ, не слышно ссоръ или же посуловъ заѣхать въ зубы или въ шею. Не напившемуся наблюдателю нѣсколько неловко, точно такъ, какъ неловко долженъ себя чувствовать напившійся, но не потерявшій сознанія, въ обществѣ трезвыхъ и серьезныхъ людей. Но къ нему никто не пристанетъ во время дерби. На нашемъ омнибусѣ публика до безконечности весела. Авторъ балладъ надѣлъ бумажный колпакъ и раздобылся игрушкой, съ которой возится все время. Это—родъ свернутой

спиралью трубки, какъ хоботокъ у бабочки. Если подуть въ нее, выпрямляется съ пискомъ хоботъ аршина въ полтора. Сердитая дама объясняетъ всѣмъ, когда ея тридцатилѣтній „мальчикъ“ побѣжалъ въ кабакъ, гдѣ заболтался съ поденщицей, — что она мать и знаетъ, какъ обращаться съ дѣтьми.

— Пусть мой мальчикъ любезничаетъ. Мальчики всегда будутъ мальчиками, а дѣвушки—дѣвушками.

Такъ какъ истина эта внѣ сомнѣнія, то никто не возражаетъ. Одинъ изъ джентльмэновъ поетъ только что появившійся сантиментальный романсъ. Суровая дама время отъ времени въѣзжаетъ со своею басовою нотою. Такъ вечеромъ, въ камышахъ, среди кваканья древесницъ, вдругъ послышится глухое урчаніе выпи. Дама съ бирюзовыми сережками безмятежно спала, склонивъ голову на плечо. Птица на шляпѣ попрежнему съ недоумѣніемъ глядѣла стеклянными глазами въ лицо спящей. Попрежнему, время отъ времени, спутники толкали спящую и подносили къ ея губамъ горлышко бутылки. Слышалось бульбульканье, затѣмъ дама опять засыпала. Стемнѣло. Мы въѣхали въ городъ. Изъ открытыхъ оконъ на насъ сыпались цвѣтныя бумажки и разваренный горохъ. Публика отстрѣливалась остротами. Тротуары были запружены зрителями, желавшими хоть поглядѣть на людей, возвращавшихся съ дерби. Въ городѣ кабаковъ еще больше, поэтому остановки стали еще чаще; но возвращеніе уже слишкомъ замедлилось и я съ первой станціи электрической дороги оставилъ омнибусъ...

Діонео.

Политика.

Миръ въ Южной Африкѣ.—Политическое положеніе во Франціи.—Освобожденіе Кубы; маріенбурская рѣчь Вильгельма II; возобновленіе тройственнаго союза.

I.

Послѣ кровопролитной, геройской борьбы, длившейся два года и восемь мѣсяцевъ, буры увидѣли себя вынужденными уступить, и миръ заключенъ.

31 (18) мая 1902 года былъ подписанъ въ Преторіи документъ нижеслѣдующаго содержанія:

„Его Превосходительство генералъ лордъ Китченеръ и Его Превосходительство лордъ Мильнеръ, дѣйствуя отъ имени британскаго правительства,

„съ одной стороны,

„И господа Стейнъ и Бребнеръ, генералъ Христіанъ Деветъ, генералъ Георгъ Оливье и судья Герцогъ, дѣйствуя отъ имени правительства свободнаго государства Оранжа;

„И господа Шалькъ-Бургеръ, генералы Луи Бота, Деларей, Лука Мейеръ и Крогъ, дѣйствуя отъ имени правительства Южно-Африканской республики и отъ имени бургеровъ, желающихъ положить конецъ кровопролитія,

„съ другой стороны,

„пришли къ соглашенію относительно слѣдующихъ пунктовъ:

„*Статья 1-я.* Войска бургеровъ, нынѣ находящіяся подъ ружьемъ, сложатъ немедленно оружіе, сдадутъ всѣ имѣющіяся у нихъ орудія, ружья и боевые припасы и прекратятъ сопротивленіе авторитету короля Эдуарда VII, котораго отнынѣ признаютъ своимъ законнымъ монархомъ.

„Способъ и подробности этой сдачи оружія будутъ установлены въ особомъ соглашеніи между лордомъ Китченеромъ и командующимъ генераломъ Луи Бота, командующимъ генераломъ Делареемъ и главнокомандующимъ генераломъ Деветомъ.

Статья 2. Всѣ сражающіеся бургеры, находящіеся нынѣ внѣ предѣловъ Трансвааля и Оранжа, а равно и всѣ военно-плѣнные, находящіеся внѣ Южной Африки, послѣ заявленія ими, что признаютъ себя подданными короля Эдуарда VII, будутъ возвращены на родину, по мѣрѣ наличности перевозочныхъ средствъ и запасовъ пропитанія.

„*Статья 3.* Никто изъ бургеровъ, упомянутыхъ въ настоящихъ статьяхъ, не будетъ лишенъ ни личной свободы, ни имущества.

„*Статья 4.* Сдающіеся и возвращающіеся на основаніи этихъ статей бургеры никоимъ образомъ не будутъ преслѣдуемы по суду, гражданскому или уголовному, за дѣянія, совершенныя ими, какъ воюющею стороною. Преимущества эти не распространяются на нѣкоторыя спеціальныя дѣянія, сообщенныя британскимъ главнокомандующимъ генераламъ бургеровъ, и по которымъ судъ будетъ назначенъ немедленно.

„*Статья 5.* Голландскій языкъ будетъ преподаваться въ общественныхъ школахъ вездѣ, гдѣ того пожелаютъ родители учащихся, а равно будетъ допущенъ въ судахъ всюду, гдѣ того потребуютъ интересы правосудія.

„*Статья 6.* Имѣть ружья бургерамъ разрѣшается въ цѣляхъ необходимой самообороны, но для этого бургеры должны брать разрѣшительныя свидѣтельства, установленныя закономъ.

„*Статья 7.* Военное управленіе въ Трансваалѣ и Оранжѣ будетъ замѣнено гражданскимъ въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ только обстоятельства это позволятъ, при чемъ сейчасъ будутъ введены представительныя учрежденія, какъ переходная ступень къ автономіи.

„*Статья 8.* Вопросъ о распространенiи избирательныхъ правъ на туземцевъ можетъ быть поставленъ не раньше, какъ послѣ введенiя автономiи.

„*Статья 9.* Не будетъ установлено специальнаго поземельнаго налога въ Трансваалѣ и Оранжѣ для покрытiя военныхъ издержекъ.

„*Статья 10.* Какъ только обстоятельства позволятъ, будутъ образованы во всѣхъ округахъ Трансвааля и Оранжа коммиссiи изъ мѣстныхъ жителей подъ предсѣдательствомъ должностныхъ лицъ въ цѣляхъ помочь населенiю водвориться въ покинутыхъ и уничтоженныхъ войною жилищахъ, дать временное убѣжище и пропитанiе, снабдить сѣменами и орудiями, вообще доставить средства для возвращенiя къ нормально-мирной жизни. Въ распоряженiе этихъ коммиссiй британское правительство предоставляетъ безвозвратно сумму въ три милліона фунтовъ стерлинговъ. Билеты трансваальскаго правительства и квитанцiи офицеровъ, если судомъ будетъ признано, что они были выданы въ обмѣнъ за дѣйствительную цѣнность, будутъ принимаемы окружными коммиссiями въ качествѣ указанiя на понесенныя потери. Кромѣ безвозвратной суммы въ три милліона фунтовъ стерлинговъ, британское правительство организуетъ ссуды, которыя будутъ безпроцентными въ теченiе первыхъ двухъ лѣтъ, и затѣмъ будутъ оплачиваемы 3% съ постояннымъ погашенiемъ. Ни иностранцы, ни мятежники Капской колонiи не будутъ пользоваться преимуществами, выговоренными настоящею статьею".

Прежде, однако, нежели этотъ документъ былъ подписанъ представителями бургеровъ, имъ было прочитано заявленiе отъ имени правительства относительно инсургентовъ Капа и Наталя. Въ этомъ заявленiи британское правительство отказывалось отъ примѣненiя къ инсургентамъ смертной казни, но предоставляло правительствамъ колонiй наказать мятежниковъ иными способами.

Таковы условiя, на которыхъ бургеры согласились признать себя подданными британскаго короля. Частнымъ образомъ, имъ обѣщали, что на предстоящей коронацiи Эдуарда VII состоится полное помилованiе инсургентовъ Капа и Наталя. Кромѣ этого помилованiя, условiя присоединенiя представляютъ, съ одной стороны, отказъ бургеровъ отъ независимости, за которую пролито столько благородной крови, а съ другой стороны, англичане, признавъ возвращенiе *всѣхъ* бургеровъ на родину безъ лишенiя свободы и имущества, и безъ права ихъ преслѣдовать по суду или инымъ способомъ, отказались отъ своихъ декретовъ объ изгнанiяхъ и конфискацiяхъ, и вмѣсто простого и безусловнаго присоединенiя согласились на договоръ о соединенiи, договоръ, охраняемый международнымъ правомъ и судами самой британской имперiи. По этому договору обезпечена автономiя, хотя и не сейчасъ, а переходною мѣрою признано коронное

гражданское (не военное) управленіе, ограниченное представительными учрежденіями. Англичане увидѣли себя вынужденными также отказаться и отъ ранѣе хвастливо заявленнаго намѣренія заставить самихъ буровъ уплатить издержки ихъ покоренія. Вмѣсто этого, Англія даетъ субсидію и льготную ссуду на возстановленіе экономическаго благосостоянія бургеровъ. Она отказалась и отъ разоруженія бургерскаго населенія, на которомъ еще недавно настаивали англійскіе государственные люди и военачальники, какъ на непремѣнномъ условіи. Словомъ, продолжительность геройской борьбы небольшого народа съ великою державою (со времени вѣнскаго конгресса только восточная война 1853—1856 гг. по своей продолжительности можетъ быть сравнена съ англо-бурскою войною 1899—1902 гг.), изумительная доблесть и стойкость южно-африканскихъ героевъ и разорительные расходы вынудили Англію пойти на уступки и даровать своимъ благороднымъ противникамъ почетныя условія мира. Можно, однако, смѣло утверждать, что эти почетныя условія мира, хотя и вынужденные, спасли не только честь Англіи, но и ея самые жизненные и существенные интересы.

Что было бы, если бы англичане могли вполнѣ и до конца осуществить свою программу безусловнаго завоеванія; изгнанія вождей, конфискаціи ихъ фермъ, военной контрибуціи съ остальныхъ на многіе годы и военной диктатуры на неопредѣленный срокъ? Создалось бы положеніе тягостное и невыносимое не для однихъ покоренныхъ, но и для покорителей, которые на всемъ протяженіи Южной Африки отъ мыса Доброй Надежды до Родезіи съ юга на сѣверъ и отъ Индійскаго океана до Атлантическаго съ востока на западъ, имѣли бы подъ своей властью отважное и культурное населеніе, всегда готовое взяться за оружіе и доказавшее опасность своей вражды. Южная Африка на полстолѣтіе, если не больше, оставалась бы угрозою британской имперіи, парализующей ея значеніе и ея дѣятельность на всемъ протяженіи земного шара, на всемъ пространствѣ великаго государства, созданнаго геніемъ британцевъ. *Это было бы неизбѣжно.* Теперь этой неизбѣжности нѣтъ, хотя возможность такого состоянія еще нельзя считать безусловно устраненною. Первостепенная выгода для англичанъ уже въ томъ, однако, что устранена неизбѣжность этого опаснаго и разорительнаго положенія вещей. Устранить его вѣроятность и возможность теперь зависитъ болѣе всего отъ самихъ англичанъ. Честное и точное исполненіе принятыхъ условій, широкая амнистія капскимъ и натальскимъ инсургентамъ, быстрое введеніе автономіи, одинаковое безъ всякаго предпочтенія отношеніе къ обѣимъ бѣлымъ расамъ, населяющимъ Южную Африку,—таковы тѣ условія, при которыхъ эта страна можетъ очень скоро стать источникомъ не слабости, но силы для британской имперіи. Непри-

миримые выселятся, а остальные въ самоуправленіи, автономіи и довѣріи найдутъ условія, обезпечивающія ихъ свободу, національность, матеріальные и моральные интересы. Они станутъ лучшими и вѣрнѣйшими защитниками той имперіи, которая имъ сумѣетъ гарантировать эти блага. Надо только въ самомъ дѣлѣ сумѣть ихъ гарантировать.

Англія не только съ французскою Канадой, но и съ англосаксонскою Австраліей постоянно жила въ раздорѣ, пока желала поддерживать въ нихъ такъ называвшіяся „партіи лоялистовъ", т. е. патріотовъ метрополіи. Когда же Гладстонъ отказался отъ этой системы и предоставилъ полную автономію колоніямъ, всѣ автономныя колоніи стали и лояльными, и патріотическими. Въ настоящее время въ Южной Африкѣ тоже существуетъ партія „лоялистовъ", составляющая меньшинство населенія и рѣзко враждебная голландскому большинству. Подъ ея вліяніемъ и создалась вышенабросанная программа завоеванія и угнетенія буровъ. Она же добилась пріостановленія дѣйствія конституціи въ Капландіи, а теперь настаиваетъ, чтобы это дѣйствіе не было возстановлено. Она же науськивала на жестокую расправу съ плѣнными и готова видѣть чуть не личную обиду въ амнистіи инсургентамъ. Если правительство сумѣетъ устоять противъ вліянія этой партіи, которая, однако, во время борьбы оказала услуги и ждетъ взамѣнъ довѣрія и вліянія, то мирный договоръ 31 мая 1902 года откроетъ для британской имперіи самыя благопріятныя перспективы,—и при томъ не въ одной Южной Африкѣ, всюду даруя новую силу британскому слову, повсемѣстно укрѣпляя великую федерацію, объединяющуюся подъ скипетромъ „Короля Великобританіи, Ирландіи и заокеанскихъ британскихъ владѣній" (какъ въ прошломъ году былъ формулированъ титулъ англійскаго монарха).

Отъ самихъ англичанъ, какъ мы сказали, зависитъ сдѣлать изъ Южной Африки источникъ своей силы или слабости, но это дѣло будущаго, а теперь, когда 18 тыс. буровъ Оранжа и Трансвааля сложило оружіе, и 200 тыс. британскаго войска болѣе не приковано къ горамъ и равнинамъ Южной Африки, международное значеніе британской имперіи сразу стало вліятельнѣе. Надо ожидать, что въ непродолжительномъ времени это скажется на многихъ очередныхъ вопросахъ международной политики и прежде всего на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ новая союзница британцевъ, Японія, повидимому, чувствуетъ большую потребность въ дѣятельной политикѣ, особенно въ Кореѣ и Манчжуріи; Франція почувствуетъ облегченное положеніе Британіи прежде всего въ Сіамѣ и Марокко; Турція—въ Персидскомъ заливѣ и въ Аравіи...

До сихъ поръ мы говорили о политическомъ значеніи британскаго торжества. Оно очень велико. Оно значительно и въ экономической сферѣ. Англійская плутократія полагала просто

ограбить и поработить эти богатыя и культурныя страны. Въ полной мѣрѣ эта благородная мечта не осуществилась, но все же пробита брешь, и англійскіе капиталы открыли себѣ путь для постепеннаго безкровнаго завоеванія страны. Огромные нѣмецкіе, французскіе и голландскіе капиталы, затраченные въ Трансваалѣ, первые почувствуютъ послѣдствія завоеванія республики. Быть можетъ, не однажды державы и народы Европы пожалѣютъ, что допустили это завоеваніе.

II.

1 іюня (19 мая), черезъ день послѣ заключенія мира въ Южной Африкѣ, встрѣченнаго цивилизованнымъ міромъ съ понятнымъ волненіемъ и захватывающимъ интересомъ, произошло на другомъ концѣ этого міра событіе, которое ожидалось тоже и съ волненіемъ, вполнѣ естественнымъ, и съ интересомъ, болѣе чѣмъ понятнымъ. Въ Парижѣ собрался парламентъ, впервые послѣ новыхъ законодательныхъ выборовъ, отчетъ о которыхъ мы дали въ прошлой нашей бесѣдѣ. Побѣда правды и просвѣщенія была несомнѣнною на выборахъ 14 и 28 апрѣля. но побѣда эта выразилась болѣе въ рѣшительномъ пораженіи реакціи и шовинизма, чѣмъ въ ясномъ торжествѣ опредѣленнаго уклада идей и принциповъ, опредѣленной политической программы. Въ прошлой нашей бесѣдѣ мы останавливались уже на этой сторонѣ событія 14 и 28 апрѣля. Однородное министерство было невозможно и, такъ какъ было уже вѣроятно оставленіе министерствомъ Вальдека Руссо власти, которою оно пользовалась въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ, то естественно являлся вопросъ, переживетъ-ли союзъ лѣвыхъ этотъ выходъ объединившаго ихъ кабинета? Съ открытіемъ парламента и съ первыми съ шагами его былъ связанъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, интересный далеко не для однихъ только французовъ. Цивилизованный міръ дѣйствительно съ интересомъ и волненіемъ ожидалъ открытія французскаго парламента, которое было назначено на 1 іюня (19 мая).

Предвидѣлось рѣшительное засѣданіе, которое должно было опредѣлить политику ближайшаго будущаго. Первая битва должна была произойти на выборѣ временнаго предсѣдателя палаты. Бывшій предсѣдатель, Поль Дешанель, былъ выбранъ прошлою палатою въ ту эпоху, когда еще вся умѣренно-республиканская партія, слѣдуя за тогдашнимъ премьеромъ Мелиномъ, видѣла свою задачу въ борьбѣ съ радикалами и шла для этого на соглашеніе съ правою. Именно голоса правой доставали четыре года тому назадъ большинство Дешанелю и посадили его на президентское кресло. Хотя затѣмъ нѣкоторая часть умѣренныхъ республиканцевъ разошлась съ Мелиномъ и вмѣстѣ съ ра-

дикалами и соціалистами образовала коалицію, доставившую большинство кабинету Вальдека Руссо, тѣмъ не менѣе эта группа объединеной лѣвой оставалась вѣрна Дешанелю и неизмѣнно въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ существованія прошлой палаты обезпечивала ему предсѣдательское мѣсто, вопреки единодушному стремленію своихъ союзниковъ, выставлявшихъ кандидатуру Бриссона. Голосованіе въ пользу Дешанеля еще объединяло всю умѣренную республиканскую, принявшую въ это время названіе прогрессистовъ. Избирательная борьба между министерскими и антиминистерскими прогрессистами и общее перемѣщеніе избирательнаго корпуса (о чемъ см. прошлую хронику) не могли не повліять на министерскихъ прогрессистовъ и должны были увеличить разстояніе между ними и остальными прогрессистами. Какъ далеко зашла эта эволюція, должны были показать выборы предсѣдателя палаты. Радикалы выставили кандидатомъ Леона Буржуа, признаннаго вождя партіи; поддержка радикаловъ-соціалистовъ и соціалистовъ фракціи Жореса была обезпечена; исходъ голосованія зависѣлъ отъ положенія, которое займутъ бывшіе министерскіе прогрессисты, образовавшіе къ началу сессіи особую парламентскую группу и принявшіе имя демократовъ въ отличіе отъ бывшихъ своихъ товарищей по партіи, сохранившихъ имя прогрессистовъ. Это отдѣленіе демократовъ отъ прогрессистовъ, само по себѣ многозначительное, являлось симптомомъ, благопріятнымъ для радикальнаго кандидата. Въ виду же намѣренія министерства выдти въ отставку, какъ только палата организуется, избраніе предсѣдателемъ радикала должно было служить президенту республики указаніемъ, къ какой партіи онъ долженъ обратиться прежде всего за образованіемъ новаго министерства. Столь серьезно было значеніе выбора предсѣдателя палаты.

Какъ сказано, голосованіе это состоялось 1 іюня: избранъ былъ Леонъ Буржуа, большинствомъ 303 голосовъ противъ 267 голосовъ, подданныхъ за Поля Дешанеля. Изъ 597 депутатовъ голосовали 570. Въ числѣ 27 не принявшихъ участія,— 9 колоніальныхъ, не успѣвшихъ пріѣхать, 1 успѣвшій умереть, нѣсколько гедистовъ и лишь нѣсколько отсутствовавшихъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Это стеченіе депутатовъ показываетъ, какое высокое значеніе придавали законодатели Франціи своему голосованію. Мы видѣли выше, что оно въ самомъ дѣлѣ въ полномъ смыслѣ слова многозначительно.

Избраніе радикальнаго кандидата на постъ предсѣдателя палаты получило еще болѣе яркое освѣщеніе при выборахъ вице-президентовъ. Ихъ полагается два. Въ прошлой палатѣ это были Кошеръ, прогрессистъ, и Морисъ Форъ, радикалъ-соціалистъ. Когда группы большинства (соединенной лѣвой) собрались для назначенія кандидатовъ на вице-предсѣдательскія мѣста, то всѣ четыре высказались за удержаніе Мориса Фора, но раздѣлились по вопросу о выборѣ вто-

рого вице-предсѣдателя. Демократы и радикалы полагали это второе мѣсто предоставить, согласно обычаю, кандидату меньшинства, именно прогрессистамъ, которые выставляли Гиллэна, тогда какъ радикалы-соціалисты и соціалисты настаивали на выборѣ демократа Этьена изъ состава большинства, находя въ настоящее время наиболѣе важнымъ манифестировать прочность союза лѣвыхъ и не допустить даже мысли о возможности министерства, взятаго внѣ этого союза. Рѣшеніе этого разногласія было предоставлено собранію делегатовъ отъ четырехъ группъ большинства. Собраніе это склонилось къ мнѣнію радикаловъ-соціалистовъ и соціалистовъ. Въ результатѣ избранными оказались Этьенъ и Морисъ Форъ, чѣмъ окончательно подтверждено единеніе лѣвыхъ вмѣстѣ съ передвиженіемъ и руководящей роли справа налѣво, отъ демократовъ (Вальдекъ Руссо) къ радикаламъ (Леонъ Буржуа). Это были выборы временнаго бюро. Окончательные выборы подтвердили этотъ приговоръ. Прогрессисты уже не боролись. Они или воздерживались отъ голосованія (Дешанель снялъ свою кандидатуру), или подавали голоса за Буржуа, Этьена и Фора, усиливая ихъ торжество. Теперь выбиралось 4 вице-предсѣдателя и большинство предоставило одно мѣсто прогрессисту Гиллэну, а другое демократу Трульо. Непримиримое націоналистское и реакціонное меньшинство могло подавать за кого угодно, не насчитывая въ совокупности и одной шестой голосовъ. Передъ законодательными выборами это меньшинство, разсчитывавшее стать большинствомъ, не скрывало своего намѣренія посадить на предсѣдательское кресло Кавеньяка. Теперь оно шалило, голосуя за Бриссона, своей кандидатуры не ставившаго.

Палата исполнила свой долгъ. Она ясно формулировала свои намѣренія, подтвердила единеніе сплоченнаго и организованнаго большинства лѣвыхъ и указала на партію радикаловъ, какъ на руководящую въ этомъ союзѣ. Поэтому, когда кабинетъ Вальдека Руссо вышелъ въ отставку, исполнивъ взятую имъ на себя задачу „республиканской обороны“, президенту Лубэ ничего не оставалось, какъ обратиться къ Леону Буржуа съ приглашеніемъ составить новое министерство. Когда же предсѣдатель палаты депутатовъ и вождь радикаловъ этой палаты отклонилъ это порученіе, президентъ республики, по обычаю, обратился къ Комбу, вождю радикаловъ сената. Комбъ и взялъ на себя составленіе новаго министерства, задачу, нелегкую при томъ соотношеніи группъ, о которомъ мы подробно говорили въ прошлой хроникѣ. Только обезпечивъ себѣ поддержку всѣхъ четырехъ группъ союза лѣвыхъ, Комбъ могъ разсчитывать на успѣхъ. Онъ удачно выполнилъ эту трудную задачу.

Составъ новаго кабинета слѣдующій:

1) *Радикалы*:

Комбъ, предсѣдатель и министръ внутреннихъ дѣлъ (сенаторъ).

Валлэ, юстиціи (сенаторъ).

Мужо, земледѣлія (депутатъ).

2. *Радикалы-соціалисты*:

Камиллъ Пельтанъ, морской министръ (депутатъ).

Думергъ, министръ колоній (депутатъ).

3) *Демократы*:

Шомье, министръ народнаго просвѣщенія (сенаторъ).

Делькассэ, иностранныхъ дѣлъ (депутатъ).

Рувье, финансовъ (депутатъ).

Трульо, торговли (депутатъ).

Морежу, общественныхъ работъ (депутатъ).

4) *Внѣ партій*:

Андрэ, военный министръ (внѣ парламента).

Такимъ образомъ, на пять демократовъ приходится шесть радикаловъ съ полуголосомъ предсѣдателя. Изъ демократовъ двое, Трульо и Морежу, очень близки радикаламъ и были оба министрами въ радикальномъ кабинетѣ Бриссона 1898 года. Если же еще не считать Делькассэ, старающагося не вмѣшиваться во внутреннія дѣла, то дѣйствительными и авторитетными представителями умѣреннаго элемента являются въ министерствѣ только Шомье и Рувье, особенно послѣдній, хотя нѣкогда и скомпрометированный въ эпоху „панамы“, но общепризнанный авторитетъ между финансистами Франціи. Шомье же всѣ аттестуютъ, какъ сторонника среднеучебной реформы, начатой его предшественникомъ Лейгомъ. Самъ Комбъ былъ докладчикомъ этой реформы въ сенатѣ и успѣшно ее провелъ въ этомъ собраніи. Въ 1895 году онъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Леона Буржуа и первый положилъ начало модернизаціи средней школы. Эта реформа, слѣдовательно, въ хорошихъ и убѣжденныхъ рукахъ.

Читатели замѣтили, конечно, что въ составѣ министерства нѣтъ представителя четвертой группы союза лѣвыхъ, именно соціалистовъ, тогда какъ въ болѣе умѣренномъ кабинетѣ Руссо было два такихъ представителя, Мильеранъ и Бодэнъ. Это объясняется постановленіемъ соціалистическаго конгресса въ Турѣ, высказавшагося противъ участія соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ. Интересно было появленіе Мильерана въ собраніи партіи послѣ оставленія министерства. Его встрѣтили апплодисментами, а онъ отвѣчалъ рѣчью, въ которой доказывалъ, что отказываться отъ участія въ управленіи соціалисты не должны и указалъ все то, что имъ, Бодэну и ему, удалось сдѣлать въ интересахъ соціализма. Отсутствіе соціалистовъ въ составѣ министерства не мѣшаетъ имъ оставаться въ составѣ министерскаго большинства, пока кабинетъ будетъ держаться намѣченной имъ программы реформъ.

Программа министерства, прочитанная въ парламентѣ и одоб-

ренная, какъ выше упомянуто, и соціалистами, оказалась гораздо радикальнѣе, нежели это можно было ожидать при его коалиціонномъ составѣ.

Двухлѣтній срокъ военной службы, подоходный налогъ и выкупъ важнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ еще недавно представлялись для французовъ, этихъ европейскихъ консерваторовъ по преимуществу, чѣмъ-то немыслимо крайнимъ, колеблющимъ самыя основы общественной и государственной жизни. Правда, подоходный налогъ давно существуетъ въ Англіи и Пруссіи; двухлѣтній срокъ службы уже лѣтъ десять принятъ Германіей; а желѣзныя дороги выкупаются въ той же Германіи, въ Россіи, Италіи и пр. Эти три радикальныхъ „призрака" министерство, однако, вставило въ свою программу и, проведя намѣченныя реформы,окажетъ очень крупную услугу странѣ, которой уже пора не бояться всяческаго преобразованія сложившагося строя.

Отмѣна закона Фаллу и твердое примѣненіе закона о конгрегаціяхъ составляютъ тоже радикальные параграфы министерской программы. Эти два пункта можно было предвидѣть, какъ и вѣроятность проекта о подоходномъ налогѣ, но двухлѣтній срокъ военной службы и выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ показываютъ какъ велико стало теперь разстояніе, отдѣляющее демократовъ отъ прогрессистовъ, и насколько влѣво передвинулось среднее мнѣніе парламента.

III.

Американцы упразднили свое управленіе на Кубѣ, торжественно спустили американскій флагъ и подняли кубинскій, передали власть избранному народомъ президенту Пальмѣ и въ самый моментъ подъема флага независимой Кубы американскія эскадры отплыли изъ гаваней Гаванны и Сантъ-Яго, увозя оккупаціонный корпусъ. Прогнавъ угнетателей, освободители ушли изъ освобожденной страны, какъ въ 1859 году французы изъ Италіи. Не совсѣмъ такъ, однако. Французы прогнали угнетателей австрійцевъ, какъ американцы — угнетателей испанцевъ, и получили за это Савою и Ниццу, какъ американцы—Порто-Рико и Филиппины. Это покуда совсѣмъ такъ. Американцы затѣмъ продолжили свои заботы объ освобожденныхъ и наложили на нихъ свою опеку. Новая республика, прежде нежели получила свободу, должна была признать себя республикой „вассальной", по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ, для нея „сюзеренной республикѣ". Конституція Кубы утверждена вашингтонскимъ конгрессомъ и можетъ быть измѣняема и реформируема лишь этимъ конгрессомъ. Кубинцы лишены права внѣшней политики, которая ведется изъ Вашингтона. Равнымъ образомъ, обложеніе сѣверо-американскаго ввоза требуетъ согласія самихъ сѣверо-американ-

цевъ (но не обратно, конечно), а также и всякія ограниченія предпріимчивости, промышленности и торговли гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Для вящшаго строгаго выполненія условій этой „свободы на привязи“ оставлены гарнизоны въ Гаваннѣ и Сантъ-Яго, а американскіе стаціонеры будутъ оберегать эту свободу и эти права въ портахъ и окружающихъ моряхъ. Мы видѣли, какъ цис-антлантическіе англо-саксы пошли въ Южной Африкѣ на политическія уступки, тѣмъ самымъ обезпечивая экономическое господство. Не тоже-ли самое сдѣлали на Кубѣ англо-саксы трансатлантическіе? Кубѣ, конечно, было бы выгоднѣе прямое присоединеніе, съ самоуправленіемъ территоріи, которое не уже дарованнаго кубинцамъ, и съ перспективою стать въ будущемъ равноправнымъ, а не „вассаломъ“. Эти понятія „вассальности“ и „сюзеренности“ между демократическими республиками являются совершенною новостью для нашего времени. Вообще это освобожденіе Кубы очень мало отличается (если отличается) отъ завоеванія Трансвааля и Оранжа. Говорятъ, такая же свобода будетъ дарована и Филиппинамъ... Все же и такая свобода много лучше военной диктатуры и полнаго безправія, господствовавшихъ и на Кубѣ, и на Филиппинахъ при испанцахъ и практикуемыхъ, конечно, не одними испанцами.

Разные существуютъ способы трактовать покоренныя страны— отъ военной диктатуры и полнаго безправія до полной автономіи съ многочисленными переходными ступенями, болѣе или менѣе приближающимися то къ тираніи, то къ свободѣ и справедливости. Есть въ Европѣ цѣлая нація культурная и немалочисленная, населяющая только территоріи, покоренныя разными государствами. Мы говоримъ о польской націи, раздѣленной между Россіей, Австріей и Пруссіей и пользующейся совершенно различными методами управленія. Въ Россіи это коронное управленіе безъ самоуправленія, въ Австріи—полная автономія, въ Пруссіи— смѣсь свободы и безправія, самоуправленія и угнетенія. Именно здѣсь, въ Прусской Польшѣ особенно обостренъ въ послѣднее время польскій вопросъ. Маріенбургская рѣчь императора Вильгельма II подлила масла въ пламя, и безъ того уже сильно разгорѣвшееся.

Маріенбургъ старинная резиденція тевтонскаго ордена, этихъ рыцарей креста и германизма, насаждавшихъ христіанство и нѣмецкій языкъ и столкнувшихъ насъ на своемъ пути съ Литвою и Польшею. Вѣками продолжалась эта борьба, и нѣмецкіе піонеры все болѣе и болѣе склонялись передъ славянскими „варварами“, вассалами которыхъ должны были себя признать магистры, резидировавшіе въ Маріенбургѣ, пока въ XVI в. не избранъ былъ магистромъ маркграфъ Бранденбургскій изъ фамиліи Гогенцоллерновъ, который усилилъ Восточную Пруссію всею силою своихъ другихъ нѣмецкихъ владѣній. Въ это время какъ Восточ-

ная Пруссія (Западная была польской провинціей), такъ и Бранденбургъ приняли реформацію, монашеско-рыцарскій орденъ былъ упраздненъ и Восточная Пруссія стала наслѣдственнымъ владѣніемъ Гогенцоллерновъ, принявшихъ титулъ курфюрстовъ прусскихъ. Отсюда начало Пруссіи. Польша, между тѣмъ, пришла въ упадокъ и Пруссія перешла въ наступленіе. Затѣмъ Польша пала и Пруссія завладѣла значительною частью польской территоріи. Пришелъ въ упадокъ и историческій замокъ тевтонскихъ магистровъ въ Маріенбургѣ. Вильгельмъ II распорядился его реставрировать и теперь, когда это было исполнено, 4 іюня (22) было назначено торжество въ Маріенбургѣ по этому случаю. Императоръ лично прибылъ для этого и пригласилъ многочисленныхъ гостей, между прочимъ, представителя единственнаго, еще существующаго рыцарскаго ордена іоаннитовъ. Послѣ обычныхъ въ этихъ случаяхъ церемоній, гости были приглашены на банкетъ, гдѣ императоръ и произнесъ свою, отнынѣ историческую, рѣчь. Поблагодаривъ присутствующихъ іоаннитовъ и сдѣлавъ историческій очеркъ тевтонскаго ордена, Вильгельмъ произнесъ слѣдующія слова:

„Сегодня второй разъ я нахожусь среди васъ (Маріенбургцевъ). Я уже говорилъ, что Маріенбургъ представляется колыбелью христіанства и оплотомъ германизма на его границѣ. Надо констатировать, что полонизмъ и германизмъ непримиримо враждебны другъ другу. Это побуждаетъ меня обратиться съ призывомъ къ моему народу, чтобы онъ сталъ на стражѣ противъ поляковъ для обороны своего національнаго достоянія отъ ихъ покушеній. Именно здѣсь, въ Маріенбургѣ, я позволяю себѣ выразить надежду, что рыцари Св. Іоанна отзовутся на мой призывъ, если я обращусь къ нимъ за обороною нѣмецкой цивилизаціи и нѣмецкихъ нравовъ. Въ этой надеждѣ я поднимаю бокалъ за здоровье великаго магистра ордена іоаннитовъ, эрцъ-герцога Евгенія Австрійскаго. Нынѣ, какъ и въ прошедшіе вѣка, мы должны сплотиться для борьбы съ общимъ врагомъ“.

Эти слова государя прусскихъ поляковъ о непримиримой враждѣ къ нимъ и призывъ къ борьбѣ съ ними явились прекраснымъ и поучительнымъ дополненіемъ и врешенскихъ сѣченій въ гимназіяхъ, и законопроекта объ ассигнованіи 250 милліоновъ марокъ для вытѣсненія поляковъ изъ прусской Польши. Какъ разъ того же 4 іюня (22 мая) прусская палата депутатовъ вотировала этотъ кредитъ, вскорѣ утвержденный и верхнею палатою. Прусскіе нѣмцы съ своимъ королемъ во главѣ объявили формальную войну прусскимъ полякамъ. Тѣмъ ничего не оставалось, какъ принять вызовъ. Они отвѣтили массовыми отставками отъ должностей и подпискою на образованіе фонда сопротивленія, имѣющаго парализовать вышеупомянутое ассигнованіе. Подписка уже достигла 100 милліоновъ марокъ. Правительство бу-

детъ скупать земли у поляковъ для передачи нѣмцамъ, а поляки будутъ скупать ихъ у нѣмцевъ для своихъ земледѣльцевъ.

Однажды Бисмаркъ уже пробовалъ эту систему. Она не принесла желанныхъ плодовъ. Поляки тоже образовали фондъ и успѣли скупить даже больше, нежели правительство. Въ результатѣ вышло даже усиленіе полонизма. Тогда было ассигновано гораздо меньше. Возвышая ассигнованную сумму, пруссаки думаютъ достичь лучшихъ результатовъ. Это, однако, очень сомнительно, и потому, что поляки постараются собрать необходимую сумму для борьбы, и потому, что польская народность размножается быстрѣе прусско-нѣмецкой, а затѣмъ поляки не останутся, повидимому, и безъ союзниковъ среди самихъ нѣмцевъ, конечно, непрусскихъ. Великій герцогъ Саксенъ-Веймарскій, владѣющій обширными помѣстьями въ прусской Польшѣ, сдѣлалъ распоряженіе содѣйствовать полякамъ и на своихъ земляхъ селить только поляковъ. Это вызываетъ негодованіе въ Пруссіи, но не въ остальной Германіи, гдѣ настроеніе еще не вполнѣ опредѣлилось, но гдѣ несомнѣнно проявляется движеніе противъ прусско-нѣмецкой нетерпимости. Замѣчательна въ этомъ отношеніи рѣчь кронпринца баварскаго Людовика, произнесенная имъ на съѣздѣ баварскихъ сельскихъ хозяевъ. Она ни словомъ не напоминаетъ о пруссакахъ или полякахъ, но всѣ поняли, что высокій ораторъ имѣлъ въ виду Польшу, когда говорилъ: „народъ можетъ упасть, но онъ никогда не погибнетъ, если обладаетъ запасомъ нравственныхъ силъ.“ Точно также было совершенно понятно, куда направляетъ мысль своихъ слушателей ораторъ, когда онъ говорилъ, что могущество само по себѣ не обезпечиваетъ будущности народа, если онъ сойдетъ съ пути справедливости и нравственности. „Эта истина,—заключилъ ораторъ,—должна являться предостереженіемъ для тѣхъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ силу и власть.“ Рѣчь эта, произнесенная на собраніи консервативныхъ общественныхъ элементовъ и немедленно послѣ вотированія прусскимъ парламентомъ антипольскаго кредита, произвела большое впечатлѣніе и представляется немаловажнымъ симптомомъ. Кронпринцъ Людовикъ уклонился и отъ участія въ маріенбургскихъ торжествахъ.

Извѣстно, что маріенбургская рѣчь Вильгельма вызвала крайне болѣзненное впечатлѣніе въ Австріи. Это не помѣшало, какъ извѣстно, возобновленію тройственнаго союза. При томъ положеніи, которое занимаютъ поляки въ Австріи, гдѣ отъ нихъ зависитъ большинство въ парламентѣ вѣнскомъ, и при ихъ издавна солидарныхъ отношеніяхъ съ мадьярами, возобновленіе тройственнаго союза едва-ли было бы возможно, если бы они этому рѣшительно воспротивились. Извѣстно, что произошло какъ разъ обратное. Австрійскіе поляки помогли возобновленію тройственнаго союза. Сдѣлали это они и какъ добрые австрійцы, и какъ поляки. Если, какъ поляки, они и не могутъ ждать добра

отъ пруссаковъ, то они еще враждебнѣе относятся къ Россіи. Это „старый споръ славянъ между собою". Тѣ патріоты своего отечества, которые такъ охотно раздуваютъ и безъ того не гаснущее пламя этого „стараго спора", быть можетъ, недурно сдѣлали бы, если бы поразмыслили надъ послѣдствіями своего усердія... Конечно, есть и другія причины, отъ усердія патріотовъ независимыя, но и ихъ вкладъ не послѣдняя величина.

Недовѣріе къ Россіи руководило, конечно, и мадьярами, и итальянцами при возобновленіи тройственнаго союза. Теперь существуетъ между Россіей и Австріей соглашеніе о невмѣшательствѣ въ дѣла балканскихъ государствъ и о сохраненіи полнаго statu quo. Это гарантируетъ существенные интересы Австріи, но обстоятельства и намѣренія могутъ измѣниться и кто тогда гарантируетъ эти интересы, если не Германія? А за это Италія и Австрія поддержатъ интересы Германіи въ иныхъ мѣстахъ: и на Рейнѣ, и въ Азіатской Турціи, и на Дальнемъ Востокѣ, и въ Балтійскомъ морѣ...

Возобновленіе тройственнаго союза является крупнымъ историческимъ событіемъ и объ его возможныхъ результатахъ мы еще будемъ имѣть случай бесѣдовать. Три могущественныхъ комбинаціи нынѣ раздѣляютъ господство надъ міромъ: франко-русскій союзъ, тройственный союзъ и англо-японо-американскій. Соглашеніе между двумя изъ нихъ противъ третьяго можетъ измѣнить политическую физіономію всего міра.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Административныя распоряженія по дѣламъ печати.—II. Правительственныя сообщенія.—III. Вопросъ о правѣ на лѣсъ въ надѣльныхъ угодьяхъ мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ поссессіонныхъ округовъ на Уралѣ.—Postscriptum.

I.

Возобновляя свою, на время прервавшуюся было, бесѣду съ читателемъ о вопросахъ и событіяхъ внутренней жизни, мы должны прежде всего отмѣтить рядъ состоявшихся за послѣднее время административныхъ распоряженій по дѣламъ печати. Распоряженія эти заключались въ слѣдующемъ:

1) 12-го мая: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св.

зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Саратовскій Дневникъ“ на два мѣсяца“;

2) 22-го мая: „на основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты „Южный Курьеръ“ на два мѣсяца“;

3) 27-го мая: „принимая во вниманіе, что въ газетѣ-журналѣ „Гражданинъ“ (№ 39), въ статьѣ подъ рубрикою „Дневники“ авторъ позволяетъ себѣ рѣзкія сужденія о высшихъ должностныхъ лицахъ губернскаго управленія, забывая должное уваженіе къ симъ представителямъ власти, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., св. зак., т. XIV, изд. 1890 г., опредѣлилъ: объявить газетѣ-журналу „Гражданинъ“ первое предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора князя Владиміра Мещерскаго“

и 4) 8-го іюня: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты „Приднѣпровскій Край“, пріостановленной распоряженіемъ отъ 30 марта текущаго года“.

---

25 апрѣля состоялся слѣдующій Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату: „Начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, д. с. с. князю Шаховскому—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, съ увольненіемъ отъ занимаемой должности“.

9 мая послѣдовалъ Именной указъ Правительствующему Сенату такого содержанія: „Сенатору, т. с. Звѣреву—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, съ оставленіемъ его въ званіи сенатора.“

II.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ былъ опубликованъ рядъ правительственныхъ сообщеній. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

4 мая въ названной газетѣ было напечатано: „26 минувшаго апрѣля въ с.-петербургскомъ военно-окружномъ судѣ разсмотрѣно дѣло о Степанѣ Валеріановѣ Балмашевѣ, преданномъ суду за предумышленное убійство покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ егермейстера Сипягина. Военно-окружной судъ, признавъ Балмашева виновнымъ, приговорилъ его, на основаніи ст. 279 кн. XXII воинск. уст. о наказ., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Поданная осужденнымъ кассаціонная жалоба разсмотрѣна главнымъ военнымъ судомъ въ

засѣданіи 29 апрѣля и оставлена безъ послѣдствій. 3-го сего мая приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ порядкѣ ст. ст. 963 и 964 уст. уг. суд."

8 мая въ той же газетѣ появилось слѣдующее сообщеніе: „5-го сего мая, въ городѣ Вильнѣ, въ 12-мъ часу вечера, на мѣстнаго губернатора, генералъ-лейтенанта фонъ-Валя произведено нападеніе изъ побужденій свойства, очевидно, политическаго. Генералъ легко раненъ двумя выстрѣлами изъ револьвера въ руку и въ ногу. Злоумышленникъ задержанъ на мѣстѣ преступленія и передается военному суду."

Вслѣдъ затѣмъ, 30 мая, въ той же газетѣ было напечатано такое сообщеніе: „15-го сего мая, виленскимъ военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло о Гиршѣ Давидовѣ Лекухѣ (онъ же Лекертъ и Лекеръ), преданномъ суду за покушеніе на убійство виленскаго губернатора, генералъ-лейтенанта фонъ-Валя. Военно-окружный судъ, признавъ Лекуха виновнымъ, приговорилъ его, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Поданная осужденнымъ кассаціонная жалоба разсмотрѣна главнымъ военнымъ судомъ въ засѣданіи 21-го сего мая и оставлена безъ послѣдствій. 28-го сего мая приговоръ приведенъ въ исполненіе, въ порядкѣ ст. ст. 963 и 964 уст. угол. суд., въ гор. Вильнѣ".

---

23 апрѣля въ „Правит. Вѣстникѣ" было помѣщено слѣдующее извѣщеніе:

„Признавъ необходимымъ, согласно ст. 7 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (приложеніе I къ ст. 1 уст. о пред. и пресѣч. прест., т. XIV св. зак., изд. 1890 г.), объявить въ положеніи усиленной охраны Полтавскій, Константиноградскій, Переяславскій, Лубенскій и Кременчугскій уѣзды Полтавской губерніи, министръ внутреннихъ дѣлъ, согласно ст. 8-й того же положенія, 20 апрѣля 1902 г. донесъ о семъ Правительствующему Сенату для распубликованія".

Вслѣдъ затѣмъ 29 апрѣля появилось правительственное сообщеніе такого содержанія:

„Въ послѣднее время въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ произошли серьезныя нарушенія общественнаго порядка. Сущность происшедшаго заключается въ слѣдующемъ. Около половины минувшаго марта въ смежной съ Полтавскимъ уѣздомъ части Константиноградскаго уѣзда Полтавской губерніи въ помѣщичьи экономіи стали являться скопомъ сосѣдніе крестьяне и, ссылаясь на недостатокъ продовольствія, просить о даровой выдачѣ имъ хлѣба и корма для скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же мѣстности замѣтно возросло количество ночныхъ кражъ хлѣба, картофеля и сѣна. Вскорѣ отъ просьбъ крестьяне перешли къ

требованіямъ, сопровождавшимся нерѣдко возгласами: „все равно, скоро все наше будетъ", а затѣмъ и къ угрозамъ, что, въ случаѣ отказа, возьмутъ все силою. Всѣ эти явленія наблюдались на сравнительно небольшомъ пространствѣ въ районѣ крупныхъ усадебъ, близь селеній Константиноградскаго уѣзда—Максимовка, Варваровка, Федоровка и Лисичье, изъ коихъ послѣднее, какъ оказывается, было мѣстомъ пребыванія нѣкоторыхъ лицъ изъ числа занимавшихся преступною пропагандою. Возбужденіе среди населенія постепенно усиливалось, и, наконецъ, 28 марта большая толпа крестьянъ деревни Максимовки и отчасти жителей сосѣднихъ деревень прибыла на подводахъ въ одинъ изъ хуторовъ имѣнія его высочества, герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго „Карловка", съ угрозами отняла у управляющаго ключи амбаровъ и вывезла нѣсколько тысячъ пудовъ картофеля. Этимъ въ Полтавскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ начались явныя безчинства. Крестьяне открыто, цѣлыми обозами, иногда до трехсотъ-четырехсотъ подводъ, нападали на усадьбы помѣщиковъ и богатыхъ казаковъ, отбивали замки у амбаровъ, сараевъ и кладовыхъ и увозили хлѣбъ, кормъ для скота, сельскохозяйственныя орудія, а иногда угоняли скотъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ въ толпѣ грабителей слышались крики: „берите, вы должны сдѣлать, какъ въ книжкѣ написано, это все наше". 30 марта полтавскій губернаторъ, признавъ необходимымъ для водворенія спокойствія принять чрезвычайныя мѣры, отправился съ тремя батальонами пѣхоты на мѣсто безпорядковъ и 31 приступилъ къ ихъ прекращенію, идя по слѣдамъ грабителей. Появленіе войска, производя должное впечатлѣніе въ тѣхъ селеніяхъ, которыя оно занимало, не могло сразу возстановить порядокъ въ прочихъ мѣстностяхъ. Въ обоихъ уѣздахъ Полтавской губерніи грабежи продолжались, и 31 марта была въ числѣ другихъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ разграблена крупная экономія купца Волика, откуда увезено около 20,000 пудовъ хлѣба. Затѣмъ волненіе стало приближаться къ Полтавѣ. 1 апрѣля толпа крестьянъ произвела нападеніе на отстоявшую верстахъ въ 10-ти отъ города мельницу владѣльца Трепке, при селѣ Ковалевкѣ. Командированныя туда полтавскимъ вице-губернаторомъ двѣ роты пѣхоты прибыли на мѣсто уже въ то время, когда крестьяне возвращались изъ имѣнія Трепке послѣ произведеннаго грабежа. Земскій начальникъ, сопровождавшій воинскую команду, арестовалъ 20 человѣкъ и приступилъ къ производству дознанія. Тѣмъ временемъ вооруженная кольями и вилами толпа стала наступать на команду и на предупрежденіе командовавшаго штабъ-офицера о томъ, что онъ будетъ вынужденъ стрѣлять, отвѣтила камнями и глумленіемъ. Послѣ этого по толпѣ былъ данъ залпъ, коимъ двое грабителей убиты и семь ранены (одинъ изъ раненыхъ умеръ, раны прочихъ не опасны). 2 апрѣля безпорядки въ Кон-

стантиноградскомъ уѣздѣ, благодаря передвиженіямъ войскъ, усиленныхъ еще четвертымъ батальономъ, высланнымъ изъ Полтавы, стали стихать, хотя нѣсколько усадебъ подъ самой Полтавой были еще разграблены. 3 апрѣля произошла новая вспышка волненій въ Константиноградскомъ уѣздѣ, не имѣвшая особаго значенія, и затѣмъ безпорядки въ Полтавской губерніи были окончательно прекращены. Всего въ этой губерніи разграблено 54 усадьбы. 31 марта волненія перешли въ Харьковскую губ., охвативъ въ ней Валковскій уѣздъ и незначительную часть Богодуховскаго. Послѣ трехдневнаго развитія въ Полтавской губерніи, перейдя въ Харьковскую, безпорядки здѣсь проявились въ еще болѣе разнузданной формѣ: крестьяне, уже не ограничиваясь расхищеніемъ хлѣба, картофеля и сѣна, грабили инвентарь, угоняли скотъ, иногда уносили домашнюю утварь, опустошили нѣсколько усадебъ и двѣ изъ нихъ сожгли.

„Донесенія о появленіи грабителей въ Валковскомъ уѣздѣ были получены харьковскимъ губернаторомъ княземъ Оболенскимъ, незадолго передъ тѣмъ вступившимъ въ управленіе губерніею, вечеромъ 31 марта. Въ ту же ночь онъ выѣхалъ на мѣсто безпорядковъ, взявъ батальонъ пѣхоты и сотню казаковъ. Утромъ 1 апрѣля войска застали грабителей въ имѣніи генерала-отъ-инфантеріи Перлика, отбили у нихъ награбленное имущество, наказали виновныхъ и арестовали около 50 человѣкъ. Захвативъ затѣмъ крестьянъ на грабежахъ въ двухъ сосѣднихъ усадьбахъ Полтавской губерніи, князь Оболенскій узналъ о разграбленіи большого свекло-сахарнаго завода купца Молдавскаго въ селѣ Ново-Ивановскомъ, Валковскаго уѣзда, но успѣлъ придти съ воинскою командою лишь по окончаніи нападенія. Съ завода этого было расхищено до 30,000 пудовъ сахара и всевозможная утварь, а также разобраны по частямъ и увезены машины и уведено сто пятьдесятъ паръ воловъ. Толпа дошла здѣсь до такого неистовства, что кинулась на заводскую больницу, похитила всѣ медикаменты изъ аптеки, вырывала и уносила тюфяки изъ-подъ больныхъ. Въ это время прибылъ губернаторъ съ небольшою горстью казаковъ, задержалъ значительное количество грабителей и, подвергнувъ ихъ наказанію, водворилъ порядокъ. Хотя 1 и 2 апрѣля въ разныхъ мѣстахъ Валковскаго уѣзда безпорядки продолжались, но, благодаря высланнымъ изъ Харькова подкрѣпленіямъ, большая часть нападеній была войсками своевременно застигнута и остановлена. Тѣмъ не менѣе предупредить случаи разграбленія вездѣ не удалось. 1 числа толпа разграбила усадьбу помѣщицы Гаевской и подожгла ея строенія; въ тотъ же день подверглась нападенію богатая помѣщичья усадьба Кантакузовка. Въ ней разграблены амбары, уведенъ скотъ, расхищена вся дорогая движимость дома и библіотека. Въ имѣніи землевладѣльца Духовского, Осиновѣ, крестьяне, расхитивъ всю движимость, разо-

брали по бревнамъ домъ и увезли ихъ съ собою. Къ вечеру 1 апрѣля толпа грабителей приблизилась къ городу Валкамъ. 2 апрѣля на улицахъ этого города появились передовыя группы крестьянъ, шедшихъ на грабежъ, но, по прибытіи губернатора вечеромъ 2 числа, порядокъ былъ возстановленъ и безчинствующіе наказаны. На этомъ закончились безпорядки въ Валковскомъ уѣздѣ. Всего въ этомъ уѣздѣ разграблено 25 землевладѣльческихъ усадебъ и экономій; приблизительно въ такомъ же количествѣ случаевъ грабежи были предупреждены. Кромѣ того, въ прилегающей къ Валковскому уѣзду мѣстности Богодуховскаго уѣзда были разграблены двѣ усадьбы при селѣ Рябковѣ и хуторѣ Благодатномъ; хуторъ же Мирный подвергся нападенію, но былъ во время спасенъ. Энергичный образъ дѣйствій харьковскаго губернатора и объявленіе имъ народу, что участь добровольно возвратившихъ награбленное будетъ смягчена, заставили участвовавшихъ въ грабежахъ крестьянъ одуматься и въ послѣдовавшіе за прекращеніемъ безпорядковъ дни крестьяне стали представлять въ волостныя правленія, для возвращенія потерпѣвшимъ, похищенное имущество и приносить повинныя, составляя по этому предмету общественные приговоры. Немедленно по возникновеніи грабежей какъ въ Полтавской, такъ равно и въ Харьковской губерніяхъ, на мѣсто безпорядковъ прибыли представители судебной власти и приступлено было къ производству предварительныхъ слѣдствій. Одновременно съ тѣмъ были возбуждены дознанія черезъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Этими разслѣдованіями выяснено, что въ смежныхъ между собою частяхъ Полтавскаго и Константиноградскаго уѣздовъ, гдѣ хозяйственное положеніе крестьянъ, переживших за послѣдніе годы нѣсколько недородовъ, не вполнѣ удовлетворительно, свила себѣ гнѣздо противоправительственная пропаганда, выразившаяся усиленнымъ распространеніемъ среди крестьянъ преступныхъ брошюръ и изданій на малороссійскомъ языкѣ. Въ этихъ изданіяхъ сельское населеніе призывалось къ возстанію противъ властей и къ завладѣнію имуществомъ помѣщиковъ.

„Къ изложенному необходимо добавить, что распространившіеся въ обществѣ слухи о лицахъ, подвергшихся, будто бы, насилію со стороны крестьянъ, такъ же какъ и о крестьянахъ, засѣченныхъ по распоряженію властей, невѣрны. Основаніемъ къ возникновенію послѣдняго рода толковъ послужило, очевидно, то обстоятельство, что, для прекращенія грабежей, власти были вынуждены примѣнить тѣлесное наказаніе къ вожакамъ возстанія и болѣе упорнымъ его участникамъ. Наказанія эти, оказавъ должное воздѣйствіе на крестьянъ, устранили необходимость въ принятіи болѣе крутыхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ, къ которымъ пришлось прибѣгнуть въ селѣ Ковалевкѣ. При подавленіи безпорядковъ лица, руководившія отдѣльными толпами грабителей, и бо-

лѣе виновныя изъ среды послѣднихъ были задержаны; равнымъ образомъ заключены подъ стражу и нѣкоторыя лица изъ числа участвовавшихъ въ преступной среди крестьянъ пропагандѣ.

„Въ настоящее время общественное спокойствіе въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ возстановлено; слѣдуетъ полагать, что принятыя мѣры къ усиленію въ этихъ мѣстностяхъ полицейской охраны обезпечатъ сохраненіе тамъ порядка и впредь".

28 апрѣля состоялись слѣдующіе Именные Высочайшіе указы:

„Полтавскаго губернатора, Двора Нашего въ званіи камергера, д. с. с. Бельгарда—Всемилостивѣйше увольняемъ отъ занимаемой должности, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и оставленіемъ его въ придворномъ званіи".

„Гродненскому губернатору, Двора Нашего въ званіи камергера, д. с. с. князю Урусову — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть полтавскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи".

Одновременно съ опубликованіемъ этихъ указовъ въ „Правит. Вѣстникѣ" было напечатано: „Награждается орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени—харьковскій губернаторъ, шталмейстеръ Высочайшаго Двора кн. Иванъ Оболенскій, за отлично-усердную и ревностную службу и примѣрную распорядительность по прекращенію безпорядковъ въ Валковскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи".

Командующимъ войсками кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютантомъ Драгомировымъ опубликованъ слѣдующій приказъ: „Войсковыя части, призванныя къ подавленію вспыхнувшихъ въ двухъ уѣздахъ Полтавской и одномъ Харьковской губерній безпорядковъ, исполнили свой долгъ безукоризненно, въ чемъ, впрочемъ, и сомнѣваться было нельзя. Отъ лица службы благодарю командировъ частей и нижнихъ чиновъ" *).

11 мая послѣдовалъ Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату такого содержанія:

„Происходившіе въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній безпорядки сопровождались рядомъ нападеній крестьянъ на сосѣднія усадьбы, причинившихъ владѣльцамъ значительные убытки.

„Возлагая отвѣтственность за эти убытки не только на лицъ, непосредственно виновныхъ въ означенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, но и на тѣ сельскія общества, кои своимъ преступнымъ попустительствомъ способствовали развитію безпорядковъ, Мы повелѣваемъ:

„1) Отпустить изъ государственнаго казначейства, сверхсмѣтнымъ кредитомъ по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ сего 1902 года, 800,000 рублей на вознагражденіе потерпѣвшихъ

*) «Кіевлянинъ», 25 мая 1902 г.

землевладѣльцевъ Константиноградскаго, Полтавскаго, Валковскаго и Богодуховскаго уѣздовъ, за убытки, непосредственно причиненные имъ означенными безпорядками;

„2) возложить исчисленіе таковыхъ убытковъ и назначеніе лицамъ, заявившимъ о томъ ходатайство, соразмѣрнаго по соображеніи съ указанною суммою вознагражденія на особыя временныя коммиссіи, образуемыя, подъ предсѣдательствомъ полтавскаго и харьковскаго губернаторовъ, при участіи губернскихъ предводителей дворянства и другихъ должностныхъ лицъ мѣстнаго финансоваго и по крестьянскимъ дѣламъ управленія;

„3) предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, по взаимному соглашенію, опредѣлить составъ и порядокъ дѣйствій означенныхъ коммиссій и свои по сему предмету предположенія внести на Наше утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ, и

„4) для возмѣщенія государственному казначейству указанной въ п. 1 суммы, установить съ сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне коихъ принимали участіе въ безпорядкахъ, дополнительный къ существующимъ окладной сборъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодный размѣръ онаго и срокъ его взысканія были опредѣлены, для отдѣльныхъ обществъ и селеній, порядкомъ, указаннымъ выше, въ п. 2, и чтобы взиманіе этого сбора, на общемъ съ прочими окладными платежами основаніи, было начато не позднѣе второй половины текущаго года.

„Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить, къ исполненію сего, надлежащее распоряженіе“.

5 іюня въ „Правит. Вѣстникѣ“ было напечатано слѣдующее Высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ внутреннихъ дѣлъ:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 30 день мая 1902 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

„Собираніе въ текущемъ году статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ губерніяхъ Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской прекратить, предоставивъ примѣненіе этой мѣры въ отдѣльныхъ сельскихъ мѣстностяхъ остальныхъ 22-хъ губерній усмотрѣнію начальниковъ губерній“.

Вслѣдъ затѣмъ въ той же газетѣ появился и „всеподданнѣйшій, докладъ министра внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи въ 1902 году собиранія статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земледѣльческой полосы Россіи“.

„Въ видахъ усовершенствованія земскаго обложенія,—говорится въ этомъ докладѣ,—закономъ 8 іюня 1893 года возложено на земскія учрежденія производство переоцѣнки недвижимыхъ

имуществъ по правиламъ, удостоившимся тогда же Высочайшаго утвержденія.

„Придавая этому дѣлу весьма существенное значеніе, министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ постоянно слѣдили за ходомъ оцѣночныхъ работъ. Какъ видно изъ имѣющихся по сему предмету данныхъ, эти работы, не смотря на затраченныя на нихъ значительныя средства, достигающія шести милліоновъ рублей, идутъ не вполнѣ успѣшно и разсчитывать на скорое завершеніе ихъ не представляется возможнымъ.

„Въ главныхъ чертахъ своихъ дѣло переоцѣнки слагается изъ трехъ послѣдовательныхъ работъ: 1) собиранія и разработки оцѣночно-статистическаго матеріала; 2) установленія общихъ основаній оцѣнки и 3) примѣненія оцѣночныхъ нормъ къ отдѣльнымъ имуществамъ, которыя въ свою очередь распадаются на: а) имущества земельныя, б) городскія и в) фабрики, заводы и торгово-промышленныя заведенія.

„Третьей стадіи, т. е. примѣненія оцѣнокъ къ отдѣльнымъ имуществамъ, оцѣночныя работы достигли только въ Саратовской и Нижегородской губерніяхъ, и то не въ отношеніи всѣхъ подлежащихъ обложенію недвижимыхъ имуществъ, а только одного изъ разрядовъ послѣднихъ, именно городскихъ имуществъ въ Саратовской губерніи и земельныхъ въ Нижегородской. Въ періодѣ установленія общихъ основаній оцѣнки по всѣмъ видамъ недвижимыхъ имуществъ работы находятся въ губерніяхъ Уфимской, Московской и отчасти Костромской и Рязанской, въ большинствѣ же губерній работы не вышли изъ періода собиранія и разработки оцѣночно-статистическихъ матеріаловъ.

„Недостаточно успѣшная дѣятельность земскихъ учрежденій по оцѣночнымъ работамъ объясняется главнѣйше тѣмъ, что они слишкомъ расширили поставленную имъ задачу. Многія земства, не ограничиваясь собираніемъ свѣдѣній, указанныхъ въ законѣ и въ инструкціи министерства финансовъ, задались цѣлью произвести черезъ спеціальныхъ оцѣнщиковъ сложное оцѣночно-экономическое обслѣдованіе всѣхъ недвижимыхъ имуществъ. Другая причина, препятствующая успѣшному ходу дѣла, кроется въ неудовлетворительномъ составѣ лицъ, привлекаемыхъ къ работѣ. Лица эти большею частью недостаточно подготовлены къ предстоящимъ имъ обязанностямъ и, въ лучшихъ случаяхъ, имѣютъ только теоретическую подготовку, но незнакомы съ практическими требованіями оцѣночнаго дѣла. Вслѣдствіе сего работа этихъ лицъ оказывалась нерѣдко не вполнѣ удовлетворительною, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Казанской, Черниговской и Тамбовской, губернскія оцѣночныя коммиссіи и земскія учрежденія вынуждены были даже вовсе отказаться отъ пользованія свѣдѣніями, доставленными статистиками, и признали необходимымъ произвести всѣ работы вновь. Кромѣ того, въ виду

большого спроса въ настоящее время на статистиковъ, послѣдніе стремятся занять въ земскомъ хозяйствѣ вполнѣ самостоятельное положеніе и весьма часто вступаютъ въ совершенно неумѣстныя столкновенія съ земскими управами. Подобныя столкновенія, принимавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ характеръ стачекъ и распространявшіяся одновременно на нѣсколько губерній, очевидно, не могли не отразиться неблагопріятно на успѣхѣ работъ.

„При такихъ условіяхъ естественно возникли опасенія за производительное употребленіе асигнованныхъ земствами на оцѣночныя работы средствъ, а равно и отпускаемаго на этотъ предметъ по закону 18-го января 1899 года казеннаго пособія, выданнаго въ размѣрѣ болѣе трехъ милліоновъ рублей; съ тѣмъ вмѣстѣ выяснилась также и невозможность скораго завершенія переоцѣнокъ, съ которыми, согласно закону 12-го іюня 1900 года, связано установленіе предѣльной нормы обложенія земскими сборами недвижимыхъ имуществъ. Въ виду сего предмѣстникъ мой, остановившись на мысли изъять оцѣночное дѣло изъ вѣдѣнія земства, приступилъ совмѣстно съ министромъ финансовъ къ обсужденію вопроса о возложеніи этого дѣла всецѣло на административныя учрежденія. По сложности своей мѣра эта требуетъ еще обширныхъ соображеній, и потому осуществленіе ея можетъ и не послѣдовать въ ближайшемъ времени.

„Между тѣмъ за послѣдніе годы обнаружилась и другая отрицательная сторона земскихъ оцѣночныхъ работъ. Для собиранія необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній земскія учрежденія должны были подобрать постоянный личный составъ, пополняемый въ лѣтніе мѣсяцы временными сотрудниками, нерѣдко далеко не безупречными въ политическомъ отношеніи. Число такихъ сотрудниковъ, какъ усматривается изъ нижеслѣдующей таблицы, достигало въ 1900 и 1901 годахъ во многихъ губерніяхъ значительныхъ размѣровъ.

	Постоянныхъ статистиковъ.	Временн. сотрудниковъ.	Всего.
Вологодская губ.	14	64	78
Вятская »	23	71	94
Олонецкая »	25	44	69
Орловская »	24	22	46
Пензенская »	—	—	49 *)
Полтавская »	37	594	631
Псковская »	22	16	38
Рязанская »	23	67	90
С.-Петербургск. г.	25	32	57
Тульская »	—	—	49 *)

„Между тѣмъ, преградить неблагонадежнымъ лицамъ доступъ

*) «Свѣдѣній по отдѣльнымъ категоріямъ статистиковъ въ губерніяхъ Пензенской и Тульской не имѣется».

къ занятію статистическими работами не всегда представляется возможнымъ, ибо нѣкоторыя земства, по спѣшности дѣла, допускали статистиковъ къ работамъ до полученія разрѣшенія губернатора. Такъ, въ Орловской губерніи изъ числа 46 лицъ, приглашенныхъ къ оцѣночно-статистическимъ изслѣдованіямъ, 30 человѣкъ приступили къ работамъ безъ согласія губернскаго начальства. Такая обстановка оцѣночнаго дѣла давно уже обращала на себя вниманіе министерства, но ни указанія губернаторамъ, ни надзоръ полиціи, ни разнообразныя справки объ отдѣльныхъ лицахъ не въ состояніи были, однако, въ достаточной степени оградить населеніе отъ вреднаго въ политическомъ отношеніи вліянія нѣкоторыхъ изъ числа подобныхъ лицъ. Постоянное, особенно при обслѣдованіи земельныхъ имуществъ, общеніе съ крестьянами даетъ неблагонадежнымъ людямъ широкое поле для противоправительственной пропаганды, бороться съ которой при слабости полицейскаго надзора въ селеніяхъ представляется крайне затруднительнымъ.

„Послѣднія событія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ съ очевидностью выяснили необходимость немедленно положить предѣлъ вредному вліянію, которое оказывали на сельское населеніе нѣкоторые изъ земскихъ статистиковъ. При этомъ не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что предстоящія въ указанномъ направленіи мѣры, какъ преслѣдующія интересы государственнаго порядка, должны быть осуществлены во всякомъ случаѣ, хотя бы отъ сего еще болѣе замедлились оцѣночныя работы.

„Сдѣлавъ поэтому распоряженіе о временномъ до 1-го числа наступающаго іюня пріостановленіи разъѣздовъ статистиковъ по уѣздамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ къ заключенію о неотложной необходимости принятія, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о переустройствѣ оцѣночнаго дѣла, такой мѣры, которая устранила бы нежелательныя явленія существующаго порядка земскихъ статистическихъ обслѣдованій. Подобною мѣрою, по моему мнѣнію, должно быть воспрещеніе разъѣздовъ статистиковъ для собиранія свѣдѣній въ теченіе нынѣшняго года.

„Мѣру эту я полагалъ бы, при ея примѣненіи, поставить въ предѣлы самой крайней необходимости и съ этою цѣлью указать прежде всего, что воспрещеніе разъѣздовъ статистиковъ касается лишь собиранія свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, не распространяясь ни на городскія имущества, ни на фабричныя и торгово-промышленныя заведенія. При такомъ ограниченіи означенная мѣра не можетъ воспрепятствовать безостановочному ходу оцѣночнаго дѣла, ибо и въ настоящее время многія земства допускаютъ обращеніе всего состава статистиковъ сначала на городскія, а затѣмъ уже на земельныя имущества.

„Затѣмъ я нахожу, что нѣтъ безусловной надобности примѣ-

нять проектируемую мѣру во всѣхъ 34-хъ губерніяхъ, въ коихъ дѣйствуетъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а достаточно распространить ее на тѣ мѣстности, гдѣ она вызывается настоятельными требованіями общественнаго порядка. Къ числу этихъ мѣстностей надлежитъ отнести ту полосу Россіи, населеніе коей живетъ исключительно земледѣльческимъ трудомъ и, будучи лишено постороннихъ заработковъ, особенно страдаетъ отъ неурожаевъ. Какъ показалъ опытъ, въ этихъ мѣстностяхъ разспросы статистиковъ особенно легко могутъ служить поводомъ къ превратнымъ толкованіямъ, а когда эти разспросы ведутся въ противоправительственномъ направленіи, то и къ возникновенію серьезныхъ осложненій, подобныхъ тѣмъ, которыя имѣли недавно мѣсто въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Но такъ какъ въ части губерній, входящихъ въ упомянутый районъ, оцѣночные матеріалы, касающіеся земельныхъ имуществъ, уже собраны, то собственно воспрещеніе разъѣздовъ статистиковъ должно коснуться слѣдующихъ 12 губерній: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской.

„Что касается остальныхъ губерній, то къ распространенію на нихъ безусловнаго воспрещенія основаній не имѣется и по отношенію къ нимъ казалось бы достаточнымъ предоставить губернаторамъ право пріостанавливать въ текущемъ году собираніе статистическихъ свѣдѣній въ тѣхъ сельскихъ мѣстностяхъ, въ коихъ подобную работу они признаютъ въ интересахъ общественнаго порядка нежелательною.

„Руководствуясь изложенными соображеніями, я полагалъ бы: собираніе въ текущемъ году статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ губерніяхъ: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской прекратить, предоставивъ примѣненіе этой мѣры въ отдѣльныхъ сельскихъ мѣстностяхъ остальныхъ 22-хъ губерній усмотрѣнію начальниковъ губерній.

„На приведеніе сего въ исполненіе всеподданнѣйшимъ долгомъ почитаю испрашивать Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе.“

Сверхъ того, въ „Полт. Губ. Вѣдомостяхъ“ напечатанъ слѣдующій циркуляръ полтавскаго губернатора полицеймейстерамъ и уѣзднымъ исправникамъ Полтавской губерніи отъ 11 мая:

„Разсматривая дѣла о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Высочайше ввѣренной мнѣ губерніи, я не могъ не обратить вниманія на то, что во многихъ случаяхъ о своеволіи крестьянъ въ

мѣстныхъ экономіяхъ губернаторъ и начальники полиціи узнавали непосредственно отъ землевладѣльцевъ, а не изъ донесеній лицъ, подчиненныхъ полицейскимъ управленіямъ, т. е. становыхъ приставовъ и урядниковъ, такъ что правительственной власти приходилось считаться уже съ совершившимся фактомъ, т. е. подавлять смуту, производить дознанія, привлекать виновныхъ къ отвѣтственности и т. д. Хотя урядники, какъ ближе другихъ стоящіе къ народу, и обязаны были знать о готовящихся безпорядкахъ, но изъ вышеуказанныхъ дѣлъ я не усмотрѣлъ никакой активной съ ихъ стороны дѣятельности, изъ чего можно вывести то заключеніе, что урядники вовсе не понимаютъ лежащихъ на нихъ обязанностей, а чиновники уѣздной полиціи недостаточно правильно уяснили себѣ то направленіе, котораго они должны держаться въ своей административной дѣятельности.

„Въ цѣляхъ достиженія однообразія въ дѣйствіяхъ чиновъ полиціи и въ видахъ постановки дѣятельности ихъ на правильную почву, я нахожу необходимымъ разъяснить, что обязанности чиновъ полиціи заключаются, главнымъ образомъ, въ предупрежденіи всего того, что можетъ вредно отразиться не только на экономической сторонѣ общества или отдѣльныхъ его членовъ, но и вліять на спокойствіе обывателей. Только вóвремя принятая мѣра, устраняя въ самомъ началѣ зло, могущее затѣмъ, при иномъ положеніи дѣла, развиться до грандіозныхъ размѣровъ, ограждаетъ обывателя отъ такихъ явленій, которыя въ текущемъ году имѣли мѣсто въ Полтавской губерніи; устраняя же зло въ самомъ зародышѣ, устраняются и его послѣдствія, слѣдовательно, при наличности этого условія, и дѣятельность полиціи представляется разумной, продуктивной и соотвѣтствующей духу закона. Но для предупрежденія зла необходимо, чтобы каждое лицо изъ состава полиціи знало все, что дѣлается во ввѣренномъ его попеченію районѣ, а для достиженія этого чины полиціи и особенно становые пристава и урядники обязаны какъ можно чаще объѣзжать свои районы, чутко прислушиваться ко всѣмъ проявленіямъ народной жизни, слѣдить за правильнымъ ея теченіемъ, и доносить по начальству о злонамѣренныхъ лицахъ, которыя могутъ внести смуту, пользуясь неразвитіемъ и легкомысліемъ народной массы, постоянно памятуя, что назначеніе полиціи—содѣйствовать правильному теченію жизни и предупреждать то зло, которое, какъ, напримѣръ, въ текущемъ году, вредно отразилось и на ни въ чемъ неповинныхъ землевладѣльцахъ и на крестьянахъ, виновныхъ въ нарушеніи порядка и правъ собственности частныхъ лицъ.

„Признавая чиновъ полиціи весьма серьезнымъ органомъ административнаго управленія, я, сообщая объ изложенномъ для должнаго руководства, безусловно требую, чтобы они, проникнувшись важностью лежащихъ на нихъ обязанностей, съ осо-

бымъ усердіемъ и полнымъ вниманіемъ отнеслись къ исполненію своей службы; при чемъ считаю нужнымъ предупредить, что неисполненіе моихъ указаній можетъ повлечь за собою принятіе предоставленныхъ мнѣ закономъ карательныхъ мѣръ, если бы, сверхъ всякаго ожиданія, среди полицейскихъ чиновъ Полтавской губерніи оказались лица, игнорирующія законъ и мои требованія“ *).

Въ свою очередь въ „Херсон. Губ. Вѣдомостяхъ“ опубликованъ циркуляръ херсонскаго губернатора, отъ 22 мая, земскимъ начальникамъ Херсонской губерніи, такого содержанія:

„По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, за послѣднее время въ предѣлахъ Херсонской губерніи въ селахъ и деревняхъ стали появляться злонамѣренныя лица съ цѣлью возбужденія крестьянъ къ аграрнымъ безпорядкамъ. Въ народѣ распространяются нелѣпые слухи о какомъ-то новомъ надѣленіи землею, возбуждаются превратные толки о значеніи частной собственности, а бывшіе безпорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ возводятся чуть-ли не на степень подвига крестьянъ, получившихъ будто бы при этомъ большія выгоды. Въ виду сего и въ дополненіе къ циркулярамъ моимъ отъ 22 апрѣля за № 1788 и 13 мая за № 21, я симъ предлагаю гг. земскимъ начальникамъ немедленно объѣхать свои участки и на сельскихъ и волостныхъ сходахъ объявить крестьянамъ нижеслѣдующее: въ виду превратныхъ толковъ и ложныхъ слуховъ, распространяемыхъ среди народа злонамѣренными людьми, крестьянамъ объявляется, чтобы они не вѣрили никакимъ вѣстямъ, кромѣ тѣхъ, что сообщаются имъ оффиціально черезъ посредство мѣстныхъ властей. Крестьяне должны знать, что всякія царскія грамоты, указы и правительственныя распоряженія объявляются во всеобщее свѣдѣніе только черезъ начальствующихъ лицъ. Никто, хотя бы прямо посланный отъ царя, не можетъ объявлять царскихъ указовъ въ отсутствіи и безъ вѣдома мѣстныхъ начальствующихъ лицъ, каковыми въ уѣздахъ являются предводители дворянства, земскіе начальники и полицейскія власти. Всякій, кто поступаетъ иначе, помимо и тайно отъ начальства—есть лицо злонамѣренное, которое изъ преступныхъ цѣлей старается посѣять смуту и можетъ вовлечь крестьянъ въ большое бѣдствіе. Ближайшій примѣръ тому налицо: крестьяне нѣсколькихъ уѣздовъ смежныхъ съ нами Полтавской и Харьковской губерній повѣрили такимъ распространителямъ ложныхъ слуховъ. И возбужденные, подговоренные ими, явились цѣлыми обществами во многія частновладѣльческія экономіи и помѣщичьи усадьбы съ требованіемъ себѣ земли, хлѣба, скота и когда имъ въ этихъ нелѣпыхъ, беззаконныхъ требованіяхъ отказывали, то они самоуправно, силою забирали все, что хотѣли, и такимъ обра-

*) «Кіевлянинъ», 14 мая 1902 г.

зомъ разграбили многія усадьбы. Конечно, такое насиліе и захватъ чужой собственности терпимы быть не могли, на мѣсто безпорядковъ тотчасъ же выѣхали—какъ старшіе представители государевой власти—губернаторы, противъ грубой силы крестьянской были вызваны силы военныя, гдѣ крестьянъ захватили на грабежѣ, тутъ же наказали ихъ розгами, все награбленное у нихъ отобрали назадъ, тамъ, гдѣ крестьяне пытались сопротивляться, заставили ихъ покориться силою, а въ одномъ мѣстѣ, гдѣ крестьяне стали бросать въ войска камнями и вооружились вилами и топорами,—войскамъ было приказано стрѣлять и нѣсколько крестьянъ были убиты и ранены. Всѣ виновные въ безпорядкахъ не только прямымъ участіемъ, но даже въ попустительствѣ ихъ привлечены къ судебной отвѣтственности и теперь производится строгое слѣдствіе. Государь же указомъ отъ 11 мая 1902 г., распубликованнымъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ № 106, повелѣлъ помимо наказанія, которое опредѣлено будетъ судомъ, взыскать съ крестьянъ, виновныхъ въ безпорядкахъ, всѣ убытки, причиненные разграбленнымъ экономіямъ до 800.000 руб. Вотъ какія тяжкія послѣдствія могутъ быть отъ легкомысленнаго довѣрія всякимъ нелѣпымъ толкамъ, идущимъ изъ темныхъ источниковъ. Крестьяне должны твердо знать и помнить, что всякая собственность, всякое владѣніе строго ограждается законами и властями. Своевольное пользованіе или захватъ чужой собственности представляются такимъ проявленіемъ самоуправства, которое не можетъ быть оправдываемо никакими причинами и подлежитъ немедленному прекращенію силою власти и закона. Ради того, чтобы заставить уважать священное право собственности, поддержать покорность закону, для водворенія нарушаемаго порядка, начальство не остановится ни передъ какими средствами. Помните это и постарайтесь сами оградить себя отъ тѣхъ, кто стремится столкнуть васъ съ пути долга и присяги. Всѣ вы цѣловали крестъ и принимали присягу на вѣрность царю и закону.— Слово царское на Руси всегда было закономъ, и вотъ слова самого государя, сказанныя имъ своему народу въ предупрежденіе всякихъ темныхъ слуховъ. Покойный государь Александръ III ко дню своего священнаго коронованія въ Москвѣ повелѣлъ собрать отъ всѣхъ уѣздовъ по нѣсколько старшинъ и, обращаясь ко всѣмъ имъ на обѣдѣ во время празднествъ, изволилъ сказать для передачи всему крестьянству слѣдующія слова:

„Слѣдуйте совѣту и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпымъ слухамъ о даровыхъ прирѣзкахъ и т. п. Эти слухи распространяются нашими врагами. Всякая собственность, точно такъ же, какъ и ваша, должна быть неприкосновенна“.

„Нынѣ благополучно царствующій государь императоръ Николай II также ко дню своего священнаго коронованія въ Москвѣ

повелѣлъ снова собрать волостныхъ старшинъ, какъ представителей русскаго крестьянства и въ милостивомъ обращеніи къ собраннымъ старшинамъ, между прочимъ, изволилъ произнести слѣдующее:

„Заботы о благѣ вашемъ такъ же близки моему сердцу, какъ они были близки дѣду моему и незабвенному дорогому родителю. Помните слова, сказанныя имъ здѣсь волостнымъ старшинамъ при вѣнчаніи его на царство. Между вами есть многіе слышавшіе ихъ сами. Я хочу, чтобы эти слова всегда служили вамъ твердымъ руководствомъ. Дай вамъ Богъ въ будущемъ здоровья и успѣховъ въ трудѣ и добрыхъ дѣлахъ“.

„Сіи слова государя должны быть непремѣннымъ руководствомъ въ жизни каждаго вѣрноподданнаго крестьянина, напоминаніемъ о нихъ должна служить въ каждомъ сельскомъ правленіи картина народнаго изданія, изображающая обѣдъ волостныхъ старшинъ въ Москвѣ съ надписью вышеприведенныхъ словъ государя Александра III. При этомъ я поручаю гг. земскимъ начальникамъ озаботиться, чтобы картины эти дѣйствительно имѣлись въ каждомъ сельскомъ правленіи и были вывѣшены на видномъ мѣстѣ. Съ своей стороны полагаю, что такого рода внушеніе народу, сказанное авторитетнымъ голосомъ земскаго начальника, непремѣнно должно оказать большое вліяніе на крестьянъ, въ смыслѣ предупрежденія той легкомысленной довѣрчивости, съ какою крестьяне относятся къ вздорнымъ розсказнямъ всякихъ проходимцевъ или просто безпокойныхъ людей изъ своей же среды. Я хочу надѣяться, что гг. земскіе начальники въ сознаніи серьезности положенія приложатъ особенныя старанія къ выполненію возлагаемаго мною на нихъ порученія“ *).

III.

Въ текущей русской дѣйствительности вопросы о состояніи сельскаго хозяйства и о положеніи сельскаго населенія пріобрѣли, безспорно, первостепенную важность. Оба эти вопроса, настойчиво и властно выдвинутые жизнью, въ настоящее время довольно дѣятельно обсуждаются нашею періодической печатью. Мы, впрочемъ, упоминаемъ объ этомъ, не разсчитывая съ своей стороны немедленно принять участіе въ такомъ обсужденіи. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ мы не разъ имѣли случай говорить на страницахъ „Русскаго Богатства“ о названныхъ вопросахъ. Не отказываемся мы и отъ надежды вернуться къ бесѣдѣ объ нихъ въ ближайшемъ будущемъ. Но въ настоящій моментъ мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя лишь на одинъ изъ многочислен-

*) Цитируемъ по «Новому Времени», 29 мая 1902 г.

ныхъ частныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ того общаго вопроса о положеніи крестьянства, съ рѣшеніемъ котораго, какъ показалъ горькій опытъ, самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ связанъ успѣхъ всѣхъ попытокъ поднятія уровня сельскаго хозяйства и экономическаго благосостоянія страны.

Упомянутый частный вопросъ касается только одной, довольно, впрочемъ, многочисленной, группы крестьянскаго населенія Урала и сводится къ отношеніямъ, возникшимъ на почвѣ крестьянскаго землепользованія между поссессіонными крестьянами Урала—съ одной стороны и мѣстными горными заводами — съ другой. Для указанной мѣстности вопросъ этотъ, какъ можетъ убѣдиться читатель изъ дальнѣйшаго изложенія, является крайне серьезнымъ. Но сверхъ того этотъ спеціально мѣстный вопросъ не лишенъ и нѣкотораго общаго значенія, наглядно вскрывая кой-какія специфическія условія крестьянскаго быта, свойственныя не одному лишь Уралу съ его своеобразною горнозаводскою атмосферою.

Конкретные факты иногда скорѣе общихъ описаній помогаютъ схватить сущность дѣла. Поэтому мы позволимъ себѣ, въ видѣ введенія къ своему изложенію, пересказать съ нѣкоторыми подробностями одинъ эпизодъ изъ уральской горнозаводской жизни, обрисовывающій какъ существо того вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, такъ и пріемы, какіе употребляются для его рѣшенія на мѣстѣ.

Въ 1900 г. мастеровой дер. Нелобы, Верхне-Салдинской волости, Верхотурскаго уѣзда, Пермской губерніи, Андрей Тихоновъ, обнаружилъ на своемъ надѣльномъ покосѣ, предоставленномъ въ его пользованіе по уставной грамотѣ, порубку десяти сосенъ. Желая найти виновника этой порубки, Тихоновъ съ вѣдома сельскаго старосты и въ присутствіи понятыхъ увезъ срубленный лѣсъ къ себѣ на храненіе. Виновникъ скоро отыскался. Главное управленіе Нижне-Тагильскихъ поссессіонныхъ заводовъ, по распоряженію котораго, какъ оказалось, былъ срубленъ подрядчикомъ заводской конторы лѣсъ Тихонова, возбудило противъ послѣдняго уголовное преслѣдованіе, обвинивъ его сперва въ кражѣ лѣса, а затѣмъ въ самоуправствѣ. Земскій начальникъ 9-го участка Верхотурскаго уѣзда, г. Ивановъ, на разборъ котораго поступило это дѣло, не нашелъ, правда, въ поступкѣ Тихонова признаковъ ни кражи, ни самоуправства и призналъ его по суду оправданнымъ. Однако, этимъ дѣло не закончилось. Главноуправляющій Нижне-Тагильскихъ заводовъ, г. Замятнинъ, обратился въ уральское горное управленіе съ жалобою на г. Иванова, обвиняя послѣдняго въ томъ, что онъ, „не взирая на разъясненіе пермскаго губернскаго присутствія неправильныхъ его дѣйствій“, продолжаетъ „упорно держаться своего прежняго взгляда“ на „самовольныя порубки мастеровыми лѣса, растущаго

на ихъ земельныхъ угодьяхъ“, и оправдываетъ порубщиковъ, примѣняя при томъ „крайне вредную для заводовъ мотивировку“. Въ видѣ примѣра неправильныхъ дѣйствій г. Иванова въ жалобѣ указывалось оправданіе „въ открытомъ судебномъ засѣданіи мастерового Тихонова, самовольно увезшаго 10 штукъ сосновыхъ бревенъ, срубленныхъ подрядчикомъ Верхне-Салдинской конторы“. Въ свою очередь уральское горное управленіе, основываясь на этой жалобѣ, независимо отъ обжалованія рѣшенія земскаго начальника въ аппелляціонномъ порядкѣ, особымъ отношеніемъ просило пермскаго губернатора „принять зависящія мѣры“ по отношенію къ г. Иванову.

Пермское губернское присутствіе, въ которое перешло это дѣло, высказалось по поводу его вполнѣ опредѣленно и рѣшительно. По словамъ присутствія, „на основаніи высочайше утвержденнаго 19 мая 1893 г. мнѣнія государственнаго совѣта о завершеніи поземельнаго устройства горнозаводскаго населенія поссессіонныхъ горныхъ заводовъ и инструкціи, утвержденной министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ 15 декабря 1894 г., о порядкѣ дѣйствій по отграниченію надѣловъ, горнозаводскому населенію, сверхъ усадебной осѣдлости, предоставляются въ земельный надѣлъ земельныя угодья въ горнозаводскихъ дачахъ, покосы и росчисти въ лѣсахъ и куреняхъ, выгоны по 600 кв. саж. на душу и всѣ полевыя и луговыя угодья, которыми населеніе пользовалось по 1 января 1893 г. не по найму отъ заводоуправленія; всѣ эти земельныя угодья, по отводѣ и отграниченію въ натурѣ, поступаютъ въ полную собственность горнозаводскаго населенія лишь съ 19 мая 1908 г., до сего же времени заводоуправленіямъ предоставляется право производить развѣдки и разработки ископаемыхъ въ земельныхъ угодьяхъ, отведенныхъ мастеровымъ и сельскимъ работникамъ. Отвода особыхъ лѣсныхъ надѣловъ горнозаводскому населенію поссессіонныхъ горнозаводскихъ дачъ означеннымъ выше закономъ не установлено, а 4 ст. этого закона предоставлено лишь право пользованія лѣсными матеріалами изъ поссессіонныхъ дачъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 26 и 27 полож. о горноз. населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ“. „Такимъ образомъ,—заключало губернское присутствіе,—горнозаводскому населенію въ поссессіонныхъ дачахъ предоставляются въ надѣлъ лишь только одни земельныя угодья, съ правомъ собственности только съ 19 мая 1908 г. и съ предоставленіемъ заводоуправленіямъ права до этого времени разработки нѣдръ этихъ угодій, произрастающій же на означенныхъ земельныхъ угодьяхъ лѣсъ не составляетъ собственности мастеровыхъ и потому заводоуправленіе можетъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію“. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернское присутствіе постановило „особымъ циркуляромъ увѣдомить всѣхъ земскихъ на-

чальниковъ, въ участкахъ которыхъ находится горнозаводское населеніе поссессіонныхъ заводовъ, что населеніе это, надѣляемое по закону 19 мая 1893 г. одними только земельными угодьями, безъ отвода лѣсныхъ надѣловъ, не имѣетъ права на произрастающій на ихъ земельныхъ угодьяхъ лѣсъ". При этомъ, однако, какъ указалъ въ своемъ особомъ мнѣніи непремѣнный членъ пермскаго губернскаго присутствія г. Назарьевъ, присутствію остались „не извѣстны обстоятельства, обнаруженныя судебными разбирательствами", почему оно и не имѣло точныхъ данныхъ для сужденія о „неправосудности и незаконности" приговоровъ г. Иванова. Приговоры г. Иванова „всегда могли быть обжалованы въ инстанціонномъ порядкѣ".

Въ объясненіи своемъ г. Ивановъ указывалъ, что за шесть мѣсяцевъ, съ 14 ноября 1899 г. по 1 мая 1900 г., имъ было разсмотрѣно 968 дѣлъ о нарушеніяхъ лѣсного устава и въ томъ числѣ постановлено 112 оправдательныхъ приговоровъ. Основанія всѣхъ такихъ приговоровъ, по словамъ г. Иванова, были совершенно тожественны и заключались въ томъ, что „ни въ законѣ 19 мая 1893 г., ни въ предшествовавшихъ ему узаконеніяхъ, касающихся населенія горнозаводскихъ поссессіонныхъ округовъ, нѣтъ никакихъ ограниченій въ отношеніи права мастеровыхъ пользоваться лѣсомъ, растущихъ на ихъ надѣльныхъ угодьяхъ". Въ виду послѣдняго обстоятельства г. Ивановъ не считалъ себя въ правѣ руководиться при разрѣшеніи названныхъ дѣлъ разъясненіемъ губернскаго присутствія, согласно которому мастеровые не могутъ пользоваться растущимъ на ихъ угодьяхъ лѣсомъ. Не предполагая,—какъ это можно было бы вывести изъ словъ губернскаго присутствія,—будто по закону 19 мая 1893 г. мастеровые должны получить особые лѣсные надѣлы, г. Ивановъ утверждалъ лишь, что „лѣсъ, растущій на угодьяхъ, находившихся въ пользованіи мастеровыхъ по 1 января 1893 г., поступаетъ вмѣстѣ съ этими угодьями въ ихъ постоянный надѣлъ и только они одни и никто другой имѣютъ право пользованія этимъ лѣсомъ". Такой взглядъ, по указанію г. Иванова, раздѣлялся, очевидно, и верхотурскимъ уѣзднымъ съѣздомъ, такъ какъ всѣ восходившіе на разсмотрѣніе послѣдняго по аппелляціоннымъ отзывамъ уральскаго горнаго управленія приговоры г. Иванова были съѣздомъ утверждены, а жалобы уральскаго горнаго управленія оставлены безъ послѣдствій.

Въ разсказанномъ дѣлѣ важенъ принципіальный вопросъ. Если исключить изъ счета заводоуправленія, явно признающія исходными пунктами своихъ претензій лишь „пользу" и „вредъ" заводовъ, то передъ нами останутся въ этомъ дѣлѣ двѣ стороны, равно пытающіяся въ своихъ дѣйствіяхъ опереться на законъ, но въ то же время истолковывающія его въ прямо

противоположномъ смыслѣ. Въ то время, какъ земскій начальникъ и уѣздный съѣздъ признаютъ только за мастеровыми право пользованія растущимъ на ихъ надѣльныхъ угодьяхъ лѣсомъ, губернское присутствіе категорически отрицаетъ такое право и рѣшительно утверждаетъ, что распоряжаться этимъ лѣсомъ по своему усмотрѣнію можетъ заводоуправленіе, при томъ безъ разрѣшенія и даже безъ вѣдома владѣльцевъ надѣловъ. Возникающее отсюда недоумѣніе не разрѣшается и тѣмъ обстоятельствомъ, что губернское присутствіе по отношенію къ земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ съѣздамъ является послѣднею кассаціонною инстанціей. Губернскимъ присутствіямъ во всякомъ случаѣ не предоставлено право самостоятельнаго толкованія закона. Съ другой стороны и въ практикѣ самихъ губернскихъ присутствій указанный вопросъ не всегда понимается одинаково и разрѣшается по образцу, принятому въ Пермской губерніи. Такъ, вятское губернское присутствіе признало, что лѣсъ, растущій на покосахъ поссессіонныхъ крестьянъ, со времени закона 19 мая 1893 г. составляетъ собственность горнозаводскаго населенія.

Вопросъ, такъ разнорѣчиво рѣшаемый практикою мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій, для населенія поссессіонныхъ округовъ представляетъ чрезвычайную важность. Камеры земскихъ начальниковъ въ этихъ округахъ завалены дѣлами о „самовольной“ порубкѣ мастеровыми лѣса на своей землѣ и объ ихъ попыткахъ охранить этотъ лѣсъ отъ истребленія его заводами. Какъ мы видѣли выше, одному земскому начальнику въ теченіе полугода пришлось разобрать 968 дѣлъ по нарушеніямъ лѣсного устава. Въ одномъ Нижне-Тагильскомъ поссессіонномъ округѣ ежегодно возникаетъ отъ 5 до 10 тысячъ такихъ дѣлъ. Между тѣмъ, разъ указанныя дѣйствія признаются преступленіемъ, они влекутъ за собою и тяжелую кару. По первымъ двумъ протоколамъ лѣсной стражи о „самовольной“ порубкѣ виновные платятся серьезными денежными штрафами, по третьему такому протоколу или въ случаяхъ сопротивленія рубкѣ лѣса заводами обвиненные подвергаются тюремному заключенію. Такъ какъ подобныя дѣла возникаютъ со времени составленія уставныхъ грамотъ, то мѣстные свѣдущіе люди высчитываютъ, что за все это время поссессіонные крестьяне за самовольную порубку лѣса на своихъ угодьяхъ въ общей сложности отсидѣли въ тюрьмахъ нѣсколько тысячъ лѣтъ и уплатили денежныхъ штрафовъ милліоны рублей. При такихъ условіяхъ, очевидно, не лишнее попытаться опредѣлить, какъ долженъ въ дѣйствительности рѣшаться вопросъ, несущій въ настоящее время съ собою столько хлопотъ, горя и тратъ для значительной группы населенія.

Общіе законы, устанавливающіе права крестьянъ на ихъ надѣльныя земли, не знаютъ какихъ-либо ограниченій во владѣніи произрастающимъ на этихъ земляхъ лѣсомъ и, напротивъ, ясно

говорятъ, что такой лѣсъ также находится въ полномъ и безусловномъ владѣніи крестьянъ. Ст. 100 мѣстнаго великорусскаго положенія указываетъ, что „крестьяне могутъ употреблять мірскую землю подъ посѣвы, насажденія, покосъ или пастбище, по своему усмотрѣнію". Между тѣмъ надѣльныя угодья поссессіонныхъ крестьянъ находятся въ ихъ фактическомъ владѣніи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. За это время крестьяне могли запустить свои угодья подъ лѣсъ и, дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ, ранѣе бывшихъ безлѣсными, лѣсъ выращенъ самими владѣльцами надѣловъ. Очевидно, такой лѣсъ, по прямому смыслу закона, является полной собственностью крестьянъ, которой никто не можетъ распоряжаться помимо ихъ согласія. Далѣе, въ ст. 29 того же положенія говорится: „лѣса не включаются въ составъ крестьянскаго надѣла, кромѣ случая, упоминаемаго въ ст. 30... но кустарникъ, находящійся на крестьянскихъ поляхъ, на покосахъ и пастбищахъ и состоявшій въ постоянномъ пользованіи крестьянъ, до утвержденія сего положенія, оставляется въ пользованіи крестьянъ и земля подъ онымъ полагается также въ счетъ крестьянскаго надѣла". Въ свою очередь ст. 30 гласитъ: „лѣсные участки, состоящіе въ постоянномъ пользованіи не всего міра, а отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ или семействъ, оставляются въ ихъ пользованіи, въ счетъ слѣдующаго имъ надѣла". Но поссессіонные крестьяне въ громадномъ большинствѣ случаевъ владѣютъ землею подворно. Слѣдовательно, они, помимо растущаго на поляхъ и пастбищахъ кустарника, должны получить въ постоянный надѣлъ и всѣ состоявшія въ ихъ постоянномъ пользованіи угодья, покрытыя лѣсомъ.

Если общимъ положеніямъ о крестьянахъ неизвѣстны ограниченія правъ послѣднихъ на владѣніе лѣсомъ, растущимъ на надѣльныхъ земляхъ, то не знаетъ такихъ ограниченій и спеціальный законъ 19 мая 1893 г., завершившій собою поземельное устройство поссессіонныхъ крестьянъ. Пермское губернское присутствіе, какъ мы видѣли, усматриваетъ доказательство подобнаго ограниченія въ ст. 4 названнаго закона, которой „мастеровымъ и сельскимъ работникамъ предоставляется пользованіе лѣсными матеріалами изъ поссессіонныхъ дачъ на основаніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 26 и 27 положенія о горнозаводскомъ населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ". Но дарованное закономъ мастеровымъ и сельскимъ работникамъ право пользоваться на извѣстныхъ условіяхъ лѣсомъ изъ поссессіонныхъ дачъ ни въ какомъ случаѣ, конечно, не заключаетъ и не можетъ заключать въ себѣ отрицанія либо ограниченія правъ названныхъ лицъ на лѣсъ, растущій на ихъ земельныхъ угодьяхъ. Съ другой стороны, законъ 19 мая 1893 г. не содержитъ въ себѣ ни малѣйшихъ указаній на какія-либо права заводоуправленій по отношенію къ этому лѣсу. Единственное право, которое онъ даетъ

заводоуправленіямъ по отношенію къ надѣламъ поссессіонныхъ крестьянъ, заключается въ разрѣшеніи до 19 мая 1908 г., когда эти надѣлы должны поступить въ полную собственность крестьянъ „производить на существующемъ основаніи развѣдку и разработку ископаемыхъ въ земельныхъ угодьяхъ, отводимыхъ мастеровымъ и сельскимъ работникамъ“. Ограничивая такимъ условіемъ права поссессіонныхъ крестьянъ на нѣдра ихъ надѣльныхъ угодій, законъ молчитъ о какомъ-либо ограниченіи правъ на поверхность этихъ угодій. Выводить исключительно изъ права заводоуправленій на развѣдку и разработку нѣдръ крестьянскихъ надѣловъ существованіе у заводовъ права „распоряжаться по своему усмотрѣнію“ и лѣсомъ, растущимъ на этихъ надѣлахъ, значило бы, очевидно, строить слишкомъ смѣлыя предположенія, совершенно не оправдываемыя дѣйствительнымъ содержаніемъ и смысломъ закона. Напротивъ, указанія на то, что въ числѣ земель, отходящихъ въ надѣлъ горнозаводскому населенію поссессіонныхъ округовъ, могутъ быть угодья, покрытыя лѣсомъ, имѣются и въ инструкціи о порядкѣ межевыхъ дѣйствій по закону 19 мая 1893 г. Въ § 15 этой инструкціи значится, что границы надѣла въ лѣсныхъ мѣстностяхъ обозначаются „ясными просѣками“.

Разбираемый вопросъ станетъ для насъ еще яснѣе, если мы обратимся къ исторіи выработки той редакціи, какую имѣетъ законъ 19 мая 1893 г. По первоначальному проекту этого закона, составленному временно управлявшимъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, предполагалось предоставить въ надѣлъ горнозаводскому населенію поссессіонныхъ округовъ „всѣ тѣ полевыя и луговыя угодья, находящіяся въ безлѣсныхъ мѣстахъ, коими люди эти дѣйствительно пользовались по 1 января 1893 г.“ Но соединенное присутствіе департаментовъ государственнаго совѣта отвергло эту редакцію по слѣдующимъ основаніямъ: „Кромѣ собственно лѣсныхъ площадей (лѣсовъ и куреней), съ разбросанными среди нихъ луговыми и полевыми участками, значительныя пространства этихъ дачъ бываютъ покрыты мелкимъ кустарникомъ, порослью и другими незначительными произрастаніями, не препятствующими веденію на нихъ нѣкоторыхъ видовъ сельско-хозяйственной культуры. Пространства сіи, будучи совершенно ненужными для заводскаго дѣйствія, не могутъ, однако, строго говоря, быть подведены подъ понятіе „безлѣсныхъ“. Поэтому включеніе въ обсуждаемое правило означеннаго выраженія могло бы послужить поводомъ къ лишенію мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ права получить въ надѣлъ угодья, которыми они пользуются нынче въ мѣстахъ упомянутой категоріи“ *). Приведенная цитата довольно ясно свидѣтельствуетъ, что госу-

*) Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія. Частное изданіе И. Л. Горемыкина, т. I, ч. 2, стр. 1282.

дарственный совѣтъ, при обсужденіи закона 19 мая 1893 г. считалъ справедливымъ порядокъ включенія въ надѣлъ мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ покрытыхъ лѣсомъ угодій, состоявшихъ въ ихъ постоянномъ пользованіи, и не предполагалъ возможности какого-либо ограниченія ихъ правъ на этотъ лѣсъ въ пользу заводоуправленій. Ограниченія послѣдняго рода, несомнѣнно, явились бы своего рода сервитутомъ. Между тѣмъ, согласно разъясненію правительствующаго сената, данному имъ 14 февраля 1890 г., „сервитутное пользованіе вообще допускается законодательствомъ только въ привислянскихъ, прибалтійскихъ и западныхъ губерніяхъ, а во внутреннихъ губерніяхъ установленіе вновь сервитутовъ противорѣчило бы какъ гражданскимъ законамъ, такъ и основаніямъ положеній 19 февраля 1861 года и высочайшаго указа 24 ноября 1866 г.“

Итакъ, ни въ положеніяхъ о крестьянахъ 19 февраля 1861 г., ни въ спеціальномъ законѣ 19 мая 1893 г. о поземельномъ устройствѣ поссессіонныхъ крестьянъ не имѣется никакихъ указаній на ограниченія ихъ правъ въ распоряженіи растущимъ на надѣльныхъ угодьяхъ лѣсомъ въ пользу заводоуправленій. Источника подобныхъ ограниченій, поскольку они примѣняются на практикѣ, очевидно, надо искать не въ законѣ. При такихъ условіяхъ единственнымъ источникомъ ихъ можетъ служить частное соглашеніе между заводоуправленіями и горнозаводскимъ населеніемъ поссессіонныхъ округовъ. На первый взглядъ, дѣло какъ будто и обстоитъ именно такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ нѣкоторыхъ поссессіонныхъ округахъ, въ томъ числѣ и въ округѣ Нижне-Тагильскихъ заводовъ, къ уставнымъ грамотамъ, составленнымъ еще въ 1862 г., приложены особыя условія. Пунктъ 7-й этихъ условій гласитъ: „лѣсъ, растущій на покосахъ, никто не можетъ рубить безъ дозволенія заводскаго начальства.“ На этомъ-то пунктѣ названныхъ условій заводоуправленія, а за ними и пермское губернское присутствіе, и основываютъ ограниченіе правъ поссессіонныхъ крестьянъ въ пользованіи лѣсомъ ихъ надѣльныхъ угодій. Совершенно очевидно, однако, что подобное условіе, касающееся лишь покосовъ, предоставленныхъ населенію по уставнымъ грамотамъ, не могло быть распространено на угодья, отходящія во владѣніе крестьянъ по закону 19 мая 1893 г. Съ другой стороны, согласно ст. 32 правилъ „о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ“, въ условія, прилагаемыя къ уставнымъ грамотамъ, допускалось вносить лишь такія сдѣлки, которыя имѣли срочный характеръ. Правило же объ обязанности мастеровыхъ не рубить лѣса на своихъ надѣльныхъ покосахъ безъ разрѣшенія заводскаго начальства подлежало бы, въ виду его безсрочности, внесенію въ самую уставную грамоту. Но, какъ ни серьезны эти соображенія сами по себѣ, въ данномъ случаѣ

они не имѣютъ большого значенія, такъ какъ и соглашенія, къ которому они могли бы быть примѣнены, въ дѣйствительности не существовало и не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, согласно ст. 36, 39 и 54 правилъ „о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ", всякія условія, прилагавшіяся владѣльцами къ уставнымъ грамотамъ, должны были быть подписаны крестьянами. Сверхъ того эти условія должны были быть засвидѣтельствованы въ присутствіи посторонних добросовѣстныхъ мировымъ посредникомъ, который при этомъ обязывался „удостовѣриться, что такія сдѣлки состоялись по добровольному соглашенію между обѣими сторонами и что всѣ условія сихъ сдѣлокъ вполнѣ извѣстны крестьянамъ" (ст. 85 и 86 „положенія о губ. и уѣздн. по крест. дѣламъ учрежденіяхъ"). Однако, на условіяхъ, о которыхъ шла рѣчь выше, нѣтъ подписей ни крестьянъ, которыхъ они касаются, ни постороннихъ добросовѣстныхъ, ни мирового посредника; подписаны они лишь заводоуправленіями. Разгадка этого обстоятельства очень проста. Названныя условія представляютъ собою лишь проектъ условій, въ свое время составленный заводскимъ начальствомъ, но не принятый крестьянами. Въ силу послѣдней причины этотъ проектъ не могъ и не долженъ былъ, конечно, получить никакого юридическаго значенія.

Но русская жизнь богата ироніей. Проектъ, лишенный всякаго подобія договора, въ теченіе сорока лѣтъ признается на Уралѣ за договоръ, имѣющій обязательную силу для горнозаводскаго населенія поссессіонныхъ округовъ и нарушеніе послѣднимъ этого мнимаго договора карается тяжелыми наказаніями, какъ дѣйствительное преступленіе. Такой порядокъ продолжается во многихъ поссессіонныхъ округахъ и въ настоящее время. Всѣ указанія на цитированные выше законы, сдѣланныя въ объясненіи земскаго начальника Иванова, не разубѣдили пермское губернское присутствіе въ правильности усвоеннаго имъ взгляда и оно, какъ мы видѣли, постановило особымъ циркуляромъ увѣдомить всѣхъ земскихъ начальниковъ Пермской губерніи, въ участкахъ которыхъ находится горнозаводское населеніе поссессіонныхъ заводовъ, что населеніе это „не имѣетъ права на произрастающій на ихъ надѣльныхъ угодьяхъ лѣсъ", тогда какъ „заводоуправленіе можетъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію". Легко представить себѣ, что земскіе начальники, впередъ освѣдомленные въ столь категорической формѣ о взглядѣ учрежденія, являющагося для нихъ послѣдней кассаціонной инстанціей, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ смогутъ въ своей судебной дѣятельности вполнѣ освободиться отъ воздѣйствія этого взгляда. Но, если даже отдѣльные земскіе начальники и успѣютъ въ этомъ, ихъ дѣйствія, какъ показываетъ исторія г. Иванова, все же не принесутъ съ собою особенно осязательныхъ результатовъ для

населенія. При существующихъ условіяхъ такіе результаты могутъ быть достигнуты лишь перенесеніемъ всего спорнаго вопроса изъ сферы дѣйствія мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій на болѣе широкую арену.

Надо надѣяться, что рано или поздно это случится и авторитетныя судебныя учрежденія разъяснятъ запутавшійся вопросъ. Но можно опасаться, какъ бы такое разъясненіе не пришло слишкомъ поздно. Существующій пока порядокъ даетъ заводоуправленіямъ полную возможность съ одной стороны — стѣснять мастеровыхъ въ пользованіи находящимся на ихъ надѣльныхъ угодьяхъ лѣсомъ, съ другой — расхищать этотъ лѣсъ на заводскія надобности. Съ того момента, какъ правильность этого порядка подверглась сомнѣнію въ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій, такое расхищеніе приняло особенно грандіозные размѣры. Заводы не только ревностно отстаиваютъ права, такъ долго признававшіяся за ними, но и спѣшатъ полнѣе эксплуатировать ихъ, безпощадно вырубая лѣсъ мастеровыхъ, нерѣдко въ теченіе долгихъ лѣтъ холеный и береженый послѣдними. Такъ, напримѣръ, главное управленіе Нижне-Тагильскихъ заводовъ отдало въ послѣднее время распоряженіе заготовлять дрова и уголь для заводскихъ надобностей исключительно изъ лѣса, находящагося на крестьянскихъ угодьяхъ. Но не трудно представить себѣ, какъ тяжело отзывается такой способъ дѣйствій заводоуправленій на интересахъ горнозаводскаго населенія поссессіонныхъ округовъ и какъ усложняетъ онъ дѣло поземельнаго устройства этого населенія.

Разсказанная исторія, при всей своей специфической окраскѣ, все же освѣщаетъ и такія стороны крестьянской жизни, которыя можно наблюдать не на одномъ только Уралѣ. Въ самомъ дѣлѣ, юридическое недоразумѣніе по поводу „самовольныхъ порубокъ мастеровыми и сельскими работниками лѣса, находящагося на ихъ надѣльныхъ угодьяхъ“, едва-ли могло бы возникнуть и держаться такъ долго внѣ связи съ условіями, выдѣлившими крестьянство изъ общихъ порядковъ гражданской жизни и создавшими для него специальную юрисдикцію. Но объ этихъ условіяхъ и ихъ значеніи мы разсчитываемъ поговорить въ другой разъ.

В. Мякотинъ.

Post-scriptum. Читатель, быть можетъ, помнитъ помѣщенное въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала „письмо въ редакцію“ г. Карабчевскаго. Въ этомъ письмѣ были, между прочимъ, такія строки: разсказывая о дѣлѣ Пастухова, „г. хроникеръ довольствуется сообщеніемъ „Нижегородскаго Листка“. Послѣдній, воспроизводя судебное разбирательство по дѣлу Пастухова, врядъ ли

могъ отрѣшиться отъ предвзятаго специфическаго его освѣщенія: еще до разбора дѣла эта газета трубила о виновности Пастухова въ умышленномъ убійствѣ. Это оказалось явнымъ вздоромъ". Въ своемъ отвѣтѣ г. Карабчевскому я указалъ на голословность этого обвиненія, но не разбиралъ его. Теперь „Ниж. Листокъ" самъ отвѣтилъ г. Карабчевскому, и я чувствую себя обязаннымъ передъ читателями „Р. Богатства", на страницахъ котораго какъ ни какъ появилось это обвиненіе, воспроизвести сущность отвѣта названной газеты. „Пусть,—говоритъ она,—читатели сами заключаютъ по слѣдующимъ цитатамъ изъ „Нижегор. Листка", кто „трубитъ явный вздоръ"—мы, или г. Карабчевскій. Въ № 169 отъ 22 іюня 1901 г. мы писали: „Никому не придетъ въ голову обвинять Пастухова въ умышленномъ убійствѣ, но нельзя не возмущаться поведеніемъ человѣка, который, охраняя для себя возможность забавляться, пускаетъ въ ходъ оружіе при обстановкѣ, при которой человѣкъ, менѣе думающій о себѣ, никогда не рѣшился бы даже и на холостой выстрѣлъ въ воздухъ". Въ № 171 отъ 24 іюня 1901 г. мы писали: „Мы объясняемъ происшествіе на Линдѣ возмутительной, непростительной неосторожностью г. Пастухова". И вотъ, не смотря на столь ясно и категорично высказанное нами мнѣніе, г. Карабчевскій всетаки утверждаетъ, что мы трубили о виновности Пастухова въ умышленномъ убійствѣ"... („Ниж. Л.", 14 мая 1902 г.). Съ своей стороны мнѣ нечего прибавить къ этому отвѣту.

В. М.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ с. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

от А. Ѳ. Саликовскаго изъ Каменецъ-Подольска . . . 10 р.
„ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ . . . . 30 р.

Итого . . 40 р.

А всего съ прежде поступившими 451 р. 25 к.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА

Общины Сестеръ Милосердія Краснаго Креста имени Ген.-Ад. М. П. ФОНЪ-КАУФМАНЪ.

Верейская, 8.

1. Въ Общину принимаются дѣвицы и женщины всѣхъ сословій христіанскихъ вѣроисповѣданій, окончившія курсъ гимназіи, епархіальнаго училища или другого среднеучебнаго заведенія, либо выдержавшія испытаніе соотвѣтствующаго курса, не моложе 18 и не старше 40 лѣтъ.

2. Способность ихъ къ труду опредѣляется врачемъ Общины, который, при поступленіи, свидѣтельствуетъ состояніе ихъ здоровья.

3. Желающія поступить въ Общину должны прислать, на имя Предсѣдательницы Комитета Общины, слѣдующіе документы:

1) *Прошеніе о принятіи въ Общину.*
2) *Метрическое свидѣтельство.*
3) *Видъ на жительство.*
4) *Свидѣтельство о политической благонадежности.*
5) *Свидѣтельство объ окончанія курса ученія.*
6) *Фотографическую карточку.*

4. Пріемъ въ Общину начинается съ 1-го Сентября.

5. Курсъ обученія практическаго и теоретическаго длится два года, не считая первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, когда поступившая числится испытуемой ученицей *), а по истеченіи этого срока, по представленію старшей сестры и главнаго врача Общины и съ утвержденія Предсѣдательницы, принимается въ сестры-ученицы.

6. Испытуемыя и сестры-ученицы обязаны подчиняться всѣмъ правиламъ, изложеннымъ въ инструкціи Общины.

7. Сестры-ученицы обязаны носить форменное платье при исполненіи своихъ обязанностей, а въ отпуску свое платье. Въ случаѣ крайней необходимости онѣ могутъ носить и форменное, но безъ знаковъ, присвоенныхъ ихъ званію **).

8. Сестра-ученица, желающая оставить Общину, безъ уважительной на то причины, какъ напримѣръ, семейныя обстоятельства или болѣзнь, должна заявить о своемъ намѣреніи старшей сестрѣ за недѣлю до дня своего выхода.

9. Испытуемая ученица или сестра-ученица, оказавшаяся непригодной, немедленно удаляется изъ Общины по соглашенію старшей сестры съ главнымъ врачемъ и съ утвержденія Предсѣдательницы.

10. Сестра-ученица пользуется ежегодно свободнымъ мѣсяцемъ въ теченіе лѣта.

---

*) Испытуемая ученица можетъ отказаться по желанію, но, отказавшись, немедленно оставляетъ общину.

**) Передникъ и косынка.

11. Больная сестра-ученица пользуется безплатнымъ лѣченіемъ.

12. Сестры-ученицы, поступающія въ Общину, принимаются въ нее въ качествѣ: а) платныхъ ученицъ, б) стипендіатокъ Комитета и в) полустипендіатокъ.

а) Платная испытуемая ученица и сестра-ученица вносятъ ежегодно 250 руб., изъ коихъ 200 руб. при поступленіи, а 50 руб. по окончаніи перваго полугодія. На второй годъ плата распредѣляется поровну на оба полугодія (по 125 руб. за каждое). Если матеріальное положеніе сестры-ученицы не позволяетъ ей сразу внести 200 руб., то плата распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 75 руб. при поступленіи, 75 руб. по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ и 100 руб. въ теченіе второго полугодія. Кромѣ того, сестрѣ-ученицѣ, пробывшей годъ въ Общинѣ и не имѣющей возможности уплатить за второй годъ своего обученія, предоставляется право обращаться къ Предсѣдательницѣ съ просьбой исходатайствовать у Правленія Комитетавнести за нее установленную плату.

б) Стипендіатки ничего не платятъ, но, по окончаніи обученія, обязаны оставаться въ распоряженіи Комитета въ теченіе 5 лѣтъ.

в) Полустипендіатки вносятъ ежегодно 100 руб. и, по окончаніи обученія, обязаны пробыть въ распоряженіи Комитета 3 года.

13. По окончаніи курса обученія, сестра-ученица, выдержавшая выпускной экзаменъ, удостаивается званія сестры Краснаго Креста и получаетъ право носить знакъ Краснаго Креста на передникѣ. (Пока она находится въ общинѣ).

Поступивши въ распоряженіе Комитета, она либо остается въ Общинѣ, либо командируется въ другія учрежденія, или къ частнымъ лицамъ по усмотрѣнію Правленія. Къ экзамену ей выдается форменное платье. На обмундированіе и личные свои расходы она получаетъ 20 руб. въ мѣсяцъ, при пищевомъ довольствіи и квартирѣ. По истеченіи 10-лѣтней службы, эта сумма доходитъ до 25 руб. въ мѣсяцъ.

Примѣчаніе. Свидѣтельство объ успѣшной подготовкѣ дается не ранѣе, какъ по истеченіи одного года практической работы въ Общинѣ или въ качествѣ сестры милосердія.

14. Въ случаѣ болѣзни сестра пользуется даровымъ лѣченіемъ, но лишается обмундированія, если болѣзнь длится болѣе мѣсяца.

15. Права на пенсію выслужившихся сестеръ будутъ распредѣлены по общимъ правиламъ Россійскаго Общества Краснаго Креста и Вѣдомства Императрицы Маріи.

16. Денежныя пожертвованія, получаемыя сестрами сверхъ назначеннаго имъ содержанія отъ Общины, поступаютъ въ Общину и служатъ для улучшенія матеріальнаго положенія сестеръ и облегченія ихъ будущности.

Редакторы-Издатели: { ***Вл. Г. Короленко.*** / ***Н. К. Михайловскій.*** }

Дозв. ценз. Спб., 25 іюня 1902 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.

